

Дриск

СИГМАЛ

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ ЛЮБОВЬ

Annotation

Лора и Барни знали друг друга с самого детства. Они вместе росли и взрослели, вместе мечтали о том, что станут врачами и посвятят свою жизнь благородному служению людям. Их дружба тоже росла и крепла, несмотря на то, что жизнь развела их по разным городам. Они знали друг о друге все, начиная с семейных секретов и кончая подробностями любовных романов. Но кое-что все-таки оставалось тайной для них обоих...

- [Эрик Сигал](#)
  - [Пролог](#)
  - [I](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
  - [II](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [III](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)

■ [56](#)

○ [Об авторе](#)

● [notes](#)

○ [1](#)

○ [2](#)

○ [3](#)

○ [4](#)

○ [5](#)

○ [6](#)

○ [7](#)

○ [8](#)

○ [9](#)

○ [10](#)

○ [11](#)

○ [12](#)

○ [13](#)

○ [14](#)

○ [15](#)

○ [16](#)

○ [17](#)

○ [18](#)

○ [19](#)

○ [20](#)

○ [21](#)

○ [22](#)

○ [23](#)

○ [24](#)

○ [25](#)

○ [26](#)

○ [27](#)

○ [28](#)

○ [29](#)

○ [30](#)

○ [31](#)

○ [32](#)

○ [33](#)

○ [34](#)

- [35](#)
  - [36](#)
-

Эрик Сигал

Исцеляющая любовь

*Самый
фундаментальный
принцип медицины
есть любовь.*

*Парацельс (1493–
1541). «Великое
искусство
хирургии»*

Пролог

Среди них был только один темнокожий. И всего пять женщин.

Были яркие таланты, почти гении. Были гении, почти безумцы. Один имел за плечами опыт сольного виолончельного концерта в Карнеги-холле, другой целый год выступал в профессиональной баскетбольной лиге. Шестеро пробовали себя на литературном поприще, двое из них даже опубликовали по книге. Был один несостоявшийся священник. И недавний заключенный колонии для малолетних правонарушителей. И все они были до смерти напуганы.

В это ясное сентябрьское утро 1958 года они собрались в зале «D» медицинского факультета Гарвардского университета на торжественный сбор первокурсников. Им предстояло выслушать приветственное слово декана Кортни Холмса.

Черты его лица напоминали изображение на древнеримской монете. А манера держаться наводила на мысль, что в момент появления на свет его соединяла с материнской утробой не пуповина, а цепочка золотых часов.

Призывать к тишине ему не пришлось. Одна улыбка — и аудитория смолкла.

— Джентльмены! — начал декан. — Сегодня вы вместе пускаетесь в путешествие по просторам медицинской науки. На этом пути вам предстоят собственные открытия в малоизученном мире страданий и недугов. Кому-то из сидящих в этом зале, быть может, суждено найти средство от лейкемии, диабета, красной волчанки и раковых опухолей, разрастающихся подобно многоглавой гидре...

Он выдержал идеально рассчитанную театральную паузу.

— ...а возможно, и от обыкновенной простуды.

В зале раздался одобрительный смех.

Седовласый декан наклонил голову, что, по всей видимости, означало глубокую задумчивость. Студенты, затаив дыхание, ждали, что будет дальше.

Когда декан наконец продолжил свою речь, голос его звучал тише и на октаву ниже.

— Позвольте мне в завершение своего напутствия поведать вам одну тайну, которую мне столь же неловко вам открывать, как вам —

выслушивать.

Он повернулся к доске и что-то написал.

Две цифры — двойку и шестерку.

По рядам пробежал недоуменный ропот.

Холмс дождался тишины, набрал в легкие побольше воздуха и устремил взор в середину притихшего зала.

— Джентльмены, призываю вас высечь на скрижалях вашей памяти: в мире существуют тысячи заболеваний, но наука под названием медицина умеет лечить из них только двадцать шесть. Все остальное — наугад.

На этом речь декана была окончена. По-военному подтянутый, он сошел с подиума пружинящей походкой спортсмена и покинул зал.

Пораженная аудитория даже не аплодировала.

I

Пора невинности

Барни Ливингстон первым из всего Бруклина увидел Лору Кастельяно голой.

Как-то августовским утром пятилетний Барни бесцельно шатался по двору, когда его вдруг окликнул незнакомый голос:

— Привет!

Он обернулся в сторону соседского участка. Из-за ограды на него смотрела маленькая белокурая девочка примерно его возраста. Он вдруг ощутил укол тоски по прежним соседям. В той семье был мальчик Марри, потрясающе игравший в мини-бейсбол. А у новых соседей, он слышал, вообще нет сына.

Поэтому Барни был крайне удивлен, когда, представившись, Лора предложила ему сыграть в мяч. Он неуверенно пожал плечами и пошел за своим «инвентарем».

Когда через минуту он вернулся, сжимая в руке небольшой резиновый мячик цвета розовой жевательной резинки, девочка уже стояла посреди их двора.

— Как ты сюда попала? — спросил он.

— А, перелезла через забор, — небрежно отмахнулась та. — Давай-ка начинай, бей повыше!

Естественно, Барни был несколько ошарашен происходящим, и потому бросок у него не получился, зато Лора ловким движением поймала мяч и с силой отбила его. Больше всего Барни поразило то, что Лора, по-видимому, с легкостью перемахнула через забор, который Марри преодолеть без посторонней помощи не мог, а ведь ему было целых семь лет!

Через полчаса разгоряченный игрой Барни пришел к выводу, что Лора прекрасно может заменить ему товарища по играм. Он полез в карман, достал пачку из-под сигарет «Лаки страйк» и протянул соседке.

— Нет, спасибо, — отказалась та. — Папа говорит, у меня на шоколад аллергия.

— Что такое аллергия?

— Точно не знаю, — призналась девочка. — Лучше нам спросить у моего *paracito*^[1]. Он врач.

И тут ее осенило.

— Послушай, давай сыграем в больницу? Я буду доктор, а ты — пациент. Потом поменяемся.

— А как играть?

— Ну, сначала я тебя «обследую», потом — ты меня.

— Да ну, это скучно...

— Для этого надо будет раздеться.

— Правда?

Быть может, это не так уж и скучно!

Приемную устроили под старым дубом в дальнем углу сада Ливингстонов. Лора велела Барни снять полосатую рубашку поло, чтобы она могла его прослушать. «Обследовать». Это было проделано с помощью воображаемого стетоскопа.

— А теперьними штаны!

— Зачем?

— Давай же, Барни, играй!

Он нехотя выступил из голубых шорт и теперь стоял в одних трусах, чувствуя себя довольно глупо.

— И это снимай! — приказала юная докторша.

Барни воровато оглянулся, дабы убедиться, что за ними не смотрят из дома, после чего снял с себя последний предмет одежды.

Лора внимательно его оглядела, уделив особое внимание маленькой висюльке между ног.

— Это мой краник, — пояснил Барни с некоторой гордостью.

— Больше похоже на пенис, — заявила она тоном специалиста. — Ладно, все в порядке. Можешь одеваться.

Он с готовностью повиновался, после чего Лора спросила:

— А теперь во что будем играть?

— Нечестно! Теперь моя очередь быть доктором!

— Пожалуйста.

Через мгновение она стояла перед ним совершенно раздетая.

— Ой, Лора, а что случилось с твоим... Ну, ты знаешь...

— У меня его нет, — задумчиво ответила девочка.

— Это как это? Почему?

В этот момент раздался требовательный голос:

— Ба-а-арни! Ты где?

Это мама звала его с заднего крыльца. Он поспешно прервал беседу и высунулся из-за дерева.

— Мам, я тут!

— Что ты там делаешь?

— Играю. С одним человеком.

— С кем же?

— С девочкой Лорой. Из того дома.

— А, новые соседи... Спроси, не хочет ли она молока с печеньем.

Из-за дерева показалось невинное личико.

— А какое печенье? — весело уточнила Лора.

— «Ореос» и «Фиг ньютоне», — с улыбкой пояснила миссис Ливингстон. — Ох ты, какая миленькая!

Это был рай их детства под названием Бруклин, наполненный радостными звуками — звоном трамваев, смешанным с позвякиванием колокольчиков на тележках с мороженым. А больше всего — смехом детей, играющих в дворовые разновидности бейсбола и баскетбола — и даже в хоккей на роликовых коньках прямо посреди улицы.

Шел 1942 год, и американцы были вовлечены в войну на три фронта: в Европе — против нацистов, на Тихом океане против полчищ японцев и дома, против Управления регулирования цен. Этот орган президент Рузвельт учредил специально для нормирования гражданского потребления товаров и продуктов первой необходимости, чтобы обеспечить всем лучшим своих солдат.

Так что, пока маршал Монтгомери воевал с Роммелем при Эль-Аламейне, а генерал-майор Джимми Дулитл бомбил Токио, в Бруклине Эстел Ливингстон билась за дополнительные мясные карточки, силясь обеспечить полноценное питание двум своим быстро растущим сыновьям.

Ее муж Харольд был призван на фронт год назад. Преподаватель латыни в старших классах школы, теперь он находился на военной базе в Калифорнии, где изучал японский. Своей семье он мог только сообщить, что служит в разведке. И это было закономерно, как объяснила детям Эстел, ведь в разведку всегда берут самых умных и образованных, а их папа как раз такой и есть.

По необъяснимой причине отец Лоры доктор Луис Кастельяно вообще не был призван.

— Барни, эта Лора — хорошая девочка? — спросила Эстел, запихивая в рот Уоррену, младшему сыну, очередную ложку каши.

— Очень даже. Мяч здорово ловит! Только говорит как-то смешно.

Это оттого, что их семья приехала из Испании, дорогой. Им пришлось отсюда бежать.

— Почему?

— Потому что плохие люди, которые называются фашистами, их невзлюбили. Поэтому наш папа сейчас и в армии. Чтобы победить этих фашистов!

— А у папы есть ружье?

— Не знаю. Но уверена, если оно ему понадобится, президент Рузвельт позаботится, чтобы оно у него было.

— Это хорошо! Тогда папа сможет всем плохим стрелнуть в пенис.

Библиотекарь по профессии, Эстел всей душой была за расширение словарного запаса сына. Но последнее его приобретение ошеломило ее.

— Дорогой, кто это тебе рассказал про пенисы? — как можно небрежнее поинтересовалась она.

— Лора. Ее папа — доктор. Хотя у нее самой его нет.

— Чего, детка?

— У Лоры нет пениса. Я ей сначала не поверил, но она мне показала.

Эстел лишилась дара речи. Она была в состоянии лишь размешивать кашу в тарелке и гадать, что же еще ему удалось узнать.

Со временем Барни и Лора перешли к более содержательным играм. Вроде «ковбоев и индейцев» или «янки и джерри» (то есть «японцев»). Они демократично менялись ролями, и каждый день «плохим» становился тот, кто накануне был «хорошим».

Минул год. Союзные войска осуществляли вторжение в Италию, а на Тихом океане янки отвоевывали назад Соломоновы острова.

Однажды брат Барни Уоррен проснулся посреди ночи с диким ревом. Температура у него была под сорок. Опасаясь самого страшного летнего бича полиомиелита, Эстел мгновенно завернула покрытого испариной ребенка в махровую простыню и понесла к соседям, чтобы

показать доктору Кастельяно. Барни, перепуганный и смущенный, плелся сзади.

Луис еще не ложился. Он сидел в своем захламленном кабинете и читал какой-то медицинский журнал. Он ринулся мыть руки, после чего приступил к обследованию ребенка. Его крупные волосатые руки действовали на удивление проворно и аккуратно. Барни с благоговением наблюдал, как доктор смотрит Уоррену горло, затем выслушивает легкие, одновременно стараясь успокоить больного малыша.

— Ничего страшного, — шептал он, — ты для меня просто вдохни и выдохни, хорошо, *pino*? [2]

Инес Кастельяно тем временем быстро принесла тазик с холодной водой и губку.

Эстел от ужаса онемела, а Барни вцепился в цветастый халат матери. Наконец она набралась смелости и спросила:

— Это... не...

— *Calmate*[3], Эстелла, это не полиомиелит. Видите — у него скарлатинозная сыпь на груди? И на языке сосочки красные и увеличены. Это называется «алый язык». У мальчика скарлатина.

— Но это ведь тоже не шутки...

— Совершенно верно, поэтому нам необходимо раздобыть рецепт на какой-нибудь сульфаниламидный препарат. Скажем, пронтосил.

— А вы разве не...

Луис, стиснув зубы, объяснил:

— Я не имею права выписывать рецепты. У меня нет лицензии на медицинскую практику в этой стране. Как бы то ни было, едем. Барни побудет здесь, а мы тем временем возьмем такси и поедем в клинику.

По дороге в госпиталь Луис держал малыша Уоррена на руках и все время протирал ему шею и лоб влажной губкой. От его уверенных действий Эстел стало легче. Но то, что она от него услышала, не укладывалось у нее в голове.

— Луис, а я ведь думала, вы врач! Вы разве не в клинике работаете?

— Да, в лаборатории. Делаю анализы крови и мочи[4], — После паузы он добавил: — На родине я был врачом. И, смею думать, неплохим. Когда мы сюда приехали пять лет назад, я как безумный зубрил английский, перечитал все медицинские учебники и сдал

экзамены. Но Госуправление все равно отказало мне в лицензии. По-видимому, для них я — опасный чужак. В Испании я принадлежал не к той партии.

— Но вы же сражались с фашистами!

— Да, но я был социалистом. А в Америке это почти синоним неблагонадежности.

— Безобразия!

— Bueno^[5], могло быть и хуже.

— Куда уж хуже!

— Например, Франко мог меня арестовать.

В клинике диагноз Луиса немедленно подтвердился, и Уоррену дали рекомендованное им лекарство. После этого сестры обтерли мальчика с ног до головы смоченными в спирте губками, чтобы сбить температуру. К половине шестого утра ему полегчало настолько, что его можно было везти домой. Луис проводил Эстел с мальчиком до такси.

— А вы разве не едете? — удивилась она.

— Нет. No vale la репа^[6]. Мне в семь надо быть в лаборатории. Останусь тут, может, удастся вздремнуть в приемном покое.

— Мам, а как я очутился в своей кровати?

— Солнышко, когда мы вернулись, было уже очень поздно, и ты спал на кушетке у Кастельяно. Мы с Инес отнесли вас с Уорреном домой.

— А с Уорреном все в порядке? — Барни еще не виделся с братом после больницы.

Эстел кивнула:

— Слава богу, у нас рядом есть доктор Кастельяно! Нам повезло с соседями!

На какую-то долю секунды Барни почувствовал зависть. У Лоры отец был не на войне, а дома. Порой он так скучал по отцу, что ощущал прямо-таки физическую боль.

Он ясно помнил тот день, когда отец уходил. Харольд поднял его и так сильно прижал к себе, что мальчик ощутил запах табака. И сейчас при виде закуривающего мужчину на Барни всякий раз накатывала тоска.

Но небольшое утешение у него все же было. В одном из окон на фасаде их дома красовался небольшой треугольный флажок с синей звездой по белому полю. По этому вымпелу всякий прохожий мог определить, что кто-то из членов семьи сейчас сражается за родину. На некоторых домах таких флажков было два, а то и три.

Как-то в декабре, возвращаясь вечером из кондитерской лавки, где братья Ливингстоны купили себе на пять центов «Тутси-ролс», Уоррен заметил на окне дома мистера и миссис Кан нечто необычное — на вымпеле фронтовика красовалась золотая звезда.

— Мам, а почему у них флажок красивее, чем у нас? — спросил он за ужином.

Эстел замялась, но потом тихо сказала:

— Потому что их сын... проявил особую доблесть.

— Думаешь, папе тоже такую дадут?

Чувствуя, что бледнеет, Эстел все же нашла в себе силы небрежно ответить:

— Понимаешь, малыш, этого никто не может знать заранее. Давай-ка ты лучше ешь брокколи.

Уложив детей спать, она вдруг сообразила, что на протяжении всего этого разговора Барни не издал ни звука. Может быть, он догадался, что Артур Кан, единственный сын в семье, пал в бою?

Потом, сидя в одиночестве за кухонным столом и изо всех сил внушая себе, что пьет не суррогат, а настоящий бразильский кофе, Эстел снова и снова припоминала неоднократные уверения Харольда, что ему, как переводчику, не придется подвергать себя опасности. («Радость моя, в переводчиков не стреляют!») Но разве не могло быть так, что из соображений безопасности он просто не называет ей своего настоящего местонахождения? Не было дня, чтобы какая-нибудь бруклинская семья не получала похоронки.

Тут Эстел услышала голос старшего сына. В нем звучали любовь и желание утешить.

— Мам, пожалуйста, не волнуйся! Он вернется.

Он стоял на пороге кухни в пижаме с физиономиями Микки-Мауса и в свои шесть с половиной лет пытался по собственной инициативе утешить мать. Она с улыбкой посмотрела на сына.

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю? — удивилась она.

— В школе все знают про Арти Кана. Я даже видел, как одна училка плакала. Я раньше ничего не говорил, чтобы не пугать Уоррена. Но с папой все будет в порядке, обещаю тебе.

Откуда у тебя такая уверенность?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Но если ты будешь беспокоиться, то станешь еще печальнее.

— Ты прав, Барни.

Она крепко обняла мальчика.

И тут ее утешитель резко переменял тему:

— Мам, а можно мне печеньице съесть?

1944 год был годом выдающимся. Войска союзников освободили Рим и Париж, а Франклин Делано Рузвельт — беспрецедентный случай — был переизбран на беспрецедентный четвертый срок. Спустя некоторое время американские войска освободили Гуам. Харольд Ливингстон позвонил домой аж из Калифорнии, чтобы сообщить, что его перебрасывают за океан. Куда точно, он сказать не мог, пояснил только, что от него ждут помощи в допросах японских военнопленных. Следующую весточку он обещал прислать по так называемой V-почте. Это были плохо читаемые миниатюрные послания, которые фотографировались на микроплёнку и печатались на вощенной серой бумаге.

Для Луиса Кастельяно этот год стал поворотным. Государственное медицинское управление пересмотрело свое решение и признало испанского иммигранта годным к врачебной практике в Соединенных Штатах Америки.

Несмотря на переполнявшее его чувство удовлетворения, Луис осознавал, что чиновники от медицины в этом решении руководствовались не столько его достоинствами, сколько тем обстоятельством, что практически все дееспособные врачи уже были в армии. Они с Инес быстро переоборудовали спальню первого этажа под кабинет. Луис взял в сберегательном банке «Дайм-Сейвингс» ссуду на приобретение рентгеновского аппарата.

— *Raracito*, а это для чего? — спросила трехлетняя Исабель, пока все четверо юных зевак с интересом наблюдали за установкой аппаратуры.

— Я знаю! — вызвался Барни. — Это чтобы заглядывать людям внутрь, правда, доктор Кастельяно?

— Ты угадал, мой мальчик, — кивнул тот и погладил Барни по голове. — Но у хорошего врача и без этого есть инструмент, чтобы, как ты говоришь, заглядывать людям внутрь. — Он показал на свой лоб. — Величайшим диагностическим инструментом в человеческом арсенале по-прежнему остается мозг.

Репутация Луиса быстро укреплялась, а вместе с ней ширилась и его практика. Он получил статус клинического специалиста и теперь мог отправлять анализы своих пациентов в ту самую лабораторию, где еще недавно собственноручно мыл пробирки.

Иногда, в качестве особого поощрения, детям разрешалось войти в его святая святых. Барни и Лоре позволялось трогать некоторые инструменты и осматривать в отоскоп уши младших — Уоррена и Исабель, а те, в свою очередь, могли послушать им легкие с помощью стетоскопа.

Соседи так сроднились, что стали почти одной семьей. Особую признательность к соседям питала Эстел Ливингстон. У нее, кроме матери, родственников не было, и если не удавалось пригласить няньку, бабушка вынуждена была приезжать на метро из Куинса и сидеть с внуками, пока Эстел работала в своей библиотеке.

Но Эстел понимала, что мальчикам необходимо мужское влияние, и не удивлялась, что со временем Барни и Уоррен стали прямо-таки боготворить сурового здоровяка доктора. Луис, со своей стороны, как будто тоже находил удовольствие в том, что у него появилось двое «сыновей».

Эстел и Инес по-настоящему сдружились. Каждый вторник они вдвоем выходили на ночное дежурство и обходили безмолвные, погруженные во мрак улицы, проверяя, во всех ли окнах погашен свет. И время от времени взглядывая на небо — не летят ли вражеские бомбардировщики?

Инес в сумерках чувствовала себя свободнее и легче посвящала подругу в свои раздумья.

Как-то раз, когда Эстел, без всякой задней мысли, спросила, не очень ли тяготят Инес бессонные ночи, та, к ее удивлению, ответила:

— Наоборот! Эти ночи напоминают мне о старых добрых временах. Вот только винтовки у меня теперь нет.

— И ты правда воевала?

— Да, amiga^[7], и женщин среди нас имелось немало. Потому что у Франко была не только вся регулярная армия Испании, но и наемники из Марокко, которым он платил за их грязную работу. Для нас единственной возможной тактикой было внезапно напасть и моментально скрыться. Этих мясников было пруд пруди! Могу с гордостью сообщить, что нескольких я уложила своими руками.

Тут она сообразила, что ее подруга потрясена до глубины души.

— Постарайся понять, — продолжила Инес, — ведь эти негодяи даже детей не щадили!

— Гммм... Кажется, понимаю, — неуверенно проговорила Эстел, пытаясь примириться с мыслью, что эта женщина с таким нежным голосом убивала себе подобных.

По иронии судьбы и отец, и мать Инес были твердокаменными сторонниками не просто Франко, но и «Опус Деи» — этой церкви внутри церкви, которая поддерживала диктатуру. Когда их единственная дочь, проникнувшись социалистическим идеализмом, ушла из дома и вступила в республиканское ополчение, они ее прокляли и отреклись от нее.

— У меня не было ни единой родной души — только моя винтовка и правое дело. Так что, можно сказать, та пуля оказалась для меня счастливой.

«Какая пуля?» — мысленно удивилась Эстел. Объяснение не заставило себя ждать.

Во время осады Малаги Инес с несколькими товарищами попала в засаду по дороге на Пуэрта-Реал. Когда к ней вернулось сознание, она увидела перед собой небритое лицо коренастого молодого доктора, представившегося как камарад Луис.

— Он уже тогда был личностью! На нас, конечно, была униформа, но Луис, казалось, все делал для того, чтобы выглядеть как крестьянин. — Она рассмеялась. — Мне казалось, он ни минуты не сидит на месте. Раненых было так много! Как только я смогла встать, я стала ему помогать. Он мог работать все дни напролет и не терять чувства юмора. По сути дела, это было единственное богатство, с которым мы бежали. И только мы успели перебраться через французскую границу, как ее закрыли.

Когда начался учебный год, Барни и Лора попали в один класс средней школы № 148. Третий класс. Удивительно, но, оказавшись в обществе тридцати незнакомых детей, они сблизились еще больше. Лора вдруг обнаружила в лице Барни очень ценного друга — он уже умел читать.

По сути дела, в свое время Эстел и Харольда Ливингстона свела именно любовь к книгам. С того дня, как их сыну исполнилось три, они по очереди давали Барни уроки чтения. В порядке вознаграждения ему читались вслух главы из «Греческой мифологии» Буллфинча либо что-нибудь из «Детского цветника стихов» Стивенсона. И родительская тактика дала плоды. Барни питал к книгам не меньшую страсть, чем к ванильным вафлям «Набиско».

Поэтому теперь он имел возможность сидеть на крыльце дома и вести Лору по лабиринтам детской классики.

Но со временем Барни потребовал ответных услуг.

Надень рождения — ему исполнялось семь — мама подарила ему комплект для игры в баскетбол, в который входило кольцо с настоящей сеткой, издававшей упоительный свистящий звук, если послать мяч точно в цель. Вечером накануне торжества Луис Кастельяно с риском для жизни прибил щит к соседскому дубу строго на предусмотренную правилами высоту — три метра.

Барни издал восторженный вопль и объявил:

— Лора, будешь меня тренировать. Ты моя должница!

Роль соседки заключалась в том, чтобы изображать защитника другой команды и пытаться под кольцом заблокировать броски Барни. К его удивлению, по кольцу она била с не меньшей меткостью, чем он сам. И хотя он продолжал тянуться вверх, Лора все равно опережала его в росте.

В мае 1945 года Германия капитулировала, а к концу лета сдались и японцы. Наверное, ни одна другая семья так не радовалась этому известию, как Ливингстоны в своем доме на Линкольн-плейс, где Барни, Уоррен и Эстел принялись дружно маршировать по кухне, распевая: «Папа торжественным маршем скоро вернется с войны». Они не видели своего отца уже больше трех лет.

И Харольд Ливингстон вернулся. Но не торжественным маршем. По правде говоря, он переставлял ноги медленно и как-то неуверенно.

Эстел и оба мальчика, затаив дыхание, стояли на перроне, дожидаясь, когда подойдет эшелон, а со всех сторон их толкала и пихала возбужденная толпа. Некоторые фронтовики, не дожидаясь полной остановки поезда, соскакивали на платформу и бегом мчались навстречу своим любимым.

Барни стоял на цыпочках. Но человека, который напомнил бы отца, столь часто являвшегося ему во сне, среди Солдат не было.

И тут мама закричала:

— Вон он! Он там!

Она махала какому-то человеку в дальнем конце перрона, а Барни смотрел в ту сторону, но никого не видел. Точнее сказать, никого, кто был бы похож на Харольда Ливингстона, каким он его помнил.

Он видел заурядного мужчину среднего роста с залысиной на лбу. Какого-то бледного, тощего и усталого.

«Она ошиблась, — мелькнуло у него, — это не папа. Это не может быть папа!»

Эстел перестала сдерживать себя. Она закричала: «Харольд!» — и бросилась в его объятия.

Барни остался на месте, крепко держа за руку Уоррена, и смотрел на мать. Он вдруг подумал, что она впервые в жизни бросила их вот так, одних.

— Это наш папа? — спросил маленький Уоррен.

— Судя по всему, — ответил Барни, еще не вполне придя в себя.

— А ты ведь говорил, что он больше доктора Кастельяно!

Барни чуть не сказал: «Я и сам так думал».

И вот их снова четверо, и Эстел держит мужа за руку.

— Барни, Уоррен, как выросли-то! — с гордостью воскликнул Харольд Ливингстон и обнял старшего сына. Барни узнал знакомый запах сигарет.

Каким-то чудом, несмотря на столпотворение, им удалось найти такси. Шофер был настроен в высшей степени патриотично.

— С возвращением, герой! — поприветствовал он. — Что скажешь? Показали мы им, фрицам? — возбужденно воскликнул таксист.

— Мой муж служил на Тихом океане, — с гордостью поправила его Эстел.

— А-а, не все ли равно — нацисты, япошки? Все они грязные подонки! Скажите мужу: он — молодец!

— А ты кого-нибудь убил? — с надеждой спросил Уоррен.

Харольд ответил с расстановкой:

— Нет, сынок, я только помогал допрашивать пленных. — Голос у него дрогнул.

— Не надо скромничать, приятель! Дай ребятишкам тобой погордиться! Ты наверняка достаточно повоевал, зря, что ли, тебя «Пурпурным сердцем» наградили? Здорово ранили, а, парень?

У Барни с Уорреном округлились глаза, а отец без всякого пафоса ответил:

— Да нет, ничего особенного. Снаряд упал рядом с нашей палаткой. Какое-то время я ходил с контузией, но теперь годен на все сто! Надо было мне снять эти побрякушки. Самое главное, что мы снова вместе!

Но его слова лишь укрепили Эстел в подозрениях, возникших при первом взгляде на мужа еще на вокзале: со здоровьем у него было не все в порядке.

Луис Кастельяно ждал у окна. Как только к дому Ливингстонов подъехало такси, все Кастельяно вывалили на улицу, и Луис сжал соседа в своих медвежьих объятиях.

— Я столько раз говорил с твоей фотографией на камине, что ты мне давно как брат!

Этот вечер навечно запечатлелся в памяти Барни. Он находился в дальней от родительской спальни части коридора, но отчетливо слышал их голоса.

Мама как будто всплакнула и все твердила: «Харольд, ты можешь мне объяснить: что значит „недееспособность на тридцать процентов“?»

В голосе ее звучал то гнев, то отчаяние. Отец вроде бы пытался ее успокоить. «Ничего страшного, родная. Клянусь, причин для беспокойства нет!»

Потом все стихло. Из родительской комнаты не доносилось *никаких* звуков. Барни в недоумении уставился на дверь.

За завтраком он внимательно изучал физиономии родителей, пытаясь определить, что же, в конце концов, между ними произошло прошлым вечером. И, глядя, как его мать хлопчет вокруг почти чужого человека, он испытывал странные и необъяснимые чувства. Он зашел за Лорой пораньше, чтобы успеть хорошенько поболтать по дороге в школу.

Как только они остались вдвоем, он признался:

— Я боюсь. Что-то с моим отцом не то, а что — понять не могу. Но мне кажется, он нездоров.

— Я знаю.

— Ты *знаешь*?

— Вчера вечером, когда мы пришли домой, папа отвел маму к себе в кабинет и стал ей что-то объяснять насчет болезни под названием *neurosis de guerra*^[8].

— А как это по-английски? — в нетерпении спросил Барни.

— Барн, я и по-испански-то этого не понимаю, — призналась девочка.

В четыре часа пополудни, когда Эстел Ливингстон сидела за стойкой выдачи книг в бруклинской публичной библиотеке, она, подняв глаза, вдруг увидела Барни и Лору. Дети усиленно шарили по полкам с медицинской литературой. Она отозвала их в кабинет, чтобы поговорить без посторонних.

— Пожалуйста, не нужно так волноваться! — сказала она, стараясь придать своему голосу бодрую интонацию. — Он не был ранен. У него всего лишь невроз военного времени средней тяжести. Рядом с ним разорвалась мощная бомба, а это сразу не проходит. Но в следующем семестре он уже опять сможет преподавать.

Она перевела дух и спросила:

— Ну что, теперь вам полегчало?

Оба молча кивнули. И быстро удалились.

Осенью, как Эстел и обещала, Харольд Ливингстон вернулся к своим учительским обязанностям в Эразмус-холле. И как прежде, слушатели находили его обаятельным и остроумным. В его устах даже «Записки о Галльской войне» Цезаря были интересны. И всю классическую литературу он, казалось, помнил наизусть.

Вместе с тем он постоянно забывал по дороге домой зайти в магазин, даже если Эстел пихала ему в нагрудный карман список необходимых покупок.

С того самого дня, как у него появился баскетбольный щит, Барни мечтал сыграть на пару с отцом.

— Ты видел щит, который доктор Кастельяно повесил у нас во дворе на дубе? — небрежно спросил он отца однажды в субботу. Это была своего рода прелюдия.

— Видел, — ответил Харольд. — Вполне профессиональный щит.

— Не хочешь покидать мяч со мной и Уорреном?

Харольд вздохнул и мягко произнес:

— Да боюсь, у меня сил не хватит. Вы же станете носиться как угорелые! Но посмотреть посмотрю.

Барни и Уоррен мигом переобулись в кроссовки, после чего, перебрасываясь мячом, устремились на «поле».

Торопясь продемонстрировать отцу свою ловкость, Барни встал метрах в пяти от кольца и сделал бросок. К его великому смущению, мяч пролетел далеко от цели.

— Это я пока разогреваюсь, пап!

Прислонясь к задней двери, Харольд Ливингстон кивнул, сделал глубокую затяжку и улыбнулся.

Не успели Барни с Уорреном забить по нескольку удачных мячей («Хороший прорыв, а, пап?»), как из-за забора донесся сердитый голос:

— Эй, ребята, что у вас там происходит? Что это вы без меня играете?

Черт! Лора. Каждой бочке затычка!

— Не злись, — извинился Барни — Сегодня у нас мужская игра.

— Кого ты хочешь обмануть? — огрызнулась она. (К этому моменту она уже перемахнула через ограду.) — Как будто я хуже тебя толкаюсь!

В разговор вмешался Харольд:

— Барни, повежливее! Если Лора хочет, пусть тоже играет.

Однако он несколько запоздал со своим заступничеством, ибо Лора уже перехватила мяч у Барни, уверенно обвела Уоррена и приготовилась поразить кольцо. После того как трое игроков поочередно сделали по нескольку бросков, Лора крикнула:

— Мистер Ливингстон, а вы почему с нами не играете? Можно было бы сыграть двое на двое.

— Очень любезно с твоей стороны, Лора. Но я что-то подустал. Я лучше пойду прилягу.

По лицу Барни пробежала тень разочарования.

Лора взглянула на приятеля и сразу поняла, что он сейчас чувствует.

Тот медленно повернулся к ней, и их глаза встретились. С того момента оба знали, что могут читать мысли друг друга.

Зато всякий раз, когда семья Ливингстон устраивала званый ужин, Барни радовался способности Луиса приводить отца в оживленное — даже болтливое — состояние. Доктор обладал аппетитами Фальстафа — будь то в отношении еды или вина, а более всего — знаний. Его неиссякаемые вопросы будили в Харольде педагогический запал, и тот развлекал приятеля анекдотами из истории античной Испании, а больше всего — откровениями об испанском происхождении некоторых великих авторов Римской империи, таких как трагик Сенека, уроженец Кордовы.

— Инес, ты слышала? Великий Сенека был из наших! — После этого Луис поворачивался к своему просветителю и мелодраматично взывал: — Харольд, вот если бы ты еще и Шекспира назвал испанцем!

Лора с восторгом слушала объяснения мистера Ливингстона насчет того, почему у нее в отличие от большинства латинских *chiquitas*^[9] светло-русые волосы: у ее семьи, несомненно, имеются кельтские предки, переселившиеся на Иберийский полуостров в незапамятные времена.

Как-то раз, когда мужчины удалились в кабинет Луиса, а женщины — в кухню, Лора призналась Барни:

— Господи, я обожаю твоего отца! Сколько он всего знает!

Тот кивнул, а про себя подумал: «Да, только жаль, что со мной он говорит так редко!»

По субботам после обеда родители Барни непременно усаживались возле приемника, дожидаясь, пока Милтон Кросс своим бархатным голосом объявит, кто из великих солистов Метрополитен-

опера будет сегодня петь. А Луис и Инес, как правило, отправлялись на прогулку с малышкой Исабель.

Тем самым Лора, Барни и Уоррен оказывались предоставлены самим себе и могли пойти на детский сеанс в кинотеатр «Савой» (вход — двадцать пять центов, да еще пять центов на попкорн).

То были времена, когда кино воспринималось не просто как развлечение, а как источник морали, наставник жизни. Именно под влиянием кинематографа Барни и Лора решили, что нет более благородной профессии, чем медицина, хотя не менее вдохновляющий пример имелся у них перед глазами и в повседневной жизни. Луис Кастельяно, разумеется, уступал киногерою в представительности, но во многих отношениях был идеалом как для собственной дочери, так и для Барни (который нередко мечтал о том, чтобы сосед был одновременно и *ego* отцом).

Луис был польщен, узнав о профессии, избранной Барни. Что же касается дочери, то он воспринял ее выбор как блажь, к которой отнесся с молчаливой снисходительностью. Он не сомневался, что она перерастет свою донкихотскую мечту, выйдет замуж и нарожает кучу niños^[10].

Но Луис ошибался.

Лора окончательно утвердилась в своем решении после того, как не стало Исабель.

Это было внезапно, как вспышка летней молнии. И горе поразило их, подобно следующему за вспышкой раскату грома.

В тот год полиомиелит свирепствовал как никогда. Казалось, не осталось улицы, по которой не пронесся бы ангел смерти. Большинство бруклинских семей И из тех, кто мог себе это позволить, — отправили детей в какую-нибудь безопасную сельскую местность типа Спринг-Вэлли.

На август Эстел с Харольдом сняли домик на побережье в Джерси, а Луис считал, что должен быть там, где он больше всего нужен, и Инес не хотела бросать его одного в битве с грозным недугом. Ливингстоны предложили взять девочек с собой, и Луис с благодарностью ответил, что они с Инес это серьезно обдумают.

По-видимому, он был настолько поглощен тяжелыми случаями полиомиелита, что не сумел распознать симптомы болезни у собственной дочери. Ну как он мог не заметить, что у нее высокая температура? И учащенное дыхание? А быть может, это произошло из-за того, что девочка ни разу не пожаловалась на плохое самочувствие. И только обнаружив ее однажды утром без сознания, Луис с ужасом понял, в чем дело.

Это был респираторный полиомиелит, при котором вирус безжалостно поражает верхний отдел спинного мозга. Исабель не могла дышать даже при помощи аппарата искусственного дыхания. К вечеру она умерла.

Луис корил себя так, что чудом не сошел с ума Он же врач, черт побери! Врач! Он же мог спасти свою девочку!

Лора отказывалась идти спать. Она боялась, что стоит ей закрыть глаза, и она уже никогда не проснется. Барни всю ночь молча просидел с ней в духоте объятай скорбью гостиной, а Лоре казалось, она физически ощущает, как горит и ноет у нее душа.

В какой-то момент Барни прошептал:

— Лора, ты ни в чем не виновата.

Она будто не слышала и продолжала смотреть в пустоту.

— Замолчи, Барни! — наконец огрызнулась она. — Ты сам не соображаешь, что говоришь!

Но при этом почувствовала благодарность и облегчение оттого, что он выразил словами мучившее ее чувство вины: ведь она жива, в то время как сестренка умерла.

Единственным человеком, кто нашел в себе силы взяться за похоронные хлопоты, оказалась Эстел. Она рассудила, что Кастельяно захотят организовать церемонию по католическому обряду, и связалась с отцом Хеннеси из церкви Сент Грегори. Но стоило ей объявить об этом, как Луис взревел:

— Никаких попов! Никаких попов — ведь они мне все равно не скажут, почему Господь забрал к себе мою девочку!

Эстел покорно позвонила отцу Хеннеси и сообщила, что его услуги не понадобятся.

После этого на сцену выступил Харольд, попытавшийся убедить Кастельяно, что какие-то слова над гробом должны быть произнесены. Невозможно просто похоронить дочку, ничего не сказав. Инес смотрела на мужа, поскольку, по ее убеждению, этот вопрос решать должен был он. Он наклонил голову и пробурчал:

— Ладно, Харольд, ты у нас ученый, ты и говори. Только я запрещаю тебе упоминать имя Господа.

Под безжалостным августовским солнцем обе семьи следили, как опускают в землю гробик Исабель. Барни подался вперед и взял Лору за руку. Она стиснула его ладонь так, будто это могло остановить ее слезы. Перед их маленьким кружком, сомкнувшимся вокруг могилы, Харольд Ливингстон прочел несколько строк из стихотворения Бена Джонсона, написанного на смерть прекрасной испанской инфанты.

Он поднял глаза от текста и спросил:

— Кто-нибудь хочет еще что-то сказать?

Откуда-то из глубины бездны, образовавшейся в душе Луиса Кастельяно, раздалась едва различимые слова:

— Adios, niña^[11].

По дороге домой все окна в машине держали открытыми, словно в надежде, что поток воздуха сможет облегчить придавившую их невыносимую тяжесть. Инес все повторяла тихим, жалобным голосом:

— Что мне теперь делать?

Не зная, что сказать, Эстел неожиданно для самой себя произнесла:

— Из Куинса приехала моя мать. Она готовит на всех ужин.

Остаток пути прошел в молчании.

Проезжая по мосту Триборо, Луис Кастельяно вдруг спросил своего друга:

— Харольд, как ты относишься к виски?

— Ну... в общем-то, положительно. Само собой.

— У меня есть пара бутылок, один больной подарил на Рождество. На войне иногда приходилось использовать его для анестезии. Я был бы тебе признателен, если б Ты составил мне сегодня компанию, амиго.

Лора опять была дома, но никак не могла заставить себя пойти спать. И не могла выдать из себя ни слова, хотя преданный Барни все время сидел рядом. Ее мать и Эстел находились наверху в комнате Исабель. Что они там делают, Лора не знала. Снимают постельное белье? Складывают вещи? А может, просто держат в руках кукол ее умершей сестренки, словно те хранят частицу ее маленькой души?

Время от времени до Лоры доносились всхлипы матери, напоминающие стоны раненого животного. Но их заглушали раскаты хриплого мужского смеха. Харольд с Луисом сидели в кабинете и мало-помалу напивались. Луис громогласно исполнял добрые старые песни — наподобие «Francisco Franco nos quiere gobernar»^[12] — и требовал, чтобы Харольд подпевал.

Барни невольно поеживался от испуга. Никогда прежде ему не приходилось видеть и слышать Луиса в таком состоянии, не говоря уже о собственном отце.

— Они, кажется, собрались прикончить обе бутылки, а, Лора?

— Мне все равно... — Она помолчала. — Единственное, о чем я сейчас могу думать, это о тех случаях, когда я с ней плохо обходилась. В прошлое воскресенье я назвала ее безмозглой соплячкой. Кажется, совсем недавно!

Барни нагнулся и шепотом сказал:

— Ты же не знала... И не могла знать!

И тут она разрыдалась.

— Я должна понести наказание! Это я должна умереть!

Барни молча поднялся, подошел к Лоре и ласково положил ей руку на плечо.

До конца этого жаркого, душного лета Лора, Барни и Уоррен без конца играли в баскетбол и только по субботам, отправляясь в «Савой», где были установлены кондиционеры, отдыхали от жары. Барни не мог припомнить, чтобы Лора хоть раз произнесла вслух имя сестры. Она сделала это только в первый учебный день, когда они втроем шагали в свою 148-ю школу.

— В этом году Исабель должна была пойти в первый класс, — заметила она будничным тоном.

— Да, — согласился Барни.

И Уоррен эхом повторил:

— Да.

Смерть ребенка всегда лишена завершенности. Ибо малыш продолжает жить в воспоминаниях своих родителей. И боль утраты с каждым годом лишь возрастает — по мере того как каждый день рождения вызывает новые мучительные мысли: «На будущей неделе мы отметили бы ей десять лет... Она бы порадовалась билетам в театр...»

Так было и с Исабель. Она отсутствовала физически, а страдание, причиняемое этим, присутствовало в доме Кастельяно постоянно.

Лора с нарастающей тревогой наблюдала, как ее родители все больше отдаляются друг от друга, оставляя ее при этом в вакууме. Каждый из них на свой лад искал утешения в молитве: Инес — во имя вечной жизни, Луис — чтобы забыться.

Свой путь назад к вере Инес начала с чтения и перечитывания святого Иоанна Крестителя, основателя ордена босых кармелитов шестнадцатого века и автора нескольких мистических сочинений, вышедших в семнадцатом веке на испанском языке. Этому поэту-мистику удалось выразить словами то, что, казалось, передать нельзя: «Vivo sin vivir en mí» («Живу без того, чтобы жить»); «Миего роque по шиего» («Умираю, потому что никак не умру»).

Та, что в юности отвергла церковь за поддержку фашистского режима Франко, теперь искала приюта у алтаря всепрощения. Ибо только церковь могла объяснить ей, почему умерла ее дочь. Местный

священник более чем убедительно подтвердил опасения Инес, что гибель малышки ниспослана ей как наказание за все ее грехи.

В каком-то смысле Луис тоже искал Бога. Но лишь затем, чтобы обрушить на Него свой отцовский гнев. «Как Ты посмел забрать мою девочку?» — мысленно вопрошал он. А когда в ходе его ночных возлияний исчезали последние сдерживающие центры в мозгу, он начинал говорить со Всевышним вслух, в дикой ярости грозя Ему стиснутым кулаком.

Будучи врачом, он всегда действовал и принимал решения в одиночку, держась при этом с неизменной уверенностью, необходимой при общении с больными. Теперь же у него появилось ощущение, что он потерпел крушение и жизнь больше не имеет смысла. И боль подобного одиночества можно было смягчить лишь ежевечерней дозой анальгетика, то есть спиртного.

Даже когда по субботам Луис и Инес отправлялись на прогулку в парк, они хранили задумчивое молчание, объединенные в своей разъединенности. В такие часы Лора с радостью присоединялась к Барни для литературных чтений — это было новшество, недавно введенное Эстел.

Раз в месяц Эстел выбирала какую-нибудь книгу для совместного чтения и обсуждения. Этим занятиям отводились дневные часы по субботам. Почетное место в них занимала «Илиада» наряду с «Последним из могикан» и поэтами вроде Уолта Уитмена — между прочим, их земляка-бруклинца!

Харольд тоже присутствовал, но сидел молча и слушал, лишь иногда одобрительно кивая, если Барни или Лора высказывали какое-нибудь особенно тонкое наблюдение. Уоррен был еще слишком мал, и потому ему разрешалось в это время гулять и играть в баскетбол. Но скоро, охваченный завистью, он потребовал, чтобы и его допустили на эти «семинары».

Жизнь в 148-й школе протекала без каких-либо потрясений. Барни и Лора большую часть уроков готовили вместе, поэтому неудивительно, что год они закончили почти с одинаковыми оценками. Однако чем они никак не могли похвастать, так это поведением. Однажды доведенная до белого каления учительница, мисс Эйнхорн, была даже вынуждена написать записку родителям с жалобой на

хулиганство на переменах и болтовню на уроках. В другой раз Лора получила нагоняй за то, что стреляла в одноклассников шариками из жеваной бумаги.

Барни был в классе заводилой. Казалось, он прирожденный лидер. Лора страшно ревновала из-за того, что на переменках ее не принимали в баскетбольную команду без протекции Барни. Нравы того времени требовали, чтобы девчонки играли только с девчонками. Более того, ее не жаловали и большинство девочек, поскольку она была тощей, нескладной и чересчур длинной. По правде говоря, к неудовольствию Барни (и своему собственному), она была самой высокой в классе. Она раньше Барни преодолела пятифутовый барьер, затем махнула еще на дюйм, и казалось, конца этому не будет.

Все произошло словно по волшебству. Словно незадолго до Лориного двенадцатилетия добрая фея стала каждую ночь прилетать к ней в комнату, чтобы опрыскать девочку какими-то чудодейственными снадобьями. Грудь у Лоры начала расти. В этом не было никакого сомнения. И в жизни все снова встало на свои места.

Луис замечал изменения, происходящие с дочерью, и только молча улыбался. Инес тоже видела их и с трудом сдерживала слезы.

Заметил их и Барни Ливингстон и небрежно бросил:

— Эй, Кастельяно, да у тебя сиськи выросли!

Барни также вырослел, доказательством чего служил пушок на лице, который он именовал не иначе как «борода».

Эстел сочла, что настало время Харольду проинформировать старшего сына о «правде жизни».

При воспоминании об ознакомительной лекции, прочитанной ему собственным отцом тридцать лет назад, Харольд испытывал смешанное чувство гордости и страха. Она была посвящена исключительно птичкам и пчелкам, но не содержала ни слова о роде человеческом. Но уж он-то теперь сделает все как следует.

Итак, через несколько дней, дождавшись возвращения Барни из школы, отец призвал его к себе в кабинет.

— Сынок, мне надо поговорить с тобой на одну важную тему, — начал он.

Харольд тщательно продумал предстоящий разговор. Начать он намеревался ни много ни мало с Ноева ковчега, с тем чтобы завершить

свою достойную Цицерона речь проблемой взаимоотношения полов. Но при всем его педагогическом опыте он оказался не в состоянии говорить на эту тему достаточно долго и исчерпал красноречие, не дойдя даже до размножения млекопитающих.

В отчаянии он извлек небольшую книжку под названием «Как ты появился на свет» и протянул ее Барни. В тот же вечер книжка была продемонстрирована Лоре через забор.

— Господи, какая чушь! — воскликнула та, быстро пролистав брошюру. — Он что, не мог тебе прямо рассказать, откуда берутся дети? Тем более что ты это уже давно знаешь!

— Но есть масса вещей, которых я еще не знаю...

— Например?

Барни замялся. Это был один из тех редких случаев, когда он чувствовал, что их с Лорой разделяет принадлежность к разному полу.

Они выросли.

Неполную среднюю школу они окончили в июне 1950 года. В этом году янки снова выиграли первенство по баскетболу, Северная Корея вторглась на территорию Южной, а антигистамины получили широкое распространение в качестве средства от обычной простуды (по крайней мере, так говорили все, кроме врачей).

В этом году Лора превратилась в красавицу.

Буквально в мгновение ока исчезла ее угловатость — будто какой-то таинственный скульптор придавал округлость ее плечам. Ее высокие скулы стали вырисовываться более отчетливо. Мальчишеская походка вдруг обрела гибкую, изящную чувственность. При этом, округлившись во всех нужных местах, она осталась по-прежнему стройной. Даже Харольд Ливингстон, который редко отрывал глаза от своих книг, как-то заметил за ужином:

— Лора стала такая... Как статуэтка, вот какая, — нашел он нужное слово.

— А как тебе я? — с оттенком негодования вскинулся Барни.

— Не понял тебя, сын...

— Ты что, не заметил, что я теперь выше Лоры?

Отец с минуту раздумывал.

— Да, кажется, действительно выше.

Своими неогеогианскими стенами из красного кирпича и башенкой средняя школа Мидвуд повторяла архитектуру корпусов Бруклинского колледжа, к территории которого она непосредственно примыкала.

На стене величественного мраморного вестибюля красовался девиз школы: «Вступи под эти своды, чтобы расти духовно и физически. Расстанься с ними, чтобы лучше служить Господу, своей стране и ближним».

— Ого! Звучит вдохновляюще, правда, Барн? — сказала Лора, когда они в благоговении уставились на высеченные в камне слова.

— Ага. Особенно я рассчитываю вырасти физически — чтобы пройти отбор в баскетбольную команду.

Среди девушек Лора выделялась как ростом, так и яркой внешностью. Очень скоро и новенькие, и выпускники, любящие покрасоваться спортсмены и члены школьного совета стали по делу и без дела мерить школьную лестницу, стараясь попасться на глаза Лоре и попытаться назначить ей свидание.

Это кружило ей голову. На нее вдруг обратили внимание мужчины. Точнее — парни. И их настойчивые знаки внимания помогли ей забыть, как горько она прежде сожалела, что родилась девочкой. (Когда-то она даже пожаловалась Барни: «Мало того что я уродина, но еще и такая длинная, что это всем бросается в глаза».)

Если в первые дни в новой школе Барни с Лорой *обедали* вместе, сядя в буфете за какой-нибудь уединенный столик, то теперь вокруг нее вилось столько старшеклассников, что Барни и не пытался к ней пробиться. («Кастельяно, я боюсь, меня твои поклонники растопчут».)

Сам Барни не слишком преуспел на личном фронте. Новенькие девочки, казалось, вовсе не жаждали встречаться с мальчишками-новичками. Как бывает в спорте, ему надо было с годик подождать. И он удовлетворялся смиренными мечтаниями о Куки Клейн, предводительнице медвузовских болельщиц.

Барни проявлял недюжинное упорство. Несколько раз в неделю он поднимался в пять утра и садился за зубрежку, освобождая послеобеденные часы на баскетбол. Поскольку сезон еще не начался, игроки университетских команд частенько выходили погонять мяч на школьной площадке, и он хотел собственными глазами взглянуть на своих будущих соперников.

После того как остальные игроки расходились по домам, в сгущающихся сумерках, при свете фонарей, Барни подолгу отрабатывал прямой бросок, крюк и штрафной.

Только накидавшись вдоволь, он садился в троллейбус на Ностренд-авеню и по дороге домой устало читал учебники.

Естественно, программа его занятий включала стандартный набор обязательных предметов: математику, гражданское право, английский, естествознание. Но в качестве одного из факультативов он выбрал латынь, рассчитывая таким образом доставить удовольствие отцу.

Этот предмет он просто обожал и получал особую радость, выискивая латинские корни в родном языке. Вокабуляр его

активизировался, стиль прозы стал элегантным (от латинских слов *vocabulum, actio, stylus, prosa, elegans*).

К восторгу Барни, весь язык вдруг обрел осязаемость, не говоря уже о том, насколько обогатился его собственный словарь. Теперь при каждом удобном случае он демонстрировал это богатство. На простой вопрос учительницы английского, достаточно ли он серьезно готовился к промежуточной контрольной, Барни отвечал примерно так: «Препарирование материалов для аудиторного опуса шло активно».

Но если Харольду Ливингстону и льстил выбор сына, то он никак этого не показывал, даже если Барни специально задавал ему какой-нибудь особенно мудреный вопрос по латинской грамматике.

Сын пошел к матери.

^ Мам, ну что такое? Папа что, не рад, что я учу латынь?

— Конечно рад! И гордится тобой.

«Так. Выходит, *ей* отец сказал. Тогда почему же он *мне* ни словом не обмолвился?» — подумал Барни.

В один прекрасный день он прибежал домой после контрольной по латыни и напрямик взлетел наверх, в кабинет отца.

— Пап, смотри! — он, запыхавшись, протянул отцу тетрадь.

Харольд сделал длинную затяжку, после чего стал смотреть работу сына.

— А, ну да, — рассеянно пробормотал он, — я в этом году со своими тоже Вергилия читаю.

После чего опять замолчал.

Барни взволнованно дожидался похвалы и не удержался от реплики:

— Если хочешь знать, у меня лучшая оценка в классе!

Отец кивнул и наконец повернулся к сыну.

— А знаешь, в каком-то смысле мне от этого делается грустно...

У Барни вдруг пересохло во рту.

— Если честно, я жалею, что в моем классе нет такого ученика, как ты.

Этот день, этот час, эти слова Барни запомнил на всю жизнь.

Оказывается, отец все же одобряет его!

Лора приняла важное — и неожиданное — решение. Она небрежно упомянула о нем, когда они с Барни, как обычно, ехали домой в троллейбусе.

— Я буду баллотироваться в президенты.

— Ты с ума сошла, Кастельяно? Президентом Соединенных Штатов ни одна девчонка не может стать.

Она насупилась.

— Барн, я говорю о совете класса.

— И это тоже безумие. Ты что, забыла? Во всем Мидвуде нас только двое из сто сорок восьмой школы. Кто тебя станет поддерживать на выборах?

— Ты.

— Да, но это только один голос. Ты же не рассчитываешь, что я забью урну фальшивыми бюллетенями?

— Но ты мог бы помочь мне написать предвыборную речь. На классном часе каждому кандидату дадут по две минуты на выступление.

— И ты уже знаешь своих соперников?

— Нет, но думаю, девочек среди них нет. Послушай, что у тебя в воскресенье? Не поможешь мне? Ну пожалуйста!

— Так уж и быть. — Он вздохнул. — Помогу тебе сделать из себя дуру.

Какое-то время они ехали молча, уткнувшись в учебники. Потом Барни сказал:

— Я и не знал, что ты такая честолюбивая.

— Да, Барни, — призналась Лора, понизив голос. — Я жутко честолюбивая!

В результате все выходные были потрачены на то, чтобы сочинить двухминутную речь, способную перевернуть мир. Сначала масса времени была убита на изобретение экстравагантных предвыборных обещаний (наподобие бесплатных пикников на Кони-Айленде). В результате Барни пришел к заключению, что политическое искусство любого уровня состоит главным образом в том, чтобы представить лживые обещания как самые достоверные. Иными словами, в умении убедительно врать.

И он посоветовал Лоре построить свою речь на таком макиавеллиевском понятии, как «честность».

На классном собрании Лора держалась просто и естественно, что являло резкий контраст с соперниками, насмешившими аудиторию нелепой жестикуляцией и напыщенностью.

Ее речь разительно отличалась от других выступлений и своим содержанием. Она откровенно призналась, что Мидвуд ей так же внове, как была вся Америка каких-то несколько лет назад. И что она благодарна своим одноклассникам за теплый прием не меньше, чем стране, приютившей ее семью. И единственный способ для нее отблагодарить Америку за гостеприимство — это труд на благо общества. Если ее выберут председателем классного совета, она не обещает своим слушателям никаких чудес, никаких воздушных замков, ни того, что в каждом гараже появится спортивная тачка (смех в зале). Единственное, что она может твердо обещать, это честность.

Аплодисменты нельзя было назвать бурными. Не потому, что на одноклассников ее речь не произвела впечатления, а, наоборот, потому, что ее безыскусная манера, ее не вызывающая сомнения честность и — кто станет это отрицать? — привлекательная внешность совершенно заворожили их.

Фактически к моменту окончания собрания и исполнения гимна школы ее избрание было уже делом решенным. Недоставало только ковровой дорожки до самого дома!

— Кастельяно, молодец! Ты справилась. Полный отпад! Бьюсь об заклад, ты еще и председателем всего школьного совета станешь!

— Нет, Барни, — с чувством возразила она. — Это твоя заслуга. Ты ведь мне практически всю речь написал!

— Да будет тебе, я только добавил какой-то чуши. Все дело в том, как ты ее преподнесла! Вот это был настоящий нокаут!

— Хорошо, хорошо. Будем считать, что это наша общая победа.

В то лето Кастельяно и Ливингстоны сняли небольшой домик в Непонсете на Лонг-Айленде, на расстоянии одного квартала от берега моря. Луис приезжал дышать морским воздухом на выходные. Каждое лето он неизменно вел отчаянную битву с полиомиелитом.

И конечно, разговоры о грозящей эпидемии и вид детишек, беззаботно резвящихся на берегу, вызывали у Инес воспоминания о ее

малышке Исабель, хотя, по правде говоря, эти воспоминания ее никогда и не покидали.

Она проводила дни, впериw неподвижный взор в океанскую даль, в то время как Харольд и Эстел с головой уходили в книги — Эстел читала Джейн Остин, а Харольд перечитывал «Римскую революцию» Сайма.

Тем временем соблазнительная в своей невинности Лора в компании сверстниц целыми днями плавала и ныряла. И на каждой вышке спасатель мечтал о том, чтобы она позвала на помощь именно его.

Разумеется, ей уже назначали и свидания. Бронзовые от загара ухажеры, раскатывающие в родительских «студебеккерах» и «десото», наперебой зазывали Лору в открытый кинозал или на шашлыки под звездами на пустынном берегу. А также в уединенные места посмотреть на подлодки или еще что-нибудь в этом духе — главное, подальше от людей.

Однажды знойным августовским вечером Шелдон Хэррис положил ладонь Лоре на грудь. Она сказала: Не надо.

Но это было лукавство. Когда же он попытался скользнуть рукой под блузку, она еще раз попросила этого не делать. И на этот раз не лукавила.

У Барни на подобные фривольности времени не было. Каждое утро, поспешно проглотив завтрак, он шагал по еще пустому пляжу с кроссовками в руках в сторону парка Рийс, где практически круглосуточно играли в баскетбол.

Время быстротечно. Всего через шестьдесят один день ему предстоит отбор в студенческую команду Мидвуда. И ничего нельзя пускать на самотек. Он даже советовался с доктором Кастельяно насчет специальной диеты для ускоренного роста. («Для начала постарайся регулярно обедать», — сказал Луис.) Питание по особой программе Барни дополнял регулярными занятиями на турнике. Он висел на перекладине, пока мог вытерпеть, в надежде, что это поможет ему вытянуться. 31 августа 1952 года Барни встал спиной к побеленной стене крыльца, вытянулся что было сил и попросил Харольда и Луиса независимо друг от друга измерить его рост.

Результаты впечатляли: одно измерение показало шесть футов и четверть дюйма, другое — шесть и три восьмых. Он громко завопил от

радости. А рядом стояли Лора (незадолго до этого убедившаяся, что ее рост наконец остановился на отметке пять и десять) и Уоррен (пять и четыре) и аплодировали.

— Получилось, ребята, получилось! — восклицал Барни и скакал по крыльцу, как заяц с обожженными лапками.

— Не совсем, — ехидно улыбнулась Лора. — Теперь осталось попасть мячом в кольцо.

Итак, в год, когда президент Трумэн освободил генерала Макартура от командования Дальневосточными силами, а гарвардский профессор Роберт Вудворт синтезировал холестерол и кортизон, Лора Кастельяно заняла пост председателя совета класса. А Барни Ливингстон готовился к долгожданному моменту истины. Точнее, к трем минутам, ведь именно сто восемьдесят секунд требовалось баскетбольному тренеру Дату Нордлингеру для того, чтобы отличить живого тигра от дохлого пса, — так это именовалось на спортивном жаргоне.

Волнение соискателей, казалось, пропитало воздух в зале. Их разбили на группы по пять человек, которым предстояло в течение трех минут играть между собой («одетые» против «голых») под пристальным взглядом тренера. У каждого из десяти кандидатов в команду было равное количество времени для демонстрации своих способностей.

Прошло две минуты после свистка, а Барни еще почти не касался мяча. Казалось, вот-вот рухнут все его мечты.

И тут вдруг один из соперников сделал неудачный бросок по их кольцу. Барни и более рослый игрок из второй команды одновременно подпрыгнули в подборе. Но Барни сумел оттеснить противника и перехватить мяч.

Он повел мяч к кольцу, а несколько «одетых» отчаянно пытались отобрать его. Но Барни уже был под кольцом противника. Он хотел пробить, но здравый смысл подсказывал, что лучше передать мяч товарищу по команде, занимающему более выгодное положение. Тот бросил, промахнулся — и тут прозвучал свисток.

Тренер построил десятерых игроков в ряд. Все они чувствовали себя так, словно их сейчас поведут на расстрел. Нордлингер переводил взгляд с одного конца шеренги на другой и обратно.

— Хорошо. Выйдите вперед те, кого я назову. Ты, — он ткнул в высокого, нескладного, прыщавого игрока «одетых». — Большое спасибо, остальные могут быть свободны.

У Барни упало сердце.

— Кроме тебя... Эй, кудрявый, ты что, оглох?

Барни, в отчаянии изучавший половицы, поднял глаза. Нордлингер показывал на него.

— Да, сэр? — едва слышно прохрипел Барни.

— Ты неплохо обращался с мячом, парень. Как тебя зовут?

— Барни, сэр. Барни Ливингстон.

— Отлично, Ливингстон, ты и Сэнди подойдите сюда и присядьте на скамейку.

Барни в изумлении застыл, а тренер уже выкрикивал:

— Следующие две команды! Пошевеливаемся!

— Идем, — сказал долговязый напарник.

— Послушай, а твое имя тренер уже знал... — недоуменно заметил Барни.

— Ага. — Долговязый самодовольно усмехнулся. — Когда у тебя рост шесть и шесть, тебя все тренеры в округе будут знать по имени.

В половине шестого с Барни, Сэнди Ливитта (таково, как выяснилось, было полное имя долговязого) и еще одного худосочного юнца, Хью Жаскорта, были сняты мерки для пошива формы. Официально тренировки начинались уже в следующий понедельник, но атласные форменные куртки — предмет жгучей зависти сверстников — должны были сшить только через три недели. Оставалось надеяться, что в школьной газете «Аргус» информация о пополнении команды будет опубликована раньше и общественный статус Барни повысится.

Он помчался поделиться своей радостью с Лорой.

К концу второго периода матча «Мидвуд» — «Нью-Утрехт» судья нажал кнопку. Звонок, огласивший весь зал, вошел в историю школы. Ибо за ним последовало объявление: «Замена в „Мидвуде“. Номер десять, Ливингстон».

С трибун раздались небрежные хлопки. И один восторженный боевой клич:

— Покажи им, Ливингстон!

До конца игры оставалось четыре минуты, и парни из «Нью-Утрехта» уже расслабились. Барни удалось перехватить пас и начать стремительный прорыв к кольцу соперника. Достигнув штрафной площадки, он сделал передачу капитану команды Джею Аксельроду, и тот аккуратно забил из-под корзины.

После этого, всего за сорок секунд до финального свистка, один из соперников атаковал Барни с нарушением правил, за что был назначен штрафной. Барни встал у штрафной линии и набрал побольше воздуха. Он столько раз мысленно стоял на этом рубеже, когда летом тренировался в парке Рийс! И вот теперь все происходило на самом деле. Он аккуратно прицелился... и попал. Это был его первый мяч за команду «Мидвуд»!

Лора сложила ладони трубочкой и прокричала:

— Еще разок, Барни!

После матча стоявший в соседней душевой кабинке Джей Аксельрод поздравил Барни с удачным дебютом и добавил:

— Эта Лора Кастельяно, похоже, твой первый фанат. Ты с ней встречаешься или как?

— Нет-нет, — пробулькал Барни, чуть не захлебнувшись струей воды. — Почему ты спрашиваешь?

— Я бы не прочь сводить ее куда-нибудь.

— И что тебя останавливает? — спросил Барни.

— Не знаю, — с неожиданным смущением ответил капитан мидвудской баскетбольной команды. — Ну, то есть... Она такая хорошенькая, к тому же...

— Хочешь, познакомлю? — вызвался Барни.

— Правда? Послушай, Ливингстон, я был бы тебе очень признателен.

— Заметано, Джей. Считаю, что она тебя уже ждет у выхода. Можешь прямо сегодня назначить ей свидание.

— Нет-нет, Барн, не сегодня.

— Почему нет?

— Сначала мне надо сходить в парикмахерскую.

* * *

По дороге домой Барни сообщил Лоре об ожидающей ее чести. Она засмеялась.

— А что смешного?

— После игры ко мне подошла Сюзи Фишман и попросила познакомиться с тобой.

— Сюзи Фишман? — У Барни округлились глаза. — Она же, можно сказать, самая симпатичная девчонка в школе! С чего бы ей вздумалось знакомиться со мной? Я же только один мяч забил!

— Она считает, что ты классный парень.

— Да? Правда? Поразительные вещи творит спортивная форма, как тебе кажется?

— А-а, — улыбнулась она. — И ты считаешь, это твое единственное достоинство?

Став обладателем блестящей баскетбольной куртки, Барни с воодушевлением принялся завоевывать сердца девушек из мидвудской группы поддержки. Игроки обедали все вместе, наперебой хвастаясь своими любовными победами. Если бы в утверждениях, звучащих вперемежку с сэндвичами с тунцом и кружками молока, была хотя бы доля правды, можно было бы подумать, что во Флэтбуше — а возможно, и во всем Бруклине — не осталось ни одной девственницы старше шестнадцати лет.

С того дня, как Барни их познакомил, Лора регулярно встречалась с Джейем Аксельродом. Они были такой красивой парой, что Барни в шутку окрестил их «мистер и миссис Мидвуд».

В ту зиму Лора предприняла смелый политический шаг. Она не стала баллотироваться на пост главы совета класса, а выставила свою кандидатуру на место казначея всей школы, то есть третий по счету чин в школьной иерархии.

— Кастельяно, ты правда сумасшедшая. Как только школа узнает, что в казначеи лезет кто-то из молодняка, ты станешь посмешищем для всего Мидвуда.

Лора улыбнулась:

— Отлично! Пусть себе смеются. Значит, они будут обо мне говорить, а это прямой путь к популярности.

— Господи! — вскричал Барни с неподдельным восхищением. — Ты, я вижу, всерьез за это взялась, а?

— Послушай, Барни, отец всегда говорит: «Si quieres ser dichoso, no este's nunca ocioso»^[13].

— И что это значит?

— Это значит: «Жизнь вообще штука серьезная».

Во время напряженного тренировочного матча за неделю до решающей игры против заклятого врага «Мидвуда», команды школы «Мэдисон», Джей Аксельрод упал и сильно потянул лодыжку. Врач пообещал, что он сможет надеть кроссовки не раньше чем через десять дней. На другой день, когда Барни утирал пот после тренировки, к нему подошел Дат Нордлингер и небрежно бросил:

— Ливингстон, завтра ты в стартовом составе.

В стартовом! Невероятно! Об этом он мог только мечтать.

Он не мог дождаться, когда придет домой.

— Пап, ты обязательно должен пойти! — взмолился он за ужином. — Ведь это пятница, и на следующий день у тебя выходной. А для меня это, возможно, самая большая честь в жизни!

— Ну, в этом я не уверен, — снисходительно улыбнулся Харольд. — Но твоё волнение мне понятно.

— Так ты придешь, а, пап? — снова спросил Барни.

— Конечно, — ответил Харольд. — Я сто лет не был на баскетболе.

В пятницу Барни сидел на уроках в полной прострации. Он считал минуты, отделявшие его от назначенного на семь вечера матча.

После уроков он направился в пустой спортзал и с полчаса побросал штрафные, после чего зашел в закусочную «У Джорджа» и за девяносто пять центов подкрепился сэндвичем с мясом и вишневым колбасом.

К шести часам, когда в раздевалку стали подтягиваться другие игроки, он уже в полном облачении сидел на скамье, сложив руки на коленях и тщетно пытаясь убедить себя, что ни капельки не волнуется.

— Эй, Ливингстон! — услышал он гнусавый голос. — У меня хорошие новости. Нога у Аксельрода намного лучше, так что тебе сегодня не придется играть в стартовой пятерке.

Барни дернулся так, словно его ударило током. На лице дефективного переростка Сэнди Ливитта сияла идиотская улыбка.

— Ага, Ливингстон, попался?

— Пошел ты, Ливитт! — нервно огрызнулся Барни.

Первыми на паркет вышли игроки «Мэдисона» под ободряющие крики болельщиков, которые преодолели две мили из своего квартала, чтобы посмотреть на эту «битву гигантов Бедфорд-авеню». В следующий миг Джей Аксельрод (в форме, но на костылях) вывел своих орлов в зал под вопли команды поддержки, от которых задрожали потолочные балки, и под неистовый стук сердца у Барни в груди.

Команды не мешкая приступили к разминке. Перехватывая отскок и ведя мяч к кольцу в расчете исполнить отработанный бросок, Барни украдкой взглянул на заполненную до отказа трибуну. Отца пока не было.

Разминка продолжалась. Вот-вот должна была начаться игра. Барни снова незаметно оглядел зрительские ряды. Слава богу, Лора уже там, а с ней и Уоррен. Но отец... Где родители?

Прозвучал свисток. Команды вернулись на свои скамейки. На площадке остались только стартовые составы. Все стягивали с себя верхние куртки. Барни от волнения чуть не запутался в застежке.

Первые пятерки заняли стартовые позиции на площадке, и диктор начал объявлять их имена.

— ...и номер десять — Ливингстон.

Барни еще раз бросил взгляд на трибуну — только Лора и Уоррен! Родителей по-прежнему не было.

— Дамы и господа, прошу встать. Исполняется государственный гимн.

Барни, как и полагается, приложил руку к отчаянно колотящемуся сердцу.

Пронзительный свисток арбитра вывел его из оцепенения. Барни бросился наперерез защитнику «Мэдисона», самоуверенно полагавшему, что сможет его обвести. В какую-то долю секунды он сделал рывок, перехватил мяч и устремился к кольцу соперника со скоростью ракеты.

Под щитом он оказался раньше всех. «Вдохни поглубже, Ливингстон, — приказал он себе, — расслабься и аккуратно кидай». Он сделал маленькую паузу и — гол!

От восторга у него на мгновение закружилась голова.

Когда «Мидвуд» вышел вперед на шесть очков, тренер «Мэдисона» взял перерыв. Обе команды сгрудились вокруг своих наставников, и Барни опять оглядел трибуны. По-прежнему только Лора и Уоррен!

Может, они попали в аварию? Нет, отец же не водит. А кроме того, Уоррен-то здесь.

Во время перерыва игроки удалились в раздевалку и утоляли жажду, посасывая дольки апельсина. Барни, в мокрой насквозь форме, опустился на пол, спиной к шкафчику. Через сорок минут игра завершилась победой «Мидвуда» с преимуществом в шесть очков, причем на счету Барни было тринадцать. Он не пошел с остальными в раздевалку, а медленно приблизился к Лоре и Уоррену.

Лора заговорила первой:

— Его папа не отпустил.

— Что?

— Сразу после ужина отец почувствовал непонятную боль в груди, — пояснил Уоррен, — и доктор Кастельяно пришел его посмотреть.

— И что оказалось?

— Папа думает, может, он что-то съел не то, — поспешно встала Лора. — Но он заставил его лечь, чтобы подстраховаться. — Она попыталась переменить тему. — Барн, ты был на высоте! Спорим, твою фотографию напечатают в «Аргусе»?

А Уоррен добавил:

— Век буду помнить все приемчики, которые ты им сегодня показал!

— Да, спасибо, — рассеянно ответил Барни и направился в сторону душевых.

На другое утро, несмотря на протесты Харольда Ливингстона, Луис отвез его в клинику графства Кинг на электрокардиограмму. Тот согласился только при условии, что Эстел останется дома. («Дорогая, ты и так уже разволновалась на пустом месте!»)

Потом, нервно дымя сигаретой, Харольд слышал, как Луис обсуждает результаты обследования с кардиологом, рассуждая о каких-то P- и Q-зубцах.

Наконец Луис подошел и помог Харольду дойти до машины.

— Ну, — спросил Харольд, стараясь скрыть свое беспокойство, — несварение? Неудивительно после стольких лет в армии!

— Харольд, тесты выявили у тебя сердечную аритмию. Это означает...

— Я знаю греческий, Луис. Что-то вроде нарушения ритма. Это серьезно?

— И да и нет. Это может оказаться единичным физиологическим отклонением, и тогда это не страшно. А может быть и признаком какого-то патологического процесса.

— Иными словами, ты и сам не знаешь...

— Хорошо, Харольд. Я действительно не знаю. Но поскольку ты тоже не знаешь, я рекомендую тебе внимательнее относиться к своему здоровью и регулярно проходить обследование. А начать можешь с постепенного отказа от курения.

— Оно меня успокаивает.

— Это тебе так кажется, мой друг. Никотин — по-настоящему опасный алкалоид и стимулятор. Могу тебя заверить: хуже не будет, если ты станешь курить меньше.

Машина подъехала к Линкольн-плейс. Харольд спросил:

— Что ты собираешься сказать Эстел?

— Тебе не кажется, что лучше сказать ей все как есть?

— Но ты же говоришь, что сам до конца не уверен.

— Но хотя бы это я могу ей сказать?

— Не стесняйся, Луис, — отшутился Харольд, — смелей трезвонь на весь Бруклин о бессилии медицины!

Однако когда Луис подъехал к дому, Харольд повернулся к нему и твердо объявил:

— Но нет никаких оснований пугать детей.

— Согласен, Харольд. Не стоит их дополнительно нагружать, им хватает того, что они растут. Но я бы хотел, чтобы ты отнесся к этому серьезно. И не забудь, что я тебе говорил!

Барни постарался напустить на себя беспечный вид.

По дороге в школу в понедельник утром он оторвал голову от учебника химии и как можно небрежнее спросил (эту интонацию он долго отрабатывал):

— И как у тебя с Джемом Аксельродом? Собираешься дойти до конца?

— Не твое дело! — огрызнулась Лора.

— Значит, да.

— Ничего подобного! Это значит только, что это тебя не касается. А кстати, почему ты спрашиваешь?

— Ну... — неуверенно начал он, — кое-кто из ребят в команде говорит...

— В вашей баскетбольной команде? Да эти сексуально озабоченные болваны, кроме статуй в Бруклинском музее, ни одной голой женщины не видели!

— Во-во, — рассмеялся Барни. — Иногда они делают из мухи слона, правда?

— И не только они, Ливингстон. Я слышала, ты тоже болтаешь на всю школу, что трахался с тремя девчонками из группы поддержки. Это правда?

— Чистейшая правда, Кастельяно.

— То есть ты с ними трахался?

— Нет, я этим хвастался. Каюсь.

* * *

На самом деле Барни уверенно продвигался по пути к полному сексуальному удовлетворению. Уже на втором свидании Мэнди Шерман разрешила ему прощальный поцелуй. А на третьем, когда они обнимались в последнем ряду кинотеатра «Савой», позволила ему запустить руку себе под свитер.

«Господи, — подумал Барни, волнуясь и трюся одновременно, — *оно* вот-вот случится. В следующий раз надо быть во всеоружии».

Но как? Не мог же он запросто явиться в аптеку к мистеру Ловенстайну на Нострэнд-авеню и попросить пачку презервативов. Тот наверняка расскажет родителям, а хуже всего — поднимет его на смех. Нет, надо сделать это как-то потоньше. И на чужой территории.

И вот в субботу, когда они с Уорреном отправились в центр Бруклина в кино, он всю дорогу искал глазами какую-нибудь большую аптеку. Таковую, где можно затеряться.

Уоррен с изумлением наблюдал, как брат без всякой видимой причины прохаживается взад-вперед по Фултон-стрит. Но обсуждать действия своего кумира было не в его правилах.

Уже перед самыми стеклянными дверьми аптеки Барни вдруг остановился:

— О черт!

— Что случилось, Барн?

— Какой же я идиот! Я же в форменной куртке!

— Не понимаю. И что с того?

— А вот что, — нервно ответил Барни и ткнул в левую сторону груди, где на белом атласе синими нитками была вышита фамилия. — Этого не скроешь! Все сразу будут знать, кто я и откуда. Может, лучше, если это сделаешь ты?

— Что, Барни? Что «сделаешь»?

Барни отвел брата в сторонку и тихонько сказал:

— Послушай, Уоррен, я хочу, чтоб ты оказал мне небольшую услугу. Кое-что очень-очень важное.

И он дал брату исчерпывающие указания, что и где тот должен искать на витрине, если оно вообще выложено, и как спросить. Он протянул Уоррену пятидолларовую бумажку, влажную от его потной ладони.

— Но, Барни, — взмолился Уоррен, — мне же всего двенадцать. Они мне не продадут такую вещь!

— Послушай, это центр! Здесь каждый день бывают тысячи приезжих. Они, скорее всего, решат, что ты лилипут. А теперь иди и сделай, о чем я тебя прошу!

Младший брат робко вошел в аптеку, а Барни стал нервно вышагивать по тротуару, моля Бога, чтобы никто из родительских друзей, имеющих привычку отовариваться по субботам в расположенном неподалеку универмаге, не застукал его на месте преступления. Вот будет скандал! Спустя несколько минут появился Уоррен с небольшим пакетом.

— Куда ты пропал? — раздраженно набросился на него Барни.

— Послушай, Барн, они мне стали задавать всякие вопросы типа «со смазкой или без смазки» и так далее. Я не знал, как мне быть.

— И что в конце концов ты сделал?

— Поскольку я не знал, какие нужны, то взял две пачки разных.

— Молодец! — облегченно вздохнул Барни и положил руку брату на плечо. — Горжусь тобой, старик!

Этим летом Ливингстоны и Кастельяно опять сняли домик на море. Но со взрослыми поехал только Уоррен.

Луис пристроил дочь помощницей медсестры в клинике, чтобы та сполна вкусила суровую реальность медицинской профессии.

Всю неделю она ездила с отцом в клинику на Линкольн-плейс, а вечером в пятницу они вливались в плотный поток плавающих под солнцем автомобилей, рвущихся из душного города навстречу освежающему морскому ветру.

Едва приехав, Лора обычно тут же натягивала купальник и кидалась в воду, стараясь смыть с себя всю боль и страдания, с которыми сталкивалась в течение прошедшей недели.

Барни же работал вожатым в лагере Дата Нордлингера в Адирондакских горах. Именно этот бизнес обеспечивал Дагу толстый слой масла на кусок хлеба, добываемый тренерским трудом.

Кроме того, лагерь, называвшийся «Гайавата», давал Дагу уникальную возможность держать вместе своих лучших игроков. Платили им жалких семьдесят пять долларов за лето. Плюс чаевые, которые они могли получить от сердобольных родителей находящихся в лагере детей. («Если кто-нибудь из вашего отряда скажет родителям, как ему здесь хорошо, папаша мигом выложит сотенную бумажку».)

Под опекой Барни находились восемь девятилетних мальчишек, из них семеро — вполне нормальные ребята, в меру задиристые и живые, а восьмой — до болезненности замкнутый паренек по имени Марвин Амстердам, которого товарищи безжалостно шпыняли из-за того, что временами он мочил постель.

Марвин был в семье единственным ребенком, а когда его родители разводились, он, на свою беду, случайно подслушал их спор из-за того, что ни один из них не хотел брать к себе сына. Его отправили в интернат, и только на пасхальные и рождественские каникулы он навещал то мать, то отца. А едва заканчивался учебный год, как его снова куда-нибудь отсылали, на сей раз — в лагерь «Гайавата», где он горячо мечтал стать невидимкой, чтобы его не могли видеть другие ребята.

Дело усугублялось тем, что он был совершенно безнадежен в спорте. В лагере в любую команду он попадал в самую последнюю очередь, а в школе его вообще не брали играть.

Как-то вечером за кружкой пива в административном корпусе лагеря Барни заговорил о Марвине с Джемом Аксельродом.

— Неужели мы ничем не можем ему помочь? — размышлял Барни.

— Послушай, старик, — ответил Джей, — я тут старший вожатый, а не главврач. Я бы посоветовал тебе, Барн, не слишком вникать в проблемы этого парня. Он обречен до конца своих дней быть посмешищем для окружающих.

Под аккомпанемент сверчков и мерцание ночных бабочек Барни шел к себе, думая о том, что Джей, скорее всего, прав и Марвину требуется помощь специалиста. «А хорошо бы все-таки хоть немного ему помочь».

«Ясно, — продолжал размышлять он, — что баскетболист из парнишки не выйдет. Этому не научишься за каких-то полтора месяца. А что, если попробовать теннис? По крайней мере, он будет чувствовать себя менее одиноким».

С тех пор по вечерам, в часы, обозначенные как «время для свободных занятий» (а для игроков «Мидвуда» — часы неофициальных тренировок), Барни стал обучать Марвина Амстердама управляться с ракеткой и мячом.

Мальчик, поначалу удивившись, а потом преисполнившись благодарности, изо всех сил старался оправдать доверие своего нового кумира. Через пару недель он уже довольно сносно держался на площадке. А к концу лета Марвин Амстердам был способен даже переиграть кое-кого из товарищей по отряду.

Барни писал Лоре: «Тренер ужасно злится, что я отнимаю время от собственных тренировок, чтобы позаниматься с этим мальчишкой. Но мне кажется, что, возвращая Марвину уверенность в себе, я получаю больше удовлетворения, чем когда бы то ни было».

Однако недовольство проявлял не только тренер. В родительский день другие дети рассказали приехавшим к ним родным, что у их жолатого есть любимчики. В результате чаевые Барни составили всего сорок долларов.

А когда Барни побеседовал с родителями Марвина, неожиданно навестившими его вдвоем, и высказал дипломатичное предположение, что их сына надо проконсультировать у специалиста, они впервые за много лет пришли к единому мнению: со стороны Барни слишком большая наглость указывать им, как воспитывать собственного ребенка.

Короче, лето выдалось не самым удачным для Барни. Скрашивало его только то, что у него оставалось достаточно времени на «Толкование сновидений» Фрейда. Как он сам написал Лоре, чтение этой книги вызвало у него ощущение, будто «открываешь дверь, скрытую за рисунком Дали, иходишь в новый мир: мир Подсознательного».

Еще одной маленькой радостью были письма, которые он раз в неделю получал от Лоры. Правда, эта радость слегка омрачалась тем, что с той же почтой всякий раз приходило и письмо для Джея Аксельрода.

Поэтому Барни с облегчением вздохнул, когда миновал последний день работы лагеря и автобус доставил их на Центральный автовокзал в Нью-Йорке. Большинство его подопечных тут же бросились в объятия встречающих их родителей.

И только Марвина Амстердама ждала очередная воспитательница, к которой тот вовсе не спешил. Мальчик отчаянно выискивал темы для обсуждения с Барни, лишь бы оттянуть мучительный момент разлуки. Барни был терпелив.

— Ну, старик, не потеряй мой адрес. Обещаю, на все твои письма я отвечу.

Они пожали друг другу руки, но мальчик никак не хотел уходить.

Наконец потерявшая терпение воспитательница утащила подопечного. А Барни с грустью смотрел, как его друга увозит лимузин с шофером.

Барни охотно расстался с лагерем «Гайавата», но, добравшись до дому, почувствовал разочарование, увидев на соседском крыльце Лору вдвоем с Джем Аксельродом.

— У вас, кажется, все серьезно, — заметил он на другой день, когда Джей уехал на так называемые недельные «сборы первокурсников» Корнельского университета.

— Да, похоже. Он даже подарил мне значок.

Она смущенно показала значок студенческого братства, который до этого сжимала в руке.

— Ого! Поздравляю! Это почти что помолвка. Так вы что же, влюблены друг в друга, а?

Лора только пожала плечами и тихо ответила:

— Наверное.

К концу сентября Лора получила от Джея Аксельрода письмо. Он писал, что пребывание так далеко, в глуши северной части штата Нью-Йорк, сделало его последователем Торо^[14]. По зрелом размышлении он пришел к выводу, что придание их отношениям в какой-то степени официального характера было непорядочно по отношению к Лоре. Она еще очень молода, а значит, прежде чем она сделает свой окончательный выбор, у нее еще будет множество романов. В постскриптуме стоял вопрос: не могла бы она вернуть ему значок?

— Все это чушь собачья, — усмехнулся Барни. — Просто духа не хватило честно объявить, что хочет расстаться с тобой.

Лора кивнула.

— Струсил признаться, что решил пойти на попятную. — Она немного посидела молча, потом стукнула кулаком по стопке учебников. — Черт! Я-то думала, он такой цельный! Такой волевой!

— По-моему, в том, что касается девчонок, большинство ребят ведут себя как эгоисты и подонки, — сказал Барни, рассчитывая ее утешить.

— А ты, Барни?

— Может быть, и я. У меня просто пока не было шанса проявить себя с этой стороны.

В этом сезоне Барни выбрали капитаном баскетбольной команды на следующий год, а Лора выдвинула свою кандидатуру на пост председателя ученического совета всей школы — еще ни одна девчонка не поднималась так высоко. И выиграла выборы, причем на сей раз поддержка Барни была только моральной.

К удивлению Барни, тренер снова пригласил его поехать в лагерь «Гайавата», более того, в качестве старшего вожатого. Потом он узнал, что этой чести автоматически удостоивается капитан команды. (Ему даже удалось пристроить Уоррена на место помощника вожатого за двадцать пять баксов за лето.)

Приехав в лагерь и разместившись в административном корпусе, Барни просмотрел список детей и со смешанным чувством облегчения и разочарования не обнаружил там имени Марвина Амстердама. Что

же, он никогда больше не увидится с этим парнем? А вдруг это все же произойдет, скажем, на Уимблдоне или Белльвью?

Так или иначе, этим летом он не станет испытывать терпение Нордлингера. Рекомендация тренера будет играть решающую роль для его поступления в колледж.

С истовостью монаха Барни ежедневно проводил по полтора часа в день на тренировках вместе с Ливиттом, Крейгом Руссо и двумя новыми игроками, отрабатывая новую «кружевную» концепцию атаки, придуманную Нордлингером.

Как-то поздним вечером, в середине августа, раздался телефонный звонок. Звонила Лора. Из клиники.

— Барни, у твоего отца был удар.

Он похолодел.

— И что? Плохо дело?

— Что-то определенное смогут сказать только утром, но врачи почти не сомневаются, что он выкарабкается. Мама там с твоей матерью — ее не удалось увести оттуда. Ей кажется, что, если она ляжет спать, непременно случится что-то ужасное.

— Я сейчас же беру Уоррена, и мы едем.

— Ради бога, Барни, — предостерегла Лора, — езжай осторожно!

Он разбудил брата и сбегал за машиной Сэнди Ливитта. Через два часа сорок пять минут они въехали на парковку для сотрудников. Оба бегом взлетели в кардиологическое отделение, где их ждала заплаканная Эстел. Луис заверил ребят, что жизнь их отца вне опасности.

— Сейчас он крепко спит. Думаю, вам следует увезти маму домой, ей нужно отдохнуть.

— А что произошло? — спросил Барни.

— У него был инсульт, — объяснил Луис. — То есть кровоизлияние в мозг в результате закупорки церебральной артерии. Пока еще рано говорить обо всех последствиях.

— А какие варианты? — взволнованно спросил Барни.

Луис старался говорить по возможности уверенно и при этом без утайки.

— От незначительных двигательных нарушений до полного паралича, включая нарушение речи. Но ты должен понимать, что есть

ситуации, когда врач просто не в состоянии давать какие бы то ни было прогнозы. А теперь я настаиваю на том, чтобы ты отвез всех домой.

— Иными словами, вы остаетесь? — уточнил Барни.

Луис кивнул:

— Вы его родные, а я — его лечащий врач.

Через неделю состояние Харольда улучшилось настолько, что он уже мог принимать посетителей и говорить тихим голосом, хотя и невнятно. К сентябрю, однако, стало ясно: он останется инвалидом. И никогда больше не сможет работать.

Эстел отправилась в Управление образования и начала долгую бюрократическую процедуру оформления мужу пенсии. Тут-то она и познала всю жестокость пенсионных законов. Харольд проработал в общей сложности тринадцать лет, а полагавшейся ему пенсии едва хватило бы на оплату отопления в зимний сезон. Пособие по ранению позволит выплачивать кредит за дом, но...

В тот вечер она обрисовала безрадостную картину Барни и Уоррену.

Закончив свой печальный отчет, она с тоской посмотрела на старшего сына. Барни все понял и, не дожидаясь вопроса, взял ответственность на себя.

— Мам, не волнуйся, я пойду работать. Старшеклассники освобождаются в час, так что, я думаю, подыщу себе что-нибудь на вторую половину дня плюс выходные.

Взгляд Эстел был полон благодарности.

И тут Уоррена осенило.

— А как же твой баскетбол? У тебя же каждый вечер тренировка!

— Знаю, Уоррен, знаю! — взорвался Барни. — Неужели непонятно, что мне придется уйти из команды?

Барни невидящими глазами смотрел на содержимое своего полуоткрытого шкафчика в раздевалке. Кроссовки, шорты, тренировочные штаны — все атрибуты спортивной жизни, столько лет его радовавшей! Он не мог заставить себя собрать шмотки и сдать тренеру.

Неожиданно до его слуха донесся шум, и в раздевалку ввалились его недавние товарищи по команде. Для всех это был неловкий момент.

Наконец Крейг Руссо нарушил молчание:

— Ливингстон, как твой отец?

— Неплохо, Крейг. Спасибо.

Теперь настал черед Сэнди Ливитта:

— Нам правда будет тебя не хватать.

— Ага. А мне — вас.

Тут Сэнди, со своей обычной бестактностью, добавил:

— Гмм... Слышал? Теперь я — капитан!

* * *

Барни удивился, увидев на улице дожидаящуюся его Лору.

— Я подумала, может, тебе не захочется одному тащиться домой...

— А-а... — После паузы он добавил: — Спасибо тебе, Кастельяно.

Недостатка в работе на неполную ставку не было. Точнее, не было недостатка в неквалифицированной работе за гроши.

Барни выбрал деятельность, сулившую хотя бы подобие разнообразия, — он нанялся в аптеку Ловенстайна на Ностренд-авеню (всего в нескольких кварталах от дома) продавцом газировки и разносчиком лекарств. Каждый день, отсидев последний урок, он мчался на работу (оплата у него была почасовая), облачался в белую куртку и нелепый белый картуз и шел торговать. Молочные коктейли, содовую и — в жаркую погоду — банановое мороженое у него покупали люди, которых он с детства знал как своих соседей.

Всякий раз, погружаясь в сладкие фантазии о метких бросках, он усилием воли возвращал себя к реальности и устало брел дальше по промозглым бруклинским улицам, доставляя заказанные лекарства.

Он утешал себя тем, что пытался рассматривать эту работу как начало профессионального обучения. В конце концов, не зря же старик Ловенстайн разрешает ему смотреть, как смешивает всевозможные снадобья.

— Помни одно, Барни, — с улыбкой говаривал фармацевт, — если в медицинском будешь специализироваться на фармакологии,

отличный диплом тебе обеспечен.

Аптека работала до половины восьмого, и Барни, как правило, оказывался дома в начале девятого. У мамы к его приходу всегда был наготове ужин, и, пока Уоррен наверху готовил уроки, она непременно сидела с Барни на кухне. Таким способом она выказывала ему свою благодарность за принесенную им жертву.

Все ее разговоры сводились при этом к сплошной цепи воспоминаний, что Барни принимал с сочувствием и грустью.

— Он всегда был таким энергичным! — с тоской замечала она.

— Да, мне говорили.

— Мы с ним всегда танцевали дольше всех. Я обычно падала с ног, но, когда мы приезжали домой, он еще мог идти в кабинет и до утра читать какого-нибудь римского автора, представляешь? Неудивительно, что его так любили в школе.

Барни клал ладонь на мамину руку.

— Мам, не мучь себя. Какая разница — с палкой он ходит или без? Разговаривать с ним мы все равно можем!

Она кивала:

— Ты прав. Нам еще надо радоваться. — Потом с любовью шептала: — Ты хороший мальчик, Барни.

Изо дня в день она повторяла свой трагический монолог почти дословно.

После этого для Барни наступал самый тяжелый момент. Он шел навестить отца.

Харольд большую часть времени проводил в постели за чтением. Сперва утренняя газета, затем что-нибудь научное, а к вечеру, после дневного сна, — «Уорлд телеграм». После ужина он обычно чувствовал такую усталость, что делать уже ничего не мог, а только сидел в кровати и принимал посетителей.

Чувствуя за собой вину за неспособность делать что-нибудь полезное, он обычно брал инициативу в разговоре на себя и пускался в рассуждения о последних событиях или о книге, которую в данный момент читал. И все равно в его голосе всегда слышалась едва заметная виноватая интонация.

Барни чувствовал это и старался отвлечь отца, рассказывая ему о собственных увлечениях и интересах. Как-то раз он коснулся и психоанализа.

— Послушай, пап, — спросил он, — ты читал Фрейда?

— Да, читал кое-что.

Ответ удивил Барни. Он не думал, что отец знаком с такими «новомодными» теориями.

— Когда я лежал в армейском госпитале, — продолжал Харольд, — там был один психиатр, который из сочувствия к нам часто навещал нас и заставлял снова и снова рассказывать о том, как именно мы были ранены. Наверное, раз по десять. И ты знаешь, помогло! Правда помогло.

— Каким же образом, пап? — как зачарованный, спросил Барни.

— Ты, должно быть, помнишь, как Фрейд объясняет процесс сновидения...

— Я знаю. Он говорит, что сон — это высвобождение подсознательного...

— Вот именно. Скажем так, тот доктор способствовал излечению моей психики путем «озвучивания сновидений». До того я каждую ночь переживал заново ту бомбежку, а бесконечные рассказы о ней в конце концов прекратили эти кошмары.

Тут Харольду пришла в голову одна мысль.

— А кстати, по какому предмету ты это проходишь? Барни смущенно признался, что читает книжки по психологии в свободное время. Оба знали, что такового у него нет, и он приготовился выслушать упреки в небрежении школьными занятиями. Но отец опять его удивил.

— Что ж, сын, оценки твои это никак не улучшит, но я всегда считал, что истинная цель образования — это стимулирование мыслительного процесса. Скажи-ка мне, а Юнга ты читал?

Барни помотал головой.

— Ну, я думаю, тебе стоит познакомиться с его теорией сновидений и «коллективного бессознательного». Тогда мы, пожалуй, могли бы с тобой и это обсудить.

— Конечно, пап. Обязательно. Я попрошу маму принести мне из библиотеки.

— В этом нет необходимости, — возразил Харольд. — У меня эта книжка есть — в кабинете, на той же полке, где и Артемидор.

С того дня вечерние разговоры с отцом стали для Барни лучшей частью суток.

Обычно Барни удавалось усесться за уроки только после десяти. К полуночи он уже был настолько измочален, что без сил валился на кровать. Его показатели в учебе, как и следовало ожидать, начали снижаться.

В выходные возможности наверстать упущенное тоже не было. По субботам он был обязан являться к Ловенстайну уже к восьми утра и работал полный день.

Оставались только воскресные дни. Но у Барни появился некий фатализм по отношению к своему будущему: «баскетбольная» стипендия ему больше не светила, а с его нынешними оценками в школе навряд ли можно рассчитывать на поступление в Колумбийский университет.

Тогда какая разница? Почему не использовать единственный свободный день для того, чтобы пойти на площадку и сыграть несколько десятков партий, чтобы выпустить пар? Он играл упоенно и подолгу, пока остальные игроки, один за другим, от усталости не расходились по домам.

Как он и ожидал, оценки за первое полугодие у него оказались ниже прошлогодних. Однако средний балл пока еще держался выше девяноста, что само по себе оставляло какие-то шансы на Колумбию. Особенно если успешно написать приближающиеся вступительные тесты.

Главная задача этих общенациональных испытаний состояла в определении способности кандидатов ориентироваться в мире цифр и слов. Теоретически это было как анализ крови — нечто такое, чему нельзя научиться.

Но на практике все рождественские каникулы выпускники посвящали интенсивным занятиям с репетиторами, дабы улучшить эти свои способности. Если семья мечтала о карьере для своего отпрыска, она наскребала двести долларов, которые обычно требовались для того, чтобы дети казались умнее, чем они есть.

Инес Кастельяно считала это своего рода очковтирательством, противоречащим ее понятию чести. Но Луис был реалистом и уговорил жену. Зачем ставить собственную дочь в заведомо проигрышное положение? Он даже великодушно предложил оплатить

репетиторов для Барни, но принять это предложение тому не позволила гордость.

В Рождество у Барни был рабочий день (за двойную оплату), поскольку все аптеки в округе по очереди выполняли роль дежурной и на сей раз выпал черед Ловенстайна. Барни было очень одиноко — главным образом потому, что в последнее время он практически не виделся с Лорой. Она то была у репетитора, то где-нибудь развлекалась.

Она объявилась за неделю до экзаменов и предложила открыть Барни кое-какие уловки, которым научилась у своих репетиторов. Такую помощь он с благодарностью принял, и несколько вечеров подряд они занимались вместе.

Результат тестов оказался неожиданно хорошим. Лора получила 690 баллов по языку и 660 — по математике. Этот великолепный результат был превзойден Барни — у того оказалось 720 и 735 соответственно.

— Черт возьми, Барн, — прокомментировала Лора, — да с такими баллами тебя любой университет в стране с руками оторвет!

— Да уж, — криво усмехнулся он. — Только если бы я в этом году мог играть в баскетбол, мне хватило бы и двадцати очков за игру.

Установился мороз, и Барни стал приходить домой похожим на сосульку. В иные дни ему не удавалось урвать больше четырех часов для сна. Но это было его последнее полугодие, финишная прямая. Пройдет месяц с небольшим, и они получат ответы из университетов. Все будет позади, можно будет радоваться.

Или плакать.

Как-то субботним вечером Барни просидел в аптеке почти до полуночи, помогая мистеру Ловенстайну проводить инвентаризацию. Он доплелся до дому по серой слякоти и, с трудом переставляя ноги, поднялся на крыльцо с одной-единственной мыслью — поскорее лечь спать, но при этом не видеть во сне пачки аспирина, антигистаминных и слабительных препаратов.

Но в тот момент, когда он стягивал с себя куртку, желудок напомнил о том, что получил на ужин один только сэндвич. Барни

поташился на кухню. Он удивился, обнаружив там свет. И совсем изумился, увидев Лору.

— Эй, какого черта ты тут делаешь посреди ночи? Да еще в субботу?

— Барни, мне надо с тобой поговорить. Это очень серьезно.

— Отец? — ахнул он — Что-то опять с папой?

— Нет-нет. — Она помолчала, а потом едва слышно добавила:
— Со мной, Барн. У меня беда. Я понимаю, ты сейчас устал...

— Ничего-ничего, это неважно. Ты садись, я сейчас перехвачу бутерброд, и мы поговорим.

— Нет, только не здесь. Давай пройдемся?

— В такой час?

— Ну, только вокруг квартала, а свой бутерброд ты сжуешь по дороге.

Он впервые внимательно посмотрел ей в лицо. В глазах девушки было отчаяние.

— Ладно, Кастельяно, пошли.

Барни прихватил горсть шоколадного печенья, набросил на плечи забрызганную грязью куртку, и они вдвоем вышли на улицу.

Первые сто метров они преодолели в полной тишине. Наконец Барни не выдержал:

— Может, скажешь все-таки, что случилось?

— Я... Я залетела, — пролепетала Лора. — У меня задержка. Уже две недели.

— Хочешь сказать, ты беременна?

Она только кивнула.

— Господи, как же это случилось?

— Я не знаю, Барн. Мне так стыдно... Правда! И еще я ужасно боюсь.

Его вдруг охватила страшная обида, словно его предал лучший друг.

— А что же ты не пошла к тому сукину сыну, который это сделал? — выпалил он.

Произнести слово «отец» он не смог.

Она покачала головой:

— Потому что он кретин. Ты единственный человек, кому я могу об этом сказать.

— Стало быть, я должен чувствовать себя польщенным? — Он устало вздохнул, но вдруг понял, каково сейчас на душе у Лоры, и постарался совладать с собственными чувствами. — Ладно, — медленно, с расстановкой сказал он, — могу я все же поинтересоваться, кто этот человек?

— Это... Это Сэнди Ливитт.

Тут уж Барни не сумел сдержаться.

— Почему он, черт тебя побери! Получше никого не нашла?

— Ну пожалуйста, Барни, взмолилась она, — наорать на меня и родители могут! — Из ее глаз полились слезы. — Пожалуйста, Барни, — всхлипывала она, — помоги мне!

В безмолвной темноте зимней ночи он остановился и шепотом сказал:

— Успокойся, Лора. Давай вернемся в тепло и все обговорим. Мама уже давно спит, и нас никто не услышит.

Вернувшись в дом, они принялись суммировать то небольшое, что знали о подпольной медицинской практике (а они ничего о ней не знали), и попытались выработать какой-то план действий.

Барни было столь же тяжело слушать, как Лоре говорить. В его душе отчаянно боролись гнев и сочувствие.

Лора знала двух девушек из их школы, которые попадали в подобное положение. Каждая решила проблему по-своему.

Одна заплатила пятьдесят баксов какому-то подозрительному типу в задрипанной двухкомнатной квартире на шестом этаже многоквартирного дома в районе Редхук. Все вышло хуже некуда, и ей еще повезло, что осталась жива. «Лекарь», по ее словам, был настолько грязен, что у него было черно под ногтями.

Вторая девушка рассказала обо всем родителям, и те, хотя и пришли в ужас, устроили ей аборт в прекрасных клинических условиях. Но для этого ей пришлось ехать в Пуэрто-Рико во время летних каникул, когда ее отсутствие мало кто заметил.

— Барни, что же нам-то делать? — спросила Лора и тут же пристыженно поправилась: — Прости, не нам, конечно, а мне. Это моя проблема.

— Ты не права, Кастельяно. Успокойся. Мы найдем подходящее решение. Во-первых, скажи: ты абсолютно уверена, что беременна?

— Барни! Уже две недели задержка! Обычно у меня организм работает как часы.

— Ладно, тогда нам надо найти настоящего врача, и поближе, чем в Пуэрто-Рико. Лучше всего было бы спросить твоего отца — ну, сказать, что это для кого-то другого...

— Нет, Барни, он меня раскусит в момент. Я скорей умру, чем ему признаюсь.

Лора отвернулась. Все ее тело содрогалось от сдавленных рыданий. Барни встал, обошел вокруг стола и обнял ее за плечи.

— Лора, я же сказал, что обо всем позабочусь.

А сам подумал: «Хотелось бы мне знать как».

Весь воскресный день Лорина проблема не выходила у него из головы, вытеснив все остальные заботы. К вечеру ему удалось убедить себя в том, что на следующий день он непременно найдет в школе кого-нибудь, кто подскажет выход.

Утром в понедельник они ехали в школу в полном молчании. Барни поразило, что внешне все было как обычно. Девушка, сидящая сбоку от него, была той же самой Лорой, которую он знал столько лет. Только теперь в ее теле рос еще один человечек.

Они распрощались у входа, и Барни начал свои поиски. Каждую перемену он, как охотник, высматривающий добычу, вышагивал по коридорам, напряженно вглядываясь в каждое встречное лицо. В обеденный перерыв он провел разведку в столовой, и с тем же результатом. К часу дня он не продвинулся ни на йоту.

Барни пришел в аптеку и сел за сортировку заказов, уже приготовленных к доставке. Мистер Ловенстайн, как всегда, подошел к нему и прочел будущему доктору краткую лекцию о достоинствах разных препаратов. Барни вежливо слушал, затем сгреб все в небольшой полотняный мешок и шагнул в пронизывающую стужу, где он зато мог остаться наедине со своими мыслями.

И только на обратном пути его осенило. А что, если обратиться к мистеру Ловенстайну? Ведь он знает не меньше любого врача, а общается изо дня в день с десятками медиков! Почему бы его не спросить?

«Потому, — тут же ответил он себе, — что, если он разозлится, а он наверняка разозлится, я потеряю место».

Снимая галоши, он все же взглянул на своего работодателя. Лицо у него доброе, что правда, то правда. И хотя аптекари не приносили клятву Гиппократу, Барни знал, что старик не сплетник. Когда к нему в руки попадал рецепт на лекарство, компрометирующее больного (например, когда кто-то из его клиентов подцепил гонорею), он оставлял Барни присмотреть за аптекой и лично доставлял лекарства, ни словом не упоминая о том, куда направляется.

До закрытия оставалось меньше пятнадцати минут, и мистер Ловенстайн уже запирали шкафчики с опасными лекарствами. И тут к нему подошел Барни с просьбой переговорить.

— Конечно, Барни, что там у тебя? Если хочешь попросить прибавки — можешь не волноваться, я и так собирался поднять тебе зарплату со следующего месяца.

— Нет-нет, — поспешно возразил паренек. — Я совсем о другом.

— Так что у тебя за проблема?

— Понимаете... — Он помялся, но тут же быстро выпалил; — У меня знакомая девушка попала в беду.

Старик внимательно посмотрел на Барни и пробурчал:

— Правильно ли я понимаю, что в ее «беде» повинен ты?

Барни кивнул.

— Это ужасно, — сказал аптекарь, но беззлобно. — Как ты думаешь, зачем мы тогда продаем контрацептивы? Молодые люди, если хотят заниматься подобными вещами, по крайней мере, обязаны принимать надлежащие меры предосторожности. По правде сказать, Барни, ты меня крайне удивил.

— Да, сэр.

Наступила пауза. Казалось, оба размышляли, чья теперь очередь говорить.

Наконец Барни собрался с духом и произнес:

— Мистер Ловенстайн, а есть какой-нибудь выход из положения? Поверьте, мне ужасно стыдно к вам обращаться, но она в таком отчаянии... То есть — мы оба. Я не хочу, чтобы она отправилась к какому-нибудь сомнительному мяснику и рисковала жизнью. — Он почувствовал себя крайне неловко и забормотал: — Наверное, мне не нужно было с вами об этом говорить...

Аптекарь вздохнул:

— Барни, чего уж точно не нужно было делать, так это ставить девушку в такое положение. Но раз вы по какой-то причине не можете пожениться — а в вашем возрасте это вполне объяснимо, — то следует избрать другой путь. Заметь, я отнюдь не уверен, что это правильное решение. Я не Бог. Но чем смогу, помогу.

Барни испытал колоссальное облегчение. Ему даже захотелось обнять старика.

— Запри двери и приходи в кабинет, — скомандовал тот.

Барни поспешил исполнить приказание и вошел в комнатку, служившую аптекарю конторой. Тот писал на каталожной карточке номер телефона.

— Не спрашивай, откуда у меня этот номер, — предостерег старик. — Но насколько я слышал, этот человек работает крайне аккуратно. Он даже выписывает послеоперационные антибиотики — чтобы подстраховаться.

Барни взглянул на карточку.

— Доктор Н. Олбриттон, Пенсильвания?

Хозяин пожал плечами:

— Это все, что я могу для тебя сделать, мой мальчик. Говорят, он принимает по выходным, так что это несколько упрощает дело. Больше от меня ничего не жди. Итак?

— Простите, сэр?

— Ты что, собираешься звонить по такому вопросу из дома? Садись и действуй.

Мистер Ловенстайн тактично удалился, а Барни в легком шоке позвонил в междугороднюю и продиктовал телефонистке номер в Честере, штат Пенсильвания.

Через несколько секунд в трубке раздался спокойный голос доктора. Теперь наступило самое трудное.

Барни постарался выложить суть дела как можно быстрее и в то же время напустить туману, чтобы не выдать имени Лоры. Но врача эти детали, судя по всему, совершенно не интересовали.

— Я, кажется, понимаю, в чем ваша проблема. Вам было бы удобно приехать ко мне в клинику утром в субботу? Это недалеко от Филадельфии.

— Конечно, конечно. Мы приедем, когда вы назначите.

— Ну, тогда, скажем, в одиннадцать. Устроит?

— Да, сэр, разумеется. Большое спасибо.

Но разговор на этом не закончился.

— Мистер Смит, полагаю, вы в курсе моих тарифов?

— Нет, но мы приедем с деньгами, не беспокойтесь. Кстати, сколько именно это стоит?

— Четыреста долларов. И разумеется, наличными.

Барни онемел.

Наконец в трубке раздался вежливый голос:

— Мистер Смит, это для вас ничего не меняет?

— Нет-нет, все в порядке, — охрипшим голосом ответил Барни.

Как только мистер Ловенстайн вернулся в офис, оба оделись и вышли через черный ход.

Барни переполняло чувство благодарности. Он повернулся к старику и взволнованно сказал:

— Мистер Ловенстайн, как мне вас благодарить?

Старик остановился и внимательно посмотрел на своего посыльного.

— Ты отблагодаришь меня тем, что никогда и никому не обмолвишься ни словом. Никому, запомни!

* * *

— Господи, Барни, откуда же я возьму четыреста долларов? У меня на счету и полтинника не наберется! Мы снова там, с чего начали. И мы ничего не можем сделать! — Она опять расплакалась.

Он ответил без тени колебания:

— Слушай меня, Кастельяно, в субботу мы едем к врачу, и все будет в порядке.

— А как же четыреста долларов?

Барни улыбнулся:

— Не волнуйся. У меня на счету почти вся эта сумма.

Она в изумлении уставилась на него.

— Но ты же за эти деньги пахал как проклятый! Ты ведь копил на колледж!

— Неважно. Это мои деньги, и я волен делать с ними что хочу. Так что давай не будем тратить время на дискуссии, а лучше

придумаем, что нам наврать родителям, когда мы исчезнем в субботу на полдня.

Лору охватило чувство, которое она не могла описать. Наконец она негромко проговорила:

— Барн, я знаю, это звучит глупо, но я бы сделала для тебя то же самое.

— Я знаю, — серьезно ответил он.

На следующий день после школы Барни зашел напрямик в сберегательный банк «Дайм-Сейвингс» и снял со своего счета 387 долларов 56 центов, а Лора, сняв со своего 46 долларов 1 цент, отправилась брать билеты на автобус — по 6,75 с человека туда и обратно.

Барни распланировал поездку не менее тщательно, чем Ганнибал — переход через Альпы. Один автобус отходил в семь утра и прибывал в Филадельфию около девяти часов. Значит, у них будет еще два часа, чтобы спокойно добраться до клиники Олбриттона.

Мистер Ловенстайн дал Барни отгул, а родителям они сказали, что пойдут добывать входные билеты на «Антония и Клеопатру» с Лоуренсом Оливье и Вивьен Ли. Поскольку выходить из дому придется ни свет ни заря, то они позавтракают в закусочной «Недюсс» на Таймс-сквер. А после театра зайдут в «Линдиз» или «Джек Демпси» и перехватят по сэндвичу или сырному пирогу, так что дома объявятся не рано.

Было уже за полночь, а Барни все ворочался в постели, тщетно пытаясь заснуть. Вдруг он услышал звук, похожий на стук камешка об оконное стекло. Он выглянул на задний двор и узнал Лорин силуэт. Через минуту он был внизу.

— Барни, у меня началось! Месячные начались!

— Нет, не может быть... Значит, ложная тревога?

Она принялась смеяться и плакать одновременно.

— Да, Ливингстон, да! Ложная тревога. Разве не здорово? — Она обвила его шею руками, они обнялись.

— Кастельяно, ты себе представить не можешь, как я за тебя рад! — прошептал он.

— Послушай, Барни, — с жаром ответила она, — я никогда этого не забуду. Ты лучший парень на свете!

Как и предполагалось, Лору приняли в Редклифф. На полную стипендию. Она с восторгом ожидала учебы в колледже, ведь это давало ей идеальную стартовую площадку для штурма главной цитадели — медицинского факультета Гарварда.

Барни повезло существенно меньше. В Колумбию его приняли, но без стипендии. Точнее, университет обеспечивал ему бесплатное обучение, и только.

— Значит, ты опять сможешь играть в баскетбол? — спросила Лора.

— Да, если у них тренировки между полуночью и четырьмя утра, — с горечью ответил он.

Преисполненный решимости сполна вкусить прелестей студенческой жизни, Барни нашел себе работу с таким расчетом, чтобы зарплаты хватало на помощь семье в прежнем объеме и на оплату общежития.

Первого июля он приступил к обязанностям помощника швейцара в «Версале» — так назывался фешенебельный многоквартирный дом в одном из самых модных районов Нью-Йорка. Работы было много, но он неплохо зарабатывал и к первому сентября уже сумел оплатить общежитие за целый семестр.

Неожиданно настал момент расставания Лорой. Все лето он гнал от себя мысль об этом. Даже тогда, когда за неделю до ее отъезда он увидел из окна, как двое грузчиков «Рейлвей экспресс» загружают в фургон ее чемодан.

Вечером накануне ее отъезда они сидели вдвоем на заднем крыльце и смотрели на баскетбольный щит, к которому не подходили уже давным-давно.

— Страшно тебе, Кастьяно?

— Точнее сказать, я в каком-то ступоре. Мне все кажется, что меня приняли по ошибке и я провалюсь на всех экзаменах.

— Да, — поддакнул он, — это мне знакомо.

Они опять замолчали. Потом Лора вдруг шепотом чертыхнулась.

— Что такое? — удивился он.

— Черт! Жаль, что тебя не будет в Бостоне.

— Да уж... Я бы не прочь поиграть за «Бостон селтикс», но надо быть реалистами.

— А мне это не нравится — быть реалисткой.

— Тогда как же ты собираешься стать врачом?

— Не знаю, — честно призналась она. — Я правда не знаю.

Научный руководитель Лоры Джудит Болдуин, бойкая адъюнкт-профессорша биологии, не выказала никакого энтузиазма по поводу намерения своей новой студентки пробиваться в медицинский. Тем более в Гарвард. Сама она, призналась мисс Болдуин, двенадцать лет назад получила от ворот поворот.

— Конечно, не следует переводить это в личностную плоскость — в то время такова была официальная политика университета. На медицинский факультет Гарварда женщин стали брать только начиная с тысяча девятьсот сорок пятого года.

— И даже в войну не брали? — Лора была поражена.

Джудит покачала головой:

— По-видимому, женщины не считались достойными столь престижного заведения. Да и сегодня принимают не более пяти-шести девушек в год, причем считают это величайшей уступкой со своей стороны. Еще в тысяча восемьсот восемьдесят первом году несколько бостонских женщин предложили Гарварду что-то порядка миллиона долларов, чтобы университет согласился готовить ежегодно по нескольку женщин-врачей. Можно себе представить, какая это в то время была сумма! И что бы ты думала? Гарвард ответил «нет».

Нельзя сказать, чтобы все это укрепило Лору в ее намерении.

Джудит поведала еще кое-что:

— Любопытно, но одна женщина в то время на факультете все же училась. Тебе что-нибудь говорит имя Фанни Фармер?

— Это та, что написала кулинарную книгу?

Джудит кивнула:

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но в те времена кулинария на медицинском была в числе обязательных дисциплин.

— Для чего же?

— Точно не скажу, — ответила Джудит — Но поскольку жениться студентам не разрешалось, то, по-видимому, профессора сочли, что им следует научиться себе готовить.

— Похоже на монастырский устав, — заметила Лора. — Но я все равно хочу попытаться счастья, профессор Болдуин. Вы мне поможете?

— Только в том случае, Лора, если ты внутренне готова к провалу. Уж поверь мне, можно сойти с ума, когда видишь, как парень, который сидел рядом с тобой на биологии или химии и которого ты фактически натаскала, чтобы он с грехом пополам смог заработать положительную оценку, становится студентом-медиком, а ты со своим высшим баллом оказываешься недостойной. Если мои слова звучат горько, то они вполне отражают то, что у меня на душе.

— Хотите меня отговорить? — спросила Лора.

— А это возможно? — поинтересовалась Джудит.

— Нет, — твердо заявила девушка.

— Отлично! — Профессорша улыбнулась. — Тогда давай разрабатывать план кампании.

Вернувшись в общежитие, Лора обнаружила ворох записок от незнакомых парней. А кроме того, письмо от Барни.

Привет, Кастельяно!

Это первый текст, который я печатаю на машинке, подаренной мне твоими предками по случаю окончания школы.

Я только что вселился в Джон Джей-холл. Келью мою просторной не назовешь. По сравнению с ней телефонная будка тянет на Центральный вокзал. Зато я уже познакомился с несколькими классными ребятами и множеством подготовишек с медицинского.

Забавно, но никто из этих подготовишек мне классным не показался. Такое ощущение, что они все подвержены болезни, которую можно назвать синдромом царя Мидаса. На досуге читают — ты не поверишь — «Экономику медицины».

Колумбия произвела на меня большое впечатление, и, хотя мне требуется обязательный набор наук, я решил специализироваться в английском. Не мог же я упустить случай слушать лекции таких тяжеловесов, как Жак Барзен и Лайонел Триллинг! Последний читает здесь курс под названием «Фрейд и кризис культуры». Представляешь, это считается курсом по литературе!

Все было бы прекрасно, если бы не заставляли слушать органическую химию, но я хочу отделаться от этой гадости поскорее, чтобы не висела надо мной дамокловым мечом.

На прошлой неделе я ради хохмы пошел на баскетбольные пробы для первокурсников. Поскольку я заранее знал, что играть мне не светит, даже если каким-то чудом окажусь в команде, то я был спокоен как слон.

Зал был битком набит спортсменами, но малопомалу зерна были отделены от плевел (чувствуешь, как я оседлал сельскохозяйственные метафоры?), а меня все еще не отсеяли. Когда остались последние две пятерки, я совсем озверел и стал пробовать невероятно дальние броски — и даже левый крюк, — и все, как по волшебству, ложились в корзину. В конце концов я оказался пред светлым ликом тренера первокурсников, невероятного пижона из богатеньких по имени Кен Кэссиди.

И вот после его полной энтузиазма речи я подхожу и говорю, что по финансовым соображениям не смогу принять его любезное приглашение.

То, что он произнес в ответ, отчасти поколебало его образ идеального джентльмена. Как это я, эдакий сукин сын, мог тратить его драгоценное время, если я заведомо знал, что не смогу играть? И т. д., и т. п. Должен тебе сказать, что некоторые из

употребленных им эпитетов я даже на бруклинских спортплощадках не слышал.

Ладно, побежал. Опущу письмо по дороге на работу.

Надеюсь, ты себя хорошо ведешь?

С любовью

Барни.

На Рождество у них накопилось столько новостей, что они проговорили до четырех часов утра. Из того, с каким энтузиазмом Барни рассказывал об интеллектуальных гигантах, чьи лекции он имеет возможность слушать, Лора заключила, что Колумбийский университет дает лучшее образование, чем Гарвард.

Но одно роднило эти заведения: среди тех, кто готовился продолжать учебу на медицинском, были в подавляющем большинстве мужчины, да к тому же беспринципные, преисполненные духа соперничества зубрилы, которые, не задумываясь, испортят твою лабораторную по химии, стоит тебе отлучиться по естественной надобности.

На следующий день был еще один долгий ночной разговор. На сей раз тема была животрепещущей для обоих — родители.

Харольд Ливингстон нашел способ избавиться от ощущения собственной никчемности. Ему пришла в голову мысль использовать приобретенные на фронте навыки для перевода классических произведений восточной литературы, начиная с «Повести о Гэндзи», самого известного японского средневекового романа.

Барни гордился мужеством отца и попытался заверить Уоррена, что для Харольда это не просто способ борьбы с болезнью. Он подошел к этому вопросу по-деловому и, перерыв университетскую книжную лавку, пришел к выводу, что работа Харольда может восполнить существенный пробел в издании художественной литературы.

— Ему это придаст новых жизненных сил.

Что касается Лоры, то ей встреча с семьей радости не принесла. Едва войдя в родительский дом, она ощутила, что семейная жизнь

Кастельяно трещит по швам. Каждый старался сделать Лору своей союзницей, словно ища в этом оправдание избранному им пути. А пути их теперь совсем разошлись.

Инес, которая стала так часто бывать в церкви и исповедоваться в грехах, что едва ли успевала нагрешить в промежутках, уговаривала Лору пойти с ней к исповеди.

— Извини, мама, — ответила дочь, — но мне не в чем исповедоваться.

— Дитя мое, мы все от рождения грешники.

На мгновение Лора забыла, что первым ослушанием человека был Адамов грех. Ей вспомнилось другое позорное пятно, павшее на человека после изгнания из рая: Каинова печать. Это было ближе к тому, что она видела дома. Разве я сторож сестре моей? Она знала, что ответ — по крайней мере, в представлении ее матери — будет утвердительным.

Общество отца тоже тяготило ее. Однажды, вернувшись домой поздно вечером, она услышала, как отец зовет ее пьяным голосом из кабинета: «...Venga, Laurita, vengacharlar con tu papa..» «Иди сюда, поговори с отцом!»

Она нехотя повиновалась.

Луис сидел в рубашке с короткими рукавами, обеими руками облокотясь на стол, на котором красовалась наполовину опустошенная бутылка.

— Выпей со мной, Лаурита, — предложил он, едва ворочая языком.

— Нет, папа, спасибо, — ответила она, стараясь сохранять спокойствие. — И тебе, по-моему, тоже уже хватит.

— Нет, дочь моя, — ответил отец. — Боль еще не ушла.

— Что? Я не поняла.

— Я должен пить до тех пор, пока не перестану чувствовать боль бытия.

— Перестань, папа, не надо подводить философскую базу! Ты просто пьяный старик.

— Не такой уж я и старик, Лаурита, — возразил Луис, ухватившись за последнее определение. — В том-то вся и трагедия. Твоя мать отреклась от мира, от дьявола и от всего плотского. Она не подпускает меня...

— Мне так необходимо это выслушивать? — перебила Лора, чувствуя нарастающее смущение.

— Нет-нет, конечно! Я просто подумал, может, если ты увидишь, как тяжела моя жизнь, тебе будет легче понять, почему я пью.

Она не знала, что ответить.

Но отец продолжал:

— Хоть бутылка от меня не отворачивается. Когда мне холодно, она меня согревает. Когда страшно, утешает.

Этот разговор показался Лоре невыносимым.

Она встала.

— Я иду спать. Мне завтра заниматься.

Уже в дверях она снова услышала голос отца:

— Лаурита, я тебя умоляю! Ведь я — твой отец...

Она не обернулась. Она была смущена и оскорблена. И потерянна.

Эстел, разумеется, заметила, что никто из семейства Капельяно практически не притронулся к угощению, любовно приготовленному ею по случаю Рождества. Инес сидела как каменное изваяние, Луис пил вино, а Лора то и дело смотрела на часы, считая не то что дни, а часы и минуты до благословенного возвращения в Бостон.

Нелегкая обязанность по поддержанию беседы легла на хрупкие плечи Харольда Ливингстона.

Он с улыбкой повернулся к Лоре.

— Барни говорит, вы оба в этом семестре заработали по высшему баллу за органическую химию. Не забрасывайте это дело — и двери в медицинский для вас открыты.

— Для Барни — может быть, — согласилась Лора. — Но моя научная руководительница говорит, что в медицинских кругах женщины не приветствуются. Только для того, чтобы попасть на собеседование, нужно совершить нечто из ряда вон выходящее: стать лучшей в своей группе, заручиться рекомендательным письмом от Господа Бога или, на худой конец, апостола Луки.

Краем глаза она видела, как задело Инес ее богохульство.

— Ну, Лора, ты преувеличиваешь! — сказал Харольд Ливингстон.

— Ну хорошо, — не унималась та. — Кто-нибудь может мне назвать трех известных женщин-врачей за всю историю?

— Флоренс Найтингейл, — немедленно выпалил Уоррен.

— Болван! Она была медсестрой, — оборвал Барни.

— Ну... — медленно начал Харольд, принимая вызов, — в одиннадцатом веке была, например, такая Тротула, профессор медицины в университете Салерно. Она даже написала известный труд по акушерству.

— Ого, мистер Ливингстон! Неплохое начало, — улыбнулась Лора. — Осталось еще две.

— Ну, еще можно назвать мадам Кюри, — сделал новую попытку Харольд.

— Прошу прощения, мистер Ливингстон, но она была всего лишь химиком. Причем и ей пришлось пробиваться. Ну что, сдаетесь?

— Сдаюсь, Лора, — уступил Харольд. — Но поскольку ты специализируешься в истории естествознания, ты должна сама знать ответ на свой вопрос.

Например, недавно «Нью-Йорк таймс» написала о докторе Дороти Ходжкин, которая открыла витамин В₁₂ как средство от пернициозной анемии. Еще могу назвать Хелен Тауссиг — тоже, между прочим, училась в Редклиффе, но на медицинский в Гарвард ее не взяли. Она провела первую в мире успешную операцию ребенку с врожденным пороком сердца. Пожалуй, еще несколько имен я могла бы назвать, но их все равно не наберется и на футбольную команду.

Вдруг подал голос Луис:

— Лаурита, ты это изменишь! Ты станешь великим врачом.

В обычных обстоятельствах Лора была бы благодарна отцу за поддержку.

Но сейчас Луис был в стельку пьян.

Летом Барни наконец добился первого настоящего успеха на любовном поприще. Этим он был обязан далекой от излишнего романтизма, энергичной мисс Рошель Перски, которая, со всей страстью обнимая Барни на диване в родительской гостиной, нежно прошептала:

— Так ты собираешься это сделать или нет?

Он собирался.

И они это сделали.

Естественно, его так и распирало от гордости. В письме к Лоре он туманно намекнул на это, хотя, конечно, в детали вдаваться не стал. Это не был литературный прием: он облек новость в форму намеков не

столько из благородства, сколько из желания еще более подчеркнуть свое новое качество. (Он подписал письмо: «Далеко не невинный Барни».)

С Лорой Барни увиделся только в августе, когда она скрепя сердце навестила родителей в доме в Непонсете, — обе семьи к тому времени сговорились о его совместной покупке.

Уоррен, который перешел в выпускной класс Мидвудской школы, работал помощником официанта в Гринвуд-мэноре, знаменитом горном курорте в Кэтскилле. В письме родителям он передавал Барни, что самые большие чаевые в его заведении платят официантам из числа студентов-медиков. Что касается его будущей специальности — юриспруденции, — то она еле-еле вытягивала его в этом негласном состязании на второе место.

После ужина Лора с Барни отправились полюбоваться морским закатом.

— Как твои? — поинтересовался он.

— У меня не будет времени в этом разобраться, — ответила она. — В понедельник утром у меня поезд на Бостон.

— Но ведь до начала занятий еще полтора месяца!

— Да, но меня пригласил приятель погостить у его родителей на Кейп-Код.

— Что-то серьезное или ты просто выезжаешь на природу? — спросил он.

Она пожала плечами.

Барни не уловил, темнит она или действительно не знает, что сказать.

— Ну а что за парень-то?

— Его зовут Палмер Тэлбот.

— Похоже на название спортивного автомобиля, — заметил Барни. — Хороший парень?

— Слушай, Ливингстон, неужели я стала бы встречаться с каким-нибудь козлом?

Он посмотрел на Лору с хитрой улыбкой и ответил:

— Не исключено. О твоих прошлых проделках нам известно.

— Может, это будет другой случай.

— Конечно, тем более что и имя у него такое звучное.

На обратном пути Лора повнимательней взгляделась в Барни и впервые заметила в его лице следы усталости.

— Барн, эта ночная работа сведет тебя в могилу. Может, найдешь себе что-нибудь полегче?

— Нет, Кастельяно, мне эта работа нравится. У меня там куча времени для занятий. А кроме того, я продвигаюсь по службе! В будущем году я уже буду называться старшим швейцаром.

— И все равно ты себя гробишь! — не унималась она.

— Послушай, ты пока еще не врач.

— Да, но если так дальше пойдет, то, когда я поступлю на медицинский, в анатомичке мне придется препарировать тебя.

В 1955 году американцы дважды в восторге вываливали на улицы. В первый раз — в связи с беспрецедентным в истории Бруклина случаем — «Доджерс» в кои-то веки побили «Нью-Йорк янкис» и выиграли чемпионат!

А затем вся страна всколыхнулась от обнародованных 12 апреля результатов широкомасштабных испытаний разработанной доктором Джоном Солком вакцины от полиомиелита. Вывод был однозначен: вакцина эффективна. Полиомиелит побежден!

Больше в мире не будет трагедий, подобных той, что унесла жизнь маленькой Исабель Кастельяно. Да благословит Господь доктора Солка!

Но как жаль, что свое открытие он не сделал раньше.

Наступили первые сентябрьские выходные, совпавшие в этом году с Днем труда.

В воскресенье утром Уоррен усердно переваривал спортивную страницу «Таймс» и пончик с джемом, в то время как отец бесцельно листал «Книжное обозрение». Сегодня Харольд выглядел бледнее и слабее обычного. И курил уже третью за это утро сигарету.

— Дорогой, еще кофе? — заботливо спросила Эстел.

— Нет, спасибо. Что-то мне душновато. Пойду-ка я лучше в сад, глотну свежего воздуха.

— Вот и чудесно. Я с тобой! — откликнулась жена.

Харольд вцепился в трость и с усилием поднялся.

Он упорно не позволял себе помогать.

Уоррен перешел уже к «Событиям недели», когда из сада донесся панический вопль матери: «Помогите! Помогите! Кто-нибудь, скорее сюда!»

Через секунду Уоррен был во дворе. Отец лежал на земле.

— Мам, что случилось?

— Мы стояли и разговаривали, — всхлипнула Эстел. — И вдруг папа упал. Мне кажется, он без сознания. Не знаю... Я не знаю...

Уоррен опустился на колени и внимательно посмотрел на отца. Глаза у того были закрыты, а лицо — пепельно-серое. Уоррен схватил отца за плечо и закричал, словно хотел его разбудить: «Папа! Папа!» Ответа не было. Он поднес ладонь к отцовскому носу, но не понял, дышит тот или нет. Кажется, да. Но уверенности у него не было. Тогда он приник ухом к груди Харольда.

— Мам, порядок! Я слышу, у него сердце бьется. Только как-то слишком часто. Я позову доктора Кастельяно!

Эстел кивнула, от страха не в силах говорить. Уоррен помчался к соседям, а мать опустилась на землю рядом с мужем и положила его голову себе на колени.

Машины Луиса перед домом не оказалось. Уоррен взлетел по ступенькам и позвонил в звонок, одновременно колотя в дверь другой рукой. Открыла Инес.

— Папе плохо! У него обморок или что-то в этом духе. А где доктор Кастельяно?

— Ох, Пресвятая Дева Мария, он только что уехал по вызовам. Когда вернется, не знаю. Послушай-ка, тут неподалеку, на Парк-плейс, живет доктор Фриман.

Она показала влево.

— Спасибо. Какой номер дома?

Она покачала головой:

— Не знаю. Но это единственный многоэтажный дом в квартале. Снаружи — медная табличка с его фамилией. Быстро тащи его сюда! А я побегу к Эстел. Может, ей помощь нужна.

Меньше чем через две минуты запыхавшийся Уоррен стоял перед подъездом дома 135 по Парк-плейс и жал кнопку звонка рядом с надписью «Оскар Фриман, доктор медицины». Вскоре в домофоне раздался мужской голос:

— Говорит доктор Фриман. Чем могу быть полезен?

— Доктор, у меня с отцом плохо. Он в обмороке. Понимаете, он лежит на земле в саду. Вы можете побыстрее прийти?

— Он без сознания, говоришь?

— Да-да! — От волнения Уоррен почти кричал — Пожалуйста, поторопитесь!

Наступило непродолжительное молчание.

Потом безликий голос равнодушно произнес:

— Извини меня, сынок, но лучше вам вызвать «скорую». Я не могу в такие дела вмешиваться. По причинам профессионального свойства.

Отбой.

Уоррен окаменел. Он был в растерянности, даже в смятении. Он представить себе не мог, что врач откажется идти к больному. «Господи, — подумал он, — что же мне теперь делать?»

Уоррен побежал домой, подгоняемый страхом.

В саду за время его отсутствия практически ничто не изменилось. Только Инес принесла одеяло и укрыла Харольда, которого теперь била дрожь.

— Где же врач? — спросила Эстел.

— Отказался, — сердито ответил Уоррен — Вы в клинику позвонили?

— Да, — ответила Инес, — обещали приехать как можно быстрее. «Скорая помощь» прибыла через двадцать семь минут.

Харольда Ливингстона отвезли в клинику графства Кинг, где была констатирована его смерть.

Звонок Уоррена застал Барни при исполнении служебных обязанностей. Он, как был в ливрее, выскочил на улицу и схватил такси.

— Ого, что-то новенькое! — усмехнулся таксист — Швейцар сам себе такси ловит!

— Давайте-ка лучше без шуточек! — огрызнулся Барни. — Везите меня поскорее в клинику графства Кинг. Так быстро, как только сможете!

Коридор был тускло освещен и пропах хлоркой. В дальнем конце Барни увидел Инес, которая пыталась успокоить рыдающую мать. Луис грохотал:

— Mierdal^[15] Что за глупость! Чушь собачья! Надо было его силком тащить!

Подойдя, Барни увидел, что испанец ругает его брата, который явно был в состоянии шока.

— Доктор Кастельяно, я вам клянусь! — слабо отбивался Уоррен. — Я сказал ему, что это вопрос жизни и смерти...

При виде старшего сына Эстел поднялась и воскликнула:

— Барни, Барни! — и кинулась ему на грудь.

Казалось, все вокруг замерло. Барни обнял исполненную горя мать.

Несколькими минутами позже Эстел сказала:

— Я хочу его еще раз увидеть. Пойдешь со мной, Барни?

Сын кивнул.

Он обернулся на брата и сразу почувствовал его состояние.

— Уоррен, побудь здесь, с Кастельяно. Мы сейчас вернемся.

Позже, когда они с Луисом вдвоем шагали к парковке, Барни наконец смог задать свой вопрос:

— Доктор Кастельяно, что вас так рассердило?

Тот, перемежая свой рассказ ругательствами, поведал ему о событиях того утра.

Барни оторопел.

— Неужели врач мог спокойно бросить моего отца умирать и не сдвинуться с места?

Луис ответил сквозь зубы:

— Подонок испугался судебного иска.

— Не понимаю, какого иска?

— Мальчик мой, в этой великой стране многие врачи в такой ситуации откажутся прийти на помощь. Потому что если пациент умрет, то родственники могут подать на них в суд за врачебную ошибку.

— Разве оказать больному помощь не первейшая обязанность врача?

— В моральном смысле — да, — ответил Луис с тихой яростью. — Но не в правовом. Ни в одном законе не сказано, что врач обязан безоговорочно явиться по вызову.

— А вы думаете, это бы что-нибудь изменило? — спросил Барни.

Луис пожал плечами.

— Мы этого уже никогда не узнаем. Причиной смерти твоего отца стал инфаркт миокарда. В случае фибрилляции желудочков время зачастую оказывается решающим фактором. Фриман мог ввести ему лигнокаин и хотя бы начать реанимационные мероприятия.

Барни взорвался:

— Я его убью! Пойду и убью своими руками!

Луис крепко ухватил его за плечо.

— Calma, calmate, hijo^[16]. Это ничего не изменит. Ты должен смириться с мыслью, что он умер. Ради матери тебе надо сохранять спокойствие. Помни, ты теперь в семье старший.

Домой они попали около полуночи. Незадолго до этого приехала из Бостона Лора.

— Я... я там приготовила кофе и кое-какие бутерброды, — неуверенно произнесла она. — На случай если вы проголодались...

Ливингстоны были убиты горем, но Лора заметила, что Барни страдает не только от утраты.

Луис и Инес увели Эстел наверх, чтобы дать ей успокоительное и уложить в постель. Уоррен взял с кухни бутерброд и яблоко и удалился

к себе, он хотел побыть наедине со своим горем.

Барни и Лора остались на кухне вдвоем.

— Послушай, Барн, не молчи! — негромко сказала она. — Я знаю, тебе сейчас очень больно, а если выговоришься, сразу станет легче.

Он только ниже нагнул голову.

Она подошла к нему, опустилась на корточки и тронула его за рукав.

— Барн, скажи что-нибудь!

Наконец он дал выход обуревавшим его эмоциям:

— Поверить не могу! Врач спокойно дал ему умереть!

— Барни, сейчас это не важно.

— Тогда что важно, черт побери?

Она погладила его по щеке, и он вцепился в ее руку, как утопающий хватается за соломинку.

И дал волю слезам.

Последующие дни Эстел Ливингстон была безутешна. Барни все время находился дома, отлучаясь лишь на лекции или на работу.

Похороны, на которых ожидалось только самые близкие, оказались довольно-таки многочисленными — пришло не менее десятка учителей из Эразмус-холла, с любовью вспоминая покойного, и даже кое-кто из его старых учеников, узнавших о кончине Харольда из «Бруклин игл».

Как-то вечером, недели через две после похорон, Эстел усадила сыновей за стол, чтобы поговорить о будущем.

— У нас все будет в порядке, — объявила она. — Харольд на этот счет был очень педантичен. Дом — наша полная и безусловная собственность. В завещании он оставил вам свою библиотеку на двоих. Других подробностей там нет. Он знал, что вы решите этот вопрос по справедливости.

— Представить себе не могу, что заберу какие-то его книги! — пробурчал Барни.

Уоррен кивнул:

— Я тоже. Пусть все останется как есть. Ну... вы понимаете...

Эстел понимала. Им нужно время — всем троим.

— Он о нас позаботился, — продолжала она. — По страховке из Учительской федерации нам выплатят пятнадцать тысяч долларов, а по государственному страховому полису — еще десять. Это значит, что финансовые затруднения нам не грозят.

Братья кивнули.

— Я много думала о том, как распорядиться этими деньгами, — продолжала мать. — Барни, я хочу, чтобы ты перестал работать до изнеможения. Отныне ты занимаешься только учебой. Все твои расходы я беру на себя, так что ты сможешь больше ни на что не отвлекаться.

Барни хотел было возразить, но Эстел прервала его.

— Пожалуйста, — с нажимом произнесла она, а затем сказала то, что, по ее мнению, должно было положить конец спору: — Этого хотел твой отец. Не думай, что мы с ним никогда не говорили об этом.

Барни замер, на мгновение представив себе, насколько мучительны для матери были подобные разговоры с тяжелобольным отцом.

— Я кладу такую же сумму на твой счет в банке, — повернулась она к Уоррену. — Так что ты сможешь учиться там, где тебе больше понравится.

— Но, мам! — негромко запротестовал Уоррен. — Что тогда останется тебе?

— У меня все будет прекрасно. Как только вы получите дипломы, я смогу продать дом...

Оба сына, не сговариваясь, разом вскричали:

— Нет!

— Дети, будьте реалистами, неужели хоть один из вас мечтает о частной практике в Бруклине? К тому же тетя Сил уже сколько лет шлет нам буклеты из Флориды, и, сказать по правде, с тех пор как она уговорила перебраться туда бабушку, я тоже частенько думаю о том, что было бы чудесно избавиться от зимних галош и зонтов.

— Я понимаю, как много значит для вас этот дом, — продолжала она. — Здесь каждый уголок для вас полон воспоминаний. Но, пожалуйста, поверьте мне, мы сумеем сохранить эти воспоминания, даже если его продадим! Их у нас никто не отнимет.

— Наверное, мама, ты права, — сдаваясь, вздохнул Барни.

Больше сказать было нечего.

Поначалу Барни никак не мог в полной мере осознать, что может делать в каникулы все, что заблагорассудится.

На следующее лето, когда Эстел поехала в Майами присмотреть подходящее жилье, братья Ливингстон отправились в автобусную поездку по стране — с посещением Большого каньона, Йеллоустонского национального парка, калифорнийских мамонтовых лесов. Кульминацией тура были три дня в Голливуде.

И впервые они получили возможность по-взрослому и близко узнать друг друга. Они делились своими мечтами, говорили о тех «идеальных девушках», с которыми хотели бы соединить свою жизнь.

— Это будет довольно грустно, — вполголоса сказал Уоррен.

— Ты о чем, Уор?

— О том, что на наших свадьбах не будет папы. Знаешь, я никак не могу свыкнуться с этой мыслью.

— Я тоже.

Прежде они были братьями. Теперь стали еще и друзьями.

— Какого лешего ты тут делаешь?

Веселый Кен Кэссиди, недавно получивший пост тренера баскетбольной команды Колумбийского университета, с изумлением возрился на давно позабытого парня, стоящего сейчас в толпе новичков — кандидатов в команду.

— Я здесь на тех же основаниях, что и все остальные, мистер Кэссиди, сэр, — подчеркнуто официально ответил Барни.

— Вали отсюда, не отнимай у меня время!

— Сэр, мы с вами в Америке. Разве здесь не гарантируются всем равные права?

— Ладно, — вздохнул тот, — воспользуйся своим конституционным правом. Выйди вперед и кинь мяч в кольцо, после чего я выкину отсюда тебя.

В первой четверти Барни был единственным, кто забил мяч. А под щитом он так активно работал локтями, что со стороны был похож на осьминога.

К концу замешательство, в которое он поверг новобранцев, вызвало улыбку на лице невозмутимого тренера.

«А, какого черта! — подумал Кэссиди. — Возьму этого шута пятнадцатым. По крайней мере, на тренировках покажет остальным, что такое агрессивная игра».

Почувствовав себя свободным человеком, Барни теперь звонил Лоре не реже раза в неделю, как правило вечером. Она с нетерпением ждала февраля, когда в американском Кембридже должен был состояться матч команд Колумбийского и Гарвардского университетов.

— Кастельяно, — предупредил он, — твои малахольные гарвардские мальчишки за всю жизнь такого злобного зверя не видали.

Всю дорогу, пока остальные игроки мирно спали в автобусе, Барни не сомкнул глаз, внутренне настраивая себя на неистовый бой.

В Гарвардском университетском клубе гостей с утра пораньше покормили специальным, плотным завтраком. До игры надо было убить еще четыре часа. Но у Барни были на этот счет свои планы. Бодрым шагом он добрался до станции метро «Гарвард-сквер», доехал до Парк-стрит, откуда на трамвае преодолел последние два квартала до Гарвардской школы медицины.

За пятнадцать минут до назначенного времени он уже стоял возле обшитого деревом кабинета доктора Стентона Веллеса, председателя приемной комиссии.

Гарвардская школа медицины имела репутацию заведения, куда попадают не просто самые сильные, но и самые бесстрашные^[17]. Поэтому в оставшееся до собеседования время Барни перебирал в уме все возможные варианты ответа на неизбежный вопрос: «Почему вы решили стать врачом, мистер Ливингстон?»

— Потому что хочу утешать и лечить страждущих.

Нет, это слишком избито.

Тогда, может, так...

— Потому что ваши несравненные условия для научной работы позволят мне открыть новые лекарства, преодолеть новые рубежи. Как было с Джонасом Солком, сумевшим предотвратить будущие трагедии, подобные той, что случилась с маленькой Исабель.

Слишком высокомерно.

А может, иначе?

— Потому что это гарантированное продвижение вверх по социальной лестнице.

Это верно, но кто же в том признается?

Или даже так:

— Потому что хочу много зарабатывать.

(Могут принять за прямолинейность, а могут и прогнать как идиота.)

Нет, лучше так:

— Потому что для меня с детства был примером доктор Луис Кастельяно, и я всегда хотел быть таким равнодушным человеком, как он.

И наконец:

— Потому что один бессердечный врач стал причиной смерти моего отца, и теперь я хочу утереть нос всем таким негодьям.

Два последних варианта, по крайней мере, абсолютно искренни. Но довольно ли этого, чтобы произвести благоприятное впечатление?

Его размышления прервал мужской голос:

— Мистер Ливингстон?

Барни поднял глаза. Перед ним стоял высокий, поджарый, интересный человек в костюме-тройке, в котором без труда можно было опознать творение «Брукс бразерс», размер 44. Барни вскочил на ноги.

— Так точно, сэр, — по-военному ответил он, чуть не отдав честь.

— Я — доктор Веллее. Спасибо, что взяли на себя труд приехать к нам. Пройдем в кабинет?

Барни вошел в кабинет, стены которого украшали бесчисленные дипломы и грамоты всевозможных обществ и ассоциаций (национальных, международных, королевских, и т. д., и т. п.). Не говоря уже о письмах, под которыми, казалось, стояли подписи всех президентов США, начиная с Джорджа Вашингтона.

Председатель приемной комиссии устроился за огромным столом красного дерева, а Барни сел в традиционное гарвардское кресло с прямой деревянной спинкой.

Наступило молчание, показавшееся ему вечностью. Барни слегка подался вперед, опершись руками на колени, как будто принял стойку для броска.

Наконец Веллее открыл рот и изрек:

— Как вы оцениваете свои шансы сегодня вечером?

Барни опешил. Что это за уловку решил применить этот тип? Как прикажете отвечать на такой вопрос? Вежливо сказать, что постарается продемонстрировать на площадке все, на что способен? Ответить, что надеется сбить спесь с гарвардских соколов? Или сказать, что неэтично говорить о баскетболе, когда в мире столько болезней и страданий? Нет-нет, все не то.

— По-моему, шансы у нас есть, сэр, — вежливо сказал он.

Следующий вопрос оказался не менее неожиданным:

— Хотите, заключим пари?

Тут Барни окончательно растерялся. Он сказал:

— Пожалуй, нет. Представляете, как это будет выглядеть, если я проиграю и стану совать вам в руку десять баксов? Еще подумают, я вам взятку даю.

Веллее рассмеялся:

— А почему вы увлеклись баскетболом?

К этому моменту Барни утвердился в мысли, что его не рассматривают как серьезного кандидата на поступление.

— Потому что в Бруклине нет полей для поло, сэр.

Тот слегка улыбнулся:

— Гм... Никогда об этом не задумывался. — После этого он поднялся, протянул руку и сердечно произнес: — Рад был познакомиться, мистер Ливингстон.

— Но, сэр, вы так и не спросите меня, зачем я иду в медицинский.

— Мне показалось, вы достаточно красноречиво изложили это в своем заявлении. Меня оно глубоко тронуло. Уверен, вы будете рады услышать, что группа ученых из Гарвардской школы медицины продвигает в Законодательном собрании штата закон «Доброго самаритянина». Если его примут, врачи больше не будут бояться идти на помощь больному, потерявшему сознание, как было с вашим отцом. Жаль, что сегодня мне не удастся побывать на игре: нам предстоит званый обед с какими-то токийскими пожарными. Но в любом случае, мы с вами достаточно часто будем видеться в будущем году.

Не обращая внимания на покрывавший тротуары лед, Барни, как маленький, вприпрыжку неся к трамвайной остановке.

Публики в крытом спортзале университета собралось не так много. Команда Колумбии не считалась опасным соперником. Когда

гости вышли на площадку, раздались жиденские аплодисменты. И только у одного человека на трибунах хватило энтузиазма, чтобы ободряюще прокричать:

— Ливингстон, задай им жару!

Барни улыбнулся и, продолжая одной рукой вести мяч, помахал другой в сторону трибуны.

«Верная добрая Лора, мой фан-клуб в единственном лице». Но горячих болельщиков на самом деле было двое — парень рядом с ней тоже громко хлопал. «Ясно. Этот широкоплечий тип в твидовом пиджаке и есть тот „рыцарь без страха и упрека“ с нелепым именем Палмер Тэлбот. Вид у него, черт возьми, еще более холеный, чем у нашего тренера Кена Кэссиди!»

Прошло примерно три минуты от начала игры, и Барни вышел на замену. Лора опять закричала с трибуны. Он решил продемонстрировать ей все, чему научился за последнее время, но переусердствовал. Еще до конца первой четверти Барни удалили с площадки за фолы. Кэссиди был в ярости:

— Ливингстон, ты что, озверел? Куда девалась твоя комбинационная игра?

— Должно быть, оставил в Нью-Йорке. Не сердитесь.

До конца игры Барни просидел на скамейке. От стыда он не поднимал глаз от пола, боясь встретиться взглядом с Лорой.

После матча, который Гарвард без труда выиграл, Лора ринулась в зал, чтобы обнять Барни. И познакомить его с Палмером.

— Рад наконец с тобой лично познакомиться, — сказал гарвардский красавчик (к тому же выше Барни ростом!). — Лора всегда с такой теплотой о тебе рассказывает.

— А-а, — протянул в ответ Барни, стараясь не выдать своего внутреннего смутения. — В неудачный день вы меня в игре увидели!

— Да будет тебе! — утешала Лора. — Судьи тоже хороши! Я думаю, они все куплены.

— Кастельяно, я тебя умоляю, — ответил Барни, — не надо меня утешать. Я сам бессовестно хамил.

— Послушайте, может, поужинаем сегодня втроем? — встрял в разговор Палмер.

«Черт, — подумал Барни, — я-то хотел побыть с Лорой наедине, рассказать ей о своем собеседовании...»

— Да-да, конечно.

Они отправились в заведение под названием «Генрих Четвертый». Это было элегантное небольшое бистро на третьем этаже деревянного дома в узком переулке по соседству с Бойлстон-стрит.

— Мы подумали, что после игры ты устанешь, и поэтому выбрали место поближе, — объяснял Палмер, выходя на улицу. — Кроме того, там за приемлемую цену предлагают приличную еду.

Барни чувствовал себя неловко и не мог решить, говорит ли этот парень свысока или это ему мерещится из-за разницы в росте.

Они устроились за столиком и завели ничего не значащий разговор, но точек соприкосновения так и не нашли.

Как выяснилось, Палмер год назад окончил Гарвард. Получив диплом с отличием по истории искусств, подчеркнула Лора, в то время как сам Палмер об этом умолчал. Кроме того, обнаружилось, что он еще и занимался греблей на восьмерке. Сейчас он учился на первом курсе школы бизнеса.

Палмер как будто проявил искренний интерес к теме, которую Барни избрал для своего диплома, — «Образ врача в английской литературе».

— Надеюсь, ты процитируешь прекрасные строки Мэтью Арнольда о его желании избавиться от докторов, «напыщенных и гордых», способных лишь «назвать болезнь, но не изгнать ее»? Кажется, я ничего не переврал?

«Нет, Палмер, — подумал Барни, — не просто не переврал, а воспроизвел слово в слово».

Надо признаться, Палмер Тэлбот произвел на него сильное впечатление. Пожалуй, он ему даже понравился.

— А кстати, Барн, — спохватилась Лора, — как прошло твоё собеседование?

— Нормально.

— Нормально — и все?

Барни распирало от желания все ей рассказать в мельчайших подробностях, но только не при посторонних. Поэтому он лишь пожал плечами и сообщил:

— Будем считать, что оно прошло более гладко, чем мне виделось в ночных кошмарах. Так что ты можешь не дергаться.

— Ничего не могу с собой поделать, Барн. У меня жуткий мандраж. Понимаешь, они же в год берут всего пять или шесть девушек!

— Зато в России большинство врачей — женщины, — встрял Палмер.

— Предлагаешь ехать в Московский университет? — фыркнула Лора.

— Ну уж нет! — возразил Палмер. — Я и из Бостона-то тебя отпускать не хочу!

В половине двенадцатого они вернулись к спортзалу, где вся команда Колумбии уже сидела в автобусе, готовая к неблизкой дороге в Нью-Йорк.

— Уверен, что не хочешь остаться? — дружелюбно спросил Палмер. — Я тебя охотно устрою в общагу.

— Нет-нет, спасибо. У меня куча зубрежки.

* * *

Оценки у Лоры были высокие, а характеристики — самые положительные, так что она почти не сомневалась, что к собеседованию ее допустят. Но ей потребуется не два положительных заключения, как парням, а три. С этой дискриминацией она ничего не могла поделывать.

Первым, кто проводил с ней собеседование, был Джеймс Шей, доктор медицины, известный специалист по внутренним болезням. Из огромного окна его кабинета в корпусе Бикон-холла видны были парусники на реке Чарльз.

— Вы очень красивая девушка, мисс Кастельяно, — заметил он, глядя на нее поверх очков.

— Благодарю, — ответила она. (Что еще она могла сказать? «Вы тоже ничего себе, доктор»?)

— Такой девушке, как вы, надо выйти замуж и завести кучу прелестных детишек, как считаете?

— Прошу прощения, сэр, я не считаю медицину и материнство взаимоисключающими вещами.

— А зря, моя дорогая. Поверьте мне, это так! Женщина не может делать полновесную и действительно успешную карьеру на медицинском поприще, не нанося невосполнимого ущерба своей семье. А ведь вы этого не хотели бы, не так ли?

Лора так и не поняла, говорит ли он всерьез или просто ее испытывает.

— Я поняла вас, сэр...

— Отлично, отлично.

— И поэтому я никогда не выйду замуж, а всю свою жизнь посвящу медицине.

Доктор Шей взглянул поверх очков.

— Вы, конечно, шутите, мисс Кастельяно?

Это был решающий момент. Но ей для ответа понадобилась ничтожная доля секунды.

— Я полагала, что шутите вы, доктор Шей.

Он не нашелся что ответить. С минуту доктор сидел молча, перебирая какие-то бумаги, потом, выдавив улыбку, поднялся и сказал:

— Спасибо, что пришли, мисс Кастельяно.

Она вышла из кабинета, уверенная, что этот раунд остался за ней, но одновременно опасаясь, что один голос в свою поддержку она потеряла.

Следующее собеседование проводила Луиза Хоффман, биохимик тридцати с чем-то лет, настроенная, казалось, не столько спрашивать, сколько утверждать.

— Буду предельно откровенна, Лора, — начала она. — Я тоже в бытность свою в колледже мечтала поступить в медицинский. И меня приняли в Гарвардскую школу медицины, так что мы тоже не лыком шиты. Но существование женщины-врача в условиях клиники — это сплошное унижение. Некоторые врачи-мужчины отказывают вам в самом праве там находиться. Послушайте, у вас светлая голова. Почему вы не хотите заняться исследовательской работой? Там к вам, по крайней мере, будут относиться немного лучше, чем к половой тряпке!

— А я хочу это изменить. Хотя бы попытаться, — возразила Лора. — Если мы так и будем продолжать шарахаться от клинической медицины из-за этих трудностей, то мы и останемся половыми тряпками.

Доктор Хоффман улыбнулась:

— Вы смелая девушка, Лора. Думаю, из вас получится замечательный доктор. Если, конечно, — она сделала театральную паузу, — вы одолеете медицинский факультет.

Два раунда позади, остался еще один. Лора знала, что заключительное собеседование — психологическая оценка — будет иметь решающее значение.

Доктор Пол Гарднер принимал пациентов в безвкусной кирпичной пристройке у себя дома на Честнат-хилл.

Лора явилась точно в назначенное время, без двадцати семь, а через десять минут доктор Гарднер пригласил ее к себе в кабинет. При виде кушетки у нее мелькнула мысль, не придется ли ей на нее лечь. Но доктор Гарднер жестом пригласил ее сесть.

— Итак?

— Прошу прощения, доктор?

— Итак, вы хотите стать врачом, мисс Кастельяно.

— Да, сэр.

— На то есть какая-то особая причина?

Ну, этот, по крайней мере, приступил прямо к делу.

— Для начала, у меня отец — врач.

— Ага, так вас одолевает чувство соперничества по отношению к отцу?

— Нет, вовсе нет. Я его люблю. И восхищаюсь им.

— Тогда вы, наверное, идете в медицинский, чтобы заслужить его расположение?

— Не поняла вас, доктор.

— Насколько я понимаю, ваша мать не является врачом. Следовательно, получив медицинскую специальность, вы потесните ее в роли главной женщины в семье, не так ли?

— О, пожалуйста! — застонала Лора. — Что еще за... странные мысли!

— Не стесняйтесь, Лора, говорите прямо — «чушь». Здесь вы можете смело говорить все, что у вас на уме.

— В самом деле?

— Да, несомненно.

— Тогда, доктор, должна вам сказать, что, на мой взгляд, чушь — это ваши расспросы.

Гарднеру эта реплика явно пришлась по душе.

— Продолжайте, продолжайте!

Лоре больше не нужно было соблюдать приличия.

— Послушайте, доктор, если бы вы дали себе труд прочесть мое заявление, то узнали бы, что моя сестренка умерла от полиомиелита, когда мне было девять лет. Так что, раз уж вы решили докопаться до глубинных мотивов в моем подсознании, как насчет комплекса вины? Разве непонятно, что единственный способ для меня оправдать свое существование — это попытаться сделать так, чтобы у других детей не умирали братишки и сестренки?

Она слегка понизила голос и дерзко спросила:

— Ну, что скажете?

Гарднер посмотрел ей прямо в глаза (впервые за все собеседование) и ответил:

— Я нахожу это вполне резонным, мисс Кастельяно. И надеюсь, вы выберете своей специальностью психиатрию.

Это был удивительный год. Ибо в 1957 году русские запустили в космос искусственный спутник. И к восторгу Луиса Кастельяно, Кастро и Че Гевара (врач-герой!) начали революцию на Кубе со своей базы в горах Сьерра-Маэстра.

А 15 апреля в два соседних дома на Линкольн-плейс в Бруклине пришли телеграммы из Гарварда, сообщавшие, что Лора и Барни приняты на медицинский факультет.

Детство осталось позади.

II

Учеба

Эмерсон как-то заметил, что Сократу пришлось бы по душе атмосфера Гарвардского университета. Райская безмятежность, разлитая среди георгианских зданий красного кирпича и многовековых деревьев, поистине этот университетский городок мог бы стать идеальным местом для бесед античных философов.

Точно так же Гарвардская школа медицины пришлось бы по вкусу Гиппократу, легендарному прародителю всех врачей мира (и, между прочим, по некоторым данным, лечащему врачу самого Сократа). Архитектура этого замечательного учреждения — подчеркнута классическая. Зеленый прямоугольник территории обрамлен с востока и запада мраморными корпусами, а с южной стороны над ним высится величественный храм, поддерживаемый мощными ионическими колоннами. Достойный памятник целителю Аполлону, богу медицины Асклепию и его дочери Гигиене, богине здоровья.

В Гарварде сложилась легенда о том, как Гиппократ, отчего-то забеспокоившись после двух тысяч лет в безмятежном Элизиуме, вернулся на землю и подал заявление о поступлении на медицинский факультет, с тем чтобы воочию увидеть успехи своих собратьев по профессии. На собеседовании на вопрос авторитетного хирурга-ортопеда Кристофера Даулинга, что он считает первейшим принципом медицины, Гиппократ самонадеянно процитировал самого себя: «Не навреди».

И был отвергнут.

Существуют разные точки зрения по поводу того, что он должен был ответить. Одна научная школа полагает, что главнейшим принципом современной медицины является выяснение наличия у пациента страхового полиса «Голубого креста» или «Голубого щита». Однако это не только ошибочно, но и цинично. Суть нынешней философии медицины, отрицаемая лишь горсткой отступников-альтруистов, состоит в том, что врач никогда не должен признавать свою ошибку.

Общежитие медицинского факультета представляло собой гигантскую архитектурную химеру, сочетающую худшие черты

венецианской и бостонской готики.

Круглый вестибюль венчал безвкусный череп в стиле рококо, украшенный декоративными элементами, которые лучше всего определить как кошмарный сон студента-медика: извивающиеся змеи, какие-то мензурки, колбы и прочие лабораторные сосуды, дающие простор для фантазии фрейдистов. Над дверным проемом красовалось знаменитое высказывание доктора Луи Пастера: «Dans le champs de l'observation le hasard ne favorise que les esprits préparés» — «На поле научного исследования удача улыбается лишь подготовленному уму».

За длинным дубовым столом сидели несколько студентов, назначенных ответственными за размещение новеньких. Перед каждым красовалась табличка с несколькими буквами алфавита, чтобы первокурсники не толпились все в одной очереди, а могли быстро получить свои ключи и разойтись по комнатам. Гул многих голосов, эхом отдающийся от купола, смешивался со звучащей где-то поблизости мелодией шопеновского вальса.

— А, до-диез минор, — с видом знатока вздохнул Палмер. — А играет, наверное, Рубинштейн.

— Нет, — возразил худой юноша в очках и белом халате — Играет Аппельбаум.

Лора заметила группу знакомых по колледжу и поспешила к ним. Палмер устремился за ней.

Барни, в некоторой растерянности, тоже занял очередь к столу регистрации. Он вздохнул с облегчением, убедившись, что его здесь все-таки ждали и даже выделили жилье.

Впрочем, «жилье» — это слишком громко сказано. Его комната представляла собой обшарпанный чулан. «У смертников в тюрьме и то камеры повеселее», — мысленно проворчал он. И койки помягче. Но чего еще ждать за триста баксов в год?

В комнате было душно, и Барни оставил дверь нараспашку, пока распаковывал вещи. Он как раз складывал стопкой свою спортивную одежду, когда в дверях появилось улыбающееся лицо с большими карими глазами навывкате.

— Ты первокурсник? — спросил неизвестный, вваливаясь в комнату.

Барни кивнул и протянул руку:

— Барни Ливингстон, Колумбия.

— Мори Истман, Оберлин. Я писатель.

Он глубокомысленно пыхнул трубкой, которую держал в левой руке.

— А что тогда ты делаешь в Вандербилт-холле? — удивился Барни.

— А-а, я и врачом собираюсь стать — ну, таким, как Ките, Рабле, Чехов, Артур Конан Дойл.

— Мне казалось, у Китса не было диплома, — заметил Барни.

— Зато он работал ассистентом хирурга в клинике «Сент-Томас». — Глаза у Мори заблестели. — Ты тоже хочешь писать?

— Разве что выписывать рецепты, — ответил Барни. — А ты уже публиковался?

— А, — отмахнулся Мори, — несколько рассказов в журнальчиках. Могу сунуть тебе под дверь, считаешь. Но это все только подготовка к моему первому произведению крупной формы. Несколько издательств в Нью-Йорке уже проявляют интерес. Если ты окажешься колоритным персонажем, я выведу и твой образ.

— И что это будет за «произведение крупной формы»?

— Дневник гарвардского студента-медика. Ну, знаешь... Боль, страх — в общем, ощущения человека, ходящего по лезвию ножа. Миллионы читателей зачарованы мистическим характером медицины...

— Хочешь, я тебе кое-что интересное скажу, Мори? Английское слово «очарование»^[18] того же корня, что и латинское слово, означающее «член».

— Да ладно!

— Нет, в самом деле — у меня отец латынь преподавал. Оно происходит от *fascinum* — существительного среднего рода, обозначающего амулет в виде мужского полового органа. Тебе бы надо это как-то обыграть...

— Должен тебе сказать, Барни, ты воплощение любезности на этой свалке ученых снобов.

— Благодарю. Гм... встретимся на факультетском коктейле?

— Непременно. Мне не терпится увидеть, что у нас за девчонки. Похоже, приемная комиссия белены обьялась. Обычно они набирают одних крокодилов. Но в последнем наборе есть одна потрясающая девица. Я завожусь при одной только мысли о ней!

«Черт, — подумал Барни, — опять начинается».

— Да. И ее, кажется, зовут Лора Кастельяно.

— Кого? — спросил Мори.

«То есть как?» — подумал Барни.

— Я говорю о Грете Андерсен. Несколько лет назад она была Мисс Орегон. И должен тебе сказать, фигура у нее — закачаешься!

— Спасибо, что предупредил. Пойду приму душ и побреюсь. Чтобы окрутить эту твою Грету.

— Буду следить за каждым твоим шагом.

— Следи, следи, Мори. И тогда ты уверуешь в мою теорию о том, что «Камасутру» на самом деле сочинили в Бруклине.

Когда писатель наконец удалился, Барни твердо решил впредь держать свою дверь закрытой.

Через десять лет после революционного решения о приеме девушек в школу медицины Гарвардский университет сделал еще один смелый шаг, пожертвовав небольшой частью прежнего монастыря для размещения немногочисленных студенток. Женская часть Вандербилт-холла, официально называвшаяся Деканским флигелем, получила у мужской части населения название «Эрогенной зоны».

Именно здесь Лоре Кастельяно предстояло провести первый год обучения в медицинском.

Она смывала с лица дорожную пыль, когда в длинном зеркале дамского туалета показалось сияющее лицо.

— На коктейль идешь? — спросил бархатный голосок.

Лора кивнула:

— Ненадолго — у меня сегодня свидание. Кроме того, на меня почему-то плохо действует херес.

— Зря они льют его в коктейли, — ответила незнакомка, — Пагубно влияет на обмен веществ. Жутко токсичная дрянь! С чисто научной точки зрения им бы лучше наливать нам водку или виски.

— Дождешься! В подобных местах экономия главнее химии.

Девушка улыбнулась, обнажив ряд сверкающих зубов.

— Я — Грета Андерсен, — сказала она. — И у меня самый большой мандраж на всем курсе.

— Ошибаешься. Самый большой мандраж у меня. Меня зовут Лора Кастельяно.

— Как ты можешь чего-то бояться? — удивилась Грета. — Самый классный парень из всего курса уже и так при тебе!

— Благодарю. Согласна, Палмер — потрясающий парень. Но он не студент.

— А что же он тогда стоял в очереди в общагу?

— А-а, ты, должно быть, про Барни. Высокий, с темными вьющимися волосами?

Грета кивнула:

— И очень классный! Я торчу от его кошачьей походки — он двигается так мягко, как боксер или еще кто-нибудь в этом духе. Так ты говоришь, он не твой?

— Он не мой хахаль. Мы с ним вместе росли в Бруклине. Мы с ним как брат и сестра. Если ты хорошая девочка, Грета, я вас познакомлю.

— Хорошая девочка ни за что не стала бы трахаться прямо в университетской общаге, — загадочно промурлыкала та.

Лора улыбнулась и подумала: «Барни, ты мой должник».

Никогда больше за все четыре года учебы они не увидят столько звезд в одном зале Гарварда. Воздух, казалось, раскалился от этих светил. Поскольку было ясно, что первокурсникам пока нечего сказать, кроме общих почтительных фраз, то преподаватели в основном общались между собой, позволяя студентам жадно ловить каждое слово.

Обсуждавшаяся тема была традиционной: кто выиграет в этом году? И речь шла не о чемпионате высшей лиги по бейсболу, а о Нобелевской премии. Вообще-то ходили слухи, что несколько профессоров уже сложили чемоданы, чтобы, если повезет, срочно выехать в Стокгольм.

В самом деле, Гарвард, неизменно озабоченный нобелевскими перспективами, не упускал их из виду, отбирая студентов для того курса, которого сейчас чествовал традиционным хересом «Педро Домек». Разумеется, каждый кандидат (и кандидатка) оценивался не только под этим углом зрения. Однако университету удалось выискать и довольно много блестящих и по-настоящему пытливых умов, у которых единственным интересом в жизни была наука и которых

больше интересовало не взаимодействие полов, а взаимодействие вируса с клеткой.

Одним из таких субъектов был Питер Уайман, настоящий гений, уже имевший диплом биохимика и желавший теперь присовокупить к нему медицинский диплом, дабы открыть себе двери в любую отрасль знаний.

Питер, юноша с постным лицом и редкими волосами, был единственным, кто мог беседовать с профессурой на равных — сейчас он обсуждал с цитобиологами тему «проникновения в глубь внутриклеточного уровня».

— Боже, — в ужасе шепнул кто-то Барни, — от его разговора мне хочется собрать чемодан и уехать домой.

— А меня тянет блевать! — еще резче выразился Барни.

С этими словами он отошел. Потому что как раз увидел, как в зал входит Лора в сопровождении Греты Андерсен.

Инстинкт подсказывал, что мяч необходимо перехватить, прежде чем он пролетит дальше по полю.

Когда Лора их знакомила, Барни казалось, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. Никогда в жизни он не видел такого тела — ни в Мидвуде, ни на бульваре Сансет. Ни даже на стриптиз-шоу в Юнион-Сити, в Нью-Джерси. И это студентка медицинского?

Он прямо-таки чувствовал дыхание соперников за своей спиной. И Барни сделал самый сильный в такой ситуации ход — пригласил Грету «на пиццу или еще куда-нибудь» сразу по окончании коктейля.

Девушка улыбнулась, и от ее улыбки люстры в зале, казалось, вспыхнули еще ярче.

— Отлично! Я просто обожаю пиццу!

Только после приема ей потребуется несколько секунд, чтобы переодеться во что-нибудь попроще, и в половине восьмого они встретятся в вестибюле. (Удачный бросок, Ливингстон! Точно в кольцо!)

Остаток коктейля напоминал головокружительный спуск с горы. Барни обменялся учтивыми фразами с несколькими профессорами, поблагодарил того, кто проводил с ним собеседование, и двинулся к выходу.

В этот момент он заметил, что Лора разговаривает с высоким симпатичным студентом, который выделялся не только своим

элегантным костюмом, но и цветом кожи — он был единственным темнокожим в этом зале, не считая официантов.

Лора перехватила его взгляд и поманила к себе.

По пути Барни вдруг понял, кто этот парень.

— Барни, познакомься...

— Можешь нас не представлять, — перебил он. — Я спортсмена экстра-класса узнаю издали. — Глядя на собеседника Лоры, он добавил: — Ты — Беннет Ландеманн, самый быстрый и меткий баскетболист за всю историю Гарварда. Я видел тебя в игре в Колумбии четыре года назад. Ты тогда привез что-то порядка тридцати двух очков. Верно?

— Да, кажется, было дело, — скромно ответил тот и протянул руку, — Я не запомнил, как тебя зовут.

— А я еще не представлялся, — нашелся Барни. — Я — Барни Ливингстон, и я рад, что к тому моменту, как мне пришлось играть против твоей команды, ты уже закончил университет. А кстати, как получилось, что ты только сейчас поступил на медицинский? Ведь твой выпуск был два года назад.

— Наверное, я умственно отсталый, — хитро улыбнулся Беннет.

— Не верь ему, Барн! — предостерегла Лора — Он был в Оксфорде, получил стипендию от Фонда Родеса.

— Звучит! — сказал Барни. — А тебе известно, что в подвале этого обширного мавзолея есть спортзал? Может, как-нибудь сходим, покидаем мяч?

— С удовольствием, — оживился Беннет — Вообще-то надежные люди мне говорили, что в пять тридцать обычно бывает игра для желающих. Что, если мы эту информацию проверим?

— О'кей, отлично! — с радостью согласился Барни.

— Тогда до встречи, — сказал Беннет. — А теперь прошу меня извинить. Я дал торжественную клятву доктору Даулингу, что выслушаю его «похвальное слово ортопедии».

Барни проследил взглядом, как Беннет Ландсманн легко движется в толпе, и подумал: «Интересно, что он чувствует, будучи единственным черным на курсе? Готов поклясться, что при всей его непринужденности и обаянии в глубине души он чертовски одинок. Или зол. Или и то и другое».

Перед уходом Барни познакомился еще с несколькими сокурсниками, среди которых был Хэнк Дуайер, выпускник университета Святого Креста, юноша с тихим голосом и фарфоровым личиком, родом из Питтсбурга. Он уже учился на священника, когда вдруг почувствовал призвание к медицине, однако было заметно, что его продолжают раздирать противоречивые чувства.

— Ну, — утешил его Барни, — у тебя был предшественник — святой Лука.

— Да, — согласился Дуайер с кислой улыбкой. — Именно это я сказал своей матери. Она все еще против моей затеи. В нашей семье религия стоит на первом месте.

— А что происходит, если кто-то вдруг заболел?

— Идем в церковь и молимся за его выздоровление.

— А если умрет?

— Тогда зовем священника, чтобы соборовал.

Барни догадывался, что желание этого парня сменить белый воротничок на белый халат было продиктовано не только стремлением исцелять. Ибо он заметил, что Хэнк украдкой поглядывает на Грету Андерсен.

Барни ушел около семи и быстро поднялся к себе, чтобы переодеться во что-нибудь более спортивное. В семь двадцать четыре он уже был внизу, чтобы занять позицию до того, как несравненная Грета предстанет его очам.

От возбуждения его мысли бежали стремительно. Барни вдруг понял, что вести эту Венеру Милосскую в простую пиццерию — все равно что пригласить британскую королеву в пончиковую «Данкин».

Нет, такой возможности может больше и не представиться! Думай, Ливингстон, куда ее повести, в какое место, чтобы там была еще и приятная атмосфера? И шик!

Что, если в гриль-бар «Копли»? Симпатичная деревянная обшивка, приглушенный свет... Но это потянет баксов на двадцать, не меньше.

Тут он наконец взглянул на часы. Было уже четверть девятого, а Грета все не шла.

Звонки в ее комнату ничего не дали. Все разбежались праздновать эту последнюю ночь свободы. Барни устал, проголодался и расстроился. Но более всего его мучило недоумение. Какого черта она его так обнадежила, если не собиралась с ним никуда идти? А кроме того, могла бы отменить свидание, сославшись на усталость или еще что-нибудь. Неожиданно появились Лора с Палмером.

— Барн, что ты тут делаешь в гордом одиночестве? Я думала, у тебя свидание с Гретой.

— Я тоже так думал. Надо полагать, у нее появилось предложение поинтереснее.

Тогда почему бы тебе не пойти с нами перекусить? — пригласил Палмер с искренним сочувствием. — Идем, еда — почти такое же удовольствие, как сам знаешь что.

Барни понимающе улыбнулся. Он встал и двинулся следом за ними, внутренне признав правоту Лоры: Палмер действительно отличный парень.

Через несколько минут они втиснулись на сиденье «порше», и машина рванула в сторону кафе «Джек и Мариан», где Лора немедленно заказала огромный шоколадный торт.

— Легкая гипергликемия, спровоцированная изрядной дозой углеводов, прекрасно поднимает настроение, — объявила она.

В глубине души она была встревожена больше самого Барни, который к десятому куску уже полностью забыл о своем уязвленном мужском самолюбии. «Ведь мне с этой секс-бомбой жить в одной комнате, — твердила себе Лора. — Остается надеяться, что меня она не сведет с ума!»

Вернувшись в общежитие, Лора распрощалась с Палмером в вестибюле:

— До следующей субботы ты совершенно свободен, мальчик.

— Против воли, — нехотя согласился тот — Но я тебе буду звонить. — Уже уходя, он помахал им рукой: — Чао, эскулапы.

Лора с Барни остались вдвоем.

— Спасибо тебе, Кастельяно. Пока вы не появились, меня терзала оскорбленная гордость. В любом случае, твой Тэлбот — потрясающий парень.

— Да, — бросила Лора, направляясь к своей двери — Пожалуй, он даже слишком хорош для меня.

Если коктейль накануне имел целью потешить самолюбие будущих медиков, то вступительная лекция декана Кортни Холмса стремительно пошатнула их *уверенность* в правильности выбранного пути.

Они с изумлением услышали, что даже самые блистательные врачи, к каковым относился и сам доктор Холмс, настолько мало знают о болезнях человеческого организма, что умеют излечивать лишь двадцать шесть из их несметного числа.

Неужто им предстоит пять лет каторжной работы только для того, чтобы обрести профессию, на девяносто восемь процентов представляющую собой гадание на кофейной гуще?

* * *

Еще не успев прийти в себя, первокурсники с выпученными глазами выстроились в очередь в буфет.

Лора шепотом сказала Барни, что должна сесть вместе с четырьмя остальными девушками, которые уже заняли столик «для почетных посетителей». Он кивнул, обвел буфет взглядом, увидел Беннета Ландсманна и решил сесть с ним, поскольку они уже были знакомы.

Вскоре к ним присоединился Хэнк Дуайер. Он был еще под впечатлением от речи декана Холмса.

— И что же, мы должны знать наизусть все эти неизлечимые заболевания, о которых он говорил? Я, например, о многих даже не слышал.

Ему ответил однокурсник, гордо восседавший в торце стола:

— И как, интересно, тебя сюда приняли? Холмс только обозначил самые большие загадки медицины, то есть такие, которые мы — я, во всяком случае — будем разгадывать в своей будущей исследовательской работе.

Гнусавый, высокомерный голос принадлежал Питеру Уайману.

— Этот тип серьезно? — сказал Барни на ухо Беннету.

— Надеюсь, что нет, — ответил тот.

Но Уайман продолжал свою проповедь:

— Мне начать с лейкемии и диабета, или можно считать, что вам хотя бы в общих чертах известно, что такое лейкоциты и язва желудка?

— Мне известно, что настоящая язва — это он, — опять шепнул Барни.

— А откуда ты, такой умный, взялся? — удивился Хэнк.

— Наследственность, окружение и учеба, — ответил Питер.

— А ты кто?

— Питер Уайман, Массачусетский технологический институт, красный диплом. А ты?

— Генри Дуайер, Общество Иисуса. В прошлом.

— Ты сделал правильный выбор, Генри, — отеческим тоном похвалил Питер. — Есть одна истинная религия — наука.

Дуайер вскипел от негодования, а Барни еще раз наклонился к Беннету:

— По-моему, наш святой отец сейчас врежет этому зануде.

Уайман все продолжал свои разглагольствования, не замечая, что его соседи по столу смолкли, сосредоточившись на своих мыслях. Меньше чем через час им предстояло первое в своей жизни занятие в анатомичке. Те, кто в колледже изучал сравнительную анатомию и резал лягушек и кроликов, сейчас старательно делали вид, что препарирование гомо сапиенс мало чем отличается от этого. Кое-кто подрабатывал в больницах и видел трупы. Но никто из них еще не вонзал лезвие в настоящую человеческую плоть и не вскрывал труп себе подобного.

Первое, что их поразило, — это запах.

Он ударил в нос еще до того, как они увидели штабеля тел, завернутых в пластиковые мешки, похожие на неправдоподобно длинные мешки с капустой.

— Господи Иисусе! — прошептала Лора. — Я задыхаюсь.

— Привыкнем, — успокоил ее Барни. — Это формалин, он предотвращает разложение.

— Парадокс, не правда ли, — произнес Мори Истман, — прежде чем научиться прод левать жизнь, мы должны освоить хранение покойников.

— Ерунда! — огрызнулся Барни. Он был на взводе и не расположен к пустопорожней болтовне.

Нимало не смутись, самозванный преемник Чехова продолжал философствовать:

— Интересно, кто это будет? Знаешь, ведь на каждом курсе бывают ребята, которые не могут выносить анатомичку. Есть такие, кто падает в обморок или начинает блевать. Я слышал, бывали случаи, когда человек прямо из анатомички шел в деканат забирать документы.

«Заткнись ты, черт бы тебя побрал! — вертелось на языке у Барни — Кто из нас не волнуется, как он это перенесет!»

— Добрый день, джентльмены, — окликнул их лысоватый человек в белом халате, стоявший у двери в противоположном углу. Это был профессор Чарльз Лубар, которому предстояло знакомить их с тайнами человеческого организма.

— Мне особенно приятно именно в этом семестре руководить исследованием человеческого тела, поскольку как раз исполняется сто лет с того дня, как вышла «Анатомия» Генри Грея — она и по сей день служит нашим основным пособием. Мы разбили вас на группы по четыре человека, каждая будет работать за своим столом. На столах вы увидите карточки с вашими фамилиями. Берите инструменты и рассаживайтесь по местам. И мы сразу начнем.

Барни с Лорой надеялись, что им выпадет работать с одним трупом, но этого не случилось. Барни быстро отыскал свое место за ближайшим столом, а Лора отправилась на поиски своего, бросив ему на прощанье беспомощный взгляд.

— Не нервничай, Кастельяно, — негромко посоветовал он, — все будет в порядке.

Она только кивнула и пошла дальше.

Барни с радостью обнаружил среди своих соседей по столу (и трупу) Беннета.

Третьей за их столом была миниатюрная девушка в мелких кудряшках и с очками на носу. Барни вычислил, что это Элисон Редмонд (Лора уже говорила ему о гениальной малышке из Сент-Луиса). Она явилась в тот момент, когда профессор Лубар начал свое традиционное наставление.

— Первым делом я прошу вас изучить описание тела, которое вам предстоит препарировать. Это, конечно, маловероятно, но, если у вас

появится хоть малейшее подозрение, что это может быть кто-то из ваших знакомых, пожалуйста, не стесняйтесь заявить об этом, мы вас пересадим.

«Господи, — подумал Барни, — мне это и в голову бы не пришло! „Знакомый“ — вот был бы цирк!» И тут его посетила страшная фантазия: что, если бы это был отец!

— Хорошо, джентльмены, — продолжал профессор. — А теперь мне надо довести кое-что до вашего сознания со всей откровенностью. Тела, которые сейчас находятся перед вами, некогда были живыми людьми. Они дышали, двигались, чувствовали! И они проявили большое великодушие, позволив сохранить свои тела для науки, с тем чтобы даже в смерти послужить человечеству. Я хочу, чтобы вы отнеслись к этим людям с уважением. Если я замечу хоть малейший намек на дурачество и всякие фокусы, виновный будет удален с занятий раз и навсегда. Это всем понятно?

Студенты утвердительно загудели.

Он продолжил уже менее сурово:

— У каждого анатома свое представление о том, с чего начинать исследование человеческого тела. Одни начинают с самого знакомого — эпидермиса или покровного эпителия — и далее, слой за слоем, идут через кожу. Но я считаю более правильным сразу приступить к существу дела.

Он жестом велел им выйти вперед, к одному из столов в первом ряду, где лежал труп мужчины. Широкие плечи, покрытая седой растительностью грудь и живот покойника были открыты, а лицо и шею прикрывала ткань.

Лубар рассек тело сверху вниз, одним движением «распоров» кожу, жесткую, как вощеная бумага. Преподаватель на мгновение остановился и перевел дух.

Затем из кожаного саквояжа с набором сверкающих инструментов, похожих на плотницкие, профессор Лубар извлек пилообразный нож и погрузил его в надрез, сделанный в верхней части грудины. Раздался скрежет, который заставил многих присутствующих содрогнуться, словно пилить начали их собственную грудь.

Профессор обрушил на них град анатомических терминов: «рукоятка грудины, мечевидный отросток, межреберные мышцы, торакальные нервы...» Вдруг грудная клетка с хрустом развалилась

надвое, как расколотый орех, обнажив самый главный двигатель человеческой жизни — сердце. В обрамлении легких.

Студенты сгрудились поближе, чтобы лучше видеть. И в этот момент раздался звук, похожий на свист воздуха, выходящего из воздушного шара. На пол обрушилось чье-то тело. Все повернулись в сторону первой жертвы медицинского образования. На полу, блее трупа, лежал Мори Истман.

Барни нагнулся помочь павшему соратнику. Сверху раздался невозмутимый голос Лубара:

— Не беспокойтесь, это случается каждый год. Если он еще дышит, вынесите его на улицу, пусть вдохнет свежего воздуха. Если нет, кладите сюда, на стол, мы его сейчас вскрыем.

Барни вдвоем с крепким однокурсником по имени Том потащили Мори к выходу. Уже на полпути тот начал приходить в себя.

— Нет-нет, — слабым голосом попробовал возразить он, — верните меня назад. Я, наверное, что-то съел в обед...

Барни с Томом переглянулись и поставили Мори на ноги. Убедившись, что он держится на ногах достаточно твердо, они бегом вернулись в зал и примкнули к остальным.

Лубар продолжал свой экскурс в полость грудной клетки: магистральные сосуды сердца, вилочковая железа, пищевод, симпатические стволы и так далее.

— Как его назовем? — спросил Барни, вместе с соседями по столу снимая с трупа простыню.

— Может, Леонардо? — предложила Элисон Редмонд. — Потому что рисунки Леонардо да Винчи не уступают всей «Анатомии» Грея, а ведь он их создал в тысяча четыреста восемьдесят седьмом году! По сути дела, он был пионером в использовании штриховки для передачи трехмерности изображения.

— Отлично! — согласился Беннет. — Пусть будет Леонардо. Рисунки и вправду потрясающие. Ведь в те времена, наверное, вскрытие вообще было запрещено.

— Но конечно, итальянское Возрождение представляет собой редкое исключение, — продолжала свою лекцию Элисон. — Леонардо на самом деле сам провел вскрытие в тысяча пятьсот шестом году,

возможно, при содействии своего друга, профессора Маркантони делла Торре...

— Хорошо, хорошо, Элисон, — перебил Барни, дабы остановить этот речевой поток, — Мы уже все поняли. Не пора ли нам заняться нашим жмуриком? Кто хочет резать первым?

Хотели и Элисон, и Беннет.

— Я тоже хочу, — заявил Барни. — Тогда давайте пустим вперед женщин.

— Оставь свой покровительственный тон, Ливингстон! — с нескрываемой враждебностью огрызнулась Элисон. — Я ни в чем не уступаю никому из вас, иначе меня бы здесь не было!

— Ни на секунду не подвергаю это сомнению, — ответил Барни. — В таком случае тянем жребий.

— По-моему, это будет справедливо, — согласился Беннет. — Только что будем тянуть?

— Можем воспользоваться моими сигаретами, — предложила Элисон, доставая из кармана початую пачку «Голуаз».

— Уж лучше, чем их курить, — съязвил Барни.

— Я сама решу, как мне распорядиться своим организмом, — возмутилась Элисон.

— Конечно, конечно, — нехотя уступил Барни.

Их прервал голос профессора Лубара:

— Обратите, пожалуйста, внимание, как я держу скальпель. — Он держал его как скрипичный смычок и показал движение, которое студентам полагалось затем воспроизвести самостоятельно. — Постарайтесь войти под кожу под прямым углом. Действуйте скальпелем быстро, но легко, поскольку нам надо последовательно рассмотреть слои кожи, подкожный жир, фасцию и мышцы. Итак, делайте надрез к верхушке большой грудной мышцы.

Барни, которому выпал жребий, хотел как можно точнее повторить движение Лубара. В тот момент, когда он уже собрался с духом, чтобы сделать надрез, Элисон вдруг спросила:

— Не хочешь сначала в учебник заглянуть?

Решив, что ссориться сейчас ни к чему, Барни протянул девушке скальпель со словами:

— Давай, Элисон, режь ты. А мы с Беном будем записывать.

Она взяла инструмент и, не говоря ни слова, начала действовать им с такой ловкостью и скоростью, каким позавидовал бы и опытный хирург.

— Бог мой, Барни, как ты провонял!

Через три часа, в полном моральном и физическом изнеможении, они покинули анатомичку.

— Сказать по правде, Кастельяно, ты тоже не розами пахнешь.

— Еще бы! Сейчас бы на пару часов в стиральную машину!

— И слава богу, что там так воняет. Меня этот запах до того пронял, что я и не осознавал, как кромсаю чье-то тело.

В этот момент открылись двери соседней анатомички, и оттуда вывалилась вторая группа первокурсников. Среди них была Грета Андерсен.

— Эй, Кастельяно, — зашептал Барни, — ты не спрашивала Грету, почему она не пришла?

— Нет. Когда я вернулась, ее не было, а я сразу спать легла.

— А-а, — протянул Барни, заново переживая свое разочарование. — Должно быть, просто забыла. Пойду сам у нее спрошу.

— Если честно, мне кажется, она не подарок, — предостерегла Лора. — Как говаривала моя мама, когда я в пятилетнем возрасте пыталась дотянуться до горящей конфорки: «Cuidado, te quemaras!»^[19]

— Не беспокойся, — самонадеянно произнес он, — я слишком холоден, чтобы обжечься.

И тут дива подошла к ним сама.

— Привет, Барни, — беспечно поздоровалась Грета. — Как реагирует организм?

— Нормально, — бодро ответил тот. И как можно более беспечно добавил: — Вчера я по тебе... скучал.

— Ах да, Барни, извини, что не получилось сходить с тобой. Но я... понимаешь... меня перехватил этот профессор... для разговора...

«Для разговора или для чего-то еще?» — мелькнуло у Барни.

— А когда я наконец добралась до комнаты, то у меня так разболелась голова... Я пробовала тебе звонить, но...

— Ничего страшного, — ответил он, — Сходим как-нибудь в другой раз, только и всего.

— И чем скорее, тем лучше! — кокетливо добавила Грета. Но больше говорить она не могла. Ведь в этот момент появился профессор Робинсон, ее преподаватель анатомии, а Грета как раз вспомнила, что у нее остались невыясненные вопросы. Она извинилась и побежала вслед за Робинсоном, а Барни замороженно следил, как движутся ее ягодицы.

Лора перехватила его взгляд и язвительно заметила:

— Кажется, тебе формалин в голову ударил. Не хочешь снять с себя эти провонявшие шмотки и вымыться, а?

Барни все еще пребывал в прострации.

— Господи, чего бы я не отдал, чтоб посмотреть на Грету в душевой!

— Заметано, Ливингстон, — ответила Лора с сарказмом, — я щелкну ее «полароидом» и подарю тебе на Рождество.

Барни вырос в неколебимой вере в чудодейственную силу мыла «Лайфбой». Но, черт возьми, он минут пятнадцать тер себя как проклятый, а в результате не тело приобрело запах мыла, а мыло стало пахнуть формалином!

— Я, кажется, останусь здесь навечно, — сказал он вполголоса.

— Это как «Филоктет» Софокла, — отозвался голос из соседней кабинки.

— Объясни-ка получше! — прокричал Барни, желая поскорее отделаться от мыслей об этом убийственном запахе.

— Удивляюсь тебе, Барн. Я думал, ты мифологию знаешь как дважды два. — Это был Мори Истман. — Филоктет был греческий герой Троянской войны, у которого рана так воняла, что никто не мог с ним рядом находиться. И вот его же товарищи отвезли его подальше и бросили на необитаемом острове. Но тут один авторитетный пророк сказал им, что без Филоктета — вонючего и все такое — им ни за что не взять Трои. И они притащили его назад. Неплохая аналогия, а?

— Не совсем, Мори. Потому что у нас здесь все воняют.

Вернувшись к себе, Барни запихал одежду в чемодан, твердо решив надевать в анатомичку один и тот же наряд, пока не истлеет. Он причесал тщательно вымытые волосы, переоделся во все свежее, но формалин по-прежнему буквально преследовал его.

Этот запах возымел неожиданный эффект, заставив первокурсников сбиться в дружную стаю. По той простой причине, что никто другой в буфете не желал с ними сидеть.

— И сколько из всего, что нам сегодня долбили, мы должны усвоить? — спросил Хэнк Дуайер. — Или достаточно будет научиться распознавать основные группы мышц, как думаешь?

— Дуайер, тут тебе не детский сад. Ты должен знать поименно каждую из трехсот мышц, откуда и куда они идут и как работают. Не говоря уже о двухстах пятидесяти связках и двухстах восьми костях...

— Черт тебя побери, Уайман, — оборвал Барни, — мы не в настроении выслушивать твои лекции о том, какие мы дураки. Если ты сейчас же не заткнешься, мы отнесем тебя в анатомичку и в порядке тренировки проведем вскрытие.

Барни заставил себя заниматься почти до одиннадцати часов. Затем он позвонил в женское крыло в надежде уговорить Грету выпить с ним чашку кофе. К телефону подошла Лора.

— Привет, Кастельяно. Можно с Гретой поговорить?

— Можно. Если ты ее найдешь. Я ее с самого ужина не видела. Оставить ей записку, что звонил возбужденный поклонник?

— Нет, у нее таких, наверное, тысячи. Я лучше спущусь, что-нибудь перекушу и лягу спать. Не хочешь выпить кофе?

— Уже поздно, Барн. Я только что голову помыла. Но я тронута, что ты еще обо мне помнишь — Она переменяла тему: — Как продвигаются занятия?

— Пока что одна зубрежка. Неужели чем больше я в состоянии запомнить самых малых частей организма, тем лучше я буду лечить? Вызубрить эту чушь может каждый дурак.

— Именно поэтому, Барн, на свете так много неумных врачей. Они знают все названия, но не вкладывают в них никакого смысла. Насколько я слышала, настоящих больных мы увидим не раньше чем через два года.

— Ошибаешься, Кастельяно. Приходи на завтрак и увидишь настоящего инвалида.

Барни пожелал ей спокойной ночи и отправился на первый этаж, где стоял автомат, продающий шоколадки «Хершиз», «Милки-Вей»,

«Бэби Руте» и «Питер Полз» за грабительскую цену в восемьдесят центов.

Неторопливо шагая по коридору назад к своей келье, он вдруг услышал стук пишущей машинки. Это мог быть только один человек — утонченный интеллект Мори. Его дверь была открыта, давая всем возможность увидеть художника за работой. Проходя мимо этой двери, Барни сделал вид, что погружен в свои мысли.

Но увернуться не удалось.

— Ливингстон!

— А, это ты, Мори! Я иду спать. Сегодняшний день меня просто добил.

— Эмоциональное истощение?

— Полное!

— Шок?

— Пожалуй.

— И одновременно потрясение от первой встречи с мертвым телом?

— Ну, если честно, я предпочитаю встречаться с живыми телами.

— Вот это здорово! Это действительно здорово. Мори быстро склонился к машинке, и Барни предпринял попытку бегства.

— Ливингстон, неужели ты так и уйдешь?

— А что такое, Мор?

— Ты должен взглянуть, что такое на самом деле первый день на медицинском факультете.

— Ты это серьезно? А где, по-твоему, я весь день был?

— Перестань, ты должен прочитать, как живо я схватил всю эту «бурю и натиск».

Он протянул Барни пачку желтых листков. У того сейчас было одно желание — поспать, но в голосе Мори он уловил нотку страха.

— Ладно, — капитулировал Барни, плюхаясь на смятую кровать. — Давай взгляну, как искусство преображает жизнь — Он отложил в сторону свои калорийные сладости.

— Ого, здорово! — обрадовался Мори и немедленно стал разворачивать батончик «Хершиз». Потом, повернувшись к Барни, спросил с полным ртом: — Ты ведь не против, правда, Ливингстон? Я так увлекся, что забыл поужинать.

Барни стал читать. Мори удалось передать настроение, страх, трепет, ужас при виде того, как человеческое тело рассекают надвое, обнажая все его сокровенные тайны. Повествование не было лишено и доли юмора, особенно эпизод, рассказывающий о том, как один студент упал в обморок, а преисполненный сострадания автор бросился приводить его в чувство. Однако в результате не слишком тонкой авторской переработки материала человеком, пристально наблюдающим за объяснениями и действиями профессора Лубара, оказался сам Мори, а слабонервным студентом, упавшим в обморок, был не кто иной, как Барни!

Мори нагнулся к нему и с загадочной улыбкой спросил:

— Ну как, нравится?

Барни почувствовал неловкость. Зачем он все переврал?

— В твоём рассказе, Мори... не очень подробно описана полость грудной клетки...

— Господи боже ты мой; это же художественное произведение! Для массового читателя!

— Я знаю. Но у массового читателя создастся впечатление, что ты туда даже не заглядывал.

— Я заглядывал! — с безумным блеском в глазах возмутился Мори.

— А почему тогда ты вообще не описываешь сердце? Даже писатель, далекий от медицины, не преминул бы посмаковать эту тему!

— Ливингстон, ты, оказывается, жуткий зануда!

— Послушай, Истман, ответь честно: после твоего... недомогания ты возвращался к столу?

— На что ты намекаешь? — смущенно сказал Мори.

— Я хочу знать, ты был в анатомичке после того, как пришел в себя?

Глаза у Мори так округлились, что он стал похож на испуганную сову.

— Ты не понимаешь, Ливингстон. Они же все смеялись! Даже ты смеялся вместе с остальными.

— С какими «остальными»?

— Ты сам слышал. Вся группа надо мной потешалась.

Барни охватила еще большая тревога. Он придвинулся к Мори и мягко спросил:

— Ты не хочешь поговорить о том, что тебя беспокоит?

— Пошел ты, Ливингстон, ты мне не психоаналитик!

— А у тебя есть психоаналитик, Мори?

— Не твое дело! Выметайся отсюда и не приставай ко мне!

Он обхватил голову руками и зарыдал.

Барни было совершенно ясно, что Мори как раз хочет, чтобы он остался. Но он также понимал, что Мори нужна профессиональная помощь, и как можно скорее.

— Я уйду, если ты этого хочешь, — тихо сказал он. — Но мне кажется, тебе бы следовало позвать врача.

— Я не могу. — Мори нервно хохотнул. — Мой отец не верит в психоаналитиков.

— Как это?

— Он сам психоаналитик. — И тут без всякой связи он выпалил: — Мой отец меня ненавидит до смерти!

— Почему? — спросил Барни, стараясь сохранять внешнее спокойствие, хотя на самом деле он был в полном смятении.

— Потому что я убил свою мать, — небрежно ответил Мори.

— О-о, — только и смог протянуть Барни.

— На самом деле я этого не делал, — объяснил Мори. — Понимаешь, мне тогда было всего два года. Она выпила кучу таблеток и умерла. Но отец считает, что это я во всем виноват.

Барни почувствовал, что больше медлить нельзя.

— Послушай, я выйду на минуту в туалет. И сразу вернусь.

Он повернулся к выходу, а Мори произнес с неожиданной угрозой в голосе:

— Только ты уж обязательно возвращайся!

В конце коридора, у лестницы, был телефон. Барни, запыхавшись от бега, попросил соединить его с университетским медпунктом.

Дежурил некий доктор Рубин. Его голос источал спокойствие и уверенность, и Барни быстро изложил суть проблемы его товарища.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Думаю, вам следует спуститься сюда, и мы продолжим нашу беседу, — ответил тот.

— А можно, я приведу к вам его самого? Понимаете, мне еще заниматься...

— Ну пожалуйста, Ливингстон, — сочувственно произнес доктор Рубин, — оставьте в стороне ваши выдумки про какого-то «друга». Тут абсолютно нечего стыдиться. Я сегодня уже принимал нескольких ваших однокурсников с аналогичными... проблемами.

— Нет-нет, доктор! Вы меня не поняли!

— Понял, понял, — стоял на своем врач — Вы хотите, чтобы я сам к вам поднялся?

— Хорошо, — уступил Барни. — Вы не могли бы подойти на третий этаж к лестничной клетке? Только быстрее!

Рубин согласился. Барни повесил трубку и, внезапно ощутив весь груз напряжения последнего часа, медленно побрел назад к комнате Мори.

Его там не было.

А окно стучало открытыми створками.

Стремительность всего, что последовало за этим, ошеломила Барни. Так же как отсутствие какого-либо шума. Никакой паники, никаких сирен, никаких криков. Ничего, что могло бы привлечь постороннее внимание.

Выскочив из комнаты Мори, он чуть не налетел в коридоре на доктора Рубина. После секундного объяснения врач велел Барни звонить в полицию университетского городка, а потом с какими-нибудь одеялами бежать следом за ним на улицу. Барни действовал настолько быстро, что ему казалось, все происходит в кино с ускоренной съемкой: он позвонил, снял все с постели Мори, бегом спустился по лестнице, таща за собой простыни и одеяла, и выскочил на улицу с той стороны, куда выходило окно Мори.

До его ушей донеслись стоны. Мори был жив. Но в каком он состоянии? Подойдя поближе, он увидел, что тот лежит на земле почти в полной неподвижности.

— Скорей! Помогите мне, — скомандовал доктор. — Голову ему подержите. В прямом положении! Мы не должны сломать ему шею, если он еще ее сам не сломал.

— Как он? — спросил Барни, наклоняясь и бережно беря руками голову Мори. Он молился, чтобы от бешеного биения сердца у него не дрогнули руки.

— Классический прыжок из окна, — буднично сказал Рубин. — Переломы лодыжек и поясничного отдела наверняка. — Он посветил фонариком Мори в глаза, после чего добавил: — Прободения, кажется, нет.

— Это что значит?

— Ствол мозга как будто не пострадал. Явных неврологических повреждений не наблюдается. Везучий малый!

«Это как посмотреть», — подумал Барни.

Вдруг Мори затрясло. Барни быстро закутал его в одеяла.

— Ливингстон, это ты? — спросил он таким голосом, как будто каждый звук вызывал у него страшную боль.

— Да-да, Мори, ты только не волнуйся. Все будет хорошо.

— Черт! — вздохнул тот. — Отец мне за это устроит! Наверняка скажет, что я и этого не умею сделать как следует!

Он издал звук, который, казалось, шел из небытия, нечто среднее между смехом и рыданием. Потом он снова застонал.

— Он очень страдает от боли. — Барни с мольбой посмотрел на доктора: — Разве нельзя ему сделать какой-нибудь укол?

— Нет, от этого чувствительность притупится. Пока мы точно не установим полученные повреждения, он по возможности должен сохранять ясное сознание.

Свет фар осветил стену здания. И полиция университета, и «скорая помощь» появились практически одновременно. Барни даже не слышал звука моторов. Вскоре вокруг Мори было уже человек пять или шесть, которые обменивались негромкими репликами в неестественно спокойном тоне.

Барни понял, что они уже сотни раз участвовали в подобной драме и знали свои роли назубок, поэтому в разговорах не было нужды.

Фельдшеры наложили на шею Мори шину, чтобы защитить позвоночник, и приготовились перенести его на носилки, но тут появился декан Холмс. Его лицо, то освещаемое мигалкой «скорой помощи», то пропадающее в темноте, было похоже на страшное видение.

Холмс нагнулся и посмотрел на Мори, взял у кого-то медицинский фонарик и, посветив ему в зрачки, убедился, что черепно-мозговой травмы нет. Легким кивком головы он дал разрешение на транспортировку пострадавшего в стационар.

Пока носилки с Мори запикивали в машину, он слабым голосом окликнул:

— Ливингстон, ты еще здесь?

— Здесь, Мори. Вот он я.

— Мои бумаги! Прибери, пожалуйста, мои бумаги!

— Конечно, конечно. Не беспокойся.

Двери фургона «скорой помощи» бесшумно закрылись, и машина растворилась в ночи.

Теперь они остались на газоне втроем. Окна Вандербилт-холла были темными. Барни взглянул на фосфоресцирующие стрелки часов. Без четверти четыре.

Он не знал, что делать. Почему-то ему казалось, что надо дожидаться разрешения уйти. Поэтому он продолжал стоять, как измученный, но дисциплинированный солдат, а старшие по званию совещались. Временами до него долетали обрывки слов.

— Истман... знаком с его отцом... отличный мужик... отдать распоряжения...

Наконец Рубин кивнул, развернулся и направился назад в медпункт продолжать свое дежурство. Вполне возможно, что там его ждали и еще какие-нибудь неприятности.

Холмс подошел к Барни.

— Простите, я не запомнил вашего имени.

— Ливингстон, сэр. Первый курс. Мы с Мори живем на одном этаже. То есть... жили.

Декан кивнул.

— Ливингстон, я хочу, чтобы вы поняли, что, хотя вы еще *будущий* врач, понятие врачебной тайны в полной мере распространяется и на вас. Вы не должны никому рассказывать о том, что сегодня произошло.

— Конечно, сэр.

— Даже самым близким друзьям! Это одна из наиболее сложных сторон нашей профессии. Кроме того, такая новость могла бы отрицательно подействовать на ваших однокурсников. Уверен, вы понимаете, что я хочу сказать.

Барни кивнул — в знак согласия и от усталости одновременно.

— Но, сэр, ведь рано или поздно все заметят, что Мори больше не ходит на занятия.

— Предоставьте это мне. Я издам приказ: что-нибудь об отчислении по семейным обстоятельствам.

— Да, сэр. Теперь я могу идти? Уже очень поздно, а я...

— Конечно... Ливингстон, кажется?

— Так точно, сэр.

— Насколько я понял из слов доктора Рубина, вы сегодня держались молодцом. Спасибо вам. Уверен, что и Истман будет вам признателен.

— Вообще-то Мори славный парень. Может быть, чуточку слишком чувствительный...

— Я говорю о докторе Истмане. Его отце.

— А-а. Да, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Барни сделал несколько шагов, когда его вновь окликнули:

— Ливингстон, вот еще что...

Он остановился и обернулся:

— Да, сэр?

— О каких это бумагах вам говорил младший Истман?

Барни замялся, а потом вдруг разозлился и подумал, что хоть какая-то часть жизни Мори Истмана должна остаться в неприкосновенности.

— Понятия не имею, сэр. Наверное, бредил.

Декан Холмс кивнул. Барни воспринял это как разрешение идти и устало побрел к себе.

Проходя мимо комнаты Мори, он заметил, что дверь все еще открыта нараспашку. Барни зажег свет и вошел. В каретку портативной пишущей машинки был вставлен недописанный листок. Барни нагнулся и прочел. Это были мысли автора после первого дня занятий в медицинском.

«То было наше первое соприкосновение с представителем Иного Мира. Странно, но, заглянув внутрь, мы не обнаружили никаких отклонений. Все как будто было на месте. Все в порядке. Тогда что же уносит с собой Смерть?

Реалисты-ученые скажут, что не более чем электрические импульсы; люди религиозные могут определить это как святой дух. Я гуманист, и то, что я сегодня увидел, я назвал бы отсутствием души.

Так куда же она отправилась?»

Барни собрал десяток страниц незаконченного «творения» Мори, выключил свет и печально побрел в свою комнату. Он сейчас чувствовал настоятельную потребность отключить все мысли.

— Бог ты мой, Ливингстон, ты что, заболел? У тебя такой вид, будто ты всю ночь не спал!

— Я и не спал, — хрипло пробормотал Барни, держа в левой руке булку, а правой пытаюсь намазать на нее джем. Координация движений

явно была нарушена. На подносе у него стояли три чашки черного кофе.

— Могу я присесть или это столик для одних зубрил?

— Садись, Кастельяно, садись.

Лора села напротив и легонько забарабанила пальцами по столу.

— Ну и как? Расскажешь, что случилось?

— Я изучал эпителиальную ткань и так увлекся, что не заметил, как время пролетело. Когда очнулся, уже рассвело.

Лора протянула руку, взяла чашку кофе и произнесла:

— Чушь собачья! Я прекрасно знаю, что на самом деле произошло.

Отяжелевшие веки Барни вдруг поднялись почти до нормального положения.

— Неужели?

Она кивнула и расплылась в улыбке:

— У тебя было непредвиденное романтическое свидание. И кто была та счастливица, Ливингстон? Какая-нибудь медсестра?

— Прекрати, Лора! Разве я задаю тебе вопросы о твоей интимной жизни?

— Задаешь. И я обычно ничего от тебя не скрываю.

— Ну, на сей раз все совсем иначе. Я дал своего рода врачебную клятву. Пожалуйста, не дави!

Ему страшно хотелось поделиться с нею своими переживаниями, той болью и жалостью, которые он испытывал. Но он не осмеливался нарушить данное слово. Не из страха перед деканом, а из уважения к Гиппократу.

Он отхлебнул кофе:

— Какая гадость!

— На мой просвещенный взгляд, — весело заключила Лора, — вы с Гретой наконец нашли общий язык.

Барни выдавил усталую улыбку.

— И как ты это вычислила?

— Дедуктивная логика, Барн. Грета вернулась в третьем часу, а ты такой несвежий. Ты ведь даже не побрился!

— Правда, что ли? — Он провел ладонью по щеке. — Спасибо, Лора, я и впрямь не заметил. Ты не окажешь мне услугу, прежде чем оставить меня в покое?

— Конечно.

— Принеси мне еще один кофе взамен того, что ты стащила.

Лора любезно поднялась, чтобы взять ему очередную дозу кофеина, а его головная боль усугубилась болью душевной.

«Неужели это и есть врачебная тайна? — думал он — Не иметь возможности рассказать то, что у тебя на душе, своему самому лучшему другу?»

— Барн, я на пределе.

— Уже? Ради бога, Кастельяно, прошла только неделя, и нас еще ждет биохимия со своими многоголовыми формулами.

Они сидели вдвоем, поглощая железные кусочки непонятого происхождения, политые неопикуемой субстанцией коричневого цвета.

— Почему все должны плакаться именно в мою жилетку? — пожаловалась Лора.

— А кто плачется?

— Да по-моему весь Деканский флигель.

— Ну, теперь ты понимаешь, каково приходится мне, когда народ выбирает меня в наперсники.

— Но тебе же это нравится! — возразила она.

— Да, конечно. Можно даже сказать, я получаю подлинное удовлетворение, когда помогаю друзьям решать их проблемы. Кроме того, это для меня как генеральная репетиция перед настоящей психиатрией.

— Ну хорошо, — сдалась она, — друзья — это одно. Но я не собираюсь становиться советчиком каждой девушки в общежитии! Например, Элисон Редмонд, — я с ней едва знакома!

— А, старушка Элисон! Сбежала из-за нашего стола в анатомичке: поддалась молве о чудодейственных руках некоего Сета Лазаруса.

— Настоящая причина не в этом, Барн. Это только предлог. Она... как бы это сказать... кое-кто ее перевозбудил.

— Кто же? Я или наш покойник?

— Беннет, — с улыбкой ответила она.

— Ага. Ну, ревновать тут нечего. Беннет действительно крутой парень. Но зачем из-за этого ей понадобилось сбежать?

— Это ты должен установить, доктор Фрейд. Она боится, что у них начнется роман.

— Ну, это уж чистая фантазия! Что, Беннету, кроме этой мышки, больше смотреть не на кого?

Лора была иного мнения.

— Он учился в Гарварде двумя годами раньше, и я свидетель, что, какая бы ни была смазливая мордашка, для него всегда на первом месте были мозги.

— Почему же тогда он за тобой не приударил?

— Не твое дело! — отрезала Лора и слегка покраснела.

— Что ж, — продолжил рассуждения Барни. — Если даже предположить, что он такой неразборчивый — в чем я лично сомневаюсь, — то чего ей-то возражать?

— Правду хочешь? — спросила Лора. — Истина состоит в том, что она не желает, чтобы ее что-нибудь отвлекало от занятий. У нее настоящая мания — быть первой. Семестр еще только начался, а она уже пьет таблетки, чтобы не спать по ночам, а заниматься.

— Сумасшедшая! Знаешь, хватит с меня этих подробностей.

Их разговор был прерван появлением Хэнка Дуайера.

— Слушай, Барн, есть у тебя пара минут?

— Конечно. Садись с нами.

Хэнк смущенно кивнул Лоре и, запинаясь, ответил:

— Это личное дело, Барн. Можно, я к тебе зайду?

— Сегодня? Договорились. Лучше всего приходи в полдвенадцатого.

— А пораньше нельзя? Я в это время уже спать привык.

— Прости, Хэнк, но у меня куча работы, и до половины двенадцатого я ни минуты выкроить не смогу.

Дуайер благодарно кивнул и удалился.

Как только он отошел на приличное расстояние, Барни вернулся к более насущной теме:

— А теперь, Кагельяно, мне нужен от тебя простой ответ — «да» или «нет». Что, Грета Андерсен — полная нимфоманка?

Лора помотала головой:

— Прости, но на этот вопрос я не могу ответить просто «да» или «нет».

Она встала. Взаимная консультация была окончена.

Парадоксально, но биохимия, которая в буквальном смысле есть изучение жизненных процессов, является одновременно самой скучной из всех наук, преподаваемых будущим медикам. Ибо в этой науке жизненные функции сведены до неживых диаграмм и сложных формул, зафиксированных в многочисленных методических пособиях.

— Жизнь невозможна, — театральным голосом начал профессор Майкл Пфайфер, — без органических соединений, известных под названием аминокислот. Именно они являются теми кирпичиками, из которых построены белки, равно как и конечный продукт их ферментации.

Тут Пфайфер решил забросить невод пошире.

— В природе существует порядка восьмидесяти аминокислот. Человек в обмене веществ использует чуть больше двадцати. Те, что мы получаем исключительно с пищей, называются незаменимыми. Остальные, которые продуцируются организмом, известны под названием заменимых аминокислот. На доске я написал обе группы. Но не трудитесь их переписывать к себе в тетрадь.

Последняя реплика вызвала в аудитории дружный вздох облегчения.

— Я вам их сейчас зачитаю, — как ни в чем не бывало продолжал Пфайфер. И зачитал: — Гистидин, изолейцин, лейцин, лизин, метионин, цистеин, фенилаланин, тирозин, треонин, триптофан, валин.

После этого Пфайфер повернулся ко второй доске и огласил названия из группы неосновных, добавив:

— Разумеется, позднее мы с вами вернемся к этой теме более подробно.

«Кажется, дяденька вполне добродушный, — подумал Барни. — А еще говорят, что биохимия — сплошной кошмар».

И тут в аудиторию ввалились бесчисленные ассистенты и принялись раздавать толстые пачки листов, на которых, как вскоре выяснилось, были подробнейшим образом начертаны структуры всех тех веществ, о которых Пфайфер так бегло и весело им поведал. По аудитории пронесся дружный стон. И в этот момент профессор Пфайфер нанес последний, сокрушительный удар:

— Чтобы не застать вас врасплох, сообщаю: первую небольшую контрольную напишем ровно через три недели.

Наступила странная тишина. Лора подняла руку.

— Да, мисс... Представьтесь, пожалуйста.

— Лора Кастельяно, сэр. Я только хотела спросить: материал, который нам раздали, надо будет заучить?

— Ну, мисс Кастельяно, вы немного забегаете вперед. За это время мы с вами пройдем еще массу материала, и я бы сказал, это будет вопрос приоритета. В конце концов, можно ли считать, что двадцать с чем-то аминокислот важнее пятидесяти восьми белков, содержащихся в крови человека?

— Благодарю вас, профессор.

«Садист несчастный!»

— Есть еще вопросы? — великодушно спросил профессор.

Барни, который сидел в последнем ряду вместе с Беннетом Ландсманном, шепнул ему на ухо:

— Спроси, где он ставит машину, мы заложим в нее взрывчатку.

Когда лекция закончилась, Барни крикнул:

— Молодец, Кастельяно, удачно выступила. Теперь никто из нас не сможет спокойно спать.

Барни был зол. Зол на декана за то, что заставил его поклясться никому не рассказывать о Мори. Зол на Пфайфера за безжалостную нагрузку на мозги. Зол потому, что был вынужден прерывать свои занятия на неофициальные «приемные часы». Он был так зол, что мог сейчас кому-нибудь врезать. Но он предпочел иное.

Он поспешил к себе, сбросил мокасины и джинсы, надел шорты и кроссовки и, чтобы разогреться, бегом побежал на цокольный этаж в спортзал.

Баскетбольный матч был в разгаре. Обе команды играли в полном составе. Никого из игроков он не знал, за исключением Беннета Ландсманна.

Прошло минут пять с небольшим, и длинноногий рыжий игрок поднял вверх руки в знак того, что хочет выйти из игры.

— Я извиняюсь, ребята, мне пора. Пойду держать Глэнвиллу зажимы, пока он проводит пиелолитотомию. — Он повернулся к Барни. — Хочешь отведать жесткой мужской игры?

Барни с готовностью кивнул.

— Ладно, ребята, — объявил рыжий. — Тут один глупыш хочет, чтобы ему переломали ребра. Вы с ним полегче!

Спустя полчаса на соперниках было больше синяков и ссадин, чем у пациентов травматолога в ночь с субботы на воскресенье. Они расходились с площадки, пошатываясь, а Барни был насквозь мокрый от пота. Беннет кинул ему свое полотенце и с ноткой восхищения сказал:

— Ну, Ливингстон, жестко ты играешь! В следующий раз напомни мне, чтобы я опять оказался с тобой в одной команде.

— Из твоих уст, Беннет, это настоящий комплимент. Ты их центральному разу четыре подножку ставил! Где тебя этим приемам учили?

— А поверишь, если скажу, что в Турине?

— В Италии, что ли? Какого лешего ты там делал?

— Пока я учился в Оксфорде, я регулярно на выходные летал в Италию и играл за «Фиат-Турин». Триста баксов за игру плюс возможность побывать во многих местах, которые я бы иначе никогда не увидел. Должен тебе сказать, европейцы привыкли компенсировать недостаток техники локтями и коленями. А русские, по-моему, вообще за каждую каплю пролитой крови соперника получают премиальные.

— Так ты и против русских играл?

— Только со «Спартакком», одним из их так называемых любительских клубов. И в основном валялся на полу.

— Черт побери, Ландсманн, ты меня потряс! Правда! Я совершенно раздавлен.

— Не стоит, Ливингстон. Потому что, сказать по правде, если решишь переметнуться, в Ленинграде тебя примут с распростертыми объятиями.

Приняв душ и поужинав, Барни почувствовал, что может снова сосредоточиться на учебниках. Неторопливо шагая по коридору, он вдруг услышал музыку. Звуки лились из комнаты Мори Истмана. Барни внутренне содрогнулся и осторожно приблизился к открытой двери.

Комната была залита ослепительным светом. Под потолком через всю комнату тянулась консоль с софитами, причем каждая лампа была направлена на какое-нибудь произведение искусства — такая

миниатюрная галерея, обрамленная двумя гигантскими стереоколонками.

— Можешь войти! — объявил густой баритон откуда-то у него из-за спины.

Барни резко обернулся и увидел молодого человека лет двадцати с небольшим. У него были точеные черты лица и аккуратная стрижка.

— Чего-нибудь выпьешь? — радушно предложил он.

Барни приложил к уху руку.

— Я тебя не слышу! Ты не убавишь громкость? Это какой-то космодром.

— А мне нравится! Малера надо играть фортиссимо.

— Так надень наушники. Здесь люди заниматься хотят.

Меломан приветливо улыбнулся, подошел к механизму, напоминающему «Боинг-707», и слегка повернул регуляторы уровня, так что комната, по крайней мере, перестала вибрировать от звука.

— Спасибо, — кивнул Барни и собрался уходить.

— Так ты не останешься чего-нибудь выпить?

— Извини, у меня масса работы.

— Господи, почему вы здесь все такие прилежные? Послушай, стаканчик скотча еще никому не вредил.

Несмотря ни на что, этот парень начинал Барни нравиться. Он согласился на кока-колу.

— С лимоном? Лаймом? Чутьочку рома? Получится «Куба-Либре».

— Нет, без всего, спасибо. Только льда немного положи. Гм... А ты с медицинского?

— Иначе с чего бы я поселился в этой жуткой общаге?

— Резонно. До недавнего времени в этой комнате жил один человек...

— Бедняга! — Он протянул Барни стакан, после чего налил себе на два пальца виски.

— А ты был знаком с Мори?

— Только по имени и номеру — улавливаешь? Насколько я понял, у него что-то дома случилось. Мне это на руку — я на нечто подобное и рассчитывал, иначе снял бы себе квартиру. Я, правда, не думал, что это произойдет так скоро. Сам-то ты знал этого бедолагу?

— Хороший был парень.

— Представь себе, я — кстати, меня зовут Ланс Мортимер — пока что не встретил в Гарвардской школе медицины ни одного человека, которого можно было бы — даже с натяжкой — назвать иначе чем бессердечный, амбициозный сукин сын.

— Ты и себя к ним причисляешь?

— Себя в первую очередь. Я намерен к тридцати пяти годам стать миллионером.

— Тогда, может, тебе лучше было пойти в Гарвардскую школу бизнеса?

— Бог мой, ты еще и святоша! Откуда ты такой взялся?

— Из Бруклина, — холодно ответил Барни. — Обойдемся без комментариев или как? А, Ланс?

— Не будь идиотом, я слышал, что это отличный район. Слушай, я забыл, как тебя зовут.

— Я тоже. Может, так и оставим?

— Да ладно тебе, старик, — примирительно сказал Ланс. — Как тебя звали в Бруклине?

— По-разному. Но друзья зовут меня Барни или Ливингстон. Я откликаюсь и так и так. А теперь, Ланс, если ты будешь любезен не включать свою музыку на полную мощь, я пойду изучать препараты по гистологии.

— Препараты по гистологии? — Ланс изобразил удивление. — Вам разве разрешают выносить бесценные образцы человеческих тканей из лаборатории?

— Только по несколько штук.

— А что у тебя в качестве микроскопа?

— Фирменный инструмент — «Американ оптикал», десять баксов за семестр.

— Но это же монокулярный агрегат! Каменный век!

— Господи, Ланс, тебя послушать, так здесь все каменный век.

— Ну что ты, Ливингстон, ты меня не так понял! Я только хотел одолжить тебе свой аппарат...

И он снял чехол с сияющего ультрасовременного бинокулярного микроскопа, который, оказывается, стоял у него на столе.

— Ого! — не удержался Барни.

— «Никон» — новейший, от добрых волшебников из Токио. Вообще-то у меня их два, а кроме того — полный набор слайдов,

которые нам показывали на лекции.

— Как ты их раздобыл?

— Не скажу, пока ты не переменишь своего мнения обо мне.

— А с чего ты взял, что у меня о тебе плохое мнение?

— Оно у всех плохое. Пока еще до людей не дошло, что под моей неприятной физиономией скрывается сердце из камня и ум из стали. Проще сказать, Барни, я рожден, чтобы быть победителем.

— Ну, тебе видней, — пробурчал Барни. — А теперь говори, откуда у тебя эти препараты.

— Мог бы и сам догадаться. Единственное, чего ты не знаешь, это сколько я заплатил тому несчастному третьекурснику, который работает на проекторе. А это уже врачебная тайна.

Барни почувствовал, что с него хватит. Он повернулся к двери, на ходу бросив через плечо:

— Пока, Ланс.

Тот вскочил со своего дорогого кресла и бросился вдогонку со скоростью Аполлона, преследующего Дафну.

— погоди минутку, Ливингстон! Ты что же, микроскоп не возьмешь?

— Если говорить без обиняков, Ланс, мне совсем не улыбается перспектива быть у тебя в долгу.

— Но я же сказал: у меня их два! И слайдов два комплекта.

— Ланс, признайся, у тебя все в двух экземплярах?

— Вообще-то да. Ну, почти все.

— И машины две?

— Всего лишь подержанные «корветы».

— Но наверное, одного цвета?

— Да, мне это показалось более практичным.

— Ах, ну да. Конечно.

Охваченный нездоровым любопытством, Барни пошел дальше.

— И девушки тоже две?

— Тут я делаю исключение.

— Да?

— Женщин я нахожу менее надежными, нежели машины. Поэтому обычно у меня их три или даже четыре одновременно.

— Ну да, ну да, это очень практично.

Барни уже понял, что пустился в плавание по неизведанным морям, но убедил себя, что будет интересно разобраться, чем же живет этот тип.

— Но, конечно, у тебя только одна мама и один папа.

— Это что такое? Допрос?

— Прости, я немного увлекся. Я просто не хотел бы одалживать микроскоп у человека, который — уж прости за прямоту — добыл его «через задний проход».

— Вообще-то ты тоже немного странный. Говоришь как будущий психотерапевт, — весело заключил Ланс. — Мне это нравится. Можешь брать мою машину, когда понадобится.

— Благодарю, — небрежно бросил Барни и стал собирать по частям супермикроскоп, пока благодетель не передумал. — Когда вернуть? — спросил он, беря коробку с препаратами.

— Спешки нет. Если хочешь, держи хоть до конца семестра. Я всегда себе еще один комплект добуду.

— Ланс, ты потрясающий!

— Я тебе правда понравился? — спросил Мортимер с неподдельным изумлением.

— Конечно. — Барни улыбнулся. — Ты уникален.

* * *

Он энергично взялся за дело и в начале двенадцатого почувствовал, что должен принять дозу углеводов. По дороге к кондитерскому автомату он задержался у телефона, чтобы поделиться с Лорой своей удачей.

Ответил раздраженный девичий голос:

— Если вы звоните Грете или Лоре, я немедленно вешаю трубку!

Он узнал этот голос.

— Привет, Элисон, это я, Барни. Ну помнишь, мы с тобой познакомились над телом Леонардо.

— А, привет, — ответила она. — Как продвигается вскрытие?

— Отлично. А у тебя?

— Неплохо. Насколько я понимаю, тебе нужна Лора?

Он уловил в ее голосе тоскливые нотки и решился на невообразимую жертву.

— Послушай, Элисон, не хочешь выпить по чашке кофе?

— Ох, — удивилась она, явно непривычная к малейшему интересу со стороны противоположного пола. — Послушай, Барни, у меня еще сегодня столько работы! Может, как-нибудь в другой раз?

— Конечно, конечно, — с внутренним облегчением согласился он. — А Лора есть?

Трубка повисла на шнуре и ударилась о стену — это Элисон бросилась за Лорой.

К его удивлению, Лора тоже была раздражена:

— Алло! Дадите вы мне наконец заниматься? Кто там еще?

— А ты кого ждала — Марлона Брандо?

— Ой, прости, Барни. Что у тебя случилось?

— Ты не поверишь! У меня есть полный набор слайдов по гистологии и новейший «Никон», чтобы их посмотреть!

— Ого! И где ты это все раздобыл?

— А, это долгая история. И слишком интересная, чтобы рассказывать по телефону. Не хочешь прийти посмотреть на восхитительные срезы легочной ткани, окрашенной серебром? Не говоря уже о целом калейдоскопе прочего добра!

— Еще как! Прямо сейчас — годится?

— Давай через полчаса... У меня сейчас сеанс утешения.

— Ах, ну да. Тогда через полчаса, господин Утешитель.

— Садись, Хэнк.

— Барн, я знаю, ты очень занят... Это займет минуты три, не больше.

— Да садись ты! А то заработаешь варикоз.

Дуайер кивнул и присел на край постели.

— Отлично, малыш Хэнк. Выкладывай, что там у тебя.

Гость занервничал и с трудом смог сказать:

— Барни, у меня проблема. Я буду тебе очень признателен, если ты дашь мне совет.

— Конечно дам, — ответил тот, а сам подумал: «С чего он взял, что я знаю больше, чем он?» — Так в чем дело, Хэнк?

Неловкость, терзавшая Дуайера, казалось, заполнила всю комнату. Наконец он сумел выдавить:

— Секс.

— Что ты имеешь в виду? — в свою очередь смутился Барни.

— У меня проблема с сексом, — продолжал Дуайер, вытирая руки о свитер.

«Только не это! — кричал Барни внутренний голос. — Отправь его немедленно к психотерапевту, или у тебя каждую ночь друзья будут выпрыгивать из окна!»

— Послушай, Хэнк, а ты не думаешь, что это лучше обсудить с... со специалистом?

— Нет, нет, нет! Барни, я уверен, что такой опытный человек, как ты, мне обязательно поможет.

«Ну да, — про себя усмехнулся Барни, — а некоторым к тому же кажется, что я наделен обаянием».

— Ну давай, Дуайер, рассказывай.

— Ты ведь знаешь, что я собирался стать священником?

— Да.

— И я тебе, по-моему, говорил, почему передумал?

— Да, что-то вроде «мир, плоть, стетоскоп»...

— Все дело в Черил. Черил де Санктис. Я ее вождедею. Я денно и ночью только о ней и думаю. Я не могу заниматься, не могу спать. Не могу учить анатомию, потому что мне хочется...

— Переспать с ней? — подсказал Барни.

— Да, Барни. Точно. Я знал, ты поймешь.

— Если честно, не уверен, что все понимаю. Потому что пока я не вижу, в чем проблема. Если, конечно, эта Черил не замужем. И не монахиня.

— Господи, ты за кого меня принимаешь? Она отличная девчонка из моего прихода. Воспитательница в детском саду. И из очень набожной семьи.

Он помолчал, потом со стоном добавил:

— И у нее такой верхний этаж — закачаешься!

— Ах, вот оно что, — изрек Барни, пытаясь как-то обобщить услышанное. — Но она на тебя не смотрит? В этом проблема?

— Нет-нет, она меня любит и знает, что и без этой фантастической фигуры я бы все равно ее любил. Но вчера вечером

она позвонила и сказала, что приедет на следующие выходные и хочет остановиться в моей комнате.

— Ну, это не проблема, Хэнк. Насколько мне известно, нам запрещено держать в комнате только оружие и змей.

— Мне кажется, она хочет дойти до конца.

— Ну и прекрасно! — в нетерпении воскликнул Барни и подумал: «Мне бы твои проблемы!»

— Так ты думаешь, это нормально? Ничего, что мы совершим прелюбодеяние?

— Послушай, Дуайер, я не моралист, и мне кажется, что если два взрослых человека действительно любят друг друга, то вполне допустим и секс...

— До брака?

— А ты всерьез думаешь на ней жениться, Дуайер?

Тот кивнул:

— Барни, я ее люблю. Так скажи: ты меня благословляешь?

— Ну, думаю, это надо назвать каким-то более светским словом. Скажем, я тебя одобряю. И в конце концов, я же не твой духовник. А кстати, почему ты до сих пор с духовником не поговорил?

— Потому что священник скажет, чтобы я этого не делал.

Не успел Барни осмыслить все грани этого глубоко нравственного диалога, как раздался стук в дверь.

Дуайер бросил взгляд на часы и поднялся.

— Ого, уже первый час. Прости, что отнял у тебя столько времени.

Раздался бодрый голос Лоры:

— Ливингстон, это я! Ты не один?

Дуайер смешался.

— Черт, Барни, почему у тебя нет черного хода?

— Да ты что, Хэнк? Это всего лишь Лора!

— Что значит «всего лишь»? К тебе в полночь является самая красивая девчонка на всем курсе... Как у тебя это получается?

Он быстро повернулся и распахнул дверь.

— Привет, Хэнк — Лора улыбнулась. — Надеюсь, я вам не помешала?

— А я — вам, — смущенно ответил тот.

— Ничего страшного. Я только заскочила убедиться, что у Барни действительно есть такой шикарный микроскоп, как он расписывает.

— Ну да, конечно, — согласился Хэнк, окончательно сбитый с толку. И побежал звонить своей красавице.

Лора, — сказал Палмер. — Я не могу находиться с тобой в одном городе и видеться только по выходным! Даже вечер пятницы и то не всегда мой!

— У нас по субботам занятия, ты же знаешь.

— Лора, это варварство, антигуманное варварство.

— Нет, дорогой, это всего лишь школа медицины.

Прошел час. Лора подняла голову.

— Мне пора в общагу. Мне надо пораньше встать и размять свои глазодвигательные нервы над «Анатомией» Грея.

— А как насчет *моей* анатомии? Неужели не можешь остаться до утра и позаниматься анатомией со мной? Обещаю, что утром сам тебя отвезу, как только встану.

— Прости. В твоём представлении «как только встану» означает, что ты сначала должен прочесть от корки до корки свою «Нью-Йорк таймс».

— Да, и еще «Бостон глоб». — Он ласково улыбнулся ей. — А потом еще разок заняться любовью.

Она поцеловала его в лоб.

— В другой раз, хорошо? — И, начиная одеваться, добавила: — Иногда у меня возникает четкое ощущение, что ты ненавидишь мою учебу.

— Признаюсь, временами я действительно мечтаю, чтобы ты ее бросила. Но совесть неизменно напоминает мне, что ты страстно предана своему призванию, а я веду себя как эгоист.

— Отлично. А совесть тебя не бичует за твои мечты?

— Не сказал бы. Потому что я тут же вспоминаю, что по меньшей мере треть твоего курса уже семейные люди.

— Но из девушек — никто. У нас на это нет времени.

— Потому что вы все время доказываете, что не хуже мужиков?

— Ну что ты, этого было бы мало! Мы вынуждены доказывать, что мы лучше. Как ты не поймешь?

Палмер искренне старался понять, но постичь глубину ее увлеченности все-таки никак не мог.

— Скажи, ведь в принципе ты все же собираешься выйти замуж и иметь семью?

— До этого еще по крайней мере лет десять, — ласково произнесла она. — Я хочу стать не просто врачом, Палмер. Я хочу стать очень хорошим врачом.

Он посмотрел на нее и с любовью проговорил:

— Я тебя люблю, Лора, и буду ждать столько, сколько потребуется.

Он обнял ее, словно скрепляя клятву печатью. Лора прижалась лицом к его щеке, и ей вдруг стало неизъяснимо грустно. «Господи, — подумала она, — такой потрясающий парень и так меня любит! И мне он действительно нравится. Что же мне мешает... ему уступить? Что со мной не так?»

Когда «порше» подкатил к подъезду погруженного во мрак Вандербилт-холла, им навстречу из-за угла вышла парочка. Палмер проводил Лору до дверей, и тут послышался оклик:

— Лора, Лора, погоди!

К ней ринулся Хэнк Дуайер, сопровождаемый невысокой пухленькой девушкой.

— Привет! — весело поздоровалась Лора, удивляясь про себя, что этот несостоявшийся пастор делает на улице так поздно (вечерняя месса уже давно закончилась!), да еще и с девушкой.

— Лора! — волновался Хэнк. — Ты первая, кому я скажу! Мы с Черил решили пожениться! Ах да, вы же не знакомы. Лора Кастельяно. А это моя невеста Черил де Санктис. Мы с ней из одного города.

Его черноволосая подруга кивнула и застенчиво улыбнулась. Даже в темноте видно было, как сияют ее глаза.

Лора представила Палмера, и тот вежливо осведомился, когда именно юная пара намерена связать себя узами брака.

— На Рождество, — оживилась Черил. — Мы поженимся на рождественские каникулы.

— Да, — подтвердил Хэнк со смущенным смешком — Так что я всегда буду помнить о нашей годовщине. Разве не здорово?

— По-моему, чудесно, — оценил Палмер и с едва заметной иронией, которую уловила лишь Лора, добавил: — А твоей учебе это разве не помешает?

— Да ты что! Как раз наоборот! — воскликнул Дуайер. — Сейчас я беспрестанно думаю о Черил, а когда мы будем вместе, я смогу наконец сосредоточиться на занятиях.

Палмер насмешливо повернулся к Лоре.

— Интересная мысль, ты не находишь?

— Каждому свое, — многозначительно ответила она и поцеловала Палмера в щеку. Потом помахала влюбленным и поспешила в дом.

Оказавшись в пустом вестибюле, Лора опять загрустила. Взгляды, которыми обменивались Хэнк с Черил, поразили ее. Они, без сомнения, влюблены друг в друга. А любит ли ее Палмер? Ее вдруг охватила нежность к нему. И непонятная жалость к себе самой.

Ноги сами понесли ее в комнату Барни. Если он еще не спит, она сможет излить ему душу. Выпустить пар. Подойдя, она услышала из-за двери бормотание: Барни прилежно повторял биохимические формулы.

Она остановилась, не желая — или не находя в себе смелости — морочить ему голову своими детскими переживаниями. Об отношениях полов. О любви. И прочей подростковой ерунде.

И она пошла дальше, к себе, бросилась на постель, открыла учебник биохимии и попыталась с головой уйти в аминокислоты. Забыться.

Барни сидел за зубрежкой весь вечер, пока не нагрянул Беннет Ландсманн. Он был потрясающе элегантно одет, и Барни с удивлением услышал, что он всего лишь ходил на новый фильм Ингмара Бергмана в кинотеатр на Эксетер-стрит.

— Хочешь меня погонять? — спросил Беннет.

— Конечно. Как насчет аминокислот? Силен?

— Довольно-таки. Сегодня днем пять часов им отдал.

— Хорошо. Тогда обратим свой взор на такую мелочь, как расщепление белка в желудочно-кишечном тракте.

— Ты что, издеваешься? Мы разве и это должны знать?

— Так, так, так, Ландсманн... — произнес Барни, копируя снисходительный тон профессора. — От вас требуется знать только самое важное. Иными словами, все, что слетает с моих губ.

— Черт! — прошипел Беннет, и оба засели за книги. Через час Беннет сбегал к себе и принес две бутылки «Будвайзера».

— Скажи мне, Ландсманн, — мягко спросил Барни, — как тебе нравится роль Джеки Робинсона^[20] от медицины?

— Барн, ты мне льстишь. Я хоть и перешел в профессионалы, но в *этой* лиге отнюдь не являюсь первым игроком.

— Да ладно тебе, Бен, ты же понимаешь, что я хотел сказать.

— Конечно. Мне здесь нормально, Барни. Я же всегда был черный!

— А откуда ты?

— Вырос в Кливленде... — сказал он и замолчал.

В душе Барни любопытство боролось со смущением.

— А чем твои родители занимаются?

Вопрос прозвучал достаточно деликатно.

— Отец шьет обувь, — небрежно бросил Беннет.

— А-а... — Барни был потрясён тем, сколь многого добился этот парень совсем простого происхождения. Но он понял, что подошел к границе чего-то глубоко личного и дальше пути нет.

Еще полтора часа прошло в усиленных занятиях, а затем, обалдев от них, они принялись обсуждать своих сокурсниц.

— А эта Кастельяно... — пробормотал Беннет, сокрушенно мотая головой. — Я знал ее еще с Редклиффа. Вот кто для меня загадочная личность! Красивая, чертовски умная и настоящая загадка.

Загадочная? Пожалуй, это был единственный эпитет, который Барни ни за что не применил бы к Лоре.

Правда, он-то знал ее по-настоящему. По сути дела, они были друг для друга как родные.

«Вот кто действительно загадка, так это ты, Беннет».

Накануне первого зачета по биохимии всех мучил один и тот же вопрос: «Какое отношение эта абракадабра имеет к исцелению больных?»

— Понимаешь, — жаловалась Лора, — все эти дурацкие схемы напоминают мне учебу на автослесаря или телемеханика.

Они экзаменовали друг друга в комнате Барни.

— Кастельяно, не нервничай! Я согласен, что это все похоже на заучивание пятидесяти сортов макарон, но все-таки эта наука имеет некоторое отношение к работе организма.

— Уверена, что моему отцу учить эту чушь не приходилось!

— А я уверен в обратном. Обмен веществ изучали еще в Древней Греции и Китае две тысячи лет назад.

— Да, но не в таком же объеме! Тогда этих безумных подробностей вообще никто не знал. А кроме того, черт побери, я надеялась, что увижу здесь больных людей!

— Ну что ж, — мрачно пошутил он, — оглянись вокруг! Пфайфер и сам больной, а после всей этой зубрежки и мы такими станем. Хочешь «Хершиз»?

— Нет, но стаканчик кока-колы выпила бы. Чтобы не уснуть. Я сбегаю...

— Не дергайся, Кастельяно, сиди тут и занимайся за нас двоих. Мне надо разогнать кровь, чтобы к мозгам поступала.

Он быстро сбежал к выстроившимся в нижнем коридоре автоматам. Но в этот поздний час автоматы, как назло, все до единого были пусты, даже табачный.

Он медленно побрел наверх, пытаясь вспомнить, у кого из соседей по этажу можно разжиться плиткой и чайником. Ах да, наверняка у Ланса Мортимера есть и то и другое и в двух экземплярах.

Он постучал. Ответа не последовало. Неужели спит? Барни тронул дверь — она оказалась не заперта. Ланс возлежал в кресле, запрокинув голову и смежив веки. На нем были наушники. Наушники?! Вот это выдержка — слушать музыку накануне такого зачета! Барни подошел и тихонько постучал Ланса пальцем по лбу.

— Есть кто живой? — беспечно произнес он.

Ланс открыл глаза и снял наушник с одного уха:

— А, доктор Ливингстон. Куда ты запропастился?

— К себе в комнату, как и все остальные, зубрю проклятушие химические формулы. А ты почему не тем же занят? Или завтра на зачет не идешь?

— Чего это вы все в таком мандраже? Не вижу никаких оснований для паники.

— Может, и так, но тебе не кажется, что стоило бы позаниматься?

— А я что делаю? Вот послушай...

Барни нехотя натянул на голову наушники. К своему изумлению, он услышал голос Ланса, повествующий о тайнах метаболизма, по которым им завтра предстоит держать отчет.

— Вот сижу, слушаю без конца эту пленку, — пояснил Ланс. — Так что даже если нечаянно усну, информация все равно будет записываться на подкорку.

— Ланс, ну ты и личность!

— Правда? — Сосед улыбнулся. — Жаль, что не могу предложить такую запись тебе: я только вчера одолжил этот агрегат в Акустическом исследовательском центре Кембриджа. Может, я чем-то еще могу быть полезен?

— Вообще-то да. У тебя нет ничего, что содержало бы кофеин?

— То есть чая, кофе или кока-колы?

— Лучше бы кока-колы. Две, если тебя это не очень напряжет.

— Угощайся! — сказал Ланс, махнув в сторону холодильника. — Если хочешь, там еще камамбер есть.

Он опять растянулся в кресле и возобновил свою самоподготовку.

Вернувшись к себе, Барни обнаружил Лору крепко спящей на его кровати.

Он взглянул на темные круги у нее под глазами и решил, что отдых ей сейчас нужнее всего. Барни сел за стол и еще с полчаса позанимался. На большее его не хватило. Он еще раз взглянул на Лору — та спала как каменная. Было бы жестоко ее сейчас будить. Барни снял туфли, взял себе одеяло, соорудил подушку из собственной куртки, устроился на полу и мгновенно уснул.

Под утро Лора с изумлением открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Через мгновение она увидела спящего на полу Барни и улыбнулась. У него был такой безмятежный вид! Она сложила свои тетрадки и собралась уходить, но в последний момент бросила взгляд на стол — Барни забыл завести будильник. Лора поставила его на семь, после чего тихонько закрыла дверь и на цыпочках удалилась.

Из-под некоторых дверей еще выбивались полоски света. А одна была широко распахнута. Ланс Мортимер, на сей раз без наушников, сидел за столом и чертил схемы. Он поднял на Лору глаза.

— Привет, Лора. — Он улыбнулся. — Как там Барни?

— Заснул, — ответила она как ни в чем не бывало.

— Счастливчик! — завистливо произнес Ланс.

Она посмотрела на него, от усталости даже не возмущившись его ехидством, и прошептала:

— Иди ты, Мортимер, сам знаешь куда...

Уже подходя к лестничной клетке, она услышала его ответ:

— С удовольствием, мисс Лора. Только свистни.

С опухшими глазами, грызя карандаши и страдая от болей в желудке, они дожидались «небольшого зачетика» профессора Пфайфера. Питер Уайман беспечно распевал «Что за чудесное утро!», но от этого их воспаленным желудкам и пульсирующим вискам нисколько не становилось легче.

Душка профессор не обманул их ожиданий. Первый вопрос касался новаторской работы по метаболизму недавнего Нобелевского лауреата сэра Ханса Кребса. При этом требовалось покинуть земные границы.

«Представьте себе, что вы живете не на Земле, а на Сатурне. Опишите цикл Кребса, подставив на место кислорода азот. Начертите подробную схему».

Второй вопрос, по выражению Пфайфера, был «послаще». Он касался обмена сахара в организме. Иными словами, преобразования сахара в вещества, необходимые тканям.

«Даны пять молекул глюкозы. Сколько требуется аденозинтрифосфата и фосфата для преобразования ее в гликоген? Сколько при этом образуется двуокиси углерода?

Дайте поэтапное обоснование».

В одном отношении Гарвардская школа медицины по-прежнему напоминает храм Эскулапа: глубокие шрамы здесь порой рубцуются за одну ночь. Так случилось и с первокурсниками. Уже на следующее утро на лицах студентов, собравшихся в зале «С», чтобы слушать продолжение рассказа профессора Пфайфера о приключениях аминокислот на пути их превращения в идеальный белок, не было никаких следов вчерашних страданий. По всей видимости, не осталось их и в душах будущих медиков.

Профессор, ни словом не обмолвившись о вчерашней работе, немедленно углубился в захватывающие особенности аминокислоты

под названием аргинин. Он понимал, что студенты мучаются неизвестностью, и они это видели. От этого общее напряжение лишь усиливалось.

Наконец, секунд за тридцать до конца лекции, Пфайфер глубоко вздохнул и спокойно объявил:

— Да, насчет вашей работы. Мне очень приятно вам сообщить, что среди вас есть те, кто показал очень высокий результат. Двоим я поставил девяносто восемь, а одному даже девяносто девять баллов. — И с улыбкой добавил: — Высший балл я принципиально не ставлю никогда и никому.

Профессор выдержал паузу, перевел дух и продолжил:

— Конечно, были и такие, кто — как бы это выразиться? — еще не совсем уловил суть предмета. Достаточно сказать, что самую слабую работу я оценил в одиннадцать баллов. Но в целом отмечу, что большинство сгруппировались где-то в районе пятидесяти пяти и имеют все шансы успешно сдать курс в целом.

Зал наполнился взволнованным шепотом. На прощание Пфайфер объявил:

— Оценки будут вывешены на обычном месте завтра рано утром. Всего хорошего, джентльмены.

Он развернулся и вышел.

Вслед за ним в коридор потянулись и студенты, и все слышали, как Питер Уайман сказал:

— Интересно, что я такого упустил, что не заработал этого последнего балла?

* * *

Профессор Пфайфер имел обыкновение являться на факультет не позднее шести часов утра, с тем чтобы несколько часов до лекций посвятить исследовательской работе в тиши лаборатории. После зачетов он вывешивал оценки на доске объявлений возле аудитории, из деликатности обозначая лишь инициалы студентов, после чего удалялся к себе в лабораторию.

Надо ли говорить, что на другое утро ранних пташек оказалось множество? Бледный полукруг небесного светила еще только

показался над горизонтом, а пять или шесть человек уже вышли к стене, получившей с недавних пор наименование «Стены плача».

Другой традицией было то, что студенты, даже некурящие, узнав свою оценку, прижигали собственные инициалы кончиком зажженной сигареты.

Барни появился в семь часов. Беннет уже был на месте.

Он не улыбался.

Но и не хмурился.

— Ну, Ландсманн, какой счет?

— Ливингстон, — серьезным тоном ответил приятель, — у нас с тобой — серединка на половинку. Вот, смотри!

Он показал на список, в котором шесть имен уже были сокрыты от посторонних глаз. Среди них — обладатели невероятных девяноста девяти и девяноста восьми баллов. Против одиннадцати баллов и пары средних результатов еще курился дымок.

— Во сколько же ты пришел, Бен?

— Без четверти, и эти дырки уже были тут. Мы с тобой, похоже, следуем принципу греческой философии — «ничего слишком». У меня семьдесят четыре. А у тебя — семьдесят пять.

— Откуда ты знаешь? Мне только что пришло в голову, что у нас с тобой инициалы одинаковые.

— Не волнуйся. Я подписал работу полным именем — Беннет А. Так что семьдесят четыре — у меня.

Лицо Барни снова обрело румянец.

— Эй, Ландсманн, а мы с тобой молодцы! И как же мы с тобой заметем следы?

— У меня при себе традиционное орудие.

— Ты же не куришь!

— Нет, конечно, но иногда хожу на свидание с недостаточно просвещенными юными леди, которые дымят.

Из внутреннего кармана пиджака он извлек серебряный портсигар. Достав тонкую, длинную сигарету, он зажег ее такой же серебряной зажигалкой. На обоих предметах была монограмма — или клеймо.

— Вот это штучка! Бен, дай-ка посмотреть!

Тот протянул ему портсигар. На крышке было тиснение в виде круглого вензеля с серебряной литерой «А» на бронзовом фоне.

— А что это?

— А, это вещь моего отца. Он служил офицером в Третьей армии Паттона.

— Круто! — зацокал языком Барни, — Мой отец служил на Тихом океане и ничего подобного не привез. А что твой отец...

— Ладно, пошли, — перебил Беннет, — пора завтракать. Давай выжги наши инициалы, и пойдём отсюда.

Он протянул Барни сигарету. Тот быстро пробежал глазами список в поисках Лориной оценки.

Ее инициалов не было. Точнее сказать — их не было среди оставшихся нетронутыми. Следовательно, она или выполнила работу блестяще, или провалилась.

— И какой же у тебя результат по биохимии?

— Неплохой.

— Перестань, неужели мы будем друг от друга таиться? В конце концов, я же твой будущий муж!

— Кстати, Палмер, позволь тебе напомнить, что я еще не давала официального согласия.

— Ладно-ладно, доктор. Сдаюсь! Скажи-ка лучше, что ты делаешь в День благодарения?

— Занимаюсь, что же еще?

— Ну, это понятно. Но какая-то передышка тебе тоже нужна! Даже смертникам в тюрьме в День благодарения разрешается есть индейку.

— Вообще-то, — сказала Лора, — мы с Барни и еще кое-кто из наших однокурсников думали организовать в столовой общий стол и сделать вид, что мы одна семья. Но в последний момент кое-кто отказался.

— И кто именно?

— Ну, Беннет летит домой в Кливленд, чтобы день или два провести со своими...

— Как экстравагантно! Он, по-видимому, не бедствует.

Лора кивнула:

— Похоже на то, если судить по его гардеробу. А потом и Ливингстон отпал.

— Едет к своим в Бруклин?

— Он не сказал. Вообще-то он в последние дни ведет себя как-то странно...

— Может, за что-то на тебя обижен?

Она пожала плечами:

— Не думаю, разве что злится, что я не сообщила ему свою оценку по биохимии.

Палмер попытался застать ее врасплох:

— А какую ты получила оценку?

— Я тебе уже сказала, Палмер, — отрезала Лора. — Неплохую.

Барни держал приемник на волне музыкальной радиостанции, пока шел сигнал. Казалось, это единственное радио во всей Новой Англии, которое в День благодарения еще не переключилось на рождественские песнопения. Поскольку он был совершенно один во взятом у Ланса «корвете», то мог вслух распевать «Гимн Благодарения», который помнил еще со старших классов школы.

Сегодня Барни окажется одним из немногих, кто проведет праздник не за семейным столом. Мама будет крайне разочарована, ведь она так надеялась, что он на праздник приедет в Бруклин. К тому же своим изменившимся планам он дал весьма лаконичное объяснение: «Надо навестить одного друга, у которого неприятности».

Из любопытства Эстел спросила, не девушка ли этот таинственный «друг», но Барни только сказал, что беспокоиться тут не о чем.

На северной оконечности Хартфорда он свернул с шоссе, после чего ему пришлось еще несколько раз съезжать с одной дороги на другую, всякий раз — на более узкую и примитивную. Наконец он преодолел узкую грунтовую дорожку, обрамленную голыми деревьями, и внезапно увидел перед собой открытое пространство. Метрах в ста впереди стоял роскошный дом во французском стиле. На солидных кованых воротах висела небольшая медная вывеска: «Стратфордский институт».

Барни вспомнилось его шуточное название — «Замок Психо». Ибо здесь обитала аристократия из умалишенных. Или плутократия. Поговаривали, что с пациентов тут берут почти по тысяче баксов в неделю. «Господи, — подумал он, — за такие деньги им должны выдавать смирительные рубашки из кашемировой шерсти».

Он отдавал себе отчет в том, почему пытается развлекать себя нескладными шутками. Он не раз слышал о тревоге, которая охватывает совершенно нормальных людей при посещении подобных заведений. Даже самые уверенные в себе испытывают противоречащее здравому смыслу беспокойство: им кажется, что их тут сочтут своими клиентами и не выпустят обратно на волю.

Подъехав к будке охраны, чтобы назвать себя, он увидел, что охранник жует индюшачью ногу, безразлично уставившись в мерцающий телеэкран. Увидев Барни, он принялся листать свой блокнот, оставляя на каждом листке жирное пятно.

— Угу, — Он кивнул. — Доктор Ливингстон с визитом к мистеру Истману. Проезжайте.

По телефону Барни сказал, что звонит из Гарвардской школы медицины, и это явно облегчило ему доступ в лечебницу.

У массивных деревянных дверей его встречала приветливая матрона, которая поздравила его с праздником и, по-видимому решив, что Барни знаком с заведением, объявила, что «молодой Истман» дышит свежим воздухом на задней лужайке и «доктор Ливингстон» может с ним там повидаться.

Барни кивнул и двинулся по длинному коридору с высокими потолками, но свернул не туда и вскоре оказался перед запертой железной дверью белого цвета. Заглянув в прямоугольное зарешеченное окошко, он увидел какое-то фантасмагорическое сборище пациентов. Они вертелись, потягивались, мычали, погрузившись каждый в свой собственный мир и, судя по всему, абсолютно не желая замечать чье-либо присутствие. Картина напомнила ему кадры из фильма Феллини. Только *эта* фантасмагория была вполне реальной. «Господи, — подумал он, — неужели и Мори здесь?»

— Чем могу вам помочь? — окликнул суровый женский голос.

— Я... я из Гарвардской школы медицины, приехал навестить молодого Истмана.

— Но здесь-то его нет! — объявила медсестра с негодованием.

«И слава богу!» — подумал Барни.

— Мне сказали, он на задней лужайке. Не подскажете, как туда пройти?

Она показала ему направление. Барни кивнул и заспешил прочь, от души надеясь, что охвативший его испуг не отразился на лице.

Мори он нашел на большой и безлюдной каменной террасе с выходом в огромный, идеально ухоженный сад. Он смотрел на солнце, садящееся за горы Таконик.

— Привет, Мори! — негромко позвал Барни.

— Здравствуй, Барни, — безжизненным тоном ответил приятель, не поворачивая головы. — Спасибо, что приехал. Солнце удивительное, правда? Как будто Господь опускает блестящую медную монетку в прорезь автомата, чтобы купить нам небо, полное звезд.

Он так и не обернулся.

— Чудесная метафора! Ты должен ее записать.

— Я больше не пишу, — пробурчал он.

Поскольку Мори по-прежнему не поворачивался к нему, Барни обошел его кресло и облокотился о перила террасы. Теперь он понял, почему его друг так зачарован небесным светом: его глаза были как выжженные электрические розетки. Барни содрогнулся.

— Как дела в Гарварде? Обо мне кто-нибудь вспоминает?

— Все довольно однообразно, ты знаешь. И по тебе я действительно скучаю, Мор. А в твою комнату поселили такого зануду!

— В моей комнате кто-то живет? Я думал, они ее забьют досками или объявят какой-нибудь карантин, чтобы никто не заразился...

— Перестань на себя наговаривать! — оборвал Барни и положил руку Мори на плечо. — Спорим, ты уже к весне будешь с нами!

— Не надо мне вешать лапшу на уши! Я теперь здесь до конца дней.

Барни взглянул в эти ужасающе пустые глазницы и подумал: «Бедолага выглядел лучше, когда заговаривался. По крайней мере, тогда он был живой!»

— Эй, перестань, уж мне-то поверь! Я уже на одну восьмую врач. Все у тебя будет в порядке, Мор. Ты выйдешь отсюда и станешь новым Джоном Китсом, как ты и хотел.

— Китс умер в возрасте двадцати шести лет.

— Ах да, — спохватился Барни. — Ну, это я неудачный пример привел. Но ты меня понял.

Воцарилась тишина. «В чем дело? — удивлялся Барни. — Ведь он отлично знает, что я имею в виду. Почему он не позволяет мне себя приободрить? Почему с такой настойчивостью тянет меня за собой в пропасть? И почему вообще просил меня его навестить?»

Несколько минут прошло в молчании. Потом Мори каким-то потусторонним голосом прошептал:

— Меня тут поджаривают.

— Что? — Барни понял, о чем шла речь, но не хотел в это верить.

— Доктора называют это ЭСТ — электросудорожная терапия, — пояснил Мори все тем же безжизненным тоном. — Мой товарищ по

палате называет это «жаркой». Ты знаешь эти машины, которыми они плавят тебе мозги.

— Шоковая терапия? Ты хочешь сказать, что к тебе применяют шоковую терапию?

Тот кивнул.

Барни был вне себя от негодования. В его представлении электрошок всегда ассоциировался с наказанием. Шок применяют к антиобщественным агрессивным типам; и для лишения жизни, высшей меры наказания, существует электрический стул. Но зачем электрошок этому безобидному парню?

— Считается, что ЭСТ излечивает депрессию. — Он передернул плечами и добавил: — При этом мой папаша полагает, что мне уже лучше.

— Он тебя навещает?

— Нет. Видишь ли, он очень занятой человек, а из Сан-Франциско сюда не наедешься. — Он глубоко вздохнул и продолжил: — Но он звонит. Он звонит доктору Каннингему, старшему психотерапевту, и выясняет, хорошо ли за мной тут смотрят... Эй, ты из-за меня приехал из... ну, не важно откуда... а я тебя даже не спрашиваю, как у тебя дела. И у твоей жены.

— Я не женат, — шепотом поправил Барни, чувствуя нарастающую тревогу.

— А-а... — как-то по-детски протянул Мори. — А разве у тебя ничего не было с этой высокой блондинкой?

— С Лорой? — Барни кивнул. — С Лорой Капельяно? Мы с ней просто друзья.

— Она красивая. Я помню.

— Вот и хорошо, — сказал Барни, выдавив из себя улыбку. — Если ты можешь говорить о красивых девушках, значит, ты на пути к выздоровлению.

— В психиатрии понятия «выздоровление» не существует, — объявил Мори с выражением безнадежности. — Ты просто переходишь из одной стадии болезни в другую. Я уверен, ты скоро это узнаешь.

— Какой идиот тебе это внушил? — рявкнул Барни.

— Мой отец, — пробурчал Мори. — Сколько я себя помню, он всегда это говорил.

В динамиках звучала бодрая песенка.

Барни ехал назад по федеральной трассе номер 86 и крутил ручку приемника в надежде поймать что-нибудь, что могло бы смягчить тупую боль в его душе. Но хорошо ловилась только хартфордская станция, передававшая исключительно мюзиклы. Звонкие, радостные голоса звучали насмешкой над плачевным состоянием Мори Истмана.

Перед тем как съехать с трассы, он остановился у придорожного кафе, заказал тройной гамбургер (сегодня он показался Барни олицетворением трех несчастий — разочарования, депрессии и отчаяния) и попытался его съесть.

Он разменял у кассирши пять долларов и направился к телефонной будке. Достал из кармана мятый конверт и набрал номер в Сан-Франциско. На третьем гудке трубку сняли.

Офис доктора Истмана.

Он попал в приемную.

— Гм... Вы не подскажете, как мне поговорить с доктором Истманом? Дело весьма срочное.

— Вы наш пациент?

— Нет-нет, я вообще-то врач. Моя фамилия Ливингстон.

В трубке замолчали, потом раздался щелчок, из чего Барни заключил, что одну трубку положили, а затем подняли другую.

После чего он услышал приятный баритон:

— Слушаю вас. Говорит доктор Истман.

— Гм... Это Барни Ливингстон, доктор. Я друг Мори. Я был последним, кто говорил с ним перед тем, как он... Ну, вы знаете...

— Да-да, конечно. Вы получили мое краткое послание?

— Да, спасибо, доктор, — ответил Барни, стараясь не вспоминать о лаконичном благодарственном письме доктора Истмана, лишенном каких-либо эмоций. — Вообще-то именно из письма я и знаю ваш телефон... — Истман отнюдь не стремился поддержать беседу, и Барни ничего не оставалось, как взять инициативу в свои руки. — Видите ли, сэр, я сейчас навестил Мори...

— Это очень великодушно с вашей стороны, — заметил тот.

— Сэр, он хороший парень. Мне он нравится.

— Рад это слышать. Обычно он испытывает проблемы в общении со сверстниками. Так чем я могу быть вам полезен, мистер

Ливингстон?

— Помощь нужна не мне, а Мори, сэр.

— Не понимаю.

В голосе психиатра появились раздраженные нотки.

— Доктор Истман, — не унимался Барни, пытаюсь сохранять самообладание, — вы знаете, что вашему сыну прописана шоковая терапия?

— Разумеется.

— Простите мне мою прямоту, сэр, но я только что был у вашего сына. И насколько я мог заметить, его состояние заметно ухудшилось с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Доктор Каннингем дает мне совсем другую информацию, — возмутился Истман. — К тому же на каком основании студент-первокурсник считает себя вправе комментировать работу дипломированных специалистов?

— Доктор! — с жаром взмолился Барни — Единственное, о чем я вас прошу, — поезжайте и посмотрите сами, как это лечение испепеляет вашему сыну мозги!

— В этом нет никакой необходимости, Ливингстон. Я отлично знаком с данной методикой, и в моем представлении именно это показано в таких случаях депрессии, как у парня.

Барни отчетливо осознал, что доктор Истман намеренно избегает выражения «мой сын». Как будто для того, чтобы избавить себя от всякой ответственности за удручающее состояние Мори.

— Доктор Истман, я вас умоляю! Пожалуйста, не позволяйте им больше поджаривать Мори. Он поправится. Только дайте ему это сделать в тишине и покое.

Наступило недолгое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием на линии.

— Ливингстон, я признателен вам за участие и непременно обсужу этот вопрос с доктором Каннингемом. Надеюсь, вы хорошо провели День благодарения...

Барни онемел.

— Всего доброго, — ледяным тоном попрощался доктор Истман.

Барни повесил трубку и, как боксер после проигранного боя, привалился к стенке кабины.

В свою казарму для будущих медиков он вернулся в начале девятого. Библиотека была еще открыта, и он пошел поискать новые материалы по ЭСТ. Выяснилось, что даже самые рьяные сторонники этой процедуры всячески подчеркивали, что к ней следует прибегать только в случае, когда счет идет на часы и минуты. «Какая спешка в данном случае? — недоумевал Барни. — Мори сидит себе на крылечке и плетет свои метафоры, как старушка вышивальные узоры».

Сообщалось и о неизбежных побочных эффектах, например, о потере памяти, по крайней мере частичной, хотя, по данным некоторых исследований, она носила временный характер. Но что, если Мор не впишется в статистическую норму? Что, если его память будет непоправимо ослаблена?

Кажется, Томас Манн определил гениальность как дар беспрепятственного мысленного проникновения в опыт прошлого. Разве память для художника не самое ценное его достояние?

Мори Шумный, тонко чувствующий, творческий парень, который заслуживает хотя бы того, чтобы ему дали шанс развиваться в полноценную личность. А эти убийцы лечат душевную болезнь так, словно это была гангрена мозга. Выжигают каленым железом. «И для этого никакого человеческого мастерства не требуется, — подытожил Барни. — Когда я стану психиатром, я буду стараться лечить душевные раны, возвращать людям их внутреннюю целостность. А этого не может ни один механизм».

— Половой член у человека...

Профессор Лубар прямо-таки смаковал никогда не надоедающую ему тему. На столе перед ним красовалась увеличенная модель органа, о котором шла речь. Среди студентов сей предмет вызывал немалое оживление, а некоторые даже пришли на сегодняшнюю лекцию пораньше.

Лубар поднял макет полового члена и стал демонстрировать отверстие мочеоточника, крайнюю плоть и животворящее содержимое мошонки.

После небольшой паузы он с насмешливой ухмылкой спросил:

— Кто-нибудь может мне сказать, что происходит, когда кровь приливает к пещеристому телу полового члена?

На мгновение все замерли. Неужели он имеет в виду *это*?

И вот, по одному ему известной причине, профессор повернулся к Лоре.

— Итак, мисс Кастельяно, результатом прилива крови является — что?

— Эрекция, сэр.

Аудитория облегченно вздохнула.

— Интересно знать, — спросил Лубар, — почему, несмотря на преобладание в этой группе студентов мужского пола, одна мисс Кастельяно знакома с таким широко известным феноменом, как эрекция полового члена?

Все молчали.

Никогда не упускавший возможности поддеть ту или иную студентку, Лубар пытливо посмотрел на Лору.

— Может быть, *вы* знаете тому объяснение, мисс Кастельяно?

— Возможно, я просто видела их больше, чем другие, — ответила та как ни в чем не бывало.

Ошеломленный профессор углубился в «Анатомию» Грея и призвал студентов начать препарировать орган, который был темой сегодняшнего занятия.

— Ну, Кастельяно, — выходя из аудитории, с восхищением пробормотал Барни, — ты сегодня и дала!

— Пустяки! — отмахнулась она. — Интересно, почему *ты* не ответил?

В этот момент к ним подошла Грета.

— Какая гадость, правда же? — скривившись, сказала она.

— А что такое? — поинтересовалась Лора.

— Все эти грязные намеки... Лубар этой штукой размахивал, как каким-то священным идолом.

— Вообще-то, — небрежно заметил Барни, — у древних греков и римлян это и был священный идол. Они даже поклонялись ему на своих празднествах...

— Барни, умоляю тебя! На сегодня с меня хватит! Если честно, я думаю, что этот профессор Лубар — настоящий...

— Хрен поганый? — подсказала Лора.

Грета бросилась прочь, вспыхнув от негодования и смущения.

Задолго до первой зимней метели обитатели Вандербилт-холла засели за книги. Время для них измерялось не в днях, оставшихся для поисков подарков, а в часах, оставшихся до первой сессии. Экзаменов было четыре — анатомия, гистология, физиология и — четвертый всадник Апокалипсиса — биохимия.

Окна в общежитии не гасли до утра. Случайные прохожие вполне могли решить, что в нем происходят некие ритуальные празднества в честь огня, вроде тех, какими у древних народов сопровождался период зимнего солнцестояния — самое темное время года. Однако внутри здания не только не веселились, но даже почти не спали.

Положение дел было таково, что паника охватила даже Питера Уаймана.

Палмер Тэлбот, поневоле разделявший тяготы студентов-медиков, тоже был вынужден идти на определенные жертвы.

— Лора, что же, и в субботу не получится?

— Пожалуйста, постарайся понять! Мы тут как на осадном положении. Народ от напряжения с ума сходит. Поверь, такого со мной еще не было.

— Так зачем подвергать себя такой муке, Лора? Насколько я понимаю, все, чем ты до сих пор занималась на медицинском, исполнено сплошного ужаса. Как ты, здравомыслящий человек, можешь с этим мириться?

— Считай, что так полагается. Это своеобразная плата, которую я должна заплатить.

— А я, значит, тоже! И ты считаешь возможным при таком образе жизни поддерживать нормальные отношения?

Она вздохнула:

— Палмер, на данный момент меня волнует лишь соотношение между химическими соединениями, черепными нервами и гистологическими слайдами. Я теперь не человек, я — робот, изучающий человеческий организм.

— Ну, если тебе это так противно, почему ты не бросишь?

— Палмер, я никогда не говорила, что мне это противно.

Хотя наукой неопровержимо доказано, что человек не может без сна сохранять ясность рассудка, обезумевшие студенты-медики полностью игнорировали этот факт. Конечно, помогал кофеин, и

многие мерили ночи количеством выпитых пластиковых стаканчиков кофе.

Некоторые могли себе даже позволить такую роскошь, как новейшие фармацевтические препараты. Если, на свое счастье, они были знакомы с кем-нибудь из старшекурсников, а еще лучше — из интернов, то получали возможность раздобыть «взбадривающие» таблетки для стимулирования нервной системы и борьбы со сном. Слишком погруженные в учебные материалы, они не удосуживались прочесть еще один короткий текст — листовку-вкладыш к препарату. Даже такая дотошная барышня, как Элисон Редмонд, игнорировала вопрос безопасности таблеток, которые, как ей казалось, помогают сохранять ей полную ясность мысли.

У Барни Ливингстона был свой метод. Чтобы сбросить сонливость, он время от времени делал несколько отжиманий, после чего принимал холодный душ. Все смотрели на него как на безумца — все, кроме Беннета, которого он убедил следовать своему примеру.

Лора предпочитала колу и всякий раз, направляясь в комнату Барни, заполняла ее из автомата большой термос. По коридорам безостановочно шастали студенты, отчаянно стараясь втиснуть необъятную информацию в свои измученные мозги.

И только Хэнк Дуайер не ощущал этого нечеловеческого прессинга. В то время как его однокашники жили словно в аду, ему казалось, будто душа его очистилась и вот-вот покинет это чистилище, устремившись в рай, в объятия Черил.

В три часа утра в день «Первого суда инквизиции» (анатомии) Лора с Барни решили сделать пятиминутный перерыв. Они открыли окно, чтобы бодрящий воздух не дал им уснуть, а затем распахнули и дверь, устроив сквозняк. Привидения в коридоре не обратили на них никакого внимания и продолжали как заведенные шагать, бубнить, запоминать. Шагать, бубнить, запоминать.

— Я это уже где-то видел, — хрипло произнес Барни. — Именно так ведут себя в психушке.

Ни он, ни она не засмеялись. Они были слишком поглощены заучиванием начала, прикрепления и иннервации луковично-кавернозной мышцы.

Сам экзамен оказался намного легче, чем они ожидали. После него первокурсники нашли в себе силы только перехватить чего-нибудь в буфете, вернуться к себе и забыться глубоким сном без сновидений. Наутро они, как роботы, снова брели к экзаменационной аудитории и сдавали следующий экзамен, причем от вопросов им было так тошно, что они буквально выплескивали ответы.

Наконец, всего за четыре дня до Рождества, пытка закончилась. Как и обещала, Лора провела эти дни у Палмера на Бикон-хилл. Она не вполне понимала, какая ему радость лицезреть ее спящей по восемнадцать часов в сутки, но он, казалось, был счастлив уже тем, что она рядом, пусть даже в состоянии анабиоза.

Вечером, когда они сдали последний экзамен, Беннет пришел к Барни попрощаться.

— Веселых тебе каникул, Ландсманн! — пожелал Барни. — Полагаю, у тебя на каждый из двенадцати вечеров припасена новая кливлендская красotka!

— Вообще-то я не домой еду. Две недели буду кататься с родителями в горах.

— На горных лыжах?

Беннет кивнул:

— Но самое приятное бывает после лыж.

— И где ты планируешь ставить свои рекорды?

— В Монтане.

— Далековато...

— Ну, я же вообще парень с размахом!

Однако самые дерзкие планы были у Питера Уаймана. Он оставался в Бостоне, чтобы заняться лабораторными исследованиями не с кем иным, как с профессором Майклом Пфайфером.

Двадцать третьего декабря в семь часов вечера Палмер отвез Лору в аэропорт Логан, где ее дождался Барни, чтобы лететь рейсом «Истерн эйрлайнс» в Нью-Йорк.

Палмер нежно обнял ее и, попросив приехать заблаговременно, чтобы они не опоздали в клуб на встречу Нового года, отправился на лыжные трассы Вермонта, где, как он сказал Лоре, будет бороться с тоской, тренируясь до изнеможения.

Перед самой посадкой, оставив Лору в очереди, сплошь состоящей из студентов, Барни извинился и побежал к газетному киоску купить «Спорте иллюстрейтед».

Обратно он брел в состоянии некоторого потрясения. Только Лорин голос вывел его из задумчивости:

— Пошевеливайся, Ливингстон! Мы опоздаем на самолет!

Последние пятьдесят метров он преодолел бегом и поспел как раз вовремя, чтобы подать билеты на регистрацию.

— Что с тобой? — спросила она, протискиваясь в битком набитый салон.

— Ничего, ничего. Я что-то не в форме, только и всего.

Они отыскиали два места в последнем ряду с правой стороны, втиснулись в кресла и стали пристегиваться. Барни подавленно молчал, уставившись на лысину сидящего впереди мужчины.

— Ливингстон! — заподозрила неладное Лора, — У тебя такой вид, словно ты увидел призрак.

— В каком-то смысле так и есть.

— Барн, что все-таки случилось?

Он в полном оцепенении помотал головой.

— Подхожу я к газетному киоску и вижу Беннета. Он стоял в очереди на посадку.

— И что?

— К стойке первого класса!

— Эка новость! Известно, что деньги у него водятся. Это же по его одежке видно! Что в этом такого?

— Да, но он мне говорил, что едет на горный курорт в Монтану. А на самом деле... Лора, он сел на рейс «Свиссэйр» до Цюриха! Ты не находишь это несколько странным?

— Нет, ответила она. — Я нахожу это *чрезвычайно* странным.

Стюардесса «Свиссэйр» предложила пассажирам первого класса шампанское и закуски. Беннет Ландсманн выбрал икру, но от спиртного вежливо отказался.

— Danke, ich werde vielleicht später mit dem Abendessen ‘was trinken^[21].

— Вы очень хорошо говорите по-немецки! — оживилась седая дама, сидящая в соседнем кресле. — Откуда вы?

— Из экзотического города Кливленда, штат Огайо, мэм.

— Но родились вы, по всей видимости, не там? — с удивлением продолжила она расспросы.

— Да, первые десять лет своей жизни я провел в небольшом городке Миллерсбурге, в Джорджии.

— А в Цюрих вы в отпуск?

— Не совсем. Я еду с родителями в Кран-Монтану кататься на лыжах.

— В Вале? О, это дивное место!

— Я и сам жду не дождусь.

Он закрыл глаза и продолжил мысленный диалог сам с собой. «Катаюсь-то я в Европе, но это не значит, что я немец! Я даже не Беннет Ландсманн. То есть родился я с другим именем...»

Был апрель 1945 года. Союзные силы форсировали Рейн и теперь продвигались к самому сердцу Германии. Красная армия стояла на окраинах Вены, и сомнений в скорой капитуляции нацистов уже не было.

Четвертого апреля полностью укомплектованный чернокожими 386-й танковый батальон Третьей армии Паттона под командованием подполковника Авраама Линкольна Беннета вошел в мирную деревню Ордруф.

На окраине живописной немецкой деревушки они обнаружили покинутый нацистами трудовой лагерь. Повсюду громоздились изуродованные тела замученных людей. Трупы разлагались, источая страшную вонь, несметное количество вшей покрывало их сплошной коркой.

Люди подполковника Беннета оказались в числе первых чернокожих солдат, которым довелось исполнять воинский долг в Европе. В июне предыдущего года союзное командование перебросило их в Нормандию как пополнение для отражения массированного наступления противника в Арденнах. На их долю выпало тяжкое сражение в окутанной туманом долине реки Мёзе. И в качестве «вознаграждения» за проявленную доблесть они были направлены в Третью армию Джорджа Паттона, в составе которой, сражаясь за каждую пядь мерзлой земли, осуществили прорыв «линии Зигфрида» и вступили на территорию Германии.

На их глазах ранили и убивали близких друзей. Они закалились и ожесточились. Но сейчас даже самые сильные были не в силах справиться с охватившим их омерзением. Некоторые не могли удержать рвоты. Запах смерти и разложения, казалось, проникал в самые легкие.

Потрясенный и растерянный, подполковник Беннет приказал штабному фотографу запечатлеть это отвратительное зрелище. Он намеревался отослать фотографии генералу Эйзенхауэру, чтобы старик Айк своими глазами увидел все эти ужасы.

Пока высокий, крепко сбитый командир батальона осматривал свидетельства нацистских преступлений, к нему неуверенно подошел с докладом один из лейтенантов:

— Сэр, за лагерем обнаружено что-то вроде массового захоронения. Там тысячи тел. Некоторые зарыты лишь наполовину. Что нам с ними делать, сэр?

Линк усилием воли вернул себе дар речи.

— Проследите, чтобы они были погребены как полагается, лейтенант, — твердым голосом распорядился он — Я лично проконтролирую исполнение. — И тихо добавил: — И пусть капеллан прочтет какие-нибудь молитвы.

В Ордруфе они пробыли больше недели, и Линк лично следил почти за всеми «похоронами». Случалось даже, что, когда у капеллана садился голос, он сам читал надгробные молитвы.

Все это время Линк не мог спать. Кашель и лихорадка, не дававшие ему покоя на протяжении всей предшествующей зимы, холодной и сырой, с новой силой одолевали его.

Но, потя и задыхаясь ночи напролет, он тем не менее отметал всякую мысль о лазарете, убеждая себя в том, что это всего лишь легкая простуда.

Наконец утром четырнадцатого апреля прибыли еще три батальона армии Паттона, и первый принес долгожданный приказ двигаться дальше на север. Невзирая на усталость, его люди собрались моментально, торопясь вырваться из этой гнетущей атмосферы смерти.

К сумеркам, продвигаясь колонной в сторону Готы, они стали замечать по сторонам дороги небольшие группы странных, напоминающих призраки фигур. Один из них, скелет, некогда бывший человеком, указывая трясущейся рукой на белую звезду на знамени над джипом подполковника Беннета, восклицал дрожащим, сиплым голосом:

— Amerikaner! Die sind Amerikaner! Wir sind geret-tet!^[22]

Появилось еще несколько теней. Подполковник приказал колонне остановиться. Стыдясь собственной упитанности, Беннет соскочил с подножки джипа и направился к кучке бледных и испуганных призраков. Они отпрянули.

— Не волнуйтесь, ребята, вам нечего бояться! Мы здесь, чтобы вам помочь. — Он протянул вперед руки в знак своих добрых намерений.

Его слов не поняли, но обрадовались уже тому, что они были сказаны не по-немецки. Один из призраков, высокий сутулый человек неопределенного возраста, одной фразой выразил охватившее их ликование:

— Вы и правда американцы?

Линк кивнул:

— Да, мы из Соединенных Штатов.

В следующий момент мужчина упал к его ногам и обхватил их, всхлипывая и крича:

— Господь да благословит Америку!

Линк не мог сдержать слез. Он приказал своим солдатам взять этих несчастных к себе в машины, а высокого посадил в свой джип, желая поточнее узнать, кто они такие. На ломаном английском языке («В Берлине родители держали мне преподавателя английского») тот

объяснил, что большинство за несколько дней до описываемых событий бежали из Ордруфского лагеря, тогда как остальных узников погнали в Берген-Бельзен («В любом случае это означало верную смерть, так что мы ничем не рисковали»). Он также сказал, что беглецы уже несколько дней ничего не ели. Линк распорядился в срочном порядке накормить людей. Из нагрудных карманов гимнастеров мигом появились плитки шоколада, на которые спасенные с жадностью набросились.

К ужасу солдат, меньше чем через час на их глазах трое умерли: такова была реакция на переедание.

Когда Беннет доставил своих «пассажиров» в импровизированный госпиталь Красного Креста на окраине Готы, высокий прямо-таки рассыпался в благодарностях:

— Благослови вас Господь, генерал.

Линк не удержался от смеха:

— Благодарю за комплимент, мистер, но я еще даже не полковник.

— За вашу доброту вы заслуживаете генеральских погон!

Они пожали друг другу руки и расстались. После этого люди Линка вошли в самую деревню и обнаружили, что несколько подразделений дивизии уже прибыли. Все они были укомплектованы белыми.

Капитан Ричард Макинтайр из Бирмингема (штат Алабама) вел допрос одного из местных жителей — пухлого мужчины средних лет, чьи кожаные штаны придавали ему сходство с фигуркой на часах-кукушке.

В первый момент капитан был обескуражен, увидев темнокожего в такой глуши. Но, заметив на плечах у Линка серебряные дубовые листья, машинально отдал честь.

— Кто этот человек, капитан? — сдержанно спросил Беннет, давно привыкший к замешательству, в которое белых младших офицеров приводило его звание.

— Это бургомистр, сэр. Местный мэр.

— Вы не спросили, нет ли здесь узников?

Капитан кивнул:

— Были. Здесь в карьере евреи работали, но два дня назад их отсюда угнали. Насколько ему известно, их погнали в Бухенвальд.

— А там что?

Макинтайр повернулся и перевел бургомистру вопрос. Затем опять посмотрел на Линка и пояснил:

— Он полагает, очередной трудовой лагерь.

— Так-так, — с сарказмом произнес подполковник. — И больше ему ничего не известно? Он смерил немца взглядом. — Значит, всего лишь очередной «трудовой лагерь», так, фриц?

Бургомистр, не понимая, о чем идет речь, но отчаянно пытаюсь заслужить расположение американцев, заулыбался:

— Na, ja. Ich weiss nichts von diesen Dingen. Wir sind nur Bauern hier.

Макинтайр быстро перевел:

— Он говорит, что ничего не знает. Они тут, дескать, простые крестьяне.

— Конечно, конечно, — проворчал Линк. — Вольно, капитан.

Макинтайр четко отдал честь, Беннет отсалютовал в ответ и направился назад к сельскому постоялому двору, который его люди использовали в качестве штаб-квартиры.

Как старшему по званию в батальоне, подполковнику Беннету, естественно, была выделена самая просторная комната. Высокие стрельчатые окна выходили в цветущий палисадник.

Он сел за стол, глотнул конфискованного у хозяина коньяку, достал листок бумаги с эмблемой Третьей армии, снял колпачок с авторучки и начал писать письмо своему девятилетнему сыну.

Где-то в Германии 15 апреля 1945

Мой дорогой Линк-младший!

Прости, что долго не писал, но фортуна повернулась к нам лицом, и мы непрерывно были на марше.

Должен сказать необычайно рад нашим успехам (наши ребята теперь разукрашены медалями похлеще рождественской елки), но в то же время каждый из нас потерял не одного друга.

За последнюю неделю я видел столько страшного, что, боюсь, никогда не сумею этого описать.

Я часто думаю о воскресных проповедях пастора Стедмана о «бесчеловечном обращении человека с человеком». Но до недавнего времени я всегда воспринимал эти слова только применительно к тому, что пришлось выстрадать нашему народу в Америке.

Интересно, что сказал бы преподобный Стедман, доведись ему видеть немецкие концлагеря, которые видели мы? Людей здесь буквально морили голодом. До смерти.

Я согласен, что неграм всегда нелегко приходилось в Америке, и армия в этом отношении — не исключение. Но, сынок, нас никогда не травили в газовых камерах тысячами и никогда не сжигали в печах...

Зазвонил телефон. Линк тяжело вздохнул, сделал еще глоток и снял трубку. Звонил генерал-майор Джон Шелтон, командир его дивизии, находившийся где-то в чистом поле. Связь была плохая, с большими помехами.

— Беннет, в каком состоянии твои люди?

— Если честно, генерал, они очень устали. И физически, и морально. Большинство еще совсем дети, а за эти последние дни они видели много такого, что повергло их в глубокий шок.

— А видели ли вы ад, Линк, сущий ад земной?

— Да, сэр, думаю, что да. Два концлагеря и огромный ров с восемью тысячами тел, если не больше.

— Тогда считайте, что вы загорали на Кони-Айленде, мистер. Завтра к девятнадцати ноль-ноль твои люди должны быть здесь. Мы в Нордхаузене.

— Сэр, это от нас миль тридцать пять на север?

— Точно. Но тебе еще надо подготовить своих ребят.

— К чему, сэр?

— Нордхаузен — это не концлагерь. Это лагерь смерти.

В эту ночь Линк спал как никогда плохо. Болела грудь. Болела сама душа. Когда он все же забылся, его стали мучить кошмары, от

которых он проснулся в холодном поту. В шесть часов утра, он принял душ и пошел вниз выпить чашку кофе.

Похожий на высохшую статую, там стоял тот высокий мужчина, которого накануне он высадил у полевого госпиталя Красного Креста. «Интересно, сколько он здесь уже стоит?» — подумал Линк.

— Доброе утро, — приветливо окликнул он, — не выпьете со мной кофе?

Тот с жаром кивнул:

— Спасибо!

И в следующий миг уже сидел на деревянном стуле напротив своего спасителя и жадно грыз ломоть хлеба.

— Эй, друг мой, не лучше ли вам сбавить темп и помазать хлеб маслом?

Мужчина кивнул. Рот у него был полон. Он жестом дал понять, что так голоден, что ждать не может. Возможно, со следующим куском он позволит себе такую роскошь, как масло.

Линк отхлебнул из кружки кофе и спросил:

— А вас не хватятся в Красном Кресте?

Мужчина отчаянно замотал головой:

— Нет-нет-нет! В Красном Кресте я встретил женщину, она тоже из Берлина, друг нашей семьи. Она говорит, что несколько дней назад видела мою жену. В Нордхаузене. Я слышал, вы сегодня как раз туда выезжаете. Вы должны взять меня с собой!

Линк был озадачен. Он понятия не имел, что на сей счет может говорить устав. Но кошмар последних дней позволял ломать рамки любого протокола.

— А вы думаете, что выдержите дорогу, мистер?..

— Хершель. Зовите меня просто Хершель.

— А фамилии у вас что, нет?

— Сэр, до вчерашнего дня у меня был только номер. «Хершель» будет уже хорошо.

— Что ж, Хершель, если вы считаете, что в состоянии ехать в кузове грузовика, милости прошу. Но обещать, что ваша жена еще там, я не могу.

Запах ощущался задолго до прибытия на место. Хотя печи уже были остановлены, воздух был пропитан запахом горячей плоти на

многие мили.

Они миновали фермы, обитатели которых занимались своим каждодневным трудом, будто не замечая, что солнце застилают облака смерти. Они пахали и сеяли, словно находясь в другом времени и другом пространстве, а не в этом водовороте Зла.

Линк в бинокль разглядывал фермеров, здоровых и счастливых, мирно возделывающих свои плодородные оазисы в Гарце.

В голове у Линка не укладывалось, как нация, родившая Бетховена, могла совершать такие сатанинские зверства.

* * *

Тот вечер никто из 386-го батальона подполковника Беннета уже никогда не забудет. Они достаточно насмотрелись на истощенных и голодных, но теперь их взорам предстали поистине живые мертвецы.

Их были тысячи. Освобожденные Третьей армией днем раньше, они еще оставались пленниками собственного страха, напуганные до того, что боялись даже дышать. Само их количество потрясло. А грязи, экскрементов, вшей и крыс было больше, чем в сточной канаве.

С ввалившимися щеками, выпирающими ребрами и вздутыми животами, вчерашние узники лишь отдаленно напоминали людей. Походка их была медленной и неуверенной, движения слабыми.

Едва колонна остановилась, Хершель спустил ноющие ноги на землю и из последних сил заковылял к длинному ряду барачков, откуда слышались стоны несчастных.

Солдаты Линка смотрели, как медики борются за жизни освобожденных узников.

Нацисты ушли, но ангел смерти еще был тут.

Кто-то слабо улыбался, еле-еле взмахивал рукой, приветствуя чернокожих американцев. Ведь даже для выражения радости требуются силы, а их у здешних обитателей было ничтожно мало.

Картины и запахи были таковы, что Линку пришлось закурить сигару и собрать все свое самообладание, иначе он не сумел бы преодолеть несколько десятков метров, отделявших его от штаба, где его ждали с докладом.

— Добро пожаловать в Дантов ад! — поприветствовал генерал-майор Шелтон, лысеющий уроженец Среднего Запада сорока с небольшим лет. Они пожали друг другу руки. — Садись, Линк. У тебя ужасный вид.

— У вас тоже, генерал. Я только мельком видел, что здесь творится, но думаю, это уже предел...

— Да ты что, парень, решил, что здесь плохо? Британцы сегодня вошли в Бельзен, это немного севернее, и, поверишь ли, там еще хуже. Ты уже видел печи?

— Никак нет, сэра, да я и не спешу.

— Знаешь, поразительно, но здесь даже не было газовой камеры. Они давали бедолагам такую непосильную работу, что к концу дня покойников было достаточно, чтобы обеспечивать крематорию круглосуточную загрузку. Конечно, помогали еще дизентерия, туберкулёз и тиф, но основная заслуга принадлежит молодцам из СС.

Несколько минут Линк не мог выдавить ни слова. Наконец он пробормотал:

— А что будет со всеми этими людьми?

— Мы подтягиваем сюда все медицинские ресурсы, какими располагаем. У нас уже есть врачи, и новые в пути, даже ребята из британских медицинских вузов. Но нашим солдатам придется им помогать. Тут столько...

— Я знаю, генерал, — угрюмо сказал Линк.

Шелтон взгляделся в усталое лицо Беннета и уловил его подавленное настроение. Он вдруг с подчеркнутой строгостью приказал:

— Подполковник Беннет, не соизволите ли встать?

Линкольн поднялся, не сразу поняв, что у Шелтона на уме. Но тут генерал полез в ящик стола и достал небольшую коробочку. В ней лежала пара золотых петлиц в виде дубовых листьев.

Его произвели в полковники.

— Не снимете ли свои серебряные? — спросил Шелтон опять официальным тоном.

Линк подчинился.

Шелтон прикрепил ему на погоны новые знаки различия и заметил:

— Новое звание гоняется за тобой по всей Европе. Поздравляю, полковник Беннет.

— Что мне сказать, Джон?

— Побереги слова. Потому что, помяни мое слово, тебя еще ждет серебряная звезда.

На что Линк с улыбкой ответил:

— Нет, Джон, я думаю, наша армия пока не готова производить мне подобных в генералы.

Вечером полковник Беннет закончил письмо сыну. Разумеется, он не мог описать все, что увидел в тот день. Он даже не сумел подобрать подходящие сравнения, чтобы невинный ребенок смог это выдержать. Он был глубоко религиозным человеком.

Единственное, что приходило ему на ум, — это Голгофа и приведенные апостолом Матфеем слова распятого Христа: «Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» Ибо небо и земля, несомненно, отвернулись от несчастных жертв, а потом было уже поздно.

Голова у него болела — опять эта чертова лихорадка! А грудь ныла от кашля. Лучше побыстрее дописать письмо и лечь в постель. Он написал сыну, чтобы тот хранил свою веру и был внимателен к бабушке, а еще — молился о том, чтобы они поскорее вновь были вместе.

Он запечатал конверт и сунул в карман кителя. Развязал шнурки армейских ботинок и растянулся на койке.

Утром на инструктаже полковник Линкольн Беннет приказал своим людям присоединиться к другим подразделениям, уже выполнявшим различные задания. Одни охотились за лагерными надсмотрщиками, при приближении союзников попрятавшимися по соседним лесам. Другие распределяли лекарства и продовольствие. Сам он вместе с группой старших офицеров по приказу генерала Шелтона отправился осматривать лагерь.

Ряд за рядом они обходили бараки, чьи обитатели сейчас неподвижно лежали на улице, греясь в лучах весеннего солнца. Вдруг он увидел солдатские грузовики, доверху забитые трупами.

Какой-то офицер из другого полка спросил Шелтона:

— Прошу прощения, сэр, но разве нельзя умерших перевозить каким-то... более достойным образом?

Генерал помотал головой:

— Видит Бог, я бы тоже хотел сделать все как полагается, но мы не знаем, как помочь живым. В лагере уже бушует эпидемия тифа, и одному Богу известно, какую еще заразу могут таить в себе эти гниющие трупы. А уцелевшие в таком состоянии, что могут упасть замертво, если их просто похлопать по плечу.

«Или дать плитку шоколада», — подумал Линк.

Они осмотрели «рабочую зону» — место, где узников заставляли таскать с места на место тяжелые камни без всякой цели, затем только, чтобы их уморить. Они видели колючую проволоку, по которой каких-то сорок восемь часов назад бежал ток.

Когда дошло дело до крематория, где людей превращали в пепел и дым, у Беннета в мозгу осталась только одна мысль: человеческий разум не в состоянии найти оправдание действиям нацистов.

«Экскурсия» заняла около трех часов. В начале первого они вернулись в штаб. Генерал объявил, что церковная служба для офицеров состоится в час, и распустил людей. Все разошлись, а Линк задержался, чтобы задать Шелтону пару вопросов.

— Сэр, я знаю, что несколько охранников лагеря пойманы. Что вы намерены с ними сделать?

— Кто уцелеет, несомненно, предстанет перед трибуналом.

— В каком смысле «уцелеет»?

— Видишь ли, — с видимым волнением пояснил генерал, — иногда с ними успевают расправиться узники. Ты удивишься, но даже самые слабые, самые больные заключенные находят в себе силы разорвать этих подонков в клочья, прежде чем мы их остановим.

— А вы пытаетесь их остановить?

— Конечно, Линк, — ответил Шелтон. И, понизив голос, добавил: — Только мы не очень спешим.

В этот момент Линк услышал отчаянный возглас:

— Полковник! Подождите, пожалуйста, сэр!

Он обернулся и увидел ковыляющего к нему Хершеля. Глаза его возбужденно горели.

— Полковник Беннет, вы должны мне помочь. Пожалуйста, пожалуйста, я вас умоляю! Это Ханна, моя жена...

— Так вы ее нашли?

Хершель кивнул и выпалил:

— Она в лазарете. Вы должны мне помочь. Пожалуйста, скорее!
Линк попытался его успокоить:

— Послушайте, если ей оказывают медицинскую помощь...

— Нет-нет! Вы меня не поняли. Ей не оказывают медицинскую помощь. Они решили дать ей умереть. Пожалуйста, идемте!

Подойдя к медицинскому бараку, Линк и Хершель увидели больных в лохмотьях, лежащих на улице в ожидании, когда их внесут внутрь. Из здания доносился едкий запах дезинфекции.

Внутри был подлинный ад, где крики боли перемешивались с торопливыми командами докторов и сестер. Линк быстро отыскал дежурного врача.

Подполковник Хантер Эндикотт, командир медсанчасти, высокий белый офицер в очках, был родом из Джексона, штат Миссисипи, и был белым до мозга костей. К тому же сейчас он был чрезвычайно занят, так что времени на болтовню с чернокожими посетителями, пусть даже с офицерами, у него совсем не было.

Пока Хершель сзади отчаянно что-то лопотал по-немецки, Линк спокойно осведомился у врача о состоянии здоровья Ханны. Ответ нельзя было назвать любезным.

— Боюсь, она на сортировке, — небрежно объяснил врач;— А теперь прошу меня извинить, мне надо спасти людям жизнь. — И двинулся прочь, вызвав у Линка безотчетное желание схватить его за рукав.

Но он лишь прокричал вслед:

— Что вы называете сортировкой?

— Послушайте, я же вам объяснил, что мне некогда!

— Позвольте вам напомнить, — негромко, но твердо произнес Линк, — что я старше вас по званию. И отдаю приказ. Объясните мне, что с женой этого человека!

Эндикотт вздохнул.

— Извольте, *полковник*, — с нажимом произнес он. — Сортировкой мы называем определение очередности оказания помощи больным и раненым. Надеюсь, мне не нужно вам объяснять, что тут масса больных, что у всех у них тиф или они вот-вот заразятся. Наши люди рассортировали всех на три группы в соответствии с перспективами их излечения. Это те, кого можно спасти, те, для кого

прогноз сомнительный, и те, кого уже не спасешь. Увы, жена этого человека оказалась в последней категории.

— А что такое? Почему?

Врач покачал головой:

— Не думаю, что вам следует это слышать, полковник, а тем более — ее мужу.

— Ошибаетесь, Эндикотт. — Он взглянул на Хертеля и закончил: — Я думаю, теперь он уже ко всему готов.

— Извольте, — вздохнул врач.

Рядом стояла пустая каталка, вернее, использовавшаяся в этом качестве тачка для откатки руды, сейчас подобные мелочи не волновали никого, — Эндикотт присел на нее, а его посетители остались стоять.

— Так вот, джентльмены. Выслушайте меня внимательно. Для концентрационного лагеря здесь было исключительное медицинское оборудование. Не ради узников, а для нацистских «исследований». Врачи проводили эксперименты, используя людей в качестве морских свинок.

Он помолчал, давая им осмыслить услышанное.

— Мне доводилось мельком слышать о других таких лагерях, и я знаю, что многие эти «эксперименты» были чистой воды садизмом. Однако доктор Штангель, руководивший этой клиникой, воображал себя пионером в медицине и все такое прочее. Он убивал, пытал, калечил якобы во благо человечества. Как бы то ни было, этот мерзавец получил из Берлина приказ найти какое-нибудь более действенное средство от венерических заболеваний, нежели сульфаниламиды. Видите ли, даже сверхчеловеки не застрахованы от триппера.

Он горько усмехнулся. Собеседники кивнули.

— Так вот, Штангель был скрупулезный сукин сын и все детально документировал, так что мне в точности известно, что они творили с этой женщиной. Двадцать восьмого марта они внутривенно ввели ей возбудитель гонореи.

Лицо Хершеля стало похоже на белую, безжизненную маску.

— А второго апреля они начали ее «лечить», если это так можно назвать, экспериментальным препаратом под названием RDX-30. У Штангеля здесь и точная формула записана. Одна деталь: «лекарство»

содержало небольшое, но осязаемое количество гидроксида соды, в быту именуемого щелоком. Того самого щелока, которым наши мамы пользовались для чистки туалета, только обязательно надевали при этом перчатки, потому что он очень едкий. Короче говоря, он не только борется с инфекцией, но еще и служит сильным абразивом. Вся внутренняя стенка матки у нее обожжена и облезла. Это так называемое чудодейственное средство прожгло эпителий, и началась коррозия кровеносных сосудов. У нее анемия, у нее инфекция, и у нее температура сорок. Ничего сделать нельзя.

Он замолчал, и тут до него дошло, что муж его пациентки только что выслушал ее смертный приговор. Поэтому он прибавил несколько слов утешения:

— Мне очень жаль, сэр, но дело зашло слишком далеко, чтобы ее можно было спасти. А теперь прошу меня извинить...

Внезапно Хершель вскрикнул, как раненый зверь, и упал на колени.

Доктор сделал два шага в сторону, но Линк громовым голосом окликнул его:

— А ну стойте! Я пока еще тут старший, и я вас не отпускал.

От напряжения голосовых связок он снова закашлялся.

Эндикотт медленно повернулся с ухмылкой, означавшей что-то вроде: «Пошел ты, ниггер!» — но вслух лишь прошептал:

— Прошу меня извинить, полковник. Я полагал, мне больше нечего сказать. Чем я еще могу вам помочь? Разве что дать вам что-нибудь от кашля?

— Вы женаты, Эндикотт? — спросил Линк.

Доктор кивнул:

— Трое детей.

— Представьте себе на минуту, что это ваша жена «отсортирована» в безнадежные. Что бы вы предприняли для ее спасения?

Врач задумался.

— Послушайте... сэр, — наконец изрек он, — у нас тут нет времени на гистерэктомию...

— Вы хотите сказать, что это могло бы ее спасти? — быстро вставил Линк.

Взглянув в лицо Эндикотту, он понял, что наконец-то припер того к стенке.

— Послушайте, — стараясь сохранять спокойствие, взмолился тот, — у нее такое сильное кровотечение, что она навряд ли перенесет операцию.

— Только не говорите мне, что у вас нет крови для переливания! — рявкнул Линк.

— Недостаточно, чтобы расходувать ее на безнадежных, полковник. А теперь я все-таки должен идти.

— Вас никто не отпускал! — опять рявкнул Линк. — Я еще не все сказал. Я настаиваю, чтобы эту операцию ей сделали. Видит Бог, они достаточно пострадали. Они, по крайней мере, заслужили свой шанс.

Перчатка была брошена. Теперь вопрос заключался в том, кто первым дрогнет. Линк был выше ростом, глаза у него сверкали.

— Хорошо, полковник, — сказал Эндикотт, напустив на себя дружелюбный вид, — предположим, я найду хирурга, который произведет эту бесполезную процедуру, ну, скажем, в одиннадцать вечера. Где, по-вашему, я возьму два, а то и два с половиной литра крови, которая понадобится больной?

— Скажите точно, сколько нужно, я вам ее доставлю.

Врач расслабился, убежденный, что теперь он загнал своего противника в угол.

— Полковник, человек в вашем звании, несомненно, знаком с порядками в армии США. Мы ни при каких обстоятельствах не имеем права вливать белым пациентам кровь негров. Таков приказ нашего Верховного главнокомандующего, Франклина Делано Рузвельта. Вы меня понимаете?

— Боюсь, доктор, вы упустили одну небольшую деталь. Эта женщина не является военнослужащей американской армии. И даже американской гражданкой. На самом деле ее собственное правительство объявило ее вне закона. Так что вашингтонские законы на нее не распространяются. Вы меня понимаете?

В воцарившейся тишине был почти слышен скрежет зубов Эндикотта.

— Я приведу вам пять человек, доктор. Этого хватит?

— Да. Так точно. Я сообщу вам требуемую группу крови, — устало произнес Эндикотт и пошел прочь.

Линк обернулся и увидел лицо Хершеля. У того по щекам катились слезы.

— Перестань, приятель, выше нос! Видишь, мы разобрались. Обещаю тебе, Ханна выберется.

— Я... Я не знаю, что сказать. После пяти лет терзаний приходите вы и делаете для меня такое...

Линк был одновременно тронут и смущен. Он обнял Хершеля за тощие плечи, а тот все не мог унять слез.

— Этот доктор Штангель был настоящий милашка. Надеюсь, его поймают.

— Мне все равно, — всхлипнул Хершель. — Мне все равно, лишь бы Ханна была жива.

В начале второго ночи Ханну Ландсманн внесли на носилках в операционную, оснащенную по последнему слову медицинской техники, где в ведерке со льдом были приготовлены семь порций крови для переливания. Лицо ее было настолько изможденным, что ей можно было дать лет шестьдесят, хотя Линк знал, ей нет и тридцати. Даже капли пота на ее лбу казались серыми. Хершель крепко сжимал ей руку и шептал слова ободрения, которые она в бреду едва ли воспринимала.

Должно быть, из чувства мести доктор Эндикотт назначил на эту сложную операцию самого молодого своего хирурга, Эндрю Браунинга.

При виде юного доктора, листающего зачитанный «Атлас оперативной хирургии», у Линка упало сердце. Этому студенту еще требовался учебник.

Тут Браунинг повернулся к ним и сказал:

— К сожалению, джентльмены, я должен просить вас выйти.

Хершель не двинулся с места. Как из-под земли появилась медсестра. Она взглянула на Линка и попыталась его успокоить:

— Полковник, я уже работала с Браунингом. Он хоть и молодой специалист, но со скальпелем обращаться умеет, и он очень, очень тщательно работает.

Линк кивнул и тихонько вывел Хершеля из операционной.

Они вышли на улицу и сели на крыльцо. Стояла теплая весенняя ночь, и мирное небо было усеяно звездами.

У Линка с собой было курево. Он вынул изящный серебряный портсигар с эмблемой Третьей армии, достал две сигареты и протянул одну из них своему другу.

Его забил резкий кашель. Здравый смысл подсказывал, что курить вообще не следует. Но черт возьми, нужно же ему как-то отвлечься от тяжелых мыслей!

— Полковник, а вы женаты? — спросил Хершель.

— Это сложный вопрос, Хершель, — смущенно ответил тот. — Когда меня призвали на фронт, мы как раз собрались разводиться. Только оказалось проблемой найти штат, где взаимное презрение принимается в качестве весомого основания. Думаю, сейчас она уже вычеркнула меня из своей жизни. Но сына она оставила с моей матерью.

— Сына?

— Да, Линка-младшего. Летом ему уже исполнится десять. Если честно, все это время меня поддерживает только мысль о предстоящей встрече с ним. А у вас есть дети?

— Была дочь, — ответил Хершель внешне бесстрастно. — Когда нас привезли в наш первый лагерь, ей было около четырех. Нам сказали, что ее забирают в детский сад. Мы поверили, потому что хотели верить. Но в тот вечер, когда мы ее целовали на прощание, мы оба почувствовали, что видим ее в последний раз.

Он глубоко затянулся и добавил:

— Знаете, странная штука. После этого мы с Ханной даже имя ее не могли вслух произносить. Мы только смотрели друг на друга, чувствуя вину уже за то, что мы живы, а наша маленькая Шарлотта лежит где-то мертвая.

Наступило мучительное молчание.

Потом Хершель продолжил:

— А вскоре после этого и нас разлучили. Поверите ли, когда-то я был гимнастом, сильным как бык. И даже состоял в одном атлетическом клубе «только для христиан». Вот они и послали меня в каменоломню, как раба. До вчерашнего дня я так и не знал, что стало с Ханной.

Они искурили почти все сигареты, когда появился Браунинг, еще не снявший окровавленного комбинезона и устало потиравший глаза.

Оба вскочили на ноги.

— Ну как она? — почти в унисон вскричали они.

— Операцию перенесла хорошо, — ответил молодой человек. — Остается надеяться, что у нее хватит сил поправиться.

— А можно мне ее увидеть? — взволнованно спросил Хершель.

— Вообще-то было бы лучше дать ей сейчас выспаться. Да и всем нам это сейчас не помешает. — Браунинг глубоко вздохнул и мальчишеским тоном студента Оксфорда — каковым он до недавних пор и являлся — добавил: — Серьезно, ребята. При таком количестве витающих здесь микробов нам всем сейчас лучше на боковую.

Линк проводил Хершеля к его бараку. Оттуда доносились стоны. Узники получили свободу, но кого-то еще мучили кошмары.

— Полковник Беннет, как мне вас отблагодарить?

— Для начала можете называть меня Линк. И думаю, нам обоим надо как следует помолиться перед сном.

— Помолиться? — изумился Хершель. — Кому же мне молиться?

— Господу, надежде и спасителю нашему, — убежденно ответил Линк, — Сто двадцать девятый псалом: «Из глубины взываю к тебе, Господи... Ибо у Господа милость и многое у Него избавление». Знаете эти слова?

Хершель кивнул. Однако что-то не позволило ему промолчать и оставить веру Линка непоколебленной.

— Господь? Вы говорите мне о Боге? Когда-то я был правоверным иудеем. И вел праведную жизнь. Каждую субботу ходил в синагогу. И что я получил в награду? Думаете, теперь, после того как Бог позволил ни за что уничтожить всю мою семью, я могу молиться? Разве я могу верить в Бога, который посылает людям наказание за несовершенные грехи? Простите, но моя вера улетучилась вместе с дымом из крематория.

Линк не сумел найти нужных слов. Поэтому он просто пожал Хершелю руку, которую тот схватил обеими руками, с жаром воскликнув:

— Единственное, во что я теперь могу верить, это то, что дали мне вы! Я верю в человеческую доброту.

Они распрощались. Линк медленно брел мимо караульных, машинально отдавая им честь и думая о том, как он объяснит все это

своему сыну.

Он сел на край койки, склонил голову и начал молиться.

На другое утро он проснулся совсем больным. В висках у него пульсировала кровь, а спина, руки и ноги ныли. Проклятый грипп, никак от него не избавишься! Стоя под душем, он заметил на груди и животе какие-то синюшные пятна.

«Только этого мне не хватало! — подумал он — Клопы, что ли?»

Он выпил две таблетки аспирина, надел шинель и вышел на построение.

Перед полуднем он улучил несколько минут, чтобы справиться, как дела у Ханны. Ее уже перевели в барак, и с ней неотлучно находился Хершель.

— Ну как она? — спросил Линк.

Хершель улыбнулся:

— Мы все утро проговорили. Жар у нее спал, и молодой доктор говорит, что есть надежда. Подойдите, пожалуйста, я вас познакомлю.

Представляя жене своего спасителя-американца, Хершель произнес по-немецки целую речь, заставившую Линка заподозрить, что он весьма преувеличил его заслуги.

Ханна попробовала улыбнуться и хриплым голосом прошептала:

— Хершель говорит, вы так много для меня сделали!

— Никак нет, мэм, это его заслуга. Я только выполнял роль посредника.

— Нет-нет! — возразил Хершель. — Если мы когда-нибудь еще будем счастливы, то благодарить надо будет вас!

Линк был тронут.

— Что-нибудь еще я могу для вас сделать? Вас хорошо кормят?

— Все отлично, — заверил Хершель. — Демоны ушли, и мы можем дышать полной грудью. А это самое главное.

Внезапно Линка Беннета прошиб пот. Должно быть, в бараке было слишком натоплено. Да нет, фашисты не больно-то утруждали себя созданием удобств для заключенных. Зря он напялил шинель. У него закружилась голова, стало нечем дышать. Он как можно скорее прошел к двери, распахнул ее, вышел на бодрящий апрельский воздух. Тут он потерял сознание и упал на землю.

Он медленно приходил в себя, но ясность рассудка все не возвращалась. Правда, он ощущал подушку под головой, стало быть, он лежал в постели. Кроме того, он различал сердитые голоса.

— Черт! Мало нам без него хлопот! Так нет же, этот придурковатый полковник еще умудрился подцепить тиф! Действительно, надо было умудриться!

— Прошу прощения, сэр, если вы посмотрите на его рентгеновские снимки, то увидите, что он уже давно переносит на ногах пневмонию.

— Послушайте, Браунинг, мне не нужны никакие снимки, я через всю палату слышу, как дышит этот черномазый.

— Доктор Эндикотт, спирометр показывает меньше пятидесяти процентов. Он с трудом дышит. Мы можем еще что-то предпринять, чтобы ему помочь?

— Господи, мы и так влили в него столько сульфаметазина! Сильнее только изобретенный этим фашистским лекарем RDX-30. Смиритесь, мой друг, его дело конченное.

До этого Линк был в поту, но сейчас его пробил холодная дрожь. Моментапно к нему подскочил молодой доктор и стал помогать сестре укрыть его вторым одеялом.

— Браунинг, это вы? — прохрипел Линк.

— Не волнуйтесь, полковник, вы поправитесь, — ответил тот, потрепав больного по плечу.

— Эх, мальчик! — сказал Линк. Его широкая грудь судорожно вздымалась. — Я уже давно на войне. И готов поклясться, эта койка ждет следующего.

Браунингу не хватило ни опыта, ни самообладания для подходящего ответа.

Вдруг Линк негромко ругнулся:

— Черт!

— Сэр?

— Если уж мне суждено сдохнуть на этой войне, то почему хотя бы не в бою? Чтобы моему сыну было чем гордиться.

Юноша только что не плакал:

— Сэр, вы поправитесь!

— Ты гнусный лжец, Браунинг. Надо поумнеть, если хочешь стать настоящим врачом.

В дверь негромко постучали и осторожно ее приоткрыли.

— Прошу прощения, сюда нельзя! — быстро, но вежливо сказал юный доктор.

Хершель сделал вид, что не понял, и вошел в палату с маленьким букетиком полевых цветов.

— Прошу вас, — сказал он, — я пришел навестить друга.

Браунинг развел руками и, выходя, кивнул Хершелю.

— Полковник, я буду неподалеку. Если понадобится, позовите.

Двое друзей остались одни.

— Эти цветы для тебя, Линкольн, — сказал Хершель, пытаясь улыбнуться. — Удивительная вещь: в каких-то нескольких шагах от колючей проволоки растут цветы, распускаются деревья... Жизнь продолжается.

«Только не для меня», — подумал Линк. А вслух спросил:

— Как дела у Ханны?

— Хорошо, хорошо, — радостно забормотал Хершель. — Температура почти совсем спала. Завтра могут разрешить вывести ее на прогулку. Мы придем тебя навестить.

— Да, хорошо, было бы чудесно. — Он вдруг ахнул: — Господи, мой...

Хершель почти сразу понял, что Линк потерял сознание. И тогда он стал звать на помощь.

С округлившимися глазами и весь дрожа, он смотрел, как медики пытаются привести в чувство его благодетеля.

— В сонной артерии пульса нет, — сказал один голос.

— Дыхания нет.

— Попробуем ввести ампулу адреналина.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — возразил спокойный голос доктора Хантера Эндикотта. — С тифом на фоне пневмонии у парня заведомо не было никаких шансов.

Кучка медиков расступилась, освободив начальнику медсанчасти место для окончательного исследования жизненных показателей. Тот обратился к старшей сестре:

— Шейла, возьми на себя писанину, хорошо? И проследи, чтобы палату как следует обработали.

Та кивнула. В считанные секунды была убрана капельница, лицо полковника Беннета накрыли простыней, и койку выкатили в коридор.

Никто даже не заметил тощего, сутулого, испуганного человека, стоящего в углу палаты с несколькими цветочками в руке. По его лицу катились слезы.

Почти произвольно губы его дрогнули, и послышались слова молитвы:

— Yisgadal ve yiskadoshshmei raboh... Да восславится имя Господа на земле, Создателя мира по образу Своему...

Это была погребальная еврейская молитва — кадиш.

И в этот момент Хершель Ландсманн дал торжественную клятву, что смерть полковника Авраама Линкольна Беннета не должна остаться напрасной.

Рейс «Свиссэйр» № 127 совершил посадку в Цюрихе ясным утром 24 декабря 1958 года. Высокий темнокожий пассажир первого класса застегнул блейзер, поправил галстук, перебросил через плечо ремень кожаной дорожной сумки и направился к выходу.

Сойдя с железного трапа, он быстро прошел к месту выдачи багажа. Почти сразу на ленте транспортера показались его чемоданы из такой же дорогой кожи. Но, как и другие пассажиры с лыжами, он еще должен был дожидаться выгрузки спецбагажа.

Он взгляделся в толпу встречающих за стеклянными дверями зоны таможенного досмотра и быстро нашел тех, кого искал. Улыбнулся и радостно помахал рукой.

Потом Авраам Линкольн Беннет-младший вышел к своим приемным родителям, Ханне и Хершелю Ландсманн.

Жертвы были накрепко пристегнуты к металлическим столам. У них текли слюни. Грудь судорожно вздымалась. В центре комнаты ученый с пронзительным взглядом, держа в правой руке скальпель, готовился продемонстрировать своим юным ученикам, как следует сделать разрез, чтобы обнажить внутренности этих несчастных. Его светловолосый ассистент, румяный, как херувим, держал два инструмента — зажим и длинные острые ножницы.

Перепуганные животные рефлекторно выделяли фекалии и мочу, тяжелый запах наполнял все помещение.

Рука преподавателя сделала движение вниз под углом в сорок пять градусов и рассекла переднюю брюшную стенку. Кто-то из зрителей сочувственно ойкнул.

— Вы уверены, что они ничего не чувствуют? — раздался голос.

— Я вам тысячу раз говорил, мисс Кастельяно, — ответил профессор Ллойд Крукшанк, — мы обращаемся с собаками максимально гуманно.

После зимних каникул студентов ждала работа с жизненными системами живых существ. Крукшанку предстояло научить их резекции (медицинский эвфемизм от латинского *resecare* — «отрезать») одного из жизненных органов подопытных собак.

Одновременно это была и тренировка выдержки — кто-то назвал бы ее иммунитетом — в отношении *людской* боли. Шлифовка знаний параллельно с ожесточением сердца.

Лору настолько пугала эта перспектива, что в каникулы она ни о чем больше и думать не могла. В детстве она прикармливала и тащила в дом каждую бродячую собаку, забредавшую к ним в сад, и прятала, пока ее не обнаруживала мама и не вызывала ветеринарную службу.

Поскольку на сей раз им разрешили самим выбрать себе напарников, она упросила Барни «в качестве рождественского подарка» составить ей компанию в этой экзекуции. Он согласился, но теперь вдруг обнаружил, что и для него это будет не самое легкое испытание. Не говоря уж о третьем в их группе — новобранном Хэнке Дуайере, которому сегодня выпало исполнять обязанности анестезиолога. В этом Лора ему позавидовала, поскольку он мог

следить за сердцем и дыханием и не смотреть на внутренности. Но Хэнк тоже страдал и мог лишь приговаривать:

— Спокойно, спокойно. Она в отключке, она и вправду ничего не чувствует.

Резать трупы в анатомичке было совсем другое дело. Ведь там они, строго говоря, имели дело с неодушевленными предметами. Облегчала дело и их безликость, ибо к тому моменту, как им открывали лица, покойники, много недель пролежавшие в морге, успевали измениться настолько, что плохо ассоциировались с живыми людьми.

Теперь же у Барни, Лоры и, наверное, всех остальных студентов, приступающих к работе с собаками, было такое чувство, будто они режут близкого друга. Ибо от них требовалось между сеансами резекции поддерживать в «своих» собаках жизнь.

Кто-то по соседству не удержался и вслух произнес:

— Я больше не могу. Эта дворняжка такая миленькая!

В ответ профессор Крукшанк произнес традиционную речь на тему «прогресса человечества».

— Мы должны помнить: мы делаем это не из жестокого отношения к животным, а из сострадания к своим собратьям. Нам надо научиться оперировать живые существа. — И уже менее наставительным тоном добавил: — Ладно, приступим к делу. — С этими словами он вышел.

Жалостливый студент нехотя повернулся к лежащей под наркозом собачонке и, к своему удивлению и облегчению, обнаружил, что, пока он слушал профессорскую проповедь, его коллега уже успел раскрыть собаке брюхо. Он уткнулся глазами в лапу пса, к которой — как у всех подопытных — сейчас была подведена трубка с глюкозой и физиологическим раствором.

Еще одно преимущество трупов по сравнению с живыми собаками: отсутствие кровотечений у покойников. Сейчас же под нервными движениями скальпеля в руках студентов во все стороны летели брызги крови из ненароком задетых артерий.

— Господи, как это ужасно! — шепнула Лора.

— Спокойно, Кастельяно. Какие-то две недели. Повторяй про себя, что больно мы им не делаем.

Как раз в этот момент по залу пронесся ледяной душой вой. За ним последовал женский крик. Первый звук издала колли под скальпелем Элисон Редмонд. Второй — сама Элисон. Она в исступлении уставилась на «анестезиолога».

— Я же тебе говорила, что он не спит! Я говорила тебе, говорила! — бушевала она. — Ты мало ему дал!

Ассистент с лицом херувима подскочил к столу со шприцом в руках. В следующий миг игла была введена, и животное утихло. Но только не Элисон, которая продолжала бушевать из-за страданий, причиненных ее собаке.

— Вы мало дали морфина! — не унималась она.

— Уверю вас, мисс Редмонд, вполне достаточно, — ледяным тоном ответил ассистент. — Я в этом деле не новичок.

— Тогда почему он проснулся?

— Он не проснулся, — пояснил тот, сохраняя невозмутимость. — Это был всего лишь рефлекс.

— Перестаньте! Кричать, брыкаться, стонать — это вы называете рефлексом?

— Ошибаетесь, мисс Редмонд. Ваше животное рефлекторно стонало и дергалось. А кричали вы!

Он повернулся и пошел прочь, а Элисон взорвалась:

— Подлец! Готова спорить — вы еще и кайф ловите от их страданий! Какой же вы врач?

— Чтоб вы знали, я не врач. Так, хорошо. Всем продолжать работу. Я буду в лаборатории у профессора Крукшанка. Если понадобится, позвоните.

Едва за ним закрылась дверь, как Хэнк Дуайер озадаченно спросил:

— Как это понять — он не врач?

— А ты что, — бросила Лора, — до сих пор не въехал? Крукшанк тоже не врач. Почти у всех наших преподавателей степень не по медицине, а по биологии, химии и так далее. Иными словами, они не те жалкие практикующие медики, которым приходится иметь дело с больными, а жрецы Науки.

Последнее слово было за Элисон Редмонд:

— Будь она неладна, эта чистая наука!

Лора была подавлена до самого вечера.

— Чувствую себя эдакой леди Макбет. «И с рук наших весь океан Нептуна не смоет кровь».

— Перестань, Лора, не надо преувеличивать! — успокаивал ее за ужином Барни. — Смотри, я очень тщательно вырезал у нашего песика кусок щитовидки, а он даже не дернулся. В следующий раз ты вырежешь у него селезенку, и он опять ничего не почувствует. Эти анестетики действительно очень эффективные.

— К тому же, — поддакнул Беннет, — с чего ты взяла, что, когда у тебя на операционном столе будет лежать больной, ты будешь чувствовать себя иначе?

— Ну, во-первых, это будет у *тебя* на столе, потому что хирургом у нас будешь ты. Во-вторых, у тебя будут веские основания проводить операцию. А главное, за твоим пациентом будут ухаживать двадцать четыре часа в сутки. Ведь у собак-то в лаборатории по ночам никто не дежурит!

— Лора, что за ребячество! — пристыдил Питер Уайман. — И вообще, какая разница? В следующую пятницу распорем им грудную клетку, вырежем сердце — и дело с концом.

— Жаль, что я не могу вырезать сердце тебе, Уайман! — возмутилась Лора. — Только для этого, наверное, понадобился бы отбойный молоток. — Она вернулась к своим невеселым мыслям. — Интересно, понимает ли наш песик, что с ним делают? Как думаешь, ему дали снотворного?

— Ушам своим не верю! — возопил Уайман, закатывая глаза. — А я-то считал тебя нашей железной леди.

Спустя некоторое время все разошлись по своим забитым книгами кельям. Лора продолжала сидеть, ковыряя шоколадное мороженое. Сегодня кусок не лез ей в горло.

— Эй, Кастельяно, — шепнул Барни, — я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

— Ты этого знать не можешь.

Она помешала мороженое ложкой.

— Ну да! Я твои мысли читаю еще с песочницы! Ты хочешь сходить посмотреть, как там наша собачка.

Она промолчала.

— Ну что? — спросил он.

Теперь она кивнула и посмотрела на него страдальческими глазами.

— И ты тоже. Угадала?

В коридоре было темным-темно. Лора достала миниатюрный фонарик. Его тонкий луч пробивал почти на всю длину коридора, утыкаясь в дальний угол, куда им надо было завернуть.

— Эй, Кастельяно, откуда у тебя такая классная штучка?

— В почтовом ящике нашла, подарок от какой-то фармацевтической компании. А тебе разве ничего такого не присылают?

— Присылают, да я никогда конверты не вскрываю. Это дешевый подкуп.

Они приблизились к лаборатории. Оттуда доносились негромкие звуки — тьяканье, поскуливания. Животным все-таки было больно.

— Ты была права, Кастельяно, — признал Барни. — И что же нам делать?

Не успела Лора ответить, как раздались приглушенные шаги по линолеуму. Кто-то приближался к ним по коридору.

— Тише, кто-то идет! — прошипела она и быстро погасила фонарик. Они вжались в колонну.

Шаги стали ближе. Теперь на фоне морозных стекол можно было различить силуэт. Лора с Барни затаили дыхание, а фигура открыла дверь и скользнула внутрь.

Тишина стала прямо-таки пронзительной, Барни слышал учащенное биение собственного сердца. И тут он понял, что происходит.

— Кастельяно, ничего не замечаешь?

— Да, там все стихло.

— Вот именно, абсолютно стихло.

— Да, ничего не слышно.

В следующий миг таинственная фигура вновь показалась и быстро проследовала мимо, на сей раз почти бегом.

— Ладно, — перевела дух Лора. — Не хватит ли страшилок на сегодняшний вечер?

— Иди, если хочешь, — ответил Барни. — А я посмотрю, что там делается.

— Ни за что! Я пойду с тобой, даже если это будет мужской туалет.

Они на цыпочках подкрались к дверям лаборатории. Дверь беззвучно открылась и поглотила их. Единственное, что они слышали, — спокойное сопение, ни повизгивания, ни скуления: животные, несомненно, мирно спали. Лора снова зажгла фонарик и осветила собачьи клетки. На первый взгляд все животные были погружены в безмятежный сон. Но, присмотревшись, они обнаружили, что несколько собак вообще не шевелятся.

— Посмотри на колли Элисон! — прошептал Барни, показывая на верхний ряд клеток. Оба приблизились, и Лора посветила фонариком собаке в глаза.

— Бог мой, Барни, она сдохла!

Он кивнул и показал на клетку в нижнем ряду.

— По-моему, эта тоже готова. А как наш песик?

Лора поискала лучом.

— Ага, вот он!

Оба присели перед клеткой своего терьера. Барни быстро просунул руку между прутьями и пощупал перевязанное брюхо пса.

— Живой! — сказал он. — Идем отсюда!

— Ты читаешь мои мысли, Барни.

* * *

Вернувшись целым и невредимым в мир живых, Барни высказал то, что пришло в голову им обоим:

— Я не совсем уверен, Кафельяно, но думаю, у нас в группе завелся рьяный сторонник эвтаназии. Отчасти это можно расценить как проявление гуманности.

— Да. А еще — странности.

На следующий день профессор Крукшанк, нахмутив лоб, обратился к группе:

— С прискорбием вынужден вам сообщить, что не все из вас проявили должное старание. За одну ночь мы потеряли девять

животных, а это означает, что мне придется выделить вам для заключительных занятий — сердце и легкие — новых собак.

— Но, сэр...

Все обернулись. Кто это посмел поднять голос?

— Да, мистер Ландсманн? — спросил профессор.

— Не будет ли экономнее, а в каком-то смысле и гуманнее, если те, чьи собаки сдохли, сядут за наши столы?

— Не думаю — ответил профессор. — Это слишком важная часть вашей медицинской подготовки. Каждый должен лично попробовать себя в исследовании этих жизненно важных органов. Этого нельзя почерпнуть в книгах и даже научиться, присутствуя при работе других.

Беннет кивнул. В любом случае спор носил больше теоретический характер, поскольку животные, получив наркоз, уже ожидали своей участи.

Минувшее Рождество стало для Лоры и Барни необычным. Они пустились в плавание, которое изменяло их восприятие жизни. Тех пока еще скромных знаний, которые они успели освоить, уже было достаточно, чтобы поставить их особняком от обычных людей, воспринимающих механизм жизни с глубоким благоговением.

И в то же время они наслаждались привычным окружением. Родители не просто состояли из молекул, клеток и тканей — они состояли из любви и заботы. Глядя, как его младший брат поглощает за завтраком шестнадцатый блинчик, Барни упивался сознанием того, что Уоррен не задумывается при этом над проблемами гликогенеза и метаболизма. И какое счастье говорить на темы, никак не связанные с медицинскими терминами, формулами и химическими уравнениями.

Уоррен, казалось, приобрел уверенность в себе. А быть может, такое впечатление создавалось из-за появившихся у него усов. Во всяком случае, он с успехом заменил Барни в роли мужчины в семье и помогал Эстел готовиться к грядущей продаже дома и переезду на юг. До поступления на юридический факультет ему оставалось еще два года, но душой и мать, и сын уже были далеко от Бруклина.

Барни, развивший в себе способности к наблюдению, стал замечать вещи, которые раньше проходили мимо него. Например, что лестница на второй этаж скрипит.

По всему было видно, что дом стареет. Даже проржавевшее от времени баскетбольное кольцо на дубе сорвал октябрьский ураган. Ржавчина, пыль, скрипящие половицы... Казалось, сам Бруклин устал. А сколько друзей уже поразъехалось!

Луис тоже сильно изменился. Себя он по-прежнему называл «гибралтарской скалой». Однако морщины у него на лбу стали глубже, и он уже не бросался с прежней готовностью на помощь в любое время суток.

Утратил преданность профессии? Энергию? Если бы ему задали подобные вопросы напрямую, он бы объяснил все нехваткой времени. Не замечавший прежде, как бегут месяцы, теперь он отсчитывал часы, отделявшие его от выходных. Теперь он делил практику с энергичным пуэрториканцем и перекладывал на молодого коллегу субботние и воскресные дежурства. А сам уединялся у себя в кабинете, бездумно листая журналы под аккомпанемент футбольных трансляций по телевизору.

И стакан у него под рукой никогда не пустовал.

Для Инес Кастельяно воскресные дни теперь мало отличались от остальных, ведь она проводила в молитве все дни напролет.

Ее религиозное рвение в последнее время еще более усилилось под влиянием отца Франсиско Хавьера, беженца с Фиделевой Кубы.

— Слава богу, — говаривала она мужу, — он появился как раз вовремя, чтобы спасти наши души.

— Только не мою, *querida*^[23], — усмеялся он. — Мою душу уже не спасешь. Можешь попросить своего Франсиско Хавьера, чтобы подтвердил это в следующей беседе со Всевышним.

Тем не менее он чувствовал облегчение, если не радость, оттого что Инес наконец начала разговаривать, пускай даже на религиозные темы.

Легкие насмешки Луиса никак не действовали на религиозный настрой жены. Если она не была в церкви и не возносила молитвы Пресвятой Деве Марии, то читала по-испански Библию дома.

— Твоя мама готовится стать монашкой, — заметил Луис, но под его шутливым тоном угадывалось раздражение.

Лора и сама понимала, насколько он прав.

Все свое время Инес посвящала замаливанию греха — своего, всей своей семьи, всего человечества. Поначалу Луис пытался ходить в

церковь вместе с ней, сидел рядом, пока она молилась. Но, находясь физически подле него, душой она уносилась куда-то в другой мир. Их маленькая дочка уже была с Господом. И жена явно молилась о том, чтобы побыстрее с ней воссоединиться.

Как только они закончили рождественский ужин, Инес встала из-за стола и начала натягивать пальто и шарф. Нельзя опаздывать к вечерне!

— Давай я пойду с тобой, — предложила Эстел.

— Нет, не нужно, отдыхай.

— Но я с удовольствием пойду! Хор всегда так красиво поет! И латынь я люблю слушать...

Она не стала говорить, что звуки латыни всегда навевают на нее воспоминания о Харольде, который неизменно занимал такое важное место в ее душе, а особенно в это праздничное время.

— Ну хорошо, Эстел. Только нам надо поспешить. Святому отцу не понравится, если мы опоздаем.

— Мать у меня совсем сдвинулась, — заявила Лора, когда они с Барни приступили к мытью посуды после праздничного ужина.

Уоррен успел умчаться на очередное «важное свидание». А доктор Капельяно удалился в святая святых — свой кабинет.

— А Луис ничего не может с этим сделать?

— Барн, что ты хочешь, чтобы он сделал? Прописал ей курс электрошоковой терапии?

— Лора, это не шутки.

— А я и не шучу. Мне действительно кажется, что она на грани безумия.

Она ненадолго замолчала, продолжая ставить тарелки стопкой. Потом выпалила:

— Барни, за что мне это? Собственная мать меня едва замечает! Отец — хронический алкоголик. Мне так больно это все видеть, что я почти....

Он понял, что она хотела сказать.

— И я ничего не могу изменить. Я знаю, мне следовало бы проявить больше понимания. Ну, в профессиональном смысле...

— Да, в этом-то и проблема, Кастельяно. С родными ты не можешь вести себя как профессионал. Даже если станешь деканом школы медицины, здесь к тебе всегда будут относиться как к подростку.

— Знаю, — с грустью согласилась она. — А хуже всего, что я и сама. От этого начинаю чувствовать себя подростком. Если честно, поскольку мы с тобой постоянно общаемся в Бостоне, я вообще не вижу причин сюда приезжать.

На другое утро Барни цовез мрачно молчавшую Лору в выдавшем виды «студебеккере» ее родителей в Ла Гуардиа по шоссе Бруклин — Куинс.

Наконец он не выдержал:

— Ради бога, Кастельяно, перестань киснуть! Меньше чем через два часа ты уже будешь в Бостоне и, как удачно выразился поэт Мильтон, обретешь рай в объятиях своего возлюбленного. Ты должна сиять!

Она не сразу ответила. И уже перед самым поворотом на аэропорт, едва сдерживая слезы, сказала:

— Ты посмотри на меня! Двое никчемных родителей: одна все время под религиозным кайфом, другой — под винными парами.

* * *

Барни тоже не стал возвращаться в Бруклин. Он взял курс в Пенсильванию, в город Питтсбург, где на следующее утро должно было состояться венчание Хэнка Дуайера и Черил де Санктис.

Встреча Нового года стала для Палмера Тэлбота незабываемой.

Его высокая, эффектная подруга привлекала всеобщее внимание в клубе. Вальсируя с ней под сладкие струны оркестра Лестера Лэнина, он со всех сторон ощущал одобрительные взгляды. Даже он впервые видел Лору такой красивой. И, отметил он про себя, такой задумчивой.

Этот бал был настолько значительным событием в светской жизни Бостона, что даже его старшая сестра Лавиния специально прилетела из Англии со своим мужем, виконтом Робертом Олдгейтом, и маленьким сыном — достопочтенным Тарквином Олдгейтом, который

весь свой обед выдал обратно, с ног до головы окатив лучезарную старшую стюардессу британской авиакомпании.

Веселье нарастало по мере приближения торжественной минуты. Без пяти двенадцать все бокалы были наполнены «Дом Периньоном», и лорда Олдгейта попросили произнести тост.

— Маме и папе — крепкого здоровья и счастья, Лавинии и Тарквину — хм... — счастья и крепкого здоровья. Палмеру и Лоре — хм... здоровья, счастья и... веселой свадьбы.

Шесть хрустальных бокалов звякнули над столом. Сияющий Палмер, многозначительно глядя на Лору, сказал:

— За это я выпью!

Лора неожиданно поддакнула:

— И я.

Палмер был так счастлив, что до середины следующего дня не смел поднимать эту тему. И только высаживая Лору у порога общежития, спросил:

— Лора, ты вчера это серьезно сказала?

Она посмотрела на него и ответила:

— Возможно.

Не успела Лора войти в свою крепость под названием Вандербилт-холл, как у нее мелькнула мысль: «Сказать-то я сказала, а серьезно или нет, не знаю. Тогда зачем я это говорила?»

— Я заполучил рак, — объявил Ланс Мортимер.

— Что?!

— Причем больше, чем все остальные в этом заведении!

Барни не сразу понял, что Ланс говорит о патологоанатомических препаратах. То есть о *чужом* раке.

— Ну и отлично, Ланс! — ответил Барни — И полагаю, у тебя, как всегда, есть дубликаты, чтобы поделиться с друзьями.

— Совершенно верно. То же касается и сифилиса, и гонореи. Семестр обещает быть захватывающим!

— Мы, патологоанатомы, — вещал профессор Брендон Бойд, — имеем заслуженную репутацию практически непогрешимых диагностов. Ибо если наши коллеги в лечебных палатах еще порой ошибаются, то вскрытие всегда дает точный ответ. Иными словами, если мы не можем вас вылечить, то, по крайней мере, точно скажем, отчего вы умерли.

Студенты оценили шутку.

— Я тебе говорил, — шепнул Ланс Барни, — крутой мужик!

— Только юмор у него какой-то мрачный!

— Ну а ты чего хотел? У него же специальность такая!

Всем известно, что будущему доктору на своем пути, как ни грубо звучит, приходится пройти через кучу дерьма. Но во втором семестре первокурсники обнаружили, что посвящение в профессию потребует от них буквального прохождения через кучу человеческих экскрементов. Хуже того, это будут их собственные экскременты.

Бактериология вводит студентов в бесконечное разнообразие микроорганизмов, существующих в его собственном теле, и прежде всего — в слюне и фекалиях. Профессор предупредил: даже если станешь чистить зубы «Колгейтом» десять раз в день, все равно во рту у тебя будут резвиться десятки миллиардов бактерий.

Первым лабораторным заданием было произвести бактериологический анализ кала. Студентов разбили на пары, один из которых должен был принести материал для исследования.

Пары назначались в алфавитном порядке. Барни легкомысленно рассчитывал, что это неприятное задание будет выполнять со своим другом Беннетом, совершенно забыв, что между Ливингстоном Барни и Ландс-манном Беннетом стоит Лазарус Сет.

Барни был знаком с Сетом только визуально. Тощий, сутулый, в очках, с взъерошенными льняными волосами, он на каждой лекции садился в первый ряд и судорожно конспектировал, исписывая многие страницы, но никогда не поднимал руку, чтобы задать какой-нибудь вопрос, ни на лекции, ни после нее.

Оказавшись с Сетом за одним лабораторным столом, Барни обнаружил, что он еще меньше ростом и субтильнее, чем казалось. Телосложением он напоминал персонажа из детских комиксов и рекламных роликов.

Сет робко вызвался принести «материал». А также — если Барни совсем уж брезглив — приготовить препараты.

— Нет, нет, нет, Сет, — поспешно отказался Барни. — Половину приготовлю я, половину — ты.

Его миниатюрный напарник кивнул, и они принялись за работу. В считанные минуты всю неловкость как рукой сняло, тем более что используемые ими красители моментально превращали исследуемое «вещество» совсем в другую субстанцию.

Смывая следы трудов своих, Сет заметил:

— Слушай, а ведь у нас во рту микробов больше, чем звезд на небе. Это просто фантастика!

— Лишь бы только не пришлось заучивать их все наизусть, — полусхотел ответил Барни.

Однако сразу же стало ясно, что заучивать придется.

Тяготы медицинского образования влияли на Лору по-разному. В лаборатории вивисекции она была совершенно подавлена, зато на занятиях по патологии, где приходилось непосредственно соприкасаться со страшными недугами и различными субстанциями, распространяющими опасные миазмы, сохраняла поразительную невозмутимость, сумев убедить себя, что неприятный курс продлится всего несколько месяцев.

Лора утешалась тем, что ее отцу по приезду в Америку пришлось почти пять лет заниматься отупляющей рутинной работой, прежде чем

он получил лицензию на врачебную практику.

Барни наблюдал за профессором Фрэнсисом Джеймсом, показывающим студентам, как распилить надвое человеческий череп, и у него было такое ощущение, будто череп распиливают не безымянному трупу, а ему самому.

Дальнейшее его разочаровало. Череп лежал раскроенный надвое, как кокосовый орех, а священный инструмент человеческого организма — мозг — более всего напоминал маленький кочан цветной капусты.

Профессор Джеймс быстро обрисовал его структуру.

— Фактически у нас два мозга — или, точнее сказать, два полушария, из которых каждое есть зеркальное отражение второго. И мы до сих пор не знаем причин этого явления, равно как и точных функций этих полушарий.

После этого он показал четыре доли мозга.

Обратите внимание, что височная доля располагается над гипоталамусом, который, имея массу всего в десятую часть унции, отвечает в нашем организме за аппетит, секрецию желез, сексуальное влечение и множество разнообразных эмоциональных состояний. В том числе он является и так называемым «центром ярости».

Барни с удивлением отметил, что, зная, где в человеческом мозгу генерируется гнев, наука до сих пор не дала ответа на вопрос, в какой точке организма зарождается любовь.

Вечером Барни навестил Беннета, лежавшего в больнице после травмы, полученной в баскетбольном матче против юридического факультета, так называемом «Кубке незаконной практики». Открыв дверь его палаты, он с изумлением увидел, что практически не было местечка, где не лежал бы раскрытый учебник, тетрадь или фрагмент какой-нибудь пластмассовой модели. Видно было, что приятель времени зря не терял.

— Черт побери, Бен! Ты можешь открывать собственную школу медицины. Полагаю, это тебе не понадобится. — Он швырнул на постель копии своих сегодняшних конспектов. — Я начинаю тебе завидовать.

— Не стоит, Барн. Слишком дорогая цена.

— Болит?

— Не очень. Меня больше беспокоит, что придется столько времени проторчать в больнице.

— Боишься отстать?

— Да нет, — улыбнулся он. — Учитывая ту помощь, какую мне тут оказывают, я к концу недели буду готов заняться собственной практикой.

Тут зазвонил телефон. Барни снял трубку.

— Добрый вечер, — сказал мужской голос. На слух звонившему было за шестьдесят. — Это палата мистера Беннета Ландсмана?

— Да. А кто его спрашивает?

— Это его отец. Я звоню из Кливленда.

Барни передал приятелю трубку. Интересно, почему у его отца немецкий акцент?

В апреле 1945 года огненный смерч поглотил деревянные бараки концентрационного лагеря Нордхаузен. Командование медицинской службы армии США решило, что распространение тифа можно остановить только полной эвакуацией людей и уничтожением зараженных строений.

В тот вечер последние из оставшихся в живых погрузились на армейские грузовики, чтобы ехать в один из лагерей для перемещенных лиц, организованный союзниками.

Ханна Ландсманн к тому времени уже достаточно окрепла, чтобы ехать сидя, хотя забраться в кузов ей помогали двое американских солдат. Хершель, естественно, был рядом с ней.

В кузове творилось вавилонское столпотворение. Ни на секунду не смолкал разноязыкий гул голосов. Хотя беженцам объяснили на понятных им языках, что их везут в учреждение для реабилитации и восстановления сил, они все еще не могли полностью поверить в это. Сколько уже раз за последние годы им доводилось слышать от своих нацистских тюремщиков, что их отправляют в «трудовой лагерь», а то и в «лечебный центр».

Но они, конечно, ошибались. Ибо лагеря смерти, такие как Дахау и Берген-Бельзен, уже претерпевали процесс превращения в «лагеря жизни».

Еды и медикаментов хватало с избытком, а вскоре объявились и всевозможные благотворительные организации наподобие Международного общества содействия евреям, а также Организация реабилитации и профессионального обучения, образованная международными структурами в попытке решить грандиозную задачу выявления живых и погибших. А также воссоединения семей и помощи в возвращении беженцев «домой», что бы это слово теперь для них ни означало. Ибо у кого из них еще были душевные силы вернуться в те места, где их «соотечественники» так часто отдавали их в лапы нацистов? По сути дела, реальных путей было два — англоязычные страны или Палестина.

У Хершеля имелся брат, в начале тридцатых эмигрировавший куда-то в Огайо, и это само по себе давало ему право перебраться в Америку. Теперь его величайшей мечтой было принадлежать к той великодушной стране, чьи посланцы принесли ему свободу.

Как только начала заседать Американская комиссия по делам лагерей, Хершель с Ханной подали официальное прошение о переезде в США.

На собеседовании чиновник задал им несколько формальных вопросов, в том числе не является ли Хершель коммунистом. Его остроумный ответ понравился американцу:

— Сэр, вам разве не кажется, что человек, некогда владевший крупнейшей в Германии фабрикой кожаных изделий, может быть только капиталистом?

Теперь им с Ханной оставалось только ждать, пока отыщется его брат и уладятся денежные вопросы.

И они ждали.

В середине лета пришло письмо от некоего Стивена Лэнда из Кливленда (штат Огайо). Этот человек писал, что он и есть тот самый парень, с которым Херши рос бок о бок в Берлине. Только в те времена его звали Стефан Ландсманн. «Я хотел вытравить из себя все немецкое, — объяснял он. — Я покупал и слушал грампластинки, чтобы избавиться от акцента».

В письме выражалась великая радость, что брат и невестка выжили после всех ужасов геноцида, но известия, сообщавшиеся в нем, были трагичными.

«Насколько мы знаем, из всей нашей родни удалось избежать печей только вам двоим. Наши двоюродные — Кацнельсоны, Шпигели и Винеры — в полном составе были отправлены в Аушвиц».

Но тяжелей всего для Хершеля и Ханны были заключительные строки письма:

«Скорблю по маленькой Шарлотте. Я понимаю, что никто не заменит вам ее в ваших сердцах, но вы еще достаточно молоды, чтобы иметь других детей. Считайте, что это вам благословение».

Прочитав эти слова, Ханна так разрыдалась, что Хершель никак не мог ее успокоить. Да и как, если он сам тоже плакал?

Бюрократические процедуры тянулись и тянулись. Настала осень, а жители новой деревни Берген-Бельзен продолжали жить ожиданием, чередующимся с редкими вспышками нетерпения. Все жаждали разлететься в разные стороны и, подобно семенам, развеянным над свежевспаханым полем, дать всходы и расцвести.

Пришел декабрь, а поселенцев оставалось еще несколько тысяч, и в их числе были Хершель и Ханна Ландсманн.

Для солдат наступила рождественская пора, а для бывших узников-евреев — праздник Ханука, знаменующий освобождение их праотцев от тирании язычников во втором веке до новой эры.

Несмотря на мороз и неудобные жилища, настроение было праздничное. Армейские капелланы возглавили группу добровольцев, которые соорудили огромный светильник и каждый вечер прибавляли к нему новый факел, пока над землей их недавних угнетателей не засиял свет восьми огней, как знак новообретенной свободы. Люди пели, танцевали и радовались:

Благословен Господь Всевышний,
Что защитил нас от врага...

— В чем дело? — упрекнула Ханна мужа. — Ты почему не поешь?

— Как я могу петь о том, что «нас спас Господь», когда он от нас отвернулся? А спасли нас американские солдаты.

— А кто же, по-твоему, послал их? — возмутилась жена.

На протяжении всей зимы 1946 года Хершель регулярно получал письма от брата, в которые иногда были вложены фотографии его американской жены Рахель и двух их очаровательных мальчуганов. Эти письма источали оптимизм: Америка представлялась страной неограниченных возможностей. Стив открыл промтоварный магазин в центре Экрона и преуспел настолько, что теперь имел отделение в Кливленде, куда и перебрался на постоянное жительство.

Поскольку они с Хершелем снова регулярно переписывались, Стив считал своим долгом давать брату родственные наставления, например: «В Америке ты можешь достичь всего, чего желаешь. Здесь, если трудишься, для тебя есть единственный предел — это небо».

Его «брат-европеец» невольно вспоминал вывески над нацистскими концлагерями: «Труд делает свободным». Разумеется, это надо было понимать как освобождение тела от души.

Когда он жаловался Ханне на брата, она пыталась его урезонить:

— Как ты можешь раздражаться на человека, которого не видел двадцать лет? А также на его жену и детей, если ты ни с кем из них даже не знаком?

— Ханна, — говорил Хершель, постукивая себя пальцем по лбу, — вот здесь я очень ясно их вижу. И мне плевать, что он на это скажет, но я не намерен вступать в общий бизнес со своим братишкой Стефаном.

— То есть Стивом.

— Для меня он всегда будет Стефаном и всезнайкой, который ничего не понимает.

— Но у него хватило ума уехать из Германии до войны, — возразила Ханна и немедленно пожалела, что их беззлобная перебранка зашла так далеко. — Прости меня, Хершель. Я слишком увлеклась.

— Нет, ты права. Если бы мы тогда уехали вместе со Стефаном, наша Шарлотта теперь была бы жива. И мы с тобой были бы живы.

— Но мы...

— Нет, — серьезным тоном возразил он, — мы с тобой только дышим. Но в мире, где столько наших собратьев обращено в прах, мы больше не можем считать себя живыми.

Почти через год после своего освобождения они наконец ступили на американскую землю. Ландсманны приехали из самого Кливленда встречать их теплоход. В толпе эмигрантов, смущенных, радостных, ощущающих свою вину за то, что остались в живых, слезы лились рекой.

Стив и Рахель подыскали Ландсманнам небольшую, но уютную квартирку в пригороде Кливленда, где находился и их «милый домик с милым садиком».

Против воли Хершель был вынужден пойти работать к брату. Выбор у него был невелик, но он мечтал о независимости, о возможности создать своей обожаемой жене ту же жизнь, какую Стив создал для Рахель.

Однако было и еще одно дело, не терпящее отлагательств. Через американский Комитет ветеранов ему удалось узнать домашний адрес покойного полковника Авраама Линкольна Беннета. Это был Миллерсбург, небольшой поселок в Джорджии примерно в получасе езды от Форт-Гордона, куда был приписан полковник Беннет.

Хершель попытался связаться с его семьей по телефону, но выяснилось, что такового у них попросту нет. Ничего не оставалось, кроме как ехать туда самим. Сложив небольшой чемодан, они с Ханной отправились в свое первое американское путешествие.

Дорога заняла два дня. В первый вечер Хершель стал искать место для ночлега. Ему приглянулось белое деревянное строение «Дикси-Бель-Инн» на южной окраине Ноксвилла в штате Теннесси, он въехал на стоянку, поправил галстук и вошел с намерением снять номер.

Клерк за стойкой был отменно вежлив. Но номера не дал.

— Прошу меня извинить, сэр, но, к сожалению, наше заведение не принимает таких, как вы.

Хершель опешил.

— Таких, как я? Это каких же? У меня есть деньги. Наличные. Вот, посмотрите. — Он достал бумажник.

Клерк только улыбнулся и покачал головой:

— Нет, сэр. Боюсь, вы не поняли. Это политика заведения. Допуск негров и евреев категорически запрещен.

— Не понимаю... — Хершель не верил своим ушам.

— Не понимаете чего, сэр? — осведомился клерк. — Связи между неграми и евреями? В наших краях принято считать, что первые — черные снаружи, а вторые — внутри. Приятного вам вечера!

С ноющим сердцем Хершель вернулся к машине и пересказал жене весь разговор.

— А как вообще они узнали, что я еврей? — вслух подивился он.

— Хершель, дорогой, признайся: ведь твой акцент далек от языка, на котором говорил Джордж Вашингтон. Я думаю, надо поискать место, где «таким, как мы», дадут поесть, а переночуем в машине.

На другое утро они прибыли в Миллерсбург. Это была захолустная сонная деревушка цвета выжженной солнцем глины. Хершель плохо спал ночью (на парковке у забегаловки). Ему не давал покоя вопрос, как лучше искать адрес Беннетов — через полицию или через почту. Еще не избавившись от страха перед любой униформой, а тем более военной, он выбрал почту. В отличие от кливлендской она располагалась не в большом каменном здании, а совсем наоборот — в убогой пристройке к местной аптеке.

— Конечно, я помню полковника, — сказал аптекарь с южным гостеприимством. — Но, если позволите... Чего вы хотите от его семьи? Вернее, от ее остатков.

— Хм... — замялся Хершель. — Почему остатков?

— Видите ли, вам должно быть известно, что сам полковник умер. Полагаю, вы уже видели его имя в верхней строке списка наших героев в мэрии. Вместе со всеми павшими белыми! А Лоррен уже давным-давно умотала из этой дыры с каким-то хлыщом из Атланты по имени Дэн. Здесь остались только старая мисс Беннет и малыш Линк.

— А не скажете, где они живут?

— Послушайте, мистер, где же еще могут жить черные, как не в Ниггертауне?

— А где это?

Аптекарь фыркнул:

— Друг мой, ступайте по главной улице до конца, а там вас нос выведет.

Взору Ландсманнов предстали два ряда лачуг, различавшихся только цветом облупленных досок, некогда коричневых, зеленых или красных. Тут и там висели жестяные почтовые ящики с фамилией адресата. Фамилия Беннет была выведена, пожалуй, поаккуратнее других.

Под пристальным взглядом нескольких соседей, сидящих у своих дверей, Хершель и Ханна постучали в дверь. Открыла крупная негритянка с зачесанными назад седыми волосами.

— Чем могу быть полезна? — спросила она, с любопытством оглядывая гостей.

— Мы ищем дом полковника Линкольна Беннета, мэм, — вежливо ответил Хершель.

— Вы что, не знаете, что мой сын умер? — В голосе старухи послышалось возмущение, смешанное с горем.

— Знаем, мэм. Мы были знакомы в Европе... в его последние дни. Меня зовут Хершель Ландсманн. А это моя жена Ханна. Ваш сын спас меня, а потом бился с докторами, чтобы те спасли мою жену. Мы хотели побывать у его родных, чтобы выразить всю свою благодарность.

Элва Беннет с минуту колебалась, не зная, как поступить. Наконец она сказала:

— Не хотите войти?

Ландсманны кивнули. Она открыла сетчатую дверь и впустила гостей.

— Хотите холодного чая?

— Да, было бы чудесно, — ответила Ханна, входя в гостиную.

На каминной полке стояла крупная фотография Линка в форме. Рядом лежали его погоны и многочисленные награды.

Миссис Беннет вернулась с тремя большими кружками, и все уселись: хозяйка — в видавшее виды кресло, Ландсманны — на не менее потрепанный диван.

— Стало быть, — сказала пожилая женщина, теперь уже с дружелюбной улыбкой, — вы были знакомы с моим Линкольном?

— Лучше человека я не встречал, — сказал Хершель совершенно искренне.

Миссис Беннет была того же мнения.

— Будь он белым, ему бы дали четырехзвездного генерала. И это истинная правда.

Ландсманны кивнули:

— Мы с вами совершенно согласны.

Наступило неловкое молчание. Как объяснить цель своего визита? Хершель попытался тактично поднять эту тему.

— Миссис Беннет, мы с женой недавно прошли через такое, что я не возьмусь и описать.

— Из последних писем Линка я имею некоторое представление, — сочувственно произнесла та.

— Ваш сын, — продолжал Хершель, — ваш сын для нас стал как ангел-хранитель. После стольких лет унижений, которые мы пережили, он был к нам так добр! Вы себе представить не можете, какая это для нас утрата!

Хершель все никак не мог перейти к делу. Ему на помощь пришла Ханна:

— Мы подумали, не можем ли мы вам чем-нибудь помочь...

— Я не вполне понимаю, мэм, — удивилась миссис Беннет.

— Его сын... — начал Хершель. — Линкольн так часто говорил о том, какие он связывает с ним надежды и мечты... Мы хотим сделать так, чтобы эти мечты осуществились.

— С ним все в порядке? — спросила Ханна. — То есть он с матерью?

— Увы, у Линка-младшего матери нет, — ответила бабушка, и в глазах ее внезапно сверкнул гнев.

— Не понимаю, — вскинула брови Ханна.

— Видите ли, — вздохнула миссис Беннет, — это долгая и грустная история. Эти двое никогда между собой не ладили, еще до того, как Линка призвали служить в Европу. На самом деле как раз к тому времени, как он... погиб, адвокаты заканчивали готовить бумаги к разводу. Но как только она узнала, мигом прискакала назад.

— Из-за мальчика... — предположил Хершель. — Должно быть, о нем беспокоилась?

Элва Беннет энергично помотала головой:

— Из-за десяти тысяч долларов, мистер Ландсманн! Это страховка, которая положена ближайшему родственнику военнослужащего в случае гибели. И с тех пор она каждую неделю

таскалась сюда аж из Атланты, чтобы проверить, не пришел ли чек. Который, разумеется, в конце концов пришел.

Она все больше распалялась.

— И вы можете себе представить, мистер Ландсманн, что за все эти поездки она ни разу не явилась взглянуть на своего сына! А для правительства она была «ближайшей родственницей»! Эта женщина....

Тут она расплакалась. Ханна принялась ее гладить по плечу, а Хершель вслух рассуждал:

— Никак не пойму, миссис Беннет, уж вы меня простите! Почему мальчик не живет с матерью? Это же так естественно!

Печаль бабушки сменилась возмущением:

— С чего это она станет жить с ребенком, которого никогда не желала? Она так и не простила Линку, что он не разрешил ей избавиться от него еще до рождения. Лоррен воображала себя важной леди, она не желала иметь такую «обузу». Она вообще не выносила нормальную повседневную жизнь, то и дело одна ездила в Атланту и пропадала там по нескольку дней кряду. А мальчика с первого дня растила я.

Она вытерла слезы платком, который ей протянула Ханна, и стала извиняться:

— Вы меня простите. Не надо было мне так говорить. Священное Писание учит, что ненависть — это грех.

Хершель сделал еще одну попытку деликатно объяснить цель своего приезда.

— Миссис Беннет, пожалуйста, не обижайтесь, но могу я узнать, не испытываете ли вы с внуком каких-нибудь финансовых затруднений?

Она помялась, но потом сказала:

— Нам хватает.

— Ну пожалуйста! Я вас спрашиваю потому, что мы хотим хоть что-то для вас сделать. В знак благодарности. — Он надеялся, что искренность, с какой он это произнес, вызовет доверие с ее стороны.

Пожилая женщина нехотя призналась:

— Конечно, когда был жив сын, мы всегда получали часть его жалованья. Каждый месяц. Как часы. Когда это прекратилось, я стала рассчитывать на страховку, надеялась, что она поможет нам

продержаться, пока маленький Линк не подрастет и не пойдет работать.

— А сколько ему сейчас? — поинтересовалась Ханна.

— В следующем месяце стукнет одиннадцать. Двадцать седьмого числа.

— Следовательно, до работы ему еще очень и очень далеко, — заключил Хершель.

— В наших краях большинство ребят начинают работать уже в четырнадцать, а если роста хватает, то и раньше.

— Печальный факт! Я знаю, отец мечтал, чтобы он получил образование. Даже высшее.

— Эта мечта умерла вместе с ним, — тихо констатировала бабушка.

Хершель с Ханной переглянулись. Они читали мысли друг друга.

— Миссис Беннет, — начала Ханна, — то, чем мы обязаны вашему сыну, не имеет цены. Мы почтем за честь, если вы позволите нам помочь.

— Мы люди небогатые, — подхватил Хершель, — но у меня есть работа, я могу откладывать. И когда подойдет время, молодому Линкольну будет на что учиться в колледже.

Элва Беннет была несказанно обрадована и одновременно смущена.

— Мистер Ландсманн, как вы не поймете: отсюда до самой Атланты не найти ни одной школы для цветных, которая могла бы подготовить его к поступлению в колледж! А шансов на то, что ему здесь дадут учиться в платной школе, никаких.

Ландсманны пришли в замешательство. Подобных сложностей они не предвидели. После растерянного молчания Ханна предложила:

— Миссис Беннет, там, где живем мы, на Севере, насколько я знаю, есть прекрасные школы, куда мальчик мог бы ходить. А это открыло бы ему дорогу и в колледж.

Элва пришла в еще большее смущение. С чего бы чужие люди стали платить за образование ее внука? К тому же белые? Тем не менее она продолжила обсуждение вопроса, заодно испытывая Ландсманнов.

— Вы думаете, он мог бы поступить в какую-нибудь школу на Севере? В наших школах для черных учат только читать и писать, да и

то через пень-колоду. У Линка в классе шестьдесят один ученик. Если честно, я не уверена, что учитель даже знает, как его зовут.

Испугавшись, что бабушка откажет им в их просьбе, Хершель выпалил:

— Мы можем нанять ему репетиторов. Правда, миссис Беннет, мы найдем ему лучших учителей! А потом отдадим в лучшую частную школу.

Хершель увлекся и не замечал изумленного взгляда жены.

— Мы говорим это от чистого сердца. Мы хотим дать вашему внуку возможность достичь всего, о чем мечтал для него его отец.

Элву раздирали противоречивые чувства. Если эти люди говорят серьезно, если они и в самом деле переведут Линка в частную школу, тогда с чем останется она? С фотографиями? Военскими медалями? Воспоминаниями? Одна в пустом доме?

Интересно, думала она, что говорит об этом Писание? На ум немедленно пришли слова из Притчей Соломона: «Благословен обретший мудрость... Хотя за это отдашь все, зато обретешь понимание». Это был ее долг перед внуком. Больше того — перед сыном. Но она оттягивала болезненное решение и задала еще один вопрос:

— Что конкретно вы имели в виду?

— Видите ли, — ответил Хершель, — я слышал о так называемых частных школах-интернатах, готовящих к поступлению в вуз. Там он мог бы жить вместе со своими сверстниками. А есть и школы без пансиона.

Он опять переглянулся с Ханной.

Она неуверенно сказала:

— Он... Линкольн мог бы жить у нас.

Элве нелегко было осмыслить саму перспективу, что внук станет жить в чужой семье. К тому же белой. И не только белой, но и...

— Послушайте, ведь вы, кажется, иудеи?

— Мы евреи, но не религиозные, — поправил Хершель.

— Но во Всевышнего вы верите?

Ханна не дала Хершелю признаться в своем атеизме.

— Да-да, конечно, — поспешно вставила она.

— А он сможет ходить в баптистскую церковь?

— Уверена, что церковь мы ему найдем, — заверила Ханна.

Бабушка опять погрузилась в раздумье.

— Когда-то ваш народ был в египетском рабстве...

Хершель снова кивнул:

— Да, но это было очень давно.

— Мой дед был рабом, и совсем недавно. Нашим Моисеем был мистер Линкольн. Думаю, это нас отчасти роднит.

— Миссис Беннет, мы прекрасно знаем, что такое гонения, — добавила Ханна.

Наконец Элва спросила:

— А как вы думаете все это осуществить?

Ханна ответила осторожно, уже и сама загоревшись идеей мужа.

— Мы заберем его в Кливленд. Он будет жить с нами как член семьи. Мы будем обращаться с ним, как обращались с... — голос у нее надломился, — с ребенком, которого мы потеряли.

Элва еще немного подумала, а потом объявила:

— Я не могу принимать такое решение одна. Линк уже большой мальчик. Он должен сам это решить.

— А в котором часу он приходит из школы? — спросил Хершель. Сердце его учащенно забилося.

— По-разному. Иногда задерживается, чтобы погонять мяч с ребятами. — Она улыбнулась. — Он настоящий, понимаете? Каким был его отец.

— Может, нам пойти его встретить? — неуверенно предложил Хершель. — У меня тут машина. Если вы будете так любезны поехать с нами и показать дорогу...

— Да что вы, какая машина! Это совсем рядом. Школа для черных находится там, где ей и надлежит быть. — Она иронично улыбнулась. — За железной дорогой.

Хершель узнал его сразу.

Даже если бы он не был самым высоким и самым быстрым игроком на пыльной школьной баскетбольной площадке с кольцами без сетки, он без труда узнал бы в нем сына Линкольна Беннета. В его глазах были ясность, жар и целеустремленность. Ошибки быть не могло.

— Я его позову, — вызвалась Элва.

— Нет-нет, — возразил Хершель. — Мы не спешим. Можем подождать. — «И понаблюдать, — добавил он про себя. — Красивый парень! Отец мог бы им гордиться».

Через несколько минут игроки заметили чужаков: белую пару, которая глазела на них от боковой линии. Кто еще такие? Школьные инспектора? А почему с ними Элва Беннет? Неужели Линк что-то натворил?

Игра прервалась, и Линк, продолжая ловко вести мяч то одной, то другой рукой, то за спиной, направился к бабушке.

Стоило ей представить гостей как «знакомых твоего папы по войне», как парень остановил мяч и посерьезнел.

— Вы правда его знали? — спросил он.

— Знали. И он всегда говорил о тебе. Он тобой гордился. Поэтому мы и решили с тобой повидаться.

Мальчик поморщился, сдерживая слезы.

— Может, пойдем куда-нибудь и съедим мороженого? — тактично предложила Ханна.

Все остались ждать на улице, а Хершель зашел в лавку и купил по рожку мороженого в шоколадной глазури. После этого они не торопясь пошли назад к дому Беннетов, старательно избегая главной темы.

Молодому Линку Хершель сразу понравился. Но полученное приглашение его ошеломило. И испугало.

— То есть мне придется уехать от бабушки? — робко спросил он.

— Ты сможешь навещать ее на Рождество и в каникулы, — предложил Хершель и поспешил добавить: — А если тебе у нас не понравится, мы тебя держать не станем.

— Может быть, согласишься хотя бы попробовать? Ненадолго? — мягко предложила Ханна.

Встревоженный и раздираемый внутренними противоречиями, Линк взглянул на бабушку. Та повернулась к Ландсманнам и сказала:

— Думаю, нам с внуком надо это обсудить наедине. Вы не оставите нас ненадолго одних?

Хершель с Ханной хором согласились.

— Мы можем заехать завтра утром, если хотите, — сказала Ханна.

— Да, думаю, это будет лучше всего, — кивнула Элва. — Мне надо помолиться, чтобы Господь меня вразумил. А еще нам обоим

нужно спросить у своего сердца.

— Хершель, ты в своем уме? Ты, наверное, забыл, что еще не разбогател? Теперь этот чудный мальчик станет мечтать о частных школах и даже о репетиторах. Что на тебя нашло? Ты не забыл, что у нас в банке пусто?

— Помню, помню, — вполголоса ответил муж. — Но мне так хочется это сделать, что я готов отдать все...

— Дорогой, давай смотреть правде в глаза, — ответила Ханна. — Нам нечего отдавать!

Какое-то время они шли молча. Потом Хершель заговорил:

— Нет, Ханна, кое-что у меня еще есть.

— Что же?

— Последнее богатство, Ханна, и я готов пожертвовать им ради Линкольна Беннета. — Помолчав, он закончил: — Мое уважение к себе.

Ханна сразу поняла.

— Хочешь сказать, что готов обратиться к Стефану?

Хершель пожал плечами, одновременно смущенный и подавленный.

— Я знаю, что мы с тобой решили не влезать к брату в долги, поскольку принять от него деньги означало бы принять и его систему ценностей.

И он признался:

— Два месяца назад Стефан открыл на наше имя банковский счет и положил на него двадцать тысяч долларов. Чтобы мы могли внести задаток за дом, как он объяснил. Я тебе ничего не говорил, потому что надеялся никогда к этим деньгам не притрагиваться.

Хершель взглянул на жену.

— Но, Ханна, двадцати тысяч вполне хватит, чтобы дать Линкольну высшее образование. Ну что, стоит ради этого поступиться своим самолюбием?

Она с любовью посмотрела на него.

— Дорогой, тебе не придется ничем поступаться. Мы оба обретем нечто драгоценное.. — Она обхватила его руками и поцеловала. — Дай бог, чтобы он согласился!

Они были слишком взволнованы, чтобы есть, и поэтому вместо завтрака совершили небольшую прогулку по Миллерсбургу, а потом присели на скамейку в центральном сквере перед Доской памяти, на которой были поименованы местные жители, павшие в боях Второй мировой войны. Полковник Линкольн Беннет оказался среди них старшим по званию. Смерть принесла ему уважение, которого он был лишен при жизни.

Вернувшись к Беннетам в назначенный час, они с тревогой предстали перед бабушкой и внуком. Наконец Хершель нашел в себе силы спросить:

— Ну как, Линк, что-нибудь решил?

Мальчик ответил вопросом на вопрос:

— А как же мои друзья? Мне же не с кем будет играть!

Хершель ответил честно:

— Единственное, что могу тебе обещать, — мы сделаем все, что в наших силах, чтобы у тебя появились новые друзья.

— А поначалу ты сможешь звонить бабушке и своим приятелям, когда заскучаешь.

— Прошу прощения, мэм, это не получится, — ответил мальчик. — Здесь ни у кого нет телефона.

— Но написать-то ты сможешь! — устыдила его бабушка. — Твой папа нам тоже из Европы не звонил, а все же связь с ним мы не теряли.

— Тебя еще что-то тревожит, Линк? — спросила Ханна.

Тот робко кивнул:

— А что, если... если я вас разочарую?

— Ты можешь разочаровать нас только в одном случае, — настойчиво произнес Хершель, — если откажешься ехать.

Наступило молчание. Мальчик смотрел на бабушку. Теперь за обоих заговорила Элва:

— Мы решили, отец был бы за то, чтобы он принял ваше приглашение.

Хершелю хотелось прыгать от радости, но он только сказал:

— Вот и чудесно! Мы с женой пробудем здесь, пока не уладим все формальности. — И ласково повернулся к мальчику. — Обещаю: ты не пожалеешь!

— Хершель, ты что, рехнулся? Ты хочешь сказать, в Кливленде своих черномазых мало, что ты вздумал притащить сюда еще одного?

— Стефан... то есть Стив, я запрещаю тебе говорить в таком тоне!

Отыскав поблизости гостиницу, где им дали ночлег, Хершель вечером позвонил в Кливленд брату и попросил поручить его адвокату узнать, какие формальности они должны совершить.

Вся затея не вызвала у брата ни малейшего энтузиазма.

— Послушай, Хершель, — взывал он, — будь разумным человеком. Я понимаю, вам с Ханной хочется иметь ребенка. Так мы найдем вам кого-нибудь здесь! Хочешь, найдем двух? Хочешь трех? Найдем трех.

— Мне нужен именно этот мальчик, — объявил Хершель Ландсманн категоричным тоном.

— Хорошо, хорошо, Херш. Я попрошу своего адвоката уточнить все детали и утром тебе перезвоню. — И сделал последнее предостережение: — Только не жалуйся потом, когда тебе откажут в приеме в клуб.

Адвокат, молодой человек, недавний выпускник юридического факультета Северо-Западного университета, отнесся к затее Ландсманна более благосклонно. Конечно, был еще вопрос мамыши, которая де-юре должна дать свое согласие на опеку. Но исходя из того, что ему пришлось услышать об этой Лоррен, проблемы тут возникнуть не должно. Будет несложно доказать, что престарелая миссис Беннет де-факто все эти годы исполняла родительские обязанности, а следовательно, имеет полное право отдать молодого Линка под опеку Ландсманнов.

Оставались еще некоторые незначительные детали, по которым ему надо было проконсультроваться с какой-нибудь адвокатской конторой в штате Джорджия.

— Вы затеяли замечательное дело! — от души восхитился адвокат, завершая первую телефонную консультацию.

«Да, — сознался Хершель себе самому, — для нас это уж точно замечательно».

Прошла неделя. Как-то вечером Хершель застал Ханну в слезах.

— Что случилось, дорогая? — спросил он.

— Даже не верится! — всхлипнула она. — У нас в доме снова появится ребенок!

Мальчик начал ходить в обычную районную школу. Когда стало ясно, насколько он отстал по чтению и математике, Ландсманны наняли ему репетиторов. По три часа занятий каждый вечер.

Линк не возражал. Он проявлял неутолимую тягу к знаниям. Однако, как он признался Хершелю в задушевном разговоре, он очень скучал по бабушке. И по баскетболу. Первую проблему Хершель никак не мог решить, со второй было легче. Уже через день на стене гаража Ландсманнов появился щит с кольцом.

Однако Ландсманны продолжали тревожиться. Не слишком ли они загружают Линка?

— Как думаешь, мы не очень на него нажимаем? — как-то спросил Хершель. Он пришел домой пораньше, когда Линк еще сидел наверху с мисс Элсоп, подтягивавшей его по английскому. — Он может нас возненавидеть за то, что мы заставляем его сидеть взаперти и зубрить уроки.

— Нет, я так не считаю, — возразила жена. — По правде сказать, мне кажется, ему это нравится. У него глаза так и блестят. Его тянет учиться.

— Это верно. Тянет.

Они обернулись. На пороге стоял Линк.

— Правда, правда. Я обожаю учиться. Я бы не возражал и по воскресеньям заниматься. Тогда я бы быстрее догнал других ребят.

— А потом? — просиял Хершель.

— А потом я бы их перегнал, — объявил мальчик со счастливой самонадеянностью юности.

* * *

На следующее лето они подали заявление в школу, носившую гордое имя «Академия Шейкерхайте».

Экзамены, устроенные специально для него, Линк выдержал с блеском. Никто и подумать не мог, что каких-то несколько месяцев назад он едва мог читать и писать.

Уже после первого семестра его перевели в старшую группу по английскому, математике и естествознанию. А кроме того, он стал

лучшим спортсменом за всю историю школы.

Поначалу одноклассники воспринимали Линка как пришельца с другой планеты, но постепенно он завоевал всеобщую симпатию.

Но неловкие моменты все-таки случались. Как, например, на танцевальных вечерах с «лучшими женскими школами». После нескольких недоразумений директор школы тактично согласился, что лучше Линку в таких мероприятиях не участвовать.

Линк старался не выказывать перед другими ребятами своей обиды. Особенно перед спортсменами, которые охотно приняли его в свою команду, но не изъявляли желания видеть его у себя в гостях. Он подолгу стоял перед зеркалом, отрабатывая независимый вид в ответ на какое-нибудь новое унижение.

Своими переживаниями он делился только с Хершелем и Ханной. Ханна была источником утешения, Хершель — силы.

— Настанет день, Линк, и ты будешь горделиво стоять над ними всеми, а им будет очень стыдно. Я понимаю, тебе сейчас трудно. Но ты же бесстрашный парень!

Выходные, когда у него не было игры, он проводил с Ханной и Хершелем. В своей гимназии в Берлине Ханна блистала в естественных науках, и с ней Линк мог обсуждать, например, законы Ньютона — теперь он уже был далеко впереди всех по физике.

Хершель читал его сочинения и подробно их разбирал. Естественно, они не всегда соглашались друг с другом. Но разве спор не есть самое верное доказательство сердечной привязанности?

Обещание, данное бабушке, неукоснительно выполнялось. Линка записали в воскресную школу и по воскресеньям регулярно водили его в местную баптистскую церковь.

Хершель подолгу вел душевные разговоры с сыном. Рассказывал ему о Берлине, о приходе Гитлера к власти, о Нюрнбергских указах 1935 года, лишивших евреев гражданских прав, о том, как он жалеет, что, подобно брату, не принял тогда решения об отъезде. Но они с Ханной очень любили Германию, ощущали себя в ней дома и даже вообразить не могли, что нацисты сотворят такое с ними.

Они с Ханной рассказывали ему и о лагерях, о беспощадной «селекции», определявшей, кому жить, а кому умереть. Нацисты щадили только тех, кто казался достаточно крепким для тяжелого

труда. Когда ему поведали о судьбе малышки Шарлотты, Линка неделю мучили кошмары. Он не мог понять, как люди могут дойти до такой ненависти к себе подобным.

Мальчик попытался осмыслить пережитое его новыми родителями с позиции веры, которую с детства внушала ему бабушка.

— А что, если это была Божья воля? — спросил он.

— Его воля? — вскинулся Хершель. — Уничтожить всех наших родных?

— Нет! — с жаром воскликнул мальчик. — Сохранить жизнь вам двоим. Чтобы мы смогли встретиться.

Хершель был глубоко тронут.

— Да, в такого Бога я, пожалуй, верю.

* * *

Линк, в свою очередь, рассказывал им о собственном детстве. О Полковнике (как они его почтительно называли) у него сохранились живые воспоминания. В частности, о том, как он каждый вечер читал ему Писание. А мать почти никогда не появлялась.

— Единственное, что я о ней помню, это как она наряжается и уезжает на машине на какое-то «общественное мероприятие» в Атланте. Мы все жили в доме у бабушки, и в один прекрасный день она просто позвонила в магазин и попросила нам передать, что больше не вернется.

— Линк, а может, это было к лучшему? — сочувственно произнесла Ханна. — Все, что могла бы тебе дать мать, ты получил от бабушки.

— Нет, я не говорю, что я по ней скучал, — возразил он, пожалуй, слишком поспешно, мужественно подавляя извечно терзавшее его чувство, что причиной бегства матери отчасти был он сам. — Теперь это все не важно, — сказал он и ласково улыбнулся Ханне. — Теперь у меня есть вы оба.

В 1951 году все, что безжалостно отнял у Хершеля Третий рейх, вдруг вернула ему Федеративная Республика Германия. Канцлер

Конрад Аденауэр объявил, что его правительство выплатит жертвам предшествующего режима компенсацию.

Специально образованный Реституционный суд постановил, что прежний владелец «Кёниглихе ледергезельшафт» может получить назад свои предприятия в Берлине, Франкфурте и Кельне либо принять за них адекватную сумму.

Стоит ли удивляться, что Хершель выбрал второй вариант и не стал возвращаться в Германию.

Едва получив чек, Хершель поспешил в контору к брату и положил ему на стол чек на двадцать тысяч долларов.

— Спасибо, Стив, больше тебе не придется обращаться со мной как с бедным родственником.

С новым капиталом Хершель вложил средства в возрожденную компанию, которая теперь по-английски именовалась «Ройял лезеркрафт», и за два года стал поставлять детскую обувь в восемьсот с лишним магазинов по всей Америке.

Молодой Линк был нежным внуком. Каждые выходные он звонил бабушке (Хершель установил ей телефон) и неизменно проводил с ней Рождество, Пасху и две недели летом.

Однако если его дружба с Элвой сохранялась неизменной, отношения с бывшими друзьями не выдержали испытания временем. Ребята как будто стали его сторониться. Теперь он одевался не так, как они, и даже говорить стал по-другому.

— Ты больше не ниггер! — с презрением бросил ему один из старых приятелей.

После второго приезда Линк понял, что единственной ниточкой, привязывающей его к Миллерсбургу, остается бабушка. А следующей весной оборвалась и эта последняя связь. В разгар учебного дня Линка вызвали к директору, где его дождался Хершель. Он принес ему скорбную весть.

Поначалу Линк не проронил ни слезы. Но потом Ландсманны слышали, как он почти всю ночь проплакал у себя в спальне. Единственное, о чем он попросил Хершеля, это поехать вместе с ним в Миллерсбург на похороны. Стоя в первом ряду, он, опустив голову, слушал надгробные слова пастора, где Элва перевозносилась словно святая и одновременно проскальзывало порицание ее внука.

— Это была героическая женщина. Своего единственного сына она отдала на благо отечества, и теперь он покоится в чужой земле. Его единственного сына она воспитывала до тех пор, пока юноша не покинул отчий дом. Мы склоняем наши головы и молимся за Элву, последнюю из рода Беннетов, которой предстоит лежать в земле Миллерсбурга.

Линк чувствовал себя потерянным. По дороге домой Хершель всячески пытался найти слова утешения.

— Линк, я уверен, он совсем не имел в виду то, что ты подумал. Он же просто приходский священник...

— Он точно знал, что хочет сказать. Он хотел меня сделать изгоем и сделал.

Хершель вздохнул. Он понимал чувства мальчика. Но чем он мог ему помочь?

Первым молчание нарушил Линк. Он посмотрел на сидящего за рулем Хершеля и вдруг спросил:

— Вы меня усыновите?

— Что? — переспросил тот.

— Пастор прав, Беннетов никого не осталось. И сказать по правде, отца я по-настоящему не знал. Для меня Полковник — не более чем фотография на стене. Я по-прежнему перед ним преклоняюсь, но как-то абстрактно. Не его вина, но, если честно, я больше о нем думал, чем реально с ним общался. Для меня семья, в смысле — плоть и кровь, — это вы. И я хочу носить вашу фамилию. — Он помолчал, потом едва слышно произнес: — Потому что иначе и Ландсманнов скоро не останется.

Усилием воли Хершелю удалось сдержать захлестнувшие его эмоции и остановить машину на обочине. Потом, дав волю слезам, он обнял сына.

* * *

Барни провел в палате у Беннета больше двух часов, обсуждая спортивные события последней недели.

Поддерживая ничего не значащий разговор на спортивные темы, Барни не мог отделаться от вопроса: «Почему мой самый близкий друг

на всем факультете никогда не говорит о своих родителях? Единственное, что он рассказал о своем отце, это то, что он поставщик обуви в Кливленде. Что он скрывает?»

Наконец в четверть двенадцатого (от Барни не укрылось, что сестры позволили ему находиться в палате намного дольше положенного) он встал, чтобы уйти.

— Я понимаю, Ландсманн, что у вас, богатеев, есть частные репетиторы. А вот нам, плебеям, приходится каждое утро шагать в аудиторию. К тому же утром в восемь часов я должен быть в лаборатории. Что тебе завтра принести?

— Если получится, захвати Мэрилин Монро, — отшутился Беннет.

— Извини, Бен, но у нас с ней серьезно. Может, выберешь другую?

— На самом деле было бы неплохо, если бы ты притащил мне цивильную одежду. Послезавтра я рассчитываю дать отсюда деру.

Он потянулся к тумбочке, достал связку ключей и кинул Барни.

— Считай, что шмотки уже у тебя, — пообещал тот и направился к двери.

— Передай привет Кастельяно и остальным! — прокричал ему вслед Беннет.

Садясь в белый «корвет», любезно предоставленный ему на весь вечер Лансом Мортимером, Барни вдруг почувствовал себя совершенно измотанным. Ему срочно требовалось поспать. Назавтра его ожидала тяжелая реальность медицинского факультета.

Или, наоборот, ирреальность?

Большинство студентов сумели-таки пережить первый год обучения.

Однако процесс овладения медицинской профессией замечательно иллюстрирует дарвиновскую теорию естественного отбора. Выживание самых приспособленных здесь можно наблюдать, так сказать, в чистом виде. Не самых умных, о нет! А способных лучше других выдерживать нечеловеческие нагрузки, причем не только на мозг, но и на психику.

Эта суровая истина открылась будущим докторам, когда произошло первое самоубийство.

Все обратили внимание, что декан Холмс применил к этой трагедии эпитет «первая», давая понять, что вполне могут последовать и другие.

Сессия была на носу. Не успеешь и глазом моргнуть — чего они себе тоже позволить не могли в мучительные бессонные ночи, — как придется держать ответ по полной программе.

Барни благодаря его способности заводить друзей еще повезло. Ланс одолжил ему микроскоп с полным комплектом слайдов, так что он мог услаждать взор своих покрасневших глаз видом раковых клеток. Срезы карциномы в бифокальных линзах переливались, подобно ярко-розовым гобеленам с божественным узором.

В области бактериологии у него был другой помощник — Сет Лазарус, который не только уверенно владел материалом, но и имел явные педагогические способности.

Единственной проблемой был его тихий голос, так что приходилось садиться к нему вплотную, иначе даже в крохотных кельях их общаги ничего не было слышно. Сет конспектировал лекции, а все остальные конспектировали Сета. Временами казалось, что однокашники скоро причислят его к лику святых, несмотря на единственную странность: ровно в девять часов Сет шел спать, и тут он, как Гораций Коклес на мосту, был абсолютно непоколебим. У него невозможно было выторговать даже лишние пятнадцать минут.

— Ради бога, Лазарус, — как-то взмолился отчаявшийся однокашник, — ты уже давно не ребенок! Mamochka не оставит тебя без

сладкого, если ты в девять часов не ляжешь в кроватку! Неужели так страшно хотя бы раз в жизни лечь на час позже?

Все мольбы были тщетны, хотя Сет искренне извинялся.

— Мне очень жаль, — говорил он своим обычным тонким шепотком, — но я считаю крайне важным для всех нас не нарушать свой биоритм. А про себя я знаю, что лучше всего мне работается рано утром, поэтому я встаю в пять. Зато утомленный мозг — это как севшая батарейка. Так что, ребята, прошу меня извинить, мне пора на подзарядку. Спокойной ночи.

Что касается Барни, то перед ночной зубрежкой он решил совершить пробежку. Стоял тихий весенний вечер, в воздухе уже пахло приближающимся летом.

Минут через пять Барни почувствовал, что он не один. Чья-то тень выскользнула из-за мраморных колонн корпуса «А».

Фигура стремительно приближалась. Уже на следующем круге второй бегун задышал ему в затылок.

— Привет, Барни, — раздался шепот.

Он обернулся и узнал Грету Андерсен.

— Бог мой, Грета! — пыхтя, отозвался он. — Что ты здесь делаешь посреди ночи?

— Да, кажется, то же, что и ты. Я предполагала, что нагрузки будут приличные, но чтобы такие... Похоже, ребята уже все на пределе.

— Многие просто не понимают, что отсюда никогда никого не отсеивают, — возразил Барни.

— Я, кажется, стану исключением, — внезапно дрогнувшим голосом сказала Грета. — Я весь год только и делаю, что пытаюсь удержаться на плаву, но, по-моему, в конечном итоге не потяну.

Барни вдруг осенило: может, это Грета получила тогда позорные одиннадцать, девять, десять и тринадцать баллов за работы по биохимии?

— Послушай, Грета, самое худшее, что может произойти, — тебя оставят на второй год. Клянусь тебе, все, кто сюда поступил, в конце концов получают диплом.

Они немного пробежали молча, после чего девушка безучастно проговорила:

— За исключением тех, кто кончает самоубийством. Я слышала, на каждом курсе человек пять совершают харакири.

Перед мысленным взором Барни возник Мори Истман и тот ужасный осенний вечер. Уж не затевает ли нечто подобное его неожиданная напарница, недаром она сейчас даже не кокетничает?

— Послушай, а с чего это ты про самоубийство заговорила? — спросил он как можно осторожнее, перейдя на шаг. — Кто-то тебя в этом смысле тревожит?

— По-моему, все уже на грани, — чистосердечно объявила она. — Ты, например, знаешь, что психологи в нашем медпункте работают круглосуточно и с нашего курса там уже перебивали все, по крайней мере из тех, с кем я общаюсь. В нашем крыле от напряжения воздух прямо-таки загустел. Никогда еще не видела, чтобы столько людей сразу сидели на таблетках...

— Каких еще таблетках?

— Ну, амфетамины, чтобы не спать, фенobarбитал, чтобы не нервничать...

— Откуда они все это берут?

— Так психотерапевты и выписывают! А потом, если ты знаком с каким-нибудь интерном, тебе не составит труда раздобыть что нужно.

— Ты тоже что-нибудь принимаешь?

— Да, но не постоянно, — извиняющимся тоном призналась Грета.

А Лора?

— Может быть... Точно не знаю. Может, прекратишь свой допрос, а?

На протяжении всего года Лора так ни разу и не призналась ему, какие же у нее текущие оценки. Это было для нее так нехарактерно, что напрашивался единственный вывод: она ползет с трудом. «Черт! — подумал он. — Почему я не был понастойчивее? Надо же было догадаться, что ей гордость не позволит признаться в своих неудачах!»

Они с Гретой уже отдышались и теперь возвращались в общежитие. Перед входом в корпус Барни сказал:

— Послушай, Грета, когда поднимешься к себе, не попросишь Кастельяно мне позвонить?

— Конечно, что за проблема!

Он через две ступеньки взбежал на крыльцо, а Грета задержалась на улице, решив сделать еще несколько упражнений на растяжку. «Черт тебя побери, Андерсен! — подумал Барни. — Поторопись! Я должен знать, что с Лорой все в порядке».

Он даже не решился идти в душевую из опасения пропустить звонок, а остался сидеть на кровати, чувствуя, как пропитанная теплым потом майка превращается в противный холодный компресс, и изо всех сил пытаюсь взять себя в руки.

Наконец телефон зазвонил, и трубку взял Ланс Мортимер, чья комната была намного ближе.

— Ну, брат, у тебя прямо телепатия! — крикнул Ланс мчащемуся по коридору Барни — А может, наша королева красоты решила предоставить свое тело в качестве учебного пособия?

Барни выхватил у него трубку.

— Алло, Кастельяно?

— Нет, Барни, это я, Грета.

— А Кастельяно там?

— Да, только я ее к телефону позвать не могу.

— Почему это? — вздрогнул Барни.

— Барни, она в полной отключке. Для внешнего мира недоступна.

— Это как понять?

— Понять так, что она настолько крепко спит, что, по-моему, ее только землетрясением можно поднять. А до утра ты не подождешь?

Что было сказать? Без обиняков попросить Грету проверить Лоре пульс и дыхание?

— Барни, если у тебя все, я бы тоже хотела поспать, — нетерпеливо произнесла Грета. — Понимаешь, я выпила таблетку, и у меня уже глаза слипаются.

— Черт! — возмутился он. — Почему вы, девчонки, считаете своим долгом поглощать таблетки, как леденцы?

— Эй, эй, не кипятись! — примирительно сказала Грета. — У нас все, кроме разве что Сета Лазаруса, что-нибудь пьют, иначе сессию не пережить. Я вот что... — Она зевнула. — Оставлю Лоре записку, что ты звонил. Спокойной ночи.

Барни медленно повесил трубку, повернулся и увидел, что Ланс Мортимер все еще здесь.

— Что ты там говорил о таблетках? — спросил он.

— Не твое дело! — огрызнулся Барни. — Ты всегда подслушиваешь чужие разговоры?

— Да брось! Не злись, — миролюбиво сказал Ланс. — Я ведь только хотел помочь!

— И в чем же будет заключаться твоя помощь? — съязвил Барни.

— Ну, знаешь, есть помощь красного цвета, есть — зеленого, а есть — белого. Ты что предпочитаешь?

— А ты что? Наркаторговец?

— Угомонись, Ливингстон! Я веду себя, как подобает доброму соседу.

— Господи! — застонал Барни и решительно зашагал к себе.

Он сел на кровать, несколько раз глубоко вздохнул и пожалел, что не взял у Ланса фенobarбитал.

Его разбудил истерический вой сирены и визг тормозов перед Вандербилт-холлом.

В панике он сел, натянул валявшиеся на полу штаны, сунул босые ноги в кроссовки и бросился на улицу. На лестнице он догнал какого-то студента.

— Что случилось? — в страхе выдохнул Барни.

— Кажется, мы кого-то потеряли, — ответил тот не столько с сожалением, сколько с любопытством. — Судя по всему, для одной из наших красоток бремя оказалось непомерным.

— Для кого? — вскинулся Барни в нетерпении.

Собеседник только пожал плечами:

— А кто ее знает? Я как раз иду узнать.

Барни обогнал его и выскочил в главный вестибюль. В открытые двери виднелась машина «скорой помощи», заехавшая прямо на тротуар. Задние дверцы фургона были распахнуты.

По обе стороны от входа кучками толпились студенты, полуодетые или вовсе в пижамах, а выражение их лиц напомнило Барни о древних римлянах, с жадным любопытством наблюдавших смерть гладиаторов.

Вдруг со стороны лестницы, ведущей в Деканский флигель, появились два санитар в белых халатах с носилками в руках. Тело, с головой закрытое одеялом, было, по всей видимости, уже безжизненным. Барни заслонил путь первому санитару.

— Кто?! — выкрикнул он.

Тот только прорычал:

— Прочь с дороги, малыш! — и плечом отпихнул Барни.

Кто-то тронул его за плечо:

— Барни...

Это была Лора, белая как смерть, но живая!

— Господи, Кастельяно! — выдохнул Барни. — Как я рад тебя видеть!

Она была в состоянии шока.

— Это я нашла тело. Ты не согласишься...

— Кто? — перебил он. — Кто это?

— Элисон Редмонд, — ответила Лора и, уставившись на него остекленелым взглядом, принялась описывать происшедшее — Скальпелем вспорола себе вены. Вся ванная забрызгана кровью. — Ее слегка качало. — Черт, у меня голова кружится. Мне надо сесть.

Барни обхватил ее за талию и довел до кресла в углу вестибюля. Только тут он сам почувствовал, что впадает в оцепенение. Ушел из жизни хорошо знакомый человек.

— Лора, есть какие-то предположения, почему она это сделала?

— Ни малейших. Единственное, что я знаю... — голос у нее надломился, — что она лежала в луже крови на этом чертовом полу.

Она больше не могла себя сдерживать и разрыдалась, не в силах вымолвить ни слова.

— Прошу прощения, мисс Кастельяно, — раздался знакомый голос.

Оба не заметили, как появился декан Холмс.

— Сэр, это Лора нашла тело... Думаю, вы понимаете... — объяснил Барни.

— Разумеется, — ответил тот, а девушка усилием воли попыталась взять себя в руки. — Элисон была талантливая студентка. По всей видимости, она не была склонна к доверительным разговорам с подругами, но, насколько мне известно, с вами она была ближе других, Лора. Я надеюсь, что вы нам поможете. Может быть, спустимся в буфет и чего-нибудь попьем?

Лора подняла на него глаза. Удивительно, но лицо профессора не отражало никаких эмоций. Быть может, умение скрывать свои чувства тоже часть медицинской профессии?

— Можно мне с вами пойти? — попросился Барни, зная, что Лоре сейчас нужна поддержка.

— Конечно, Ливингстон. Кто знает, вдруг вы сможете пролить свет на этот злополучный инцидент.

Они устроились в буфете, не зажигая света — полумрак вполне соответствовал печальному поводу, — и взяли себе чаю из автомата. Кто-то из помощников принес декану пухлую папку с личным делом Элисон Редмонд.

Тот отпил чаю и начал свой допрос:

— Лора, вы ничего не замечали необычного в поведении Элисон?

Девушка пожала плечами:

— Я только знаю, что она на редкость серьезно относилась к занятиям. Сидела не разгибаясь. Как исступленная.

— Нет, я говорю о каких-нибудь отклонениях. Резкая смена настроения, причуды — что-нибудь в этом духе.

— Доктор Холмс, — снова начала Лора, — когда я говорю «исступленная», я как раз имею в виду отклонения. Учеба была для нее как навязчивая идея.

— Ах, навязчивая... — протянул декан, кажется довольный тем, что разговор хотя бы отчасти перешел в медицинскую плоскость.

— Если позволите, — добавил Барни, — она была необычайно честолюбива. Нам, конечно, всем это свойственно в той или иной степени, но она была просто как раскаленный паровоз, готовый вот-вот взорваться. Непременно должна была быть впереди всех.

Барни замолчал, пытаясь уловить реакцию декана на свою реплику.

— Ливингстон, а нельзя ли поконкретнее?

— Ну, например, в анатомичке мы с ней сначала работали за одним столом. Но стоило ей узнать, что Сет Лазарус лучше управляется со скальпелем, как она мигом уговорила профессора Лубара пересадить ее за тот стол. Понимаете? Она считала своим долгом быть *лучше* всех. Мое предположение: Элисон поставила себе слишком высокую планку, а когда обнаружилось, что держать ее не удастся, сломалась.

Декан немного помолчал, пристально изучая Барни.

— А она и была лучше всех.

— Да? — удивился Барни.

Декан Холмс достал из папки несколько листков.

— Вот ее оценки, этим все сказано. Она лучше всех успевала по всем дисциплинам. Даже Пфайфер с его фантастической требовательностью поставил ей девяносто девять — между прочим, впервые в жизни!

«Черт побери! — подумал Барни. — Так вот кто возглавлял список по биохимии!»

— Лора, а романов у нее не было?

— Нет, — с легкой запинкой ответила та, судорожно соображая, каких еще подробностей от нее ждут. — Если честно, мне кажется, она побаивалась мужчин. По-моему, ее напористость была обратной стороной фобии, если я правильно употребляю этот термин. Мне кажется, она думала, что ее превосходство над мужчинами в учебе заставит их держаться на расстоянии.

Холмс кивнул.

— Интересная гипотеза. Посмотрим, что на это скажет ее психиатр. Она регулярно ходила к кому-то из психотерапевтов в студенческой поликлинике.

От дверей буфета донесся громкий шепот:

— Декан Холмс, можно вас на минуту?

Тот мотнул седой головой и, извинившись перед Лорой и Барни, вышел.

Они остались ждать в темноте.

— Господи, я чувствую себя полным мерзавцем! — признался Барни.

— Барни, — возразила Лора, — мы с тобой говорили одно и то же. Откуда нам было знать, что она училась лучше всех? Она ведь была такая скрытная...

Декан вернулся с общей тетрадкой в руках. На обложке красовалась эмблема факультета.

Он не стал садиться, а только произнес:

— Спасибо. Вы нам очень помогли.

Стало ясно, что они больше не нужны. Но Барни не мог уйти, не докопавшись до истины.

— Декан Холмс, можно спросить, что выяснилось?

— Ливингстон, это информация не для общего пользования.

Тот стал настаивать:

— Сэр, две минуты назад мы втроем вели беседу «не для общего пользования». Тогда вы нам доверяли, а теперь, стало быть, нет?

— Тут ты прав, Ливингстон. По правде сказать, если бы не наш разговор, я бы вряд ли додумался, что означает ее писанина.

— Писанина?

— Вот, взгляни. — Декан протянул ему тетрадь. — Последние десять страниц.

Лора перегнулась Барни через плечо и тоже стала читать.

Строчка за строчкой, страница за страницей повторялись два слова:

«Меня догоняют. Меня догоняют. Меня догоняют...»

У Барни в мозгу билась одна мысль: как получилось, что это настроение проглядел ее психотерапевт? Чем он занимался на сеансах? Ногти полировал?

Лора выразила свои мысли вслух:

— Я должна была заметить! Мы же с ней много разговаривали! Как я могла не видеть, что у нее происходит сдвиг по фазе?

— Ну что вы, Лора, — мягко возразил декан, — вы же не могли предвидеть, что ей в голову взбредет. Этого не смог предугадать даже опытный врач!

Барни вернул ему тетрадь, и декан грустно добавил, обращаясь скорее к самому себе:

— А теперь мне предстоит тяжелая задача поставить в известность родителей юной леди. — Он вздохнул. — Тяжелее этого не придумаешь. Можно сто лет быть врачом и так и не научиться спокойно реагировать на подобные несчастья.

Барни смотрел вслед медленно удаляющемуся декану и думал: «Впервые вижу, чтобы он потерял самообладание. Если он не может привыкнуть к профессиональным потрясениям, то кто тогда может?»

Следующей его мыслью было: каково сейчас психотерапевту Элисон? Что он чувствует? Вину? Поражение?

Тут он спросил себя: «Почему ты думаешь о чужих печалях? Пытаешься отгородиться от собственных эмоций?» — «Нет, — возразил он сам себе, — я переживаю за Элисон. И, как ни странно, жалею не о том, что не был ей более близким другом, а о том, что не был ее психиатром».

Весть о смерти Элисон парализовала факультет. Однако из чувства самосохранения все говорили о происшедшем как о чем-то далеком и их прямо не касающемся.

Декан Холмс вызвался лично представлять университет на похоронах, но родители отказались.

— Интересно, почему? — удивлялась Лора, усаживаясь с подносом за стол.

— Если честно, — сказал Барни, для солидности понизив голос, — мне кажется, они восприняли ее самоубийство как своего рода поражение. Провал на экзамене жизни, так сказать.

— А какие у тебя основания для столь категоричных выводов, доктор? — спросил Хэнк Дуайер. — Ведь ты с ее родителями даже не знаком!

— Такие, Хэнк, что невроты — это тебе не вирусы, их нельзя распознать, и они не витают в воздухе. Они происходят из вполне определенного места, которое называется «семья».

— Ого, нас сегодня на проповеди потянуло? — отозвался Питер Уайман с другого конца стола. — А касательно меня какие будут выводы? Как у меня с родителями?

Барни посмотрел в его сторону, подумал и объявил:

— Знаешь, Питер, я бы сказал, им очень, очень не повезло в жизни.

Стараясь не выдать своей досады, Питер поднялся из-за стола и удалился.

— Вот кому бы не мешало вены вскрыть! — заявил Беннет.

— Не волнуйся, — с серьезным видом ответил Барни, — все еще впереди. По статистике, в каждом потоке бывает по пять-шесть самоубийств.

— Ты представляешь себе, что это значит? — подхватил Хэнк Дуайер. — Это значит, что, если брат в среднем, один из тех, кто сейчас сидит вот за этим столом, к моменту получения диплома будет лежать в земле!

Все переглянулись.

— На меня можете не смотреть, — заявил с улыбкой Беннет. — Я отказываюсь умирать до тех пор, пока мне не представят письменных заверений, что на небесах нет расовой сегрегации.

И вот сессия позади. Опыт предыдущих поколений не обманул: из всего потока только четверо провалились и не были переведены на второй курс. Троице предложили еще раз пройти программу первого курса, четвертому — сделать передышку и начать заново через два года.

Остальные в большинстве своем использовали лето, чтобы очистить память от ненужных подробностей и подготовить мыслительный аппарат к более важным вещам.

Многие устроились работать лаборантами, а некоторым достались более высокие должности, например Питеру Уайману, который фактически занимался настоящей исследовательской работой под руководством профессора Пфайфера.

Сет Лазарус уехал домой на ответственную работу в отделение патологии факультета Чикагского университета, где работал до этого уже два лета.

Как обычно, планы Беннета Ландсмана разительно отличались от намерений его товарищей. Первоначально его мечтой, которой он поделился с Барни по секрету («Не хочу, чтобы весь курс считал меня плейбоем»), было поехать на горнолыжный курорт в Чили. Но, к несчастью, его травмированное ахиллово сухожилие еще не было готово к таким испытаниям. Поэтому он предпочел поехать с родителями в тур по островам Эгейского моря в расчете заняться подводным плаванием, пока старики будут лазить по развалинам.

Хэнк Дуайер нашел себе место санитаря в частной санатории. Заведение находилось неподалеку от его квартиры в Бостоне, так что он мог больше времени проводить с Черил, чье положение уже ни для кого не являлось секретом.

Лоре и повезло, и не повезло одновременно. Пфайфер пригласил ее заняться лабораторными исследованиями. Это была большая честь, омраченная перспективой трудиться под началом ненавистного Уаймана.

Барни сперва удивился выбору профессора.

— Не обижайся, Кастельяно, но почему Пфайфер выбрал именно тебя?

Она развела руками:

— Понятия не имею. Меня только радует, что не придется ехать домой.

Все прояснилось, когда были обнародованы экзаменационные оценки. Лора Кастельяно получила великолепный балл — пять с минусом. Особенно невероятным это показалось Барни, который считал, что сам достиг небывалых высот — четыре с плюсом.

Теперь, когда правда открылась, он решил припереть Лору к стенке.

— Кастельяно, не отрицай: это у тебя было девяносто восемь баллов по биохимии? Так?

— Ладно, господин инспектор, вы меня поймали.

— Тогда какого черта ты это так старательно скрывала?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Сначала я подумала, мне просто повезло, а потом...

Она не закончила фразу, но Барни и без этого понял: она боялась поставить его в неловкое положение.

У Барни не было возможности искать себе место в научной или околонучной сфере. Как только было объявлено о повышении со следующего года платы за обучение, он понял, что придется искать работу, где побольше платят.

И он пошел в таксисты. В одном квартале с Ливингстонами жил некий мистер Копловиц, владелец собственного такси, и Барни нанялся к нему в ночную смену.

Из соображений как сентиментальности, так и экономии Барни жил дома. Осенью на заборе появится надпись: «ПРОДАЕТСЯ», и в комнату, где рождались его детские мечты, вселится кто-то чужой.

Эстел, которая официально ушла на пенсию с конца июня, проводила лето на заднем дворе, попивая чай с Инес Кастельяно, болтая, когда та была склонна к общению, либо просто сидя рядом, если Инес уплывала в свой неведомый мир. В такие минуты Эстел окидывала взором сад и предавалась воспоминаниям о том времени, когда здесь играли два мальчика и девочка.

Завтракала она вместе с сыновьями Барни как раз возвращался домой, а Уоррен, наоборот, собирался на работу. Он готовился к карьере юриста и работал курьером в какой-то адвокатской конторе.

По вечерам сыновья, как правило, отсутствовали: Барни крутил баранку, Уоррен встречался с очередной девушкой. Зато все чаще появлялась Инес — не только пообщаться, но и укрыться от мужа.

Луис уже превратился из тихого выпивохи в буйного пьяницу. К девяти часам это уже был разъяренный лев. И все чаще — торжествующий лев. Ибо его кумир Фидель Кастро только что сумел свергнуть Батисту и освободить кубинский народ. Чем не повод пропустить стаканчик «Куба-Либре»? Или два? А может, десять?

Такое горячее сочувствие кубинской революции не прибавляло ему друзей среди соседей по Бруклину. Ведь Кастро экспроприировал принадлежавшие американцам заводы по переработке сахара. Поэтому нельзя сказать, что клич: «Viva el pueblo cubano!»^[24] находил повсеместный отклик.

Соседи потихоньку начинали роптать. Кое-кто даже заходил к Эстел, выясняя, не попробует ли она на благо всему кварталу урезонить Луиса. Заставить его если не бросить пить, то хотя бы угомониться.

Некогда талантливый врач деградировал с каждым днем. Его уже штрафовали за вождение в нетрезвом виде. Еще один такой инцидент — и его, скорее всего, лишат водительских прав, а возможно, и медицинской лицензии.

— Неужели ты ничем не можешь ему помочь? — как-то раз спросила Эстел у подруги.

Инес покачала головой.

— Я молилась, — пролепетала она. — Я просила нашу Пресвятую Деву избавить его от страданий.

— А что, — удивилась Эстел, — нет никого... поближе, чтобы его вразумить?

— Святой отец Франсиско Хавьер тоже пытался повлиять...

— Хочешь сказать, ты водила Луиса в церковь?

— Нет, — ответила Инес, — в прошлое воскресенье я пригласила отца Франсиско к нам.

— И что?

— Что?! Луис словно обезумел, орал на святого отца, выкрикивал проклятия в адрес святой церкви и всех епископов из окружения Франко. Святой отец даже не остался к чаю.

«И неудивительно», — подумала Эстел.

Инес принялась молиться, а у Эстел мелькнул вопрос: «Почему им не поможет Лора? Как она может плевать на родителей, когда они так нуждаются в помощи?»

На другое утро она заговорила об этом с Барни.

— Мне кажется, Лора увиливает от ответственности, — объявила она за завтраком.

— Мам, она пыталась помочь. Уверяю тебя, она многое перепробовала. Но в последний раз, когда она хотела поговорить с Луисом, он брякнул такое, чего она не может ему простить.

— А именно? — оживился Уоррен.

— А именно, — с расстановкой произнес Барни, — заявил, что не намерен выслушивать от нее нотаций, потому что она ему не *сын*.

Воцарилось молчание. Потом Эстел сказала:

— Бедная девочка!

— Вот уж действительно, ситуация — не позавидуешь! — согласился Уоррен. — При двух живых родителях она совершенно одинока. Готов спорить, она из одного отчаяния выскочит замуж за этого Палмера, или как его там.

— Зря волнуешься, — возразил Барни. — Палмер идет в армию, и они решили взять тайм-аут в своих отношениях.

Эстел еще больше встревожилась:

— Что же с ней станет, бедняжкой?

«Да уж», — мысленно поддакнул Барни.

* * *

Душным августовским утром, в шесть часов Лора приехала вместе с Палмером на призывной пункт бостонского военкомата.

— Лора, я буду тебе писать! И ты черкни мне иногда открыточку, чтоб я знал, что еще не забыт.

— Перестань! Ты же знаешь, что я буду тебе писать много и часто. Ты-то сам уверен, что действительно хочешь задуманного? Зачем своими руками продлевать себе службу?

— Лора, если мне предстоит тебя потерять, то дополнительный срок значения не имеет. По крайней мере, смогу утопить свое горе в офицерском клубе.

— Палмер, ты меня не потеряешь! Я никуда не денусь!

— А я обещаю, что буду хранить тебе верность.

— Не глупи. Я не требую от тебя монашеского целомудрия. Веди себя естественно.

Из чего Палмер с горечью заключил, что в его отсутствие любимая девушка намерена вести активный образ жизни.

— Лора, ты только не забывай: ты не найдешь другого такого преданного человека!

Садясь за руль великодушно оставленного в ее пользование «порше», Лора подумала: «Он прав. Никто не будет любить меня так безоглядно, как старина Палмер».

Сет Лазарус вылез из плавающего автобуса на плавающий асфальт. Уже в семь тридцать утра Чикаго был невыносим. Солнце жарило всюду.

К счастью, до дверей госпиталя ему надо было пройти всего несколько сот метров, а там, в патологоанатомической лаборатории, поддерживалась весьма прохладная температура, дабы воспрепятствовать разложению «пациентов», как упорно именовал их его начальник, профессор Томас Мэтьюз.

(«Вот когда мы закончим и отошлем их на кладбище, тогда можно будет называть их трупами», — говаривал он.)

Сет уже третье лето подряд работал в «доме мертвых», по выражению некоторых медиков. Именно здесь он научился искусно обращаться со скальпелем, брать пробы тканей для исследований и в целом с почтением относиться к человеческому организму, будь то живой или мертвый.

Атмосфера в больничном морге разительно отличалась от их учебной анатомички. Здесь царила почти полная тишина — наверное, из уважения к усопшим. Университетская анатомичка, напротив, приводила на память вавилонское столпотворение, ведь студенты, желая побороть неловкость, неумение и страх, наперебой отпускали сальные шуточки.

Здесь Сет чувствовал себя как дома, хотя в перерывах, глядя в окно на оживленные улицы, спрашивал себя, не следует ли отнести его к разряду «чудаков», поскольку обществу женщин он предпочитает общество покойников.

В колледже у него хотя бы было оправдание. Ведь он намеревался пройти полный четырехлетний курс за три года, так ему не терпелось стать врачом. Понятно, что ему некогда было заводить друзей.

Но и на медицинском факультете Сет не дружил ни с парнями, ни с девчонками. Однокашники ценили его общество только в период сессии, когда они набивались гурьбой к нему в комнату и умоляли помочь с разъяснением какого-нибудь сложного материала.

Два прошедших лета он только смотрел, прижавшись носом к стеклу, на жизнь за окном, к которой мысленно жаждал присоединиться, но не чувствовал себя ее органической частью.

Может быть, он и выбрал патологию, чтобы освободить себя от необходимости сообщать ближайшим родственникам, что родной им человек терпел страдания, от которых его нельзя было избавить?

Как-то июльским утром босс спросил Сета, не идет ли он в буфет пообедать.

— Если да, то купи мне в киоске еще один экземпляр «Трибюн». Там на спортивной странице пишут про моего двадцатичетырехлетнего оболтуса «Звезда малой лиги» не далее как вчера послал очередной выдающийся бросок.

— Поздравляю! — ответил Сет. — Одного экземпляра хватит, сэр?

Тот добродушно улыбнулся:

— Слушай, Сет, я тебя сколько раз просил называть меня Томом? Мы тут не клерки в конторе! Да, одного экземпляра хватит. Думаю, жена уже купила штук десять.

— Ладно. Спасибо... Том.

В разгар обеденного перерыва лифт был забит медсестрами, отправляющимися перекусить, и ухлестывающими за ними докторами.

Спустившись вниз, Сет заглянул в киоск, купил нужную газету и как раз начал листать «Ньюйоркер», когда с ним поравнялась троица хорошеньких медсестер.

Одна заметила его и воскликнула:

— Боже мой! — Она улыбнулась и — о чудо! — окликнула его по имени: — Сет, Сет Лазарус! Глазам своим не верю. Неужели это ты? — Она повернулась к подругам. — Девчонки, вы не поверите: это тот самый парень, о котором я вам только что говорила. Он закончил школу экстерном, и вот, посмотрите, — уже стал доктором!

Тут Сет вспомнил, что на нем халат, а прямоугольная пластиковая бирка на нагрудном кармане гласит: «Доктор Лазарус».

— Бог мой, даже не верится, что это ты, Сет! — продолжала ворковать девушка. — А меня ты наверняка не помнишь. Да и с чего бы? Я пересдавала экзамен по химии, чтобы поступить в медучилище, а ты всем помогал с лабораторными работами. Мне — больше всех. И вот, полюбуйся: я теперь медсестра!

Сет не привык к такому вниманию к собственной персоне.

Он лишился дара речи, но не зрения, а поэтому без труда прочел имя на ее кармашке, после чего призвал на помощь всю свою находчивость, чтобы изобразить из себя дамского угодника.

— Как я могу забыть Джуди Гордон и ее деликвентный взгляд?

Сестры фыркнули.

— И что это означает? — спросила одна.

— О, — протянул Сет, немного смутясь от собственного цветистого красноречия, — это такой химический термин. Он означает «растворяющийся».

Джуди улыбнулась:

— Сет, я польщена, что ты меня помнишь. Кстати, познакомься — мои подруги: Лилиан и Мэгги.

— Очень приятно, — сказал он. — В каком вы отделении?

— В «О», — посерьезнела Джуди.

— Онкология? Это дело серьезное, — кивнул Сет, — Подозреваю, большинство ваших пациентов уже никогда не выйдут из этих стен.

— Угадал, — под дакнула девушка. — Временами это и впрямь тяжко. На нашем этаже жуткая текучка среднего персонала. А ты где, Сет?

— Я в патологоанатомической лаборатории. И кстати я еще не врач. Я тут только на лето.

На протяжении всего разговора Сет судорожно соображал. Это был его шанс, и упускать его он был не намерен.

— Вы не обедать идете? — спросил он.

— Ой, — разочарованно протянула Джуди, — только что оттуда. Нам пора в отделение. Может, в другой раз как-нибудь встретимся?

— Давай завтра пообедаем вместе? — предложил Сет.

— Отлично! — Джуди Гордон улыбнулась.

Три девушки двинулись в сторону лифта, а Джуди, обернувшись, крикнула:

— Завтра у киоска что-нибудь около четверти первого! Хорошо?

Он утвердительно помахал в ответ. После этого они скрылись в лифте.

Какое-то время Сет стоял в оцепенении. Он вспомнил не только Джуди, но и то, как пытался пригласить ее на свидание. Только в тот раз он так и не смог раскрыть рта.

Сет, как всегда, дождался окончания часа пик. В половине восьмого он вошел в автобус, где было уже не так душно и можно было сесть и почитать.

Когда он наконец добрался до места, солнце уже клонилось к закату, и газоны и клумбы скромного пригорода купались в его ласковых вечерних лучах. Всех соседей Сет знал по именам и фамилиям, с тех пор как работал почтальоном в старших классах.

Он дошел до местной площади, где с тридцатых годов располагалась и лавка «Мясо и гастрономия от Лазаруса». Через витринное стекло он увидел, как отец нарезает сыр «Гауда» для миссис Шрайбер, и помахал обоим. Затем через заднее крыльцо поднялся в квартиру на втором этаже. Мама нежно обняла его.

— Привет, дорогой. Что у тебя нового?

— Мама, — нехотя ответил он, исполняя давно заведенный ритуал, — там, где я работаю, ничего не может быть нового. В патологоанатомическом отделении только мертвые пациенты.

— Знаю, знаю, но вдруг ты открыл новое средство от смерти? Такое ведь может произойти?

Он улыбнулся:

— Ты узнаешь об этом первая. У меня есть минутка принять душ перед ужином?

Рози кивнула и вернулась на кухню.

Горячий душ был для Сета профессиональной необходимостью. Его одежда и кожа, казалось ему, пропитывались запахом смерти, и каждый вечер, приходя из клиники, он яростно тер себя мочалкой.

В девять вечера Нэт Лазарус, как всегда, запер лавку, и уже через пять минут семья была за столом.

— Итак, мой мальчик, — спросил отец, — что у тебя новенького?

— Открыл лекарство от рака, — ответил сын с бесстрастным выражением лица.

— Чудесно, — пробормотал тот, больше поглощенный газетным репортажем о вчерашнем бейсбольном матче. — Говорю вам, — внезапно объявил он, — скоро «Кабс» выиграет чемпионат. Голову даю на отсечение!

Все еще под впечатлением сегодняшней встречи, Сет со смехом добавил:

— Кроме того, я нашел лекарство от болезней сердца, а завтра, глядишь, изобрету что-нибудь и от обычной простуды.

Нэт вдруг отложил газету.

— Я не ослышался? Ты занимаешься исследованиями, направленными на поиск лекарства от простуды?

— Интересно, что это ты так оживился, а при словах о средстве от рака и бровью не повел?

— Мальчик мой, — мудро рассудил отец, — ты ведь не бизнесмен и далек от мирских забот. Ты можешь хотя бы отдаленно себе представить, сколько я за зиму продаю этой бесполезной «змеиной мази»? Если бы ты и впрямь изобрел какое-нибудь стоящее средство, мы бы его немедленно запатентовали и здорово бы разбогатели.

— Прости, пап, но я пошутил. Обычная простуда — это последний рубеж медицины. Это как Луна для астрофизиков. Нам ее достичь не суждено.

Нэт посмотрел на сына и улыбнулся.

— Сумасшедшие — проворчала миссис Лазарус — Кому добавки?

Перейдя к бисквиту и домашнему мороженому, Сет небрежно бросил:

— Вообще-то сегодня было одно происшествие. Я столкнулся с девчонкой, с которой мы учились в школе.

Рози Лазарус наострила уши:

— Да? А мы ее знаем?

— Это Джуди Гордон. Она работает медсестрой в онкологии.

Нэт озорно взглянул на сына:

— Сети, смотри только не сделай ей ребенка!

— Отец! — взмолилась Рози. — Я была бы тебе признательна, если бы ты подобного при мне не говорил.

— Прошу прощения, ваше величество, — ответил муж, — но позволь тебе напомнить, что, если бы я в свое время не сделал тебе ребенка, Сета бы тут сейчас не было. — Он повернулся к сыну как к живому подтверждению своих слов. — Я прав, доктор?

— Так точно, сэр, — с профессиональной четкостью ответил тот. — В медицине таких, как наша мама, называют многогородящими.

— А перевести на нормальный язык можешь?

— Мам, это означает, что у тебя не один ребенок, а больше.

Все резко замолчали. И напряглись. Сет напомнил родителям — и себе, что было еще больней, — о Говарде.

Говард был старший брат Сета. Но он так и не стал взрослым человеком в результате аварии, случившейся много лет назад. Говард в тот момент сидел у матери на руках, на переднем сиденье. Нэт был за рулем. Он резко затормозил, поскольку перед ним как из-под земли вырос малыш, которого из-за других машин видно не было. И Говарда швырнуло головой на металлическую приборную доску да еще припечатало сверху всем маминым весом.

После такой тяжелой черепно-мозговой травмы Говард хотя и вырос физически, но так и не научился глотать пищу или сидеть без посторонней помощи. Иногда он узнавал родителей, иногда — нет. (Точно знать этого не мог никто, ведь Говард постоянно улыбался.)

В конце концов пришлось поместить его в интернат. Два или три раза в месяц они заставляли себя ехать туда, чтобы не забыть о его существовании и не уверовать в то, что можно жить, не думая о его страданиях. (Да и были ли страдания? Узнать это также не представлялось возможным.)

Говард был для них извечным источником комплекса вины. Безднадежно изувеченный и в то же время необычайно крепкий физически, обреченный на животное существование в одиночестве. Ибо жить ему предстояло долго, хотя вряд ли его существование можно было назвать жизнью.

Семья закончила ужин, и Сет помог матери убирать со стола. Нэт тем временем включил телевизор. К счастью, опять шел бейсбол — надежное лекарство от вечно гложущей боли за старшего сына.

В кухне, вытирая вымытую мамой посуду, Сет вдруг спросил:

— А кстати, как там Говард?

— Что за вопрос? Как ему еще быть? Может быть, когда станешь настоящим врачом, ты изобретешь какое-нибудь средство от проломленной головы.

На сей раз она не шутила. И Сет знал, что мать живет постоянной надеждой на то, что когда-нибудь, где-нибудь медицина найдет чудодейственное средство, которое вернет в семью несчастного мальчика.

— Могу порекомендовать салат с тунцом или курицей, — сказала Джуди Гордон. — На вкус они похожи — я даже подозреваю, что это вообще одно и то же.

— Давай возьмем разные, а потом сравним, — предложил Сет.

Она кивнула, и Сет жестом подозвал официантку.

Итак, — сказала Джуди, — насколько я понимаю, нам надо многое наверстывать.

— Похоже на то.

Поедая свои неразличимые салаты, они предались воспоминаниям и старым шуткам. В ее обществе Сету почему-то было легко. Возможно, благодаря тому, что сама Джуди держалась спокойно, уверенно и дружелюбно.

Сет заказал на десерт шоколадное мороженое, а она — желе. («Фигуру надо беречь, ведь пляжный сезон!»)

Странно, но Сету никак не удавалось представить ее в купальнике, хотя, будучи знаком с анатомией, он легко воображал ее голой. И картинка получалась соблазнительная.

— Ты по-прежнему живешь с родителями? — спросила она, когда они допивали кофе.

— Да. Признаюсь, я не очень-то общительный тип. Живу с мамой и папой, но ведь здесь я бываю только летом.

— Это плохо, — пробурчала она себе под нос.

Сет тут же спросил себя: «Что именно плохо? Что я живу дома или что уезжаю в Бостон?»

По дороге к лифту он набрался смелости и спросил:

— Мы могли бы как-нибудь сходить поужинать?

— Конечно. Может, сегодня и пойдем?

— Отлично. Просто чудесно!

— У меня машина — если ее можно так назвать, — весело похвасталась она, — Но, по крайней мере, она едет. Ты когда освобождаешься?

— Да, в общем-то, я сам себе хозяин. У нас в патологии, если мы раньше уходим, больные не ропщут.

— Тогда в полседьмого? А если что-нибудь изменится, я тебе позвоню в лабораторию.

— Да, конечно. Прекрасно, — повторил он.

В лифте они были вдвоем.

— Сет, скажи мне, — спросила Джуди, — тебя не достает работа с покойниками? Никогда не кажется, что ты вот-вот двинешься рассудком?

— Нет, по-моему, у тебя работа тяжелее. Ко мне они попадают, когда все страдания уже позади. А ты вынуждена смотреть на умирающих. Разве это не тягостное зрелище?

Она кивнула:

— Да. И каждый раз, возвращаясь домой, я думаю: как мне повезло, что я еще жива!

Они продолжили разговор вечером за ужином в принадлежащем некоему Армандо солидном кафе «Северная лихорадка», где Сет никогда не бывал, да и не мог бы себе этого позволить. Но сегодняшний случай был особый.

— Ты удивишься, если узнаешь, в какой ступор впадают самые нормальные люди при мысли о близкой смерти родного человека, — говорила Джуди. — Начинают его сторониться, как будто смерть может быть заразной. Родственники еще заставляют себя приходить, но у друзей всегда находится какой-то предлог. Поэтому больные, за которыми я ухаживаю, невероятно благодарны за малейшие проявления доброты. В любом случае, будь я на смертном одре, я бы точно была благодарна любому, пусть даже почти незнакомой медсестре, если б она стала в последние минуты держать меня за руку. И, сказать по правде — только не обижайся! — врача ты в такой момент днем с огнем не сыщешь, у них вечно какие-то отговорки находятся.

— Ну, — попробовал возразить он, чувствуя, как с каждой секундой в нем крепнет к ней симпатия, — доктора разные бывают,

как и медсестры — «Черт, — тут же отругал он себя, — еще решит, что я бессердечная сволочь!»

— А ты и дальше хочешь работать патологоанатомом? — спросила она.

— Если честно, я еще не решил. Сначала это была просто летняя подработка, которая должна была облегчить мне поступление в медицинский. Потом я решил, что этот опыт будет не лишним, когда мы начнем работать в анатомичке. А за последний год я столько нового узнал...

Из скромности он не сказал, что профессор Лубар оценил его знания по анатомии на пять с плюсом — впервые в истории факультета.

— Доктор Мэтьюз считает, что наша работа по установлению причин смерти может оказаться крайне полезной с точки зрения профилактики заболеваний.

— О, это действительно достойно восхищения, — сказала она. — Но тебе не кажется, что ты себя чего-то лишаешь? Какого-то эмоционального аспекта, который и привел нас всех в медицину? — Она вздохнула. — По-моему, нет большего удовлетворения в жизни, чем слышать «спасибо» из уст больного, которому ты помог.

«Ого, — подумал он, — не больно-то она высокого мнения о моей работе! Но смею ли я защищаться?»

Во второй раз за последнее время он вдруг произнес слова, которые исходили из неподвластной ему части его существа:

— Может быть, я это делаю из страха?

«Господи, зачем я это сказал?»

— Из страха потерять больного? — уточнила Джуди. — Это испытывают многие врачи, я знаю. Это совершенно естественно, Сет.

— Нет, я другого боюсь, — продолжил он свою исповедь.*^ Я боюсь... страданий. Мне кажется, патологоанатомия меня привлекает тем, что, как бы ни мучился больной, для него все уже позади. Даже если организм изъеден раком, человек уже этого не чувствует. Мне кажется, я бы не мог смотреть, как больной корчится от боли. Или как он дышит через аппарат, тогда как остальной организм мертв. Мне кажется, у меня не хватает смелости быть настоящим врачом.

По дороге домой Сет находился в каком-то доселе незнакомом ему состоянии, слова вырывались из его уст помимо его воли.

Впереди замаячила автобусная остановка, и Сет подумал, что будет лучше избавить Джуди от своего малодушного общества.

— Джуди, спасибо. Дальше я сам доберусь.

— Да перестань! Мне никакого труда не составляет проехать еще два квартала.

Он кивнул, и оставшийся путь они проделали молча.

— Спасибо, что подвезла, — сказал Сет, — Увидимся в клинике.

— Нет, Сет, — сказала девушка. — Так просто я тебя не отпущу!

Сет с изумлением узнал, что страстью можно компенсировать неопытность. Она прижалась к нему губами, а он обхватил ее и крепко обнял. Поцелуй длился долго.

Когда оба глотнули воздуха, он спросил:

— Мы можем это как-нибудь повторить?

— Что именно? Ужин или мою бесстыжую выходку?

— А это — взаимоисключающие вещи? — спросил он — Во всяком случае, предупреждаю: в другой раз инициатива будет за мной!

— Отлично. Кто знает, куда это нас заведет? Спокойной ночи, Сет. Спасибо еще раз.

Если бы он не боялся разбудить родителей, то, войдя в дом, пустился бы в пляс.

Если когда-нибудь составят список городов Соединенных Штатов, где не следует проводить лето, Бостон, несомненно, войдет в первую десятку. Конечно, у Пфайфера в лаборатории имелся кондиционер для поддержания постоянной температуры, необходимой при экспериментах. Но в Вандербилт-холле никаких кондиционеров не было. Вполне логично. Некоторые препараты в случае перегрева теряются безвозвратно, тогда как лаборанты идут по гривеннику за десятков.

Изо дня в день засиживаясь в лаборатории допоздна, Лора все больше утверждалась в навязчивой мысли, что в том и состоит расчет Пфайфера: его подопечные сидят в прохладной лаборатории как можно дольше, и тем самым исследования продвигаются быстрее.

Поначалу ее мучили угрызения совести в отношении Палмера, которые она пыталась побороть, напоминая себе, что сейчас, слава

богу, не война. И все же ей было жаль, что лучший период своей жизни он уйдет на чистку сапог, винтовки, а возможно, и отхожего места. Впрочем, она не была уверена, привлекают ли к таким заданиям офицеров.

Но постепенно она все больше склонялась к тому, что ее отказ выйти за него замуж в конечном итоге послужит во благо им обоим.

И снова стала встречаться с парнями.

Иногда, если Лора допоздна засиживалась в лаборатории, ее заставлял по телефону Барни (после одиннадцати, когда действовал льготный тариф). Обычно он звонил из автомата в каком-нибудь богом забытом районе и всякий раз веселил ее рассказами о своих пассажирах. Например, о проститутке, предложившей расплатиться с ним натурой.

— То, что ты рассказываешь, намного интереснее всякой медицины. Может, переквалифицируешься?

— Спасибо, Лора. Ночами не спать — это именно то, о чем я мечтал всю жизнь. — Тут его обуревала отеческая забота. — А кстати, ты-то почему еще на работе? Даже каторжники пашут меньше. Почему бы тебе не пойти домой поспать?

— Благодарю вас, доктор Ливингстон. Я, кажется, настолько вымоталась, что именно так и поступлю.

Второй курс начался с воды, а закончился кровью.

Первым событием (не нашедшим отражения в программе курса) было крещение двойняшек, родившихся у Хэнка и Черил Дуайер, Мэри и Мишель. Стоя в первом ряду, Барни с Лорой наблюдали, как священник окропляет святой водой лобики девочек, возвещая полатыни, что крестит их «во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Был конец сентября. Вот уже больше года они числились студентами медицинского факультета, а до сих пор так и не видели живьем ни одного пациента. И от реального дела — клинической медицины и физической диагностики — их отделяли долгих восемь месяцев нудной теории. Утешением служило лишь то, что это будет последний семестр такого рода. Весной они наконец познакомятся со своими первыми больными. Пока же они плохо себе представляли подлинную медицину.

Невзирая на почти ежедневные письма от верного Палмера, уже преодолевшего этап подготовки («и нарастившего мышцы похлеще Тарзана»), Лора чувствовала себя одинокой. Вся ее «светская жизнь» состояла в том, чтобы отражать атаки сексуально озабоченных ординаторов, стажеров, а подчас и женатых молодых врачей, ищущих небольшой интрижки на стороне. «Интересно, как пылкая мисс Андерсен выдерживает подобный натиск», — думала она.

Ждать помощи от Барни не приходилось. Более того, он оказался в противоположном лагере. Ибо на первом курсе, куда, ко всеобщему удивлению, приняли целых шесть студенток, появилась ослепительная китаяночка по имени Сюзан Сян.

Барни потерял голову сразу. Сюзан была настоящей находкой для мужчин, ценивших традиции Востока. Какой контраст с бесконечно честолюбивыми девицами из Гарварда! Сказать, что он был сражен наповал, значит не сказать ничего.

Лора, испытывая двойственное чувство, в котором сама не отдавала себе отчета, согласилась, что ее друг нашел себе «идеальную пару».

Как сказал ей сам Барни: «Это нечто особенное, Кастельяно. Она смотрит на меня снизу вверх!»

— Ну еще бы! Она же всего пяти футов ростом.

— Не смейся! Я никогда еще не видел такой... женственной девушки. Понимаешь? Знаешь, как по-китайски «я тебя люблю»?

— Нет, конечно. Но ты-то наверняка знаешь!

— Точно. Уоай ни. И Сюзан произносит это по тридцать раз на дню. С ней я чувствую себя Адонисом, Бейбом Рутом и Эйнштейном в одном флаконе.

— Ну что ж, неплохая компания, даже для такого самоуверенного типа, как ты.

Зависть Лоры была вызвана не только несомненным влиянием мисс Сян на Барни, но и ее способностью найти себе предмет для обожания.

Лора же, напротив, выросла в твердом намерении превзойти сильный пол во всем, поднять свой социальный статус, самой заслужить обожание.

А это лишь усугубляло ее одиночество.

Чтобы готовить Барни ужин после долгих занятий в лаборатории и аудитории, прекрасная мисс Сян приобрела электроплитку.

Тем не менее она редко говорила о побегах бамбука и питательной ценности соевых бобов. Сюзан могла часами распространяться о традиционной китайской медицине, уходящей корнями в глубокую древность: классический трактат по терапии под названием «Нэй цзин» появился за две с лишним тысячи лет до Гиппократов.

Она также объяснила Барни принцип «Ицзин». Вся природа, сказала она, состоит из двух противоположных космических начал: инь — женское начало, мягкое, восприимчивое, темное и легкомысленное; и ян — мужское, просвещенное, волевое, созидательное и конструктивное. Инь — это земля, ян — небо. Инь символизирует холод, мрак, болезни и смерть. Ян — тепло, свет, силу, здоровье и жизнь. Если в нашем теле эти силы находятся в гармонии, оно здорово. Дисбаланс приводит к подавленному состоянию, болезни и смерти.

Еще Сюзан рассказала о мистическом феномене под названием «ци», который разграничивает жизнь и смерть.

Барни сделал глоток рисового вина, окинул девушку нежным взглядом и сказал:

— Ты так много знаешь, что могла бы уже иметь собственную практику.

Сюзан смущенно улыбнулась:

— Разве что в Китае. Но я живу здесь и должна освоить ваши методики — вообще-то очень странные. Я сегодня говорила с профессором Лубаром об акупунктуре, и он велел мне «забыть всю эту чушь, поскольку она не имеет под собой анатомического обоснования». Как же он тогда объяснит, что эта «чушь» ежегодно спасает миллионы людей?

— Не знаю, — признался Барни. — Может быть, это из-за того, что в Гарварде «ци» не изучают.

Родители Сюзан приехали в 1950 году в Сан-Франциско из Шанхая через Гонконг. Отец почти сразу нашел себе обширную практику в китайской диаспоре, где его знания уважали и не требовали предъявить диплом. Поскольку он использовал в качестве медикаментов только травы и растительные субстанции, то лицензии на право выписывать лекарства ему не требовалось.

Сюзан, старшая из трех его дочерей, унаследовала стремление отца облегчать людские страдания, но при этом хотела выбраться за пределы Грант-авеню, центра китайской колонии в Сан-Франциско. Она сначала отучилась в Беркли, откуда вышла с красным дипломом по биохимии, затем поступила в Гарвард.

Этот год ознаменовался тем, что каждый студент подхватил неизлечимую болезнь. Первой жертвой пал Ланс Мортимер.

— Барни, можно с тобой поговорить?

— Ланс, я вроде как ужинаю.

Он жестом показал соседу на свою восточную подругу, накладывающую ему еду из дымящейся кастрюльки.

— А-а, — протянул Ланс. — Прости, что отрываю тебя, но... Сюзан, ты не против, если я быстренько переговорю с Барни? Это крайне важно.

Она кивнула, и Барни с недовольным вздохом вышел в коридор, где Ланс торопливо и сбивчиво изложил свою ужасную проблему.

Барни, я болен. Что делать?

— Болен? Ты не можешь выразиться яснее?

— Как я могу выразиться яснее, если я скоро умру?

— А по мне, у тебя вполне здоровый вид, — ответил Барни, полагая, что, услышав это, Ланс успокоится и отстанет.

— А на самом деле — нет! — воскликнул Ланс. — У меня тератома яичек.

— Ты был у врача?

— Я и без него знаю. Все симптомы, какие перечислены в учебнике, у меня присутствуют. А самое главное — это то, что пик заболевания приходится на двадцать четыре года. Мне как раз на прошлой неделе стукнуло, и первый симптом я почувствовал, разрезая праздничный торт. Я все проверил. Черт! Придется, наверное, делать операцию. Если еще не поздно. Ливингстон, ты обязан мне помочь!

— Ланс, если ты просишь отсечь тебе гениталии, то этого я сделать не могу. Потребуется еще одна консультация. Ты не думал сходить к врачу?

— Господи, нет. Это так стыдно! Если уж мне суждено заболеть раком, то почему не каким-нибудь попроще? Понимаешь, завтра весь Бостон будет знать, что меня кастрировали. Если, конечно, я вообще выживу.

Хотя до лицензии на врачебную практику Барни было еще далеко, сейчас он посчитал себя достаточно компетентным.

— Так, Ланс! Ступай к себе, прими две таблетки бафферина и приложи туда холодный компресс. Так и держи.

— У меня нет бафферина. А экседрин не подойдет?

— Нет-нет! Нужен бафферин, — строго объявил Барни. — Аптека на Чарльз-стрит открыта допоздна. Гони туда и купи большой флакон. Часов в одиннадцать я к тебе загляну. Идет?

Ланс был преисполнен благодарности.

— Ливингстон, если я умру, я все свое добро оставлю тебе. А если выживу, подарю тебе одну машину.

Приятель помчался к выходу, а Барни вернулся к себе и закрыл за собой дверь.

— Извини, Сюзи, — сказал он, — но у Ланса возникла небольшая проблема со здоровьем. Пришлось помочь.

— Он приходит за помощью к тебе? — с благоговением в голосе спросила она. — Ты, наверное, очень много знаешь. Мой отец тоже...

— Благодарю за комплимент, — перебил Барни. — Все дело в том, что о болезни Ланса я читал прошлым летом. Она называется

нозофобия.

— Никогда о такой не слышала, — призналась Сюзан, испытывая еще большее преклонение перед мудростью Барни.

— Это очень распространенное явление среди студентов-медиков. Нозофобия буквально переводится как «боязнь заболеть». Причина заключается в зазубривании справочника Мерка, в котором есть все самые невообразимые болезни, когда-либо существовавшие на земле. За год, думаю, мы все в той или иной форме перенесем эту самую нозофобию. Сказать по правде, в последнее время у меня такие ощущения в грудной клетке, что я начинаю думать, не туберкулез ли это. — Он пожал плечами и продолжил: — Понимаешь, у нас на курсе настоящая эпидемия, и самое интересное то, что нет двоих с одинаковыми жалобами. Например, Лора считает, что у нее эндометриоз, что говорит о наличии у нее большего здравого смысла по сравнению с Лансом, поскольку это довольно безобидное заболевание и лечится хирургическим путем. Это на нашем потоке массовое помешательство. По сути дела, единственный, у кого есть какие-то отдаленные признаки патологии, так это Беннет. Он считает, что у него болезнь Альберта — воспаление соединительной ткани между ахиллом и пяткой. Если учесть, что он все еще хромотает после прошлогодней товарищеской игры с юристами, у него действительно может быть такое воспаление. Но так или иначе, если через неделю у меня не пройдет этот дурацкий кашель, я пойду и сделаю рентген.

Сюзан только улыбнулась.

Когда эпидемия нозофобии закончилась, студенты извлекли из пережитого свои уроки. Но этот опыт был из разряда тех, что накладывают отпечаток на всю последующую жизнь. Ведь им предстояло посвятить свою жизнь наблюдению и обнаружению болезненных симптомов в других, а они не сумели распознать признаки психического отклонения в самих себе.

Кроме того, настоящий врач редко идет за советом к коллеге. Каждый с горечью сознает, насколько мало на самом деле знает медицина.

Первым их пациентом был апельсин из Флориды (те, что растут в Калифорнии, меньше подходят на роль заменителя человеческих

тканей). Но это длилось всего один день.

После второго занятия все пожалели о том, что ни одна медицинская специальность не связана с цитрусовыми. Как смело они вонзали иглу в своих «пациентов», не ведая ни страха, ни сомнений! Как бесстрашно производили забор сока у многострадальных плодов или, наоборот, вводили под кожу воду из бостонского водопровода.

На втором занятии — отработке навыка забора крови — им следовало разбиться на пары и по очереди исполнять роли жертвы и мучителя. В этот день от обычной бравады не осталось и следа. Даже садистов и мазохистов оказалось крайне мало, ибо никому не хотелось ни мучить ближнего, ни самому подвергаться пытке.

За прошедшие месяцы студенты если еще не успели изучить друг друга досконально, то прекрасно разобрались, кто в чем силен. И сейчас все рвались работать в паре с Сетом Лазарусом. Он вполне мог объявить конкурс, где служил бы наградой победителю.

Следом шли девушки, поскольку будущие доктора-мужчины пока воспринимали их не иначе как медсестер чуть более высокого ранга — а все знали, что подобными навыками медсестры владеют в совершенстве.

Лора отвергла все призывы и позвала Барни к себе в пару. Но он не смог принять столь великодушное предложение.

— Я не могу, Кастельяно, — с сожалением сказал он. — Я боюсь даже думать, что причиню тебе боль.

— А я не боюсь причинить Лоре боль, — вызвался Беннет. И галантно спросил: — Мисс Кастельяно, не позволите ручку?

Лора улыбнулась:

— Пожалуйста. Это мой единственный шанс проверить, действительно ли у тебя голубая кровь.

Неунывающий Барни выбрал себе в напарники Хэнка Дуайера.

Когда пытка закончилась, преподаватель терапии объявил:

— У вас еще будет возможность отточить эти навыки, так что не переживайте, если не у всех и не все сразу получилось.

Как вскоре увидели будущие доктора, им предстояло в порядке тренировки выкачать друг у друга столько крови, что, знай об этом граф Дракула, он бы продал свой замок, лишь бы получить местечко на медицинском факультете.

На это Рождество домой поехало меньше половины курса. Им предстояло переварить столько информации, что, будь она съедобной, они все получили бы заворот кишок. Большинству из них Вифлеемская звезда представлялась сейчас не божественным светом, а отблеском пылающей адской сковородки.

Беннет все-таки пожертвовал драгоценным временем для занятий и поехал в Кливленд.

Он вспомнил, как Ханна впервые приготовила рождественский ужин специально для него. Как она волновалась, что приготовить и как себя вести.

— Это странно и грустно, Линк, — сказал тогда Хершель своему одиннадцатилетнему приемному сыну. — Даже до Гитлера для нас Рождество и Пасха чаще становились днями погромов. Отец всегда говорил мне: «Какая ирония! Мы-то воспринимали Иисуса как благочестивого еврейского юношу, которому были бы ненавистны деяния, совершаемые ныне Его именем».

— Папа, а это все знают? — спросил Линк.

— Все *должны* это знать, — ответил Хершель. — Но большинство людей предпочитают... не знать. Чтобы не сбиться с толку.

— Меня это точно сбивает с толку, — признался мальчик. — Я даже как следует не понимаю разницы между христианами и иудеями.

— Это оттого, что у нас очень много общего, — вмешалась Ханна. — Недаром Ветхий Завет учит «возлюбить ближнего своего, как самого себя».

— И это дословная цитата, — добавил Хершель. В юности он был очень религиозным и знал Библию почти наизусть. — Это из Книги Левит, глава девятнадцатая, стих восемнадцатый.

Постепенно расспросы мальчика, вступавшего в подростковый возраст, становились все глубже.

— Пап, если Бог такой справедливый и карает всех злых, как говорит наша мисс Хейз в воскресной школе, то почему он допустил смерть такого количества евреев? Почему он позволил, чтобы мой отец...

— Этот вопрос, — признался Хершель, — мучил и меня, еще когда я был в лагере, когда смотрел, как уводят на смерть всю мою родню, а больше всего — когда я остался жив. Я спрашивал себя:

неужели Бог подобен отцу, у которого есть любимые и нелюбимые дети?

— И ты нашел ответ?

— Ответ, мой мальчик, состоит в том, что я не считаю себя вправе задавать этот вопрос. Я даже помыслить себе не могу, как можно спросить у Бога, почему погибли мои братья. Я только должен жить дальше и оправдывать оказанную мне Господом честь.

Единственное, что осталось от его былой религиозности, была бесхитростная церемония по случаю Судного дня — Йом-Кипур. Хершель зажег свечку — одну, в память о тех, кто погиб по причине, которая была выше его понимания.

И он сказал Линку:

— Эта свеча горит и в память о твоём отце.

Мальчика это глубоко тронуло.

В заключение краткой церемонии Хершель произносил поминальную молитву — кадиш.

Мальчика завораживали звуки этого чужого, печального языка и страсть, звучащая в голосе отца при исполнении кадиша.

— Что это, папа? — робко спросил он.

— Традиционная еврейская молитва по умершим, — пояснил Хершель.

Линк задумался.

— А ты меня научишь словам?

— В этом нет нужды. Вот она, на следующей странице, по-английски. Смотри: «Да будет благословенно великое имя Его во веки вечные».

— Нет, — возразил Линк, — я хочу ее читать на языке Писания.

— Это трудно, — вмешалась Ханна, тронутая переживаниями мальчика.

— Не забывай, дорогая, — возразил Хершель, — что эту молитву всегда приводят и в латинской транскрипции, так что произнести ее может каждый, даже не зная языка.

Он открыл сидур на последней странице и протянул Линку.

— Давай-ка прочти, а я послушаю. Если что-то не поймешь, я тебе помогу.

Но Линк прочел текст без запинки:

— Йизгадад ве йискадош шмей рабох...

Тут ему захотелось узнать, что это означает.

Прочтя перевод, он опять повернулся к Хершелю с вопросом:

— А почему в молитве по усопшему не называется даже его имя?

Она вся посвящена восхвалению Господа.

— А, — вздохнул Хершель, — это оттого, что если мы будем помнить Его имя, то Он станет помнить всех остальных.

Однако взросление в такой необычной атмосфере — любви и отчуждения одновременно — нередко порождало проблемы. Особенно когда Линк настоял на том, чтобы его стали называть другим именем — таким, чтобы оно соответствовало его принадлежности к двум разным народам. Идеальным оказалось имя Бен, служившее уменьшительным от Беннета и одновременно означавшее «сын» по-еврейски.

— Пап, кто я такой на самом деле? — как-то спросил он Хершеля.

— Не понял... — удивился тот.

— Ребята в школе меня иногда спрашивают, считать ли меня евреем, раз вы с мамой оба евреи. Но тут обязательно кто-нибудь встрянет и заявит, что это невозможно, поскольку я всегда был и буду черным. От этого у меня в голове полная каша. Иногда мне хочется просто уйти к себе и закрыться от всех.

Хершель задумался. Но четкого ответа найти не смог. Наконец он ответил просто:

— Это Америка, сынок, здесь ты можешь быть тем, кем захочешь.

— Что он имел в виду? — спросил Хершель, укладываясь спать. — Небось стычки какие-нибудь были?

Ханна пожала плечами.

— Ханна, когда ты так на меня смотришь, я сразу вижу, что ты чего-то недоговариваешь.

И тогда она поделилась с ним догадками, почерпнутыми из поведения Бена и его обрывочных реплик. Она поняла, что в дело шли не только слова, но и кулаки. Что даже в такой привилегированной школе их сын столкнулся с нетерпимостью. Причем с двух сторон.

— Хуже всего то, что дело не ограничивается гоями в школе, — проворчала она. — Твой чудесный братец и его орава ничуть не лучше. Бена не приглашают ни на рождественские вечера в школе, ни на

праздники в синагоге, куда ходит твой брат. Вспомни: когда ты прошлым летом привез его к Стиву в клуб поиграть в теннис, у членов этого клуба чуть не случилась истерика. Он всюду чужой.

— А мы с тобой, позволь спросить? — сказал Хершель.

— Мы? Мы — два старика. Точнее, скоро в них превратимся. Что станет с мальчиком, когда мы умрем?

— Предлагаешь отослать его назад в Джорджию? — в шутку предложил Хершель.

— Нет, я только констатирую факт. У нас прекрасный сын. Он самый добрый, самый нежный ребенок из всех, кого я знаю.

— Но мы должны подготовить его, научить его быть сильным...

— Сильным? Для чего?

— Для того чтобы считаться не просто черным, но еще и отчасти евреем. За это сочетание с него будут спрашивать сполна.

Это было неизбежно. Жизнь Бена в семье Ландсманн превратилась в постоянное переживание холокоста. Память о холокосте витала в воздухе, даже когда само это слово не произносилось.

Однажды Бен помогал Ханне убирать со стола после ужина.

Когда она засучила рукава, чтобы мыть посуду, он заметил на ее предплечье татуировку.

— Мам, это что? — спросил он, ни о чем не подозревая.

— А, это... Мой номер, — небрежно сказала Ханна, пытаясь уйти от тягостной темы.

— Какой еще номер? — не унимался Бен.

— Ну, скажем так, — объяснила Ханна, — номер, которыми нас метили нацисты.

— Ужас какой! Почему ты не сходишь к какому-нибудь врачу, чтобы он тебе его свел?

— Нет, мой золотой. — Ханна выдавила из себя улыбку. — Я выжила и теперь всегда буду его хранить. Это мой счастливый номер.

Сет Лазарус позволил себе трехдневную передышку и уехал в Чикаго.

Он чувствовал себя достаточно уверенно по всем дисциплинам, чтобы пожертвовать несколькими баллами ради встречи с Джуди. Они договорились как можно больше времени провести вместе, но и

поприсутствовать на семейных праздничных застольях, дабы не обижать родителей.

Мистер и миссис Лазарус отнеслись к роману сына по-разному.

— Настоящая красотка, — объявил Нэт. — Кто бы мог подумать, что наш малыш Сет приведет в дом Риту Хейворт!

Рози была более сдержанна.

— Нэт, ты правда считаешь, что она для Сета подходящая пара? Ведь он такой тихий мальчик, а она — ну, я не знаю... судя по всему, из бойких. Ты видел, как она держит Сета за руку? Не стеснясь его матери! Мне просто кажется, что эта девочка для него чересчур шустра.

— Рози, ему уже двадцать второй год. И он собирается стать врачом. Дай ему самому выслушать собственное сердце!

— Так ты, стало быть, со мной не согласен?

— В этом вопросе я с тобой абсолютно не согласен!

В семье Джуди было куда больше единодушия. Оценив ухажера дочери, Саймон Гордон произнес свой вердикт, воспользовавшись профессиональной метафорой:

— Это, несомненно, все двадцать четыре карата!

— Эй, не гони лошадей, он еще даже не заикался о предложении!

— Не волнуйся, по этой части проблем не будет. Если он не сделает ей предложение, наша дочь возьмет инициативу на себя.

У дверей лавки Лазаруса Сет и Джуди долго и страстно обнимались.

— На завтра я снял номер в «Сонесте». Ты твердо решила? — прошептал Сет.

Джуди ответила таким же жарким шепотом:

— Жаль, что не на сегодня. И на завтра тоже. Может, поедем туда прямо с утра?

— Конечно, давай! Родителям скажу, что лечу утренним рейсом.

— Самым ранним, Сет! Пожалуйста.

На другой день она уже в девять часов заехала за ним. Лицо ее светилось радостью. Сет загрузил свой скромный чемоданчик в

багажник, оба помахали рукой его родителям и отъехали в направлении аэропорта О'Хара.

Даже по меркам мотелей было еще очень рано. Клерк за стойкой принялся извиняться:

— На имя мистера и миссис Швейцер? Да, номер для вас забронирован, но мы вас ждали только к обеду.

— Самолет прилетел раньше расписания, — выпалила Джуди. — Попутный ветер, понимаете ли.

— А-а, — протянул портье с бесстрастностью, выработанной годами службы. — Что ж, горничные сейчас убирают номер двести девять. Если вам не сложно будет немного обождать...

— Отлично, — пробасил Сет. (Почему-то он считал, что будущему лауреату Нобелевской премии надлежит выработать голос посолоиднее.) — А багаж, если можно, отнесем туда прямо сейчас.

Они стояли в коридоре, с нетерпением ожидая, пока две неторопливые горничные закончат перестилать постели.

Сию секунду, ребятки, — сказала одна с понимающей усмешкой. — Вы новобрачные или как?

— А что, заметно? — спросил Сет смущенно.

— Это всегда заметно, — ответила девица со знанием дела. — Если приезжают ребята, не вымотанные перелетом, — значит, новобрачные. Не беспокойтесь, мы мигом. Только не забудьте повесить на дверь табличку «Не беспокоить».

Сет немного нервничал, но страха не было. Он уже говорил Джуди, что это будет его первый сексуальный опыт. А она с такой же откровенностью поведала о своем «опыте». Молодой ординатор, с которым она встречалась в прошлом году, убедил ее в своей «немеркнущей любви». Роман продлился ровно столько, сколько его стажировка в госпитале, после чего он прислал ей из Техаса прощальное письмо.

— Не волнуйся, — прошептала она сейчас, — все произойдет само собой.

— Я не волнуюсь, — ответил Сет, — И вообще, я прочел «Любовь без страха».

— Если честно, Сет, ни в одной книге тебе не напишут, насколько это на самом деле прекрасно.

— То есть с тем парнем тебе было так хорошо?

Она помотала головой.

— Нет, любовь моя. Но я уверена, с тобой мне будет просто замечательно.

Пообедать они спустились в кафе. Сет проглотил два багета и огромный кусок лимонного торта с безе.

Примерно в середине трапезы он впал в задумчивость.

— Что-то не так? — забеспокоилась Джуди.

Он кивнул:

— Джуди, мы можем немного прокатиться?

— Конечно. А куда?

— Сама увидишь.

Они сели в машину, Сет развернул карту и показал ей направление к западу от города. Через полчаса они добрались до узкого проселка.

— Сет, мы в какой-то глуши! К чему эти загадки?

— Джуди, я хочу показать тебе одного человека, — ответил он с поразившей ее грустью. — Это мой брат.

— Я и не знала, что у тебя есть...

— Да, — оборвал он, — я стараюсь о нем поменьше думать.

В полном недоумении она двигалась дальше, следуя его указаниям.

Наконец они сделали последний поворот, и Сет объявил:

— Если мы хотим стать друг другу близкими людьми, ты должна знать все, что касается моей семьи.

Они поставили машину во дворе детского приюта Святого Иосифа, и навстречу им вышла розовощекая монашка лет шестидесяти с небольшим.

— С Рождеством, Сет! — тепло поздравила она. — Я знаю, тебе не терпится повидаться с Говардом. Идем скорее!

Парочка проследовала за ней по коридору.

— Он будет счастлив, что вы приехали, — сказала монашка, уходя, и добавила: — Если понадобится, я буду внизу, в игровой.

Сет подождал, пока они останутся одни, и сказал Джуди:

— Надеюсь, это тебя не очень расстроит. Но если ты не познакомишься с Говардом, ты никогда до конца меня не поймешь.

В крошечной комнате на кровати лежал человек — или очень большой мальчик? — на котором было что-то вроде детского подгузника. Назвать его худым значило не сказать ничего. Он был настоящим дистрофиком, сквозь тонкую, светящуюся кожу виднелась каждая косточка. Живое воплощение смерти. Он лежал на спине, ворочая головой из стороны в сторону. Взгляд не фокусировался, подбородка капала слюна.

При всем своем профессиональном опыте, Джуди внутренне содрогнулась.

— Привет, Говард, — ласково произнес Сет.

Мальчик даже не повернулся.

— Он слышит? — спросила Джуди как можно спокойнее.

— Думаю, слышит. Только слов не понимает.

Повисла тишина, если не считать издаваемого Говардом агуканья.

— Почему он такой худой? — спросила Джуди. — Если он не может глотать, ему могли бы вводить физраствор внутривенно.

— Нет, это делается специально, — объяснил Сет, пытаясь говорить бесстрастно, как подобает медику. — Они держат его в таком весе, чтобы сестры могли его поднимать вдвоем... Ну, когда им надо проделать с ним все, что полагается, — перестелить постель, побрить...

— А подгузник?

— Ему двадцать пять лет, но без подгузников он не может. — Сет покачал головой. — И в таком состоянии он уже больше двадцати лет. Родителям пришлось приложить усилия, чтобы поместить его в частный приют. В государственном заведении он уже давно бы умер, что, возможно, было бы и к лучшему.

В комнате вновь воцарилась тишина, если не считать возни Говарда. Они постояли еще несколько минут. Джуди не могла бы определить выражение, с каким Сет смотрел на старшего брата. Наконец он сказал:

— Говард, я рад был с тобой повидаться. Береги себя.

На обратном пути оба молчали. Сет гадал, о чем думает Джуди. Та пыталась понять, зачем он ее туда возил.

Наконец Джуди спросила:

— Ты боишься, что это что-то наследственное?

Он покачал головой:

— Это не наследственное. Он в четыре года попал в аварию. Ударился головой о приборную доску.

Она помолчала, переваривая информацию.

— А ты где в этот момент был?

— В надежном месте. У мамы в животе.

— А-а, — сказала она, давая понять, что наконец-то все поняла. — Так тебя мучает комплекс вины?

Настала минутная пауза, после чего Сет очень тихо произнес:

— Да. Это ненормально, но я ничего не могу с собой поделать. Я чувствую себя виноватым за то, что живу и двигаюсь в реальном мире, а он пожизненно заперт в этой палате. А родители своим отношением ко мне еще все усугубляют! Не поверишь, но бывали времена, когда мне хотелось поменяться местами с Говардом!

Он зарылся лицом в ладони, тщетно пытаясь отогнать образ брата.

Так и не поднимая на нее глаз, он продолжал:

— А самое смешное знаешь что? Этот парень крепче меня. У меня в детстве была астма, а у несчастного Говарда здоровье хоть куда. Он меня еще переживет.

— Я бы не сказала, что он вообще живет. Он не страдает физически?

— Вообще-то этого никто не знает, — ответил Сет. — Доктора убедили родителей, что он ничего не чувствует. Но мне непонятно, откуда у них эта уверенность, ведь сказать он ничего не может! А понятие гуманности, существующее в этом заведении, меня просто доканывает. Два года назад у него была пневмония, а тетрациклин тогда еще только-только появлялся. Зачем, спрашивается, было из кожи вон лезть и раздобывать редкое лекарство, чтобы только продлить бедняге... существование?

— Это неправильно, — согласилась Джуди. — И, между нами, в моем собственном отделении подобное происходит изо дня в день. Разница в том, что там мы *знаем*, что больные страдают, но врачи пробуют то один новый препарат, то другой. Для них пациенты — как подопытные морские свинки.

— Так ты, наверное, видела и случаи, подобные Говарду?

Она замялась, но сделала над собой усилие и произнесла:

— Нет. Такого тяжелого случая я еще не видела. И похоже, что конец этому будет не скоро.

Сет печально кивнул и подумал, хватит ли у него духа поведать ей свою тайну.

Что однажды он положит конец страданиям Говарда.

В 1959 году студенты, разъезжающиеся на рождественские каникулы, и не подозревали, какой знаменательный год ожидает их впереди. Они знали только то, что их ждет освобождение от лабораторной рутины.

Они еще не догадывались, что в 1960 году Америка увидит сидячие забастовки на Юге против расовой сегрегации. Что с легкой руки (или ноги) Чабби Чеккера твист захватит всю страну, а Израиль захватит Адольфа Эйхмана.

Что в этом году профессор Теодор Мейман создаст первый в истории прибор на основе эффекта «усиления света в результате вынужденного излучения», получивший название лазера^[25].

Что в ноябре на выборах победит молодой Джон Фицджеральд Кеннеди.

И пожалуй, самое важное для их повседневной жизни — в продаже появятся первые противозачаточные таблетки.

Курс назывался «Физические методы исследования в диагностике» и ставил целью научить студентов, до сих пор имевших дело только с трупами, пробирками и собаками, обращаться с больными.

Профессор Дерек Шоу внушал им, что необходимо обследовать каждую сферу физиологической деятельности, не упуская ни одной системы организма, ни одного сосуда, ни одной железы или органа. И снабдил их ценным советом: «Большинство ваших пациентов будут плохо понимать медицинские термины для обозначения таких функций, как мочеиспускание, дефекация или половой акт. Поэтому, если вы станете формулировать свои вопросы строго научно, больной вас не поймет. Поэтому вам пригодится более простая, а то и вульгарная терминология, если вы понимаете, о чем я говорю».

«Да, профессор Шоу, — разом подумал весь курс, — мы понимаем, о чем вы говорите. Значит, проверив больному органы дыхания и установив, нет ли каких отклонений со стороны сердечно-сосудистой системы, желудка, почек, желез внутренней секреции и нервной системы, а также не значатся ли в анамнезе психические

нарушения, мы должны будем спросить, не возникает ли у него проблем, когда он писает и трахается».

— Не забудьте, — вещал профессор Шоу, — в медицинском исследовании нет такой аппаратуры, будь то рентген или даже микроскоп, которая могла бы заменить человеческое восприятие. Главными инструментами диагностики всегда есть и будут глаза, уши, нос (некоторые бактерии имеют характерный запах) и руки. И помните: в тот момент, как вы коснулись своего пациента, он уже считает, что вы его лечите.

Организм есть симфония звуков. Если все отлажено, то он издает красивую, гармоничную мелодию, если нет — подает сигнал о том, что какой-то инструмент в оркестре играет не в лад. Итак, освоение диагностики мы с вами начнем с того, что научимся определять разницу между самыми разнообразными звуками, различимыми только хорошо настроенным ухом.

После внушительного количества музыкальных метафор Шоу перешел к описанию пальпации четырех секторов брюшины.

Профессор резонно полагал, что самыми подходящими объектами для первого взаимного обследования будут сами студенты. Но его предложение было встречено в штыки. Не девушками. Их было четыре, так что они удобно делились на две пары «больных» и «докторов». Ради соблюдения приличий им предоставили соседнюю комнату, где они могли упражняться, не искушая мужское большинство.

Молодые люди в первый момент воспротивились процедуре взаимного ощупывания. Делать друг другу уколы — это одно. Пусть больно, но это всего лишь прокалывание кожи, а исследование внутренних органов — совсем другое дело.

Ну кому захочется давать шупать свою простату Питеру Уайману? Или шарить по мошонке?

Профессор Шоу был привычен к массовому недовольству, но не в таких масштабах.

Сначала послышался ропот, в котором быстро стали различаться возгласы: «Ни за что! Никто не прикаснется к моей заднице!» А затем и: «Пошел ты к черту, Шоу!» Когда же профессор заметил, что студенты начинают потихоньку просачиваться в коридор, он понял, что имеет дело с полномасштабным мятежом, и решил сменить задание.

— Так. По-видимому, мы не сможем проделать это всё на одном занятии, — заявил он, стараясь не выдать своей растерянности, — поэтому предлагаю на сегодня ограничиться знакомством со звуками сердца. Различные шумы, вибрация, фибрилляция.

Чтобы окончательно вернуть аудиторию под свой контроль, профессор решил сразу пообещать и лакомый кусочек на будущее.

— Поскольку речь порой действительно идет о жизни и смерти, — изрек он с каменным лицом, — ни один курс такого рода не может обойтись без влагалищного исследования. Разумеется, для этого упражнения нам придется пригласить пациентов... более опытных. А пока давайте послушаем сердце и научимся понимать его музыку.

Аудитория стихла: сорок восемь стетоскопов приникли к сорока восьми грудным клеткам.

Даже у Лоры не хватило душевных сил провести Рождество в одиночестве. Тремя часами раньше она распрощалась с Барни и Сюзан, которые отправились на машине Ланса в загородный домик в Вермонте, где на них всю неделю будет сыпать снег.

Сидя в пустом буфете и давясь остывшей индейкой, по вкусу напоминавшей развешанные в витринах пластмассовые муляжи, она почувствовала себя такой несчастной, что решила все-таки ехать домой — невзирая на то, что прошлое Рождество оказалось для нее столь тягостным.

Однако, бредя по слякотному тротуару Линкольн-плейс, Лора осознала, насколько чужими стали для нее места ее детства.

Даже дом Ливингстонов с тоской глядел пустыми черными окнами на красную с зеленым вывеску: «ПРОДАЕТСЯ» — свое единственное праздничное украшение: Уоррен и Эстел уехали на Рождество в Майами.

На родное крыльцо она поднималась с замиранием сердца. И была ошеломлена, когда ее встретили теплыми объятиями. И мама, и Луис широко улыбались, излучая безмятежность.

За ужином стала ясна причина: у Кастельяно был необычный гость — красивый священник-кубинец, отец Франсиско Хавьер. Он прочел по-латыни рождественскую молитву и благословил присутствующих.

— Но ты, мне кажется... староват, чтобы играть в Че Гевару.

Революция свершилась! — с жаром воскликнул Луис. — Настало время строить новое общество.

Отец Франсиско Хавьер склонил голову, словно в молитве, а лицо матери превратилось в безжизненную маску.

Лора спросила, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Это серьезно? Он вправду собирается ехать?

— Собираюсь, querida, — со спокойной решимостью ответил Луис.

— А мама?

За Инес ответил ее духовник:

— У вашей матери другие планы. Она, если можно так выразиться, вольется в лоно церкви.

Окончательно сбита с толку, Лора повернулась к матери.

— Ты хочешь сказать, что уйдешь в монастырь?

— Нет, Лаурита, — кротко ответила Инес. — Я буду петь в хоре. Una legia.

— Это что-то вроде монахини, только без пострига, — пояснил пастор.

— Спасибо, я понимаю по-испански, — огрызнулась Лора.

— Успокойся, — упрекнула Инес. — Отец Франсиско лично нашел для меня монастырь в северной части штата Нью-Йорк, где требуются помощники со знанием испанского языка, чтобы навещать больных и улаживать конфликты в семьях.

Лора с трудом сдержалась, чтобы не крикнуть: «А как же наша семья? О ней что, можно забыть?»

— Я буду заниматься богоугодным делом, — продолжала Инес. — Это поможет мне искупить свои грехи.

Более подробной информации Лору пока не удостоили. Она взглянула на отца и увидела в его глазах поражение. Она вдруг испугалась, ее пронзила боль одиночества.

Но к кому она могла прийти с этой болью? Луис и Инес, судя по всему, отреклись от своих родительских обязанностей.

Тут священник поднялся и стал прощаться: он должен был спозаранку служить мессе. Инес тоже встала, чтобы проводить его до дверей.

Buenas noches^[26], — попрощался он.

— Осторожнее в темноте, святой отец, — напутствовала Инес.

— Со мной Бог, мне не страшно, — ответил тот и вышел в ночь.

Луис не удержался и сардонически шепнул:

— Будем надеяться, что это так и есть. Потому что три месяца назад Господь явно забыл за ним присмотреть: его тогда так отделали, что мне пришлось наложить ему на лицо пять швов.

Теперь, когда гость удалился, Лора хотела получить у матери хоть какие-то объяснения, но Инес исчезла. «Неужели у нее нет даже желания со мной поговорить?»

— Мама рано поднимается к себе, — стал оправдываться отец. — Она молится, а потом ложится спать. Идем ко мне в кабинет и пропустим по стаканчику, дочка. — Он быстро добавил: — Я имею в виду кока-колу или еще что-нибудь легкое.

Лора кивнула и последовала за отцом в его убежище. Порядок в кабинете поразил ее. Книги и журналы, прежде валявшиеся где попало, были аккуратно расставлены по полкам. Заметив удивление дочери, Луис объяснил:

— Эстел научила меня, как составить каталог книг и журналов. Тогда их будет намного легче паковать. Ты что будешь? Коку, имбирный эль или содовую?

— Мне все равно, — безразлично ответила она. Луис откупорил бутылку «Канада драй», налил стакан и протянул дочери.

— Присядь. Что ты как чужая?

— Я и чувствую себя чужой, — с горечью сказала Лора. — Что за чертовщина происходит у нас в доме?

Луис сел за стол, отодвинул кресло подальше и закурил сигару.

— Ты почти все слышала за ужином. Я еду на Кубу...

— Надолго?

— Я еду на Кубу, чтобы там жить. То есть навсегда, — уточнил отец. — Ты ведь знаешь, больше всего я мечтаю вернуться в свободную Испанию. Но кто знает, доживу ли я до того часа, когда Франко окочурится? Я восхищаюсь Фиделем, а Че Гевара — настоящий интеллектуал, все идеи у него правильные. Кроме того, в наше время в Америке врачу приходится больше времени тратить на бумажную волокиту со страховкой, чем на пациентов. На Кубе медицина свободная, и я смогу лечить всякого, кто будет во мне нуждаться.

Он замолчал, и Лора спросила:

— И ты оставишь маму в этом... монастыре?

Он воздел руки в жесте бессилия и ответил:

— Лаурита, она сама так решила.

Отец подался вперед и оперся всем телом на стол.

— Когда-то давно мы с твоей мамой были мужем и женой, — начал он. — Мужем и женой во всех смыслах. У нас были общие идеалы, общая вера, общие представления о том, как нам следует растить детей. Ты вообразить себе не можешь, через какой ад мы прошли на заре нашей совместной жизни. Она едва оправилась от пулевых ранений, когда появилась на свет ты и одарила нас радостью. Это было для нас как компенсация за то, что нам пришлось оставить страну, которую мы так любили. Потом это случилось с Исабель...

Он помолчал и тяжело вздохнул.

— Это оказалось ударом, сломившим твою мать. Буквально поставившим ее на колени. Это не метафора, можешь мне поверить. Она вечно пропадала в церкви — молилась. Мы совсем перестали разговаривать — я имею в виду, разговаривать о вещах серьезных. Между нами не было ненависти или раздора, зато у нас было кое-что похуже — стена молчания. Брак, в котором прежде было все, вдруг оказался пустышкой... И мы стали жить как чужие. Она говорила только с Богом. Меня она фактически предоставила самому себе. Я начал пить, и много. Да-да, я знаю, ты это тоже видела. Но, дочка, у меня больше не осталось во что верить...

Лора была обижена. «А разве я не могла бы послужить утешением вам обоим?»

— А потом появился Фидель. Я увидел в нем свой последний шанс прожить свою жизнь как *verdadero hombre*^[27]. Приносить пользу людям. Можешь ты это понять?

Она только кивнула.

— Когда я получил положительный ответ из Министерства здравоохранения Кубы, я все свои бутылки отнес в гараж и с тех пор не брал в рот даже хереса. У меня снова появилась цель...

Лора сидела, глядя в никуда, и пыталась осмыслить все, что услышала за сегодняшний вечер.

— Так вы... расстаетесь?

— Мне очень жаль, *querida*. Это итог многих лет. Но я почему-то считал, что ты и сама видишь, к чему все идет.

— А как ты планировал поставить меня в известность? Черкнуть открыточку из Гаваны?

В ее голосе слышалось не только возмущение, но и обида.

— Все окончательно решилось только на днях, — стал оправдываться Луис. — А кроме того, единственное, в чем мы с твоей мамой согласны, так это в том, что ты у нас достаточно сильная и способна сама о себе позаботиться. Ты всегда была сильной.

Лора не знала, как реагировать. Интересно, когда отец предавался своим мечтаниям и строил грандиозные планы, подумал ли он хоть раз о том, когда и как они снова увидятся? Если увидятся вообще.

Она не знала, кричать ли ей от злости или покориться, но неожиданно для себя самой она всхлипнула. Луис мигом подскочил и обнял ее за плечи.

— Лаурита, пожалуйста, прости меня! Я знаю, я виноват. Понимаешь, я боялся тебе сказать.

— Зачем вы это делаете? — сквозь слезы спросила она. — С чего вы оба взяли, что, раз я выросла, мне не нужны родители?

— Querida — успокаивал он шепотом, — ты скоро выйдешь замуж. Ты сама станешь мамой. И будешь со всем своим семейством навещать папасито на пляжах Верадеро.

Лора встала и крикнула:

— А с чего ты так уверен, что я вообще выйду замуж?

— Но твой Палмер такой чудесный человек...

— Вот и выходи за него сам! — крикнула она. — Доктор Кагельяно, я больше чем уверена, будь я тебе *сыном*, ты не стал бы так поступать!

— Это несправедливо, — отбивался отец.

— Ты прав, черт тебя побери! Это несправедливо! Черт с тобой, читай своего Маркса с Энгельсом, а я пошла спать. Завтра первым же поездом я уеду, так что завтракайте без меня. И скажи моей матери, пусть не ждет от меня писем.

Лора направилась к двери, но в последний момент обернулась и сказала:

— Можете сделать мне одолжение и отправить мои шмотки в Вандербилт-холл.

И вышла, хлопнув дверью.

Луис Кастельяно стоял как громом пораженный. Неужели он потерял обеих дочерей?

Когда Лора наконец дотащилась до общежития, там было холодно и пусто, как в гробнице. Ей навстречу вышел один-единственный человек, чудака, оставшийся в общежитии в такую ночь.

— Привет, Лора. Удивлен, что ты здесь.

— Я и сама себе удивляюсь.

— Может, поужинаем вместе? По случаю Рождества?

— С удовольствием. Куда предложишь пойти?

— Может, по пицце?

— Давай. Мне все равно. Только подожди чуть-чуть, я отнесу вещи к себе.

Через пятнадцать минут она брела сквозь пургу к пиццерии «У Джакопо» с любимцем курса Питером Уайманом.

Барни изо всех сил продлевал себе удовольствие. В результате они с Сюзи уехали из Нью-Гемпшира после ужина в последний день каникул, а потому добрались до Вандербилт-холла лишь к полуночи.

После прощального поцелуя они разошлись по комнатам, чтобы впервые за десять дней лечь спать порознь. По дороге к себе Барни залез в забитый почтовый ящик. Счета, несколько рождественских открыток и конверт от некоего Эстерхази из морга города Нью-Йорка.

«Черт! Меня что, приглашают на опознание тела?» Он нетерпеливо разорвал конверт.

Дорогой Барни.

Теперь я знаю жизнь. Что на самом деле происходит в психушке? Тебя там не лечат (этого слова даже отпетые психиатры вслух не говорят), а как актер, заучивающий роль, тыходишь в образ «нормального» человека. И когда наконец начинаешь играть эту роль должным образом, все так радуются, что отсылают тебя назад в мир, а на твою койку кладут очередного несчастного.

По ходу дела доктор Каннингем оказался действительно славным малым, особенно когда перестал отвечать на звонки моего папаши. Он помог мне многое для себя понять.

Я по-прежнему хочу выучиться на врача, но не в Гарварде. Никогда не слышал, чтобы больной спрашивал у врача, где он получил диплом.

Разве Зигмунд Фрейд знал биохимию?

Во всяком случае, как ты можешь судить по этому бланку, я поборол свою невротическую боязнь покойнических потрохов самым радикальным образом. В глубине души мне по-прежнему страшно, но теперь я, по крайней мере, могу с этим справиться. Что и составляет суть игры, как я узнал от доктора Каннингема.

С другой стороны, я избавился от комплекса вины за то, что ненавижу своего отца. Он это заслужил.

На данный момент он не только не знает, где я нахожусь, но и не имеет понятия, кто я такой, поскольку я взял родовую фамилию матери — Эстерхази. Которую, я уверен, он старательно предал забвению.

Если ты еще читаешь это скучное послание, я, пожалуй, добавлю, что всегда буду помнить тебя с братской любовью и никогда не забуду, как ты был добр ко мне, когда я больше всего в этом нуждался.

Желаю тебе счастливого Рождества и надеюсь, что ты уже женился на потрясающей Лоре Кастельяно.

*Твой Мори Эстерхази
(урожденный Истман).*

«Ого, — подумал Барни. — Да благословит, нас всех Господь!»
Слава богу, они не вытравили из Мори интерес к жизни.

Да, наступивший год обещает быть необыкновенным, особенно если письмо, которое Барни собирался написать, вызовет благосклонную реакцию.

Он достал ручку и бумагу, и тут ему показалось, что в коридоре звонит телефон. «Не важно, мне некому звонить». Потом к нему постучали, и Ланс Мортимер сонным и слегка раздраженным голосом объявил:

— К телефону, Ливингстон! Твои подружки когда-нибудь спят?

Барни отложил ручку и бросился к трубке. «Крошка Сюзи... Уже соскучилась». Он выхватил у Ланса трубку и выпалил:

— Привет, малыш.

Голос в трубке звучал робко и смущенно.

— Барни, извини, что я беспокою тебя посреди ночи...

Это была Лора.

— Вообще-то, — продолжала она, — я тебе уже полтора часа пытаюсь дозвониться. Надеюсь, я тебя не разбудила?

— Все в порядке, Кастельяно. Что случилось?

— Ничего сверхъестественного. Просто весь мой мир распадается на куски, но думаю, с этим можно подождать до утра.

— Не пойдет. Встретимся прямо сейчас в вестибюле.

— Ты уверен, что тебе это удобно? — с тоской спросила она.

— Не будь идиоткой! Считай, что я уже там.

Барни повесил трубку и вернулся к себе. Завязывая шнурки на кроссовках, неожиданно вспомнил о письме.

Он подошел к столу и посмотрел на листок.

Дорогая Сюзан!

Я должен задать тебе два вопроса:

1. Ты будешь моей избранницей в День святого Валентина?

2. Ты согласна выйти за меня замуж?

Может, подписать и по пути забросить ей в ящик?

Нет, момент неподходящий. Он взял листок, скатал из него шарик и метким броском отправил в корзину. И пошел на встречу с Лорой.

— Кастельяно, ты уверена, что не принимала ЛСД?

В такой час они в вестибюле были вдвоем, и их шепот эхом отдавался под сводчатым потолком.

— Поверь мне, Барни, лучше бы приняла. Я бы сейчас больше всего хотела отключиться от действительности, о которой я тебе поведала. Сам подумай: мыслимое ли дело — мать уходит в монашки?

— Ну, ведь она не совсем принимает постриг. Ты же говоришь, она будет чем-то вроде монахини в миру?

— Да какая разница! Суть в том, что вся моя семья внезапно прекратила свое существование. Я стану первой в мире сиротой при двух живых родителях. — Ее отчаяние было очевидным. Как хорошо он ее понимает! Барни и сам с ужасом ждал надвигающегося расставания с родным домом, в котором прошли его детство и юность. Но он мог утешаться тем, что родные не покидают его. Лоре же совсем некуда податься, единственным ее домом теперь была комнатенка в общежитии.

— Лора, — тихо сказал он, — послушай меня. Во-первых, монастырь твоей матери всего в нескольких часах езды отсюда. Да и до Кубы каких-то девяносто миль, если считать от берегов Флориды. Если как следует потренируешься, сможешь вплавь добраться...

Лора представила себе, как она барахтается в океанских волнах, и на миг улыбнулась.

Во всяком случае, — продолжал Барни со спокойной решимостью, — не забывай: у тебя всегда есть я. И у тебя всегда будет дом, куда ты сможешь приехать. Эстел только что купила огромную квартиру в Майами.

Она уронила голову и всхлипнула.

— Слушай меня, старушка. Сейчас я возьму на себя роль родителя и скажу тебе, что делать. Ты сейчас пойдешь к себе, выпьешь стакан теплого молока и ляжешь спать. Поняла?

Она кивнула и встала. Барни тоже поднялся. С минуту они молча стояли лицом к лицу, в каких-то нескольких сантиметрах друг от друга.

— Господи, Барни, — доверчиво прошептала Лора, — что бы я без тебя делала?

— Кастельяно, уверяю тебя, без меня ты никогда не останешься.

Накануне предстоящего практического занятия почти никто из студентов не спал. Каждый гадал, а порой и спрашивал соседа: «Ну что тут может быть страшного?»

— В конце-то концов, — рассуждал Барни, — почему мы ведем себя так, будто нас ожидает нечто неизведанное. Влагалище есть та часть женского организма, с которой мы знакомы и снаружи, и изнутри. Так что в каком-то смысле на это надо смотреть как на возвращение домой.

— Бред собачий! — возразил Беннет, раздавая честной компании по бутылке пива.

Ребята собрались у него в комнате, чтобы поделиться своими треволениями, а отчасти в надежде их побороть. Завтра их ожидало первое обследование органов таза.

— Во-во, — поддержал Ланс. — И почему бы тебе, Ливингстон, не признаться, что ты тоже боишься? Нам всем страшно.

— А я не говорю, что мне не страшно. Я только хотел помочь нам всем успокоиться. И кстати, почему бы нам не прислушаться к опытному человеку?

Он показал на Скипа Эльзаса, своего давнишнего партнера по баскетболу, ныне — четверокурсника, а следовательно, человека, уже проходившего подобное испытание.

— Ну-ка, Эльзас, рассказывай! — потребовал Беннет.

— Если быть откровенным, ребята, — начал тот, — то обследование органов таза — это страшная штука. Пострашнее всего остального. Не важно, какой у вас сексуальный опыт: вы же никогда не светили лампой в это самое место с расстояния в несколько дюймов и уж тем более не изучали его с клинической точки зрения. Кроме того, если вы станете действовать наугад, то можете причинить женщине жуткую боль. Первым делом не забудьте прогреть зеркало. Вам бы понравилось, если бы кто-то втыкал вам в какое-нибудь отверстие ледяные железяки?

Вскинулась рука.

— А смазку использовать можно? — поинтересовался Хэнк Дуайер.

— Нет-нет! Первым делом вы должны будете взять цитологический мазок на анализ. Да, и еще произвести посев на гонорею.

— Ты хочешь сказать, что мы полезем носом прямо в рассадник венерических заболеваний? — возмутился Ланс.

— Ну, про нос, кажется, речи не было, — усмехнулся Скип.

По комнате пронесся нервный смешок.

— Так вот, — продолжал он, — когда введете зеркало, то, если правильно будете его держать, увидите шейку матки, она похожа на большой розовый глаз. После этого возьмете свои мазки и деликатно удалитесь.

Раздался коллективный вздох облегчения.

— Погодите! — предостерег Скип, воздевая руки, как полицейский, останавливающий движение. — Это только полдела. Теперь вам предстоит провести бимануальное обследование. Для этого два пальца вводите во влагалище, что, наверное, некоторым из вас знакомо.

Он подождал смеха, но его не последовало.

— Ладно. Вторую руку кладете на живот и пытаетесь определить размер и состояние матки — в нормальном состоянии она на ощупь напоминает лимон. Главное — делать вид, что вы действуете осознанно. Вся процедура займет не больше пяти минут. Да, и еще одно. Вам надо максимально сдерживать свои эмоции, поскольку, верьте или нет, поначалу это действует... возбуждающе.

После небольшой паузы он спросил:

— Вопросы будут?

Хэнк Дуайер с безумным видом поднял руку.

— Слушаю, — сказал Скип.

— Ты сказал, что шейка матки розовая, так?

Тот кивнул.

— Хм... — замялся Хэнк, — Я тут немного попрактиковался... с женой.

— И? В чем проблема?

— Понимаешь, я видел нечто совсем иное, чем ты говоришь. У моей жены шейка, по-моему, синяя. Может, она больна?

— Так, — ответил эксперт, — я вижу, ты плохо читал учебник, старина! Это называется «симптом Чедвика».

— Это опасно? — помертвел Хэнк.

— Как сказать... — ответил Эльзас. — Это зависит от тебя и жены. Синяя окраска шейки — признак беременности.

На что несостоявшийся служитель церкви возопил:

— Черт побери!

Убийца нанес новый удар. Спустя год после первого визита он (или она?) опять посреди ночи заявился в вольер с подопытными собаками и умертвил шесть экземпляров. Деканат хотел вызвать полицию, но декан Холмс решил этого не делать. Общество защиты животных и так давно выступает против опытов над животными, и этот злополучный инцидент только даст им новый козырь.

— Полагаю, лучше всего сейчас будет предать усыпленных собак земле, — предложил он на экстренном совещании с профессором Ллойдом Крукшанком и его лаборантами. — Эту загадку нам надо решить своими силами, не вынося сор из избы. Есть у кого-нибудь версии? Нам известно, что убийца использовал большие дозы обычного обезболивающего. Но не усматривается ли в его поведении какой-нибудь логики? Например, он убивает только крупных или, наоборот, только мелких собак...

Один из лаборантов, Майк, поднял руку:

— Я заметил, что все собаки были порядком изуродованы, сэр.

— Не понял?

— Известно, что одни студенты работают скальпелем ловко, другие — нет. Не очень умелые могут распороть собаке все брюхо.

— И причинить боль? — догадался декан.

— Ну, они, конечно, все под наркозом, но в конце некоторые собаки действительно страдают.

— Я понял тебя, Кортни, — обратился профессор Крукшанк к декану. — Ты думаешь, мы имеем дело со своеобразным убийцей из милосердия?

— Думаю, все улики говорят об этом.

Профессор Крукшанк продолжил:

— Началось это в прошлом году, стало быть, мы можем сказать, что, скорее всего, это делает кто-то из нынешних второкурсников.

— А в прошлом году никто из вас не заметил каких-нибудь чудаков или фанатичных альтруистов? Обычно такие дают о себе знать какой-нибудь проповедью о жестокости по отношению к животным.

Крукшанк с помощниками опять призадумались. Наконец Майк припомнил:

— В прошлом году, на следующий день после такого же инцидента, этот черный парень, можно сказать, протестовал против того, чтобы профессор Крукшанк брал новых животных ради одного последнего занятия.

— Беннет Ландсманн, — подсказал декан.

— Так точно, сэръ, кажется, его так зовут.

— Если он и есть наш злоумышленник, боюсь, нам придется это дело замять.

— Перестань, Кортни! — возмутился Крукшанк. — Только потому, что он — негр...

— Я этих слов не слышал, — строго отрезал декан Холмс. — А теперь, доктор Крукшанк, могу я поговорить с вами наедине?

Профессор сделал знак своим сотрудникам, и те быстро удалились.

После этого Крукшанк обрушился на декана:

— Что еще за тайны мадридского двора?

— Насколько я понимаю, Ллойд, фамилия Ландсманн тебе ничего не говорит. Ты «Уолл-стрит джорнел» что, не читаешь?

— Читаю, конечно.

— Тогда ты должен был читать о том, что компания «Федерейтед клозинг» только что купила «Ройял лезеркрафт», целиком принадлежащую господину Хершелю Ландсманну. За двадцать восемь миллионов долларов...

— И?

— По этому случаю и в благодарность за то, что его сын получает университетское образование, мистер Ландсманн пожертвовал на наши нужды миллион долларов. При условии соблюдения анонимности.

Крукшанк присвистнул:

— Бог ты мой! А ты с парнем-то знаком?

— Да, немного. Производит впечатление добропорядочного господина. На преступника не похож. Я не удивлюсь, если

нарушителем окажется не он.

— В таком случае надо признать, что мы вернулись на нулевую отметку и имеем дело с рыщущим по коридорам маньяком.

— Давай не увлекаться, Ллойд, он всего лишь умертвил нескольких собачек.

— Пока, Кортни. Пока, — предостерег Крукшанк.

Кучка студентов стояла у дверей гинекологического кабинета. В плохо подобранных белых халатах всем было неуютно. К тому же они чувствовали себя обманщиками, поскольку изображали из себя экспертов в области, где являлись не более чем туристами, причем без визы.

Появилась Грета Андерсен. Она излучала удовлетворение.

— Ну и как? — нервно спросил кто-то.

— Никаких проблем. Пациентка была счастлива увидеть перед собой женщину, которой хотя бы знакомы ее ощущения.

Она покачивающейся походкой удалилась, оставив кое-кого гадать, каково было бы обследовать на гинекологическом кресле саму Грету Андерсен.

Вызвали Барни. Он робко вошел в кабинет и остолбенел. Ибо его больная уже лежала в кресле, задрав ноги на специальные скобы. От пояса и ниже пациентка была завешена бумажной простыней, чтобы она не могла рассматривать Барни, пока он будет осматривать ее. Маленький голубоватый луч очерчивал зону, которую, собственно, ему и предстояло обследовать.

В соответствии с правилами при процедуре присутствовала медицинская сестра в качестве наставницы и помощницы. Она помогла Барни натянуть резиновые перчатки, после чего отошла, давая студенту возможность самостоятельно проделать все, что полагается.

Барни посмотрел на больную. Это была крашеная блондинка лет сорока пяти с явными излишками макияжа на лице.

— Здравствуйте, — произнес он по возможности ободряюще. — Меня зовут доктор Ливингстон, я сейчас осмотрю вас, чтобы убедиться, что все в порядке. Пожалуйста, не напрягайтесь и говорите мне, если будет больно. На самом деле больно вам быть не должно. Я это делал уже тысячу раз.

Последнее он добавил по совету Скипа. На что больная ответила одним-единственным словом:

— Вранье!

Не веря своим ушам, Барни приступил к осмотру наружных половых органов и продиктовал сестре:

— Выделений из влагалища нет, клитор без отклонений...

Дальнейший осмотр показал, что бедра, лобок и промежность тоже в порядке.

Пора было пустить в ход зеркало. Оно было холодное, и Барни попросил сестру открыть горячую воду, чтобы согреть металл.

Снова призвав больную расслабиться, он ввел зеркало во влагалище.

До шейки он дошел, не причинив, как ему казалось, пациентке больших неудобств. Во всяком случае, она только один раз пробурчала: «О черт!» Ага, вот оно. Теперь надо было зафиксировать расширитель, затянув замок на конце. Потом он взял шпатель, осторожно снял соскоб на грибок и поместил его на подготовленное стеклышко.

Оставалось ручное обследование. Он выставил вперед руку, и сестра выдавила ему на пальцы смазку. Положив левую ладонь женщине на живот, Барни приступил к обследованию и вдруг услышал странные звуки: больная задышала часто-часто.

— Мэм, вас ничто не беспокоит? — встревожился он.

— Вы забыли мне напомнить, док! «Собачье дыхание» помогает сохранять мышцы брюшины в расслабленном состоянии.

— Ах да! Конечно. Большое спасибо.

Больная стала осторожно направлять его левую руку, и в результате ему удалось нащупать матку, определить ее расположение, размер, консистенцию, конфигурацию и подвижность.

— Благодарю вас, мэм, вы молодец.

— И тебе спасибо, малыш, ты тоже не подкачал.

— Я знаю, что сделал этой женщине больно, — твердил Беннет во время обеда. — Она даже стонала. Но я никак не мог найти у нее шейку. У меня на это ушла целая вечность!

— Как хорошо, что мне попалась другая, Ландсмани, — признался Барни. — Мне показалось, ее все это просто развлекало, только что не смеялась. Кто после этого захочет быть гинекологом!

— Перестань, Ливингстон, — возразил Ланс. — Это же были настоящие профессионалки!

— Что ты имеешь в виду? Какие еще профессионалки?

— В следующий раз, когда захочешь кому-нибудь из них провести вагинальное обследование, — пояснил Ланс, — это обойдется тебе в двадцать пять баксов в отеле «Беркли».

— Черил, ты почему мне не сказала, что беременна?

— Хэнк, я сама не была уверена. А как ты узнал?

— Между прочим, это видно по цвету шейки матки.

— Не понимаю: ты злишься потому, что я беременна, или потому, что тебе не сказала?

Он задумался.

— И то и другое, наверное. Скажи, разве нам мало двойняшек? И на что мы будем жить?

— Расходы на новорожденного покроет твоя гарвардская страховка. Какие еще потребуются жертвы?

— Ну ты, возможно, иного мнения, но я считаю жертвой половое воздержание.

— Но, Хэнк, не все же время! Современные акушеры говорят...

— Не надо мне рассказывать, что говорят врачи! Это я и сам могу тебе сказать. И не говори, что после рождения близнецов ты с радостью кинулась в мои объятия. Мне пришлось чуть ли не брать тебя силой!

— Ты хочешь сказать, надо было предохраняться?

— Ну, теперь же в продаже есть таблетки. Эновид, оврал...

— Ты не забыл, что мы католики?

— Перестань, дорогая, мы же в двадцатом веке живем! Готов поспорить, таблетки принимает даже жена президента Кеннеди.

— Как раз сейчас, Хэнк, она беременна.

— Господи, у тебя на все есть ответ, да?

Внезапно по щекам Черил покатались слезы.

— Хэнк, я больше не желаю тебя знать! Ты непрерывно богохульствуешь. Ты на меня без конца орешь. Я думала, что выхожу замуж за святого, а ты превращаешься в монстра!

Он не мог выносить ее слез. Он обнял ее и прошептал:

— Прости. Я просто заработался. Вообще-то это здорово! Может, теперь у нас родится сын.

* * *

Барни сидел за учебниками, когда в дверь опять постучали.

— Ливингстона нет, — крикнул он.

— Барни, пожалуйста,пусти меня. Мне надо с тобой поговорить.

Это была Лора. Выражение ее лица соответствовало ее тону. Она готова была расплакаться.

— Прости меня, Барни, я знаю, что уже до чертиков тебе надоела. Но это не терпит отлагательства.

Она вошла. В руках у нее был зеленый портфель.

— Садись, — гостеприимно пригласил Барни, показывая на двенадцатидолларовое кресло, сменившее уже четырнадцать хозяев.

Она помотала головой:

— Я лучше постою, не беспокойся. Я занималась дополнительно в лаборатории и поэтому залезла в почтовый ящик только сейчас. Благородный отец Франсиско Хавьер помогал матери освобождать дом и наткнулся на то, что он называет кладом, — записи отца. Одна из них меня потрясла до глубины души.

— Можно взглянуть?

— Они по-испански. — Она порылась в портфеле и достала плотный конверт, — Прочти первую. Если не поймешь, я тебе переведу.

Она протянула Барни пачку пожелтелых листков в линейку. На первой странице он прочел: «Llanto para un hijo nunca nacido». Он вопросительно посмотрел на Лору.

— «Элегия по нерожденному сыну», — перевела она.

— Это я понял, — тихо сказал Барни. — Я только удивился, что он дал своим фантазиям зайти так далеко.

— Это не было фантазией. Это про мальчика, который не родился, потому что он сделал женщине аборт.

— Твоей матери?

Она кивнула.

— Судя по всему, когда она была ранена, она ждала ребенка. Хотя ни один из них не удосужился мне об этом рассказать. И Луису пришлось пожертвовать ребенком — своим сыном, — чтобы спасти ей жизнь. — Она попыталась сменить тональность и небрежно произнесла: — Довольно безвкусные стишки.

Барни встал, взял ее за руки и подвел к креслу.

— Сядь, ради бога!

— Кастельяно, это же многое объясняет! Не только его навязчивое желание иметь сына, но и то, что твоя мать таит на него какую-то обиду — я это всегда чувствовал! Теперь мы с тобой знаем причину.

— А что толку, что мы знаем? Луису тяжело было сознавать, что я живу, а его сын — нет, а ей тяжело, что я живу, а моя сестра — нет. У меня такое чувство, что я перед ними обоими виновата. Мне хочется выпрыгнуть в окно.

— Ничего не выйдет, Кастельяно. Могу тебе по опыту сказать, что, прыгнув с такой высоты, ты только переломаешь кости и отправишься в психушку. Как профессионал, советую тебе остаться в живых.

— И что сделать?

— Посидеть здесь и поговорить со мной, — спокойно ответил он.

Он подошел к двери, снова повесил на ручку табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ» и вернулся, чтобы в течение трех часов слушать исповедь Лоры.

— Сюзи, что с тобой вчера случилось?

Было время завтрака. Сюзан сидела в углу, без аппетита поклевывая слойку с джемом и отхлебывая кофе. На Барни она не смотрела.

— Сюзи, ну пожалуйста!

По-прежнему глядя в сторону, она тихо сказала:

— Ты из меня сделал дуру!

— Что???

— Я знаю, что, когда я к тебе пришла, у тебя в комнате кто-то уже был. Не очень-то благородно с твоей стороны, Барни! Хотя бы перерыв сделал — как борцы между раундами.

Он уселся напротив и взмолился:

— Ты ничего не поняла! Это была всего лишь Лора.

— Что значит «всего лишь»? Ты привел к себе красивую девушку в то самое время, когда должна была прийти я!

— Сюзи, прошу тебя, я тебе тысячу раз говорил, что она мне просто друг!

— Тогда почему ты не ответил, когда я постучалась?

— Я стука не слышал. Может, ты очень тихо постучала?

— Послушай, я не хотела устраивать никаких бурных сцен, поэтому постучала осторожно. Для меня уже и это было унижительно.

Барни с досады хлопнул себя по лбу.

— Господи, Сюзан, ты же знаешь, я не стал бы тебе врать! — Он посмотрел на нее умоляющими глазами. — Сюзан, я тебя люблю. Разве я тебе этого не говорил миллион раз?

— Говорил, — застенчиво произнесла она, — и мне хотелось тебе верить.

— Я хочу сказать... я хочу на тебе жениться, — выпалил он.

По ее бесстрастному лицу скользнуло удивление.

— Правда? — тихо переспросила она.

— Да, Сюзан, правда. Правда, правда.

— Хотела бы я тебе верить, — с тоской возразила она.

— А что тебя останавливает?

— Ты повторил слово «правда» слишком много раз. Как будто сам себя уговаривал.

С этими словами она поднялась и своей изящной походкой вышла из буфета.

Барни остался сидеть, обхватив голову руками. Как успокаивающийся после ссоры ребенок, он рассеянно прикончил булочку и кофе Сюзи.

Он любит ее, твердил он себе. Но все же был вынужден признаться самому себе, что это еще не настоящая любовь. Не настоящая.

Началась клиническая практика, и будущие доктора радостно предвкушали работу с больными в многочисленных базовых клиниках медицинского факультета Гарварда. Они не подозревали, что в их обязанности будет входить и то, что принято называть грязной работой. Еще не имевшие квалификации ни врачей, ни медсестер, они считались в госпиталях низшей кастой, а следовательно, именно на их долю приходились бессчетные второстепенные обязанности. Например, носить из палат в лабораторию пробирки с кровью, мочой и другими субстанциями, требующими анализа. Делать записи в картах больных и — еще того хуже — заполнять бесконечные документы по страховке. Очень скоро они поняли, что тысячи долларов, называемые платой за обучение, они на самом деле отдают за право помочь родному факультету сэкономить на оплате неквалифицированного труда.

Такие задания, как забор крови на анализ, стали для них редкой привилегией. А по ночам им порой оказывали другую сомнительную честь — их поднимали, чтобы они поставили больному капельницу. И то лишь потому, что старшекурсники считали ниже своего достоинства вставать посреди ночи ради столь тривиального дела.

Практика имела целью познакомить их с основными клиническими специальностями, чтобы они могли выбрать себе специализацию.

Из всех отделений, где им предстояло поработать, хирургия и терапия являлись обязательными. Далее шел широкий спектр специальностей и специализаций, таких как акушерство и

гинекология, педиатрия, психиатрия, неврология, офтальмология, урология, а для желающих еще и проктология.

Более или менее единый поток разбился теперь на крохотные ручейки. Если раньше они могли утешаться тем, что от тиранов типа Пфайфера страдают все сто двадцать человек, то ныне противостояли столь же безжалостным угнетателям группками от двух до десяти человек.

Барни с Беннетом считали, что им повезло: их направили в госпиталь Бригэм. Хотя чаще всего их прикрепляли к разным наставникам, а соответственно — к разным палатам, они, по крайней мере, находились в одном корпусе и могли скрашивать друг другу беспросветную рутину. Барни изобрел развлечение под названием «Олимпийские побегушки». Туда входило несколько своеобразных дисциплин, причем главным правилом было не пользоваться больничным лифтом.

Первым шел забег на четвертый этаж с пустыми руками. За ним следовали многочисленные беговые дистанции со всевозможными инструментами, лабораторными пробирками и т. п. А Беннет, в свою очередь, придумал «метание мини-копья». Задача состояла в том, чтобы с первого раза попасть в вену больного и взять кровь. Счет велся на больных. Проигравший платил за ужин, во время которого они обсуждали «достижения» прошедшей недели.

Хотя они проходили практику в одном и том же терапевтическом отделении, со стороны можно было подумать, что им дают совершенно разные задания, настолько противоположными были их впечатления.

— Барн, там ведь нет никакого действия! — сетовал Беннет. — Недаром терапевтов зовут «блохами». Они ползают по поверхности, заглядывая в укромные уголки. Я не могу себе представить, что проведу всю жизнь в догадках: что там происходит у больного внутри?

— А мне кажется, это интересно, — возразил Барни. — Это как работа следователя, когда отдельные незначительные детали сводятся в единую схему для разгадки тайны. Ландсманн, а почему тебе не пойти в рентгенологию? Ты тогда сможешь весь день торчать в темноте наедине с рентгеновским аппаратом.

— Нет уж, спасибо, доктор Ливингстон! Я пойду в хирургию. Там настоящее дело!

— Что ж, — заметил Барни, — ты же знаешь старую шутку про разные врачебные специальности: терапевты знают все, но ничего не предпринимают, хирурги ничего не знают, но всюду лезут.

— Ага. А психиатры ничего не знают и никуда не лезут.

Барни рассмеялся. Беннет продолжил:

— Вот ты решил посвятить жизнь обрастанию жиром в мягком кресле и разглагольствованию о том, почему тому или иному человеку не стоит любить свою мать. А почему?

— Перестань, Бен, вокруг нас ходят буквально миллионы душевно страждущих людей, которые нуждаются в нашей помощи. Иногда мне кажется, нам всем пора в клинику.

— А мы и так уже в клинике, доктор, — усмехнулся Беннет. — Зря нас, что ли, на практику направили?

Оба сегодня освободились в половине шестого и до следующего утра были свободны. Сейчас они неторопливо брели к общежитию, и Барни решился задать давно интересовавший его вопрос:

— Бен, ты мне ни разу не говорил, что тебя подвигло пойти в медицину. Ты как-то сказал, что отец у тебя обувщик. Это родители мечтали, чтобы ты получил образование?

— Нет, — ответил Беннет. — Они меня никуда не подталкивали. Просто я решил посвятить себя такому делу, чтобы мир стал хоть чуточку лучше.

— Прекрати, Ландсманн! Я же не приемная комиссия. Я твой друг. Неужели не можешь признаться в настоящей причине? Я столько раз доставал тебя рассказами о моем детстве в Бруклине. А твое наверняка было более захватывающим.

— Ладно, Ливингстон, — улыбнулся Беннет. — Раз ты так просишь, выверну душу посреди улицы. Думаю, причина, почему я пошел в медицину, заключалась в том, что один молодой врач — по сути дела, еще студент — когда-то спас жизнь моей матери.

— Вот теперь другое дело! — с жаром воскликнул Барни. — И что случилось? Несчастный случай?

— Нет, — негромко ответил Бен. — Если не считать Гитлера разновидностью несчастного случая. Один из последователей фюрера использовал ее в качестве подопытного кролика в своих, с позволения сказать, медицинских исследованиях.

— Вот черт! — тихонько выругался Барни.

— Когда союзные войска освободили лагерь, моя мать находилась на последней стадии острой внутриматочной инфекции. А тот английский студент провел экстренную операцию в примитивнейших условиях и спас ей жизнь.

— Вот это да! — воскликнул Барни. — Но я впервые слышу, чтобы в концлагерях были негры.

— У меня мама — еврейка, — объяснил Беннет.

— А, — улыбнулся Барни, — тогда понятно. Дай-ка я додумаю романтическую историю до конца. Твой отец — по всей видимости, он служил в Третьей армии Паттона, ведь у тебя есть портсигар с ее логотипом, — освободил лагерь, и они полюбили друг друга. Так?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Барни, ты сейчас будешь удивлен. Мой отец освободил обоих моих родителей.

— Эй, Бен, погоди-ка. Я запутался. Мы можем начать сначала? Скажем, с твоего рождения? Кто был твой отец?

— Мой отец — полковник американской армии Линкольн Беннет-старший, он умер в тысяча девятьсот сорок пятом году. Мои родители — Хершель и Ханна Ландсманн, они из Берлина, были в концлагере Нордхаузен, а сейчас живут в Кливленде, в штате Огайо. Понимаешь, Ханна действительно стояла одной ногой в могиле, и как раз мой родной отец уговорил врача попытаться спасти ей жизнь. А потом по иронии судьбы сам умер от тифа. Переехав в Америку, Ландсманны разыскали меня и — опуская подробности — усыновили. После этого я взял имя Беннет.

— Ого, теперь, кажется, все сходится. Так правильно я понимаю, что обувщик — это мистер Ландсманн?

Беннет кивнул.

— По тому, как ты одеваешься и куда ходишь, можно предположить, что предприятие преуспевает?

— Вообще-то обувь шьют на его фабриках. Его предприятие называется «Ройял лезеркрафт».

— Ну и дела! — присвистнул Барни. Тут его посетила еще одна мысль. — А что твоя настоящая мать? Где она во всей этой истории?

Беннет напрягся:

— Не знаю, Барн. Я ее совсем не помню.

— Что ж, тебе еще повезло. У тебя есть родители, которыми ты можешь гордиться. Большинство этим похвастать не могут.

Беннет засмеялся и обнял Барни за плечи. Тот был тронут непривычным проявлением симпатии.

Лора ненавидела хирургию.

Не только из-за крови и отрезанных органов, но и потому, что держать ретрактор на протяжении двух или трех часов, пока отсоединяли нужные сосуды или органы, производили резекции, накладывали лигатуру или удаляли, было физически тяжело. «Грубой» работы она тоже насмотрелась: сломанные ноги вправляли в точности как плотник подгоняет бруски или доски, швы накладывали всевозможными нитками — из нейлона, кишок кенгуру и шелка. Временами все это напоминало сборочный конвейер в Детройте.

Ей больше была по душе предоперационная подготовка, когда она старалась помочь больному унять страх перед операцией и наблюдала, как тот проваливается в сон под воздействием наркоза и ее убаюкивающих слов.

Послеоперационная палата производила душераздирающее впечатление. Ей доставляло радость видеть, как тот или иной больной, с которым она говорила до операции, теперь улыбается, радуясь скорому выздоровлению. Но чаще, даже если операция прошла успешно, они страдали от сильной боли, и это состояние невозможно было облегчить никакими словами.

Но конечно, были и такие, кто уже не просыпался...

Каждый вечер она возвращалась из клиники так поздно, что сразу ложилась спать, не имея сил даже спуститься и купить в автомате бутерброд.

И почти каждый день ее ждало письмо от Палмера. Или от «младшего лейтенанта Тэлбота», как он иногда себя называл.

«Господи, — думала она, — ну зачем я его отпустила? Разъезжает теперь по всяким экзотическим местам в Тихом океане и небось знакомится с кучей сговорчивых цветущих барышень». Хотя в письмах он клялся в верности и целомудрии, она не сомневалась, что Палмер весело проводит время.

Со своей стороны, Лора не желала ничем себя связывать, за это время завела лишь пару ни к чему не обязывающих романов с

ординаторами.

Будучи примерным сыном, Сет Лазарус каждые выходные звонил домой. Мама всегда спрашивала:

— Что у тебя нового?

И он неизменно поддерживал их давнишнюю игру:

— Ничего особенного. Я только что нашел средство от рака, сердечных заболеваний, зубной боли и комариных укусов.

На что она в соответствии с их традициями отвечала:

— А что *еще* нового?

После этого трубку брал отец и произносил монолог о положении чикагских команд в турнирной таблице и об их видах на место в чемпионате.

Однообразный ритуал не претерпевал ни малейших изменений. Сет сам себе удивлялся, зачем тратит деньги на звонки.

Но в один из выходных на его звонок никто не ответил. Ни дома, ни в отцовской лавке. Уехать на природу или развлечься они не могли — они этого никогда не делали. Ему порой даже казалось, что, поместив Говарда в клинику, они дали молчаливый обет никогда не развлекаться.

Но тогда где же они?

Он позвонил Джуди — обычно он делал это по ночам в будни, когда снижался тариф; начавшись в одну минуту двенадцатого, разговор зачастую продолжался до бесконечности. На сей раз она сразу поняла, почему он звонит.

— Сет, мне очень жаль, но твои родители взяли с меня слово ничего тебе не говорить. Это касается Говарда...

Она замолчала, а Сет в глубине души понадеялся, что осуществилась его потаенная мечта и брат наконец перестал страдать.

— Что случилось? — быстро спросил он.

— У него произошло кровоизлияние в мозг. Он практически уже умер.

Сет был ошеломлен:

— Практически? То есть он все-таки еще жив?

— Он еще дышит. Он подключен к аппарату искусственного дыхания. Твои родители всю неделю неотступно сидят у его постели.

— Зачем, черт побери, они это делают? Он уже двадцать лет как почти умер! Что это за клиника, будь она неладна! — Сет просто выходил из себя.

Джуди вздохнула.

— Не знаю, Сет, — тихо сказала она. — Я только могу сказать, что твоя мама все время сидит там, чтобы проследить, что Говарду оказывают помощь.

— Я попрошу кого-нибудь меня прикрыть и завтра первым же рейсом вылетаю, — решительно заявил Сет. — Думаю, это будет рейс «Американ эйрлайнс» в иол восьмого.

— Я тебя встречу! — обрадовалась Джуди, — Тебе предстоит тяжелая поездка, но я буду очень рада с тобой повидаться.

— Я тоже, — поддакнул Сет.

Через полчаса он уже засовывал в дорожную сумку то, что ему могло понадобиться в поездке: рубашку, галстук, шорты, носки, зубную щетку и косметичку.

И главное — шприц.

— Господи, Сет, какой у тебя усталый вид!

— Я всю ночь глаз не сомкнул. Мне предстоит сделать нечто ужасное.

— Не тебе, а нам, дорогой, — поправила Джуди. Они шагали под руку по длинным проходам чикагского аэропорта О'Хара. Было раннее утро. — Мы с тобой сделаем это вместе.

Мимо проносились толпы озабоченных деловых людей, торопящихся поспеть каждый на свой рейс. Они поднялись на третий уровень автостоянки, где Джуди оставила машину, и теперь их голоса эхом отдавались в гулком бетонном лабиринте. Сет хранил молчание, а Джуди вырулила из бокса и двинулась вниз по эстакаде.

— Передумал? — спросила она.

— Не уверен. Сказать по правде, я до смерти боюсь.

Они выехали на трассу. Джуди попыталась его успокоить:

— Сет, ты все правильно решил.

— А кто-то скажет, что я вообразил себя Господом Богом.

— Не думаю, чтобы Бог хотел, чтобы какой-нибудь человек страдал без нужды, особенно когда больной даже не понимает, что формально он еще жив. Ты же сам мне тысячу раз это говорил!

— Знаю, — кивнул он. — Но что, если меня поймают?

На это у нее не было ответа. На самом деле такая мысль преследовала ее с того самого момента, как они согласились в том, что физическое существование без какой-либо надежды на выздоровление, да к тому же исполненное боли, не имеет смысла искусственно продлевать.

А Сет пошел еще дальше и признался, что в подобных случаях он помогал бы больному уйти. Если бы тот сам этого захотел.

— И еще одно, — вслух рассуждал Сет. — Не могу же я заявиться туда прямо с медицинским саквояжем. Это будет слишком явно!

— Я об этом думала, — ответила Джуди. — У меня в сумке для шприца хватит места.

Он кивнул и сказал:

— Лучше всего было бы просто выдернуть аппарат искусственного дыхания из сети. Будь у них хоть капля настоящего

гуманизма, врачи бы сами это давно сделали. Когда страдают от боли лошади, их пристреливают, чтобы не мучились. Почему к человеку другое отношение?

— Наверное, большинство людей считают, что Господь любит их больше, чем лошадей.

— Нет, — поправил Сет. — Лошадей Он любит больше, ведь Он позволяет нам прекращать их страдания.

Они въехали на парковку клиники Святого Иосифа и встали в дальнем углу. Сет открыл свой чемоданчик и достал шприц, который вдруг показался ему огромным. После этого он вынул из кармана два пузырька.

— Что это? — спросила Джуди.

— Хлористый калий. Вполне обычное соединение, присутствующее в человеческом организме. Он нужен для клеток мозга. Если ввести его большой дозой внутривенно, он вызывает остановку сердца. И он не может вызвать подозрений, поскольку его наличие в организме никого не удивит.

Он проткнул иглой крышечку флакона и стал набирать жидкость в шприц.

— По крайней мере, я в последний раз буду видеть страдания Говарда.

Говард. Сегодня он еще не называл этого имени вслух. Всю ночь и весь полет он изо всех сил старался думать не о своем несчастном брате, а о каком-то безымянном больном. «Это не твой брат, — твердил он себе, — это всего лишь страдающий набор бесполезных органов, который невозможно определить как личность».

Сет набрал содержимое второго пузырька и протянул шприц Джуди. Та, озираясь, завернула его в носовой платок и стала запихивать в сумочку.

— Некоторое количество вытечет, пока донесем, — встревожилась она.

— Не волнуйся, — голос Сета был каким-то механическим, — этого больше чем достаточно.

Она аккуратно закрыла сумочку. Они вышли из машины и рука об руку направились к входу, гравий громко шуршал под их ногами.

Они как раз входили в центральную дверь, когда из лифта вышел измученный и небритый Нэт Лазарус.

— Сет! — хрипло окликнул он. — Вот так сюрприз! Мама обрадуется, что ты приехал. — Повернувшись к Джуди, он беззлобно добавил: — Ты, кажется, обещала не...

— Пап, это я виноват, — перебил Сет. — Я не нашел вас по телефону, позвонил Джуди и заставил ее объяснить, что у вас тут происходит. Так как он?

Отец пожал плечами:

— Как он? С таким мальчиком, как Говард, на этот вопрос так прямо не ответишь. В других обстоятельствах я бы сказал, что ему стало немного хуже, но ведь ему и до того было хуже некуда...

— А мама как?

Нэт вздохнул:

— Ответ ты прекрасно знаешь сам. Как она может быть? Сидит у него денно и ночью и говорит с ним без умолку о последних новостях, о новомодных голливудских диетах — ну, обо всем, что в журналах пишут. Непонятно, как она еще голос не сорвала.

— А поспать ей удастся? — забеспокоился Сет.

— Она заставила их поставить ей кровать прямо в палате. «На тот случай, если я ему понадобится», — так она сказала. Я-то в этой палате задыхаюсь, так что я сейчас еду в мотель и ложусь спать.

— И правильно делаешь, пап. Тебе это не помешает. До завтра.

— Да, пока. — Тут Нэт устало добавил: — Рад тебя видеть, Джуди.

Подходя к палате, Сет сжал Джуди руку.

Чем ближе они подходили, тем громче становился шум аппарата искусственного дыхания.

Дверь была слегка приоткрыта, и над спинкой прикрытого зеленым пледом кресла виднелась седая голова Розы Лазарус. Она сидела лицом к старшему сыну и, судя по всему, не отрывала глаз от его лица. Сет и Джуди могли видеть только огромный железный аппарат искусственного дыхания.

— Привет, мам, — тихонько окликнул Сет.

Ответа не последовало.

— Мам, это я, — громче сказал он, а сам подумал: «Чертова штукавина! Так грохочет, что она не слышит собственного сына. *Живого сына!*»

Он вошел в палату, Джуди за ним. Когда он тронул мать за плечо, та испуганно подскочила.

— Ой, Сет! — Она со слезами обняла его. — Говард так тяжело заболел! Врачам никак не удастся ему помочь. Может, в твоей клинике есть специалист, к которому обратиться?

Он покачал головой:

— Мам, я такого не знаю.

— Тогда нам остается сидеть и ждать, — ответила мать. Тут она заметила, что сын не один. — Здравствуй, Джуди, милая. Хорошо, что ты приехала.

Сет впервые посмотрел на брата. На фоне аппаратуры лицо его выглядело крошечным. Глаза были закрыты, на лбу — испарина. «Ему наверняка больно, — подумал Сет. — Если Говарду сейчас чего-то и хочется, так это чтобы все поскорей закончилось, я это твердо знаю».

Он опять повернулся к матери.

— Мам, ты-то как? Ты хоть не забываешь поесть?

— Это сейчас не имеет значения. Со мной все будет в порядке.

— Миссис Лазарус, а вы сегодня завтракали? — заботливо спросила Джуди.

— Уже пора завтракать? Я думала, день еще не закончился.

— Я по дороге заметила, тут недалеко есть закусочная. Хотите, я вас подвезу?

— Нет-нет, — поспешила отказаться Розы. — Я не могу оставить Говарда так надолго. Сделай одолжение, привези мне что-нибудь небольшое.

— Тогда что привезти? — уточнила Джуди.

— Да нет, ничего. Что хочешь. Я правда не голодна. Если честно, мне нужна только чашка крепкого кофе.

— В таком случае пойду налью вам стакан из автомата в вестибюле, — предложила Джуди, — Может, пойдем вместе — хотя бы ноги разомнете?

Розы вздохнула.

— Вообще-то небольшая разминка мне не повредит. — Она оперлась на подлокотники и встала. — Идем, девочка, — сказала она. Потом повернулась к младшему сыну: — Сет, побудь пока с Говардом. Чуть что не так, сразу звони сестре.

— Хорошо, мам, — ответил Сет сдавленным голосом. Потом порылся в кармане и вынул горсть мелочи. Он сунул деньги Джуди и попросил: — Если там будет еще какой-нибудь автомат, возьми мне бутерброд, что ли...

— Вот это правильно! — одобрила Роза. — Тебе тоже надо поесть, Сет. Ты худой как щепка.

Едва обе женщины покинули палату, как Сет торопливо закрыл дверь и бросился к сумке Джуди.

После этого он приступил к делу, которое тысячу раз обдумывал в своих фантазиях. А больше всего — прошлой ночью.

Сет отошел к дальнему концу кровати, где его руки будет закрывать аппарат искусственного дыхания, — на случай, если неожиданно войдет кто-нибудь из сестер или врачей.

Он открыл сумочку, сунул в нее руку и замер, прислушиваясь к шагам в коридоре.

Слышно было только, как работает аппарат.

В капельнице, подсоединенной к вене Говарда, была бюретка — маленькая стеклянная трубочка, по которой можно было видеть, сколько лекарства введено.

Сет быстро открыл эту трубочку, вставил в нее свой шприц и опустошил его. Потом дрожащими руками он торопливо вернул капельницу в прежнее положение, шприц сунул назад в сумочку Джуди и сел подле постели брата.

Он знал, что вскоре сердце его брата остановится. Но аппарат будет продолжать вентилировать легкие. А поскольку Говард уже и так был без сознания, то медики, скорее всего, обнаружат его смерть не раньше чем минут через пять. А может, и через час.

Сет не знал, что лучше для его матери — присутствовать при этом моменте, чтобы сказать последнее бессмысленное «прости», или не видеть агонии сына.

Сам он не мог оторвать глаз от лица брата, с которым ни разу за всю жизнь не имел возможности поговорить.

«Прощай, Говард, — мысленно произнес он. — Если каким-то чудом ты знаешь, кто я такой, ты поймешь, что я это сделал из любви к тебе».

Похороны Говарда были под стать его жизни: на них присутствовали только родители и Сет. Даже Джуди не было. Ибо, как сказала Роза, «мы должны в последний раз быть только своей семьей».

Сет безучастно стоял у края могилы и слушал, как священник унитарийской церкви, к которой относилось кладбище, превозносит добродетели Говарда. Единственным, что показалось ему уместным в этой речи, были слова о том, что Говард теперь «пребудет с миром» и «обретет покой».

В машине на обратном пути Роза без конца пересказывала объяснения врачей, безуспешно пытавшихся разбудить Говарда:

— По крайней мере, он, слава богу, не мучился. Он не чувствовал боли. Просто у него остановилось сердце. Здесь никто ничего не смог бы сделать.

Джуди дожидалась их у дверей лавки. Она выразила свои соболезнования Розе и Нэту, оба молча кивнули и, держась за руки, двинулись к задней двери.

Сет с Джуди остались одни.

— Ну как ты? — спросила она.

Он хотел сказать, что отлично, но тут его охватило чувство вины, и он пролепетал:

— Джуди, что же я наделал! Что я наделал!

Следующий этап практики проходил у Барни и Беннета в разных клиниках, так что виделись они редко, иногда поздно вечером спускаясь в спортзал, чтобы поразмяться у баскетбольной корзины. Счет бросков в их соревновании был 2568 на 2560 в пользу Барни.

Но однажды, заканчивая утреннюю пробежку, Барни увидел Беннета, охваченного безумием. Подобно Джин Келли из «Поющих под дождем», Бен как сумасшедший скакал через стойки парковочных автоматов на авеню Луи Пастера. Барни ускорил бег и догнал его.

— Эй, Ландсманн, у тебя крыша съехала? — запыхавшись, крикнул он.

Оставив без внимания прозвучавший вопрос, Беннет восторженно выпалил:

— Ливингстон, я это сделал! Я только что принял настоящего живого младенца!

— Ого! Здорово. — Барни улыбнулся и протянул ему руку. — Поздравляю. Еще одиннадцать родов — и диплом твой.

— С удовольствием приму еще миллион. Ты можешь себе это представить, Барн: кровь, слизь — и вдруг крохотное человеческое существо!

— Ты что же, по-настоящему принимал роды?

— Мне просто повезло: пять часов утра, дежурный ординатор проводит срочную операцию, а стажер всю ночь делал переливания крови одной роженице с сильным кровотечением и велел мне управляться самому.

— Класс!

— Само собой, — продолжал Беннет, — сыграло роль и то, что мамаша была безработная из Роксбери. Тем не менее я это сделал, хотя должен признать, сестры мне немного помогли. Да и роды у женщины уже не первые. Но ты не поверишь, что было дальше!

— Ландсманн, я готов верить всему, что бы ни вышло из твоих уст, — хмыкнул Барни.

— Тогда слушай! Женщина взглянула на меня и говорит: хотя это у нее уже девятый ребенок, роды у нее впервые будет принимать, как она выразилась, «настоящий доктор». Поэтому она настояла на том, чтобы назвать ее в мою честь.

— Ее? Так это девочка?

Беннет со счастливым видом развел руками.

— Вот так-то! Теперь в родильном отделении госпиталя «Бет-Израиль» появилась трехкилограммовая маленькая леди по имени Беннетта Ландсманн Джексон.

— Даже «Ландсманн» в придачу? Хорошо еще, что ты не назвал свое полное имя, включая «Авраам Линкольн».

— Вообще-то назвал. Но ребенок с таким именем у нее уже есть.

— Как идут роды, Лора?

Врач родильного отделения Уолтер Хьюлетт заглянул в родильную палату, чтобы проверить, как Лора управляется со своей больной — тридцатишестилетней пожилой первородкой Марион Фелз.

— Схватки с интервалом четыре-пять минут, раскрытие шейки — шесть сантиметров.

— Страшно?

— Нет, я в порядке.

Она, конечно, лгала.

То, что касалось положения ребенка и хода родов, не вызывало у Лоры тревоги или сомнений. Но сама она была далеко не в порядке.

Уже было определено, что у ребенка головное предлежание, то есть, подобно девяности пяти процентам новорожденных, он выйдет из материнской утробы головкой вперед. Но те данные, которые она только что доложила Хьюлетту, означали, что малыш родится не раньше чем через два часа.

И она боялась, что Хьюлетт найдет себе тихое местечко и ляжет вздремнуть.

— Послушай, Лора, — сказал врач, — ясно, что времени у нас еще вагон. Отлучусь-ка я ненадолго...

«Все в порядке, — сказала она себе. — Сходит, как обычно, покурить во двор, только и всего».

Но тут она услышала продолжение:

— ...и перекушу. Без сэндвича с мясом с Блю-Хилл-авеню я не выживу.

«Блю-Хилл-авеню? Тысяча миль отсюда! Ради бога, Уолтер, ты не можешь меня тут бросить! Я знаю, тут полно медсестер, но из врачей — я одна, да к тому же я еще и не врач».

— Как думаешь, выдержишь осаду? — улыбнулся Хьюлетт.

Она решила не показывать своего малодушия.

— Конечно, доктор, какие проблемы? — Она сама удивлялась, откуда взялись силы и голос так беззастенчиво врать.

— Отлично! — обрадовался Хьюлетт. — Тебе что-нибудь привезти? Еда там вполне сносная.

Она помотала головой.

— Спасибо.

А сама подумала: «Мне бы квалифицированного акушера!»

— Как себя чувствуем? — спросила старшая сестра.

— Хорошо, спасибо, — ответила Лора.

— Я спрашивала у мисс Фелз, доктор Кастельяно, — покачала головой сестра.

— Угу, — выдохнула Лора, постаравшись скрыть смущение.

Сестра улыбнулась:

— Если что-нибудь понадобится, покричите мне.

— Что, неужели ничего нельзя сделать с этими проклятыми схватками? — заговорила роженица.

— Не волнуйтесь, Марион, — сказала Лора, — скоро мы вам дадим обезболивающее.

Стараясь придать пациентке уверенности, Лора измерила ей давление и в очередной раз проверила раскрытие шейки, обнаружив, к своему ужасу, что роды продвигаются быстрее, чем можно было ожидать.

В промежутке между схватками Лора Спросила:

— Я не ослышалась? Сестра назвала вас «мисс»?

Марион слабо улыбнулась и с некоторым трудом проговорила:

— Да. Я не хотела за него замуж, главным образом потому, что он уже был женат. Однако я не молодую, вот и решила завести ребенка, пока еще не поздно.

— А кем вы работаете? — поинтересовалась Лора.

— Тружусь в редакции «Глоб». Я была так занята своей карьерой, что совсем не следила за биологическими часами. А вы, доктор? Вы замужем?

— Пожалуйста, зовите меня Лора. Отвечаю: нет.

Вдруг Марион выпалила:

— Лора, скорее, руку!

Марион застонала и схватила Лору за руку, а та пролепетала:

— Расслабьтесь. Старайтесь дышать в обычном темпе. Скоро все кончится.

Отдышавшись, Марион поинтересовалась:

— И сколько еще терпеть, пока он не родится?

— Не так долго, — успокоила Лора, мысленно молясь, чтобы Хьюлетт быстрее возвращался со своего обеда. — Давайте-ка еще разочек посмотрим.

Она оцепенела: шейка матки была раскрыта полностью и головка уже видна. Господи, пора действовать! Она звонком вызвала сестру.

— Пора, — шепнула Лора роженице.

— Слава богу! А то эти схватки меня доконают.

В палату вбежал целый взвод медсестер. Будущую мамочку повезли в родильный зал. Лора не успела глазом моргнуть, как Марион исчезла из виду.

Вдруг откуда-то из-за Лориной спины послышался вкрадчивый голос:

— Не лучше ли вам обработать руки?

Черт, это была все та же старшая медсестра!

— Да-да, конечно, — в состоянии нарастающей паники пробормотала Лора. — А когда появится доктор Хьюлетт, непременно сообщите ему, где я нахожусь.

— Разумеется, доктор...

Лора побежала по коридору, остановилась у раковины перед входом в родилку и принялась скрести руки.

Она тщетно пыталась унять сердцебиение.

Распахнув дверь, она вошла в родильный зал, где ее уже ждала вторая сестра со стерильным халатом и перчатками наготове.

Откуда-то издалека доносились стоны Марион, ей было очень больно.

— Где анестезиолог? — спросила Лора. — Ей надо сделать укол.

— Нико только что вызвали в срочном порядке. По сигналу «код-блю». Он появится, но не сию секунду.

«Господи! — мелькнуло у Лоры. — Это я должна была его срочно вызвать! Мне одной не справиться! А уж анестезию точно не дать».

Выбора не было. Лора глубоко вздохнула и шагнула в яркий круг света, заливающего операционную.

И тут произошло чудо. К ее изумлению, дрожь унялась. Она словно со стороны наблюдала, как твердым шагом подходит к столу, где лежит Марион с поднятыми коленками и стерильной простыней на животе. Старшая сестра стояла рядом, перед ней на небольшом столе были разложены хирургические инструменты.

Лора быстро повторила про себя последовательность своих действий. Перво-наперво ни в коем случае не подгонять роды, это может нанести непоправимый вред матери и младенцу.

Ослабить давление на промежность, чтобы ее можно было растянуть и дать головке ребенка выйти из влагалища.

Откуда-то раздался возглас одной из сестер:

— Смотрите, смотрите! Головка показалась.

С каменным спокойствием Лора велела старшей сестре набрать в шприц десять кубиков ксилокаина.

Пока сестра выполняла приказание, Лора ввела во влагалище роженицы металлический катетер — «трубу», чтобы через него направить восьмидюймовую иглу. Взяв в другую руку шприц, она стала осторожно продвигать его в глубь «трубы», пока не ввела наконец обезболивающее.

В этот момент у Марион началась очередная мучительная схватка. — Черт! — прохрипела она. — Ваше лекарство не действует!

Лора бодро возразила:

— Марион, ксилокаин начинает действовать через две-три минуты.

И в самом деле, не прошло и пяти минут, как все стало хорошо. Во всяком случае, для Марион. Лора рассекла роженице промежность, чтобы облегчить выход ребенку.

Марион ничего не почувствовала.

Однако дальше все оказалось куда сложнее, но Лора все-таки умудрилась нащупать головку и бережно помогла ребенку выйти из родовых путей. Сначала показалось личико, затем — шейка.

Действуя автоматически, Лора осторожно повернула новорожденного и высвободила его плечико из материнского таза, медленно она повернула младенца личиком вниз и высвободила второе плечико.

В следующее мгновение она уже держала в руках всего малыша. Это будет новый человек — по крайней мере, после того, как с него смоят родовую смазку, кровь, слизь и все, что на него налипло. «Господи, какой он скользкий! Не уронить бы! Нет, я его крепко держу. И правильно, за пяточки!..»

И тут раздался плач. Или писк? Не важно. Главное — это был первый звук нового человека, пришедшего в мир.

Лора посмотрела на покрытое слизью существо, которое она держала в руках, как курицу, и воскликнула:

— Девочка. Марион, у вас девочка!

Она положила новорожденную маме на живот. Акушерки завернули девочку в теплые пеленки. Как только пуповина перестала пульсировать, Лора наложила зажим, отрезала лишнее и завязала.

В этот момент в родилку вошел высокий сутуловатый доктор в халате не по размеру. Это был Нико, ординатор-анестезиолог.

— Лора, прости! Боевая тревога, сама понимаешь. Начнем представление?

— Мне очень жаль, Нико, но это представление уже окончено. —
Голос Лоры звучал беззаботно — от облегчения.

— А кто же делал анестезию?

— Я.

— Сама?

— Нет, фея помогла!

Нико взглянул на мать, мирно воркующую со своей новорожденной дочкой, потом перевел взгляд на Лору.

— Что ж, Кастельяно, совсем неплохо.

Он еще раз посмотрел на пациентку и развернулся, чтобы снова бежать к неотложному больному.

Лора как в тумане двинулась к выходу.

— Доктор, доктор, обождите! — окликнула старшая сестра. — А плацента-то!

Лора вернулась к столу, как автомат, дождалась выхода последа, после чего зашила рассеченную промежность.

В завершение всего она проверила общее состояние Марион. Кровотечение было незначительное. Разрывов или повреждений шейки нет.

— Марион, ты молодец, — едва слышно сказала она.

На что счастливая мамаша ответила:

— Ты сама молодец, Лора. Спасибо.

Родильницу увезли. Лора осталась одна в опустевшем помещении. Чувство облегчения сменилось гордостью. А затем — завистью. У Марион впереди счастье.

Внезапно Лора осознала, что самое сладостное ощущение для женщины — это держать на руках своего ребенка.

Она почувствовала, что, как бы далеко ни простирались ее амбиции, от этого она тоже никогда не откажется.

Барни был горд, что его взяли на операцию с лучшей бригадой, хотя он знал, что ему не доверят ничего, кроме как держать зажим.

Зато он увидит в работе Томаса Обри (хирурга из хирургов) и анестезиолога Конрада Нэги («лучшего „газовщика“ во всем

христианском мире»).

Сегодня проводилась холецистэктомия. Обычная операция по удалению желчного пузыря на сей раз, как выразился Обри, «обещала быть поинтереснее, поскольку больной — мистер Абрамян, — как ты, должно быть, читал в истории болезни, имеет в анамнезе такие вещи, как ревматическая атака и все мыслимые виды аллергии. Надо быть готовым ко всяким неожиданностям».

— Перед операцией доктор Нэги сделал больному укол атропина... — Далее Обри подробно перечислил все сделанное анестезиологом и бодро закончил: — Ну, довольно предисловий, пора поднимать занавес.

Держа скальпель наподобие смычка, Обри сделал на передней брюшной стенке надрез Кохера, после чего знаком подозвал двух сестер, с правой и левой стороны, чтобы держали дренаж. Хирург запустил правую руку в рану, отодвинул печень и обнажил желчный пузырь. Захватив больной орган кольцевым зажимом, он подтянул его повыше.

Прежде чем удалить желчный пузырь, он провел с ними экскурсию по желчным протокам и артериям. Удалив пузырь, Обри показал практикантам, как проверить, не остались ли неперехваченными какие-либо источники кровотечения. Затем передал бразды правления своему первому помощнику доктору Липсону, которому надлежало зашить рану, а сам продолжил объяснения:

— Обратите внимание, как доктор Липсон тщательно обходит оболочку печени, поскольку, если на нее попадет шов, это может вызвать кровотечение. Когда он закончит, мы поставим дренаж.

Внезапно чары педагогики были разрушены анестезиологом.

— Том, у нас проблемы! — воскликнул он с тревогой.

— Что такое? — невозмутимо откликнулся хирург.

— Он очень горячий. Давление зашкаливает. Пульс — сто восемьдесят.

Доктор Обри спокойно отдал распоряжение:

— Кто-нибудь, измерьте ректальную температуру.

Барни в оцепенении смотрел, как одна из сестер вставляет больному термометр. Он покрылся потом, но не решался утереть его из страха сдвинуть ретрактор, который ему доверили держать. Он взглянул на Нэги. Анестезиолог хмурился, в его глазах билось

беспокойство. Обри продолжал сосредоточенно заниматься открытой раной, словно не замечая возникшей вокруг него паники.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем сестра вынула градусник.

— Бог ты мой! — ахнула она.

— Хелен, не надо восклицаний. Просто назови цифру, — спокойным, четким голосом сказал Обри.

— Доктор, сорок два.

— Черт! — крикнул Нэги. — Молниеносная гиперпирексия. Тащите сюда лед, живо!

До слуха Барни донесся топот шагов — сестры бросились в коридор. Ему казалось, что он тоже должен как-то реагировать на нештатную ситуацию, но как? Испуганный и смущенный, он повернулся к главному хирургу:

— Доктор, мне помочь им со льдом?

— Молодой человек, разве вам отдали какие-то указания на сей счет? — Обри впервые дал волю эмоциям. — Ваше дело — держать ретрактор и не путаться под ногами.

В этот момент анестезиолог закричал:

— Том, ЭКГ пляшет как сумасшедшая!

Обри стянул одну перчатку и измерил больному пульс в паху. По выражению той части его лица, что не была прикрыта маской, Барни понял, что пульс бедренной артерии ему нащупать не удалось.

— Сердцебиения нет, — доложил еще кто-то.

— ЭКГ прямая, — объявил Нэги. — Он умер.

Внезапно наступила гробовая тишина. Никто не осмеливался открыть рот, пока доктор Обри не примет решения относительно дальнейшего.

Наконец он приказал:

— Доктор Нэги, продолжайте вентиляцию легких.

Анестезиолог кивнул и повиновался.

«Какого лешего он это делает? — подумал Барни. — Ведь бедняга уже умер!»

Тут хирург тронул помощника за плечо. Липсон понял, что от него хотят, и посторонился, уступая свое место более опытному и старшему по должности хирургу, с более умелыми руками.

Барни смотрел и не верил своим глазам. На черта он так старательно зашивает этого беднягу Абрамяна? Зачем его вообще зашивать? Ведь его почти сразу будут снова резать на вскрытии.

Барни уже убрал ретрактор и превратился в беспомощного и смущенного зрителя. Кислород тем временем продолжал ритмично раздувать легкие больного.

Обри закрепил финальный шов.

— Ладно, — негромко сказал он, — везите его в послеоперационную. Я сейчас подойду.

Покойного мистера Абрамяна увезли, а Обри повернулся и с каменным выражением лица прошептал туда, где, по-видимому, находилась раздевалка для светил.

Липсон появился из послеоперационной и при виде застывшего в недоумении Барни спросил:

— Ты чего?

— Я ничего не понял... — пролепетал тот.

— Чего именно?

— Мужик умер, а они...

— Ах это, — смекнул Липсон. — На скольких операциях ты уже присутствовал?

— Я первую неделю на практике, — ответил Барни и взмолился: — Может быть, вы мне объясните, какого черта вентилировать легкие человеку, который не подает никаких признаков жизни — ни пульса, ни сердцебиения...

— Успокойся, амиго, — сказал молодой хирург, — ты только что узнал, как получается, что ни один пациент не умирает на столе у доктора Обри. Благодаря кислороду, с которым так умело обращается его анестезиолог, мистер Абрамян будет считаться скончавшимся уже *после* операции, и произойдет это в послеоперационном отделении.

— Хотите сказать — чтобы не навредить репутации Обри? — опешил Барни.

— Нет, — возразил Липсон, — Том выше этого. Но ты себе представить не можешь, от какого количества писанины он себя избавил, хотя обычно за него это делаю я. Все эти сертификаты, больничные выписки, формы страховки — вся эта бюрократия отнимает кучу времени! А теперь этим займутся ребята из

интенсивной терапии. Так что, амиго, считай, что ты сегодня тоже кое-чему научился.

— Да, — согласился Барни, — я понял, что не хочу быть хирургом.

Перед четвертым — и последним — курсом младший лейтенант Палмер Тэлбот прилетел в Бостон из Калифорнии рейсом «Юнайтед эйрлайнс». По воинскому льготному тарифу. Спустя неделю он полетел бы домой и без самолета, так опьянила его любовь, неожиданно излитая на него Лорой.

Что до Лоры, то она была счастлива, что, покидая пределы больницы, она может найти забвение в объятиях человека, которого бесконечно уважала и для которого значила неизмеримо больше, чем обычная постельная подружка.

Палмер решил использовать пребывание в армии для пополнения своего образования. Он поступил в Военный институт иностранных языков в Монтерее и начал изучать китайский. Это означало, что ему придется провести на военной службе лишний год. Но решение выглядело разумным, тем более что в момент его принятия Лора проявляла очевидное безразличие к своему поклоннику.

Нынешняя Лора с радостью сидела у камина в гостиной его дома на Бикон-стрит и говорила обо всем, только не о медицине.

Она сама удивлялась, что успела забыть, какой он начитанный и интересный собеседник. И как сильно ее любит. Нет на свете другого человека, который любил бы ее, как Палмер Тэлбот. Какая же она была дура, что рисковала его потерять в самонадеянной уверенности, что ей еще суждено встретить свою «настоящую половину». Теперь она твердо решила, что этой половиной ни за что не будет ее коллега по профессии.

Она старалась не утомлять Палмера своими переживаниями по поводу разрыва родителей и связанного с ним комплекса вины. Разлука с отцом стала окончательной, когда в начале 1961 года, точнее в январе, власти Соединенных Штатов разорвали дипломатические отношения с правительством Кастро. А потом случилось вторжение на Плайя-Хирон, предпринятое кубинскими эмигрантами из Майами в надежде «освободить» свою родину, и отношения между двумя странами, до того прерванные, стали открыто враждебными.

— Теперь мне, даже если очень захочу, отца не видать, — сокрушенно произнесла Лора.

— Вообще-то это вполне осуществимо, — возразил Палмер. — Можно поехать в Мексику, а оттуда — самолетом.

Лора посмотрела на него и со всей твердостью сказала:

— Я не желаю ехать на Кубу и тем более не желаю встречаться ни с Фиделем, ни с моим отцом.

— А ты с ним совсем не поддерживала связь после его отъезда?

— Приходили какие-то сумбурные письма. Я на них даже отвечать не стала. Видишь ли, чтобы играть в революцию в его возрасте, надо быть не просто немножко чокнутым. Он заявляет, что больше всего мечтает о том, чтобы я приехала к нему на Кубу и занялась там врачебной практикой.

Палмер покачал головой:

— Я где-то читал, что в его возрасте многие совершают странные поступки. Это своего рода возрастное помешательство. Даже если бы ты захотела, я бы тебя к нему не отпустил.

— Не бойся, такого не случится. И к матери в ее обитель я тоже не собираюсь.

— А кстати, как она?

Мы несколько раз говорили по телефону. Уверяет, что она сейчас счастливее, чем когда-либо, поскольку теперь она «нашла свое призвание», как она благочестиво выразилась. Думаю, она ждет, что я к ней приеду, но у меня нет никакого желания видеть мать, которая предпочла стать «невестой Христовой».

Он коснулся ее плеча:

— Представляю, через что тебе пришлось пройти.

— Боюсь, не представляешь. Понимаешь, видя, как свихнулись мои родители, я начинаю опасаться и за себя. Как бы и мне не потерять рассудок!

Палмер улыбнулся:

— Может, лучше потеряешь его из-за меня?

— По-моему, это уже произошло, — ответила она и обняла его.

Существовала вероятность, что командование направит Палмера назад в Бостон. Имея стипендию от Национального фонда образования военнослужащих, он мог проходить последний год службы, слушая углубленный курс восточных языков в каком-нибудь «престижном

колледже или университете». Поскольку Гарвард в вооруженных силах престижным считался, то Палмер планировал обсудить программу своей подготовки с ректором университета Саймоном Рыбарчиком. Собственно, для этого он и приехал.

А заодно выяснить отношения с Лорой.

Накануне его отъезда они лежали обнявшись перед горящим камином, и Палмер сказал:

— Послушай, Лора, я вправду хотел бы вернуться в Бостон и продолжить обучение здесь. Но я не могу довольствоваться тем, что Шекспир назвал «жизнью на обочине твоей любви». Я знаю, ты еще не готова к браку. Поэтому я согласен на все твои условия, лишь бы мы с тобой были вместе, то есть жили вместе.

Лора посмотрела на него долгим взглядом и сказала:

— Палмер, той девчонки, которая не верила в семейную жизнь, больше нет. И кроме того, на мой взгляд, «Лора Тэлбот» звучит очень мило.

— Ушам своим не верю! Ты серьезно говоришь, что хочешь стать «доктором Лорой Тэлбот»?

— Нет, — кокетливо улыбнулась она, — пусть будет «миссис Тэлбот», но «доктор Кастельяно».

— Ты действительно собралась замуж за этого балбеса?

— Я думала, Палмер тебе нравится, — возмутилась Лора.

— Послушай, мне нравится Элвис, но это не значит, что ты должна выходить замуж за него. Ты это делаешь только потому, что вообразила себя несчастной и одинокой, а Палмер — это линия наименьшего сопротивления.

— Барни, он меня любит.

— Я знаю, Лора. Ни секунды в том не сомневаюсь. В чем я сомневаюсь, так это в том, что ты его любишь. По-настоящему.

На четвертом курсе каждый студент-медик переживает пору глубочайшего кризиса.

По окончании практики, соответствующей избранной медицинской специализации, он вдруг обнаруживает, что уже в июне ему предстоит получить официальный диплом врача.

В этот миг болезненного озарения он понимает, что абсолютно не готов к этому. Черт, говорит он себе (а если это Сет Лазарус, то: «Бог мой!»), люди будут думать, что я действую со знанием дела. Они будут считать, что я распознаю нелады в их организме и излечу их. И что же мне делать?

В этот период утомительная и нудная зубрежка и изматывающая практика представляются неким потрясающим раем! Как это здорово — носиться по лестницам или держать зажим, пока оперирует кто-то другой! Самая большая неприятность — это негнувшиеся ноги, когда вечером плетешься домой. Зато совесть совершенно спокойна!

Роль мальчика (или девочки) на побегушках предполагает все, что угодно, кроме ответственности. Принятия решений на этом этапе не требуется.

Кто-то из преодолевающих этот кризис отлично сознает, что будет учиться всю жизнь, ибо познать *все* в медицине невозможно. Но подобный реализм не выработает у них иммунитета к страданиям их пациентов. И в конечном итоге, через двадцать лет или через десять, напряжение начнет разрывать их сердца — в переносном, а порой и в буквальном смысле.

И тогда они войдут в разряд так называемых «травмированных докторов», то есть врачей с надломленной душой.

Другой, куда более распространенный способ преодолевать это душевное потрясение — неприятие ответственности. Такой доктор убеждает себя, что клятва Гиппократова сродни крещению. Что диплом наделяет его сверхчеловеческими возможностями, которые, подобно бактериям, заметны только посвященным.

Здесь уместен силлогизм, похожий на Декартову формулу: «Мыслю, следовательно, существую». Только в медицине она звучит несколько иначе: «У меня есть диплом, следовательно, я врач».

Кто сумеет до конца поверить в это, будет вознагражден связями, премиями, карьерой и, при известном упорстве, «Мерседесом-SLC».

Барни предстояло принять решение о специализации.

Сколько он себя помнил, он всегда вел внутренний диалог с собой.

— Что делает тебя счастливым, Ливингстон?

— Делать счастливыми других.

— Что ж, это не ответ. Это все равно что изображать Санта-Клауса в супермаркете. Ты не мог бы выразиться яснее?

— Да, по зрелом размышлении я могу объяснить, что хочу видеть делом своей жизни. Лечить несчастных людей, помогать им находить в жизни радость.

Чем больше он копался в самом себе, тем больше убеждался, что создан для психиатрии. И главное — сколько он себя помнил, к нему всегда шли люди со своими проблемами.

Для Лоры он давно уже стал жилеткой, в которую можно поплакаться. А какое невыразимое удовлетворение он испытал, сумев помочь маленькому Марвину Амстердаму в летнем лагере! («Где ты теперь, Марвин? Здоров ли, счастлив ли?») А однокашникам, искавшим у него поддержки в трудную минуту, он и счет потерял. «Да я прямо-таки притягиваю к себе всех несчастеньких».

Однако первое, что требуется от психиатра, — честность перед самим собой. Так что, Ливингстон, давай-ка попробуй взвесить свое решение. Что ты будешь делать для других, ты уже знаешь, но что психиатрия даст тебе?

Это и есть самый трудный вопрос.

«То, что люди видят во мне образец самообладания, не более чем иллюзия. У меня такие же изъяны, как у всех. Только я, кажется, научился их скрывать. Психиатрия поможет мне прежде всего излечить самого себя. Потому что — будем смотреть правде в глаза — тебе уже почти двадцать пять лет, Ливингстон, а ты до сих пор не можешь похвастать отношениями с женщиной, которые выходили бы за рамки банальной половой связи. А это, разумеется, ненормально.

Кроме того, само намерение стать человеком, источающим понимание, тоже своего рода самозащита. Скажи честно: ты боишься заглянуть себе в душу и разобраться, что там происходит.

Да, выбор специальности зачастую является отражением внутренней потребности самого врача. Я хочу разобраться в себе. Хочу понять, почему позволяю себе исполнять роль вселенского отца. Может, это только маска, а под ней кроется нечто сокровенное, например желание стать отцом настоящим?»

Остановив свой выбор на психиатрии, Барни решил пройти дополнительную практику в неврологическом отделении, чтобы лучше понять, как функционирует мозг.

Он в буквальном смысле занялся тем, что потом всю жизнь будет делать фигурально, — ковыряться в человеческом мозгу.

Беннета Ландсмманна манил блеск скальпеля, и он проходил дополнительную практику по хирургии, успев подать заявку на место хирурга-интерна где-нибудь в Бостоне или окрестностях.

— Послушай-ка, Бен, — по возможности дипломатично начал Барни, — давай будем откровенны: ни в одном крупном госпитале Бостона отродясь не было черного хирурга.

— Женщин тоже не было, — возразил Беннет, — но Грета же подала!

— Послушай, приятель, ты можешь быть каким угодно красавчиком или выдающимся спортсменом, но для этих ребят ты все равно лошадка другой масти. А что касается Греты, ей предстоит впервые в жизни узнать, что в мужское общество не всегда можно протиснуться, вертя задом. Ну да это ее проблема. Ты-то не хочешь поумнеть и податься вместе со мной в Нью-Йорк?

— Барни, я испытываю сентиментальную привязанность к Бостону. Филармония, музей...

— Не надо мне этой высокоинтеллектуальной чуши! Я тебе излагаю факты, Бен. Хирургические отделения местных клиник не станут ради какого-то Беннета Ландсмманна ломать традицию, они скорее сломают тебя.

— А ты, Барн? — сменил тему Беннет. — Тебя что так манит в Нью-Йорк? Ведь твоя мать продала родовое гнездо и переехала в край вечного солнца, праздника жизни и рака кожи.

— Ну, у меня там брат в Колумбийском университете, на юридическом.

— Но он же с какой-то девушкой живет, я не ошибся? Он ведь не приглашал тебя ее заменить, а?

— Прекрати, Бен. Нью-Йорк — столица мира. Сточки зрения психиатрии он так же перспективен, как и Бостон, а кроме того...

— А кроме того, оттуда до Лоры Кастельяно аж двести пятьдесят миль.

— А это при чем?

— Признавайся, Барн, ведь с того момента, как она объявила о своей официальной помолвке, ты места себе не находишь.

— Да он ее просто не стоит, черт бы тебя побрал!

— Все так считают, когда дело касается их сестер. И наверное, дочерей, но об этом мы сможем судить позже. Их никто и никогда не достоин. Но, насколько я слышал, мистер Тэлбот очень крут.

— Это точно, — согласился Барни. — Я ничего не имею против него, кроме того, что он не для Лоры.

— И тебе это настолько безразлично, что ты не хочешь находиться рядом и смотреть на ее страдания, когда этот союз развалится.

Барни хотел огрызнуться, но задумался. Затем вымученно улыбнулся.

— Черт возьми, Ландсманн, мне больно в этом признаваться, но ты попал в точку.

— Что ж, — согласился Беннет, — у меня был эгоистический расчет. Я думал, если мы оба останемся в Бостоне, то сможем снять на двоих квартиру и соревноваться уже не в штрафных бросках, а в чем-нибудь более изысканном — например, кто больше соблазнит девиц. Черт, не хочется мне уступать тебя Нью-Йорку.

Барни посмотрел на него и усмехнулся.

— А ты, Беннет, женись на мне.

— Не могу, Барни. Ты не еврей.

Барни был убежден, что у него сердечный приступ.

Затем рассудительность психиатра заставила его осознать, что он принял желаемое за действительное.

Правда состояла в том, что ему было страшно. Сегодня ему предстоял первый выход в роли невропатолога — врачебная «презентация» по результатам обследования, анализ симптомов и

дифференциальная диагностика реального больного. И происходить это будет в присутствии самого профессора Клиффорда Маркса, всемирно известного невропатолога и бесконечно требовательного наставника.

По многочисленным симптомам, которые он скрупулезно изучал, Барни делал твердый вывод: больной будет жить. Единственное, в чем он сейчас не был уверен, — не умрет ли он сам?

Он поднялся по лестнице на четвертый этаж как раз в тот момент, как из лифта вышел величественный, с посеребренными висками профессор в окружении студентов и интернов.

Они обменялись беглыми приветствиями, и старший консультант повел их в отделение неврологии. Местечко было не из приятных. Лежачие больные делились на две противоположные группы — они либо корчились в конвульсиях, либо были в параличе.

Наконец группа в белых халатах добралась до койки мистера Альдо Моретти, лысоватого мужчины средних лет. На первый взгляд казалось, что он попал сюда по ошибке: руки и ноги у него были перевязаны, но он мог ими двигать вполне нормально.

При виде такого количества докторов, проявивших интерес к необычным симптомам его болезни, Моретти пришел в восторг и бурно приветствовал очередных паломников.

Все сгрудились вокруг кровати больного, и профессор Маркс кивнул Барни:

— Итак, Ливингстон, послушаем, что вы нам скажете.

Барни повернулся к белым халатам и открыл папку с официальными бумагами и многочисленными собственноручными заметками.

Не успел он открыть рот, как пациент весело воскликнул:

— Привет, Барни! Как себя сегодня чувствуешь?

— Хорошо, спасибо, мистер Моретти, — буркнул тот, после чего вернулся к своим бумагам.

Моретти снова заговорил, теперь он обращался ко всей группе:

— Вчера этот пацан совершенно измотался и признался мне, что спит на ходу. Если бы я чувствовал себя не так скверно, я бы ушел отсюда и дал ему поспать.

— Хм, да, — бросил профессор. И добавил: — Продолжайте, Ливингстон.

Барни откашлялся и начал:

— Больной — мужчина сорока двух лет, бизнесмен.

— Вообще-то я занимаюсь грузовыми перевозками, — уточнил Моретти. — У меня целый парк грузовиков. — Повернувшись к Барни, он призвал: — Продолжай, малыш. Продолжай.

Барни продолжил:

— В прошлое воскресенье он принимал у себя тещу с тестем и готовил большую кастрюлю спагетти...

— Барни, сколько раз тебе говорить? Это была вермишель!

Барни собрался с духом и строгим голосом отчитал человека почти вдвое старше его:

— Мистер Моретти, я был бы вам крайне признателен, если бы вы дали мне закончить. А потом, если у вас будет что добавить, мы вам предоставим такую возможность.

Твердо решив не давать больше Моретти слова, он без паузы продолжил:

— Неся кипящую кастрюлю к раковине, он внезапно ее выронил и сильно обжег кисти рук и нижние конечности.

— Понять не могу! — пожаловался Моретти. — Никогда в жизни со мной ничего подобного не случилось. И что теперь прикажете делать с этими спазмами?

Барни вздохнул и стал докладывать дальше:

— Когда больного доставили в отделение «скорой помощи», он проявлял признаки дезориентации во времени и пространстве и не мог даже вспомнить, как опрокинул на себя кипяток.

— Да, я был как в тумане, — поддакнул Моретти.

— Принимая во внимание степень ожогов, он был госпитализирован и помещен под капельницу. В тот момент он не проявлял явных признаков патологии со стороны нервной системы. Сегодня утром отмечалась высокая температура, по всей видимости, как следствие ожогов, а также временная потеря сознания. Больной чмокал губами и все время крутил головой в правую сторону. Наблюдался тоникоклонический припадок продолжительностью менее одной минуты. К тому моменту, как вызвали невропатолога, помутнение сознания длилось уже более получаса.

— Молодец парень, ничего не упустил! — похвалил Моретти.

Барни притворился, что не слышит.

— Каково было ваше первое впечатление? — спросил профессор.

— Скажем, так, — начал Барни, стараясь сделать вид, что эта гипотеза только что его осенила, а не была результатом мучительных размышлений, — возможно, что припадок стал следствием резкого скачка температуры. Можно также предположить сепсис вследствие массивной микробной инфекции ожогового поля.

В соответствии с установленным порядком Барни перешел к дифференциальной диагностике, то есть к сравнению симптомов, наблюдаемых у мистера Моретти, с другими заболеваниями со сходными признаками. Помимо самоочевидной гипотезы об опухоли в их числе значилось артериовенозное нарушение кровообращения, вызывающее сходные проблемы. Была даже вероятность рассеянного склероза. Наконец, пока не сделана спинно-мозговая пункция, нельзя было исключить и энцефалит.

Вдруг больной взревел:

— Ни за что! Я не дам втыкать себе в хребет иглу! Один мой приятель через это проходил — говорит, боль адская!

Но Барни уже справился с эмоциями и невозмутимо ответил:

— Конечно, мистер Моретти, мы это учтем.

Он опять повернулся к белым халатам.

— В любом случае, профессор, как вы нам сами все время напоминаете, припадки являются лишь признаком заболевания, но не самой болезнью. Насколько я мог судить, у больного в анамнезе отсутствуют нарушения такого рода, если не считать одного случая, упомянутого им в разговоре, когда его дед упал с лошади и с ним произошел посттравматический припадок. Исследование мозга отклонений не выявило, в том числе и обследование двенадцати черепных нервов. Обследование сенсорных и моторных нервов также не показало никаких аномалий. Сухожильные рефлексy в норме, симптом Бабинского отсутствует. Психическое состояние в пределах нормы.

При этих словах с постели донесся новый комментарий:

— Можешь не сомневаться, птенчик, я не псих какой-нибудь!

— В заключение, сэр, — произнес Барни, понимая, что конец испытания близок, — могу сказать, что припадки нашего пациента носят идиопатический характер.

Идиопатический. Вполне распространенный термин в медицинских кругах. Всякий врач, который не в состоянии поставить больному диагноз, прибегает к этому бесценному эпитету, в переводе с греческого означающему: «неясного происхождения». Иными словами, врач говорит сущую правду, не выдавая больному свое бессилие.

Профессор кивнул:

— Отличная презентация, Ливингстон. Глубокий семейный анализ, все дифференциалы на месте, неврологическая часть тоже на высшем уровне. Я вас поздравляю.

— Эй, а со мной-то как? — возмущенно пробасил больной. — Меня-то похвалите хоть чуточку! Ведь это я Барни все рассказал. Он только записал.

Маркс невозмутимо продолжал говорить со своим учеником:

— Скажите, а почему вы исключили височную эпилепсию?

— Видите ли, сэр, — начал Барни, судорожно роясь в памяти, — височную эпилепсию тоже можно было бы включить, если бы у больного имелись признаки дежа-вю или микропсии — классические симптомы этого заболевания.

На что светило невропатологии произнес:

— Хм...

После этого Маркс наклонился и долго и внимательно изучал лицо больного. Потом распрямился и обратился к своей свите:

— Джентльмены, если внимательно взглядеться в лицо пациента, вы заметите небольшую асимметрию. Вы также увидите, что левый глаз у него немного выше правого. Такие признаки мы относим к неврологической микросимптоматике.

На студентов это произвело должное впечатление, однако никто пока не понял, куда клонит профессор.

— А теперь я хотел бы задать мистеру Моретти несколько вопросов.

— Мне? — оживился пациент, довольный, что на него наконец обратили внимание. — Спрашивайте что хотите.

— Вы помните что-нибудь о своем рождении? — поинтересовался профессор.

— Конечно, — отозвался Моретти. — Двенадцатое февраля...

— Нет, — перебил его Маркс. — Я имею в виду обстоятельства вашего появления на свет. Не припомните, ваша мать ничего не

говорила об осложнениях в родах?

Моретти на миг задумался, после чего изрек:

— Вообще-то говорила. Если я не путаю, меня щипцами тащили.

— Так я и думал, — сказал Маркс с удовлетворенной улыбкой. Он повернулся к студентам: — Роды со щипцами, лицевая асимметрия... — Он показал на левую половину головы больного. — Поскольку во время припадка он дергал головой вправо, повреждение должно быть в этом месте. Думаю, что, при всем уважении к заключению Ливингстона, мы все же имеем дело с височной эпилепсией, которую нам подтвердит электроэнцефалограмма.

После этого он обратился к своему ординатору:

— Джордж, бери дело в свои руки. Если диагноз подтвердится, начнем его лечить дилантином.

Направляясь со своей свитой к следующей неврологической загадке, профессор повернулся к Барни.

— Трудный больной. Вы прекрасно поработали. Жаль, что вы идете в психиатрию. Вам бы надо стать *настоящим* врачом.

Лора не могла выкинуть из головы этих детей.

Из всей практики ей больше всего запомнилась работа в детской больнице. Может, в ней говорил подспудный материнский инстинкт, но каждого ребенка, которого она осматривала, будь то жертва опасной травмы (еще бы чуть-чуть — и в глаз!), тяжелой пневмонии или страшной дорожной аварии (эта опасность носила хронический характер), она воспринимала как своего собственного.

Не было такой палаты в детской больнице, где на ее глаза не наворачивались бы слезы. Были неизлечимо больные дети — с такими заболеваниями, как муковисцидоз, гемофилия, талассемия, мышечная дистрофия и даже еще хуже. Некоторым оставалось жить считанные дни, в лучшем случае — годы. Но все эти болезни были неизлечимы.

Поначалу ей захотелось посвятить себя научным исследованиям, поиску средств от этих болезней-детоубийц. Но вскоре она поняла, что ее место рядом с несчастными детьми, даже если речь идет лишь о том, чтобы облегчить им уход из этого мира.

Впрочем, исход сражения не всегда был предопределен. Оно могло закончиться и торжеством врача, сумевшего распознать едва различимые признаки такого заболевания, как, например, галактоземия

— потенциально неизлечимого, но поддающегося лечению в случае своевременной диагностики.

Но самые глубокие чувства у Лоры вызывали недоношенные дети, появившиеся на свет на двенадцать, а то и четырнадцать недель раньше срока и неспособные к самостоятельному дыханию. Они были такие невесомые и слабенькие (некоторые весили чуть больше двух фунтов), что легко синели от одного прикосновения стетоскопа.

Эти крохотные пациенты инкубатора героически сражались за каждый вздох, и битва за их жизнь могла длиться неделями. При этом считалось удачей, если удавалось спасти одного из четырех.

Барни сказал бы, что в ней говорит застарелый комплекс вины перед Исабель. Но ей на причины было плевать. Лора знала одно: делом своей жизни она хочет сделать спасение младенцев.

Поэтому она подала заявку на интернатуру в детскую больницу. И была принята.

— Лора, открой!

— Нет! Я только что с дежурства. Мне надо поспать.

Постучали сильнее и настойчивее.

— Пожалуйста! Мне надо с тобой поговорить, — прокричал отчаянный женский голос.

— О черт! — проворчала Лора. Она села, сбросила одеяло и направилась к двери. — Иногда мне хочется жить там, где меня никто не найдет.

Она открыла. На пороге стояла Грета, вся в слезах.

— Андерсен, что стряслось? — удивилась Лора.

— Лора, я получила отказ из всех до единой базовых больниц Гарварда. Я наложу на себя руки!

Лора впустила подругу, усадила и принялась утешать. Первым делом она дала ей выплакаться. Потом попыталась поднять ей настроение, воззвав к ее самолюбию.

— Давай посмотрим на это с другой стороны. Не ты теряешь, а Гарвард! Тебя же приглашают в массу достойных мест, и еще не факт, что хорошая хирургия существует только здесь. Выбери себе место, где тебя хотят!

— Ну, меня зовут в госпиталь Джона Хопкинса и в Джорджтаун. Так что ближайшие несколько лет у меня есть шанс поработать

недалеко от столицы. — Тут она с улыбкой добавила: — Может, я даже вытащу на свидание президента Кеннеди.

— Это уж наверняка! — поддакнула Лора. — Для такой секс-бомбы, как ты, он сумеет выкроить время в своем плотном графике.

Она засмеялась. Перед ней была прежняя Грета.

Беннету Ландсманну из всех трех бостонских клиник, куда он послал заявку, тоже пришел отказ.

Но он не очень огорчился. В конце концов, красный диплом Гарварда, стипендия Родеса и самые высокие оценки за клиническую практику что-нибудь да значат. Как однажды пытался ему втолковать Барни: «Говорю тебе, Ландсманн, дело в меланине: черный цвет в хирургии не считается красивым».

— Хочешь правду, Барн? Я ошибался на свой счет, считал себя исключением из правила. Кто-то же должен стать Джеки Робинсоном от хирургии, и я решил, что это непременно буду я. Если честно, ужасно обидно!

Барни обнял приятеля за плечи.

— Пошли их всех, Беннет! Всех до единого. Тебя приняли в тысячу других мест. Поезжай в Филадельфию, в Чикаго, в Балтимор — ты станешь таким великим хирургом, что они сами к тебе приползут и на коленях будут просить, чтобы ты у них попрофессоровал.

Беннет посмотрел на него с восхищением:

— Ливингстон, ты — человек!

— Ты мне льстишь, Ландсманн. Если это что-нибудь для тебя значит, то ты — тоже.

— Да, Ливингстон, — ответил Беннет с грустной улыбкой. — Только я — черный человек.

Однако Грета и Беннет стали исключением. Большая часть выпуска Гарвардской школы медицины 1962 года пошла в интернатуру по своему выбору.

Даже Ланс Мортимер, занимавший последнюю ступень в факультетской иерархии, был принят в клинику Маунт-Хеброн в Лос-Анджелесе.

Хотя для этого, как Ланс признался Барни, его отцу, сценаристу Теренсу Мортимеру, пришлось пустить в ход свои голливудские связи.

Посвящение в полноправные доктора состоялось в июне 1962 года. Церемония проходила во дворе учебного комплекса школы медицины. Перед корпусом «А» была воздвигнута сцена, а вокруг нее полукругом расставлены кресла для зрителей.

В этот жаркий, душный день, в присутствии светочей медицины, каковыми являлись их педагоги, а также родителей,ждавших осуществления давнишней мечты, им предстояло получить дипломы. И самое главное, для вступления в священное братство жрецов-целителей им надлежало произнести клятву Гиппократата.

Эстел и Уоррен приехали оба. Уоррен фиксировал историческое событие на фотокамеру — для потомства.

Но кто прибыл разделить торжественный момент с Лорой? Жених с родителями, разумеется, были здесь, но пока их все-таки нельзя было назвать ее семьей. Лора специально позвонила матери и велела ей не приезжать и в результате опять чувствовала себя виноватой.

Перед самой церемонией Лора поправляла свой академический головной убор, и в этот момент к ней приблизились двое католических священников. Один был молодой, с румяными щеками херувима — по всей видимости, он был посвящен совсем недавно. Другой — намного старше и, судя по его черным очкам, слепой.

— Сеньорита Кастельяно? — спросил юноша.

— Да.

— Мисс Кастельяно, это святой отец Хуан Диас-Пелайо.

Не дав ей ответить, старик обратился к ней на чистом кастильском наречии — ее родном языке.

— Я пришел дать вам свое благословение, — объявил он дребезжащим старческим голосом. — Я вместе с вашим достойным батюшкой сражался на фронтах гражданской войны. Нас, сынов церкви, там было не много. И я имел несчастье попасть — как бы лучше выразиться? — в недружественные руки. Ваш отец спас мне жизнь. Я уверен, что сегодня ваши отец и мать вами гордятся.

Тут он трясущимися руками очертил в воздухе крестное знамение и сказал:

— Benedicat te omnipotens Deus, Pater et Filius at Spiritus Sanctus^[28].

— Аминь, — прибавил херувим.

Они исчезли так же быстро, как появились. Кто их послал? Ее монашка-мать? Или это отец каким-то образом, по конспиративным каналам, передает ей весточку с Кубы?

Барни издалека наблюдал этот разговор и, едва видения исчезли, был тут как тут.

— Лора, все в порядке? — спросил он, — Ты немного бледная.

— Если честно, у меня такое чувство, будто в утреннем кофе был ЛСД. Эта парочка приходила меня благословить.

— Расслабься, Кастельяно.

Семейство Дуайер было представлено родителями Хэнка и Черил. У каждой бабушки на руках сидело по внучке, а у мамы на коленях расположился мальчуган. Все с восторгом предвкушали «коронацию» простого питтсбургского парня.

Кое-кто с любопытством вглядывался в белую толпу в надежде узреть среди присутствующих родителей Беннета. Но ни одного черного лица видно не было.

Накануне Барни ужинал с Беннетом и Ландсманнами в ресторане «Мэтр Жак». Они обращались друге другом с такой нежностью, какой Барни не видел ни в одной другой семье, даже между настоящими родителями и детьми.

Небольшая кучка темнокожих все-таки приготовилась дружно приветствовать Беннета, когда декан станет вручать ему диплом и жать руку. Конечно, эти люди не сидели на почетных местах — они выглядывали из окон окружавших двор зданий. Обслуживающий персонал факультета — дворники, уборщицы и т. п. — прекрасно знал, что на всем медицинском факультете есть только двое их братьев по крови — и ни одной сестры!

Церемония началась с традиционных поздравительных речей. За выступлениями кого-то из самих выпускников последовало вручение разнообразных наград.

Лауреатом премии Джона Уинтропа стал Питер Уайман.

Победоносный лауреат встал и приготовился раскланяться, но оваций не последовало.

Зато Сета Лазаруса, поощренного за самые высокие оценки, приветствовали с таким энтузиазмом, который был больше уместен на стадионе.

Нэт и Роза сидели вместе с Джуди Гордон в третьем ряду. При всей гордости за младшего сына Роза непрерывно корила себя: «Ну как я могу радоваться, когда мой малыш лежит в могиле?!» В то же самое время ее супруг мысленно ликовал: «Слава богу, один сын у меня жив, и он талантлив».

Внезапно, словно по мановению волшебной палочки, порядок восстановился и аудитория стихла.

Декан Холмс, в алой мантии больше, чем когда-либо, похожий на верховного жреца, жестом поднял выпускников и велел повторять за ним священный символ веры врача — клятву Гиппократова:

— «Клянусь Аполлоном-врачом...»

— Клянусь Аполлоном-врачом...

— «...считать научившего меня врачебному искусству наравне с родителями...»

— ...считать научившего меня врачебному искусству наравне с родителями...

— «...его потомство считать своими братьями и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно...»

При этих словах Барни задумался над иронией ситуации: было ясно, что никто из его однокашников не собирается заниматься благотворительностью.

— «Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда...»

Беннет Ландсманн невольно подумал: «Нацистские доктора тоже давали эту клятву. И как же они могли так поступить с Ханной?»

— «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла...»

Сет Лазарус шевелил губами, но слов не произносил. Потому что в этом он не мог клясться.

— «Я не вручу никакой женщине абортивного пессария...»

Лора Кастельяно сама была поражена, что ей на память пришел тот давнишний эпизод, когда они с Барни отчаянно искали доктора, готового нарушить этот пункт клятвы.

— «Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство...»

Хэнк Дуайер, уже и без того изнывающий от жары, еще сильнее взмок. «Неужели это будет как с церковным обетом, который я не смог соблюдать? Неужели и здесь я буду бороться с искушениями плоти?»

«Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом...»

При этом предписании многие будущие хирурги вздрогнули. И в то же время они знали, что на протяжении многих столетий нарушение целостности человеческой плоти считалось делом грубым, совершаемым зачастую цирюльниками. Разницы между стрижкой волос и ампутацией ноги почти не видели.

Но, скорее всего, для этого запрета были основания. Религиозного свойства. Ведь тело считалось священным храмом души. Не входи. Не преступай границ.

— «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел...»

Хирург, пристававший к Грете Андерсен и восседавший сейчас со своими коллегами в президиуме, сделал вид, что строгие установления к нему не относятся. Хотя сам много лет назад тоже давал эту клятву.

Наконец шло заключительное положение:

— «Что бы я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной...»

— Что бы я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной...

Тут декан Холмс объявил:

— Теперь вы стали врачами. Ступайте же и будьте достойны своей профессии.

Мир не знает аналога клятве Гиппократата. Кто-то скажет, что она сродни венчанию. Или принятию церковного обета. Однако в первом случае есть развод, во втором можно снять обет.

Но от клятвы Гиппократата отступить не может никто. Ни при каких обстоятельствах.

В тот день они дали необратимый обет служить делу гуманизма и приносить облегчение страждущим.

Кроме того, в отличие от брака и церкви этот обет они давали не Богу, а Человеку. Если отказ от Бога и влечет за собой вечные муки, то об этом они узнают лишь в загробном мире. Но если они станут плохо служить Человечеству, то результат почувствуют уже при жизни.

Итак, они вышли в море, чтобы биться с болезнями и смертью. И друг с другом.

III

Дипломированные врачи

В 1962 году прогресс в медицине и в автомобилестроении шел в одном направлении. Изобретение электрошока сделало возможным возвращение к жизни больного, уже находящегося за ее чертой, точно так же, как прикуривание от чужого аккумулятора может оживить окончательно севшую батарею.

А в тех случаях, когда собственное сердце пациента отказывало, врачи научились заменять больные клапаны на искусственные, изготовленные из пластика или дакрона.

Правда, в отличие от автомобилестроения гарантии на медицинские запчасти не давалось.

Не означало ли это, что врачи стали брать на себя роль Господа Бога, если не больше? А если так, не постигнет ли их кара, подобная той, что навлек на себя Прометей?

В глазах некоторых доказательством гнева Небес стали последствия безобидного, как поначалу считалось, транквилизатора под названием «талидомид», который врачи самонадеянно прописывали даже беременным. Через некоторое время выяснилось, что в результате младенцы рождаются с жуткими уродствами.

Вслед за этим возникли неизбежные нравственные проблемы: если будущая мать, положившись на заверения своего врача, уже начала принимать этот препарат, не ведая о последствиях, не значит ли это, что ее беременность следует искусственно прекратить? Или врачебная этика ставит ее перед риском рождения уродца, которого ожидает ущербное существование, полное страданий?

Новое направление в медицине получило мировое признание после того, как Нобелевский комитет присудил премию Джеймсу Уотсону и Фрэнсису Крику за открытие ДНК. Молекулы жизни. Имеющая, несмотря на устрашающее название, поразительно простую структуру, дезоксирибонуклеиновая кислота, по сути, вооружала ученых материалом для выпечки живых пряничных человечков. Иными словами ^ для создания человеческого существа в лабораторных условиях.

Чем не вызов Всевышнему?

Но пока эти новые перспективы еще маячили где-то на горизонте, а более конкретным подарком медицине человечеству оказалось изобретение препарата, которому суждено было стать подлинным лекарственным чудом.

Этим чудом был валиум.

Оркестр грянул Свадебный марш. Лора взяла Барни под руку, и все гости отметили и красоту невесты, и привлекательность ее спутника.

После получения дипломов прошло три дня. Солнце светило с безоблачного синего неба. Но событие, призванное стать воплощением радости, все же было несколько омрачено. Ибо любящие родственники и друзья, собравшиеся в саду дома Тэлботов, слишком хорошо видели, что на свадьбе присутствуют не все, кому полагалось бы. Тем более что к алтарю Лору вел Барни.

Они медленно шествовали по проходу, оставленному между рядами взятых напрокат стульев, и Барни гадал, что сейчас творится у Лоры на душе. Держалась она спокойно, с достоинством и была ослепительно хороша.

Но вот была ли она при этом счастлива?

Под звуки Свадебного марша они приблизились к его преподобию Ллойдю, местному викарию, по левую руку от которого стояли ликующий Палмер и его шафер Тим, слащавый блондинчик.

Когда все заняли свои места, священник заговорил: Дети мои, мы собрались здесь для того, чтобы пред лицом Господа и паствы Его соединить навеки этого мужа и эту жену в священном таинстве брака.

Подчеркнув божественный смысл происходящего, он спросил, не известны ли кому-либо из присутствующих причины, делающие союз Лоры с Палмером невозможным. Барни, который такие причины знал, принял тем не менее решение хранить молчание. Когда его преподобие поинтересовался, кто передает невесту в руки жениха, Барни объявил, что он.

В этот момент он вверил Лору опеке Палмера, который, как от него и требовалось, торжественно обещал взять ее в жены. Она в свою очередь поклялась «любить, почитать и слушаться своего нареченного до смертного часа».

Палмер надел кольцо на палец Лоре. После еще нескольких банальностей, изреченных его преподобием, молодые впервые поцеловались в качестве мужа и жены.

И сейчас же струны бессмертного марша Мендельсона возвестили о том, что присутствующие могут перейти к столу и надраться до бесчувствия.

Не очень понимая, в чем теперь состоит его роль, Барни неподвижно наблюдал, как молодожены растворяются в толпе бросившихся их поздравлять гостей.

— Красивая пара, не правда ли? — спросил Ллойд.

— Да, — согласился Барни, охваченный непонятной печалью. — Мой брат Уоррен фотографирует их.

— А вы женаты? — любопытно спросил викарий.

— Нет, сэр.

— Тогда, доктор, — с неподдельным энтузиазмом воскликнул священник, — у вас есть все шансы стать следующим!

В описываемый период Беннет Ландсманн переживал кризис самоопределения.

На собственном печальном опыте испытал тотальную расовую сегрегацию в Миллерсбурге, а затем менее откровенный, а потому более коварный социальный остракизм в Кливленде, он научился справляться с ударами судьбы. Теперь же он наивно полагал, что статус выпускника Гарварда заставит окружающих смотреть на него не сверху вниз, а скорее снизу вверх.

Но он ошибся. И очень скоро понял, что его соотечественники по-прежнему обращают внимание не столько на белый халат, сколько на черную кожу.

Жизнь в Нью-Хейвене, поблизости от места его интернатуры (а если повезет, то и ординатуры) — престижного госпиталя Йель-Нью-Хейвен, раскрыла Беннету глаза на печальную действительность и привела в смятение его дух.

Клиника находилась не просто рядом с местным негритянским гетто, а в самом его центре. И хотя жил он в суперсовременном доме рядом со Старым студгородком, возле которого ставил и свой новенький, подаренный Хершелем «ягуар», он прямо-таки физически ощущал эмоции местных чернокожих.

Профессура и студенты университета, почти сплошь белые, представляли собой состоятельную привилегированную часть общества, были богачи, элита. Черные же были людьми второго сорта, обреченными на прозябание в бедности. Ответвление от федеральной трассы номер 95, построенное на деньги Йельского университета и соединявшее его с гетто, воспринималось как хитроумная уловка: скоростная трасса служила своего рода крепостным рвом, призванным отгородить плебс от пребывающих в своей мирной цитадели патрициев.

Нельзя сказать, чтобы в госпитале, где оказался Беннет, царил сегрегация. Чернокожих и белых сотрудников тут было практически поровну. Различие между ними состояло в том, что операции проводили белые хирурги, а люди, которые затем мыли операционные, были потомками рабов, освобожденных Линкольном.

Беннет старался не терять присутствия духа и чувства юмора, но тем не менее ощущал себя потерянным. Он оказался на ничьей территории, между двумя четко разделенными слоями общества. Ни в том ни в другом он не чувствовал себя своим. Хуже того, ни одна сторона на его персону и не претендовала.

Не проходило дня, чтобы ему так или иначе не напоминали о том, что он «другой».

Однажды, дежуря в отделении неотложной помощи, он принял черную семью, попавшую в автомобильную аварию. Жена пострадала меньше всех и отделалась шоком. Ей было достаточно сделать укол демерола. Чтобы не терять времени, Бен решил самостоятельно выписать препарат из больничного распределителя.

Фармацевт взглянул на бумажку и уставился на него.

— Доктор Ландсманн? — спросил он. — Новенький, наверное.

— Не понял? — вежливо переспросил Беннет.

— Юноша, вы должны знать наши правила. Нам не разрешают выдавать такие лекарства санитарам. Только врачам или медсестрам. Скажите ленивому доктору Ландсманну, пусть придет сам.

— Я и есть доктор Ландсманн, — ответил Беннет, стараясь не повышать голоса.

Он был слишком смущен, чтобы разозлиться, и слишком обижен, чтобы броситься в атаку.

Глаза их встретились.

— Ой, прошу прощения, доктор, — фармацевт заговорил почтительно. — Я не знал... Ведь большинство персонала у нас...

— Я вас понял, — тихим голосом перебил Беннет. — Пожалуйста, выдайте лекарство. У меня там больная в шоке.

— Конечно, конечно.

Фармацевт повернулся и молниеносно принес препарат.

В следующую субботу между итальянской и негритянской группировками произошла разборка, результатом которой стало около десяти раненых, в том числе молодой негр с пулевым ранением в грудь из самодельного пистолета.

Заниматься им поручили Беннету. Вдвоем с сестрой они проворно доставили раненого в первую свободную операционную на этаже. Сестра побежала готовить шприц, а Беннет нагнулся, чтобы поближе осмотреть рану. Но стоило ему распахнуть рубашку у парня на груди, как тот прохрипел:

— Эй, мужик, не тронь! Позови мне врача!

— Я и есть врач, — сказал Беннет как можно спокойнее.

— Не надо мне мозги пудрить, здесь черных врачей нет. Зови мне начальника!

Беннет хотел было возразить, но тут вошел Хеб Гласс, такой же, как он, интерн, и попросил совета относительно доставшегося ему больного со множественными ножевыми ранениями.

Беннет повернулся к коллеге, чтобы вполголоса обсудить его проблему, а раненый завопил:

— Вот! То, что нужно! Пусть он меня лечит! Эта дырка в груди меня убьет. Скажи доктору, мне нужна срочная помощь.

Беннет спокойно объяснил Хебу ситуацию.

— Да пошел он! — с негодованием прошипел тот, — Радоваться должен, что попал к врачу с твоими руками!

Но самолюбие Беннета было настолько уязвлено, что он уговорил Хеба поменяться пациентами.

И, ни слова не говоря, зашагал в другую операционную, чтобы начать зашивать больного, который либо будет менее разборчивым, либо (еще лучше) окажется без сознания.

— Боже мой, ну постарайся проявить благоразумие!

Генри Дуайер, доктор медицины, пытался урезонить Черил, которая кормила Роз-Мари, их четвертого ребенка. Был предрассветный час, и он только что вернулся с изнурительного тридцатичасового дежурства в родильном отделении госпиталя Бостон-Мемориал.

— Хэнк, пожалуйста, перестань орать — детей разбудишь!

— А мне-то что? Разве они дают мне поспать после каторжной работы во имя хлеба насущного для них же самих?!

— Хэнк, они всего лишь маленькие дети. Как, ты считаешь, я им должна объяснить, что такое интерн?

— Черил, это твоя проблема. Ты — мать. В нашей семье с отцом всегда обращались как с королем.

— Ой, простите, ваше величество. Правильно я поняла — ты от рождения умел ходить на горшок?

— Это тут ни при чем. Серьезный разговор, а ты все увливаешь.

— Дорогой, никакого разговора не нужно. Католическая церковь однозначно запрещает противозачаточные средства. Или ты окончательно утратил веру?

— Послушай, не надо только меня ловить на эти поповские штучки. Я больше не чувствую за собой никакой вины. А кроме того, если ты решила тыкать мне в нос Библию, то не забудь апостола Павла, Первое послание к коринфянам: *«Лучше вступить в брак, нежели разжигаться»*.

— Я не пойму: что ты хочешь доказать?

Она так экспрессивно взмахнула рукой, что ее сосок выскочил изо рта маленькой Роз-Мари.

Хэнк почти исчерпал аргументы. Ну как такая сексуальная (или в недавнем прошлом сексуальная) женщина, как Черил, не поймет, что мужчине в расцвете сил необходим регулярный секс, даже если некоторые ханжеские девушки католической веры и считают его грязным делом?

Он присел рядом с ней на корточки, чувствуя, как ноют мышцы от беготни по больничным лестницам.

— Дорогая, я «разжигаюсь». Я отдаю этой проклятой клинике душу и тело, но один маленький кусочек берегу специально для тебя. Я ясно выражаюсь?

Маленькая Роз-Мари захныкала. Хэнк нахмурился, приняв это на свой счет. Черил притянула детскую головку обратно к груди.

— Хэнк, я понимаю, у тебя есть определенные потребности, но ты же врач! Как ты не поймешь, что только что родившая женщина...

— Я денно и ночью принимаю роды, так что не надо мне рассказывать про послеродовую депрессию. Это только предлог, чтобы я к тебе не лез.

— Перестань, ты несправедлив! Я не сказала, что у меня депрессия. Я просто устала. Скоро я опять буду в форме.

— Ага. И тут же забеременеешь снова.

— Пока кормлю — нет.

— Это все бабушкины сказки, что кормящая женщина не может забеременеть. Я только хотел сказать, что четверо детей — вполне достаточно для любой семьи. Тем более — для семьи начинающего врача.

— Хэнк, но ты уже скоро перестанешь быть начинающим. Как только тебе дадут постоянное место, все наши проблемы закончатся. А кроме того, ты же знаешь, мои родители рвутся нам помогать.

— У меня есть гордость, — лицемерно возразил он. — Я не принимаю подачек от тещи с тестем. Единственное, о чем я прошу, это уважение. Всякого мужа надо уважать.

— Я уважаю тебя, милый. Ты же знаешь: я тебя боготворю.

— Тогда почему ты не уважаешь мои потребности?

Черил заплакала. Слезы лились у нее по щекам, капали на грудь и попадали на лобик младенца.

— Хэнк, я буду очень стараться. Вечером, когда все уснут...

— Ничего не получится, — саркастически заметил он. — Кто-то один всегда орет. Требуется к себе внимания.

Она уже не знала, как успокоить его.

— И мы попробуем... как-нибудь предохраняться. — Она не могла заставить себя произнести слово «контрацепция».

Хэнк торжествующе улыбнулся:

— Вот и умница. Девочка моя... Я тут кое-что почитал, так эти таблетки настолько усовершенствовались...

— Про таблетки я ничего не говорила, — с сомнением перебила Черил. — Католическим семьям дозволяется только физиологический метод...

— Физиологический метод?! — взорвался он. — И ты смеешь это говорить после того, как это существо, которое тебя сейчас сосет, именно так и было зачато! Кроме того, это всего лишь повод ограничиваться парой раз в месяц.

Хэнк замолчал. Он вдруг понял, что зашел слишком далеко. Черил рыдала в голос, нависнув над Роз-Мари так, словно хотела защитить ее от разгневанного отца.

Он опять опустился рядом с ней на колени и пробормотал:

— О, прости меня, родная! Но когда попробуешь двое суток кряду не спать, тогда узнаешь, насколько я измочален. Пожалуйста, прости.

— Хэнк, я тебя так люблю! Пожалуйста, не будем больше ссориться.

Отец, мать и дитя несколько минут сидели обнявшись и дружно раскачивались взад-вперед.

И Черил успокоилась.

— Ты завтракать будешь? Как только она уснет, я тебе сделаю французские тосты.

— Да ладно, я в клинике съел какую-то дрянь. Интерны как козлы — все готовы сожрать.

Он встал и направился в спальню, и тут ему пришло в голову, что у интернов есть еще одно сходство с козлами: они необычайно похотливы.

В ночь с субботы на воскресенье приемный покой отделения скорой помощи клиники Беллвью становится похож на армейский полевой госпиталь. У Барни, которому выпало там продежурить тридцать шесть часов кряду, было такое впечатление, будто на улицах Манхэттена идет война.

Как ни парадоксально, но ножевые и пулевые ранения были для врачей самым легким делом. По прошествии нескольких недель он уже наложил на разорванные ткани столько километров швов, что ему вспомнились рассказы Луиса Кастельяно о гражданской войне в Испании: «Я был не столько врачом, сколько белошвейкой».

Постепенно Барни научился накладывать швы в полуобморочном состоянии, так что, оказывая помощь очередной жертве городского насилия, он хотя бы отдыхал головой.

Лечь поспать во время дежурства ему никак не удавалось. Нью-Йорк вполне оправдывал свою репутацию «вечно бодрствующего города».

Он старался найти утешение в том, что о тяготах интернатуры его предупреждали заранее.

«Но почему, — спрашивал он себя, как спрашивали тысячи других молодых врачей до него, — почему у нас такие бесчеловечно длинные смены?»

Ведь ни одна авиакомпания ни за что не позволит своим летчикам находиться в воздухе и половину того времени, которое Барни проводил на дежурстве. За что же так карают интернов?

Как ни удивительно, но именно врачи, то есть люди, лучше других понимающие особенности физиологии, словно игнорировали тот очевидный факт, что уставший человеческий организм не может работать в полную силу. И что на своих полуторасуточных дежурствах стажеры доходят до состояния, близкого к коллапсу.

Он набрался наглости и спросил у одного из старших врачей, какой смысл позволять молодым докторам истязать себя до такой степени, что это не может не отразиться на их пациентах.

И знаменитый врач ответил:

— Так работали мы, и мы выжили.

— Нет-нет, сэр, — возразил Барни сонным голосом, — пускай вас не волнует состояние нашего здоровья, но как быть с тем злополучным пациентом, которого осматривает врач, едва держащийся на ногах? Вы же не станете утверждать, что подобный осмотр отвечает интересам больного? Усталость — прямой путь к ошибкам.

Врач сердито посмотрел на Барни.

— Ливингстон, это является составной частью вашей подготовки, так что почаще вспоминайте поговорку: «Назвался груздем — полезай в кузов».

И Барни стоически нес службу, хотя у него было такое ощущение, что вместо крови у него по жилам течет кофе, а мозги делаются мягкими, как свежая булка.

Из всех заканчивающих обучение терапевтов Сет Лазарус получил больше всего предложений.

Ему уступал даже Питер Уайман, который, пожалуй, мог бы и потягаться с ним за неофициальное первенство, не получи он заранее предложения от родного факультета. Питера жаждал заполучить в свой коллектив профессор Пфайфер, для которого он успел стать незаменимым помощником в исследовательской работе. Имея столь заманчивую перспективу, Питер подавал заявки на работу только в те клиники, куда можно было добраться пешком из Биохимической лаборатории. И конечно, получил приглашение из всех.

Его наставник (Питер уже называл его просто Майком) позаботился о том, чтобы в дополнение к жалкой ставке интерна он получал какие-то деньги от Национального института здравоохранения.

Итак, для Питера мало что изменилось, разве что теперь на его визитках и бланках для писем стояло: «Питер Уайман, доктор медицины, доктор биохимии».

Сет установил рекорд Гарварда: он получил пять с плюсом по всем без исключения клиническим дисциплинам. Больницы гонялись за ним, как вузы — за абитуриентами-спортсменами. Кроме того, учитывая многогранные способности, ему было предложено пройти дополнительную специальную практику по любому направлению избранной специальности.

«Подумай как следует о хирургии, это очень престижно, — твердили ему то тут, то там. — У тебя руки виртуоза. Ты владеешь скальпелем, как Яша Хейфец смычком, — точно, быстро, четко. Ты мог бы стать новым Харви Кушингом».

Сравнение с легендарным гарвардским нейрохирургом и физиологом, естественно, Сету польстило, но он поблагодарил и отказался.

Как он признался Джуди, ему не хотелось посвящать свою жизнь лечению неподвижных больных, пребывающих в бессознательном состоянии. Отказался он и от предложения своего босса, Тома

Мэтьюза, пойти на полную ставку в отделение патологоанатомии. В этом отделении больные попадали в руки врачей слишком поздно.

И Сет избрал терапию, в которой точно поставленный диагноз порой может избавить больного даже от операции. И что с того, что хирурги посмеиваются над терапевтами и пренебрежительно называют их «блохами»!

Несмотря на приглашения из Сан-Франциско, Хьюстона и Майами, не говоря уже о Бостоне и Нью-Йорке, Сет решил вернуться в родной Чикаго. Он был привязан к своей старой клинике. И там жила его будущая жена.

К несчастью, он не придавал должного значения тому факту, что там же находились и его родители.

За время, прошедшее после смерти Говарда, Розы сильно изменилась. Она ходила на кладбище с той же регулярностью, с какой прежде навещала Говарда в больнице, но теперь она помешалась на младшем сыне.

Со свойственной ему наивностью Сет допустил стратегическую ошибку. Они с Джуди решили, что идеальным моментом для свадьбы является июнь будущего года, когда подойдет к концу срок его интернатуры, и условились ничего пока не говорить родителям. Поэтому, вернувшись в Чикаго с дипломом, Сет пошел по пути наименьшего сопротивления и поселился дома.

Розы, которая раньше даже не замечала, если он задерживался к ужину, засидевшись в школьной библиотеке, теперь стала требовать, чтобы Сет каждый вечер ужинал дома. И хотя он всегда звонил из клиники и предупреждал о задержке, мать мало-помалу стала воспринимать его отсутствие как невнимание к родителям.

Более того, со временем ее навязчивая забота приняла такие масштабы, что она не могла уснуть, не дождавшись сына. А он иногда приходил к полуночи. Смотреть по телевизору больше было нечего, разве что какой-нибудь допотопный фильм, но Розы не поддавалась на уговоры Нэта и продолжала сидеть в гостиной.

— Ни за что! — категорично заявляла она и шла спать, только заслышав шаги потихоньку пробирающегося к себе Сета.

Однажды, когда канал для полуночников показывал какой-то шедевр немого кино, она заговорила с мужем на животрепещущую тему.

— Как думаешь, чем он в такое время занимается? — спросила она.

Нэт ответил не сразу: у него выработалась привычка спать перед телевизором, закрыв уши подушкой. Рози пришлось спросить еще раз, во весь голос:

— Нэт! Как думаешь, что он делает в такое время?

Сет, как раз в этот момент на цыпочках поднимавшийся к себе, невольно подслушал дальнейшее.

— Рози, ради бога! Мальчику скоро двадцать пять лет!

— А что, если она его заарканит? Девчонки на это горазды. Все идет хорошо, можно сказать как по маслу, а потом — бабах! — она беременна.

— Ну и хорошо, — сказал Нэт. — Значит, ты быстрее станешь бабушкой.

— Джуди ему не пара, — задумчиво произнесла мать. — Он достоин лучшего.

— Она славная девочка, и они друг друга любят. Что ты еще хочешь? Принцессу?

— Принцессу не принцессу, а уж что-нибудь получше можно найти.

— Послушай, Рози! Сет хороший мальчик. У него есть голова на плечах. Но он тоже не принц. С этой девушкой ему хорошо. Чего еще желать?

Наступила зловещая пауза. Сету захотелось побыстрее подняться в свою комнату и больше не слышать ничего, но мозг отказывался отдать нужное приказание мышцам. И тут до него донесся трагический голос матери:

— Я не хочу его терять, Нэт. Я уже потеряла Говарда. Я не хочу лишиться второго ребенка.

— А кто говорит, что ты его лишишься? Со здоровьем у него все в порядке. Он всего лишь женится.

— Женится и уйдет от нас? В этом-то все дело, Нэт! Я не позволю Сету на ней жениться. Это мое последнее слово.

На что муж ответил:

— Надеюсь, что действительно последнее, Рози. Спокойной ночи.

* * *

На следующее утро Сет Лазарус и Джуди Гордон поехали в Ивенстон, где пред Господом Богом и в присутствии паствы в лице мирового судьи Дэниэла Кэррола и его жены, а также приглашенного за пять долларов свидетеля, но в отсутствие родителей сочетались церковным браком.

Кого соединил Бог, да не разлучит свекровь!

Лора впервые имела дело с новорожденным уродцем.

Прошло двенадцать часов с того момента, как миссис Кэтлин Пейли произвела на свет мальчика весом семь фунтов. Дежурный педиатр Пол Федорко привел своего любимого интерна, чтобы доктор Кастельяно могла посмотреть, как обращаются с новорожденным в первые мгновения его жизни.

У плода было тазовое предлежание, но акушер-гинеколог Лесли провел роды филигранно. Уродство ребенка стало явным только в самый последний момент.

Погруженная в сон мать не подозревала, какой ее ждет удар.

Прекрасный во всех других отношениях мальчик родился с частичной нёбной расщелиной — ткани ротовой полости и носа не до конца срослись, вдобавок у него была заячья губа.

Федорко заранее предупреждал Лору, что надо быть готовой к чему-то подобному, поскольку в роду у Кэтлин имелись такого рода дефекты.

Лоре доводилось видеть в учебниках фотографии детей с «волчьей пастью», но сейчас, при всех ее стараниях сохранять подобающую врачу отстраненность, она содрогнулась.

Доктор Лесли сделал педиатрам знак забрать младенца. Лора с Федорко завернули малыша в пеленки, и сестры бегом повезли его в отделение интенсивной терапии. Мать тем временем перевезли в послеродовую палату, где ей предстояло еще по меньшей мере полдня спать, пока не кончится действие лекарства. Это давало Лесли и его помощникам возможность прийти в себя и подготовиться к разговору с родителями.

В тот день Лора усвоила один важный урок. Когда у врача хорошие новости для больного, он сообщает их сам. В этих случаях он подобен оперному певцу — выходит на середину сцены и исполняет свою арию соло. Если же что-то не в порядке, в дело вступает хор с максимально возможным числом участников.

Иными словами, в кризисные моменты врачи выступают единым фронтом.

Лору тоже призвали в компанию, куда уже входили Лесли, его ординатор и Федорко.

— Все готово, Пол? — спросил Лесли.

Федорко кивнул.

— Книга у меня. — Он повернулся к Лоре: — Ты-то в порядке?

— Если честно, то не совсем, — призналась она. — Я даже не вполне понимаю, что я вообще тут делаю.

Ну, если ты собираешься идти в педиатрию, то надо и этому научиться. А кроме того, если говорить откровенно, в присутствии женщины такие беседы всегда проходят легче, — пояснил Пол.

— А что у вас за книга, Пол?

— Увидишь, — ответил он и улыбнулся. — Не волнуйся, Лора, это тот случай, когда мы почти уверены в мирном исходе.

Морт Пейли сидел подле жены, крепко сжимая ей руку. Было видно, что она еще не совсем очнулась, но муж при виде белых халатов вытянулся по струнке.

— Добрый день, Морт, — сказал акушер-гинеколог, намеренно обращаясь к молодому папаше по имени, чтобы придать своему разговору отеческий характер, который всегда ставит врача в выгодное положение. — Я вас поздравляю.

— Но ведь что-то не так, я знаю! — подала голос Кэтлин. — Я у всех сестер спрашиваю, а они мне твердят: «Дождемся доктора Лесли». Что-то случилось, это у вас на лицах написано. У всех до единого!

— Есть небольшая проблема, — объявил Лесли постным голосом.

— Что? Что такое? — вскричал Морт. — Ребенок нездоров? Или что?

Тут Лесли передал слово педиатру:

— Доктор Федорко вам сейчас все объяснит. Это по его части.

Пол откашлялся и начал подчеркнуто уверенным тоном:

— Морт, я уверен, что вы знакомы с семейным анамнезом Кэтлин. И вы знаете, что по материнской линии у нее в роду имелась такая патология, как «волчья пасть». То есть расщелина нёба.

— О нет! — взмолился отец. — Вы хотите сказать, что малыш будет похож на дядю моей жены? Он же настоящий урод! Даже разговаривать нормально не может.

— Морт, в чем дело? — спросила жена. — Наш малыш — как дядя Джо?

Он нежно взял ее за руку. Кэтлин застонала:

— Нет-нет... Скажи, что это неправда!

— Морт и Кэтлин, — прервал их акушер, — сейчас тысяча девятьсот шестьдесят второй год, и существует методика устранения этого дефекта. Сейчас доктор Федорко вам покажет, какие чудеса творят в наши дни детские хирурги.

— Взгляните сюда, — успокаивающе произнес Пол и открыл альбом с фотографиями.

— О господи! — отшатнулся Морт Пейли.

— Это снимки, сделанные «до», — не унимался Федорко. — А вот те же самые дети после операции. Разве они не чудесны?

Морта это не убедило. Он все еще страдал при мысли о том, что малыш *так* выглядит.

Ловя взгляды людей в белых халатах, он взмолился:

— Ей этого сейчас не показывайте, хорошо? Ну пожалуйста! Подождите хотя бы денек.

— Нет, Морт, — Лесли был неумолим. — Вы оба должны безотлагательно осмыслить случившееся и думать, как быть дальше.

Наблюдая за дежурным педиатром, демонстрирующим молодому папаше фотографии детей до и после операции, Лора осознала причину такой спешки: Пол просто не мог терпеть боль. Он принимал беду этих людей слишком близко к сердцу и торопился поскорее переложить на них тяжкий груз.

Лора впервые поняла смысл расхожей фразы о том, что для того, чтобы стать — и остаться — врачом, надо обрасти толстой кожей, облачить свою душу в броню, которую не сокрушат никакие эмоции. Можно облегчать чужие страдания и утолять боль, нельзя только ее чувствовать. Она не знала, сумеет ли когда-нибудь стать настолько сильной.

Через час Федорко предложил:

— Лора, не поможешь немного сестре Уокер? Отнесете маленького Пейли к его маме? Мальчика пора кормить.

— А она сможет это сделать, Пол?

— В физическом смысле — да. Сосать ребенок может. А вот психологически — не знаю. Тут как раз нужно твое внимание. Я бы не хотел прибегать к искусственному вскармливанию. Зачем пользоваться какой-то соской, когда для ребенка всегда лучше материнское молоко?

— Пол, но у меня совсем нет опыта. Что я ей скажу?

— Скажи, что через полгода ее малыш станет красавцем. Если ты убедишь ее взять ребенка на руки, дальше все сделает Природа.

Она немного постояла у дверей палаты, глубоко вздохнула и сказала сестре:

— Подождите здесь. Я попробую ее подготовить. Психологически.

— Но, доктор Кастельяно, обычно мы не так делаем. Мы всегда сразу вносим ребенка.

— Если вы не возражаете, я бы попробовала на этот раз поступить иначе.

— Хорошо, хорошо, доктор, — сдалась сестра. Первая реакция Кэтлин была именно такой, какой боялась Лора.

— Нет! Господи, я не хочу его видеть! Унесите!

Муж все еще был у нее. Он сделал неопределенный жест, который можно было истолковать примерно так: «Когда вы наконец перестанете ее мучить?»

— Кэтлин, пожалуйста, будьте благоразумны, — настаивала Лора. — Он прекрасный мальчик, но с небольшим дефектом, который мы со временем легко устраним.

— Пожалуйста, родная, — прошептал муж, — ты ни в чем не виновата. И я все равно буду тебя любить, обещаю.

Дабы снять напряжение, Лора переменяла тему:

— Вы уже придумали, как назвать малыша?

— Мы хотели назвать его Морт-младший... — начала Кэтлин. — Но теперь...

— Мы все равно назовем его Мормом, — не дал ей договорить муж. По голосу было слышно, что он изо всех сил старается ее успокоить.

— Сейчас я принесу вашего маленького Морта, — ласково произнесла Лора. — Он готов к кормлению, и я бы просила вас хотя бы дать ему такой шанс.

Кэтлин не нашла в себе сил ответить. За нее сказал Морт. Он положил жене руку на плечо, посмотрел на Лору и сказал:

— Давайте. Несите нашего ребенка.

Есть непреложное правило: пока ребенка держит врач, он еще как бы принадлежит ему. Но в тот момент, как его касается мама, он навеки поступает в ее безраздельную собственность. И не важно, как он на самом деле выглядит, для матери он всегда будет красивее всех.

Так было и в случае Кэтлин Пейли.

Лора положила младенца ей на руки, мать поднесла сына к груди — и вздохнула.

— Морт, посмотри! — нежно прошептала она. — Он сосет! — Свободной рукой она погладила малыша по взъерошенной головке. — Морт, какой он прелестный, правда?

— Самый прелестный ребенок на свете, родная моя, — ответил папаша, причем совершенно искренне.

*Школа медицины университета Джона
Хопкинса, Балтимор, Мэриленд*

Дорогая Лора!

Я очень обрадовалась твоему письму и была растрогана рассказом о ребенке, родившемся с «волчьей пастью». Если там у вас педиатрия поставлена на том же уровне, что у нас, все с ним будет в порядке.

У меня произошли кое-какие перемены. В прошлом месяце я как-то оказалась на дежурстве вместе с одним симпатичным врачом. Но он женат, и у него двое детей.

Ты знаешь, как это бывает, когда за окном уже ночь и весь мир спит. Ты начинаешь говорить вещи, которые в иных обстоятельствах ни за что бы не

сказала. Мы заговорили о карьере и браке, и этот парень спросил меня, почему я до сих пор не жена и не мать. Я уже сама задавала себе этот вопрос и разумного ответа так и не нашла. Вот я и подумала, что пора поговорить с кем-то, кто поможет мне решить эту проблему.

В результате я стала ходить к одному хорошему психоаналитику — ты о нем, может быть, даже слышала: Эндрю Химмерман. Он по-настоящему незаурядная личность, автор нескольких книг и несметного числа статей. Единственное неудобство — он принимает только в округе Колумбия, и если я так и буду по три раза в неделю ездить из Балтимора в Вашингтон в пять часов утра, то, боюсь, преждевременно сойду в могилу.

Ты ничего не написала о своей семейной жизни. Правда, я думаю, поскольку вы с Палмером так долго были знакомы, для тебя мало что изменилось.

Пожалуйста, не тяни с ответом.

Твоя Грета.

Лора сложила письмо, и в этот момент в кухню, позевывая, вошел Палмер. Он был небрит. Она вскочила, чтобы поцеловать его, и ахнула:

— Бог мой, у тебя такой вид, будто ты всю ночь не спал!

— У тебя — тоже.

— А я и не спала, — ответила она с усталой улыбкой. — Сегодня я спасла две жизни. Ты себе представить не можешь, какое это прекрасное чувство! Ну, давай, теперь ты оправдывайся!

— Я не ложился, потому что ждал тебя.

— Ты что, забыл, что у меня дежурство? Я же тебе все отметила. — Она ткнула на гарвардский фирменный календарь, где зеленой ручкой был зафиксирован весь ее график.

— Лора, читать я умею, — ответил Палмер, нетвердыми руками заваривая себе растворимый кофе. — Просто я человек военной

закваски и решил, что двадцать три ноль-ноль означает одиннадцать часов вечера. В общем, ждал тебя к полуночи.

— Черт! — Лора хлопнула себя по лбу. — У нас был вызов из Манчестера, надо было забрать недоношенных близнецов в интенсивную терапию. Мы вдвоем с одним интерном помчались, и ты не поверишь — на обратном пути у нас спустило колесо.

— Ты права — не поверю, — холодно оборвал он.

— Хорошо хоть аппараты искусственного дыхания работали от генератора, не то мы потеряли бы детей... — До нее вдруг дошел смысл сказанного Палмером. — Ты обвиняешь меня во лжи?

Он попытался напустить на себя безразличный вид.

— Лора, Манчестер находится в суверенном штате Нью-Гемпшир, и я уверен, у них там есть свои педиатры...

— Конечно, есть. Но ты знаешь, почему столько людей едет жить в Нью-Гемпшир? Потому что там налоги ниже. А значит, у их больниц нет денег даже на лишнюю коробку лейкопластыря. Этих детей можно было спасти, только доставив к нам. Их надо выхаживать в кувезах.

Она умоляюще посмотрела на Палмера.

— Я знаю, надо было позвонить, но у нас была такая запарка! Прости меня, любимый.

Она хотела поцеловать мужа, но тот отстранился.

— Недотрогу строишь? — рассмеялась она.

— Скорее это относится к тебе, — огрызнулся он.

— Палмер, на что ты намекаешь?

— Во-первых, хотя мне очень хочется верить, что в Манчестере нет современного оборудования в госпиталях, я не готов поверить в то, что у них нет и «скорой помощи», чтобы доставить этих несчастных детей сюда. Во-вторых, я впервые слышу о «скорой помощи», в которой едут сразу два врача. И уж тем более о такой, у которой спустило колесо. И в-третьих, по тому, как ты поешь дифирамбы своим дорогим коллегам, я уже давно понял, что появление «зверя о двух спинах», о котором говорится в «Отелло», — лишь вопрос времени.

Центр ярости в мозгу Лоры посылал ей сигнал: разолись! Но весь остальной организм был сейчас во власти смертельной усталости.

— Во-первых, мой дорогой муж, — начала она свою отповедь, — тебе бы следовало вспомнить, что Отелло насчет своей жены

заблуждался. Во-вторых, в Манчестере нет портативных инкубаторов, и ехали мы не на «скорой помощи», а в специальном фургоне. И в-третьих, я считаю, что у тебя что-то с головой, если ты мне не веришь. Как, например, я могу быть уверена, что ты всю ночь не провел в объятиях какой-нибудь шлюшки? Дай пройти, у меня осталось четыре часа до следующей смены.

Палмер выкрикнул ей вслед:

— Ты мне подбросила хорошую идейку, доктор Кастельяно! Пора мне открыть собственное отделение скорой помощи. Для оказания помощи мне!

Корень раздора заключался в том, что Лора и Палмер связывали с браком разные ожидания. Однако до сих пор она не находила в себе сил обсудить с мужем эту проблему.

Он был приверженцем вполне традиционного взгляда на жену как на друга, компаньона, товарища, мать его детей и, конечно, хорошую хозяйку. Такой образцовой женой была его мать. И Лора, конечно, отвечала всем этим критериям.

Но она, напротив, не имела в голове никакой готовой модели брака. Единственное, что она точно знала, — она не хочет такого брака, как у ее родителей. Тот факт, что Луис и Инес прожили вместе двадцать с лишним лет, еще не доказывал, что каждый из них был для другого второй половиной.

Долгое время она вообще сомневалась, что приспособлена для брака. Ибо единственное, в чем ее родители преуспели, так это в том, что приучили ее во всем полагаться только на себя. А ведь супружество предполагает определенную взаимозависимость. Не от слабости, а в силу того, что сплочение делает двух людей еще сильнее. Две опоры, поддерживающие друг друга, обретают способность выдерживать больший груз.

Но на протяжении всего их длительного романа Лоре больше всего нравилось то, как Палмер ее оберегал. Его невыставляемая напоказ отеческая забота. И он заставил ее поверить, что замужество изменит только ее фамилию, но не образ жизни.

Медовый месяц они провели в экзотическом отеле «Библос» в Сен-Тропе. Каждое утро они шли по краю моря от пляжа Де-ла-Буйябес у Памплоны до пляжа Таити, стараясь не глядеть (или,

наоборот, глазеть) на расположившуюся между ними колонию нудистов.

Палмер не скрывал, что находит удовольствие в подобных экскурсиях, и пытался, шутки ради, уговорить Лору тоже снять «верх». Но, к собственному удивлению, он обнаружил, что она далеко не так раскованна, как им обоим казалось.

После обеда они ложились поспать. Наступала сиеста. Потом, когда солнце становилось оранжевым, они сидели в «Ле Сенекье» на берегу моря, созерцая прохаживающихся перед их глазами бронзовых и красивых людей.

Они потягивали «Перно», а в нескольких сотнях метров от них рыбаки энергично выгружали то, чему суждено было стать их ужином в ресторане «Лей Мускарден».

Свадебное путешествие было настоящей сказкой, пробуждение от которой наступило уже в день их прибытия в аэропорт Логан. Ибо Лора, превзошедшая, невзирая на отказ публично снимать лифчик, всех других женщин на курорте своей сексуальностью, нацепила мешковатый белый халат и ни свет ни заря отправилась в свою детскую больницу на дежурство.

Палмер остался коротать оставшуюся половину лета в одиночестве, не зная, чем себя занять до начала осеннего семестра. Он попробовал было с головой уйти в свой китайский, но скоро почувствовал, что сходит с ума, усердно повторяя на все лады китайские слоги, различающиеся по смыслу в зависимости от тона, которым они произнесены.

Временами он брал книгу, шел по Чарльз-авеню, отыскивая тенистое местечко, чтобы почитать. Устав от чтения, Палмер смотрел, как парусники, похожие на белых бабочек, рассекают водную гладь во всех направлениях.

Начинало темнеть, но половина вечера еще была впереди. Тогда он возвращался на Бикон-стрит, размораживал свой ужин, открывал бутылку «Шабли», ставил пластинку Вивальди и представлял себе, что они вдвоем с Лорой, на свидании.

Он был терпелив, а Лора, еще не растратившая лучезарности и энергии, которой зарядилась во время медового месяца, компенсировала свое дневное отсутствие пылкими ночами.

Но интернатура оказалась тяжким грузом, и усталость брала свое. И вот уже, приходя домой, она чмокала мужа, принимала душ, что-то перекусывала и, как аквалангист, погружалась на глубину мертвого сна.

Постепенно она стала забывать про еду. Еще пара месяцев — и она начала переносить душ на утро, а войдя, просто целовала мужа, сбрасывала туфли и валилась в кровать в чем была.

Но — заметим — первым делом она всегда целовала Палмера.

Однажды — чудо из чудес! — она получила нечто вроде увольнительной. На целых два дня.

Палмер был в восторге и предложил съездить в Вермонт, полюбоваться осенними красками, поужинать в уютной гостинице, а потом, выражаясь словами Эдгара По, «любить любовью, которая много больше, чем любовь».

— Голосую за последний пункт, — устало улыбнулась Лора, — но, может, сделаем это поближе к дому? Например, в собственной постели?

— Перестань, Лора, куда девался твой дух авантюризма?

— Думаю, я его растеряла после первой многочасовой операции.

— Лора, любимая, неужели эти усилия того стоят?

Она заметила грусть в его глазах, поняла, насколько ему одиноко, и сказала:

— Да, Палмер, для меня — да.

Зазвонил телефон.

Беннет Ландсманн открыл один глаз, стараясь не проснуться целиком. Было два часа ночи, и он только что лег спать после тридцати часов кряду в отделении скорой помощи. Но телефон не унимался, и наконец, обреченно вздохнув, он снял трубку.

— Доктор Ландсманн, — угрюмо представился он.

— Это доктор Ливингстон. Можете называть меня Барни.

Беннет открыл второй глаз и сел.

— Эй, ты не забыл — сейчас ночь?

— Нет, не забыл. Ты способен что-то воспринимать?

— Ты что, под градусом?

— Нет. Если не считать «Нескафе» и шоколад. Нет, Ландсманн, я, кажется, впервые за целый месяц присел. Я опросил несколько

миллионов больных и заполнил их карты. Я потерял счет зашитым мною порезам и рваным ранам. Я дошел до такого состояния, что старший хирург велел мне пойти и лечь. Короче, ближайшие пятнадцать минут я сам себе хозяин, вот я и подумал, не узнать ли мне, как с тобой обращаются в этом Йеле. Ты что, Ландсманн, действительно спал?

— Нет, конечно, как тебе в голову-то пришло? Я в свободное время ставил дополнительный эксперимент. Изобретал лекарство от вранья. Ну и как поживает твоя задница?

— Так же, как и все остальные места, — болит. А ты-то как, приятель? Как успехи на личном фронте?

— Одна или две сестрички положили на меня глаз. Но здесь во всем своя иерархия, и сливки, как всегда, достаются начальству. Ну да ничего, выживу как-нибудь. А что слышно от Кастельяно?

— А ты как думаешь? Ничего особенного. Пашет так же, как и мы. Как ни позвонишь, Палмер все твердит, что ее нет. Я уверен, что в половине случаев она просто подходить не хочет.

После нескольких анекдотов на медицинские темы, полных самого черного юмора, Барни нечаянно наступил другу на большую мозоль.

— Так что получается? Если не считать общей усталости и сексуальных лишений, тебе в Нью-Хейвене нравится?

На том конце трубки наступило молчание.

— Эй, Ландсманн, ты меня слышишь?

Беннет колебался:

— Как тебе сказать... Долгая история.

И он пересказал Барни все свои обиды.

Когда Беннет закончил, Барни сказал:

— Могу себе представить, каково тебе.

— Правда? Можешь?

— Я бы сказал, что настроение у тебя мерзкое.

— Угадал, Ливингстон. И день ото дня все хуже.

Политические обозреватели предсказывали, что 1963 год запомнится американцам как год пробуждения негров. Но он вошел в историю как год убийства президента Джона Кеннеди.

К концу 1963 года выпускники медицинского факультета Гарвардского университета, годом ранее получившие дипломы, по общему мнению, завершили необходимую стажировку и получили право на медицинскую практику на территории США. Большинству из них было от двадцати четырех до двадцати девяти лет.

И большинство еще далеко не было готово к самостоятельной практике, поскольку окончание интернатуры чаще всего означает лишь начало новой учебы.

Подлинная специализация требует углубленных познаний в конкретном разделе медицины. Таким, как анестезия или фармакология. Или углубленного изучения конкретного органа, части или ткани организма — глаз, сердца, брюшной полости, крови и так далее. Или конкретной техники воздействия, например хирургии. Или даже одной загадки (хотя некоторые категорически отрицают ее связь с наукой) — загадки мозга, над которой бьется психиатрия.

Итак, Барни Ливингстон, доктор медицины, завершив полный курс интернатуры и желая посвятить себя психоанализу, должен был три года отработать ординатором в психиатрической больнице, где мог остаться еще на год — по желанию.

И если он хотел стать полноправным работником какого бы то ни было психиатрического учреждения, ему надлежало предоставить какому-нибудь уважаемому специалисту свою голову для «вправки мозгов». Предполагалось, что эта процедура позволит ему лучше познать собственное бессознательное, а соответственно — более успешно помогать будущим клиентам управляться со своим.

Итак, если даже предположить, что он пройдет этот путь без задержек, ему понадобится еще лет шесть или семь. К самостоятельной практике Барни сможет приступить не ранее 1970 года, когда ему стукнет уже тридцать три. Иными словами, он окажется начинающим специалистом в то время, когда люди других

специальностей уже лет десять как будут прочно стоять на ногах и, кстати, прилично зарабатывать. Хорошим примером служил его брат Уоррен, которому предстояло как раз в 1970 году получить диплом юриста.

Прибавьте к этому весьма высокую вероятность отправки в армию.

И при всем том Барни предстоял еще не самый долгий путь. Те, кто хотел идти в хирургию, например Беннет, приглашенный продолжить стажировку в базовых клиниках Йельского университета, или Грета, перебравшаяся в Вашингтон, должны были после получения диплома отучиться не меньше пяти лет. Год — интерном, два — помощником ординатора, год — первым помощником и, наконец, если к тому моменту человек еще не сдался или не впал в слабоумие, еще год — старшим ординатором. А тех, кто избрал более узкую специальность — скажем, детскую хирургию, ожидали еще и дополнительные годы учебы.

Врачей часто обвиняют в черствости, корысти, самовлюбленности. Тогда они напоминают, что пожертвовали медицине молодостью, положив на алтарь профессии лучшие годы жизни — между двадцатью и тридцатью, — чтобы впоследствии служить ближним своим.

И при этом вынесли тяжкие лишения. Мало кто из врачей может похвастать тем, что за все время профессиональной подготовки имел возможность нормально спать хотя бы десять ночей подряд. Многие принесли в жертву семейную жизнь и лишили себя невосполнимой радости видеть, как растут твои дети.

И поэтому когда они говорят, что должны иметь некую компенсацию — в форме денег, почета и социального статуса, — то их претензии не лишены оснований.

Кроме того, как свидетельствует безрадостная статистика, врач зачастую страдает больше любого больного. Ибо никто не в силах склеить разбитый брак или восполнить детям недостаток внимания со стороны отца.

Семья Кеннеди понесла в тот год не одну утрату. Своего отца на два с половиной месяца опередил маленький Патрик, родившийся

недоношенным и с респираторным дистресс-синдромом (РДС). Его легкие раздувались, но не удерживали воздух.

Когда ребенка президента привезли в клинику, Лора была на работе. Хотя ее непосредственного участия не требовалось, она не ушла домой по окончании смены, поддавшись порыву, охватившему весь персонал.

Она была на ногах уже двое суток, когда пресс-секретарь Белого дома Пьер Сэлинджер, с трудом сдерживая слезы, объявил, что «Патрик Бувье Кеннеди скончался сегодня в 4.04 утра. Усилия по поддержанию дыхания младенца оказались чрезмерной нагрузкой для его сердца».

Лора разделяла скорбь и сознание собственного бессилия, овладевшие ее коллегами. Горе, казалось, витает в больничных коридорах.

Когда Кэтлин и Морт Пейли принесли своего полугодовалого мальчика, чтобы ему сделали пластическую операцию на губе (нёбо должны были оперировать попозже), Лора стояла в операционной рядом с хирургом. Она неотрывно следила, как Федорко исправляет ребенку «заячью губу», а в довершение почти микроскопическими нейлоновыми швами стягивает наружный слой кожи. Дефект в результате был устранен почти полностью.

Супруги Пейли были в восторге. Через три дня Кэтлин уже укутывала малыша перед отъездом домой, а Морт взволнованно говорил Лоре:

— Доктор Кастельяно, все прошло в точности как вы обещали. Мы вам так признательны — все трое!

Прощаясь, Лора подумала: «Вот ради таких слов большинство из нас и идут в медицину!»

Домой с дежурства Лора возвращалась как сомнамбула. Бодрствовавшая часть ее мозга напоминала ей, что надо бы что-нибудь съесть, чтобы организм мог нормально функционировать.

Она открыла холодильник, достала два стаканчика йогурта и молча села за стол, насильно впихивая в себя еду. У нее даже не было сил открыть лежащую рядом газету. Она потянулась к небольшой пачке писем (главным образом счетам) и стала их равнодушно

перебирать. Ничего заслуживающего немедленного внимания не было, если не считать конверта с адресом «Медицинский центр Джорджтаун, Вашингтон, округ Колумбия». Лора взяла нож и четким движением хирурга вскрыла письмо.

Дорогая Лора!

У меня потрясающая новость! Вчера я наконец-то собственноручно делала операцию. Ничего особенного — обычный аппендицит, но больную девушку 18 лет от роду больше всего беспокоило, сможет ли она снова надеть бикини. Ну, я-то уже успела набить руку (главным образом на апельсинах и персиках), так что, когда шеф неожиданно повернулся и передал мне скальпель, он не застал меня врасплох.

В моем лечении тоже, кажется, замечается прогресс. Энди говорит, что в тот или иной период практически каждый студент-медик нуждается в психиатрической помощи. Он рассказал мне об одном исследовании, проведенном Фондом Маркла несколько лет назад, и я пошла в библиотеку о нем почитать. Ты не поверишь: из 219 тысяч американских врачей женщин только 11 тысяч!

И что меня действительно потрясло — что разводы у женщин-врачей случаются в пять (!) раз чаще, чем у мужчин. Да и тем на этом фронте похвастать особо нечем. Даже такой отличный парень, как Энди, живет с какой-то мымрой.

Через три минуты мне заступать, а я еще в одном белье. Так что побегу одеваться.

Пожалуйста, напиши, как у тебя дела.

Твоя Грета.

Лора улыбнулась. Грета не изменилась — любой разговор заканчивается «ближе к телу». Интересно, когда этот ее психотерапевт займется этим вопросом?

И тут ее как током ударило. Энди? Это так она называет своего врача? И откуда ей известно о его семейных делах? Разве такие вопросы обсуждаются на сеансах психоанализа? Все это было очень любопытно, но сейчас Лора от усталости не могла об этом думать.

Она разулась в гостиной и на цыпочках поднялась в спальню. Постель была пуста.

Лора подумала, что ей следует огорчиться. Но она была настолько измождена, что перед натиском Морфея отступило даже исчезновение мужа.

И только наутро, в восемь часов, она сумела осмыслить тот факт, что Палмер исчез. Ни записки. Ни объяснения. Ни-че-го.

Она перебрала в уме все варианты. А вдруг он попал в аварию? А вдруг напился и в бесчувственном состоянии угодил в больницу?

Она хотела позвонить его родителям, но решила их не тревожить.

Заварив себе кофе, Лора взглядела в висящую на кухне «доску объявлений», где каждый отмечал свой рабочий график.

Ее взгляд упал на расписание предыдущего дня. У Палмера был семинар по «Истории англо-китайских дипотношений». С семи до девяти вечера. Она решила позвонить преподавателю и выяснить, был ли Палмер на занятии. И тут он появился.

— Доброе утро, Лора, — бодро поздоровался он.

— Палмер, ты меня до смерти напугал!

— Правда? Я рад, что я тебе еще не совсем безразличен.

Она догадалась, что реплика отпущена с целью спровоцировать ссору, но пропустила ее мимо ушей.

— Так где же ты всю ночь был?

— С друзьями, — ответил он, все еще в расчете ее раздосадовать.

— Только и всего? Это все твое объяснение?

— А разве я когда-нибудь требую от тебя полного отчета о твоём пребывании вне дома? Ты только говоришь, что была в клинике, и все.

— Но у тебя вчера вечером был семинар.

— Да, был.

— Ты думаешь, я поверю, что дискуссия затянулась до утра?

Палмер усмехнулся:

— Лора, радость моя, но именно такой ответ я всегда слышу от тебя. Я читаю сделанную твоей рукой запись, что твоя смена заканчивается в одиннадцать, после чего ты появляешься на рассвете и

небрежно бросаешь что-то об очередном неотложном больном. А если я тебе скажу, что у нас было ЧП? Что у профессора Фэрбанка из книги выпало приложение и мы предпринимали героические усилия по его спасению?

— Это шутка? Не смешно!

— Лора, мне уже давно не смешно. С первых дней твоей ординатуры. Я по натуре человек общительный. Конечно, мне было бы приятнее всего общаться с тобой, только тебя никогда не бывает. Поэтому когда кто-то из группы предложил пойти пропустить по паре пива, я присоединился.

— А ты не пробовал позвонить?

— Пробовал, дорогая. С половины двенадцатого с регулярностью в полчаса. Дома никто не отвечал, а оператор в клинике никак не мог тебя найти. В конце концов я плюнул на это дело и пошел спать кое к кому из наших. Как раз и диванчик лишний нашелся.

— Палмер, а почему ты не говоришь, какого пола кое-кто из ваших?

— А я разве тебя спрашиваю, какого пола твои коллеги?

— Прекрати свои увертки, черт побери! — взорвалась она. — Ты прекрасно знаешь, что при моей профессии я не могу избежать ночных дежурств. Это далеко не одно и то же!

— Прости, но в моем понимании — разницы никакой. Тебе понравилось спать одной?

— Конечно нет! Мне было...

— Тебе было точно так же, как мне всякий раз, когда тебя нет, — перебил он.

— Послушай, Палмер, не надо делать вид, что ты не знал, какой образ жизни ведут интерны и ординаторы, если это вообще можно назвать жизнью! Неужели ты думаешь, что мне нравится настолько изматываться на работе, чтобы потом едва фокусировать взгляд? Я ведь не мазохистка какая-то!

— Тут мы с тобой солидарны, — ответил он. — Тебе не нравятся твои ночные смены, мне — тоже. — Помолчав, он добавил: — Все мои однокашники женаты, у всех дети, и все получают удовольствие от жизни. Я же тем временем, что бы кто ни говорил, живу как отшельник. Короче говоря, Лора, мне это все надоело, дальше я так жить не намерен.

Они стояли друг против друга, словно на разных берегах одной реки. И эта река делалась все шире и шире.

Наконец Лора заговорила. Через силу.

— Ты понимаешь, что работу я не брошу.

— Конечно.

— И какую ты предлагаешь альтернативу?

— Думаю, что, если мы хотим оставаться вместе, нам следует договориться о каком-то компромиссе. Выработать какой-то модус вивенди.

— У меня такое впечатление, что ты уже принял решение. Так где ты на самом деле провел ночь?

— Трахался.

Психиатрические больные тщательно подразделяются на «излечимых» и «хронических» — тех, для кого единственным лечением остается приносящий забвение торазин, и других, которых еще можно удержать на краю бездны маниакального сознания.

В июле 1963 года Барни Ливингстон начал свою ординатуру в психотическом (читай — «неизлечимом») отделении госпиталя Беллвью. Как все новички, он еще не избавился от иллюзии, что может помочь каждому душевнобольному. Он смотрел на них, как Данте на души в чистилище, уверенный, что поможет им отсюда выбраться.

С первой минуты его поразило, что, невзирая на жару, от которой на Манхэттене плавился асфальт, подавляющее большинство обитателей этого отделения были одеты основательно, как король Лир, приготовившийся встретить бурю.

Он вспомнил, что хронические шизофреники часто круглый год ходят в зимней одежде, опасаясь, что ее могут украсть или, что более вероятно, она потеряется в этом столпотворении.

Психиатрию часто называют «лечением разговорами». Но тут разговорами и не пахло. Больше того, Барни понял, почему здесь собрана столь разношерстная публика: они все хранили молчание.

Время от времени раздавалось шарканье. Кашель. Чихание. Но и это случалось редко. Казалось, здешние обитатели немые. Иногда, впрочем, слышалось тихое, отрешенное бормотание.

Поразительно, но ни один не замечал присутствия остальных. Появление Барни не вызвало ни единого любопытного взгляда.

«Господи, — подумал он, — неужели возможна такая жизнь?»

К нему подошел огромный, сильный негр в белой рубашке нараспашку.

— Немного растерялись, доктор? — дружелюбно спросил он.

— Добрый день. Я — доктор Ливингстон, — поприветствовал он незнакомца, по всей видимости, дежурного санитаря.

— Да-да, мы вас заждались. Позвольте проводить вас в сестринскую.

— Спасибо, — ответил Барни, стреляя глазами по сторонам.

Они прошли через две двери, и справа от них возник седой человек. Голову он держал набок, а руки ходили ходуном: пальцы левой исполняли какую-то замысловатую пляску, а правой ладонью он ритмично водил над левым плечом.

— Это Игнац, — пояснил негр, — Он играет.

— А-а, — протянул Барни и, осмелев, спросил: — Во что играет?

— Доктор, вы разве не видите его «Страдивари»?

— Ах, ну да, конечно. Только звук никак не расслышу.

— Но, доктор, вы же помните: «Слышимая музыка звучит сладко, а неслышимая — во сто крат слаще...»

Барни оценил.

— Удачно сказано! — восхитился он. — Джон Китс тоже был врач. А кстати, — добавил он и протянул руку, — я еще не знаю, как вас зовут.

— О, — ответил негр, — я думал, вам во дворце сообщили.

— Не понял?

— Вы разве не слыхали, что Понтий Пилат задумал меня распять?

— Господи Иисусе! — воскликнул Барни, моментально сбитый с толку.

— Да, сын мой. И когда я в ночь с пятницы на субботу предстану пред Отцом своим, я замолвлю за тебя словечко.

Неожиданно раздался сердитый голос:

— Мистер Джонсон, что вы там наговорили этому юному доктору?

Громила повернулся к приближавшейся старшей медсестре (по крайней мере, Барни надеялся, что это именно она). Та бодрым шагом шла им навстречу, грозя верзиле пальцем.

Тот шепнул Барни:

— Поостерегись, сын мой! Эта женщина — суккуб, она демон в женском обличье.

Сестра подошла.

— Доброе утро, — сказала она. — Я сестра Джейн Херридж. А вы, должно быть, доктор Ливингстон?

— Доктор Ливингстон? — с восторгом выдохнул негр. — А я, стало быть, Генри Стенли.

— А теперь, мистер Джонсон, ступайте и займитесь своими фантазиями, а нам с доктором нужно переговорить. Я уверена, он скоро опять вас навестит.

Сестра увела Барни, по дороге заверяя его, что многогранный бред Джонсона носит абсолютно безобидный характер.

— Вообще-то он не здешний. Он из отделения неотложной госпитализации. Но любит изображать из себя добровольного санитаря. У нас очень не хватает людей. А он такой общительный, так хорошо понимает других...

«Наверное, благодаря тому, что он сам — во стольких лицах», — мелькнуло у Барни. Он оглянулся назад, на огромную фигуру мистера Джонсона, который сделал прощальный жест.

— «Прощай покой! Прощай душевный мир!»

— Это Шекспир, — пояснил Барни сестре. — Но из какой пьесы, хоть убейте, не помню.

Негр издали крикнул:

— «Отелло», третий акт, сцена три, строка триста пятьдесят один!

Через минуту они уже были в своем «укрытии», за звукоизолирующей стеклянной перегородкой сестринского поста, и пили кофе из бумажных стаканчиков с пластмассовыми подстаканниками.

— Он просто гений! — восхитился Барни.

Сестра отозвалась:

— Доктор, мне думается, что самое печальное в этом отделении то, что там заперты одни непризнанные таланты. Заперты — не в смысле сидят под замком. Заперты у каждого глубоко внутри. И с этим ничего нельзя поделать.

Она провела его по «объектам». Окна, напоминающие о тюрьме, были ему уже не в новинку. Палаты с мягкими стенами — тоже. (Он не мог заставить себя называть их камерами, хотя сходство было налицо.)

Зато Барни поразили спальни. Спальные помещения походили на бараки в летнем лагере, только там, где скауты спят впятером или вшестером, размещалось...

— Сколько здесь человек, сестра?

— Шестьдесят, — ответила та. — Рассчитано было на сорок, но вы знаете, какие у нас проблемы...

«Нет, не знаю! — мысленно возмутился Барни. — Что у нас, эпидемия психических заболеваний?»

— Как вы их лечите? — спросил он.

— Видите ли, доктор, в прямом смысле мы их не лечим. Кое-как режим соблюдаем... Вы же понимаете, что значит поднять шестьдесят человек, построить их, отправить на завтрак...

— Построить?

— Ну, я неточно выразилась. Мы стараемся, конечно, чтобы они шли в столовую парами. Так с ними легче управляться.

— Как в Ноев ковчег... — рассеянно бросил Барни. И спросил: — А что потом?

— Для тех, кто еще может как-то общаться, у нас предусмотрены занятия рисованием и рукоделием. Время от времени с ними даже проводят уроки танцев. Но большинство просто стоит и занимается... ну да вы сами видели, чем они занимаются. И так — до следующей кормежки. Потом им дают лекарства — и все.

— И все?

На лице медсестры появилось нетерпеливое выражение.

— Доктор Ливингстон, их шестьдесят, а нас — восемь. Включая мистера Джонсона. Приходится давать им успокоительное, иначе тут будет полный хаос.

Барни кивнул:

— Если это вас не слишком затруднит, я бы хотел посмотреть некоторые истории болезни.

— Разумеется, — ответила сестра и повела его назад, к себе в кабинет.

Черт побери! Даже беглого взгляда на карты больных Барни хватило, чтобы прийти в ужас от того количества препаратов, которое здесь давали пациентам.

— Боже мой! — сказал он старшей сестре. — От ваших дозировок даже супермен впадет в спячку.

— Я удивляюсь, что вам не жалко времени на эти карты, доктор.

— Так это же моя работа! — удивился Барни.

— Если вы возьметесь прочесть от корки до корки историю болезни хотя бы одного нашего пациента, можете считать, что и ординатура ваша уже прошла. Большинство лежит здесь, сколько я себя помню. Миссис Ридли скоро отметит двадцатипятилетие своего лечения, только она этого не поймет.

А Барни подумал: «А что, если они сюда поступили в гораздо менее плачевном состоянии, чем стали?»

— Миссис Херридж, скажите, пожалуйста, а отсюда кто-нибудь выходил?

— Не в том смысле, который вы в это вкладываете, доктор. Они же преимущественно уже немолодые люди и...

— ...выходят отсюда уже в гробу, хотите сказать?

Ему показалось, что на ее лице появилась улыбка, но она с нетерпением взглянула на часы:

— Прошу меня извинить, доктор, мне надо проверить, все ли у нас в порядке.

— Я, пожалуй, тоже пойду. Завтра приду с утра и примусь за дело.

Но он сказал не всю правду: он был искренне напуган перспективой остаться наедине с этими ходячими призраками, а потому последовал за сестрой.

В самом конце гигантского коридора до него донесся ноющий звук. Слов не было, но сам голос был похож на мольбу.

Барни остановился и медленно повернулся влево. Там стоял довольно молодой человек — по крайней мере, на фоне остальных развалин он таким казался.

Он стоял без движения, издавая прерывистые стоны и непрерывно глядя перед собой.

Они встретились взглядами. И на какой-то миг лицо показалось Барни знакомым.

Кто это такой? Не встречались ли они прежде — в *том* мире?

Он остановился в замешательстве, а миссис Херридж спокойно сказала:

— Не обращайтесь внимания, доктор. Это трагический случай — он пытался убить жену и детей. Ужасная история. Идемте дальше?

Барни двинулся к дверям, где стоял охранник. Но прежде чем выйти, он еще раз украдкой взглянул на стенающего и мысленно повторил: «Богом клянусь, я его знаю!»

Формально у Беннета Ландсмана вторая половина августа была свободна. Он мог наконец передохнуть, отоспаться, а может, и порыбачить.

За несколько лет до этого Хершель с Ханной купили летний домик в Труро на полуострове Кейп-Код. В надежде, что это позволит их сыну чувствовать себя свободнее, случись ему приехать с подружкой; они специально выбрали такую дачу, где был отдельный маленький гостевой домик.

Здесь Беннет провел конец августа 1958 года, перед началом учебы на медицинском, после своего возвращения из Оксфорда.

Один раз он действительно приехал с красивой мулаткой по имени Робин. Но затем неизменно приезжал один. И вдруг в августе 1963 года он не приехал вовсе.

— Я еду в Вашингтон, чтобы участвовать в марше протеста доктора Мартина Лютера Кинга — объявил он им по телефону.

На том конце трубки замолчали. Ни мать, ни отец не знали, как реагировать. Газеты пестрели сообщениями о многочисленных случаях проявления насилия со стороны белых расистов. Они понимали, что Беннет не станет первым кидать камень, но знали, что и в долгу он не останется.

Наконец Хершель произнес:

— Я восхищаюсь доктором Кингом и горжусь, что ты тоже едешь. Но, Беннет, обещай, что ты будешь осторожен.

— Обещаю, не беспокойтесь, — ответил тот. — Обещаю, что не вступлю в переговоры ни с кем, кто будет в белом балахоне.

Хершель ответил с нервным смешком:

— Счастливо! Только позвони, чтобы мы знали, что у тебя все в порядке!

— Позвоню. Целую вас обоих.

Хершель повесил трубку, вернулся на кухню и вдруг предложил:

— Ханна, почему бы нам не прогуляться?

Они оделись потеплее и вышли, чтобы, держась за руки, пройти по мирному, обезлюдившему берегу.

— Так, Хершель, — наконец сказала Ханна. — Что у тебя на уме? Выкладывай!

Он смотрел, как отходит вода, и ответил не сразу:

— Что ж, когда-то это должно было случиться.

— Что?

— Мы потеряли нашего мальчика.

— Потеряли? Ты говоришь так потому, что двадцативосьмилетний лоб не приедет к мамочке с папочкой на дачу?

— К приемным мамочке с папочкой, Ханна. Бен возвращается в свою семью.

— Его семья — это мы, — возразила она.

— Нет, родная, мы с тобой не можем жаловаться на судьбу, она подарила нам настоящее счастье. Но мальчик был нашим только на время. Теперь его семья — это его народ.

*«Глубоко в
сердце
Я верю:
Мы победим!»*

Двадцать восьмого августа 1963 года на солнцепеке перед мемориалом Линкольна в Вашингтоне сидели почти четверть миллиона человек. На поддержание порядка были брошены все до единого шесть тысяч столичных полицейских. В состоянии повышенной готовности были приведены четыре тысячи бойцов морской пехоты. Но марш прошел без единого эксцесса. Потому что это была не толпа бунтарей, а паства, откликнувшаяся на призыв Мартина Лютера Кинга, «разбудившего совесть нации».

Звучали речи представителей правозащитных групп — от уважаемой Национальной ассоциации содействия равноправию цветного населения до более молодых и активных — наподобие Конгресса расового равенства и взрывоопасного Студенческого координационного комитета против насилия. При всей разности убеждений они были одинаково заморожены страстью доктора Кинга.

«У меня есть мечта, что однажды этот народ очнется и достигнет истинный смысл своего кредо: „Мы считаем самоочевидным тот факт, что все люди созданы равными друг другу...“ У меня есть мечта, что настанет день, когда четверо моих малышей станут частью нации, в которой о людях будут судить не по цвету их кожи, но по их внутреннему содержанию».

Барни всю ночь не спал. Его преследовал образ безумца, которого он видел перед уходом из отделения. Завтра на одиннадцать часов назначено общее собрание персонала во главе с генеральным директором. Возможно, там он узнает, кто этот человек.

Он ворочался в постели до половины шестого, но больше не выдержал. Он оделся и, позевывая, пешком направился в «Край неизлечимых».

— Доброе утро, доктор, — дружелюбно поздоровался охранник.

Барни не удержался от вопроса:

— Как вы узнали, что я врач? Я в таком виде...

Он торопливо поправлял рубашку.

Доктор, вы «молнию» не застегнули, — добродушно подсказал тот. — После ночной смены все доктора выглядят одинаково. Это больные у нас спят как убитые — после стольких-то лекарств.

На сестринском посту дежурила молодая хорошенькая пуэрториканка. Судя по табличке у нее на груди, звали ее мисс Вальдес. Барни постучал очень тихо, но она все равно вздрогнула. Здесь никто и никогда не появляется в такой час, пограничный между ночью и днем. Только в случае экстренной необходимости, о которой обычно извещают звонком.

— Чем могу помочь, доктор? — спросила она.

— Мне нужна история болезни одного больного. Мне не терпится приступить к делу.

— Конечно, сэр, — ответила она недоверчиво. — О каком больном идет речь?

— Да я и сам толком не знаю. Но если мы пройдем в спальню, я вам его покажу.

Сестра Вальдес возражать не стала. Семь лет работы в психиатрическом отделении научили ее ничему не удивляться.

Когда Барни с медсестрой вошли в огромную спальню, больные еще спали. Сопение, храп, ворчание и стоны сливались в своего рода кошмарную симфонию. Сестра стала светить фонариком в лица больных. Барни вдруг тронул ее за руку:

— Вот он! Как его фамилия?

Она посветила на табличку, прикрепленную к ножке кровати. Барни нагнулся и прочел: «КЭССИДИ, Кеннет. Дата рождения: 17 июля 1932 г.».

Барни был потрясен. Это привидение — Кен Кэссиди, их веселый баскетбольный тренер в Колумбийском университете?

— Благодарю, — шепотом сказал он, стараясь сохранять самообладание. — Могу я посмотреть его карту?

Барни сидел в сестринской и стаканами глушил мерзкий кофе, пытаясь подправить его вкус чрезмерным количеством сахара. Он

читал историю болезни Кена Кэссиди.

Больной поступил в стационар два года назад, после приступа буйного помешательства. Хотя до этого никаких признаков психических нарушений за ним не наблюдалось, он вдруг принялся громить топором собственный дом, так что жена с дочками были вынуждены спрятаться на кухне. Если бы не звонок соседей в полицию, он бы их наверняка зарубил. Сначала его осмотрел врач, чьих инициалов — В. М. — Барни не распознал, после чего Кен был отправлен в психиатрическое отделение уже самим заведующим, профессором Стенли Эвери.

— Доброе утро, доктор Ливингстон! Раненько вы сегодня!

Это была миссис Херридж. Она заступила на дежурство, чтобы на пару с сестрой Вальдес по двое поднимать больных к завтраку.

Вскоре появился и их многоликий помощник.

— Доброе утро, мистер Джонсон, — поприветствовал Барни.

На лицо громилы легла тень.

— Господин президент, — произнес он, — мне ужасно жаль, что я вас подвел.

— Каким образом?

— В качестве главнокомандующего армии США на Тихом океане я должен был неотлучно находиться на Окинаве. Но поверьте мне, сэр, я туда непременно вернусь.

— Не сомневаюсь в этом, генерал Макартур, — отчеканил Барни. — Что, если мы сейчас поднимем личный состав?

Джонсон вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь:

— Будет исполнено, сэр!

Барни наблюдал за процедурой подъема, оказывая сестрам посильную помощь (вообще-то он понятия не имел, что ему надлежит делать). Как только Кена Кэссиди уговорили умыться и почистить зубы, Барни взял его под руку и отвел в тихий уголок.

— Мистер Кэссиди, вчера мне показалось, вы меня узнали. Вы ведь меня помните, не так ли? Я был тем игроком в баскетбольной команде Колумбии, которого чаще всего наказывали за фолы. Вы от меня тогда много натерпелись! Как, Кен, еще увлекаетесь баскетболом?

Кэссиди стоял перед ним, как каменное изваяние, глядя куда-то перед собой и ничем не выдавая, понимает ли он хотя бы отчасти обращенные к нему слова. Барни взял его за плечи, словно пытаюсь разбудить.

— Кен, баскетбол! — повторил он. — Это когда бросают мяч в кольцо — хоп!

Опять нулевой результат. Он повысил голос:

— Смелей, ребята! Колумбия, вперед!

Кэссиди внезапно уперся обеими руками Барни в грудь и отпихнул его так, что тот отлетел на середину коридора.

Тут же как из-под земли вырос бдительный Джонсон, сгреб дергающегося Кэссиди в медвежьи объятия и грозно предостерег:

— Поосторожнее тут, мистер Кэссиди! Я хоть уже давно не выступаю на ринге, но у старины Джо Луиса еще есть порох в пороховницах. Не забывай, сколько боев я провел без поражений!

Через двадцать минут Барни, Джонсон и миссис Херридж пришли посмотреть на Кэссиди. Тот лежал на койке, впав в забытие под действием седативного укола.

— Он пропустил завтрак, — виноватым тоном заметил Барни.

— Не беспокойтесь, доктор, — заверила сестра, — я прослежу, чтобы он поел, как только придет в себя.

— А когда, вы думаете, это может произойти?

— Думаю, что меньше чем через час он будет в сознании, но буянить уже не станет.

— Хорошо, — одобрил Барни — Пойду схожу в буфет и тут же вернусь.

— Только не забудьте, доктор, в одиннадцать у нас собрание! — напомнила сестра Херридж.

— Поэтому я буду на месте уже в десять.

Он вернулся через час, побритый, причесанный и готовый предстать перед своими новыми коллегами во всей красе. Но прежде он хотел кое-что выяснить. В сопровождении старшей сестры он направился к постели Кэссиди.

— Могу я полюбопытствовать, доктор Ливингстон что вы, собственно, намерены с ним делать? — немного раздраженно

спросила сестра Херридж. — Этому больному уже проводилось самое тщательное обследование.

— Как давно это было? — уточнил Барни.

Она протянула ему историю болезни.

— Вот, взгляните.

Барни полистал карту в поисках нужной информации.

— Восемнадцать месяцев назад. Господи, что же удивляться!

— Прощу прощения, доктор?

Он встал.

— Благодарю вас, миссис Херридж, вы мне очень помогли. Увидимся на общем собрании.

Их было семеро: Барни, Джозеф Ледер — ординатор второго года, Вера Михалич — серьезная девушка с прямой спиной и старушечьими очками, занимавшая должность старшего ординатора, профессор Эвери и три медсестры. Мистер Джонсон не имел полномочий присутствовать на этих собраниях, хотя в прошлом году он почти целый месяц именовался Зигмундом Фрейдом.

Эвери представил Барни коллегам, после чего собравшиеся перешли к обсуждению вновь поступивших пациентов — пары шизофреников, которым требовалась безусловная госпитализация и которым необходимо было найти койки.

— Мы можем кого-нибудь перевести в другое отделение?

Барни поднял руку.

— Да, Барни?

— Думаю, сэр, мы можем освободить койку мистера Кэссиди.

Присутствующие оцепенели, ведь все они уже были проинформированы об утреннем скандале.

— Вы серьезно? — удивился Эвери. — А разве сегодняшний случай — не наглядное свидетельство его тяжелого состояния?

— Согласен, сэр, — ответил Барни, — только это не психоз.

— Не психоз? — переспросил Эвери тоном человека, чья профессиональная честь была публично задета. — И какое же отделение вы считаете более подходящим для этого воплощения агрессии?

— Неврологическое, сэр, — ответил Барни. — Я думаю, его антиобщественное поведение — результат повышенного

внутричерепного давления.

— Но такие вещи легко выявляются при объективном обследовании, доктор Ливингстон. Или у вас глаза как рентген?

— Нет, сэр, — ответил Барни. — Но я сегодня обследовал его офтальмоскопом.

— Что ж, — сказал Эвери, — мы с доктором Михалич тоже это проделали, когда он к нам поступил. А чуть больше года назад она его обследовала повторно. Или вы можете сообщить нам что-то новое?

— Сэр, — твердо заявил Барни, — не исключено, что в момент предыдущего обследования менингиома у него на правом глазу была еще не так заметна.

Вера Михалич запротестовала:

— У меня за спиной ординатура в неврологическом отделении, и могу вас заверить, доктор Ливингстон, что, если бы имелись хоть малейшие признаки давящей на мозг внутричерепной опухоли, я бы их выявила. Этот больной — тяжелый шизофреник с тягой к насилию и даже убийству.

«А ты — сучка с тощим задом и просто боишься, что тебя поймут на профессиональной ошибке!» — подумал Барни.

Пресекая разногласия среди сотрудников, в разговор снова вступил Эвери:

— А не кажется ли вам, что лучшим способом разрешить наш спор будет провести повторное обследование?

— Разумеется, — почти в унисон ответили Барни и Вера.

В половине двенадцатого, поручив мистеру Джонсону держать руки взмокшего и извивающегося Кена Кэссиди за спиной, доктор Михалич, а вслед за ней доктор Ледер и Барни проверили состояние мозга больного, исследовав глазное дно. Никто не мог отрицать наличия опухоли.

К полудню Кена Кэссиди перевели в неврологическое отделение и уже на следующее утро назначили операцию. Через двадцать четыре часа опухоль в лобной доле мозга была удалена, а еще через несколько дней невропатологи объявили, что она была доброкачественная.

А Барни получил еще один важный урок касательно медицинской иерархии и начальственных привилегий. Эвери вызвался лично (в компании с нейрохирургом) сообщить хорошую новость Кену, который лежал теперь в другой палате, держа за руку жену.

В тот же вечер Барни незаметно проскользнул к Кену в палату. Он даже не успел представиться, как тот заулыбался и слабым голосом произнес:

— Ливингстон, хулиган ты эдакий! Что ты-то тут делаешь?

— Новейшее веяние в медицине, Кен. Все больницы берут на работу баскетболистов, чтобы выступали за них в кубке под названием «Подкладное судно». Не хочешь нас потренировать?

— Еще бы, — шепотом ответил тот и улыбнулся с выражением человека, у которого только что сняли груз с души. Или, точнее говоря, удалили опухоль.

Барни пошел на ночное дежурство, и в крови у него было столько адреналина, что он протянул до следующего полудня без капли кофе.

Прежде чем замкнуться в оскорбленном молчании, Вера Михалич обозвала его всеми мыслимыми ругательствами, даже такими, каких ему не доводилось слышать в самых грязных подворотнях.

— С чего вы так разозлились? — спросил он — Я, конечно, не жду от вас Нобелевской премии, но могли бы хоть погладить по головке за то, что я спас ему жизнь. Что я сделал не так?

Она взглянула на него с яростью:

— Ты должен был сначала прийти ко мне.

— О господи! Я обнаружил все в десять, а в одиннадцать у нас уже было собрание. А кроме того, диагноз же подтвердился! Разве не это самое главное?

— Как они только допустили в медицину такого наивного кретина? — огрызнулась она. — Мальчик, если хочешь играть в эту игру, то тебе следует усвоить: существует такая вещь, как сложившаяся иерархия, пусть и неофициальная.

Она развернулась на сто восемьдесят градусов и вышла, не дав Барни ответить.

Мальчик? Иерархия? *Игра?*

С тех пор на еженедельных совещаниях она мастерски избегала какого бы то ни было общения с ним. В лучшем случае он мог надеяться на упоминание в третьем лице наподобие: «Возможно, доктору Ливингстону невдомек, что...»

* * *

На дворе был 1964 год — год, когда медицинские дискуссии захватили и само общество.

Врачи, воевавшие в годы Второй мировой войны, вернувшись с фронта, оказались втянуты в новые сражения. Только на сей раз им противостоял уже Гарри Трумэн, президент Соединенных Штатов, преисполненный решимости внедрить программу бесплатной медицинской помощи любому члену общества. Американская медицинская ассоциация встала на дыбы.

Битва продолжалась почти двадцать лет. В 1964 году президент Линдон Джонсон надавил на конгресс и провел закон о реформе системы здравоохранения, предусматривавший бесплатное медицинское обслуживание людей старше шестидесяти пяти и инвалидов всех возрастов.

Этот год отмечен ожесточенной дискуссией о воздействии на организм курения. Медицинской общественности, доказавшей связь этой пагубной привычки с раком легких, сердечно-сосудистыми заболеваниями и всевозможными болезнями дыхательных путей, противостояли группы исследователей, финансируемых табачными производителями, которые, в свою очередь, утверждали, что курение, оказывая расслабляющее действие на людей, испытывающих стресс, может приносить и пользу.

В локальной, но не менее важной войне между доктором медицины Генри Дуайером и его женой Черил был наконец заключен мир. Авторитетом науки, пламенной риторикой и беспрестанными словесными атаками ему удалось в конце концов уговорить жену перейти на таблетки.

Черил желала подчиняться только установлениям своей церкви. Но в конечном итоге пришла к выводу, что новейшее средство, предлагаемое Хэнком и содержащее только эстроген и прогестерон, то есть природные гормоны, так или иначе вырабатываемые эндокринной системой женского организма, будет меньшим отступлением от праведности, нежели любые другие изобретенные человечеством способы и средства.

Хэнк служил теперь ординатором гинекологического отделения клиники Святого Дамиана в Питтсбурге. Таким образом, они вновь были среди близких друзей, а главное — имели под боком двух бабушек, рвущихся познакомиться с внуками.

Нечего и говорить, что больше половины ночей он проводил в больнице. Ему нравилось приводить в этот мир новых человечков.

Многие ординаторы были женаты и ненавидели ночные дежурства за то, что они разлучали их с женами и детьми. Но в Хэнке коллеги всегда находили безотказного товарища. Поскольку они были ему так благодарны, он не считал нужным объяснять, что получает от этого не меньшую выгоду.

Во время дежурства в его распоряжении была тихая комната с койкой, где ему удавалось урвать больше сна, чем дома. (Дети ведь не будильники, их не заведешь на определенный час.)

Кроме того, молва о том, что младенцы чаще всего появляются на свет вскоре после полуночи, оказалась, к его удивлению, правдивой. (Никто толком не знал, в чем тут дело, — возможно, в том, что именно на эти часы приходится самое высокое содержание кортизола в крови.) Таким образом, ему удавалось принять подряд несколько даров от аиста, а затем уползти в свою каморку и спать до утра.

Еще он обнаружил, что, если правильным тоном, в правильный час и правильно избранной сестричке сказать: «Мисс, у вас чудесная попка (или грудь, или ноги)», — то можно скрасить себе монашеский аскетизм.

Суровый график дежурств мешал другим ординаторам воспринимать клинику как второй дом. Хэнк Дуайер, напротив, стал воспринимать возвращение домой всего лишь как антракт в подлинной пьесе своей жизни.

Как рассудил несостоявшийся священнослужитель «лучше флиртовать, чем разжигаться».

Хотя годом ранее Мартин Лютер Кинг получил Нобелевскую премию мира, к 1965 году вся его философия оказалась под огнем критики со стороны новых борцов за гражданские права.

Основатель Негритянской националистической партии Малькольм Икс заявлял: «Время ненасильственного сопротивления прошло». По иронии судьбы он был застрелен одним черным революционером, который счел его позицию «недостаточно активной».

Джеймс Болдуин уловил «дух времени», когда предупреждал, что «в следующий раз разгорится пожар».

Лора с Палмером также перешли к военным действиям. Впервые после демобилизации Палмер снова надел военную форму.

В таком виде она застала его, вернувшись домой после очередного изнуряющего полуторасуточного дежурства.

— Палмер, ты что, на маскарад собрался? Или у тебя свидание с кем-то из Женского армейского корпуса?

— Если ты напряжешь память, Лора, то я еще в наши относительно мирные времена тебе говорил, что резервисты собираются раз в неделю, а один раз в месяц — на оба выходных. Когда я шел в армию, то думал, что служба потребует от меня жертв. Теперь же, по правде сказать, я нахожу в ней большое облегчение.

— Пошел ты, Палмер!

— И пойду, можешь не волноваться.

Лора тяжело вздохнула. От этой супружеской перестрелки ей стало тошно.

— Палмер, я понимаю, что ты слишком занят своим китайским, чтобы еще и читать газеты, но хочу тебе напомнить, что в наше время существует такая вещь, как развод по обоюдному согласию. А поскольку мы имеем случай трупного окоченения супружества, то думаю, нам лучше поскорее с этим покончить.

— Не говори глупостей, — возразил он. — Мы всего лишь пара упрямцев, которые волею судьбы любят друг друга, несмотря на временные расхождения. Я готов ждать, поскольку убежден, что мы созданы друг для друга.

— И поэтому шляешься направо и налево?

— А ты — нет? А как же все эти мускулистые юные интерны и ординаторы?

Она расплакалась, не столько от грусти, сколько от досады.

— Господи, Палмер, как ты не можешь понять: мы там наизнанку выворачиваемся, спасая больных малышей! И если у кого-то появляется пять минут, чтобы прилечь, то он использует их для сна! Неужели в твоей похотливой голове не укладывается слово «ответственность»?

— Хорошо, Лора, — ответил он с видом уставшего от жизни человека, — я, конечно, недостаточно компетентен, чтобы читать тебе лекцию о зове гормонов. Но если бы ты действительно не позволяла себе ничего на стороне, я бы только меньше стал тебя уважать.

Он осознанно делал ей больно, и оба это понимали.

Внутренний голос спросил: «Зачем я все это терплю?»

* * *

Ординатура Сета по специальности «терапия» включала работу в онкологическом отделении.

Хотя официальная статистика уверяла, что почти треть всех раковых больных удастся спасти (в смысле — продлить жизнь на пять лет или чуть подольше), отделение все равно напоминало пыточную. Те, кто еще не достиг стадии мучительного умирания, страдали от «лечения». Облучение или химиотерапия зачастую оказывались карой худшей, нежели сама смерть.

Жизнь Сета скрашивало то обстоятельство, что Джуди теперь была второй по старшинству среди медсестер, а это давало им возможность выкроить минутку и вместе пообедать, выпить кофе или хотя бы украдкой поцеловаться.

Однажды свидетельницей их объятий стала миссис Элперт, больная с неизлечимой формой рака костей. Сет и Джуди смутились и бросились извиняться. Но пациентка их поразила.

— Продолжайте, ребятки, — с улыбкой сказала она. — Мне приятно сознавать, что жизнь продолжается.

Для некоторых она продолжалась чересчур долго.

Сталевар Мэл Гаткович был живой (точнее сказать — умирающей) иллюстрацией доклада министра здравоохранения о вреде курения. Две пачки сигарет в день довели его до рака легких, грудной жабы и болезни Рейно, иначе называемой симметричной гангреной.

Сейчас он не мог не только курить, но даже есть, и сознание его все больше мутилось. Единственное, что он сознавал и выражал четко, было бессилие медицины облегчить его агонию.

В рамках ограниченного эксперимента, проводимого с санкции Министерства здравоохранения США, ему давали героин, но и это не спасало его от невыносимых страданий.

Сет ассистировал доктору Барту Нельсону, когда жена Мэла Дорис вдруг отвела того в сторонку.

— Доктор, я не могу видеть, как он страдает, — всхлипнула она. — У него такие боли! Неужели вы ничего не можете сделать?

Рядом стояли трое ее сыновей с женами — как греческий хор, исполняющий скорбную песнь.

— Увы, мы сделали все, что было в наших силах, — с искренним сочувствием ответил доктор Нельсон. — Остается только ждать, когда природа скажет свое слово.

— И как долго это может продлиться, доктор? — встревоженно спросил старший из сыновей.

Нельсон развел руками:

— Я правда не знаю. Он может уйти в любую минуту. А с другой стороны, с его организмом это может длиться еще несколько дней. Может быть, даже неделю.

Тогда Дорис повернулась к Сету:

— Вам не кажется антигуманным смотреть, как мучительно умирает такой сильный человек? Там ведь лежит не мой Мэл. Это не тот человек, с которым я прожила тридцать пять лет. И он не хотел бы так кончить, я это точно знаю. Даже собака заслуживает большего снисхождения.

Сет кивнул в знак согласия.

Дорис опять повернулась к доктору Нельсону:

— Знаете, каждый вечер из клиники я иду в церковь. Встаю на колени и молюсь: «Господи, забери этого человека. Он хочет предстать

пред Тобой. Он никому не сделал никакого зла. Почему Ты не примешь его к Себе и не заберешь его душу?»

Оба врача были растроганы, но Нельсон на своем веку видел уже столько безутешных родственников, что успел выработать своего рода эмоциональный иммунитет.

— По-моему, мы все об этом молимся, — тихо сказал он. Он потрепал исстрадавшуюся женщину по плечу кивнул сыновьям и, опустив взор, пошел дальше.

Но Сет был не в силах просто так повернуться и бросить убитых горем родственников.

Старший сын попробовал утешить Дорис:

— Мам, ничего, ничего. Скоро он отмучается.

— Нет-нет... Каждая минута — и то слишком. Почему Бог не отвечает на мои мольбы? Почему не спасет его и не даст ему умереть? Мне хочется пойти туда и вырвать из его вен все эти трубки.

— Тихо, тихо, мам, — прошептал сын.

— Мне плевать! Мне на все плевать! — закричала она. — Я только хочу, чтобы он перестал страдать.

Вся семья Гаткович обступила несчастную женщину, словно пытаясь оградить ее от боли, которая, казалось, исходила от постели их отца.

Им было не до молодого доктора, ставшего молчаливым свидетелем их страданий.

Сет таким образом составил себе расписание, чтобы его ночные смены совпадали с дежурствами Джуди. Сейчас он сидел в ординаторской и отчитывал своего коллегу Джоэла Фишера за курение.

— Как ты можешь это делать, Джоэл, — зайди в любую палату на этом этаже и увидишь, что ты делаешь со своим организмом!

— Ничего не могу с собой поделать, Сет, — отбивался тот. — Как ни глупо это звучит, но сигарета — единственное, что приносит мне облегчение после зрелища этих мучений.

— Ладно, — сказал Сет и встал, чтобы выйти из прокуренной комнаты. — Но я не намерен тут сидеть и разрешать тебе тащить меня с собой в могилу.

Он вышел в темный коридор, и тут его перехватила Джуди.

— Фрэнсин вышла поесть, — шепнула она. — Мы тут одни.

— А Джоэл? — напомнил Сет, кивнув в сторону ординаторской.

— Я его отвлеку разговором, — успокоила она — Какая его любимая тема?

— Секс, — хмыкнул Сет. — Он сейчас на стадии развода. Расскажи ему обо всех покладистых девочках, перед которыми можешь замолвить за него словечко.

— Но у меня таких подруг нет!

— Так придумай. Мне нужно от силы пять минут.

Джуди кивнула и собралась идти. Сет вдруг схватил ее за рукав и зашептал:

— Я правильно решил? Как ты считаешь? Мне что-то страшно!

— Я знаю, — ответила она. — Но бедняга не должен больше так мучиться!

— Клянусь: если он без сознания и я не получу его согласия, я этого делать не стану!

Они разошлись в противоположные стороны.

На сестринском посту Сет взял ампулы, приготовленные для укола мистеру Гатковичу в двенадцать и в три часа, то есть двойную дозу. Еще одна была у него в кармане халата.

Он вошел в палату. Спит Гаткович или бодрствует, определить было трудно: он уже давно жил в полузабытьи, которое не приносило ни радостей бодрствования, ни утешения сна.

Сет подошел к постели. К обоим локтевым сгибам больного подходили трубки капельниц, но правая рука была выставлена из-под одеяла. Сет взял ее и прошептал:

— Мистер Гаткович, если вы меня слышите, сожмите руку.

Он почувствовал, как мозолистые пальцы больного стиснули ему ладонь.

— Мэл, мне надо задать вам несколько несложных вопросов. Если ответ утвердительный, сжимайте мне руку один раз, если отрицательный, то два. Вы меня поняли, Мэл?

Пальцы стиснулись. Один раз.

— Мэл, — продолжал Сет, — вам говорили врачи, что вы скоро умрете?

Опять один раз.

— Вам не страшно?

Два раза. Он готов встретить смерть.

— У вас сильные боли?

Больной сильнее прежнего сжал ему руку. Один раз.

— Не хотите, чтобы я вам помог? Вы уснете навеки и больше не будете чувствовать никакой боли.

Бедняга стиснул Сету руку и уже не отпускал. Тому показалось, он хочет сказать: «Избавьте меня от этой пытки. Именем Господа, дайте мне уйти!»

— Я понял вас, Мэл, — прошептал Сет. — Не волнуйтесь, сейчас я вам помогу.

С иглой возиться не пришлось: Сет просто отсоединил одну трубку и ввел ему первую дозу морфина.

Больной моментально впал в бессознательное состояние. Тогда Сет ввел ему следующую дозу и наконец — последнюю, свой резерв. Сунув в карман все три ампулы, он посмотрел на умиротворенное лицо несчастного и прошептал:

— Благослови вас Бог, мистер Гаткович.

И тихонько вышел.

Под утро Мэла Гатковича нашли мертвым. Медицинское заключение о смерти больного, наступившей в результате множественных злокачественных новообразований с сопутствующей дыхательной недостаточностью, было подписано доктором медицины Джоэлом Фишером и доктором медицины Сетом Лазарусом.

На известие, сообщенное ей по телефону, вдова среагировала слезами и возгласом облегчения:

— Слава богу! Слава богу!

Поскольку хроникам на ночь давали снотворное, ночные смены у Барни Ливингстона проходили спокойно, и он завел обычай звонить по телефону своим однокашникам, если те тоже находились на дежурстве. (Лора даже попробовала синхронизировать свой график с графиком Барни.) Еще можно было звонить на Западное побережье, где в силу разницы во времени люди уже освобождались и отправлялись спать.

В одном таком разговоре Ланс Мортимер небрежно заметил:

— А кстати, я дал твои координаты человеку по имени Линдси Хадсон.

— Это он или она?

— В случае Линдси пока трудно сказать, он еще сам не решил. Мы с ним учились в колледже, а теперь он редактор еженедельника «Вилледж войс». Он спросил, не знаю ли какого-нибудь грамотного врача, поскольку они встречаются еще реже, чем доброкачественные опухоли. Вот я тебя и предложил.

— Спасибо, Ланс — ответил Барни, искренне польщенный. И пошутил: — А почему только меня одного? У тебя же всегда есть запас.

— Доктор Ливингстон, на сей раз в запасе никого не оказалось.

Ланс не соврал. Через два дня позвонил Хадсон и попросил Барни написать небольшой очерк с анализом психодинамики пьесы Олби «Кто боится Вирджинии Вулф?».

Барни работа очень понравилась, и он дал понять что в будущем охотно откликнется на подобные предложения.

Естественно, ему поручили рецензию на кинематографическую версию биографии Фрейда, снятую Джоном Хастоном. Барни определил ее как «наименее удачные часы жизни Великого Мастера».

Заметка привлекла внимание редактора недавно созданного журнала «Нью-Йоркское книжное обозрение», и тот пригласил Барни пообедать в «Четыре времени года».

На другой день ему был доставлен экземпляр «Доктора Живаго». Задание формулировалось так: написать об образе медика в литературе, взяв за основу роман Пастернака.

— Кастельяно, я погорячился, когда взялся за это дело, — признался он в тот же вечер. — Это было самонадеянно с моей стороны.

— Перестань, Барн, насколько я могу судить, такая самонадеянность — основа всего журнала. А кроме того, я не сомневаюсь, что ты прекрасно справишься.

Он собрался попрощаться, но Лора неожиданно добавила:

— Впервые, Ливингстон!

— Ты о чем?

— Впервые мне пришлось вселять в тебя уверенность, а не наоборот.

— Ливингстон, я хочу прочесть тебе письмо, которое только что получила от Греты Андерсен.

— А можно в другой раз? Я правда не в настроении.

— Нельзя! — строго отрезала она. — Заткнись и слушай. «Дорогая Лора, надеюсь, у тебя все в порядке. Я парю в небе, как флаги в День независимости: я поборола свои фобии и стала полноценной женщиной...»

— Лора, — взмолился Барни, — неужели мне так необходимо выслушивать эти банальности?

— Слушай дальше. — Она продолжила: — «Больше того, мне наконец повезло. Это настоящая любовь. Энди говорит, у него никогда не было такой замечательной...»

— Что еще за Энди? — перебил Барни.

— Эндрю Химмерман.

— Тот самый Химмерман? Который написал эту классную книгу о становлении личности у подростков?

— Именно тот самый. Судя по всему, он поработал над «личностью» Греты. От колен и выше.

— Что? — возмутился Барни. — Это противоречит всем этическим нормам. Хотя... от истерички Греты этого следовало ожидать. Лора, ты же была на практике в психиатрическом отделении. Ты никогда не слышала о таком понятии, как перенос?^[29]

— Извини меня, Барни, но это больше похоже на «перемещение». Насколько я поняла, они только что выходные вместе провели в Южной Каролине.

— И ты веришь в эти болезненные фантазии?

— Письмо написано на бумаге отеля «Хилтон».

— Значит, она туда поехала сама, чтобы пофантазировать вволю.

— Ага, а фотография их обоих на краю бассейна — тоже плод воображения?

— Так может, там какая-нибудь конференция проводилась?

— А почему они тогда держат друг друга в объятиях?

— Ничего себе! Я слышал, такое иногда случается. То есть он не первый, кто нарушил клятву Гиппократа.

— Нет, конечно. Но он первый, кто нарушил неприкосновенность Греты, а это намного хуже.

— Кастельяно, если это правда, то Химмерман заслуживает отлучения. Но мне кажется, ты на меня кричишь, потому что хочешь на мне отыграться за поругание своей подруги.

Лора задумалась.

— Пожалуй, ты прав, Барн, — тихо сказала она.

— А Палмер все так же шляется?

— Скажем так: в данный момент он занимается промискуитетом.

— Лора, ты этого не заслужила! — мягко произнес он.

— Не обращай внимания, Барни. Я тебе позвонила, чтобы рассказать про Грету.

— Прошу прощения, но Андерсен, по-моему, в состоянии сама о себе позаботиться. Она уже взрослая девочка.

— Я тоже взрослая девочка, Барн.

— Нет, не взрослая! — с жаром воскликнул он — О тебе еще нужно заботиться.

В голосе его звучала нежность.

На том конце провода вдруг замолчали.

— Лора, все в порядке. Поплачь. Для этого и существуют друзья.

— Господи, Барни, — сказала она. — Чем я заслужила такого друга, как ты?

— Тем, что переехала в Бруклин, — бодро ответил он. — А теперь ложись спать. Завтра поговорим.

Психоанализ решительно отличается от всех остальных врачебных специальностей в одном отношении. Если, к примеру, будущим кардиологам не приходится для овладения специальностью ложиться на операционный стол, чтобы им вскрыли грудную клетку, психоаналитик *обязан* знать, что чувствует пациент, лежа на кушетке в его кабинете. И опять-таки в отличие от хирурга он будет иметь дело не со спящим под наркозом пациентом, а с активной личностью и сопереживать ей.

В лучших своих проявлениях психоанализ может считаться и самой захватывающей, и самой гуманной областью медицины. В худших — без сомнения, самой губительной.

Барни был принят кандидатом в Институт психиатрии и начал курс учебного психоанализа у его президента Фрица Баумана, всемирно известного автора глубоких статей и доктора, пользующегося уважением больных за вдумчивость и внимательность.

Но Барни быстро обнаружил, что сам по себе психоанализ — не такое уж удовольствие.

Фрейдистский анализ, втолковывал ему доктор Бауман, напоминает дуэт актеров, при этом пациент играет самого себя в разных возрастах, а врач — всех других персонажей в истории его душевного развития (или изображает их отсутствие). Анализируя воссоздаваемые эпизоды, клиент постепенно приходит к пониманию того, как события далекого прошлого повлияли на модель его поведения во всей дальнейшей жизни.

Теоретически это казалось занимательной игрой. Но очень быстро Барни стало ясно, что человек подавляет в себе те мысли и воспоминания, которые вызывают у него душевную боль. И психоанализ, проводимый в отношении даже такого уравновешенного кандидата, каким он себя считал, фактически остается операцией на мозге без участия хирурга.

На первый свой сеанс Барни явился в приподнятом и взволнованном состоянии духа, уверенный, что паразит доктора Баумана как самый адекватный клиент за всю его практику. Он был преисполнен решимости сократить традиционный марафон до

стометровой дистанции, ведь, по сути дела, его подготовка к этому испытанию началась с той минуты, как он взял в бруклинской библиотеке книжку Фрейда «Толкование сновидений» чтобы прочесть ее, пока будет работать вожатым в летнем лагере «Гайавата». С тех пор он неуклонно стремился анализировать мотивацию собственных поступков и решений. И сейчас был готов продемонстрировать свои достижения доктору Бауману.

Он вошел в кабинет, пол которого покрывал коричневый ковер, а стены были обшиты деревянными панелями. У дальней стены стояла узкая кожаная кушетка. Барни не терпелось побыстрее разделаться с предварительной частью и перейти к делу, то есть к исследованию своего внутреннего Мира.

Доктор Бауман задавал обычные вопросы — о родителях, о братьях и сестрах, о детских болезнях. Дальше он объяснил, что счет (со специальной скидкой для коллег) будет выставляться ему раз в месяц. И наконец спросил, знаком ли Барни с предстоящей процедурой.

— Да, сэр, — ответил тот. — Мне надо будет говорить все, что придет в голову, ничего не утаивать, излагать самую суть. Так сказать, исходный материал.

После этого он устроился на кушетке, полностью готовый раскрыть все подспудные тайны, вплоть до «постыдных» поступков своего отрочества. И даже эротических фантазий касательно воспитательницы в детском саду.

В 1965 году грянула давно ожидавшаяся буря в Юго-Восточной Азии. Первая серия воздушно-бомбовых ударов, предпринятых Линдоном Джонсоном, получила зловещее кодовое наименование «Раскаты грома».

В июне Белый дом объявил, что генерал Веетмор-ленд наделяется полномочиями вводить в бой столько войск, сколько сочтет необходимым.

Сказать, что маленькая искра вскоре разгорится до большого пожара, будет не просто метафорой. Ибо в том году один участник антивоенной демонстрации впервые достал из бумажника листок бумаги и поднес к нему спичку. Это был первый акт сожжения мобилизационной повестки. Но далеко не последний.

Если их сверстники уже вышли из того возраста, когда их могли призвать на фронт простыми солдатами, с докторов военному ведомству еще было что спросить. Их все чаще и чаще призывали исполнить почетную воинскую обязанность во Вьетнаме.

Поначалу сопротивления не наблюдалось. Быть может, потому, что Белый дом всеми силами утаивал факт разрастания военного присутствия Штатов в маленькой стране Юго-Восточной Азии.

Как ни странно, тот, кому меньше всего грозила перспектива угодить на войну, рвался туда больше всех. Хэнк Дуайер записался на фронт добровольно. Обстановка дома стала невыносимой. А поскольку мира в семье все равно не было, то он решил отправиться туда, где идет настоящая война. Поначалу Черил не возражала. Больше того, и она, и их родные восхищались патриотическим порывом Хэнка. А кроме того, она была уверена, что, как гинеколога, его направят на какую-нибудь армейскую базу, чтобы лечить офицерских жен. Все недооценили рвение Хэнка, побудившее его записаться на специальные армейские курсы, где врачей обучали лечить раненых.

Как оказалось, решение Хэнка основывалось не на одном пылком патриотизме. В офицерском клубе базы Форт-Девенс, штат Массачусетс, ему доводилось слышать захватывающие истории об экзотических наслаждениях Сайгона.

Один многоопытный капитан регулярной армии, уже побывавший там с инспекционной поездкой, резюмировал свои впечатления так:

— Вы, конечно, помните, какой была Гавана, прежде чем этот бородатый придурок положил конец всем радостям жизни? Это была фантастика, скажете — нет? Одна сплошная гулянка. Ром — рекой, девочки — гурьбой. Причем самые классные девочки, каких вам доводилось видеть. Я все гадал, что с этим всем стало, когда к власти пришел Фидель? А теперь понимаю: они весь свой бизнес перебрали в Сайгон.

— Неужели там так здорово? — выпучил глаза другой офицер.

— Нет, — не унимался капитан, — там в десять раз лучше! Мне стоит только заговорить о Сайгоне, как я возбуждаюсь. Давайте-ка еще по пиву!

— Моя очередь платить, — вызвался младший лейтенант Хэнк Дуайер, доктор медицины, военврач армии США.

Пока бармен наливал еще три стакана, подошел рослый капитан. Он сделал знак бармену:

— Два джина с тоником, Горацио, и тоника поменьше.

— Как скажете, капитан, — услужливо ответил тот.

Хэнк обернулся, увидел знакомое лицо, но имя припомнить не смог.

— Прошу прощения, мы с вами не знакомы?

Капитан оглядел его и быстро спросил:

— Вы военврач?

— Так точно.

— Тогда вы могли учиться с моей женой в Гарварде.

— Теперь вспомнил. Вы муж Лоры Кастельяно, так ведь?

— Можно и так сказать, — ответил Палмер.

Оба назвали друг другу свои имена и обменялись рукопожатием.

— А что тебя сюда привело, Палмер? Сборы резервистов?

— Нет, я вернулся на действительную.

— Черт побери, — заметил Хэнк, — Лора, должно быть, страшно огорчена?

— Вообще-то, — произнес Палмер, — она так увлечена лечением своих больных, что в ближайший месяц едва ли заметит мое отсутствие.

— Да. Моя жена тоже все время была недовольна, что я слишком много времени провожу в больнице и что дети начинают забывать, как я выгляжу.

— Мне это знакомо, — поддакнул Палмер.

— Детей не завели? — поинтересовался Хэнк.

— Нет.

— И умно делаете, — подхватил Хэнк. — У нас дома настоящий балаган. Заниматься нет никакой возможности. По правде говоря, я вам завидую. Было бы здорово прожить несколько лет вдвоем — только я и Черил. Чтобы каждый вечер был как суббота — ну, ты понимаешь, что я имею в виду...

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сумрачно поддакнул Палмер.

— Лора потрясающе красивая девчонка, — как ни в чем не бывало продолжал Хэнк. — Не хуже любой модели с обложки, правда!

— Спасибо. Обязательно ей это передам.

Тут Палмеру на помощь пришел Горацио, протянувший ему заказанные напитки.

Барни продолжал по-детски радоваться своим успехам на литературном поприще. Кульминацией стало приглашение на ужин в «Лютетию» (где бутылка вина стоила больше, чем месячный оклад ординатора). Пригласил его Билл Чаплин, главный редактор издательства «Беркли». Это была настолько известная марка, что само название уже ассоциировалось с качеством.

Чаплин потряс Барни своей эрудицией, способностью одинаково свободно рассуждать о Платоне и о французском «новом романе». Но еще больше его потрясла пришедшая с Чаплином секретарша — тонкая и гибкая, как тростинка, нимфа с длинными, белокурыми от природы, волнистыми волосами.

При всей своей сравнительной неопытности Барни был не так уж наивен. Он понимал, что Чаплин позвал его не для того, чтобы обсуждать Флобера, Пруста или Фолкнера, хотя в разговоре всплывали все эти имена. Но разговора по существу он дождался лишь после суфле, бренди и контрабандных кубинских сигар.

Как только мисс Сэлли Шеффилд с очаровательной улыбкой извинилась и откланялась («Мой босс — настоящий тиран, нагрузил меня кучей работы на дом. Всего хорошего, мистер Ливингстон. Приятно было познакомиться»), Барни понял, что сейчас начнется разговор о делах.

Он смотрел ей вслед, пока белокурая голова не исчезла за дверью. «Надо же, — мелькнуло у него, — у нее волосы светлее, чем у Лоры!»

— Барни, — начал Чаплин, возвращая его на землю. — Надеюсь, вы уже поняли, что я восхищен вашей работой. Это что-то совершенно новое. И читается с большим интересом, поскольку не перегружено научной терминологией.

— Билл, я польщен, — чистосердечно признался Барни.

Редактор улыбнулся:

— Я бы очень хотел, чтобы вы печатались у нас, Барни.

— А я бы очень хотел печататься у вас.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Вообще-то да. Я с детства равнодушен к спорту. И думаю, каждый человек в тот или иной период своей жизни мечтал стать

чемпионом.

Билл кивнул:

— Согласен. Я, например, хотел стать лучшим американским полузащитником. К несчастью, выше ста семидесяти я не вырос.

— А я мечтал играть в профессиональной лиге за «Никс», — продолжал Барни. — Но штука в том, что некоторым людям удается осуществить свою мечту. Например, бегун Эмиль Затопек, чешский «железный парень»... Должно быть нечто такое в его голове, что помогает ему добиваться результатов, которые, казалось бы, превосходят все человеческие возможности. И таких примеров буквально десятки.

Билл назвал еще кого-то из выдающихся спортсменов.

— Или Джо Луис, — увлекся Барни. — Вот потрясающий случай! Этот вообще до семи лет не говорил, а стал чемпионом мира в тяжелом весе. А сколько еще спортсменов, которые шли в спорт с какими-то физическими недостатками! Например, Хэл Конноли. Только представьте себе: от рождения не мог двигать левой рукой, а выбрал не что-нибудь, а метание молота, то есть такой вид, где его увечье еще заметнее. И в результате побеждает на Олимпиаде пятьдесят шестого года и семь раз бьет мировой рекорд.

— Может здорово получиться! — одобрительно произнес Билл.

Метрдотель принес счет, который Чаплин быстро подписал и вернул.

— Благодарю вас, мистер Чаплин, — с легким поклоном сказал тот и удалился.

— Ну что ж, — подытожил Билл, — думаю, замысел превосходный. И уверен, мы что-нибудь придумаем, чтобы ублажить ваших.

«Ваших? — подумал Барни. — Кого он имеет в виду?»

Следующая реплика внесла ясность.

— Пусть позвонят мне поутру. Послушайте, Барни, неудобно вас так бросать, но к завтрашнему дню мне еще надо прочесть длинную рукопись. А вы оставайтесь, выпейте коньяку или чего захотите. А кстати, кто вас представляет?

Барни покопался в памяти, несколько затуманенной выпитым бордо, и наконец выдавил:

— «Чэпмен, Рутледж и Штраусс».

— А, адвокаты, — одобрительно произнес Билл. — Слава богу, не придется иметь дело с мерзкими десятипроцентщиками. Чао.

Снова подплыл метрдотель:

— Не желаете ли еще чего-нибудь, мистер Ливингстон?

— Хм... Пожалуй, принесите мне стакан минералки. А телефон у вас тут есть?

— Сию минуту, сэр.

Джинн опять беззвучно испарился.

«Неужто притащит телефон сюда? Мне, Барни Ливингстону, уроженцу Бруклина, всю жизнь звонившему из уличных автоматов, подадут телефон на серебряном подносе? Надо поскорей рассказать об этом Фрицу».

Но сейчас у него было более неотложное дело. Он набрал номер.

— Кто говорит? — ответил сонный голос.

— Уоррен, это я, прости, что разбудил.

— Барн? Что-то случилось?

— Вроде того. Но в хорошем смысле. Мне нужны имена адвокатов.

— У тебя что, от недосыпа крыша поехала?

— Нет-нет, но я, кажется, забыл название фирмы, где ты работаешь.

— «Чэпмен, Рутледж и...»

— Хорошо, хорошо, — не дал договорить Барни — Выходит, еще немного соображаю. Послушай, Уоррен, выясни, кто у вас там лучший агент, и попроси позвонить мне в клинику. Я только что получил заказ на книгу!

— Ого! Вот это да! Поздравляю. Вот мама обрадуется! Сам-то небось на седьмом небе?

— Между прочим, я сижу в «Лютении». Но ближе к небу я пока не бывал. Спокойной ночи, старик. Спасибо.

Ночь в «яме», как врачи часто называют отделение скорой помощи, начиналась относительно спокойно. Обычные переломы, дети с высокой температурой, пострадавшие в дорожных происшествиях и т. п.

Неожиданно до Сета донесся рев сирен — это подъехала «скорая» в сопровождении полиции. А еще через несколько секунд в приемном

начался настоящий бедлам. Даже не верилось, что пострадавших всего двое, — столько крови было на доставивших их санитарях и полицейских.

— Кто здесь старший? — рявкнул сержант полиции.

— Я, — ответил Сет. — Быстро рассказывайте, время, время!

— Прошу прощения, док. Насколько я разобрался, женщине досталось больше всего. На ней больше ран, и, кажется, ее еще и изнасиловали.

— Ясно, сержант, — буркнул Сет. — Я ею сам займусь.

Он сделал знак двум медсестрам и интерну Тиму Блустоуну, чтобы перевезли мужчину во вторую операционную. А сам еще с одним интерном и третьей сестрой повез женщину в первую операционную. Убедившись что внутренние органы не задеты, Сет сказал ассистенту:

— Проверь, нет ли внутреннего кровотечения, и начинай шить. Я пойду посмотрю, как там у Тима дела и кого-нибудь пришлю тебе на подмогу.

И он стремительно направился в другой конец коридора. Во второй операционной он застал немую сцену.

— Что происходит? — спросил Сет.

Тим Блустоун прохрипел:

— Удар ножом прямо в сердце. Он мертв.

Сет бросил взгляд на кардиомонитор — прямая линия. Пострадавший недвижно лежал на столе, а из небольшой раны на левой стороне груди медленно сочилась кровь.

— Измерьте-ка еще раз давление, — приказал Сет, а сам посветил фонариком в зрачки.

— Глаза я уже смотрел, — заметил Блустоун. — Зрачки расширены и на свет не реагируют.

Будто не слыша, Сет спросил:

— Какое давление?

— Ноль, — ответил интерн. — Я же говорю, он умер.

Сет снова пропустил приговор коллеги мимо ушей.

— Быстро иглу и шприц!

— С чем, доктор? — уточнила старшая сестра.

— Пустой! — рявкнул тот.

Ему сунули в руку шприц. К изумлению всех присутствующих, а особенно — молодого доктора Блустоуна, Сет быстрым движением ввел иглу больному в грудь, совсем рядом с раной. Он медленно набрал в шприц кровь, чтобы снизить давление крови на сердце.

— Сердцебиение есть! — не веря своим глазам, прокричала медсестра у монитора.

Сет едва заметным кивком показал, что понял, и обратился к другой сестре:

— Дайте доктору Блустоуну десять кубиков эpineфрина. — Теперь он повернулся к молодому врачу. — Тим, вводи прямо в сердце.

Сет протянул руку к лотку с инструментами, взял скальпель, рассек раненому грудь и большим расширителем развел два ребра. Всем взорам предстало открытое сердце — и оно билось.

Сет одной рукой зажал ножевую рану, а другой осторожно сдавил сердце. Старшая сестра бросилась вызывать хирургов, чтобы те закончили начатую Сетом работу.

Блустоун лишился дара речи. Единственное, что он мог пролепетать, было:

— Вот это реакция! — Тут ему пришла другая мысль: — Но ведь по нашим правилам вскрывать грудную клетку может только хирург!

— Знаю, знаю, — раздраженно буркнул Сет — Попробуй объяснить это вдове.

Руки Сета продолжали ритмично сдавливать и отпускать сердце, а глаза неотрывно следили за лицом больного.

Через несколько минут мужчина застонал:

— Эллиен, где Эллиен?

— С ней все в порядке, — шепнул Сет. — Я доктор Лазарус. Ваша жена в соседней операционной. Вы оба поправитесь.

Спустя час, когда оба врача отмыли руки от крови (хотя еще оставались в испачканных халатах), у них выдалась минутка обсудить, что же все-таки произошло.

— Сет, даже не знаю, что сказать. Я чувствую себя ужасно виноватым. Если бы не ты...

— Забудь об этом, Тим. Мы все иногда ошибаемся.

— Но не ты! Я тебя наблюдаю в работе уже год и ни разу не видел, чтобы ты чего-нибудь не учел.

Сет улыбнулся:

— Этой процедуре на медицинском не учат, Тим. Это называется
ПСЗ.

— Что-что?

— Прикрыть себе задницу.

Это был год восстаний. За 1966 год Америка видела ни больше ни меньше сорок три случая расовых волнений.

Чернокожее население Нью-Хейвена желало отстоять свою самобытность и утвердиться в неотъемлемых правах. Однако, как это ни печально, Мартин Лютер Кинг на собраниях местных активистов был нежеланным гостем, ибо здесь, как в большинстве городов американского Севера, борьба была беспощадной и кровопролитной.

И Беннету Ландсманну предстояло очутиться в этом водовороте.

С тех пор как он стал младшим ординатором хирургического отделения, круг его обязанностей возрос. У него даже появился свой кабинет, если так можно было назвать выделенную ему маленькую каморку.

Он заполнял карту только что поступившего больного с паховой грыжей, когда в дверь постучали. Посетителем оказался мускулистый чернокожий санитар, которого он знал только по имени — Джек.

— Док, я не помешал?

— Нет-нет, ничего! Входи. Садись.

Джек вошел, но садиться не стал. Беннет вернулся за стол, оглядел явно взволнованного парня и спросил:

— Что-то случилось?

— Можно и так сказать, док.

— Пожалуйста, зови меня Бен. Так в чем проблема?

— Да вот в чем, — почтительно начал санитар. — Меня, можно сказать, делегировали переговорить с персоналом госпиталя на предмет выявления наших братьев и сестер. Я имею в виду старший медперсонал.

— Ну и порученьце!

— Да нет, Бен, не так все страшно. Хочешь знать, сколько у нас тут чернокожих врачей и интернов?

Беннет улыбнулся:

— Подозреваю, мне хватит пальцев, чтобы их перечесать.

— Пальцев одной руки! Послушай, Бен, из нас многие сыты по горло этими письмами в конгресс и маршами по округе наподобие бойскаутов. Сколачивается группа, готовая к более решительным

действиям. Мы хотим получить то, что нам причитается, и немедленно. Уясняешь?

— Уясняю, — ответил Беннет.

— В четверг вечером у нас своего рода диспут. Семь тридцать тебя устроит?

— Думаю, да. Какой адрес?

Джек встал, извлек из кармана клочок бумаги и протянул Беннету:

— Полагаю, тебе эта встреча на многое раскроет глаза.

Он повернулся к выходу.

— А кстати, — окликнул Беннет, — есть у вашей группы название?

— Есть, — ответил Джек. — Мы называем себя «Черные пантеры».

Он поднял сжатый кулак и вышел.

— Фриц, я наконец все понял! — говорил Барни своему психотерапевту, искренне надеясь, что тот не спит, а слушает. — Мой отец был на войне, и естественно, что я много о нем думал и периодически задавал себе вопрос, нет ли моей вины в том, что он пошел на фронт.

Врач промолчал.

— Послушайте, Фриц, я вам все время толкую, что мне было бы намного легче, если бы вы хоть иногда давали мне знать, прав я или нет. — Он остановился. — Прошу прощения, док, не следовало мне обращать на вас свое раздражение. Я и сам понимаю, что говорю все правильно, потому что я так действительно думаю. Я прав?

Консультант опять не удостоил его ответом.

— Естественно, на протяжении всего детства я искал для себя человека, который мог бы заменить мне отца. А Луис Кастельяно был совсем рядом, в каких-то пятнадцати метрах. Большой, как медведь, заботливый. Думаю, мой выбор профессии отчасти объясняется тем, что я хотел быть похожим на него. Хотя он в психиатрию не особенно верил. Все шутил, что это «исповедь без отпущения грехов».

— Это сказал Честертон, — вставил Бауман.

— Может быть, — ответил Барни, — но и Кастельяно тоже. Уверен, Честертон он не читал — тот был консерватором католического толка, чего о Луисе никак не скажешь.

Почти целый месяц Барни продолжал рассуждения о своем «суррогатном отце». Позволив ему выговориться сполна, доктор Бауман наконец счел необходимым вставить свою реплику.

— Но ведь у вас был и родной отец, — заметил он.

— Да, конечно. Думаете, я специально избегаю о нем говорить? Будет вам, Фриц, я не совсем заикнулся. — Подумав, он добавил: — Или совсем? Как думаете?

Молчание аналитика он принял за утвердительный ответ.

— Пока его не было, я все время о нем мечтал. При этом через некоторое время я забыл, как он выглядит. Я видел всех этих героев в фильмах про войну и воображал себе, что мой отец похож на одного из них.

Барни помолчал, возвращаясь воспоминаниями к тому дню, когда они встречали Харольда на вокзале. Он заново пережил свое разочарование.

— Я представлял себе, какой он высокий, могучий, а этот... захромал к нам, такой маленький и хилый.

Он вдруг замолчал. На глаза навернулись слезы. Несколько раз глубоко вздохнув, он продолжил:

— Но он был мой отец, и мне страшно хотелось ему угодить. Можете поверить: я выбрал факультатив по латыни только затем, чтобы показать ему, как мне интересен его предмет. Но кажется, это мало что дало... — И опять Барни замолчал, а потом с горечью закончил: — По крайней мере — ему.

Он начинал злиться.

— Я знаю, я это уже рассказывал миллион раз. В школе я очень хорошо играл в баскетбол, и болельщики меня принимали на ура. Мне удавались эффектные проходы и броски. И я хотел, чтобы отец видел меня на площадке, видел, как мне аплодируют... Но он так ни разу и не пришел. — Барни сделал паузу, пытаясь взять себя, в руки. И потом сказал: — Временами я его ненавижу... Ненавижу за то, что он умер, не дождавшись, пока я вырасту. — В его голосе опять была горечь.

Больше Барни говорить не мог. По щекам его катились слезы.

В клинике Барни регулярно, раз или два в неделю, вел прием льготных больных. И его наблюдения подтверждали мнение Генри

Дэйвида Торо, что большинство людей живет в тихом отчаянии.

В учебниках говорилось, что до двадцати процентов человечества страдает от депрессивного синдрома. Но подавленное состояние его клиентов свидетельствовало о заниженное™ этой цифры. Он видел настоящую эпидемию отчаяния — во всяком случае, в Нью-Йорке.

У отдельных счастливых наблюдались двоякие симптомы. Они балансировали между беспричинной эйфорией и столь же немотивированным отчаянием.

С другой стороны, учебники были правы в том, что депрессия чаще поражает женщин. У них больше «факторов уязвимости». Для многих дом, даже если в нем нет детей, становится камерой одиночного заключения, и это не компенсируется никакими «доверительными отношениями».

Временами, после целого дня путешествий по чужим кошмарам, Барни приходил к заключению, что счастливого брака не существует в природе. Правда, напоминал он себе, довольные своей семейной жизнью к психотерапевту не идут.

Он обнаружил, что наиболее глубокое объяснение депрессии содержится в работе Фрейда «Меланхолия и скорбь». Ибо большинство страдающих от депрессии людей в каком-то смысле скорбят по утраченному самоуважению и интересу к жизни.

И он поведал доктору Бауману, что эта проблема его очень занимает, потому что он тревожится за Лору.

— У этой девушки есть все. Она красивая, умная, добрая, у нее прекрасное чувство юмора. И при всем этом она позволяет своему поганцу мужу вытирать о себя ноги, потому что считает себя никчемной личностью. Ей обязательно надо проконсультироваться с врачом!

На самом же деле у Лоры был свой врач. Точнее сказать, она встречалась с неким Робби Уолдом, психологом, консультировавшим в их больнице кого-то из детей. Он напомнил ей Барни своим обаянием и оптимизмом, а кроме того, обладал и собственными достоинствами. Он, в частности, был талантливым пианистом и преподавал в консерватории Новой Англии.

И всякий раз, когда они вдвоем ходили в джаз-клуб, он, уже под занавес, садился за рояль и играл вместе с ансамблем.

Робби был внимательным и душевным. Он появлялся в больнице во время Лориных ночных дежурств, чтобы угостить ее свежими бубликами «Кенз» или мороженым «Баскин-Роббинс».

Однако душа ее не была спокойна. Во времена долгого ухаживания Палмера она не испытывала ни малейших угрызений совести по поводу своих связей с другими мужчинами. Но сейчас, будучи замужней женщиной, она чувствовала, что не должна этого делать. Она верила — вернее, ей хотелось верить — в святость данного ею обета.

И все же Робби совершенно покорила ее своей манерой ухаживания. А кроме того, ей было очень одиноко. Если не считать телефонного общения с Барни, ей совсем не с кем было поговорить. Даже почта чаще всего состояла из счетов и редких открыток от Палмера да еще иногда письмаца от Греты.

С Робби она могла болтать о чем угодно и, в частности, заговорила как-то раз о проблеме Греты.

— Ее самая большая проблема, — заметил Робби, — это ее врач. Энди Химмерман хоть и является крупнейшим мировым специалистом по подростковому возрасту, да и внешне не хуже Кэри Гранта, но сам он тоже не без комплексов.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Лора.

— Могу предположить, что он не уверен в своих мужских достоинствах. Но зачем ему систематически злоупотреблять своим положением и соблазнять пациенток — это выше моего понимания.

Лора опешила.

— Откуда тебе все это известно?

— Это врачебная тайна. Будем считать, что у меня была одна больная, которую он обхаживал. И с медицинской точки зрения наломал много дров.

— Но Грета клянется, что он хочет на ней жениться!

Робби хохотнул:

— Если он вздумает жениться на всех, кому обещал...

— Робби, это не смешно! Грета — легкоеверное существо. Иначе она не стала бы встречаться с этим Химмерманом.

— О господи, — вздохнул Робби. И замолк.

Лора забеспокоилась:

— И как, удалось тебе эту пациентку привести в норму? Все у нее выправилось?

Робби поморщился:

— Она была серьезно больна.

— Была?!

Робби сумрачно кивнул:

— Я даже хотел продиктовать судмедэксперту причину смерти: Эндрю Химмерман, доктор медицины.

— Боже мой! — вскричала Лора. — Почему ты его не заложил?

— Я пытался, — упавшим голосом ответил Робби, — но единственная свидетельница ничего подтвердить уже не могла.

Беннет не верил своим глазам.

Небольшая, увешанная плакатами гостиная на верхнем этаже двухквартирного коттеджа рядом с Диксвелл-авеню была набита людьми. Он насчитал больше двух десятков негров, из которых половину составляли женщины с прическами «афро». Большинство мужчин были одеты во все кожаное, словно штурмовики. Это была официальная форма «Черных пантер» — черная кожаная куртка, берет, рубашка и брюки. И конечно, черные сапоги.

Комнату украшали портреты непримиримых борцов — Малькольма Икса, Че Гевары, Стокли Кармайка и Рона Каренги, самого воинственного негритянского националиста. Плакаты призывали: «Разобьем мерзавцев!», «Убей белого!»

Беннет вошел, смущаясь, но приободрился, увидев Джека. Санитар приветствовал его, потом подошел и вывел на середину комнаты со словами:

— Это брат Беннет.

В свитере с университетской эмблемой, расстегнутой рубашке и джинсах Беннет чувствовал себя не в своей тарелке.

Он изо всех сил пытался настроиться на волну этих людей; которые, несмотря на явную приверженность к насилию, все же руководствовались стремлением искоренить существующую несправедливость.

Джек приготовился говорить речь, и Беннет обратил внимание, что окружающие обращаются к нему не по его «рабскому» имени, а «брат Джамал».

— Среди нас есть братья, служившие в армии и способные обучать наших людей методам партизанской войны. Тех, кто еще не дорос до ружья, мы научим приемам карате. Мы также организуем курсы боевых действий в условиях города. Раз белый человек готовится к войне, он свое получит!

Раздались аплодисменты и одобрительные возгласы: «Правильно!»

Брат Джамал попросил задавать свои вопросы.

Беннет поколебался, но потом все-таки поднял руку.

— Могу я вас спросить, какими вы располагаете фактами, свидетельствующими о подготовке... э-э... «белого человека» к войне?

Джамал, он же Джек, ответил:

— У меня есть письменные доказательства того, что армия США ведет подготовку семи оперативно-тактических групп — вы слышите? семи! — к подавлению «вспышек нахальства», которых они от нас ждут. Только будет все наоборот: не они нас, а мы их сокрушим!

Эти слова вызвали у слушателей новый прилив энтузиазма.

— Между прочим, — продолжал оратор, глядя в упор на Беннета, — мы бы хотели, чтобы ты взялся руководить курсами первой медицинской помощи и, поскольку ты хирург, готовить медперсонал для лечения получивших огнестрельные ранения. А теперь скажи: ты с нами, брат?

Беннет растерялся, а Джамал-Джек продолжал на него давить:

— Ну же, ведь ты помнишь, что сказал Элдридж: «Ты или часть решения, или часть проблемы». Так с кем ты, брат Беннет?

Аудитория загудела. Беннет поднялся и ответил по возможности спокойно:

— Я здесь, пожалуй, самый старший, поэтому, мне кажется, я могу рассмотреть борьбу за равенство — нашу борьбу — в перспективе. В маленьком городке в штате Джорджия, где я вырос, была прекрасная школа для белых и жалкая лачуга для ниггеров. С тех пор кое-что изменилось, и в школах и даже университетах Юга белые и черные учатся вместе. В сенате есть чернокожий сенатор, он представляет Массачусетс...

— Остановись-ка, дядя Том! — раздался сердитый голос.

Он принадлежал Джомо Симбе (что на языке суахили означает «лев»).

— Мы поняли, мистер, куда твоя голова клонится — к задку белого хозяина!

«Пантеры» захихикали, а Симба продолжил:

— Мы здесь потому, что нам до смерти надоели эти беззубые разглагольствования в духе «посмотрите, какой прогресс!». Лучше бы тебе образумиться, мужик, и взяться за ум. Иначе, когда развеется дым, от тебя останутся комочки черной пыли.

— Правильно! — раздалось со всех сторон.

— Хорошо, умник, — ответил Беннет, — давай посмотрим, есть ли у тебя ответы на некоторые непростые вопросы. Первое: какой был смысл жечь Уоттс или любой другой городишко, если при этом мы спалили собственные дома и собственные лавки? А если перенестись поближе, ответь-ка: бывал ты в госпитале Йель-Нью-Хейвен? Куда же ты пойдешь лечиться, когда он сгорит?

— У них там целых два с половиной врача-негра! — прокричал пронзительный женский голос.

— Это правда, — согласился Беннет, — но ведь в отделении скорой помощи черное население принимают! Весь Нью-Хейвен там лечится!

— Тоже мне, великое достижение! — не унималась девушка.

Беннет понизил голос и ответил с подчеркнутой решимостью:

— Дайте мне секунду — рассказать одну маленькую историю. Изобретателем метода переливания крови был врач-негр по имени Чарли Дрю. Один из самых талантливых людей за всю историю. В тысяча девятьсот пятидесятом году он попал в аварию в Алабаме. Но поскольку он был черный, его не приняли в клинику, где могли сделать единственную процедуру, способную в тот момент спасти ему жизнь, — переливание крови! Врубаетесь? А у кого из вас возникала такая проблема?

Ответа не последовало.

— Я что хочу сказать? Я могу понять желание жечь за собой мосты. Но зачем жечь мосты *перед* собой?

Доводы Беннета ошеломили слушателей. Все молчали. И тут из дальнего угла подал голос еще кто-то из «Пантер».

— Мы не нуждаемся в твоём идиотском мнении! Нам требуется твоя задница в бою!

Беннет постарался как можно спокойнее покинуть трибуну.

— Послушайте, ребята, — не повышая голоса, сказал он, — вы поставили передо мной непростую задачу, и мне нужно время, чтобы все обдумать. Я бы с радостью учил приемам первой помощи в гетто — от этого действительно была бы польза. Но подкладывать бомбу под кресло Линдона Джонсона я пока не готов.

После этого, сославшись на дела в клинике, он распрощался и направился к выходу. Джамал-Джек нагнал его в коридоре.

— Послушай, Беннет, — смущенно зашептал он, — я в госпитале получаю шестьдесят восемь баксов чистыми, а у меня жена и дети. Не заложишь?

— Конечно нет, Джек. Не беспокойся.

Беннет повернулся и поспешно выскочил на улицу. Он не хотел, чтобы его видели в «ягуаре» за девять тысяч долларов.

Момент для вступления в самостоятельную жизнь был не самый благоприятный. Тем не менее в 1967–1968 годах врачи, получившие гарвардские дипломы пятью годами ранее, обретали свободу от опеки и право заниматься самостоятельной практикой.

То было время всеобщего смятения, когда руководители военного ведомства произносили речи о ценности человеческой жизни, а медики пересматривали критерии наступления смерти. Нравственное помешательство распространялось со скоростью эпидемии.

Генерал Вестморленд заявил журналистам, что восточные народы вроде того, что пытались уничтожить его войска во Вьетнаме, ценят человеческую жизнь меньше, чем народы просвещенного Запада.

Негры бунтовали в город ах, вызывая ответную ярость белых. Но как ни парадоксально, когда те же самые темнокожие парни надевали армейскую форму и давали автоматные очереди по вьетконговцам, белые генералы вешали им на грудь медали.

Это противоречие, это аномальное отношение к насилию получило отповедь из уст Кассиуса Клея, как его называли белые, или Мохаммеда Али, как он именовался в кругу своих братьев и небольшого числа либералов левого крыла. Великий боец встал на ступенях призывного пункта и во всеуслышание объявил, что не намерен класть данные ему Богом таланты на алтарь борьбы с далекими вьетнамцами. Человек, который с радостью выходил на ринг, чтобы отправить в нокаут своего соперника, отказался участвовать в уничтожении народа, чьи сыны не могли себе позволить даже боксерских перчаток.

Али был объявлен непригодным к действительной службе как человек с психическими отклонениями. («Я говорил, что я самый великий, но не самый умный».) Времена менялись.

Тем временем врачи задавались вопросом: «Что есть смерть?» Иными словами, в какой момент можно изымать орган умершего для пересадки другому человеку, на место больного или поврежденного органа?

В ЮАР доктор Кристиан Барнард дожидался известия о смерти человека, у которого он мог бы взять донорское сердце.

Третий пациент доктора Барнарда, белый дантист из Кейптауна, был спасен благодаря сердцу негра. Кем он теперь станет для идеологов апартеида? Какой частью автобуса, каким общественным туалетом ему пользоваться, в каком районе ему теперь жить?

Пересадка сердца от одного человека другому заняла газетные полосы в 1967 году, а в том же году в тихой кливлендской лаборатории в штате Огайо доктор Роберт Уайт осуществил пересадку мозга обезьяны.

Перспективы этого эксперимента выходили за рамки человеческого осмысления.

В психоанализе нет такого понятия, как дата обретения квалификации. По сути дела, самым важным в психотерапии является момент, когда клиент восстает, как птица Феникс, из пепла своих комплексов, выпрямляется и выходит в мир, дабы углубиться в лабиринты повседневной жизни, где его компасом отныне будет собственная психика, ведущая его к верным решениям.

С двойственным чувством, в котором гордость и облегчение перемежались с печалью и настороженностью, Барни пришел на последний сеанс к доктору Бауману.

Хотя формально его учебный курс психоанализа был завершен, он отдавал себе отчет в том, что какие-то эмоции, не нашедшие выхода, так и останутся в его душе.

Проделанное им путешествие от одного воспоминания к другому раскрыло Барни глаза на то, что болезнь и ранняя смерть Харольда Ливингстона фактически лишили его отца, в котором он так сильно нуждался. И этого уже было не изменить.

С помощью доктора Баумана он также научился понимать, *что* он делал или, по крайней мере, *почему* он делал именно так. Теперь он мог опираться на то самое главное, что, собственно, и призван дать

человеку психоанализ, — способность действовать как взрослый человек.

Все это было прекрасно. Но все-таки имелась одна сфера, остававшаяся для него запретной зоной, — персонаж, фигурирующий практически в каждой сцене его жизненной драмы. Теперь даже доктору Бауману было совершенно ясно, что Лору Кастельяно нельзя считать «проходной фигурой».

Его пациент настолько живо описал эту женщину, настолько полно обрисовал не только ее добродетели, но и ее тяжелое душевное состояние, что Бауман поймал себя на том, что ему даже захотелось на нее взглянуть. В то же время он понимал, что так и не сумел заставить молодого психиатра полностью раскрыться и определить, какую же роль в его жизни играет эта личность.

За несколько минут до прощания, пустившись в рассуждения на тему приближающегося тридцатилетия, Барни заметил:

— Вообще-то Кастельяно тоже исполняется тридцать. Я чувствую себя страшно виноватым за то, что преисполнен оптимизма, в то время как она так несчастна.

Фриц вставил:

— Насчет Лоры...

Барни не дал ему договорить:

— Полагаю, вы думаете, что я от вас что-то утаиваю и на самом деле я питаю к Лоре... скажем, романтические чувства. Но это не так.

Консультант никак не отреагировал.

— Я хочу сказать, я с вами был предельно откровенен доктор. Не отрицаю: пару раз за все годы нашего знакомства меня посещали эротические мысли на ее счет.

Опять тишина.

— А вы уверены, что ничего не скрываете? — в лоб спросил Бауман.

— Совершенно уверен. При всем уважении к вам, сэр, должен сказать, мир так изменился! В наши дни нет ничего необычного в том, что мужчина и женщина могут быть просто добрыми друзьями.

— Этого и раньше никто не отрицал, — поправил Бауман. — Я только хотел убедиться, что в вашем с Лорой случае речь идет именно о таких отношениях.

— Я для нее не больше чем друг, в этом я абсолютно уверен.

— А она для вас?

— Не знаю. Честно, как на духу: не знаю.

— Что ж, быть может, вам следует поработать над этим в дальнейшем.

Еще не завершив двух самостоятельных — хотя и под наблюдением старших коллег — курсов психоанализа, требующихся для приема в институт, Барни тем не менее уже получил разрешение совета на практику в общей психиатрии, а значит, мог принимать пациентов вне клиники, в собственном офисе.

Благодаря своим широким контактам в профессиональной среде он узнал, что один из руководящих членов совета клиники, Брайс Уайзман, недавно лишился напарника, с которым делил контору: тот ушел на фронт.

Так Барни обосновался на Ист-Сайде, совсем рядом с Парк-авеню.

* * *

К весне 1967 года во Вьетнаме находилось уже почти полмиллиона американских солдат, из которых не многие понимали, за что именно они сражаются. Одновременно по всей Америке проходили марши протеста против участия страны в индокитайской войне. Генерал Льюис Херши, возглавлявший управление призыва, дал понять, что если кто-то из студентов, пользующихся отсрочкой от воинской службы для завершения своего образования, будет замечен среди манифестантов, он лишится этой привилегии.

Большинство медиков были военнообязанными, и в случае получения повестки им предстояло сделать серьезный нравственный выбор. К этому времени многочисленная армия молодых американцев, призванных на фронт, превратилась в добровольных беженцев и покинула страну. Центрами притяжения «уклонистов» от призыва вдруг стали Канада и Швеция.

Были и иные способы сохранить штатскую одежду. Например, заключение врача о негодности к строевой. Поскольку справка о психических отклонениях являлась одной из самых надежных, Барни неожиданно оказался в необычайно сложной ситуации.

Настоящий профессионал, он не представлял себе, как можно объявить больным здорового человека. Он без конца обсуждал эту проблему в ночных «консультациях» с Лорой.

— Слава богу, мне Приходится иметь дело только с мужчинами нескольких дней от роду, — радовалась Лора. — Поэтому такие проблемы меня не касаются.

— Я бы не стал заявлять так уверенно, Кастельяно. Если дела и дальше пойдут теми же темпами, не исключено, что твои пациенты тоже дождутся призыва.

— Да ладно, я-то что... Вот тебя уже сейчас припекает. И какую ты избрал линию поведения?

— Объявляю психически ненормальным генерала Вестморленда, а саму эту войну — психозом.

— Поддерживаю, — согласилась Лора. — Я уже сто раз выходила на демонстрации. И сочувствую твоим проблемам. Ведь в клятве Гиппократы нигде не говорится, что врач может лгать, чтобы спасти своего пациента от войны. И моральных прецедентов нет.

— Как раз есть! — возразил Барни — Нюрнбергский трибунал доказал, что нравственность не имеет гражданства. К тому же не забывай, что если эти ребята останутся здесь и будут продолжать жечь свои повестки, то в конце концов попадут за решетку. Разве это не безнравственно? Кроме того, обязанность врача — спасение жизней. А если я кого-то объявлю негодным к службе, то он не отправится убивать.

Барни, ты очень рискуешь! Я тобой восхищаюсь. А какой ты им напишешь диагноз?

— Все, что сочту подходящим. Сексуальный фетишизм — например, непреодолимую тягу к женской стопе... Шизофрению, патологическую склонность к убийству...

— Ну, это как раз будет только приветствоваться.

— Раз уж речь зашла об убийствах... Как поживает твой распрекрасный муженек, будь он неладен?..

— Он сейчас в Вашингтоне.

— Я не об этом спрашиваю. Меня интересует, как вы с ним ладите?

— Сама не знаю, — ответила Лора, — Можно сказать, худо-бедно. Он как раз сегодня прилетает.

— А тебе не кажется, что он уже достаточно тобой покомандовал? Кастельяно, то, что ты это терпишь, ведет к саморазрушению! Почему ты не выставишь ему ультиматум?

— Послушай, Барн, я уже предлагала ему разойтись по-хорошему. Он отказывается. Говорит, что его устраивает нынешнее положение дел. Если честно, я настолько устала, что мне уже все равно.

Лора была так увлечена разговором, что не слышала, как открылась дверь и вошел Палмер.

— По правде сказать, наверное, это моя вина, что он так шляется. Я иногда думаю, что таким образом он мстит мне за мое «свободное поведение» до брака.

— Господи, Кастельяно, у тебя просто талант всегда и во всем взваливать вину на себя!

В этот момент Лора вскрикнула.

— Эй! Что там у тебя? — забеспокоился Барни.

Она обернулась и, к своему облегчению, увидела Палмера. Это он шутя ущипнул ее за шею. Теперь он обнял жену за талию, а Лора успокоила Барни:

— Это всего лишь мой заблудший муж, который изображает из себя Дракулу. Пока, Барни!

— Пока! Только наберись смелости и заставь его примириться с твоим образом жизни. Или, на худой конец, заткнуться.

Она повесила трубку.

Палмер вдруг принялся расстегивать ей блузку, шепча таким тоном, какого она не слышала уже сто лет:

— Лора, я ужасно соскучился.

Через полчаса, сидя у камина, она поцеловала мужа и сказала:

— Это самое великое превращение из всех. Со времен обращения святого Павла на пути в Дамаск.

— Лора, ты знаешь, что я всегда тебя любил. Я не стану делать вид, что в Вашингтоне хранил целомудрие. Там творится настоящий сексуальный карнавал. Надеюсь, ты не читала в газетах эту ерунду про меня и Джессику Форбс? И делов-то: мы просто сидели рядом за ужином. Но наверное, все, что делает любая сенаторская дочка, тут же становится поводом для пересудов.

«Интересно, — подумала Лора, — не является ли эта „исповедь“ скрытой формой бахвальства?» Но ей очень хотелось поверить, что

этот новый прилив его чувств искренен.

— Послушай, Палмер, — ответила она, — тебе не нужно докладывать мне имя, статус или размер лифчика. Будем считать, что у нас обоих были небольшие каникулы.

Тут он осторожно спросил:

— А в твоей жизни есть кто-нибудь... особенный?

— Может, лучше сменим тему? — мягко предложила она, понимая, что, расскажи она о Робби, Палмер будет очень уязвлен. Она решила перейти к вопросам:

— Ты надолго?

— У меня двухнедельный отпуск. Если сумеешь выпросить себе какие-нибудь отгулы, я буду рад провести с тобой столько времени, сколько удастся.

В голосе Палмера слышалась нежность.

— Ну, день или два мне дадут...

Тут зазвонил телефон. Никто не двинулся с места.

— Наверное, тебя, — прошептал Палмер.

— Не обращай внимания. Я не хочу сейчас ни с кем говорить.

Телефон не утихал.

— Иди, Лора, — подтолкнул ее Палмер. — Ты врач, это может быть что-то важное.

Лора медленно пошла к телефону, спиной чувствуя его взгляд.

— Алло. Доктор Кастельяно слушает.

— Привет, Лора, это твой верный Робби. Не хочешь пойти куда-нибудь пропустить по коктейлю? Музыку послушать?

— Мне очень жаль, но я ужасно занята. Увидимся завтра после обхода.

— Что-нибудь случилось? Или я не вовремя?

— Спасибо, что ты меня правильно понял.

— Ну что ты, ничего страшного, — грустно ответил Робби.

Она слышала, насколько он разочарован.

— Кто это был? — беспечно спросил Палмер, когда она вернулась к камину.

— Да так, — ответила Лора. — Ничего особенного.

— Могу я задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Ты не принимаешь противозачаточные таблетки?

Она усмехнулась:

— Только не говори, что ты волнуешься, как бы я не залетела. Можешь не беспокоиться, я их пью с такой же регулярностью, что и раньше.

По его лицу промелькнуло обиженное выражение. Он словно хотел спросить: «Ради кого ты предохранялась все эти месяцы, если я был далеко?»

— А если ты бросишь их пить, то когда сможешь забеременеть?

Лора онемела. Затем ответила машинально, процитировав учебник:

— Эндокринная система организма весьма непредсказуема. Бывают случаи, когда женщине для восстановления детородной функции требуется полгода, а то и год. А другие беременеют практически сразу, как бросают таблетки.

— Будем надеяться, что ты относишься ко второй категории, — сказал Палмер.

Она еще не оправилась от изумления.

— Откуда эта внезапная тяга к отцовству?

— Понимаешь, мы ведь с тобой оба не молодеем. Женщине лучше родить до тридцати. А поскольку в этом году твоя ординатура заканчивается, то график у тебя будет полегче и ты, надеюсь, сможешь совместить его с материнством.

— Палмер, а настоящие мотивы? — не унималась она.

— Видишь ли, я бы хотел иметь наследника, чтобы передать ему родовое имя.

— Нет! — настаивала Лора. — Скажи мне настоящую причину, только честно!

Он взглянул ей в глаза и с оттенком тревоги ответил:

— Меня переводят. Пока не знаю, когда именно, но это будет Вьетнам.

— Лора, ты шутишь!

— Прости, но я говорю серьезно.

— Но он об тебя вытирает ноги! Неужели ты позволишь ему снова войти в твою жизнь и трепать тебе нервы?

Робби был вне себя. Лора только что сообщила ему, что больше они не смогут видаться. Разве что как друзья.

С последним условием он еще мог бы смириться. Он был вполне зрелый, взрослый человек. За его плечами уже были победы и поражения — в том числе женитьба, развод и вызванная им неразбериха с двумя детьми.

Но сама мысль о том, что такая женщина, как Лора, может вернуться к Палмеру после всего его свинства, привела Робби в полнейшее смятение. Он на собственном опыте знал, что женщину и мужчину подчас удерживает вместе комплекс неадекватности, даже если они понимают, что их совместная жизнь разрушительна для обоих.

Робби был уверен, что подходит Лоре намного больше, чем ее муж. Ибо под внешностью взрослой женщины он видел маленькую девочку, и Лора пробуждала в нем отеческие инстинкты.

И вот пожалуйста, этот подонок Палмер под звуки вальса вновь выходит на сцену, щелкает пальчиками, и Лора бежит к нему, чтобы снова оказаться объектом моральных истязаний. По здравом размышлении он пришел к выводу, что Лоре, возможно, нравится испытывать унижение. «Ладно, Робби, — сказал он себе, — отпусти ее. Меньше забот на твою голову».

Все эти мысли пронеслись у него в голове, пока они с Лорой стояли у сестринского поста и заправлялись кофеином. Он был рад, что не поддался первому порыву и не кинулся отговаривать ее. Сейчас он немного успокоился и мыслил более рассудительно.

— Ты уверена, что принимаешь правильное решение? — спросил он.

— Роб, я вообще не принимала никакого решения.

— Ты хочешь сказать, что мы с Палмером друг другу не конкуренты?

— Нет, Роб, я хочу сказать, что от меня тут ничего не зависит. Палмер — мой муж, и, прежде чем выйти за него, я долго и напряженно думала.

— От тебя многое зависит! Ты прекрасно знаешь, что я готов на тебе жениться.

Лора нежно взяла его за руку:

— Робби, послушай, то, что между нами было, — было прекрасно. И я тебя очень люблю. Но если честно, тебе будет лучше

без меня. Я вполне гожусь для романа, но хорошая жена из меня не получается.

Робби был обижен. В равной степени за себя и за нее.

— Лора, слушай меня внимательно. Это мое последнее слово. — Он помолчал, глубоко вздохнул и негромко сказал: — Господь сыграл с тобой злую шутку. Он дал тебе все. Только, по-видимому, Он был так потрясен результатом, что забыл добавить маленький завершающий штрих — капельку уверенности в себе. Ладно, стало быть, не судьба. Придется пострадать, но я переживу. Надеюсь только, когда-нибудь найдется человек, который вобьет в твою хорошенькую головку немного здравомыслия, и ты наконец начнешь себе нравиться.

Он отвернулся, стыдясь наворачнувшихся на глаза слез.

И ушел прочь.

В начале осени 1968 года движение за права негров «Черная сила» буквально достигло олимпийских вершин.

На Играх, проводившихся в высокогорном Мехико, американские атлеты Томми Смит и Джон Карлос выиграли золото и серебро в забеге на двести метров. Стоя на пьедестале под звуки «Звездно-полосатого флага», спортсмены вскинули вверх кулаки в черных перчатках в знак протеста против обращения белой Америки с их братьями.

Этот новый виток протеста стал набирать силу в предшествующем году, когда Рэп Браун возглавил Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД). Из первой же его речи было ясно, что название возглавляемой им организации имеет мало общего с ее действительной позицией, ибо он сразу с высокой трибуны призвал к физическому устранению леди Джонсон, жены американского президента.

Он также привнес новую нотку в программу боевиков — антисемитскую. Американские евреи неожиданно оказались для негров главным источником всех их бед. Для таких организаций, как СККНД и Конгресс расового равенства (КРР), это была новая тактика. Прежде они опирались на широкую поддержку бывших обитателей нацистских гетто. А для Хершеля Ландсманна это было как нож в сердце. До сих пор он всей душой, а в значительной мере и кошельком поддерживал борьбу за гражданские права негров. Теперь же у них с Ханной было такое чувство, что их предали. Но больше всего (и в такой степени, что они не решались в этом признаться друг другу) их сейчас тревожил вопрос о том, как это все отразится на их отношениях с Беннетом.

Барни уже написал порядка двухсот страниц книги, которую озаглавил «Чемпионский характер». Он больше не мог противостоять настойчивым просьбам Билла Чаплина показать ему рукопись. С трепетом он отвез материал в издательство.

В тот же вечер, начиная с девяти часов, он с интервалом в тридцать минут звонил Биллу Чаплину в надежде получить хоть какой-то отклик.

— Билл, ну как? Подойдет? Или ужасно? Не слишком претенциозно? Или, может, поверхностно?

Измученный редактор отвечал:

— Послушай, Барни, если ты будешь продолжать меня дергать, я эту рукопись никогда не осилю. Почему бы тебе не выпить снотворного и не лечь спать?

— Черт побери! Не нужно мне никакого снотворного! Я хочу знать ваше мнение.

Текст, который он представил Биллу, содержал анализ особенностей психики нескольких выдающихся спортсменов, а лучшей, по мнению самого Барни, главой его книги — точнее, написанной части — был рассказ о кумире его детства Джеки Робинсоне. Внук раба, он первым из темнокожих пробился в бейсбол.

В половине двенадцатого позвонил Билл Чаплин.

— Барни, материал потрясающий! — объявил он.

— Вы хотите сказать, он вам понравился? — не веря своим ушам, переспросил Барни.

— Нет, он меня восхитил! Когда думаешь закончить остальное?

— Послушайте-ка, — шутя возмутился Барни, — вы, кажется, забываете, что я еще и практикующий врач!

— Знаю, знаю, — заверил Чаплин. — Просто нам нужно поставить тебя в план на весну. Если тебя беспокоит вопрос денег, могу выписать тебе еще один аванс, чтобы ты мог взять творческий отпуск и целиком сосредоточиться на книге.

Возникла пауза. Биллу даже показалось, что связь прервалась.

— Барни, ты меня слышишь?

Тот не сумел скрыть негодование.

— Билл, позвольте мне в тысячный раз вам объяснить, что психиатр — это как отец очень большой семьи. Наши больные — не те, что ложатся на операцию и через неделю выходят. Если они выбирают своим врачом меня, это значит, что у меня появляются перед ними обязательства. Я обязан быть в досягаемости, когда бы я им ни понадобился. Даже если это случается раз в несколько лет. Вы бы не хотели, наверное, чтобы летчик ушел в отпуск в тот момент, когда вы летите через Атлантику?

Билл устыдился:

— Прошу меня извинить, Барн, я увлекся. Я понимаю твои приоритеты. Могу я взять свою просьбу назад? Только без обид!

— Конечно, не вопрос.

— Хорошо, Барн. Тогда я прощаюсь. — И все же не удержался, чтобы не вставить напоследок: — Как думаешь, к августу закончишь?

— Спокойной ночи, Билл.

* * *

— Я только что убил человека. Что мне делать?

Было два часа ночи. Тим Блустоун, младший ординатор терапевтического отделения, был в отчаянии. Его начальник, Сет Лазарус, пытался его успокоить.

— Тим, не кори себя. Постарайся взять себя в руки. Присядь и расскажи, что случилось.

Молодой врач, как автомат, исполнил приказание. Он сел на кушетку и зарылся лицом в ладони.

— Господи, я — убийца! — застонал он.

Тим поднял глаза и рукавом отер слезы.

— Миссис Макноутон... Она была...

— Я знаю, — перебил Сет. — Ее должны были завтра оперировать. Продолжай.

— Сестра измеряла ей давление, а оно вдруг упало до невыносимой отметки. Она меня позвала. Я прибежал. И без измерений было видно, что у нее страшная гипотензия. У нее все лицо было синее...

После паузы он продолжил:

— Я чувствую себя полным негодяем. Я знаю, надо было вызвать тебя, Сет! Ты бы не допустил такого промаха.

Он с тоской посмотрел на старшего ординатора. Сет сказал только:

— Дальше.

— Понимаешь, я решил, что знаю, что надо делать. Я действительно знал, только я...

Он замер на полуслове. Надо было произнести вслух приговор самому себе.

— Нижнее давление у нее было тридцать, и я велел сестре принести поскорее арамин. Я знал, что он сразу поднимет давление.

— Верно, — прокомментировал Сет, — сосудосуживающее средство в таких случаях показано. Я пока не вижу никаких ошибок.

— Сестра принесла несколько ампул. Швырнула их и бросилась назад — там у кого-то открылось кровотечение. Понимаешь, мне кажется, отчасти она тоже виновата, потому что должна была принести арамин, но менее концентрированный. Нет, черт! Я сам должен был внимательнее посмотреть. Но я так измотался, что едва соображал, что делаю. Короче, я ввел миссис Макноутон десять кубиков внутривенно и стал ждать реакции. Сначала ничего не происходило. Потом у нее вдруг давление как рванет! Я запаниковал. Я испугался, что может случиться желудочковая недостаточность, инфаркт или кровоизлияние в мозг.

— И ты растерялся и ввел ей еще одну ампулу, — подсказал Сет.

Тим кивнул:

— А она вдруг потеряла сознание. — Он помолчал, а потом едва слышно пролепетал: — Она умерла, понимаешь? И тут я сделал то, с чего должен был начать. Я посмотрел ее карту. У нее оказалась тяжелая форма диабета.

— Да, решение неудачное, — по-деловому прокомментировал Сет. — Арамин противопоказан диабетикам, поскольку сужает пораженные сосуды и может спровоцировать блокировку кровотока.

Тим стал колотить кулаками по столу.

Сет поднялся и спокойно сказал:

— Ты еще с кем-нибудь говорил?

Тот покачал головой.

Сет молча направился к палате миссис Макноутон. Тим — за ним. Вся палата мирно похрапывала. Миссис Макноутон лежала без признаков жизни.

Сет тщательно снял все жизненные показатели и посветил фонариком в глаза. Потом посмотрел на Тима и сказал:

— Ты прав. На мой взгляд, обширный церебральный инфаркт.

Тим стоял как окаменелый, от чувства вины не в силах сдвинуться с места. Сет скомандовал:

— Иди назад в кабинет и жди меня. Я распорядюсь, чтобы дежурная сестра сделала все необходимое. Потом мы с тобой напишем

заключение о смерти.

Какое-то время оба молчали. Потом Тим едва слышно, перепуганным голосом переспросил:

— Сет, я ее убил, да?

На что Сет сказал лишь:

— Увидимся в кабинете.

И вышел.

Через пятнадцать минут, когда Сет вернулся в кабинет, воздух там был густой, как лондонский туман. «Одну за одной небось курит», — подумал Сет.

Он протянул Тиму ручку и какую-то бумагу. Тот молча пробежал ее глазами.

— Блустоун, подпиши — и все, — сказал Сет.

— Ты указал причиной смерти обширный церебральный инфаркт.

— И что? Это соответствует действительности.

Тим взглянул на старшего коллегу. Лицо у него было каменное.

— Ты прекрасно знаешь, что смерть наступила из-за меня!

— Послушай, Блустоун, нет такого врача, который не потерял бы больного по недосмотру. Особенно если этот врач был на ногах столько, сколько ты. В этом документе написана чистая правда. — Сет помолчал, потом уточнил: — Только не вся правда.

Тим с благодарностью смотрел на старшего ординатора.

— Спасибо, Сет, никогда этого не забуду.

Они помолчали. Потом Тим, запинаясь, спросил:

— Скажи мне, Сет, а у тебя когда-нибудь умирали больные? По твоей вине?

Сет, старательно подбирая слова, ответил:

— Я же тебе сказал, это со всеми бывает.

Карьера Барни, как и его настроение, была на подъеме. Щедрый, по его меркам, аванс, полученный от Билла Чаплина, он пустил на задаток за квартиру в Гейнсборо-хаусе, из гостиной которой мог созерцать Центральный парк.

Кроме того, в лифте он всякий раз оказывался в обществе какого-нибудь знаменитого писателя, художника или музыканта. Ему пока не верилось, что он достиг в своей карьере таких высот, и живущий в нем

маленький мальчик все еще испытывал искушение попросить соседку с девятого этажа напеть ему несколько тактов из ее нынешнего репертуара в Метрополитен-опера.

— Отличные новости!

— Надо думать, раз вы посреди ночи звоните.

Сегодня Барни засиделся допоздна, заполняя карточки своих пациентов, и только недавно уснул. И тут позвонил Билл Чаплин.

— Слушай! — взволнованно заговорил редактор. — Я только что отужинал с руководством «Спорте иллюстрейтед». На прошлой неделе я им отослал твою главу про Джеки Робинсона, а они в апреле планируют специальный выпуск, посвященный бейсболу, — хотят показать, насколько все изменилось. Барни, ты себе даже представить не можешь, во что это может вылиться.

— Но, Билл, эта глава такая длинная...

— Конечно, они ее подсократят, старик. Ты, главное, не волнуйся. Я заставил их пообещать, что конечный вариант будет представлен тебе на визу.

— Отлично, Билл. Отлично! А теперь можно я пойду спать? У меня без четверти семь уже первый клиент.

Барни был так загружен, что почти забыл о планах «Спорте иллюстрейтед» напечатать его главу о Джеки Робинсоне. Как-то субботним утром в конце февраля после двухчасового общения с клиентом, позвонившим ему посреди ночи в полной истерике, он собирался на утреннюю пробежку в надежде «выветрить» часть чужой боли, которую в себя впитал. И тут раздался звонок.

— Алло, доктор Ливингстон, простите, что беспокою вас в выходной день. Меня зовут Эмили Гринвуд. Я работаю в редакции «Спорте иллюстрейтед». Думаю, вы уже догадались, по какому вопросу я звоню.

— Ну конечно. Ваш журнал занят тем, что кастрирует, точнее, редактирует главу из моей книги.

— Давайте выразимся иначе: мы вынуждены ее сократить, но это не значит, что мы хотим ее изуродовать. Вам удобно, если я сегодня заброшу вам наш вариант текста? У нас остается мало времени до сдачи номера.

— Сколько же вы мне даете?

— Понимаете, — извиняющимся тоном затянула она, — поскольку это не оперативный материал, он, конечно, пролежал в очереди. Иными словами, номер подписывается в печать в понедельник.

— Что? Это невысказано!

— Прошу вас, доктор Ливингстон, мы — информационный журнал, и ваш материал должен идти тогда, когда для него зарезервировано место. А кроме того, я думаю, наши сокращения не вызовут у вас особых возражений.

— В таком случае вы можете его мне прислать?

— Не проблема. Текст будет у вас через полчаса.

Барни прошел в кабинет, достал экземпляр главы и принялся перечитывать написанное несколько месяцев назад.

Через двадцать пять минут в дверь позвонили. Он открыл и увидел на пороге миниатюрную молодую женщину с большими карими глазами и коротко стриженными рыжевато-каштановыми волосами.

— Здравствуйте. Я — Эмили Гринвуд. А вы — тот самый доктор?

— Да, это я, — ответил Барни, стараясь скрыть свое недовольство тем, что редакция сочла его второразрядным автором, к которому можно направить и редакционную секретаршу.

— Рукопись у меня, — весело ответила девушка и протянула ему большой конверт из плотной бумаги.

— Отлично. Может быть, войдете и выпьете чашечку кофе?

— Придется, пожалуй, — с улыбкой ответила гостя. — Если, конечно, вы не собираетесь смотреть мою правку, стоя в прихожей.

— Так мой редактор — это вы? — воскликнул он.

— А кто же еще? Я бы к этому тексту никого из своих подопечных не подпустила! На мой взгляд, материал великолепный.

— Входите, входите, — просиял Барни. — Присядьте, пожалуйста, за мой грандиозный стол, а я пока вскипячу чайник.

Он быстро вернулся с двумя кружками кофе и поставил их на стол со словами:

— Думаю, я должен перед вами извиниться.

— Не переживайте, это со мной часто случается. Меня все принимают за секретаршу. Это все из-за моей ребяческой любви к

спорту. Но может же женщина стремиться стать похожей на Грэнтланд Райс?^[30] — Она упомянула знаменитую американскую писательницу, — Я согласна с Вирджинией Вулф, когда она говорит об «обоеполом мышлении».

«Удачная аллюзия», — подумал Барни и ответил, давая понять, что предмет ему знаком:

— «Своя комната» действительно была знаковым эссе для женщин-писательниц. Существует масса клинических подтверждений того, что каждый человек для творчества нуждается в какой-то доле качеств, присущих противоположному полу.

— Вообще-то, — сказала Эмили, — я не считаю себя Вирджинией Вулф.

— Ну и хорошо, — подхватил Барни. — Я ведь тоже не Зигмунд Фрейд.

— Прекрасно. — Она улыбнулась. — Ну, теперь, обменявшись любезностями, давайте наденем боксерские перчатки и сразимся на почве наших сокращений.

И сразиться действительно пришлось. Барни переживал каждое вычеркнутое слово, как рану по живому телу.

Меньше чем за час они прошлись по всему тексту, и Барни был вынужден признать, что получилось лучше, чем было сначала. Господи, какая умница!

И к тому же недурна собой.

Нет, Барни, не надо лукавить: она хорошенькая! И даже очень. Ну, у такой девушки наверняка есть парень.

Лучше не рисковать и не приглашать на ужин, иначе можно разрушить установившиеся рабочие отношения.

— А теперь, — сказала Эмили, с треском захлопнув свою папку, — я надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии пригласить вас на поздний обед в любой ресторан по вашему выбору.

— *Вы приглашаете меня?* — изумился Барни.

— Давайте будем считать так: приглашаю я, а платит редакция. Так что не стесняйтесь в выборе.

— Что ж, тогда, может, сходим в «Клуб двадцать один»?

— Пусть будет «двадцать один». Я знаю тамошних ребят, так что, если вы не против, я им от вас позвоню и предупрежу, что мы едем.

Было на самом деле поздно, даже для субботы, и в верхних залах официанты уже убрали со столов.

В дальнем углу, не замечая ничего и никого вокруг себя, сидели двое спортивных фанатов. Они пытались перещеголять друг друга малоизвестными эпизодами из истории команды «Бруклин доджерс». Эмили приняла вызов Барни, и он стал проверять ее познания, заставив вспоминать игроков по их номерам.

Игра закончилась вничью каждый ответил на все вопросы, не допустив ни одной ошибки. После этого Эмили заявила:

— Вообще-то я должна тебе сделать одно признание. Только, надеюсь, ты не будешь подвергать его скрупулезному психоанализу. Так вот, на меня твои ноги производили неизгладимое впечатление.

Барни не знал, как реагировать. Может, это такая новая мода у ист-сайдской золотой молодежи? («Не угодно ли взглянуть на мои коленные чашечки?»)

Он ответил столь же беспечным тоном:

— Ты мне очень льстишь, Эм. Мне еще никогда никто не говорил таких приятных слов. И таких неожиданных.

— Не волнуйся, я не фетишистка. Я училась в Мидвуде двумя годами позже тебя.

— Ты училась в Мидвуде?! А как же я тебя не замечал?

— Думаю, ты был слишком увлечен романами с группой поддержки. А я делала для «Аргуса» фоторепортажи с ваших матчей. Если честно, для меня так и осталось загадкой, почему в выпускном классе ты бросил играть. Вы бы легко выиграли первенство города! Ты и в нападении был хорош, а в защите — просто зверь! Что у тебя случилось?

Чувствуя головокружение от ее восторгов по поводу его давнишних успехов в спорте, Барни ответил коротко, в манере Гари Купера:

— Это долгая и грустная история, Эмили. Не думаю, что ты захочешь ее услышать.

— Я никуда не спешу, — улыбнулась она.

Ее невинная реплика заставила его взглянуть на часы. Было начало пятого.

— Послушай, Эм, метрдотель нас сейчас испепелит взглядом. Надо убираться отсюда.

— Барни, не валяй дурака. Дмитрий меня никогда не выгонит. Я его обеспечиваю билетами на футбол.

— И у тебя не назначено какого-нибудь свидания? И работы нет?

— На первый вопрос — ответ отрицательный, на второй — утвердительный. А у тебя?

— Аналогично. Но давай не будем о том, чего нет. Как сказал римский поэт, «наслаждайся каждым днем».

Точно, — подхватила она. — *Carpe diem*.

Барни подумал: «А мне хочется наслаждаться тобой, Эмили!»

Они прошли несколько кварталов и все не могли наговориться, и Барни сказал себе: «Теперь я знаю, что такое эйфория».

Было субботнее ноябрьское утро, хрустящее и звонкое, как осеннее яблоко. Всегда бурый и серый, под цвет камня, студенческий городок Йельского университета сейчас был расцвечен синими с белым футбольными шарфами, белокурыми девушками и горящими от возбуждения, футбольной лихорадки и мороза щеками старшекурсников.

Беннет сменился с дежурства в десять утра. Проведя восемь часов в операционной в качестве ассистента Рика Зелтмана, осуществлявшего «сантехнические работы» (как он окрестил сложную урологическую операцию), он был изможден и умственно, и физически. Но от перенапряжения сразу лечь спать тоже не мог.

Он неспешно прогулялся в сторону студгородка, намереваясь заглянуть в книжный магазин и купить что-нибудь, что помогло бы ему избавиться от стоящих перед глазами окровавленных внутренностей.

В городке всю работу делали киоски. Шла бойкая торговля воздушными шариками, значками и другими атрибутами футбольных болельщиков. Старшекурсники показались Беннету каким-то детским садом. «Неужели я так стремительно постарел? — подумал он. — И что происходило в мире, пока я неотлучно находился в этой тюрьме с бетонными стенами и линолеумом на полу, где нет ни дней, ни ночей, ни смены времен года? Я вошел туда десять лет назад юным львом и вдруг чувствую себя старым козлом».

Беннет перешел Чейпл-стрит и направился к Бродвею, когда к нему приблизился молодой негр — торговец газетами.

— Эй, брат! — окликнул он — Новости слышал? Ты в курсе событий? Если нет, советую купить этот номер. Всего двугривенный — и будешь знать, что к чему.

Беннет порылся в кармане, достал монету в двадцать пять центов, сунул газету под мышку и зашагал дальше.

Через полчаса он был уже дома. Он накупил на пятнадцать долларов книг, которых, если повезет, должно было хватить до лета. Включив музыкальную установку, Беннет сбросил мокасины и открыл газету.

Тон публикаций оказался резким и с ярко выраженным антибелым пафосом. «Черт бы их побрал! — подумал Беннет. — Не стану это читать. Посмотрю что-нибудь полегче, к примеру спорт».

Он пролистал последние полосы и наткнулся на комиксы. «Ага, — обрадовался он, — именно такая литература мне сейчас и нужна».

После первых полупристойных карикатур с подписью «Грязные еврейские свиньи обкрадывают негров» Он швырнул газету на пол и выскочил из квартиры, чтобы глотнуть Свежего нью-хейвенского ветра.

Джека он нашел в комнате санитаров.

— Привет, мальчик Бен, — поздоровался Джек, опуская обычные служебные формальности, поскольку другие санитары считали Беннета в той или иной степени «своим».

— Мне надо перемолвиться с тобой словечком, — сурово объявил Беннет.

— Конечно, доктор.

Они вышли в безлюдный коридор. Беннет приготовился обрушиться на Джека с тирадой, которую придумал по дороге в госпиталь. («И это все, что вы можете написать в своей грязной газетенке?»)

Но он понял, что, даже если выпустить пар на беднягу Джека, это не решит проблемы. Не он ведь редактирует этот листок, и не он предводитель движения. Он всего лишь рядовой боец, сражающийся за некое дело в чужой стране под названием Америка.

Поэтому Беннет обуздал свой гнев и просто объявил:

— Джек, я хотел бы прийти на следующее собрание.

— Настроение изменилось, доктор?

— Можно и так сказать.

— Хорошо. Я вас предупрежу.

Старший ординатор Кастельяно долго находилась в приемном покое отделения скорой помощи Бостонской детской больницы. Поступила девятилетняя девочка с опасными симптомами так называемой «лихорадки неизвестного происхождения», которые могли быть признаком эндокардита.

Лора завершила писанину только в первом часу. Она направилась в дежурную комнату в надежде немного поспать, но ее внимание привлекли необычно громкие и взволнованные голоса из сестринской, где было принято говорить вполголоса.

Одна из сестер, завидев Лору, издали прокричала:

— Лора, ты сегодня видела одиннадцатичасовой выпуск?

— Нет, — ответила она, чувствуя, что сейчас ее способно взволновать только известие о четвертой мировой войне (третью она бы проспала). — Я что-то пропустила?

— Что-то несусветное творится, Лора. Просто кошмар какой-то! — ответила самая молодая медсестра, обычно самая сдержанная из всех. — В Вашингтоне настоящий скандал вокруг двух медиков, причем женщина — примерно твоего возраста, хирург с гарвардским дипломом.

Лора сразу поняла, о ком речь. Сердце у нее бешено забилося, и она выпалила:

— До самоубийства не дошло?

— Попытка была. Около трехсот миллиграммов валиума. Но успели сделать промывание желудка. Очень красивая девушка!

В ужасе Лора пролепетала:

— Грета Андерсен?

Да, — подтвердила сестра. — Она. А ты ее знаешь?

Лора стала допытываться:

— Нарушений мозговой деятельности не было? Что он там с ней делал, этот убудочный психотерапевт?

Сестры опешили.

— Погоди, погоди, но ведь это он таблеток наглotalся, — уточнила одна.

Лора собрала все свои силы, чтобы не упасть в обморок. В голове у нее помутилось.

К ней подошла сестра по имени Нида и участливо спросила:

— Лора, с тобой все в порядке? Доктор Химмерман — тоже твой друг?

— Нет-нет, — сконфуженно ответила она и позволила довести себя до кресла. — Я бы попросила вас поточнее рассказать, что конкретно говорилось в новостях.

— Значит, так, — начала Нида, — этот врач действительно считается уникалом в психиатрии. Мирового масштаба!

— Не надо про заслуги. Что он сделал?

— Ну, если помягче... Он сделал то, чего не должен был делать с пациенткой. А твоя подруга оказалась крутой...

— И храброй! — встала другая сестра.

— Она созвала пресс-конференцию в Джорджтаунском госпитале.

— Что?! — Лоре показалось, что все это происходит во сне — А какой интерес журналистам приходить и слушать какого-то ординатора из хирургии?

— Ну, во-первых, потрясающе красивого ординатора, — уточнила Нида. — А кроме того, прессу хлебом не корми, дай посмаковать какой-нибудь пикантный скандалчик. В общем, она объявила, что пошла к Химмерману лечиться, а тот затащил ее в постель.

— А чем она это доказала?

— Ага, это самое интересное. Сначала этот доктор Химмерман — тоже, между прочим, красавчик будь здоров — выступил перед камерами на крыльце собственного дома и все отрицал. Он заявил, что у больной параноидальный бред и «бедной девочке» надо лечь в психушку. Очень убедительно говорил!

— Надо думать! — буркнула Лора.

Следующие слова Ниды поразили ее как гром среди ясного неба:

— А после этого повернулся, поднялся по лестнице своего особняка — красивый домик, надо сказать! — и наглотался таблеток.

— Ох, — выдохнула Лора. — Выходит, этот сукин сын больше всего навредил сам себе. К счастью для Греты.

— Грета, с тобой все в порядке? Я уже почти две недели не могу тебе дозвониться.

— Извини меня, Лора, но мне пришлось переехать к подруге: у меня телефон просто разрывался. Прости, мне надо было самой тебе позвонить.

— Послушай, как тебе хватило смелости призвать к порядку этого подонка? Что с тобой случилось?

— Кто-то же должен был это сделать! А ты знаешь, что Энди обещал развестись с женой и жениться на мне? А потом я узнаю, что этот приемчик он применял уже тысячу раз до меня.

— А как ты это узнала?

— От самой миссис Химмерман. Мы с ней как-то столкнулись, когда я выходила с очередного сеанса. Она оглядела меня с головы до ног и говорит: «Так вот ты какая — новая куколка моего Энди». После чего как бросится к нему в кабинет, как начнет вопить! То, что произошло потом, скоро появится на страницах «Нэшнл инкуайрер».

— Ох, Грета, как я тебе сочувствую! Надеюсь, этот неудачный опыт не заставит тебя навсегда отвернуться от мужчин?

— Если честно, в данный момент мужской пол не вызывает у меня положительных эмоций. Что же до мужчин-врачей, то это вообще низшая форма жизни на земле. Угадай с трех раз, кто выкатится из города в результате этого скандала?

— Ты это о чем?

— Видишь ли, судя по всему, наше хирургическое отделение считает, что я недостаточно «вписалась». Так что они предложили место старшего ординатора кому-то еще, а меня проинформировали, что, хотя меня здесь «были рады видеть», стипендии мне больше не видать. Изволь, мол, голубушка, пахать на общественных началах.

— Иными словами, ты уволена.

— Ну да, — с горечью сказала Грета, — Только это слово нигде не прозвучало. Эти врачи — как члены братства или еще какого-нибудь тайного общества. Мне, похоже, инкриминируется не то, что я позволила себя соблазнить, а то, что разболтала об этом прессе.

— Грета, я в шоке. Ты хочешь сказать, этот мерзавец выйдет сухим из воды?

— По всей вероятности. То есть, конечно, какие-то действия в его отношении будут предприняты. Ему придется давать показания в окружном совете — за закрытыми дверями, разумеется. Но он продолжает стоять на том, что я истеричка и все это придумала от начала до конца. В любом случае я готова уехать и сейчас занята тем, что рассылаю заявки по всем клиникам отсюда до Гонолулу. А если ничего не получится, пойду в армию.

— Что?! — Лора не поверила своим ушам.

— Я серьезно. Там очень нужны хирурги. Может, меня даже отправят во Вьетнам. — И с болью в голосе добавила: — Сказать по правде, Лора, если мне там прострелят башку, будет не хуже, чем сейчас.

Впервые завею совместную жизнь у Лоры с Палмером были одинаково неудачные графики. Он больше не корил ее, когда она возвращалась в четыре часа ночи, поскольку сам за полночь засиживался за учебниками вьетнамского языка.

Когда она вошла, он снял очки, взглянул на жену и улыбнулся.

— Знаешь, дорогая, я начинаю тебя уважать за долготерпение. Меня этот недосып просто убивает!

— Вообще-то, Палмер, не давать спать — испытанный и верный способ раскалывать пленных. Мне говорили, что в Юго-Восточной Азии он очень распространен.

— Кто это тебе сказал?

— «Нью-Йорк таймс».

— И ты веришь этой коммунистической газетенке?

— Господи, Палмер, — заметила Лора, лишь отчасти в шутку, — иногда на твоем фоне наши ястребы выглядят невинными овечками.

Лора налила себе стакан апельсинового сока, устало опустилась на стул и проговорила:

— Хотелось бы мне понять, что заставляет вас, мужчин, воевать, убивать себе подобных. Может, все дело в тестостероне? Ну, мужском половом гормоне...

— А я-то думал, он повышает половое влечение, — протянул Палмер.

— Согласись, что между войной и сексом всегда было что-то общее. Возьмем, к примеру, Елену Троянскую...

— Я бы предпочел взять тебя, — сказал Палмер и вышел из-за стола.

— Как думаешь — сегодня удалось? — спросил он.

Они лежали в постели в сонном, расслабленном состоянии.

— Палмер, — сквозь сон ответила Лора, — если бы медицина изобрела машину для точного определения момента овуляции, я бы притащила ее домой под полой плаща.

— Ну, это необязательно, — ответил Палмер. — Если мы будем делать это каждый день, то в конце концов непременно попадем в точку.

— Если говорить с научной точки зрения, Палмер, — остудила она его пыл, — то среднестатистической паре требуется от четырех до шести месяцев, чтобы зачать ребенка. А если до этого женщина принимала противозачаточные таблетки, то может потребоваться и больше.

— А мне кажется, это больше вопрос психологии, — возразил он. — Если бы ты всерьез настроилась забеременеть, я уверен, это произошло бы в тот же миг. Взять хотя бы моих родителей. Сомневаюсь, чтобы они за всю свою супружескую жизнь занимались любовью больше десяти-двенадцати раз, но у них есть я и моя сестра. Ну да ладно. Как нам его назвать?

— Его? Кого — его?

— Нашего ребенка — моего сына. Которого мы так усердно зачинаем.

— Давай назовем Миракулос? Очень подходящее имя, — сказала она, намекая на чудесный характер такого зачатия, если оно наконец свершится^[31]. — А если будет девочка, — то Миракула, — добавила она.

— Никаких девочек не будет! — решительно заявил Палмер.

— А может, и вообще никого, — уточнила Лора.

— Ну, с этой проблемой будем разбираться, когда она возникнет, — заявил Палмер. — А пока, надеюсь, тебя не утомляют эти наши упражнения?

— Нет, — сказала Лора, — только я предпочла бы воспринимать «наши упражнения» как любовь.

— Так оно и есть! В этом-то их и прелесть!

Лора помолчала. Она впервые за долгое время чувствовала себя счастливой и не хотела это счастье спугнуть. Но все же не удержалась от вопроса:

— Палмер, откуда эта внезапная тяга к деторождению? Ведь от Вьетнама оно тебя уже не спасет...

— В том-то и дело, любимая, — ответил он. — Если говорить совсем откровенно, я боюсь не вернуться.

Две недели спустя Лора отвозила мужа в аэропорт.

— Знаешь, а ты ведь мне так толком и не объяснил, чем ты там будешь заниматься.

— Это потому, что я сам этого не знаю, Лора. Именно поэтому я сначала буду проходить недельную подготовку в Вашингтоне. Точнее — под Вашингтоном, в знаменитом имении сенатора Сэма Форбса. Ой! Я и этого не должен был тебе говорить.

— Форбс — это ястреб из ястребов, — заметила она.

— Я знал, что ты это скажешь. В любом случае, пожалуйста, об этом не болтай. Нам даже не разрешат отсюда звонить.

— Ага. А его очаровательная дочка Джессика тоже там будет?

— Родная, эта барышня — пустоголовая светская бабочка. Совершеннейшая пустышка!

— Да? А как у нее прочие достоинства?

— Лора, я даже не удостою тебя ответом.

Какое-то время они ехали молча, миновали Сторроу-драйв и нырнули в тоннель Каллахан. Добравшись до аэропорта, похожего на бескрайнюю ванную комнату, выложенную тусклой плиткой, он вернулся к не дававшему ему покоя вопросу:

— А мы можем назвать его Палмер?

Лора безучастно кивнула:

— Только если это будет мальчик.

На рейс 261 до Вашингтона уже шла посадка. Времени оставалось только на быстрое прощание и последние торопливые слова.

— Лора, скажи мне еще раз — ты правда перестала пить таблетки?

— Клянусь.

Он улыбнулся, повернулся и пошел на посадку.

Маленькая квартирка была набита битком. За прошедшее время ряды «Пантер» умножились, а кроме того, многие пришли сюда, узнав, что главным докладчиком будет йельский «черный хирург».

Сердце Беннета бешено колотилось. До самого последнего момента он не мог решить, с чего лучше начать.

Но когда оказался перед аудиторией, слова нашлись сами собой, хотя голос звучал напряженно.

— Я убежден, что любой темнокожий американец должен получать по справедливости то, что ему положено. Как сказано в нашей конституции, «все люди созданы равными». — Тут он

приблизился к опасной черте. — Но «равный» не означает «лучший». Мы не хуже других людей, но и не лучше.

— Это ты о чем? — раздалось из зала.

— Этот листок, который вы называете своей газетой, обвиняет во всех наших бедах так называемых «фашиствующих сионистов, еврейских свиней».

Послышались возгласы одобрения.

— Правильно, брат! Убьем евреев!

Беннет изо всех сил пытался сохранить спокойствие.

— А по какой причине вы выделяете именно эту этническую группу?

— Эй парень, ты что, не въезжаешь? — сердито крикнули из дальнего конца комнаты. — Еврейские свиньи — это домовладельцы, ростовщики, те, кто забирает твою машину, если ты чуть-чуть опоздал с платежами...

Беннет рассвирепел.

— А ну, прекрати, брат! — гневно выкрикнул он.

От неожиданности все замолчали. Но это была предгрозовая тишина.

— Давайте проясним одну вещь, — снова начал Беннет. — Да, среди евреев есть владельцы доходных домов, но они есть и среди негров! И есть много евреев, сочувствующих нашему делу и поддерживающих нас деньгами. Вы не забыли Гудмана и Швернера — парней, убитых куклуксклановцами в Миссисипи?

Все пришли в возбуждение.

— Доктор Ландсманн, — подчеркнуто официально произнес председательствовавший на сборище Симба, — боюсь, не все наши братья знают, откуда вы родом.

Взмокший от напряжения Беннет попытался ответить:

— Мой отец сражался и погиб на фронтах Второй мировой войны, потому что испытывал уважение к стране, за которую воевал. А на его голову вылилось больше дерьма, чем любой из вас может даже представить. Не только негритянские воинские части или туалеты «только для белых», но даже такое: если кто-то из его солдат получал ранение, то Красный Крест вливал ему негритянскую кровь. Тем не менее накануне своей смерти он написал мне, что видел такие зверства

фашистов, какие нашему народу и не снились. Он видел нацистские лагеря смерти...

Его прервал град оскорблений.

— Что за чушь он там мелет!

— Гитлер мог бы сработать получше! Меньше евреев осталось бы!

Беннет чувствовал, что теряет самообладание. Но он должен был закончить.

— После смерти отца меня усыновила еврейская семья. Оба были нацистскими узниками. У них на глазах увели в газовую камеру их маленькую дочку, а всех других родственников сожгли в крематории. Кто-нибудь из вас испытывал нечто подобное?

С пересохшим ртом и мокрыми от слез щеками он заставил себя договорить:

— Я пришел сюда, чтобы сказать: у нас, негров, нет монополии на страдания. И не каждый еврей — наш враг. Если же мы станем так думать, то превратимся в злейших врагов для самих себя.

После паузы он тихо сказал:

— Задумайтесь над этим, братья!

Беннет заставил себя смотреть прямо на слушателей в ожидании их реакции. Все застыли в оцепенении. В целой комнате, казалось, двигались лишь его руки — тряслись от нервного возбуждения.

Наконец председательствующий безучастным тоном спросил:

— Какие будут комментарии?

В задних рядах поднялась рука.

— Я хочу сказать нашему высокому гостю: пошел ты! И все жида тоже!

Хотя толпа оставалась неподвижной, Беннету вдруг сделалось страшно. У него появилось жутковатое ощущение отстраненности, словно он видел все происходящее в кривом зеркале.

Он медленно двинулся к двери, и люди расступались перед ним, как Красное море перед народом Израилевым.

Барни узнал новость, придя в клинику. Один из младших ординаторов, Джон Уорнер, подбежал к нему со словами:

— Ливингстон, ты сегодня «Таймс» читал?

— Нет, — сухо ответил тот. — Мы что, установили новый рекорд в сбрасывании на детей напалмовых бомб?

Джон, хотя и был ярым сторонником республиканских ястребов, пропустил его шпильку мимо ушей.

— Ты ведь учился с Питером Уайманом?

— Да, — сказал Барни, — но отнюдь не горжусь этим.

— А теперь будешь! — заявил ординатор. — Вот, смотри.

Он протянул Барни газету. В нижнем левом углу была фотография Питера в белом халате. На его лице, как обычно, сияла самодовольная улыбка, хотя шевелюра изрядно поредела.

Статья гласила: «Найдена разгадка структуры раковой клетки». И подзаголовок: «Молодой гарвардский исследователь изобретает новаторскую методику в генной инженерии».

Барни почитал материал и подумал: «Он ведь нам всегда твердил, какой он умный. Может, мы напрасно не верили в это? Вот ведь, пишут, у него уже шестнадцать печатных работ и миллион рефератов. Однако и покрасоваться на публике он любит: ведь его открытие будет официально опубликовано только через полгода. Выходит, он созвал пресс-конференцию, чтобы дать Нобелевскому комитету время запомнить его фамилию... Но, видать, не все у Питера гладко. О жене и детях-то — нигде ни слова!»

Но тут Барни отчитал самого себя:

«А ты-то кто такой, доктор Ливингстон, чтобы кидать камни? У тебя-то разве есть жена и дети?»

На что тут же мысленно ответил: «Погоди, дай срок. Мне надо закончить ординатуру и начать свою практику. А кроме того, я уже почти женат».

Как раз в этот вечер Барни планировал сделать Эмили предложение.

Их бурный роман вылился в поездки на спортивные соревнования по всей Америке: футбол, баскетбол, бокс, бейсбол, хоккей, теннис. Они добрались даже до Европы. В августе на соревнованиях по легкой атлетике в Мальмё, в Швеции, ему удалось два дня провести в беседах со знаменитым «железным человеком» — Эмилем Затопеком, и теперь у него был материал для последней главы книги.

Между Барни и Эмили царило полное согласие и взаимопонимание. Даже трусцой они бегали в одни и те же часы.

Если их брак и не станет одним из тех, что свершаются на небесах, то он все равно будет прочным, как широко разрекламированные современные сплавы.

Барни устал налаживать личную жизнь другим людям и решил заняться собственной. Тем более что год назад, на свадьбе Уоррена с Бернис (Банни) Липтон, тоже без пяти минут юристкой, он выдержал немало насмешек.

У них с Эмили были прекрасные отношения, открытые и честные. Наслаждаясь обществом друг друга, каждый из них имел и собственную интересную и содержательную жизнь. И это должно было придать их союзу ту гармоничность, к которой неизменно стремится супружество и которой так редко достигает.

Сегодня, посмотрев, как «Лейкерс» делают отбивную из «Никс», они ужинали у Эмили дома. Меню состояло из самых вкусных вещей, взятых навынос из ресторана «Забар», так что Барни оставалось только охладить вино и открыть бутылку. Наполнив бокалы, он произнес тост:

— Пусть мы всегда будем счастливы. Точнее, пусть всегда будет Эмили!

— «Всегда» — это когда? — улыбнулась она.

— После свадьбы.

Она не донесла бокал до рта. И хотя она постаралась это скрыть, Барни заметил, что Эмили вдруг погрузилась.

— Эм, в чем дело? Я что-то не так сказал?

Она кивнула:

— Свадьба — это...

— Плохое слово? — закончил за нее Барни.

— Для меня — да. Я думаю, ты будешь чудесным мужем.

— Но почему я не могу стать чудесным мужем для тебя?

Эмили потупила взор и покачала головой.

— Нет, Барни, нет, — повторяла она, — ничего из этого не выйдет.

Ему в голову вдруг пришла страшная догадка.

— У тебя есть кто-то еще?

— Нет-нет! — бросилась уверять она.

— А разве ты не испытываешь ко мне никаких чувств?

— Конечно испытываю. Неужели об этом нужно спрашивать?

— Тогда почему, Эмили? Почему?

Она сделала глоток и ответила:

— Я не могу быть женой. Я безжалостна, эгоистична и амбициозна.

И девушка, только что обвинившая себя в бесчувственности и жестокости, разрыдалась в голос.

— Барни, ты заслуживаешь лучшего!

— Какая чушь!

— Нет, это так и есть.

Барни чувствовал себя как человек, который, сажая розовый куст, воткнул лопату в плодородную землю и вдруг уперся в неподатливый камень.

Сомнений быть не могло. Эмили сказала «нет» и не оставила ему никакой надежды.

— Слушай, забудь о моем предложении. Я его беру назад. На нет и суда нет. Это с каждым может случиться. Но могу я тебе предложить кое-что, менее официальное?

— Что именно?

— Перебейся ко мне. Я оборудую тебе кабинет в гостевой спальне. Мы будем врозь днем и вместе ночью. А если тебе по какой-нибудь причине вдруг не захочется идти домой, я не спрошу у тебя записки от родителей. Ну, что скажешь, моя вольнолюбивая птичка? Боишься клетки?

Вместо ответа Эмили вскочила и, продолжая хлюпать носом, обеими руками обвила шею Барни.

Он с не меньшим жаром ответил на объятия, но мысленно анализировал ситуацию. И внутренний голос профессионала говорил: «Что-то тут не так. А ну, доктор, определи, что именно!»

— Я завтра приеду и помогу тебе собраться.

Спасибо, что ты меня понял, — прошептала она с выражением неподдельной признательности.

Они продолжали обниматься, а Барни все думал: «А что, собственно, я должен был понять?»

Питер Уайман был противоречивой личностью. И вероятно, единственным медиком из Гарварда, столь откровенно ненавидевшим

больных.

Уже в первый год своей работы в лаборатории он выказывал всяческое пренебрежение к коллегам, а к своему наставнику и боссу профессору Пфайферу относился лишь с неким подобием доброжелательности. Пфайфер, в свою очередь, взял Уаймана на работу отнюдь не за его обходительность. Просто он оценил всю меру его дарования и не мог допустить, чтобы этот потенциал оказался в руках противника (каковым он считал любого другого специалиста в своей области).

Однако Пфайфер предполагал, что Уайман при его выдающемся уме отлично понимает правила игры: ты помогаешь мне взойти на пьедестал, а когда настанет час, я подам руку и вытяну наверх и тебя. А пока позабочусь о том, чтобы ты, как мой помощник, не испытывал бытовых неудобств, исправно получал гранты от федерального правительства и имел работу в биохимической лаборатории, которую можно считать лучшей в мире.

Питер от природы был недоверчив. Зная за собой отсутствие каких бы то ни было принципов, он подозревал в бессовестности и всех окружающих. Иными словами, он сам был себе лучшим другом. И злейшим врагом.

Проводя исследования в подтверждение одной из гипотез Пфайфера, он сделал некое открытие. При этом Питер счел открытие своим и ничьим больше и, едва завершив контрольные опыты, давшие многообещающие результаты, направился в пресс-бюро медицинского факультета.

Руководитель бюро Николас Казан от рассказа Питера пришел в восторг. Он не стал созывать пресс-конференцию, а посоветовал молодому ученому пригласить редактора медицинского отдела «Нью-Йорк таймс» на ланч в «Риц» и дать ему интервью.

Казан оказался дальновидным и деловым импресарио. После того как первый материал появился в «Таймс», он организовал интервью в ежедневной информационно-аналитической телепрограмме. Телекомпания Эн-би-си направила в Бостон для беседы с юным гением саму Барбару Уолтерз.

Питер действительно получил блестящий результат. Он сделал значительный шаг вперед к полной победе над раком. Но это было еще

не лечение.

Его работу можно было сравнить с картой, на которой обозначен путь к зарытому сокровищу. Дорога была открыта, но пройти по Ней предстояло другим ученым.

Тем не менее и спустя неделю телефон лаборатории обрывали возбужденные родственники больных, умоляя дать их родным шанс воспользоваться открытием Уаймана, пока еще не поздно.

На передачу мисс Уолтерз, разумеется, пригласила и профессора Пфайфера, чтобы он прокомментировал открытие. И тот в камеру произнес:

— Питер — выдающийся молодой человек. Весьма выдающийся.

Как только погасла красная лампочка на телекамере, пожилой профессор пригласил своего ученика на завтрак. В свой клуб.

Пфайфер начал разговор только тогда, когда им принесли по второй чашке кофе.

— Скажи мне, Питер, — как бы между прочим спросил он, — как тебе кажется, зачем я тебя пригласил?

Может быть, отметить успех?

— А какой у нас повод для праздника?

— Ну, прорыв в науке... Весь наш проект. Реклама, которую получил Гарвард... — Он умолк.

— А мне казалось, рекламу получил не столько Гарвард, сколько ты сам.

— Сэр, вы хотите сказать, что я преступил какие-то рамки? — простодушно удивился Питер. — Но я не нарушил протокол и внес вашу фамилию в список авторов статьи об открытии. Сэр, я иерархию чту.

— Я очень польщен, — ответил Пфайфер, — И счастлив разделить толику твоего триумфа, пускай даже на правах завлаба.

— Но, сэр, — вкрадчивым голосом продолжал Уайман, — ваша заслуга намного больше! Вы научили меня всему, что я умею.

В этот момент интонация Пфайфера изменилась:

— Прекрати лебезить, Уайман, у тебя это плохо получается. Я и без тебя знаю, что мой вклад отмечен моим соавторством. Кроме того, журналом руковожу я, и я бы в любом случае поставил свою фамилию, даже если бы ты об этом «позабыл». Но что вызывает у меня вопросы, Питер, так это имена тех двух ученых, на которых ты ссылаешься.

Любезность сползла с физиономии Уаймана.

— Смею думать, что я знаю всех ведущих специалистов в своей области, я периодически сотрудничал со многими из них. Но об этом Карпентье из Французского института медицинских исследований в Лионе, как и о ван Стене из Амстердама, я впервые слышу. Что довольно удивительно, особенно если учесть, что они якобы причастны к выдающемуся открытию нашей лаборатории.

— Хм... Видите ли, профессор, они оба — начинающие ученые и еще мало публиковались. Так сказать, восходящие звезды.

— Как тебе повезло, что удалось установить с ними контакт! Что они поставили собственные эксперименты и подтвердили твои данные независимыми исследованиями!

— Да, сэр. Это правда.

За столом наступила тишина. Слышен был только негромкий гул голосов почтенных бостонских джентльменов, степенно обсуждающих — а порой решающих — судьбы нации, мировой экономики и спортивные шансы Гарварда против Йеля.

Пфайфер между тем сидел, молча уставившись на Питера.

Старик был терпелив. Спешить ему было некуда. Но и Уайману терпения было не занимать. И в конце концов Пфайфер нарушил молчание:

— Так вот, Питер. Если только его не учредили в последние две недели, в Лионе нет никакого Института медицинских исследований, а следовательно, твоему «Карпентье» было бы весьма затруднительно работать в этом учреждении. Зато никто не отрицает существования Амстердамского университета. Поэтому мне не составило труда позвонить моему хорошему другу Гарри Йосту и справиться о мифическом ван Стене...

Он опять пристально посмотрел на Питера и вновь поразился его способности сохранять невозмутимость.

— Доктор Уайман, без данных, полученных из Лиона и Амстердама, ваши выводы следует признать — как бы это помягче? — преждевременными и бездоказательными.

— Профессор Пфайфер, моя гипотеза верна! — не повышая голоса, заявил Питер. — Можете провести еще десяток экспериментов — результат будет тот же.

— Питер, если ты был так уверен, то почему не захотел подтвердить свою правоту независимыми исследованиями? Зачем ты так спешил?

— Я не хотел, чтобы нас кто-то в этом опередил. И сознательно пошел на риск.

Наставник никак не отреагировал. И Питер продолжал оправдываться:

— Вы представления не имеете, что сегодня творится в научном мире. Стал бы мне кто-то помогать за благодарственную ссылку в тексте!

Пфайфер на минуту задумался.

— Питер, я понимаю, что медицинские исследования порой принимают форму уличной драки — ведь на карту поставлено так много! Но из этого есть только два выхода: либо продемонстрировать данные, настолько надежные, чтобы в них никто не мог усомниться, либо их подтасовать, но так, чтобы комар носа не подточил. Ты, насколько я понимаю, не сделал ни того ни другого.

Питер замер в ожидании приговора.

И приговор последовал. Пфайфер произнес его вполголоса, дабы не тревожить почтенных членов клуба:

— Слушай меня внимательно, Питер. Сейчас ты пойдешь в лабораторию и заберешь все свои вещи. Только свои — не перепутай! И чтобы к концу дня духу твоего не было! У тебя есть час времени, чтобы подать заявление об уходе, которое декан, сокрушаясь, сегодня же и подпишет. Из города выгнать я тебя не могу, но настоятельно рекомендую до конца своих дней не попадаться на глаза никому из медицинского сообщества Бостона.

Питер оцепенел. Окаменел. А может быть, умер?

Он с трудом заставил себя вдохнуть.

— Будет сделано какое-то официальное заявление? — выдавил он.

Пфайфер улыбнулся. И с нескрываемым презрением ответил:

— Если мы сделаем это достоянием прессы, то повредим репутации университета. К тому же мы не привыкли выносить сор из избы. Вернее сказать — мыть грязные пробирки на людях.

— А... статья?

— Будет опубликована своим чередом. В конце концов, несмотря на определенные огрехи, это серьезное исследование. Можешь не

волноваться, твои заслуги мы зачтем. Мне не составит труда найти двух коллег, которые возьмутся заменить мифических Карпентье и ван Стена. — Он поднялся. — Прощай, Уайман. Удачи тебе в избранной специальности!

Тот факт, что в 1969 году и Грета Андерсен, и Питер Уайман лишились работы по диаметрально противоположным причинам, лишний раз подтверждал парадоксальность царящих в медицинском сообществе законов. Если Грета спровоцировала свое увольнение попыткой апеллировать к профессиональной этике, то Питер, наоборот, пренебрег всеми этическими нормами. При этом пострадали оба одинаково.

Конечно, у Греты было преимущество обиженной стороны, что оставляло ей возможность взывать к тем американским медикам, кто не считал диплом врача лицензией на аморальность.

Пускай врачебная общественность Вашингтона и объявила ее «персоной нон Грета» (как она с сарказмом поведала Лоре в телефонном разговоре), но изменить ее послужной список не мог никто. Невозможно было перечеркнуть ее великолепные результаты в учебе и клинической практике, как и предать забвению высокую оценку ее работы в госпитале, данную руководством.

Ее пригласили в хирургическое отделение университетской клиники Хьюстона, где в тот момент шла, быть может, самая интересная работа во всей хирургии — операции на сердце, включая трансплантацию.

Питеру, по его собственному мнению, можно было поставить в вину не столько обман, сколько беспринципность. Он самонадеянно полагал, что история подтвердит его правоту. А презренный бюрократический механизм получения научных доказательств — не более чем пустая трата драгоценного времени.

Имея целое досье со списком из более чем двадцати публикаций, рекомендательные письма от наставников еще по Массачусетскому технологическому институту и даже отзыв профессора Пфайфера, в котором он характеризовался как «пытливый исследовательский ум», Питер тем не менее столкнулся с определенными проблемами.

Но это не стало для него неожиданностью. Он хорошо знал, что любое письмо может быть легко опровергнуто в телефонном разговоре. И Пфайфер, движимый стремлением обелить Гарвард, наверняка очернит своего ученика.

Поэтому Питер стал подыскивать себе место в частной лаборатории. Незадолго до этого в Пало-Альто, в Калифорнии, два недавних выпускника Стэнфордского университета открыли частный биохимический исследовательский концерн, называвшийся «Необиотика». Идеи Питера пришлись по вкусу учредителям. И его заслуги — тоже. Как и вид его дипломов на стене. И хотя сам Уайман им совсем не понравился, они с первого взгляда поняли, что его ждет успех.

— Лора! Ты меня слышишь?

— Отлично слышу, Палмер. Как будто ты из соседней квартиры звонишь. А ты где?

— В не очень интересном для тебя месте, — уклончиво ответил он. — Звоню, чтобы узнать, как у тебя дела.

— Все хорошо. Я написала тебе подробное письмо.

— Хорошо. Прости, что я редко подавал голос, но меня тут крепко впрягли. У тебя точно нет для меня новостей?

Она отлично понимала, на что он намекает, но виду не подала.

— Рассказываю. Встаю в пять, еду в госпиталь. Смотрю, как больные поправляются или, наоборот, слабеют. Затем прихожу домой и валюсь в постель. Единственная моя новость — это то, что мне предложили место ординатора в отделении неонатологии. Это помощь новорожденным.

— А, замечательно! Небось ждешь не дожدهшься, когда доберешься до своих малышей?

— Да, это ужасно интересно. Хотя треволнений хватает.

— Понимаю. Хм... Раз уж мы заговорили о детях... Ты, случайно, не...

— Нет, Палмер, — мягко ответила она.

— А-а.

— Я же тебе говорила, это не происходит автоматически. Все факторы работали против.

Палмер вдруг перешел на деловой тон:

— Вообще-то я не могу так долго занимать телефон. Линий здесь мало, а народу в очереди полно.

— Палмер, обещай мне, что будешь писать. Хотя бы сообщать, что у тебя все в порядке. Иначе у меня возникает такое чувство, что я

замужем за почтовым ящиком.

— Лора, я всегда о тебе помню. Надеюсь, ты мне веришь?

— А я — о тебе.

Лора пришла в большее смятение, чем когда бы то ни было. Она даже стала винить себя за то, что так и не сумела забеременеть. Что, если Палмер искренне хочет укрепить их отношения? Она тосковала по прошлым временам, когда он так ее любил!

— Ну что ж, тогда до свидания.

— Да, конечно. Пока.

Анонс книги Барни, появившийся в «Издательском вестнике», привел Билла Чаплина в такое возбуждение, что он уговорил коллег по издательству увеличить тираж книги Барни с десяти до пятнадцати тысяч.

Было также принято решение выделить средства на небольшое авторское турне и устроить рекламный прием, который имел все шансы стать гвоздем сезона.

Билл был крайне разочарован тем, что Барни отнюдь не запрыгал от радости.

— Билл, сколько раз мне вам говорить, что я работаю на Зигмунда Фрейда, а не на издателя П. Т. Барнума. И я не хочу, чтобы мною торговали, как новым моющим средством. Я написал серьезную книгу и хочу, чтобы ее воспринимали серьезно.

— Барни, ты ведь хочешь, чтобы твою книгу читали? А для этого ее нужно разрекламировать. Мы же не предлагаем ничего сверхъестественного. Выступишь пару раз по телевидению, съездишь в Вашингтон и Бостон...

Барни перебил его:

— Билл, я — психиатр, поймите вы наконец! Моих пациентов и так трудно разговорить, а вы еще хотите, чтобы они лицезрели мою физиономию с телеэкрана во время завтрака!

Чаплин вздохнул с досадой:

— Но ты хотя бы позволишь нам запустить кампанию и устроить приличный прием в «Сент-Реджисе»? И дашь несколько интервью уважаемым — я подчеркиваю, уважаемым! — журналистам?

— А с чего бы это их потянуло брать интервью у никому не известного автора?

— Ага! — подхватил Билл. — Вот как раз этим я сегодня и занимался. Мы дадим прием не только в честь выхода книги, но и в честь описываемых в ней людей. Разве не интересно будет собрать в одном зале все эти легендарные личности?

Эта мысль Барни увлекла, но одновременно несколько испугала.

Прикрыв трубку ладонью, он повернулся к Эмили:

— Билл хочет, чтобы я...

— Знаю. Он так громко говорил, что я каждое слово слышала.

— И что скажешь?

— Думаю, он прав. Тебе необходимо засветиться в прессе. Только поставь условие, что будешь просматривать материал перед печатью.

Барни снова заговорил в трубку:

— Ладно, Билл, мой духовный наставник говорит, что тебе видней. Только сделай так, чтобы мне давали посмотреть текст. И пусть все будет благопристойно. Короче, желтой прессе интервью я не даю!

— Предоставь это мне, — с радостью пообещал Билл.

Барни повесил трубку и посмотрел на Эмили:

— Хорошие новости, как считаешь?

— По-моему, фантастические! Почему ты совсем не радуешься?

«Я радуюсь, — подумал Барни — Но кое-что удерживает меня от бурного ликования».

Хотя после того, как Эмили переехала к нему, он и обещал больше не поднимать вопроса о браке, но все же нет-нет да и ронял довольно прозрачные намеки.

Во время пробежки по парку он мог показать на играющих с надувным мячом детей или на мамаш с колясками и сказать:

— Когда-нибудь и у нас такой будет. И тогда тебе придется выйти за меня замуж.

Но Эмили всегда отвечала одинаково:

— Барн, нам с тобой и так хорошо. Давай продлим это счастье как можно дольше!

Поскольку эту фразу она повторяла как заклинание, Барни стал задумываться, что же кроется за этим «как можно дольше». Что их счастье будет длиться до первого ребенка? Ведь появление малыша означает новую ответственность. А может — нет, это невозможно! — она имеет в виду, что они не всегда будут вместе?

Улицу Тю-до в Сайгоне каждый американский солдат знал как Веселую улицу. Узкий проход между заведениями под кричаще-розовыми и синими неоновыми вывесками обещал все самые невероятные виды чувственных наслаждений, которые только могут прийти в голову уставшему от заточения монаху.

Капитан Хэнк Дуайер, доктор медицины, ощущал себя словно в чувственном Диснейленде, где чудесам не видно конца. И он приходил в этот плотский рай, как только выдавалась минута.

Девочки здесь были изумительные — изящные статуэтки из слоновой кости, одним прикосновением нежных ручек доводящие мужчину до экстаза.

Да, за свое общество они брали деньги, но взамен предлагали больше, чем просто физические наслаждения. Они понимали, что мужчины ищут их компании не только для утоления полового голода, но и чтобы скрасить одиночество. А здесь они находили утешение, общение и — по-другому не назовешь — обожание.

А в то самое время, когда они сражались во Вьетнаме, на родине шла другая война. Только в той войне сжигались не деревни — там сжигались бюстгальтеры.

Вести о размахе Движения за освобождение женщин несколько обескураживали солдат. Как можно сражаться за освобождение чужой страны, когда дома тебя ждет угроза нового плена?

И вот на Веселой улице они искали утешения в объятиях самых пленительных женщин, каких они когда-либо видели. Невозможно было устоять перед черными как смоль волосами и глазами, обольстительными улыбками и какой-то детской чувственностью, ибо многие из этих женщин были похожи на девочек-подростков в самом начале цветения.

А деликатесы и напитки! Откуда в стране, где повсюду (за пределами столицы) шла кровопролитная война, брались лучшие французские вина и блюда? Крестьяне в деревнях голодали, а в Сайгоне не было недостатка в паштете из гусиной печени и шампанском. По сути дела, здесь было все, что есть в Париже, — за исключением мира.

В каких-то десяти милях от Веселой улицы восемнадцатилетние солдаты — дети фермеров из Дакоты, темнокожие парнишки из

городских гетто Чикаго или Детройта — гибли от пуль или оставались калеками, так и не сумев понять, за что они проливают свою кровь.

И в то же время на родине многие поносили их за то, что они встали под знамена отчизны и пошли за нее умирать.

У врача есть только два способа постоянно выносить зрелище искалеченных людей — это загнать эмоции вглубь или заглушить их острыми ощущениями.

Хэнк Дуайер пошел по второму пути. Бои становились все ожесточеннее, и бывали дни, когда к нему на операционный стол попадало до десяти парней, лишившихся ног из-за мины-ловушки. У Хэнка, насквозь пропитанного кровью, притуплялись все чувства, и только в объятиях Мейлин он вновь оживал.

Они познакомились на Веселой улице, где каждый исполнял свою, традиционную для этого места роль. Он быстро убедил себя, что эти фарфоровые богини из образованных семей, которые разбросала или уничтожила война, тоже пришли сюда, на Веселую улицу, в поисках человеческого общения. И после недели ежевечернего посещения «квартала любви» Хэнк позвал Мейлин жить к себе, на виллу с кондиционерами, которую он делил с двумя другими офицерами. У обоих уже имелись азиатские «невесты».

Так у них образовалась своеобразная коммуна. У одной вьетнамки уже был ребенок, другая была беременна, и Мейлин быстро усвоила от подруг, что ее связи с Америкой заметно окрепнут, если она родит ребенка офицеру армии США.

Хэнк принял известие равнодушно. Если бы оно исходило от Черил, он закатил бы скандал и настоял на аборте. Но здесь, в Юго-Восточной Азии, все было совершенно иначе. Забота о детях целиком ложилась на плечи женщин. А кроме того, Мейлин отдавала себе отчет в том, что любой мужчина по природе своей полигамен, и была готова всю ночь терпеливо ждать, пока он вернется к ней... с Веселой улицы.

Барни Ливингстон, доктор медицины, родился 16 июня 1937 года в больнице округа Кинг в Бруклине. Боевое крещение получил 20 апреля 1970 года в зале «Версаль» нью-йоркского отеля «Сент-Реджис».

В промежутке между многообещающим анонсом «Издательского вестника» и выходом книги в свет издательский дом «Беркли»

заклучил контракт на пятнадцать тысяч долларов с издательством, выпускающим книжки в тонких обложках. Билл Чаплин счел эту сумму скромной, зато Барни был так ошеломлен, что полдня выводил эту сумму на листке бумаги.

В приподнятом настроении он отправился к портному снимать мерку для костюма.

— Бог мой! Как ты великолепен! — воскликнула Эмили. — Придется за тобой приглядывать, не то какая-нибудь красавица тебя соблазнит прямо на приеме.

Он обнял ее и сказал:

— Послушай, крошка, когда со мной в одном помещении находишься ты, для меня не существуют даже звезды Голливуда.

— А что, эта подружка твоего Билла тоже там будет?

— Да, — с усмешкой ответил Барни. — Она ведь его помощница, и именно она все это организовала.

— Но она и впрямь красотка!

Барни вздохнул:

— Эм, ты же знаешь, я сторонник моногамии. Я больше всего хочу взять твою левую руку и надеть на твой палец обручальное кольцо.

Эмили это не убедило. Она твердо верила, что стоит мужчине оказаться в свете софитов, как у него появляются греховные мысли.

— А еще не забудь свою богиню от медицины!

— Лору, что ли?

— Я могу надеяться, что ты нас наконец познакомишь? Или ты ее придумал, чтобы вызвать во мне ревность?

— Она наверняка занята, — сказал Барни небрежным тоном. — Хотя я попросил Билла, чтобы ей послали приглашение, — просто чтобы она знала, что я буду рад ее там видеть.

Через двадцать минут они уже были в вестибюле отеля «Сент-Реджис», где их поджидали взволнованные Эстел, Уоррен и его жена Банни (очень и очень беременная).

— Почему вы не подниметесь? — весело спросил Барни. — Лучшие закуски расхватают!

Он обнял мать, только сегодня утром прилетевшую из Флориды.

— Спасибо, что приехала.

— Барни, неужели я могла пропустить такое событие? Ведь я же всю жизнь проработала в библиотеке! Для меня написать книгу — это самое большое достижение, на какое способен человек.

Уоррен изо всех сил старался подавить вспыхнувшую в нем ревность.

— Ну хватит вам, пойдемте лучше и посмотрим, какие деликатесы приготовил издательский дом «Беркли» в честь автора. Если ерунду какую-нибудь, завтра же подам на них в суд.

Они прибыли не первыми. Большинство чемпионов — героев книги — уже были тут. Барни, задыхаясь от волнения, представил бессмертным героям спортивного пантеона своих мать, брата, невестку и Эмили.

Торжество было в разгаре, когда появилась еще одна гостья.

Эмили мгновенно узнала Лору Кастельяно. Одетая в строгое темно-синее платье, без всяких украшений, за исключением золотых волос, Лора была неотразима.

Барни бросился к ней, они расцеловались, и он тут же притащил ее к своим.

— Эм, познакомься, это Лора, мой лучший друг еще с детского сада.

Обе разом воскликнули:

— Я столько о вас слышала!

— Я рада, что вы выбрались, — сказала Эмили. — При вашей-то занятости...

— Этот случай я бы ни за что не пропустила. Барни — мой самый давний и верный друг. А книга, на мой взгляд, просто замечательная.

— И я того же мнения, — поддакнула Эмили. — Если уж вам отрывок понравился, могу себе представить, какое впечатление на вас произведет вся книга.

— Да я ее уже читала. Барни прислал мне гранки.

Худшие опасения Эмили подтвердились. Она с самого начала чувала, что по-настоящему глубокие чувства Барни питает именно к этой полуполюгендарной Лоре, хотя он и твердил без конца, что их дружба носит сугубо платонический характер.

Она вдруг потеряла способность поддерживать беседу. Узрев какого-то коллегу из редакции, она извинилась и устремилась к нему.

— Вот так чудеса! — раздался откуда-то из-за Лориной спины знакомый голос.

Она обернулась. Как всегда красивый и элегантный, перед ней стоял Беннет Ландсманн.

— Бен! — закричала Лора. Они обнялись. — Как дела?

— Сама знаешь, — усмехнулся он. — Как могут быть дела у ординатора? Он или наполовину жив, или наполовину мертв. Однако по сегодняшнему особому случаю я наполовину пьян. Но это от радости.

— И что скажешь по поводу успеха нашего общего друга?

— Мы с тобой оба знаем, что он это заслужил больше, чем кто бы то ни было, — ответил Беннет. — Лучше Барни я никого не знаю. А как тебе Эмили? Кажется, ей повезло?

— Хорошенькая, — уклончиво ответила Лора. — Мы с ней пока мало пообщались, но она мне показалась воплощенной энергией. Как думаешь, они счастливы?

— Могу только сказать, что Барни ее любит, — сказал Беннет. — И хочет на ней жениться. Но она по каким-то своим тайным причинам упорно ему отказывает. Однако Барни считает, что можно продолжать жить вместе, пока он ее не возьмет измором.

— Послушай-ка, Ландсманн, — объявила Лора, — ты не обижайся, но я не для того прилетела из Бостона, чтобы встречаться с однокашниками. Я хочу на звезд поглазеть! Где этот Джеки Робинсон?

И они отправились на поиски знаменитостей.

— Я у всех взяла автографы.

— Нет, Банни, не может быть! Какое мещанство! — упрекнул Уоррен.

— А мне показалось, они так не считают. Али мне даже написал стихи на салфетке.

После торжества Барни организовал у себя дома вечеринку с шампанским и деликатесами для узкого круга («семейной сборной», как он выразился).

— Барни, послушай-ка, — сказала Лора, уже слегка захмелев, — между нами, кто из тех, у кого ты брал интервью для книги, на тебя произвел самое сильное впечатление?

— Честно говоря, не знаю, — ответил еще более хмельной Барни. — Но я тебе скажу одну вещь. Если бы мне поставили условие: выбирай одного человека на всей земле и иди с ним ужинать... — Он выдержал паузу. — Я бы выбрал Эмили.

Все дружно захлопали.

— Так когда свадьба, Барн? — спросила Банни.

В голове у Барни уже шумело настолько, что он не сразу нашелся что ответить. Инициативу взяла в свои руки Эмили.

— Банни, ты первая узнаешь, — пообещала она с напускной веселостью.

— Нет-нет, — возмутился Барни. — Первым узнаю я!

В начале одиннадцатого Лора стала собираться.

— Терпеть не могу разбивать компанию, но мне надо успеть на последний рейс в Бостон.

Беннет тоже встал.

— По-моему, одному юному хирургу тоже пора. Лора, могу я тебя подвезти? Аэропорт мне по дороге.

— Отлично, Бен! Заодно расскажешь, кого и как резал в последнее время.

Они по очереди распрощались с присутствующими. Дойдя до Барни, Лора шепнула:

— Эмили потрясающая! Смотри не упусти!

— Не упущу, — шепнул он в ответ.

Он проводил Лору с Беннетом до дверей, а когда вернулся в гостиную, Уоррен тоже натягивал пиджак.

— Не знаю, как вы, ребята, а мне приходится на хлеб зарабатывать. Банни надо везти детей в школу, мама, по-моему, тоже устала... Так что мы вас оставляем вдвоем купаться в лучах славы.

Повернувшись к Эмили, он добавил:

— Заставь моего старшего братца как-нибудь прийти на воскресный ужин. А то он такой безответственный!

Наконец гости разошлись, и они остались одни.

— Ну, что, — спросил Барни, сияя, — как тебе мероприятие?

— Она очень красивая.

— Что?

— Почему ты мне никогда не говорил, что Лора такая красивая?

— Потому что это не так, — прямодушно ответил он. — По сравнению с тобой...

— Да перестань! В сравнении с ней я ничто. Буду с тобой откровенна, Барни. Даже разговаривать с ней мне было очень страшно.

— Но почему? Она замужем за Палмером Тэлботом. А мы с ней просто...

— Только не надо опять про вашу «платоническую» дружбу! Почему ты не хочешь признать, что вас связывает что-то особенное? Ты ведь ей послал гранки своей книги, не кому-нибудь!

— Потому что она врач. И интересуется спортом. Что мне сказать, чтобы тебя успокоить, Эм?

— Ты ничем не сможешь.

— А если я скажу: выходи за меня замуж и ты никогда больше не услышишь от меня имени Лоры Кастельяно? Я ее даже на свадьбу не позову!

— Ох, Барни, — устало простонала она, — давай не будем начинать сначала!

— Хорошо, — твердо сказал он, — лучше давай раз и навсегда выясним отношения. Почему ты не можешь стать моей женой? Что тебя останавливает?

Эмили вдруг расплакалась.

— Так я и знала! Я знала, что до этого дойдет!

— До чего, черт побери?

На сей раз он твердо решил докопаться до истины.

— Барни, я тебя знаю. Может быть, даже лучше, чем ты знаешь себя сам. Тебе нужна не просто жена. Тебе нужна семья.

— И что? Это так естественно, когда мужчина и женщина любят друг друга.

И тут она выпалила:

— Барни, я не могу иметь детей.

Наступила мертвая тишина.

— Откуда тебе это известно? — тихо спросил он.

— Когда я училась в колледже, у меня были кое-какие проблемы и я обследовалась. У меня непроходимость труб. Полная. Чтобы ты зря не спрашивал — это нельзя исправить хирургическим путем.

Барни не знал, что он сейчас должен чувствовать. Но он знал, что сказать.

Он опустился на колени рядом с креслом, где сидела Эмили, и прошептал:

— Эмили, я ведь *тебя* люблю. А не какого-то ребенка, которого я еще даже не знаю.

— Послушай, Барн. Я уже давно с тобой живу и знаю, что больше всего на свете ты хочешь быть отцом. — Она зарыдала в голос, так что последние слова потонули в слезах: — А я тебя им сделать не могу.

— Эм, поверь мне, — взмолился Барни, — это не имеет значения! Мы можем кого-то усыновить...

— И однажды ты меня за это возненавидишь, — сказала она, начиная злиться. — Хотя поведешь себя благородно. Ты останешься со мной и всю жизнь будешь страдать оттого, что у тебя нет своих детей.

Оба опять замолчали.

Частично Эмили была права: Барни уже страдал.

— Эм, ты меня не бросишь, правда? — умоляюще прошептал он.

— Нет, Барн, я останусь здесь, пока ты меня не выгонишь.

«По крайней мере, будет еще возможность с ней поговорить, — подумал он. — И с собой тоже».

Годичное собрание Американской психиатрической ассоциации, как обычно, превратилось в хаотичную перебранку.

На заседании секции «Психиатрия и литература» Барни выступал с докладом на тему «Моби Дик и американский дух» и был вознагражден не только теплым приемом, но и приглашением войти в редакционный совет журнала ассоциации.

Однако радость была омрачена тем, что на заключительном пленарном заседании награда за самую выдающуюся работу по подростковой психиатрии была вручена пресловутому Эндрю Химмерману. Барни был вне себя от возмущения. Что с того, что он написал хорошую научную работу? Пусть даже блистательную! Как может научное сообщество, главным принципом которого является «исправление умов», воздавать почести человеку, так бессовестно отступившему от норм профессиональной этики?

«Должно быть, тут замешана политика, — решил Барни, — но, если я встречу с этим развратником лицом к лицу, я ему прямо скажу, что я о нем думаю».

Жизнь неистощима на сюрпризы. По ее неписаным законам в любом мужском туалете, будь то на двадцать, пятьдесят или еще больше писсуаров, двое мужчин всегда оказываются рядом, даже если, кроме них, там никого больше нет.

Именно так и произошла встреча Барни Ливингстона с Эндрю Химмерманом.

— Мне очень понравился ваш доклад, доктор Ливингстон, — заметил старший коллега.

Барни не ответил.

— По-моему, точно схвачено, — дружелюбно продолжал тот. — Полагаю, вы его напечатаете в журнале?

Барни изо всех сил старался побыстрее закруглиться, чтобы выйти из этой щекотливой ситуации.

Химмерман смешался.

— Доктор, я вас чем-то обидел? — любезно осведомился он.

— Нет, — огрызнулся Барни. — Но вы, несомненно, обидели одну мою приятельницу.

— А-а, — невозмутимо ответил психиатр. — Любопытно, кто бы это мог быть?

— Ах да, простите, — съязвил Барни, — я и забыл, что их у вас перебивало столько, что вы со счета сбились. Я имел в виду доктора Грету Андерсен.

— О господи! — простонал Химмерман.

Они уже мыли руки. На сей раз их разделяли целых три раковины.

— Доктор Ливингстон, позвольте, я введу вас в курс дела.

Барни опять не ответил.

— Вы можете мне не верить, но я эту девочку пальцем не тронул. Я не собираюсь отрицать, что несколько лет назад со мной произошел неблагоприятный случай, но...

Барни перебил его цитатой из Марлоу:

— Но это было давно и неправда, и вообще девчонка умерла.

Химмерман побледнел. Когда он наконец заговорил, было заметно, что он с трудом подбирает нужные слова:

— Не могу вам передать, каким грузом висит на мне гибель той девочки. Моя семейная жизнь практически разрушена, жена поднимает скандал всякий раз, как увидит, что я разговариваю с

симпатичной женщиной. Уверяю вас, про меня не скажешь: как с гуся вода.

— Но с Гретой, кажется, вас совесть не мучила.

— Да нет, говорю же вам! У меня с этой девушкой вообще ничего не было! Она самая настоящая истеричка. Она все это придумала.

— Доктор Химмерман, — заявил Барни, изо всех сил сдерживая гнев, чтобы у собеседника не возникло сомнений в его способности себя контролировать, — я видел вас двоих на фото. Вы были в теннисных шортах, а она — в весьма откровенном купальнике. И вы стояли в обнимку. «Кодак» не обманешь.

— О нет! — проскрипел зубами Химмерман. И со злостью спросил: — А вы хорошо рассмотрели эту фотографию?

— Под микроскопом не разглядывал, но все, что нужно, видел отчетливо, можете мне поверить.

— Тогда вы должны были обратить внимание, что на снимке она меня обнимает, а я ее — нет.

— Вы хотите сказать, что не брали Грету в романтическую поездку в «Хилтон хед» на выходные?

— Доктор Ливингстон, если я вам скажу, что никакой романтической поездки не было, что она приехала сама и что, насколько мне известно, она до сих пор еще девственница, вы мне поверите?

— Верится с трудом, — сухо ответил Барни.

— Позвольте мне тогда представить вам некоторые неопровержимые факты, — не унимался Химмерман. В голосе его все больше слышались нотки негодования, — Семнадцатого и восемнадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят шестого года — в субботу и воскресенье — Ассоциация психиатров Южных штатов проводила в отеле «Хилтон хед» свой ежегодный съезд. Я тогда был ее президентом. Вы думаете, я такой сумасшедший, чтобы тащить на подобное мероприятие клиентку?

Барни промолчал, а Химмерман продолжил:

— В обеденный перерыв я спустился к бассейну, и вдруг эта истеричка выскакивает из кустов и бросается мне на шею. А охранника, как выяснилось, она уговорила сделать снимок. Я тут же ей объявил, что наши профессиональные отношения на этом исчерпаны и чтобы на следующий сеанс она не являлась.

От неприятных воспоминаний он тяжело вздохнул.

— Доктор Ливингстон, вам и это кажется неубедительным?

— Почему же... — согласился Барни. — Но зачем вы таблеток-то наглотались?

Химмерман опустил голову.

— Доктор, я стараюсь быть с вами предельно откровенным. Но это нелегко.

— Понимаю, — сочувственно произнес Барни.

— Проблема этой девушки — я сейчас говорю как врач с врачом, сугубо конфиденциально, — заключается в том, что она смертельно боится мужчин. Это классический тип истерички, которая пугается, когда мужчины проявляют к ней интерес, и тут же бросается бежать...

Помолчав, он продолжил:

— Предполагаю — не сочтите, что это самооправдание, — что это был типичный случай переноса и она сама испугалась своих чувств. Единственным выходом для нее стала дискредитация меня как объекта влечения. По сей день понятия не имею, как ей это удалось, но она откопала в ассоциации мое личное дело. До тех пор мои грехи в прессу не попадали. Я поклялся Комитету по этике, что сам пройду курс психотерапии. Только на этом условии со мной согласилась остаться жена. И вдруг эта тяжелобольная женщина грозит созвать пресс-конференцию и объявить себя последней из длинной череды моих сексуальных жертв.

Он посмотрел Барни в глаза и тихо спросил:

— Если бы это произошло с вами, если бы ваша карьера, брак — все! — вдруг оказались на грани краха, и из-за какой-то подлой лжи, вам не кажется, что вы тоже могли бы на мгновение потерять самообладание?

Голос его дрогнул.

— Да, — мягко ответил Барни. Теперь он поверил этому человеку. — Думаю, что да. Извините меня, доктор Химмерман.

В 1972 году смерть пожала обильную жатву.

Поэт Эзра Паунд, президент Гарри Трумэн, певец Морис Шевалье, директор ФБР Эдгар Гувер, спортсмен Джеки Робинсон. Ему было всего пятьдесят три.

А еще моложе были американские солдаты, гибнущие во Вьетнаме. Их число уже вплотную подошло к пятидесяти тысячам.

Наверное, не случайно именно в этом году прекратил свое существование журнал «Лайф»^[32].

А Барни никак не мог оправиться от разочарования.

Пророчества «Издательского вестника» породили у него радужные надежды, что «Чемпионский дух» вызовет хотя бы сдержанную похвалу критики.

Но этого не произошло. Никаких рукоплесканий не последовало. Разгромных отзывов, впрочем, тоже. Его книгу ждала худшая судьба из всех возможных: ее просто никто не заметил.

— Билл, скажите мне прямо, — спросил он спустя три месяца после ее выхода, — моя книга канула в Лету?

— Лучше сказать так, — дипломатично ответил Билл, — продажи идут несколько медленнее, чем мы ожидали, но тираж в мягкой обложке должен пойти поживее.

Чаплин замялся, подыскивая уместные слова утешения. Но быстро понял, что увильнуть не удастся.

— Да, — сказал он, — можно сказать, что налицо трупное окоченение.

Если бы эксперты справочника «Гид Мишлен» хоть раз поужинали в ресторане отеля «Ренессанс» в самом сердце Сайгона, поблизости от Французского госпиталя, они бы наверняка присвоили заведению три звезды.

По крайней мере, таково было мнение майора Палмера Тэлбота, который ужинал там частенько, в особенности если нужно было произвести впечатление на приехавшего с инспекцией правительственного чиновника или авторитетного репортера.

(«Парадоксально, не правда ли, майор, что лучший французский ресторан находится на противоположном конце земного шара от Парижа. Можно было ожидать, что война пагубно отразится на работе здешнего шеф-повара. Например, помешает поставке продуктов».

«Мне кажется, левая пресса увлекается описанием здешних ужасов с единственной целью — поднять тираж. Я хочу сказать, не может быть сомнений, что ситуация находится у нас под полным контролем, в чем вы, разумеется, и сами убедились. И надеюсь, вы уже поняли, что мир на этой прекрасной и отсталой земле — вопрос каких-нибудь нескольких месяцев».

«Откровенно говоря, поездка произвела на меня сильное впечатление. Я постараюсь донести это впечатление до наших конгрессменов».)

Часто говорят, что война — это ад. Но мало кто признает, что для узкого круга избранных война может стать исключительно приятным времяпрепровождением.

Пока что служба Палмера Тэлбота во Вьетнаме была сплошным удовольствием. Он выучил вьетнамский не для того, чтобы мотаться по глухим селениям и выспрашивать перепуганных крестьян, нет ли в округе партизан-хошиминцев. Язык был нужен ему для работы по координации действий американских войск с южновьетнамскими союзниками. Он осуществлял непосредственную связь между двумя армиями на уровне высшего командования.

Кроме того, на него была возложена приятная обязанность завоевывать сердца и умы высокопоставленных гостей, которые нескончаемым потоком ехали во Вьетнам с целью «расследования обстоятельств на месте». Продемонстрировать им, что независимо от происходящего вокруг такие заведения, как «Ренессанс», по-прежнему процветают. А стало быть, война не так уж и ужасна.

Поэтому Палмер не удивился, когда однажды, придя утром в штаб, обнаружил записку с просьбой позвонить председателю сенатского Комитета по делам вооруженных сил.

Палмер обратился к Мари-Клер, своей секретарше:

— Не соединишь меня с сенатором Форбсом? Я в кабинете поговорю.

— Нет, майор. Он специально оговорил, что разговор должен вестись по «надежному» телефону. Судя по всему, дело повышенной

секретности. Конфиденциальное.

Палмер прошел в специальную кабинку, где стоял телефон с кодировкой сигнала, и мельком глянул на номер телефона. Это был домашний номер сенатора, не рабочий, и позвонить просили срочно.

Связь удалось установить в считанные секунды.

— Добрый день, сенатор, это Палмер Талбот из Сайгона.

— А, Палмер, дружище! Спасибо, что звоните. У вас, наверное, уже завтра наступило?

— Так точно, сэр. Могу я быть чем-то полезен?

— Вообще-то да. Вы можете оказать мне неоценимую услугу.

— И в чем же она заключается, сэр?

Сенатор немного замялся, а потом лаконично сказал:

— Женитесь на Джессике.

— Джессике? — удивился Палмер.

— Совершенно верно, майор Тэлбот. На моей дочери Джессике, которую вы обрюхатили, пока шла ваша подготовка в моем имении. Если вы не возражаете, я бы хотел незамедлительно оповестить прессу.

— Сэр, но это невозможно! — пролепетал Палмер. — Я уже женат и не могу оставить свою жену.

— Приятно слышать, майор, что вы так печетесь о своих близких. Такие же чувства и я испытываю к своей дочери. И я бы вам очень советовал оценить ситуацию с моей позиции.

Намек был ясен. Форбс был достаточно влиятельной фигурой, чтобы отправить Палмера на передовую, где скорость гибели офицеров измерялась в минутах.

— Но вы не волнуйтесь, майор Тэлбот, — продолжил сенатор. — Я понимаю, что на пути к вашему браку есть пара препятствий. Если нынешняя миссис Тэлбот — достаточно великодушная особа (а я уверен, что это так и есть), она согласится на мексиканский быстрый развод^[33], и все уладится.

Палмер был сражен. Он вовсе не хотел делать Лоре больно. А еще менее — испытать на себе ее горячий испанский темперамент.

— Хм, сенатор... при всем уважении к вам вы просите меня о чем-то немислимом...

— А разве то, как вы поступили по отношению к Джессике, таковым не является?

Палмер был в полной растерянности.

— Сэр, мне надо немного подумать, прежде чем...

— Совершенно с вами согласен, — подхватил сенатор. — И поэтому с девяти часов сегодняшнего дня вам предоставляется десятидневный отпуск. Если поспешите, а я очень на это надеюсь, то завтра утром уже будете в Сан-Франциско. А на следующий день и в Бостоне. А пока, чтобы ускорить дело, я поручу одному из моих бывших партнеров по адвокатскому бизнесу начать сбор необходимых бумаг. Вас это устроит, майор?

— Так точно, сэр. Я согласен.

Палмер положил трубку и обхватил голову руками, повторяя:

— Лора, Лора... Что же мне делать?

Вопреки расхожему мнению в Нью-Йорке вполне можно вести нормальную жизнь. По ночам.

Когда небо темнеет, движение в городе замедляется и неестественно напряженный ритм жизни спадает. Нью-Йорк уподобляется человеку, весь день страдавшему от повышенного давления и лишь к ночи сумевшему сбить его до нормального.

Барни вышел на балкон и стал смотреть вниз, на город, напоминающий гигантский улей.

Эмили находилась в Швейцарии, освещая чемпионат Европы по горным лыжам. Чтобы скрасить одиночество, он запланировал закончить статью на тему нарушения мыслительного процесса у шизофреников. Но потом позвонила Лора, он разнервничался и теперь никак не мог сосредоточиться.

Она была слишком расстроена, чтобы рассказать все в подробностях. Он сумел лишь понять, что между нею и Палмером произошло нечто ужасное и она не в силах сейчас быть одна.

Естественно, Барни настоял, чтобы она немедленно вылетала в Нью-Йорк. Она возразила, что Эмили это не понравится. Но, узнав, что та в командировке, Лора пообещала прилететь последним рейсом.

В начале двенадцатого ему позвонил привратник и сообщил, что к нему поднимается мисс Кастельяно.

Первое, что поразило его, когда он открыл дверь, — ее глаза.

Было ясно, что она проплакала несколько часов подряд, а голос звучал еле-еле.

— Входи. Сядь. По-моему, тебе надо выпить.

Она кивнула.

— Лора, ради бога, что случилось?

— Палмер объявился... — начала она и тут же опять разрыдалась. — Я не могу, Барн... Это уму непостижимо!

— А я думал, он во Вьетнаме. Что это он вдруг так резко вернулся? Он не ранен?

— Нет, Барни, — ответила Лора. — Ранена я. Он хочет со мной развестись.

— Послушай, но это уже давно назревало. Ты разве сама не чувствовала?

— Нет, это не так. Мы, наоборот, помирились. Все было так хорошо! И тут он заявляется и швыряет мне в лицо бумагу.

— Какую бумагу?

— Свидетельство о быстром мексиканском разводе.

— Но это безумие, Лора! Какая спешка?

Лора, сглатывая слезы, все рассказала.

Барни был не в силах соблюдать профессиональную объективность.

— Знаешь, что я тебе скажу, Кастельяно? Скатертью дорожка! Человек, который не считает нужным сохранять тебе верность, недостоин быть твоим мужем!

Она передернула плечами:

— Может быть, это я была ему плохой женой...

Подобного самоуничижения Барни стерпеть не мог.

— Лора, я тебя умоляю! — закричал он. — Если он с тобой обращался по-свински, это еще не значит, что ты сама должна быть о себе такого же мнения! Пусть отправляется ко всем чертям, а ты найдешь человека, который будет тебя достоин.

Она покачала головой:

— Ничего не получится, Барни. Я точно знаю: с мужчинами мне всегда не везет.

Он уложил ее спать в гостевой комнате. Потом принес воды и пару таблеток, а сам сел рядом.

— Я знаю, ты мне сейчас не поверишь, но обещаю тебе: утром взойдет солнце. А значит, у тебя будет еще один день, чтобы прийти в себя.

Она приняла таблетки и в полном эмоциональном истощении откинулась на подушку.

— Барни, спасибо тебе, — едва слышно прошептала она.

Он сидел с ней, пока не убедился, что она спит, после чего на цыпочках вышел из комнаты, вернулся к пишущей машинке, выдернул начатую страницу, вставил чистый лист и начал печатать.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Кому: доктору Л. Кастельяно

От кого: доктора Б. Ливингстона

Тема: 101 причина, почему стоит жить.

Наутро он принес ее Лоре вместе с чашкой кофе.

Когда Лора вошла в гостиную, Барни говорил по телефону. Он повесил трубку и улыбнулся:

— Ты сегодня повеселее, Кастельяно.

— Ага, — криво усмехнулась она. — Я только что смотрелась в зеркало. Вид такой, как после десяти раундов с Мохаммедом Али.

— Клевета! — возразил он. — Али следов не оставляет. — Он командным жестом указал ей на диван и сказал: — А ну-ка садись.

Она послушно села.

— Я только что говорил с твоим начальником и объяснил, что ты больна и раньше чем через неделю не поправишься. Он отнесся с пониманием.

— А чем я все это время буду заниматься?

— Подолгу гулять, думать о хорошем. И кстати, почему бы тебе не обновить свой гардероб?

— Барн, что-то это не похоже на рекомендации специалиста.

— Послушай, Кастельяно, на это утро я решил взять на себя другую роль. Смотри на меня не как на врача и даже не как на друга, а как на родителя. Ты должна меня слушаться и делать то, что лучше для тебя.

— Слушаюсь, сэр, — вяло улыбнулась она. — А ты что, больше не практикуешь? У тебя сегодня нет приема?

— Все утренние назначения я отменил, а если ты будешь в порядке, после обеда пойду на работу.

— Барн, я в порядке. Я в полном порядке. Ты совсем не должен ничего из-за меня отменять. Если я напутала в своей жизни, это не значит, что и у тебя все должно идти кувырком.

— Ты должна слушаться, а не пререкаться! — ответил Барни. — Сегодня я для тебя — старший.

После обеда он ушел, предварительно убедившись, что она достаточно пришла в себя, чтобы отправиться, к примеру, в Музей современного искусства. Куда угодно — лишь бы не сидеть одной.

Вернувшись в половине восьмого, он с изумлением обнаружил, что Лора приготовила ужин.

— Я только разогрела все готовое. У вас тут на Пятьдесят седьмой улице чего только не продают! Садись и рассказывай, как у тебя прошел день.

Барни поведал ей о четырех сегодняшних больных, а также об оживленном собрании в клинике.

— Понимаешь, Кастельяно, заглянув к нам на собрание персонала, даже ас в психиатрии не отличил бы врачей от больных.

— У нас в Бостоне тоже такое бывает, — подхватила она. — Кстати, я хотела тебе сказать, твоя будущая статья мне очень понравилась.

— Про шизофрению?

— В ней много новых идей. Когда думаешь закончить?

— Я уже здорово просрочил. А поэтому могу задержать еще на несколько дней.

— Ну уж нет, Барн, — решительно объявила Лора, — теперь я буду за старшего. Как только закончится наш шикарный ужин, ты сядешь за машинку и закончишь свою статью. Это приказ.

Барни улыбнулся:

— Слушаюсь, мамочка.

Через три часа Лора дочитала последние страницы.

— Отличная работа, доктор Ливингстон. Думаю, ты далеко пойдешь.

— Я тоже надеюсь. Я сейчас займусь считыванием ошибок, а ты пойдешь и ляжешь спать.

Она послушно поднялась, чмокнула его в лоб и ушла в спальню.

На другое утро они позавтракали рано, поскольку Барни ждал полный рабочий день.

Он стоял в дверях, когда Лора объявила:

— Я в Бостон не вернусь.

— Что?

— Я не могу, понимаешь? Я не смогу войти в этот дом, да и в больницу, наверное, тоже. Я всегда буду чувствовать себя униженной. Ты меня понимаешь?

— Насчет дома — конечно. Но чем ты станешь заниматься?

— Вот ты сейчас уйдешь, и я засяду за телефон. Обзвоню все клиники, может, где-нибудь найдется вакансия в отделении неонатологии.

— В середине-то года? Вряд ли! Все уже занято.

— Эх, Барни, — ухмыльнулась она, — сразу видно, ты ничего не понимаешь в клинической медицине. В эту самую минуту какой-то врач где-то порезал руку, а другой впал в невменяемое состояние. На меня хотя бы посмотри!

В полдень Барни позвонил Лоре с работы. Судя по голосу, она была почти счастлива.

— Ты мне не поверишь, но я, кажется, нашла работу!

— Ого! Быстро! Как тебе это удалось?

— Ну, вообще-то помог мой бывший наставник в педиатрическом отделении. Позвонил в клинику Куинс в Торонто. Они запускают проект в следующем году, но фонды уже выделены, так что начать я могу практически в любой момент.

— Просто фантастика!

— Сама верю с трудом, — призналась Лора. — Но чтобы не упустить удачу, я сегодня же вылетаю в Торонто.

— Нет, Кастельяно, не так скоро! — предостерег он. — Ты только что получила по мозгам, и тебе еще требуется время прийти в себя. А к тому же я забронировал нам столик в шикарном индийском ресторане.

— Не думаю...

— Вот это ты правильно сказала, Кастельяно! И не надо тебе думать. Пока ты под моей опекой, я буду делать это за тебя. Так что в половине восьмого будь готова.

Она решила, что Барни прав. Нужен еще хотя бы день, чтобы привести мысли в порядок. И купить теплые вещи — в Торонто ведь зимы суровые!

Через пятнадцать минут, когда она заканчивала составление списка покупок, дверь в квартиру отворилась.

И вошла Эмили, волоча увесистый чемодан.

При виде Лоры, по-хозяйски устроившейся за письменным столом Барни, она лишилась дара речи.

Обе никак не могли подобрать слова.

Наконец Лора сказала:

— Эмили, давай я тебе помогу с этим чемоданом.

— Нет уж, спасибо, — ответила та с каменным лицом.

Эмили потащила чемодан в спальню, а Лора сказала:

— А Барни тебя только завтра ждал...

— Это я уже поняла, — спокойно ответила та. — Мне повезло с рейсом. Я только не думала, что, если приеду на день раньше, окажусь незванным гостем.

— Эмили, ты не поняла.

— Боюсь, я все поняла.

— Понимаешь, мы с Палмером разводимся. То есть мы уже разведены, спасибо мексиканскому правительству.

— Это тоже вполне очевидно, — ледяным тоном ответила Эмили.

— А завтра я собиралась уезжать, — продолжала Лора, все еще надеясь успокоить Эмили.

— Ну, из-за меня ты можешь не спешить, — огрызнулась та. — Я немедленно уйду.

Пытаясь спасти Барни от катастрофы, Лора собрала все силы и крикнула:

— Подожди, Эмили! Черт! Мне надо тебе кое-что сказать!

Та обернулась от дверей.

Ладно, говори.

— У меня случилась беда, — тихо начала Лора. — Большая беда. И я ни с кем не могла поделиться, кроме Барни. Он меня пожалел и оставил тут. Только и всего. Я спала в гостевой спальне. Эмили, ну пожалуйста! Он был единственным человеком, с кем я могла поговорить!

Лора вдруг растеряла все слова. Она поняла, что в данной ситуации правда звучит как самая невероятная выдумка. Было бы куда лучше сострять заведомую ложь.

— Знаешь, Лора, — тихо сказала Эмили, — я тебе правду скажу. Были две причины, почему я не могу стать женой Барни. И одна из них — это ты.

И она закрыла за собой дверь.

— Кастельяно, ты не виновата! Я тысячу раз рассказывал Эмили, какие у нас с тобой отношения, и, если она мне так и не поверила, ничего не поделаешь.

— А теперь скажи: кто здесь мученик?

— Только не я. У нас все равно не было будущего. Она бы никогда не вышла за меня замуж.

— Да брось ты. Вы прекрасная пара. И ты ведь ее любил, так?

— Да.

— И сейчас любишь?

— Да. Но это ничего не меняет. Просто мне придется отвыкнуть от нее сейчас, а не потом.

— Она сказала, что я — одна из двух причин, почему она не может выйти за тебя замуж. А вторая какая?

— Лора, это личный вопрос.

— Барн, в другой ситуации я бы и спрашивать не стала. Но если ты хочешь, чтобы я себя не винила, ты должен убедить меня, что действительно была и другая причина.

Барни помолчал, потом сказал:

— Она не может иметь детей. Я ей говорил, что это не имеет значения. Что я хочу, чтобы она была моей женой, и ничего больше.

— А она?

— Она не поверила, — тихо сказал он и о чем-то задумался. — Знаешь, что я тебе скажу, Кастельяно? Мне очень стыдно в этом признаваться, но в каком-то смысле она права.

Сет был озадачен. Сестра не смогла назвать ему фамилию последнего сегодняшнего больного.

На самом деле их было трое — мужчина лет шестидесяти пяти и, судя по всему, его дети. Сын и дочь.

Они молча вошли в кабинет и почтительно встали. Сет пригласил их сесть.

— Вы доктор Лазарус? — спросил старший.

— Да А вы кто такие? Почему в приемной фамилию не назвали?

Отец смущенно сказал:

— Мы не хотели, чтобы о нашем деле знали посторонние. Ведь это все останется между нами, так?

— Каждый врач дает клятву Гиппократата и обязуется хранить в тайне все, что касается его больных.

— Но это не всегда так, — вставила дочь.

— Допускаю, мисс, что не все врачи — порядочные люди, но могу вас заверить, что я свое слово держу. Так могу я узнать ваши имена?

— Карсон, — сказал старик. — Как Джонни, только мы не родственники. — Он хихикнул. Похоже, подобные пояснения вошли у него в привычку^[34]. — Меня зовут Ирвин, — продолжал он. — Это Чак, мой сын, и Пэм, дочь.

Сет оглядел посетителей и спросил:

— У кого из вас троих проблемы?

К его удивлению, отец объявил:

— У всех троих.

С этими словами старший Карсон придвинулся поближе к Сету и заговорил, понизив голос:

— Дело касается моей жены, то есть их матери. Она очень больна.

— А где она? — уточнил Сет.

— Дома. Она не может передвигаться.

— А где ваш дом?

— В Хэммонде.

— Вы хотите сказать, что приехали из Индианы? А чем конкретно больна миссис Карсон?

Старик покусал губы, обвел взглядом сына и дочь, и оба кивком дали понять, что он должен договорить до конца.

— Год назад у нее нашли злокачественную опухоль желудка. Сделали операцию. Все вырезали.

— Дальше?

— Поначалу было несладко, но мы помогли ей как-то приспособиться. Какое-то время казалось, дело пошло на лад. Я даже возил ее на Карибы на годовщину нашей свадьбы.

Он замолчал. Тяжело вздохнул и продолжил:

— А потом все словно началось опять. Мы снова поехали к врачу. Он сделал рентген. Хотите взглянуть?

— Да, конечно.

Сет взял из рук старика конверт, вынул снимки и повесил их на стекло с подсветкой.

Ситуация была ясна с первого взгляда.

— Если откровенно, дела неважные.

— Мы знаем, — ответил сын.

Тут снова заговорил отец:

— Я спросил врача, взялся бы он еще раз оперировать. А он говорит...

Мужчина расплакался.

— Извините меня, доктор Лазарус. — Он всхлипнул. — Этот врач мне такую ужасную вещь сказал! И так грубо! Взял и сказал: «Не стоит и возиться».

— Да уж, он с вами не поцеремонился, — согласился Сет. — Но снимки действительно показывают большую опухоль в том месте, где ее оперировали.

Старик со слезами добавил:

— Когда я стал его умолять, он только отмахнулся.

— И никакого другого лечения не посоветовал?

— Есть еще лучевая терапия. Но даже наш семейный врач говорит, что в случае рака желудка это как мертвому припарки.

— Боюсь, ваш доктор прав, — согласился Сет.

Мистер Карсон заговорил быстрее:

— Тогда он предложил химиотерапию. Только от нее проку столько же. Единственное, что можно гарантировать, — все волосы выпадут. И ты превратишься в беспомощный скелет.

Сет кивнул.

— Что оставалось? Ничего. Ноль. И ее отправили домой умирать.

По мере того как мистер Карсон говорил, в его голосе все больше слышалась мольба.

— Доктор, она уже даже глотать не может. Мы ее кормим детскими смесями. Всякими там кашками, пюре...

— Но и это проходит с трудом, — вставила дочь.

— Чтобы она выпила подслащенной воды, ей приходится давать спазмолитические и успокоительные средства, — добавил сын.

— Мы — опять к врачу, — продолжал рассказывать старший Карсон. — Тот вдруг с новой силой ухватился за операцию. Гастро... что-то там... я даже выговорить не могу.

— Гастростомия, — подсказал Сет. — Это что-то вроде прокладки нового пищеварительного тракта, чтобы пища по трубке поступала прямо в кишечник.

Сет замолчал в ожидании дальнейших деталей.

— Но, доктор, мне ли вам говорить, что это страшная операция, а рак она не остановит! Врач сам это признал! — Карсон повысил голос. — Он даже не уверен, что боли прекратятся. Только продлятся ее страдания.

Старик говорил с горечью.

Сет решил перейти к сути:

— Мне очень жаль, но из того, что вы мне рассказали, я могу заключить, что реально спасти ее ничем нельзя. Я, во всяком случае, таких методов не знаю.

— Мы понимаем, понимаем, — заговорили разом отец, сын и дочь. — Мы все знаем. Знаем.

— Поэтому мы и просим вас о помощи, доктор, — сказал старик, — Помогите ей, пожалуйста.

— Я вас не понимаю, — ответил Сет, и в голове его мелькнула тревожная догадка.

— Доктор, не дайте ей сидеть и превращаться в подобие человека с торчащими отовсюду трубками. Прекратите ее мучения! Дайте ей уйти сейчас, пока ее жизнь еще хоть чем-то похожа на человеческую. Она хочет умереть.

Наступила пауза. Потом Карсон еще раз произнес:

— Пожалуйста, доктор, помогите нам. Помогите ей!

И снова — тишина. Свое слово они сказали.

Сет был в столбняке. Мысль о том, что информация о его давнишнем «акте сострадания» в отношении Мэла Гатковича каким-то образом вышла за стены клиники и даже пересекла границы штата, ужаснула его.

— Кто вас ко мне направил? — спросил он, стараясь сохранять спокойствие.

— Нам вас порекомендовал новый ординатор нашей больницы, доктор Блустоун.

— Попросите доктора Блустоуна позвонить вечером мне домой.

Он встал.

Семейство тоже разом вскочило, как перед священнослужителем, и вышло в коридор.

Сет погасил в кабинете свет. Он запер дверь и пошел к машине, все время думая, какие последствия может повлечь за собой то, что он уже почти готов был сделать.

На этот раз смерть должна будет навестить больного на дому.

Дома Сет с порога пересказал все Джуди. Та поделила его опасения.

— Если Тим этого хотел, то почему не сделал сам? — возмутилась она. — Он нас всех поставил под удар!

Сет молча кивнул. То, что они расценивают как акт милосердия, другие наверняка сочтут убийством.

— Тим мне сегодня должен звонить, — напомнил Сет. — А я, честно говоря, и не знаю, что ему сказать.

— Пошли его куда подальше!

Сет глубоко задумался. Потом тихо сказал:

— А как быть с Карсонами?

— О господи! — простонала Джуди. — Надеюсь, ты не собираешься делать то, о чем тебя попросит Тим!

— На Блустоуна мне абсолютно наплевать! — заявил Сет, глядя куда-то перед собой. — Но этих людей мне жаль. Вся семья исстрадалась. И конца этому не видно.

— Нет, Сет, — возразила Джуди. — Не надо рисковать... — Она вдруг смолкла. Ей передалось и сострадание Сета к этим людям, и его решимость помочь несчастной миссис Карсон.

В начале десятого раздался звонок. Звонил Тим Блустоун из Индианы.

— Сет, я должен объясниться, — начал он.

— Безусловно, — перебил тот. — Я хочу знать дословно, что ты наговорил этим Карсонам и в какой форме.

— Я им сказал, что знаю одного очень сердобольного доктора, который, быть может, *сумеет* помочь. Сет, у меня не хватит смелости сделать это одному. А кроме того, в ту ночь, когда умер Мел Гаткович, я видел, как ты выходил из его палаты. Я потом все гадал...

Сет не нашелся что ответить. И побоялся спросить, с кем еще Тим поделился своими догадками.

— Сет, этот случай совершенно особенный, — взмолился тот. — Карсоны — хорошие, порядочные люди. А Мардж — это жена — превратилась в тень. Она ужасно мучается. Я послал тебе почтой все необходимые данные. Завтра, наверное, получишь. Понимаешь, они

все в таком отчаянии, что спросили, не могу ли я что-нибудь сделать. Ну, ты понимаешь... Я поначалу и думать не хотел. Но в последние дни, видя, как она мучается, я стал думать, что они правы. — Он помолчал, а потом выпалил: — Может, мы вместе это сделаем, Сет? Это позволит разделить вину...

«Идиот! — подумал Сет. — Как ты не поймешь? Эту вину нельзя разделить! Даже если ты сделаешь это с кем-то на пару, все равно весь груз ляжет на тебя».

— Хорошо. Я ознакомлюсь с выпиской и тебе перезвоню.

— Только звони домой, не на работу!

— Естественно, — ответил Сет с нескрываемым раздражением.

На следующее утро по почте пришла выписка. Около десяти часов Сет позвонил Тиму.

— Ты был прав, — сказал он, — таких мучений никто не заслуживает. Мы должны реализовать твоё... предложение. Но сделать это надо в выходные.

— Да. Конечно.

— А теперь объясни, как к ним добраться.

Тим дал ему подробные инструкции, после чего добавил:

— Спасибо тебе, Сет. Господи, как все-таки страшно! Сет никак не отреагировал. Он не хотел пугать его рассказами о призраках, преследующих его в бесконечных ночных кошмарах. Переживания Блустоуна не были для него новинкой.

— Тим, послушай, а где живут сын с дочерью?

— Парень — студент последнего курса инженерного факультета Северо-Западного университета. Дочь замужем за владельцем ресторана. Иногда помогает ему.

— Так, убедись, что в это воскресенье их никого не будет. Сможешь?

— Да, конечно.

— А теперь вот еще что. Женщина в сознании?

— В основном да. Только, чтобы облегчить ей боль, мы ее здорово накачиваем наркотиками.

— Мне надо будет с ней поговорить, поэтому сделай так, чтобы в воскресенье вечером она была адекватна. Буду в девять.

Это был обычный окраинный район, где живет наименее обеспеченная часть среднего класса, с почти одинаковыми домиками на две семьи, перед каждым — живая изгородь и деревце.

Было пять минут десятого. Дорога была погружена во мрак. Тим Блустоун нервно расхаживал перед домом Карсонов, когда из темноты материализовался Сет.

— Блустоун! — тихо окликнул он.

— Привет, Сет. А где твоя машина?

— Не бери в голову. Я запарковался в удобном месте. Идем в дом!

Сет не стал говорить, что приехал на внедорожнике жены, на котором не было таблички, обозначающей, что за рулем врач.

Они подошли к двери. Из дома доносился звук телевизионной трансляции бейсбольного матча. У Сета мелькнула мысль, что муж нарочно пускает звук на такую громкость, чтобы не слышать стонов невыносимо страдающей жены.

— Здравствуйте, доктор, — сказал Ирвин Карсон безжизненным голосом. — Спасибо, что приехали.

— Где миссис Карсон?

— Она наверху. Там ее спальня. Она вас ждет.

Сет ответил кивком.

— Вы не хотите к ней подняться и поговорить?

Муж немного подумал и сказал:

— Мы весь день только и делали, что говорили. Мы уже попрощались. Боюсь, я не смогу...

Голос у него дрогнул.

Медики кивнули и медленно пошли наверх.

— Добрый вечер, Мардж, — поздоровался Тим — Познакомьтесь, это доктор Лазарус.

Женщина была похожа на привидение, обтянутое кожей лицо напоминало голый череп. К правой руке была подсоединена трубка капельницы, поддерживающей ее жизнь. Кап... кап...

Она приподняла костлявую руку и с усилием прошептала:

— Спасибо, доктор, что приехали.

Сет кивнул и сел, чтобы задать несчастной несколько вопросов.

— Миссис Карсон, вам, должно быть, трудно говорить, но мне необходимо кое-что прояснить. Вы понимаете, с какой целью мы

здесь?

— Да, доктор.

— Вы уверены, что сделали правильно, обратившись к доктору Блустоуну с такой просьбой? Я хочу понять, не возникало ли у вас потом сомнений на этот счет?

— Нет. Я хочу умереть. — И с мольбой простонала: — Доктор, пожалуйста!

В этот момент взгляд Сета упал на небольшое распятие на прикроватной тумбочке. Она католичка. Разве не грех — смертный грех! — то, что она просит его совершить? Ведь это равносильно самоубийству. Мардж не дала ему задать свой вопрос.

— Не беспокойтесь, доктор, — едва слышно сказала она. — Сделайте то, что нужно. Остальное я беру на себя. Я столько раз молила Его, что не сомневаюсь: Он поймет.

Тут Сет перевел взгляд на Тима. Может, ему, как семейному доктору Карсонов, тоже есть что сказать? Но тот, по-видимому, был не в силах говорить. Сет снова повернулся к миссис Карсон:

— Миссис Карсон, я только введу вам в вену одно лекарство, и через пять минут вы уснете...

— И боли больше не будет?

— Нет, миссис Карсон, не будет, — очень тихо произнес Сет.

Женщина заплакала. Слезы бежали по ввалившимся щекам.

— Боже, — вымолвила она, — благодарю Тебя, что Ты послал мне ангела!

Сет продолжал спокойно говорить, зная, что его слова служат ей утешением. Он заметил, что, когда подсоединил ампулу к игле в ее локтевом сгибе, Тим Блустоун отвернулся. Он не мог даже смотреть на это. Сет взял миссис Карсон за руку и крепко сжал, а из нее постепенно уходила жизнь. И боль.

Доктора вышли из комнаты и спустились к Ирвину Карсону, который невидящим взглядом уткнулся в экран телевизора.

— Она упокоилась, — ответил Сет на его безмолвный вопрос.

Карсон перекрестился и разрыдался. Быть может — от горя, быть может — от облегчения. А может, и от того и от другого разом.

— Я... Я не знаю, что сказать, — всхлипнул он.

А молодой врач не знал, что ответить.

Он стал натягивать куртку, а Сет сказал:

— Мистер Карсон, вы должны знать: последние слова Мардж были о том, что она делает это ради своей семьи.

Все еще плача, Карсон кивнул.

— Утром доктор Блустоун к вам зайдет посмотреть, как идут дела. Спокойной ночи.

Ирвин Карсон застыл на месте, и дверь бесшумно затворилась.

Два медика опять стояли в темноте.

— Как мне тебя отблагодарить, Сет? — взволнованно прошептал Тим.

Сет взял его за плечи и сказал:

— Никогда мне больше не звони. Никогда, слышишь?

И растворился в ночи.

— Мне кажется, никогда в жизни я не был в столь глубокой депрессии.

— Подобные заявления заставят людей потерять веру в психиатров, — отозвался Билл Чаплин.

Он пытался поднять настроение своего автора, пригласив его отобедать по-приятельски в «Элейн».

Барни изобразил улыбку:

— Билл, я обыкновенный человек. А кроме того, чтобы помогать другим, вовсе не обязательно самому быть счастливым. В противном случае в Нью-Йорке не осталось бы ни одного психотерапевта. Проблем у меня куча. Во-первых, Эмили меня бросила и даже не отвечает на мои звонки в редакцию. Больше того, какой-то доброжелатель уже доложил мне, что она закрутила роман с неким парнем со спортивного канала Эй-би-си. Мой лучший друг Лора укатила в лесные дебри Торонто и находится на грани нервного срыва. А мою книгу никто не читает, даже в мягкой обложке.

— Перестань, Барни, — увещевал Билл, — хватит тебе грустить, пора уже смириться. Давай лучше обсудим твою следующую книгу.

— У меня нет никаких идей, — безнадежно ответил Барни. — Ящик стола пуст. Понимаешь, я-то думал, что моя затея со спортсменами всех увлечет. Я искренне полагал, что людям будет интересно знать, что происходит в мозгу их кумиров.

— И ты прав, им это интересно. Я считаю, ты ни на йоту не должен отступать от своего подхода. Почему бы тебе не

сосредоточиться на другом типе кумиров?

— Ни за что на свете! В век всеобщего цинизма кумирам не осталось места. Иными словами...

— Барни, я знаю! Я придумал! Прохожий на улице считает врача кем-то вроде Господа Бога. Мы боготворим медиков. Мы перед ними трепещем. И если бы ты каким-то образом сумел передать, что происходит в сознании врачей...

Барни усмехнулся:

— Билл, такой вещи, как коллективное сознание медиков, не существует. Врачи бывают разные, всех мастей и оттенков. Но большинство из тех, с кем знаком я, — очень увлеченные люди, занимающиеся сизифовым трудом в надежде, что камень не скатится на них самих. Их жизнь — далеко не праздник.

— Барни, ты это знаешь, но это взгляд изнутри. Я встречал среди докторов продажных, невежественных болванов, для которых белый халат и звание доктора медицины — все равно что костыли, на которые они опираются, чтобы продвигаться вверх по общественной лестнице. Я прав?

— Нет, — тихо ответил Барни. — Точнее, отчасти. Я встречал таких, они читают «Экономику медицины», но не интересуются настоящими научными журналами и, должен сказать, дискредитируют свою профессию.

Билл перегнулся через стол и схватил Барни за лацканы пиджака.

— Ну же! — рявкнул он голосом строевого сержанта. — Покажи мне, покажи, что скрывается под этими масками, какие мысли бродят у них в головах! Покажи людям, что такое медики на самом деле!

Барни подумал и спокойно спросил:

— Ты нанимаешь меня на грязную работу?

— Барн, я прошу тебя написать правду. Если общество имеет искаженное представление о врачах, исправь его! Мы с тобой нащупали нерв, и мы отсюда не уйдем, не ударив по рукам. Напишем договор на салфетке! — И скрипнул зубами: — О, доктор Йоргенсен! Сколько лет я желал твоей смерти! Но сейчас я хочу, чтобы ты еще пожил и прочел эту книгу.

— Что еще за доктор Йоргенсен?

Билл помрачнел:

— Тип, лишивший меня глаза. Я пошел на операцию по поводу банальной катаракты. Он так напортил, что я вышел из больницы без глаза. Я даже иск подавал, но подонок его выиграл.

— Перестань, Билл. В таком деле неудачи случаются.

— Нет, Барни, ты не понимаешь. Неприятности такого рода выпадают практически каждому. Кого ни спроси, что-то подобное было. Готов поспорить, даже у тебя был опыт неудачного общения с докторами.

Перед Барни встала картина, много раз виденная в ночных кошмарах: отец лежит ничком на траве, мать кричит, а Уоррен бежит за врачом... И доктор Фриман не пришел.

Из задумчивости Барни вывел голос Билла:

— Так что, пишешь такую книгу?

Барни кивнул:

— Только имей в виду: пристрастие к наркотикам и выпивке у врачей — абсолютная норма. У них слишком нервная работа.

— Иными словами, ты хочешь написать апологию? Выступить в защиту профессии?

— Нет, — возразил Барни, — не апологию, а правду. Я напишу, что врачи — такие же люди, как все.

— Отлично, — согласился Билл, — пиши, как считаешь нужным. Только обещай, что напишешь!

Барни бросил взгляд на часы и встал.

— Послушай, если я сейчас не уйду, то опоздаю на прием. У меня в три часа клиент. И тогда мне придется вывести в этой книге и себя в качестве вероломного доктора. Спасибо за ланч, Билл. Жаль, что мы говорили не о бейсболе.

— Не понял?

— Тогда мне не пришлось бы писать эту книгу.

Ланс Мортимер, избравший своей специальностью анестезиологию, как всегда, крутил шашни с Госпожой Удачей. Его наставником в Маунт-Хеброн был человек, перед которым благоговели многие коллеги. Патрик Ноулз был великим педагогом. Он старательно разъяснял Лансу, как проводить самую деликатную манипуляцию, предваряющую работу хирурга, а именно — интубацию, то есть

введение больному в гортань и легкие эндотрахеальной трубки, чтобы с ее помощью поддерживать его дыхание, пока тот будет без сознания.

(«В этом вся хитрость, старик, — объяснял Ноулз — Надо помнить, что трахея расположена перед пищеводом. Надо вводить трубку так, чтобы видеть, как она проходит между голосовыми связками, и тогда ты услышишь звук дыхания — стало быть, попал!»)

Ланс быстро избавился от еще одной распространенной ошибки начинающих анестезиологов, а именно — вышибать больному зубы во время введения этой несчастной трубки.

К счастью, в тот единственный раз, когда у Ланса все же вышла промашка, Ноулз оказался рядом и быстро исправил положение, не дав выбитым зубам попасть в бронхи или легкие и вызвать тяжелую пневмонию, а то и смерть.

Лансу повезло и в том (Госпожа Удача, как обычно, проявила к нему благосклонность), что жертвой его неловкости пала бесплатная больная, которая была на седьмом небе от счастья, узнав, что ей за счет клиники вставят ослепительные зубы.

Было еще одно обстоятельство, способствовавшее необычайной популярности его наставника у звезд шоу-бизнеса.

Ноулз был не только богат и хорош собой, но еще и выглядел лет на двадцать моложе своего возраста, причем без всяких пластических операций.

Однажды, находясь на дежурстве вдвоем с Лансом, он открыл ему свою тайну. Он не просто регулярно делал массаж лица, но и старательно берег собственные нервы.

— Если хирург — а большинство из них, как ты заметил, подлинны идиоты — считает, что он знает лучше тебя, не спорь. В девяноста девяти случаях из ста, если больной не выживает, отвечает хирург. А тебе чаще всего даже не придется выходить к родственникам, чтобы объявить о случившемся. А благодаря этим милашкам — расторопным реанимационным сестрам — можно одновременно обслуживать три операционные. Надо только почаще заглядывать то туда, то сюда и следить, как идут дела у больных. А поскольку нам не нужно даже руки перед операцией обрабатывать, то можно улучшить минутку, чтобы позвонить своему брокеру и узнать, как идут дела у тебя самого.

Ланс преклонялся перед этим человеком. Он пока мог мечтать лишь о том, как работать одновременно в двух операционных.

* * *

— Беннет, послушай, у меня через полторы минуты клиент. Давай побыстрей. Что стряслось?

— У меня большая радость, Ливингстон. Я только что получил телеграмму, где мне сообщают, что я принят в Хьюстон в отделение трансплантологии.

— Здорово! Ты будешь первым хирургом в истории, кто произведет пересадку сердца и вложит в это немножко души.

— Остроумно.

— За твой комплимент, Бен, я приглашу тебя на ужин. Я и так собирался тебя угостить, но теперь ты сможешь заказать себе два десерта.

— Где и когда?

— Давай где-нибудь пересечемся? Рядом с тринадцатым съездом с трассы на Коннектикут есть мясной ресторан. В пятницу в половине девятого тебя устроит?

— Отлично. Возвращайся к своим закомплексованным, Барн.

Двумя днями позже Барни въехал на своем новом «форде пинто» на стоянку у гриль-ресторана «Красный экипаж» и, пока искал, где приткнуться, заметил «Ягуар» Беннета.

В заведении было многолюдно и шумно. Но Бена он разыскал без труда, поскольку тот был выше и, разумеется, темнее всех присутствующих.

Обменявшись приветствиями и поздравлениями, они сели, отметили, какой усталый вид у них обоих, и стали строить предположения на предмет того, сколько лет жизни у них унесет этот потогонный график.

Они заказали по отбивной и бутылку каберне, после чего направились к салат-бару нагружать тарелки.

Беннету не терпелось поведать лучшему другу о своем новом назначении, но расслышать друг друга было почти невозможно. Рядом

сидела веселая и шумная компания, с каждой минутой делающаяся все веселее и шумнее. В конце концов друзьям пришлось отложить разговоры на потом и приняться за еду.

По всей видимости, это было семейное торжество, и глава семейства, приземистый лысоватый человек, громким голосом с гнусавинкой рассказывал анекдоты.

Наблюдать за ним было любопытно. Его стремление быть в центре внимания — не только своего стола, но и всего ресторана — не оставляло у Барни с Беном сомнений в том, что он страдает комплексом неполноценности.

Это стало еще более очевидным, когда официант в белом поварском колпаке прикатил большую тележку с блюдом, где под сверкающей стальной крышкой покоился длинный сочный жареный окорок без кости, который предстояло нарезать на глазах у клиентов.

— Выпьем за бычков! — возвестил крепыш.

Компания ответила дружными хлопками, свистом и радостными возгласами.

Тогда толстяк внес невероятное предложение:

— С кем поспорить, что я могу целиком проглотить эту ногу?

— Ничего не выйдет, Карло, — отмахнулся кто-то из мужчин. — Этого не сделает даже конь.

Карло изобразил возмущение.

— А на пари, Чет? — Он залез в карман, вынул пачку купюр и извлек стодолларовую бумажку. — Ставлю сто баксов на то, что смогу съесть этот ростбиф целиком. Или гони деньги, или не выступай!

— Отлично, — со смехом ответил Чет, — это будут самые легкие сто баксов в моей жизни. Погнали!

Под заинтересованными взорами всего ресторана Карло отстранил официанта и принялся выписывать вокруг блюда круги, словно матадор вокруг быка.

Наконец он шагнул вперед, схватил оковалок обеими руками и поднял над головой, демонстрируя публике. Со всех сторон раздались хлопки и ободряющие возгласы, тихо было только за столиком врачей.

До Барни донесся голос одного из родственников Карло:

— Я видел, как он здоровенные куски глотает, но такого большого еще не случалось! Метит в Книгу рекордов Гиннесса.

Толпа разом смолкла, и напряжение в воздухе усилилось.

Карло начал запихивать себе в рот невероятных размеров кусок, а публика прямо-таки обезумела.

Через минуту он едва дышал.

Гортань почти полностью была заблокирована, он практически не мог дышать. Хватаясь руками за горло, он попятился, отчаянно пытаясь вытащить мясо обратно. Лицо его тем временем приобретало синюшный оттенок.

Жена взвизгнула. Окружающие застыли в оцепенении.

Барни с Беннетом действовали автоматически.

Барни растолкал быстро разрастающуюся толпу и бросился к задыхающемуся мужчине.

Жена Карло, обезумев, пыталась вытащить мясо у мужа изо рта, но тут подоспел Барни и резко ее оттолкнул.

— Что еще за... — завизжала женщина.

— Дайте место! Дайте мне место! Я врач. Все в сторону! — резко командовал он.

Сейчас было не до церемоний.

Барни начал проводить стандартные мероприятия по устранению из трахеи постороннего предмета, который преграждает воздуху путь в легкие. Он встал у Карло за головой, обхватил пострадавшего руками за упитанный живот и сжал правый кулак. После этого короткими, энергичными тычками снизу вверх стал надавливать ему на живот между пупком и грудной клеткой.

Ничего не получалось. Дыхательные пути были полностью перекрыты.

Теперь рядом с ним был уже и Беннет.

— Бен, — крикнул Барни, — через полминуты он умрет!

Беннет знал, что предпринять.

— Трахеотомию! Быстро клади его!

Мужчина уже был без сознания и обмяк на руках у Барни. Тот положил его на пол. Зрители как замороженные следили за разворачивающейся драмой.

Беннет схватил с ближайшего стола острый нож, нагнулся и вонзил его кончик в основание гортани пострадавшего. Из раны хлынула кровь.

Родственники Карло вдруг пришли в неистовство. Раздались истерические вопли:

- Зарезал!
- Черномазый решил его убить!
- Помогите!
- Полиция!
- Убивают!

Барни героически удерживал Карло в неподвижном положении, но тут один из барменов подскочил и стал оттаскивать Беннета.

— Идиот,пусти его! — заорал Барни. — Он хирург! Он пытается его спасти!

Бармен либо не расслышал, либо не захотел его услышать и продолжал тянуть Беннета за ноги. Для вежливых объяснений времени не было. Беннет стукнул его кулаком в солнечное сплетение, и тот согнулся пополам.

Толпа в страхе отпрянула.

— Я врач, черт бы вас всех побрал! — выкрикнул Беннет, едва владея собой.

Барни крикнул ему снизу:

— Бен, давай! Неси что-нибудь вместо троакара, чтобы дать ему воздуха!

Беннет поискал глазами, но ничего подходящего не нашел. Тут он увидел, что у официанта из нагрудного кармана торчит шариковая ручка. Он моментально выхватил ее, разломил пополам, достал стержень и протянул внешний жесткий цилиндр Барни. Тот мигом вставил стержень в надрез на горле Карло, чтобы обеспечить приток воздуха к легким.

Потом крикнул Бену:

— А с кровотечением что будем делать? Есть чем заменить зажим?

— Нет, Барн, откуда. Оставайся возле него и следи, чтобы щель...

Его слова потонули в реве сирен. Бармен успел нажать кнопку сигнализации, и по тревоге примчался наряд из расположенного в каких-то восьмистах метрах полицейского участка.

Внезапно заведение заполнили люди в мундирах.

Они быстро оценили обстановку: чернокожий с ножом в руке стоит над распростертым на полу белым, у которого из горла хлещет кровь. Полиция действовала быстро и решительно.

Втроем офицеры навалились на Беннета. Двое держали ему руки, а третий безжалостно колотил по лицу и корпусу, пока он не рухнул на пол, где его продолжали бить, теперь уже ногами.

Барни знал сейчас только одно: надо держать открытой щель в гортани пострадавшего. Поэтому он не мог прийти на помощь другу, а лишь взревел, как раненый бык:

— Мерзавцы! Он же врач! Он только что спас ему жизнь. Не троньте его!

Больше он ничего не помнил.

Его разбудил холодный ветер.

Фельдшер «скорой помощи» махал у него перед носом ваткой с нашатырем, пытаясь привести его в чувство.

— Доктор, как себя чувствуете? — спросил он.

«Как я себя чувствую! — зло подумал Барни. — Как будто нырнул в бассейн головой вперед, забыв налить воду». Но его беспокоило нечто более важное.

— Бен... Где Бен?

— Это второй доктор?

— Он хирург! — слабым голосом поправил Барни.

— С ним все будет в порядке, — ответил фельдшер.

— В порядке? — ахнул Барни. — А где он?

— Едет в госпиталь Риджтаун.

— С этим пострадавшим?

— Не совсем, — ответил тот. — Он в отдельной машине.

Барни наконец удалось сфокусировать взгляд на своем собеседнике.

— Его здорово избили, — смущенно пояснил тот. — Полицейские не поняли, кто он такой. Подумали...

— Он провел неотложную трахеотомию, болван! Спас этому толстому идиоту жизнь!

Фельдшер не знал, как реагировать. Не придумав ничего иного, он сказал как есть:

— Да, это было потрясающе. Вы оба сработали просто блестяще.

— Отвезите меня к нему! — приказал Барни, все еще с трудом ворочая языком. — Я хочу видеть своего друга!

— Прошу меня извинить, сэр, но у нас есть распоряжение сделать вам рентген на случай сотрясения мозга. А потом доставить в участок.

— Какой такой участок? — заплетающимся языком выговорил Барни.

— Полицейский участок. — В голосе фельдшера слышались извиняющиеся нотки. — Родственники жалобу подают.

Барни опять пришлось разбудить брата посреди ночи.

— Барн, да ты что? — простонал Уоррен, еще не вполне проснувшись. — Только не говори, что выпустил еще одну книгу.

— Боюсь, Уоррен, на этот раз все намного хуже. Меня не выпускают.

— Что-что?

— Да проснись ты и слушай! Отсюда разрешают позвонить только один раз.

— Ты в полиции? Да в чем дело-то?

— Чем кончится, пока сказать не могу, но, кажется, речь может идти о покушении на убийство.

— Черт! — присвистнул Уоррен и сразу проснулся.

Под нетерпеливое постукивание сапога угрюмого полицейского Барни поведал брату о случившемся, стараясь говорить коротко и ясно.

Уоррен попытался припомнить соответствующую законодательную норму. К счастью, как раз недавно он читал о подобном случае в каком-то юридическом журнале.

— Так, Барни. Я понимаю, что ты устал, но я сейчас буду задавать тебе очень важные вопросы, а ты должен как следует подумать, прежде чем отвечать.

Постукивание форменного сапога становилось все громче и громче. Барни с мольбой посмотрел на полицейского и сказал со всей учтивостью, на какую был способен:

— Сержант, это мой адвокат. Мне кажется, с адвокатом разрешено говорить столько, сколько нужно.

Офицер лишь кашлянул, давая понять, что продолжительность разговора определяет он.

Итак, — начал Уоррен свой допрос, — ты ясно им заявил, что ты врач?

— Прокричал во все горло.

— Больной просил о помощи? Или, наоборот, отказывался от нее?

— Уоррен, — сказал Барни, чувствуя, как досада усугубляет его усталость, — он был при смерти. Если бы мы не...

— Барн, пожалуйста, отвечай строго на мои вопросы. Кто-нибудь из его родственников там был?

— Да-да, был, кажется. К чему ты клонишь?

— Это называется «Закон доброго самаритянина», — ответил брат. — Начиная с пятидесятих годов в некоторых штатах действует норма, освобождающая врачей от исков за врачебную ошибку, если помощь оказывалась в чрезвычайной ситуации.

— Послушай, это был вопрос жизни и смерти. У меня не было времени показывать свой диплом.

— Короче говоря, ты утверждаешь, что назвался медиком и ни сам пострадавший, который в тот момент был невменяем как с медицинской, так и с правовой точки зрения, ни его родные от помощи не отказались?

— Практически так, — тихо ответил Барни.

— Хорошо. Слушай, Барн, мне надо сделать несколько звонков, чтобы узнать, с какими адвокатами наша фирма работает в Коннектикуте. А после этого я сразу приеду, чтобы организовать тебе освобождение под залог.

— А что мне прикажешь тем временем делать? — разозлился Барни.

— Ну, не знаю, — сказал брат, пытаясь его успокоить. — Почитай газету, поиграй с Беннетом в карты.

— Бена тут нет, — с тоской в голосе уточнил Барни — Он в клинике Риджтаун.

— Ну, тогда позвони ему и скажи, чтобы не беспокоился. Я все сделаю, и как можно скорее.

— А ты не можешь ему позвонить? — взмолился Барни. — У меня же только один звонок!

— Что, и в Канаде тоже? — Барни держал трубку той рукой, которая была меньше забинтована.

— Да, Барн, — ответила Лора. — По всей видимости, об этом деле пронюхало какое-то агентство. Газеты тут раздули большую шумиху. Была даже редакционная статья на эту тему.

— За или против?

— Да перестань, не сходи с ума! Конечно, в вашу поддержку. Вы стали инструментом борьбы за введение «Закона доброго самаритянина» в федеральном масштабе. Вы все сделали правильно. И сработали классно!

— Ага, только родственники этого идиота иного мнения.

— Но они ведь отозвали иск?

— Да. Они быстро уgomонились, хотя коробки конфет или благодарственного письма я так и не дождался.

Лора замолчала.

— Алло, Кастельяно, ты где там?

— Я просто подумала, — сказала она с непонятной грустью, — ведь это был, возможно, самый важный поступок во всей твоей медицинской карьере.

— Что ты имеешь в виду?

— Я узнаю, работает ли еще в Бруклине этот подонок Фриман, и отправлю ему все вырезки. Может, вспомнит тогда, что у него на руках кровь твоего отца.

Барни задумался. «Она права. Быть может, там, в ресторане, я среагировал так быстро потому, что всю жизнь, с самого детства, ждал того момента, когда можно будет показать врачу, отказавшему в помощи моему отцу, как он должен был поступить».

В то время как Лора с Барни обменивались своими мыслями в связи с драматическим инцидентом, разгневанный Хершель Ландсманн стоял у постели своего сына в госпитале Йель-Нью-Хейвен, куда Беннета по настоянию отца перевезли на «скорой» вопреки энергичным протестам травматолога.

В дальнем конце палаты тихонько сидели двое мужчин средних лет в официальных костюмах. На врачей они не были похожи.

Беннет лежал на спине. Голова и грудь у него были туго забинтованы, а количество гипса на теле делало его похожим на мумию.

Через час приехал Барни. Ходьба еще давалась ему с трудом, голова кружилась.

— Как он? — спросил он у Хершеля.

— Молодчики его здорово отделали, — констатировал Хершель. — До какой косточки смогли добраться, ту и сломали.

В этот момент Беннет пошевелился и пришел в себя.

— Бен, как себя чувствуешь? — в тревоге спросил Хершель.

— Привет, пап, — отозвался тот, все еще наполовину в забытии — Пока вообще ничего не чувствую. А что произошло?

— Если перефразировать старый анекдот, Ландсмэн, — сказал Барни, — операция прошла успешно, но хирург умер.

— Мы его спасли? — спросил Беннет пересохшими губами.

Барни налил ему воды.

— Конечно. Отныне ты можешь оперировать не скальпелем, а ножом для бифштекса. А там, глядишь, до вилок и ложек дойдет.

— Не смей меня, мне смеяться больно!

— Прости, Бен, хотел тебя повеселить.

— Пап, уведи отсюда этого сумасшедшего! — Беннет передохнул, сделал несколько вдохов и спросил: — Кто меня латал?

— Лучшие специалисты, сынок, — ответил Хершель. — Заведующий вашим отделением.

— Так я в Йеле?

— Да, — подтвердил Барни. — Сначала мы хотели, чтобы ты сам себя чинил в собственной операционной, но твой босс сказал, ты еще рылом не вышел.

У Беннета от смеха опять дрогнула грудь.

— Ливингстон, кто тебя сюда прислал? Ку-клукс-клан? Ты можешь быть серьезным? Давай-ка, прочти мне запись об операции.

— Придется тебе набраться терпения, Бен. Думаю, там будет несколько томов. Рентгенолог, правда, обещал, когда очнешься, принести все снимки.

— Я уже очнулся! — с усилием произнес Беннет — Тащи сюда эти снимки, я хочу оценить повреждения.

— Я уже их посмотрел, — сказал Барни утешающим тоном. — Перелом обеих лучевых и локтевых костей, трещина бедра... И четыре метких удара по черепу.

Беннет чувствовал, что приятель что-то утаивает.

— Перестань! Если дело этим и ограничивается, то *почему у тебя* такой испуганный вид? Барни, говори, что еще?

Барни помялся, а потом как можно более беспечным тоном произнес:

— У тебя переломовывих шейного отдела позвоночника. Твой босс планирует провести репозицию, как только тебе опять можно будет давать наркоз. И ты снова будешь в полном порядке.

— Не ври мне, Ливингстон! Это значит, что я по крайней мере на четыре месяца выбыл из строя.

— Не переживай, Беннет, — вставил Хершель. — На твоём назначении в Техас это никак не отразится. А сейчас, если ты в состоянии, я бы хотел, чтобы ты побеседовал вон с теми двумя джентльменами.

При этих словах сидевшие в другом конце палаты мужчины подошли и представились. Это оказались настолько известные люди в юридическом мире, что Беннет сразу вспомнил их имена. Один, Марк Зильберт, был признанным поборником гражданских прав, «защитником обездоленных». Второй славился как самый красноречивый оратор в суде.

— Мы не можем сидеть сложа руки и смотреть, как наша страна отступает от своих основополагающих принципов, — заявил Зильберт. — Этот случай — красноречивый пример того, до чего докатилось наше общество, и я бы просил вас разрешить мне встать на борьбу с этим злом, мистер Ландсманн.

— Пап, я думаю, не стоит этого делать, — морщась от боли, сказал Беннет.

— Нет, сынок, стоит. В Америке самое замечательное то, что каждый человек может рассчитывать на торжество правосудия.

— Ну да, если у него есть деньги на дорогих адвокатов.

— Прости меня, Бен, — сказал Хершель, все больше распаляясь, — тебе переломали не менее десятка костей и повредили позвоночник. И только за то, что ты повел себя как благородный человек.

— Это правильно, — перебил Зильберт. — Они увидели, что вы цветной, и априори решили, что вы преступник. На мой взгляд, это самая опасная форма расизма. И у вас есть шанс призвать их к ответу.

— Эта история уже стала достоянием прессы, — добавил второй адвокат.

— Ну хорошо, — сказал Беннет. — По-моему, все ясно. — Он взглянул на Хершеля. — И сколько будет стоить такое дело?

— Бен, сейчас вопрос не в деньгах. Я заплачу столько, сколько будет нужно.

— Хорошо, папа. — Разговор давался Беннету все с большим напряжением. — Не трать деньги на то, чтобы биться в суде. Лучше отправь их в организацию доктора Кинга в память о нем.

Чтобы собрать материал для своего исследования психики врача, Барни составил опросник и разослал друзьям и бывшим однокашникам по Гарварду. Он понимал, что у каждого в багаже имеется пережитая драма, неведомая посторонним. Естественно, он гарантировал всем полную анонимность. Респонденты могли даже не подписывать своих анкет.

Одним из первых ему ответил Ланс Мортимер, причем весьма пространно и предварив анкету письмом.

Дорогой Барн!

Мне кажется, ты затеваешь потрясающе интересное дело. (И как мне это самому в голову не пришло!) Между прочим, мне довелось видеть столько невероятного, что года два назад я начал вести дневник и сейчас готов поделиться с тобой самыми яркими эпизодами. (Отксерить всю тетрадь и переслать тебе не могу — есть вещи, которыми я не стал бы делиться даже со своим психоаналитиком.)

Прилагаю рассказ об инциденте, имевшем место 6 июня 1970 года. Имена, разумеется, изменены — не для того, чтобы оградить невинных, а чтобы уберечь собственную шкуру.

Ты, конечно, понимаешь, что это случилось в Лос-Анджелесе, но я замаскировал все под некий госпиталь Сент-Дэвид в Ньюпорт-Бич. Буду признателен, если ты сохранишь эту легенду. Своим исследованием ты, пожалуй, смог бы взорвать всю медицину. Если прежде не уничтожат тебя.

С приветом,

Ланс.

Поначалу присланная Лансом история показалась Барни чересчур «голливудской». Но, подойдя к концу, он понял, что отворил настоящий ящик Пандоры.

После того как рассказ был прочитан в третий раз, он почувствовал, что не в силах держать это в себе. А поскольку доктора Баумана навряд ли обрадовал бы звонок посреди ночи, то выбора не было.

— Привет, Кастельяно. Разбудил?

— Да нет, а что случилось?

Он зачитал ей текст.

* * *

«Едва ли кто забудет мастерскую игру Люка Джемисона (имя вымышленное) в фильме Стенли Уолтерса (имя вымышленное) под названием, предположим, „Беззвездная ночь“. Так же как и Джун Соммервиль (имя вымышленное) — в реальной жизни жену вышеназванного актера — в роли глухонемой девушки.

И вот клиника получает сообщение, что туда едет машина „скорой помощи“ с Джун, у которой подозрение на перфорированный аппендицит. Весь персонал приходит в небывалое возбуждение.

Меня разбудил хирург Стив Росс (имя вымышленное) и велел срочно готовиться к операции. Я не успел даже толком умыться, как уже мчался в операционную.

Для тех, кто никогда не видел Джун Соммервиль в жизни, могу сообщить, что ее красота не есть следствие умелого макияжа или ловкой работы оператора. Она и в жизни оказалась сногсшибательно красивой женщиной.

Мы бегом везли ее на каталке, и я заметил, что приехал даже заведующий клиникой. Он пригласил к себе в кабинет ее мужа Люка, чтобы помочь ему скоротать время за чашкой кофе.

Я вколол мисс Соммервиль пентотал натрия, чтобы она расслабилась, и попросил ее назвать мне десять своих любимых ролей. Не успела она добраться до „Бен-Гура“, как уже была в состоянии нирваны. Я ввел в гортань трубку и, поддувая в легкие воздух, стал погужать ее в „сладкий сон“ с помощью стандартной смеси галотана

с кислородом. Я сделал доктору Россу знак, что пациентка отключилась.

Он потребовал свой верный скальпель и сделал безупречный разрез на ее молочно-белом животике. В считанные минуты — а Росс превосходно владеет своим ремеслом — противный аппендикс был удален и начат парацентез, то есть дренаж брюшной полости.

Но тут случилась катастрофа. Мы, а больше всех доктор Росс, были так возбуждены тем, что в нашу клинику пожаловала звезда такой величины, что перед операцией забыли провести все необходимые обследования.

И никто не знал, что у нее аллергия на пенициллин, пока она вдруг не впала в анафилактический шок. Я стал усиленно подавать ей кислород, и тут случилась новая беда — остановка сердца.

Росс не мешкая рассек ее роскошную грудь для прямого массажа сердца. Секунды бежали, а она все не приходила в себя, и прекрасное тело синело все больше.

Через несколько минут я сказал Россу, что дело безнадежное и дальнейшие попытки можно прекратить.

— Да ты что, идиот! — заорал он. — Как мы можем позволить жене Люка Джемисона умереть на столе? Репутация клиники будет уничтожена. А я стану изгоем для всего города. Продолжай качать, черт бы тебя побрал!

Я возразил, что даже если нам сейчас удастся ее оживить, тканям мозга уже нанесен непоправимый ущерб. Он опять приказал продолжать вентиляцию легких и заткнуться. Выражения звучали самые крепкие.

Через восемнадцать с половиной минут сердце Джун Соммервиль снова застучало.

— Слава богу! — тихонько выдохнул Росс.

А я подумал: „Вся карьера насмарку!“

Как только она задышала более ровно, Росс сорвал повязку и ринулся в кабинет заведующего сообщить мистеру Джемисону, что операция прошла успешно.

Но если сейчас у кого-то возникает недоумение, почему Джун Соммервиль больше не снимается, то это не оттого, что она предпочитает уединение своего розового сада в Бель-Эре, как пишут в газетах. Просто она находится в закрытой психушке, так как из-за

необратимых нарушений мозговой деятельности не может узнать даже собственного знаменитого мужа.

Вся эта история меня несколько расстроила, особенно после того, как Росс велел мне принести отчет об операции лично ему. Не считая себя непогрешимым, должен сказать, что любой первокурсник медицинского факультета знает, что уже через пять минут после остановки сердца в мозгу происходят необратимые изменения, и Росс это прекрасно сознавал. Незачем было усугублять горе мистера Джемисона.

Со временем я узнал, что он регулярно навещает то, что осталось от его жены, и всякий раз приносит ей букет красных роз.

А Стив Росс, когда оперирует, почему-то больше не приглашает меня на роль анестезиолога».

Однажды профессор-травматолог Джеффри Керк принес Беннету не традиционную шоколадку, а то, чего он так давно ждал, — рентгеновские снимки.

Они вместе стали их смотреть.

— Ну, Джефф, — залихватски произнес Беннет, — могу дать свое заключение: у этого больного косточки срастаются замечательно.

Тут он дошел до последних снимков, на которых были запечатлены семь шейных позвонков.

— Ого! — удивился он. — Судя по всему, здесь дело было нешуточное. Но ты, кажется, прекрасно справился, Джефф. И когда ты намерен пустить меня назад в операционную?

Услышав ответ, он опешил.

— Понедельник тебя устроит?

Если бы не гипс, Беннет бы запрыгал от радости.

— Буду как штык, Джефф!

Но тут Керк сделал одну оговорку:

— Только, Бен, я не хочу, чтобы вся моя работа пошла насмарку. Ты будешь носить фиксирующий аппарат.

Пока аппарат не сняли, Бену приходилось довольствоваться вспомогательной миссией — в основном шить, в лучшем случае делать разрез в несложных операциях наподобие аппендицита. Физиотерапия в форме занятий сквошем пошла ему на пользу, и руки у него теперь казались даже сильнее, чем до несчастья.

В конце концов он потребовал награды за терпение.

— Сними с меня эту ерундовину, или я сам ее отвинчу! — заявил он профессору Керку. — Мне нужна полная подвижность, чтобы я мог заняться настоящим делом.

Керк нахмурился:

— Насколько я слышал, Беннет, ты уже и так им занялся. У стен есть уши, даже если это стены такого светлого помещения, как приемный покой.

— Это верно, — робко признался Беннет. — Привезли кучу пострадавших в дорожной аварии, и я был действительно нужен. Могу я теперь делать это официально?

— Можешь, — улыбнулся Керк. — По моей части ты абсолютно здоров.

— Да будет тебе, доктор! Абсолютно здоровых людей не бывает. Но я изо всех сил к этому стремлюсь.

Беннет был так счастлив приступить наконец к работе, что, надевая голубой хирургический наряд, насвистывал веселый мотивчик.

Подойдя к столу, Беннет обратил внимание, что в операционной непривычно много медперсонала. Помимо ассистирующей ему Терри Родригес там были еще двое старших хирургов и заведующий отделением.

Он сразу понял, зачем их призвали. Им надо было убедиться, что он не растерял своих навыков в результате тяжелой травмы. Навыков и воли. Беннет сказал себе, что к ситуации надо подходить как к ответственному спортивному матчу, когда все решают выдержка и хладнокровие. И решил сделать все, чтобы ничем не выказать своего волнения и сработать без ошибок.

Беннет улыбнулся коллегам и весело сказал:

— Доброе утро всем. Работа предстоит долгая, так что давайте сразу начнем.

После первых тридцати минут старшие по должности покивали друг другу и тихонько удалились. То, что хотели, они уже увидели.

Вечером ликующий Беннет позвонил Барни.

— Черт, Ландсманн, у тебя нервы железные! — восхитился приятель. — У меня бы коленки тряслись. Удивляюсь, как ты можешь

говорить, что получил от этого удовольствие?

— Доктор Ливингстон, — беспечно ответил Беннет, — непременно напиши в своей книге, что большинство хирургов от напряжения ловят кайф.

«Книга вносит самый существенный вклад в психоаналитическую мысль за последние десятилетия. Она, несомненно, займет важное место в специальной литературе».

Отзыв, напечатанный в «Американском психиатрическом журнале» — издании, редко поднимающемся до восхвалений, был воспроизведен на плакате, висящем в фойе Института психиатрии и возвещающем о предстоящей лекции, которую прочтет автор замечательной книги Морис Эстерхази.

— Ты читал? — спросил Брайс Уайзман, просунув голову в дверь кабинета.

— Нигде не могу достать, — посетовал Барни. — Не терпится почитать: автор-то — мой сосед по общежитию.

— Не завирайся, Ливингстон. Не только в Гарварде гении учатся. В объявлении сказано, что этот Эстерхази учился в Лондоне, в госпитале Модели.

— Ладно, не буду зря хвастаться. Но с этим парнем я действительно знаком. Лучше скажи: ты книгу читал?

Уайзман кивнул:

— Три ночи не спал — оторваться не мог.

— Из этого следует, что теперь ты можешь одолжить ее мне, чтобы сна лишился я.

— Конечно, вечером принесу в офис.

— Спасибо, Брайс, — обрадовался Барни. — Удивительно уже то, что книга на медицинскую тему может быть такой захватывающей. Само название вызывает интерес.

— «Законная дочь Фрейда». Звучит как роман.

Они распрощались и отправились каждый в свою клинику.

Стоял ясный зимний день, и Барни решил прогуляться до Беллвью. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями. Подумать о поразительной метаморфозе, происшедшей с Мори Истманом. Он помнил его измученным парнем, решившим свести счеты с жизнью, затем пациентом психиатрической лечебницы, где ему поджаривали

мозги электрошоком. И вот теперь, пятнадцать лет спустя, малыш Мори превратился в Мориса Эстерхази, гордость лучшего психиатрического госпиталя в мире.

Он попытался разобраться в своих сложных ощущениях. В первую очередь это, конечно, была радость за Мори. Но еще сильнее было прямо-таки нездоровое удовлетворение от того, что сын смог заткнуть за пояс всегда презиравшего и подавлявшего его отца. Несмотря на свое высокое положение в Американской психиатрической ассоциации, старший Истман никогда не издавал целой книги, хотя и имел множество научных статей. И уж конечно, он и мечтать не мог о таком успехе, какой выпал на долю Мори.

Барни сгорал от нетерпения прочесть творение давнишнего приятеля, в связи с чем даже отменил запланированный ужин в компании молоденькой докторши, недавно приехавшей из Голландии.

Соорудив себе сытный сэндвич с колбасой и сыром, он устроился в своем любимом кресле и открыл книгу.

Уже сама обложка была красноречивой. Название «Законная дочь Фрейда» имело подзаголовок: «Психология Мелани Кляйн».

В книге рассказывалось о противоречивой фигуре британского врача-психоаналитика, которая скончалась несколько лет назад. Мелани Кляйн начала свою карьеру как убежденная последовательница Фрейда, а потом увлеклась проблемами психологии детей раннего возраста, которых Фрейд считал неподходящим объектом для психоанализа.

К великому разочарованию Кляйн, патриархи психологии отвергали результаты ее исследований, почему-то не желая понять, что ее работы являются продолжением того же Фрейда, только на другом этапе. Мори же не только доказывал, что Кляйн — фрейдистка чистой воды, но и подкреплял эти выводы тонкими наблюдениями.

Когда Барни закрыл книгу, на часах было без четверти два. Он так увлекся, что не заметил, что игла проигрывателя уже давно скребет по этикетке пластинки.

На следующий день его ожидал еще один сюрприз — телефонный звонок от Фрица Баумана.

— Барни, полагаю, ты знаешь, что в будущий четверг Эстерхази читает в институте лекцию. Мы с Эльзой даем в его честь небольшой прием, и он специально попросил пригласить тебя. Сможешь прийти?

— Конечно, — ответил Барни, — и с большим удовольствием.

Никогда еще Барни не видел в актовом зале института подобного столпотворения. Здесь были люди даже из Балтимора и Йеля. Мест хватило не всем: десятка два желающих стояли в дверях, держа наготове блокноты.

Фриц Бауман представил Мори как «обладателя, пожалуй, самого нестандартного аналитического ума среди представителей своего поколения».

Мори вышел на трибуну. Барни был поражен произошедшими с ним изменениями и его британским акцентом. Закомплексованный парнишка Мори Истман превратился в современного английского профессора — длинные волосы, очки в металлической оправе, модный вельветовый костюм... Он излучал уверенность в себе.

Простота и доступность его выступления пленили аудиторию. Спокойно, невозмутимо, практически не заглядывая в записи, он изложил свою теорию детского психоанализа, произведя сильное впечатление даже на самых консервативных фрейдистов.

Отвечая на бесчисленные вопросы по окончании лекции, Мори продемонстрировал широчайшие познания в области медицины.

На ужин к Фрицу Бауману были приглашены седовласые институтские светила. Исключение составляли трое гостей. Мори и Барни было под сорок, а жене Мори, Антонии, по профессии нейробиологу, — около тридцати. Она была очень хороша собой.

Степенным англичанином Мори оставался до того момента, как увидел Барни. Тут он бесцеремонно вырвался из толпы окружавших его коллег и бросился его обнять.

— Ливингстон! Как я рад тебя видеть!

Барни, обнимая его в ответ, шепнул:

— Мори, открой секрет: небось что-нибудь очень простое, типа ежедневной овсянки?

— Нет, скорее семь лет психоанализа. И хорошая женщина, — с братской нежностью ответил тот. Потом повернулся к хозяину дома: — Доктор Бауман, вы должны гордиться тем, что в вашем институте работает такой замечательный парень.

— Завтра ты обязательно должен с нами отужинать, — продолжил Мори, — иначе я смертельно обижусь.

— Ну конечно, Мори. И я тебе подарю свою книжку. Десять экземпляров — хочешь? Все равно ее никто не покупает.

— Я ее читал и считаю, что в ней много глубоких мыслей. Антонии тоже понравилось. Не забудь надписать! Скажем спасибо. Да, и, пожалуйста, приходи не один. Ты женат?

— Я женат на своей работе, — немного сконфузясь, ответил Барни.

— Вообще-то я был уверен, что ты в конце концов женишься на красавице Лоре. Как у нее дела?

— Это долгая история, Мори.

В этот момент подошла доктор Антония Эстерхази и шепнула мужу на ухо:

— Дорогой, все шумно требуют тебя. Может, пойдешь поблистать? А я пока поговорю с Барни.

Мори поцеловал ее в щечку и вернулся к светилам психиатрии.

— Мори о вас так тепло говорит! — сказала Антония. — Насколько я поняла, вы были единственным человеком, проявившим к нему участие, когда он попал в беду.

— Ну что вы, я ничего особенного не сделал, — замахал руками Барни.

И тут Антония вдруг резко переменяла тему.

— Мы могли бы поговорить без свидетелей? — спросила она.

— Конечно.

Они вышли в столовую, где пока еще никого не было.

— Вы не знакомы с его отцом? — тихо поинтересовалась она.

— Можно сказать, нет, но по телефону мы общались. А почему вы спрашиваете?

— На следующей неделе Морис выступает в Сан-Франциско. Если честно, я боюсь, что этот мерзавец явится на лекцию. Может случиться бог знает что.

— Я вас понимаю, — поддакнул Барни. — А зачем Мори на это пошел?

— Думаю, он хочет утвердиться в собственных глазах. Но мне кажется, это игра с огнем!

«Я несостоявшийся человек».

Такой вывод сделал Барни, придя от Бауманов после того, как понаблюдал за Морисом Эстерхази, блистательным психиатром, любящим мужем и отцом, — иными словами, человеком, состоявшимся во всех отношениях.

С трудом верилось, что мужчина, которого он сегодня видел, страдал когда-то настолько выраженным маниакально-депрессивным синдромом, что подвергался лечению электрошоком.

По сравнению с Мори все, чего достиг — или не достиг — сам Барни, казалось малосущественным и поверхностным.

«Да, — сказал он себе словами Роберта Фроста, — мне еще шагать и шагать».

Беннет работал как одержимый, словно стараясь наверстать все упущенное за время болезни и не обращая внимания на уговоры своей ассистентки Терри Родригес немного побережись. Сегодня он прибыл в госпиталь около шести утра и подкрепился шоколадным печеньем и несколькими чашками кофе. При том что еще вечером он практически заучил историю болезни наизусть, Беннет все же решил просмотреть ее еще раз. Больной был тридцатидевятилетний Гарри Скэнлон, белый.

Ровно в шесть тридцать Беннет стоял у изголовья операционного стола в полном облачении.

Вежливо поздоровавшись с двумя профессорами, он, словно дирижер оркестра, метнул взгляд в сторону концертмейстера — сейчас его роль играл анестезиолог. Тот кивнул и через несколько секунд негромко доложил:

— Больной готов, доктор.

Беннет кивнул в ответ и незамедлительно приступил к делу, ловким движением произведя длинный продольный разрез брюшной стенки. Ординатор вдвоем с сестрой держали ретракторы, давая ему лучший обзор, а он начал стандартное в таких случаях исследование обнажившихся внутренних органов.

Он проверил печень на цирроз и инфильтрацию злокачественными клетками, прощупал мочевой пузырь на предмет камней и внимательно осмотрел все органы, лежащие выше поджелудочной железы. Никаких аномалий он не обнаружил. Можно было продолжать.

Беннет бережно обхватил правой ладонью выпуклую розовую селезенку, переложил ее в левую руку и подтянул к разрезу.

Выгнув шею, чтобы получше разглядеть то, что ему предстояло вырезать, он ощутил легкое покалывание в мизинцах обеих рук. Беннет не придавал этому значения, мелькнула лишь мысль, что Терри права — он слишком себя загружает. Но сейчас было не до размышлений.

Он быстро отсек артерию и вену от других окружающих тканей и сделал Терри знак наложить зажимы. Затем выставил руку и приказал:

— Ножницы.

Получив инструмент, он аккуратно отсек селезенку.

— Так, хорошо, — сказал он себе под нос. — Зажимы можно убрать.

И потянулся, чтобы снять с вены зажимающий ее инструмент.

И тут брызнула кровь. Все вокруг оказалось в крови.

Все едва слышно ахнули. Беннет был в шоке. Такой оплошности на его памяти не допускал еще никто. Но корить себя времени не было. Надо было срочно исправлять положение.

Он потребовал отсос, подтянул вену и аккуратно ее зашил. Затем небрежно бросил Терри, чтобы заканчивала, а сам направился в раздевалку, стараясь держаться уверенно, несмотря на все свое внутреннее смятение.

Он сел и попытался осмыслить, что же все-таки произошло. Быть может, дело в усталости? — успокаивал он себя. Но что это было за покалывание в пальцах?

Из задумчивости его вывел тихий стук в дверь. Раздался голос Терри Родригес:

— Беннет, ты там один?

— Да. Входи!

— Как ты? — спросила она.

— А что со мной должно быть?

— Ну, не знаю... Я подумала, ты, может, расстроился из-за этого инцидента. На самом деле ничего страшного не произошло.

— Да перестань, Терри, ты сама опытный врач и прекрасно понимаешь, что это был позор. Фильм ужасов какой-то!

Она немного помолчала:

— Через полчаса у тебя радикальная мастэктомия. Как думаешь, справишься?

— А с чего бы мне не справиться? — рассердился он.

Терри работала с ним уже год, но впервые видела, чтобы он вышел из себя.

— Ладно, ладно. Я пойду перехвачу кофе с булочкой. Тебе что-нибудь взять?

— Нет. Спасибо, Терри. Прости, что сорвался.

— Ничего страшного, — ответила она и вышла.

Впервые в жизни ему потребовалась психиатрическая помощь. По крайней мере — помощь психиатра. Он спросил у Барни, известны ли ему случаи «страха сцены» у хирургов или чего-нибудь похожего, что могло бы послужить объяснением его внезапной неловкости.

— Масса хирургов впадают в панику, — ответил Барни. — Мой партнер по консультации то и дело таких принимает. Но обычно это полная паника, они не могут даже заставить себя приблизиться к больному. Нет, Бен, не думаю, что тебе следует искать причину в голове. На твоём месте я бы как можно скорее проконсультировался у невролога.

— Барн, а ты мне не можешь устроить прием у кого-нибудь в Нью-Йорке? Я не хочу, чтобы по Йелю начали ходить разговоры, особенно под конец года.

— Послушай, Ландсманн, ведь ты разумный человек. Если страшного ничего нет — какая разница, узнают об этом или нет? А если дело серьезное, ты же сам не захочешь оперировать, прежде чем не вылечишься. Я прав?

— Боюсь, что да, — ответил Беннет, стараясь заглушить свои опасения. Черт побери, он всегда гордился тем, что был честен со своими больными. Теперь ради этих больных он должен быть честным с самим собой.

Поскольку найти утешение в психосоматической медицине не удалось, Беннет набрался мужества и пошел к профессору Керку. Симптомов было уже слишком много: боли в спине, периодическое онемение в руках и пальцах. Он сам поставил себе диагноз:

— Джефф, нарушение мышечной функции может быть связано с нервным окончанием восьмого позвонка.

Оба знали, что требуется компьютерная томография шейного отдела позвоночника, и оба заранее могли сказать, что она покажет. Из-за перелома со смещением оказалось задето нервное окончание.

Хуже того, неврологическое расстройство будет прогрессировать, если не провести срочной операции.

— Я не хочу ложиться на операцию! — взревел Беннет.

— А я не хочу оглохнуть, так что перестань орать в трубку, — ответил Барни. — Ландсманн, я тебя умоляю, ты же не хочешь остаться инвалидом? Ты прекрасно знаешь, что Керк — лучший в своем деле. Чего ты боишься, скажи!

Беннет признался:

— Я тоже хирург, ты не забыл? И мне ли не знать, что такие операции только «как правило» проходят успешно!

Антония Эстерхази сидела в зале в состоянии крайнего напряжения. Численность аудитории, собравшейся в Институте психиатрии Сан-Франциско, определялась на сей раз не только заслугами самого Мори. Многие пришли для того, чтобы стать свидетелями возможного столкновения между своим именитым коллегой Фредериком Истманом и его сыном, с которым, как всем было известно, он не поддерживал никаких отношений.

Мори уже сидел на сцене, когда один из членов совета института начал его представлять.

Глазами Мори шарил по залу, пытаясь отыскать отца. Он знал, что на правах бывшего президента совета Фред Истман должен присутствовать.

На самом деле доктор Истман занял место в дальнем уголке зала, чтобы как можно меньше людей видели выражение его лица в момент появления лектора.

Тем временем церемония представления шла своим чередом.

— Мы особенно горды тем фактом, что доктор Эстерхази родился и вырос в нашем городе и, по сути дела, имеет родственные связи с нашим институтом.

По залу пронесся нервный смешок. Все взоры были устремлены на Мори в ожидании его реакции. Но тот оставался невозмутим.

У его жены, однако, от дурного предчувствия кровь отхлынула от лица, и она неуютно заерзала в кресле.

Мори встал, приветливо улыбнулся в ответ на аплодисменты и взошел на кафедру.

— Уверен, вы все хорошо знаете песню «Сердце я оставил в Сан-Франциско», — начал он. — Я могу с уверенностью сказать, что я здесь оставил свой трехколесный велосипед. Мои коллеги-психиатры могут думать, что им угодно, но я намерен на этот раз забрать его для своих детей.

Его обезоруживающая улыбка расположила к себе зал. Напряжение спало: заезжий лектор не собирался чернить своего прославленного отца. Как и восхвалять. И вообще упоминать.

Доктор Фредерик Истман сидел по-военному прямо, с каменным лицом.

Лекция Мори встретила такой же теплый прием, как в Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне. В вопросах слушателей звучало даже больше почтения, нежели после лекций на Восточном побережье.

Наконец зал стал расходиться, вслух высказывая свое одобрение.

Но тут возникла проблема. Совет института запланировал в честь гостя торжественный ужин. Разумеется, получил приглашение и доктор Истман, причем, к его изумлению, его заверили, что Мори не возражал. Как ему сообщили, на заданный ему вопрос сын ответил коротко: «Отлично».

Прием проходил в большом доме на холме Нобхилл.

Фредерик Истман вошел в комнату и смущенно оглядел восторженную толпу, обступившую его сына.

— Доктор Истман? — обратились к нему откуда-то слева с выраженным британским акцентом.

Он обернулся и увидел очень красивую молодую женщину.

— Я Антония Эстерхази, — представилась она и протянула руку. — Вам, наверное, не терпится поговорить с Морисом? Хотите, я его вам приведу?

— Хм... Будет весьма любезно с вашей стороны.

Она заранее испросила разрешения хозяина дома воспользоваться для беседы отца с сыном каким-нибудь укромным уголком. Тот предложил для этой цели свой кабинет.

И вот под фотографией Зигмунда Фрейда Мори с отцом встретились лицом к лицу после десяти с лишним лет разлуки.

Мори видел, что отцу не по себе. Но сочувствовать ему он был не в силах. Годы занятия психоанализом очистили его душу от гнева, но прощение на его место не пришло. Пусть это будет удел святых.

Он решил, что отец должен заговорить первым. Важно было не то, что он может сказать отцу, а что отец — ему.

Фред Истман моментально догадался, что сценарий предопределен. Единственное, что он может решить сам, — как именно начать разговор. И после долгой паузы он сказал:

— Я был знаком с Мелани Кляйн. Очень умная была женщина.

— И блестящий психоаналитик, — подхватил Мори. — Жаль, что ее еще не оценили по заслугам.

Наступила пауза. Истман не был настроен на долгую беседу. Ибо, попытавшись отыскать у себя в душе какие-нибудь крохи подавленной любви к своему блистательному сыну, он не нашел ничего, кроме чувства соперничества и обиды.

Он пришел к выводу, что это следствие так и не изжитой злости на Мори, служившего живым напоминанием о той боли, которую он пережил из-за смерти жены.

И Мори, конечно, всегда это знал. Он с детства был приучен чувствовать себя в неоплатном долгу перед отцом за сам факт своего существования.

— Жена у тебя прелестная, — изрек Истман.

— Спасибо.

Снова молчание.

— Ты в своей лекции... говорил о детях. Эта шутка про велосипед...

— Да, у нас двое мальчишек.

— А-а.

И опять тишина. Теперь ее нарушил Мори:

— Знаешь, мне кажется, нам друг другу нечего сказать. — Он всячески избегал слова «отец».

— То есть ты хочешь все оставить как есть? Ты только за этим сюда приехал, Мори?

— Я сюда приехал потому, что меня пригласили выступить с лекцией. А ты был одним из слушателей.

В этот момент в дверь заглянула Антония:

— Морис, не забывай, что нам надо не опоздать на рейс в Лос-Анджелес. В одиннадцать тридцать!

Он повернулся к отцу спиной, а тот спросил:

— Ну что, Мори, теперь ты отомщен?

— Да.

— И легче тебе от этого стало?

Мори помолчал и тихо ответил:

— Нет.

Больше всего Лора любила Торонто, когда он был укутан снегом. Тогда обычный напряженный городской ритм уступал место мирной спячке. Кроме того, в отличие от Бостона, где снежинки становились серыми, едва коснувшись земли, здесь небесные перышки сохраняли непорочную чистоту, создавая ощущение первозданного покоя.

Впрочем, по снегу она ходила лишь во дворе госпиталя. Поскольку настроения вести светскую жизнь у нее не было, то и поселилась она при клинике.

Когда она приехала, то, как обычно, вызвала волнение в мужских сердцах. Но оно быстро утихло из-за ее полного безразличия. По телефону она призналась Барни, что меньше всего ей сейчас хочется заводить романы.

— У меня выработался павловский рефлекс на мужиков, которые приглашают меня на свидание: чем симпатичнее парень, тем больше шансов, что все кончится очередной душевной травмой. Так что я воплотила мечты обоих моих родителей — я одновременно и врач, и монахиня.

С недавних пор неонатологи стали присутствовать при родах, таким образом, битва за жизнь ребенка начиналась еще до его рождения. Традиционно и мать, и новорожденный находились на попечении акушера-гинеколога. Теперь же педиатры доказывали, что в критической ситуации малышу необходим свой специалист.

Состояние каждого новорожденного оценивалось по шкале Апгар, названной так по имени ее автора, доктора Вирджинии Апгар. Она включала оценку пяти решающих элементов состояния детского организма через минуту после рождения и еще раз — через пять минут. Малышу выставялось от нуля до двух баллов за частоту сердечных сокращений, цвет кожных покровов, характер дыхания, мышечный тонус и сосательный рефлекс.

Новорожденный, получивший в первый раз семь и более баллов, мог хоть сейчас начинать готовиться к Олимпийским играм. Тому же, чей балл по шкале Апгар не превышал четырех, предстояло бороться за жизнь. Ему требовалась вся возможная поддержка медицинской науки.

С каждым днем, проведенным в госпитале Куинс, Лора узнавала все больше нового, но друзей у нее не прибывало. У нее, конечно,

появились знакомые, с которыми она могла поболтать за чашкой кофе, но в целом она пользовалась репутацией строгой и холодной особы.

Она постоянно жаловалась на царящий в клинике бюрократизм, когда, чтобы доставить больного малыша от приемного покоя до педиатрического отделения, требовалось оформить массу бумаг. И всегда открыто критиковала недочеты коллег, как младших, так и старших по должности.

— Все мы люди, — однажды попробовала оправдаться перед ней медсестра реанимационного отделения. — Человеку свойственно ошибаться...

— Нет! — безапелляционно возразила Лора. — В нашем деле ошибка влечет роковые последствия.

Почему-то она разучилась спать урывками во время ночного дежурства, зато стала заполнять промежутки в работе чтением специальной литературы и набросками собственных статей.

Однажды в три часа утра она сидела в ординаторской и занималась, и тут зазвонил телефон. Звонил Кристиан Леместр, ведущий акушер родильного отделения.

— Могу я поговорить с дежурным педиатром?

— У аппарата доктор Кастельяно, — ответила она.

— А-а. — Он явно рассчитывал услышать баритон, а не сопрано.

— Доктор Леместр, чем я могу вам помочь?

— У нас тут очень сложные роды, возможно, придется делать кесарево. Вы могли бы обработать руки и через пятнадцать минут быть в операционной?

— Конечно, доктор.

Она повесила трубку, сунула ноги в туфли, залпом допила остывший кофе и побежала к лифту. Акушер уже был готов к операции. Она быстро обработала руки, переоделась и поспешила в операционную, заметив на ходу, что та часть лица Леместра, которая была видна из-под маски, в полной мере подтверждает его репутацию очень красивого мужчины.

Прошло двадцать пять минут, и Леместр извлек на свет божий крошечного мальчика. Лора нажала на хронометр и быстро перенесла младенца поближе к радиатору, где было тепло. Акушерская сестра принялась его обтирать, и Лора приступила к осмотру. Дыхание было

совсем слабенькое. А через несколько секунд она была вынуждена констатировать:

— Дыхание — ноль.

Жизнь ребенка была под угрозой, что следовало и из выставленной ею оценки:

— Апгар, одна минута — ноль.

— А я, доктор Капельяно, выставил бы один или два, — подал голос Леместр откуда-то из-за спины.

— В любом случае он совсем синий. Надо срочно интубировать и дать ему кислород. — Она крикнула сестре: — Дайте мне трубку, тройку!

— А по-моему, доктор, подойдет и два с половиной, — опять возразил Леместр.

— Номер три! — повторила Лора и, опять поворачиваясь к ребенку, пояснила: — Для своего срока он довольно крупный. У него хорошие шансы. — И опять скомандовала сестре: — Восемь с половиной сантиметров!

Когда назофареальную трубку подсоединили к вентилю прибора, Лора перевернула малыша на спинку и откинула головку так, чтобы при интубации как можно меньше повредить носик. Затем смазала малышу ноздри, чтобы трубка вошла легче.

— Дайте-ка лучше я, доктор Капельяно! — заявил Леместр начальственным тоном. — Это очень тонкая манипуляция. Если неправильно интубировать, можно повредить бронхи, и тогда...

— Я знаю, доктор Леместр! — рявкнула Лора.

«Черт, я делала это тысячу раз! Уж наверняка больше, чем ты! Но если тебе так хочется покомандовать...»

Она отошла, а сестра передала аппарат Леместру, и тот стал вводить трубку ребенку в носик. Сестра мигом вернулась с кислородным баллоном, и Леместр тут же начал подавать его в легкие малыша. Стрелка хронометра тем временем неумолимо подошла к пятиминутной отметке. Ребенок порозовел, и Лора с Леместром дружно согласились, что по шкале Апгар можно выставить семь с половиной баллов.

Акушер заулыбался:

— Все хорошо, что хорошо кончается. — И, повернувшись к неонатологу, сказал: — Дальше продолжайте вы, Лора. Если

понадоблюсь — я в кабинете. Надо бумаги заполнить.

Он передал ей кислород, кивнул сестрам, а те в унисон попрощались:

— Доброй ночи, доктор Леместр.

Тот вышел.

Сестры наводили в операционной порядок, когда Лора вдруг крикнула:

— Черт! Баллон пустой! Быстро сюда запасной!

Одна сестра побежала к стене, сняла запасной баллон и протянула Лоре. Та взяла его в руки и через секунду воскликнула:

— И этот пустой! Что это за больница такая?

Она повернулась к стоящей ближе сестре и скомандовала:

— Попробуйте мешком. — Иногда для искусственной вентиляции легких новорожденным применяют так называемый самораскрывающийся мешок. — Я сейчас вернусь.

Она бросилась из операционной, и тут у нее мелькнула мысль, что за кислородом мог бы сбегать кто-то другой, а она бы лучше осталась с ребенком. Но Лора тут же одернула себя: никто другой не осознает всей серьезности ситуации, а значит, она найдет баллон быстрее.

Сестра на посту вздрогнула, услышав из дальнего конца коридора отчаянный вопль:

— Кислород! Кто-нибудь, дайте скорее кислород!

Девушка подняла глаза и увидела, как к ней с безумным видом несетя доктор Кастельяно в зеленом операционном костюме и стерильных бахилах поверх обуви. Девушка еще только потянулась за ключом от кладовки, а Лора уже была тут как тут. Она запыхалась, глаза горели гневом.

— Сейчас, сейчас достану, доктор, — испуганно пролепетала сестра, повернулась и стала открывать дверь.

В панике она не сразу нашла нужный ключ.

— Поторопитесь, черт возьми! — прикрикнула Лора.

От резкого замечания сестра перепугалась еще больше. Лоре пришлось выхватить у нее связку, самой отпереть дверь, схватить баллон и, изо всех сил напрягаясь, волочить его до операционной.

Из-за акушерок ребенка от двери видно не было.

— Пустите! — скомандовала Лора.

Сестры расступились, и Лора увидела мальчика. Он был совершенно синий. И бездыханный.

Теперь его нельзя было оживить уже никаким количеством кислорода.

Лора каменной статуей стояла посреди операционной, прижимая к себе бесполезный баллон. Вокруг нее суетились какие-то люди. Слух улавливал обрывки фраз: «Вызовите доктора Леместра... Сообщите матери... Отвезите ребенка в морг...»

Вдруг она опять начала воспринимать окружающее: Леместр окликнул ее голосом капитана, отчитывающего нерадивого матроса:

— Доктор Кастельяно, с вами впервые случается истерика на работе?

Она промолчала.

Снисходительно усмехнувшись, он добавил:

— Быть может, вам лучше не дежурить в «критические дни»?

Лора не поддавалась на провокацию.

— Ребенок мог бы жить, — спокойным и категоричным тоном объявила она.

— Скажем так: результат мог бы оказаться более благоприятным, — согласился Леместр.

— Прекратите! — раздраженно воскликнула Лора. — Вы прекрасно знаете, что он должен был жить. В том, что случилось, виноваты врачи. Виновата больница. Неужели вы станете это отрицать, доктор Леместр?

— Доктор Кастельяно, может быть, лично вы безупречны, мне трудно судить. Но мой несколько более богатый опыт подсказывает, что нормальные люди, движимые даже лучшими из побуждений, могут совершать ошибки.

— Но не такие дурацкие ошибки, которых на сто процентов можно избежать! Это была халатность, преступная халатность!

Он сохранял невозмутимость.

— Кроме того, доктор Кастельяно, я обнаружил, что нормальным людям не нравится, когда им выговаривают дети. Если вы так опечалены случившимся, почему бы вам не поговорить с заведующим вашим отделением? Или даже моим отделением? А теперь, если позволите, меня ждет еще одна роженица с продромальными родами.

Он повернулся и не спеша пошел прочь.

Лора подумала: «Продромальные роды? Значит, ей еще часов пять мучиться. Что же ты даже не удосужился придумать какой-нибудь более правдоподобный предлог? Совсем меня дурочкой считаешь?»

И она окликнула:

— Доктор Леместр!

Он замер.

— Да, доктор Кастельяно?

— Вы родителям сообщили?

— Да. Я не из тех врачей, кто боится быть плохим гонцом. А матери дал успокоительное.

— Могу я спросить, как вы им объяснили происшедшее?

— Я сказал, что ребенок родился очень слабенький, что мы предприняли все усилия, чтобы его спасти, но результат оказался неутешительным. А вы сформулировали бы иначе, доктор Кастельяно?

Не давая ей ответить, он развернулся и шагнул к двери.

Лора осталась стоять посреди палаты, вновь переживая все случившееся. И ее напрасные усилия, и гибель малыша, и этот тяжелый разговор лишали ее способности ясно мыслить.

К ней подошла одна из операционных сестер.

— Лора, не обижайся, если я тебе скажу: доктор Леместр — очень опытный специалист. И человек хороший. Я уверена, что в глубине души он огорчен не меньше твоего. Но с нашей работой нельзя оплакивать каждого, кого не удастся спасти. Иначе свихнуться можно.

Лора молча кивнула в знак благодарности. Сестра вышла, а она подумала: «Сама ничего не понимаю, сестра. Я не свихнулась — я очень зла!»

* * *

До сих пор Лора внутренне гордилась про себя тем, что не умеет печатать на машинке. Это была еще одна составляющая ее нежелания вписываться в стереотип «настоящей женщины». Поэтому сейчас ей пришлось попросить одну из сестер, только что пришедшую на дежурство, чтобы та под ее диктовку напечатала письмо. В четырех экземплярах. Оно было адресовано не ее непосредственному начальнику, заведующему педиатрическим отделением, и не

заведующему отделением акушерства и гинекологии (хотя, конечно, они получают копии), а директору всей клиники Айвену Колдуэллу, доктору медицины.

Изложив как можно более сжато события прошедшей ночи, она спрашивала доктора Колдуэлла, нет ли возможности сделать так, чтобы подобные «глупые и трагические проявления небрежности» в дальнейшем не повторялись.

Девушка торопливо печатала, едва поспевая за Лорой. Прочитав написанное, она многозначительно заметила:

— Мне кажется, доктор Кастельяно, вы кое-что упустили.

— Что же?

— Вы не назвали своего ближайшего родственника.

— Я вас не понимаю, сестра. Я не собираюсь умирать.

Та покачала головой:

— А мне показалось иначе. Это письмо равносильно самоубийству.

Лора уже опаздывала на обход, а потому, надписав три конверта из четырех, собрала их и побежала вниз отдать на стойку приемной, после чего поспешила в педиатрическое отделение. Остаток дня она ходила как сомнамбула.

В половине шестого она наконец сменилась и пошла в буфет перекусить.

Потом, по дороге к себе, она заглянула в ячейку с корреспонденцией — не пришел ли ответ на ее заявку в Национальный институт здравоохранения в Вашингтоне. Но в ячейке была какая-то реклама, счет за телефон и конверт с надписанным от руки адресом: «Доктору Лоре Кастельяно».

Она подавила зевок и вскрыла письмо. Не успела она дочитать до конца, а сон уже как рукой сняло.

Уважаемая доктор Кастельяно!

Я был бы признателен, если бы вы нашли возможность сегодня, в семь часов вечера, зайти ко мне в кабинет. Если у вас есть другие дела, просил бы их отменить, поскольку вопрос, который я намерен с вами обсудить, не терпит отлагательства.

Искренне ваш,

*Айвен Колдуэлл, доктор
медицины, директор.*

Она бросила взгляд на часы. Шесть пятнадцать. Времени только-только, чтобы подняться к себе, принять душ и проглотить пару таблеток аспирина.

Когда Лора незадолго до семи появилась в приемной директора, ей не потребовалось называть свое имя секретарше.

— Добрый вечер, доктор Кастельяно. Входите. Я доложу доктору Колдуэллу.

Едва приоткрыв дверь, она поняла, что ее ждет далеко не конфиденциальная беседа с глазу на глаз — в кабинете было полно белых халатов. Похоже, ей предстояло сразиться с целым отрядом коллег.

— Входите, доктор Кастельяно, прошу вас, — пригласил директор и учтиво поднялся. Он один был в цивильном костюме. — Вы со всеми присутствующими знакомы?

Лора обвела кабинет глазами. Она узнала заведующего своим отделением, Леместра и его начальника, но с костлявой седовласой женщиной в очках знакома не была. Та порывисто встала и представилась:

— Я Мюриэл Конуэй, заведующая сестринским отделением.

Она улыбнулась и протянула Лоре руку.

— Пожалуйста, садитесь, доктор Кастельяно, — пригласил директор, указав на кресло в самой середине комнаты.

Лора послушно села. От усталости она даже не могла волноваться.

— Итак, — начал Колдуэлл, — полагаю, вы догадываетесь, зачем я вас пригласил.

— Думаю, да, — согласилась Лора. — Я только удивлена, что наш разговор обернулся таким... коллективным мероприятием.

— Думаю, причина станет вам ясна по ходу дела, — заверил директор. — Поскольку ваша злополучная записка затрагивает честь всех присутствующих.

— Прошу меня извинить, сэр, но я бы назвала «злополучной» описанную мною ситуацию.

Директор пропустил ее замечание мимо ушей. После чего дал, по его мнению, более верную трактовку происшедшего:

— Получив вашу записку, я провел тщательное расследование обстоятельств сегодняшнего утра, и мне совершенно ясно, что вы действовали крайне непрофессионально.

«О чем он толкует?» — подумала Лора. Она попыталась сохранять самообладание, ибо интуиция подсказывала, что Колдуэлл пытается ее спровоцировать на нервный срыв и уничтожить на месте.

Но она удивила его своим признанием:

— Я тоже об этом думала, доктор Колдуэлл, и признаю, что допустила несдержанность. Мне не нужно было в операционной давать волю эмоциям. Это никак не способствовало делу и уж конечно не вернуло бы жизнь малышу.

Она помолчала, а потом с нажимом сказала:

— Это мог сделать только кислород.

Реплика вызвала неловкое покашливание.

— В любом случае, мне жаль, что я не сдержалась.

— Очень мужественное признание, доктор Кастельяно. Спасибо вам. Но боюсь, вы упускаете из виду главный момент.

— Какой же?

— Мы все — добросовестные врачи. И все, как теперь говорят, время от времени слетали с катушек. Одна из самых тяжелых проблем нашей профессии состоит в том, что мы воспринимаем больных как близких нам людей.

Перегнувшись через стол, доктор Колдуэлл припечатал:

— Но есть непреложный закон: врач не должен спорить со своим коллегой.

— Еще раз прошу извинения, сэр, об этом нигде не написано. В клятве Гиппократов об этом не сказано ни слова.

— Доктор Кастельяно, на это замечание я отвечать не стану. Позвольте вам повторить, что есть общепризнанное правило: врач не должен подвергаться сомнению, что его коллеги руководствуются лучшими побуждениями.

— А если на ваших глазах совершается такая вопиющая ошибка, что вы не можете принять это «неписаное правило»? Если, к примеру,

действия пьяного хирурга приведут к гибели пациента, который вполне мог бы жить?

— Не доводите до абсурда, Лора. В таком случае, конечно, следует доложить его начальству.

Он сделал паузу и дождался, пока на ее лице появится облегчение. И тут нанес последний удар:

— Но только не в письменном виде!

Все снова заерзали в креслах. Директор поднялся.

— Полагаю, доктор Кастельяно, я довел до вас свою позицию. Спасибо, что пришли.

Направляясь к лифтовому холлу, Лора почувствовала, как ей на плечо опустилась рука. Она остановилась. Это был доктор Леместр.

— Лора, — с улыбкой сказал он, — вы очень красивая женщина.

— И что из этого следует?

— Что вы легко найдете себе работу на следующий год.

В конечном итоге Барни уговорил Беннета разрешить ему присутствовать при операции.

— Какая мне от тебя польза, если я буду без сознания?

— Не забывай, Ландсманн: моя специальность подсознательное. Пока они будут возиться с твоим хребтом, я поковыряюсь у тебя в голове. В любом случае, ты прекрасно знаешь, что врачи больше стараются, когда за ними наблюдают. К тому же я еще не совсем забыл неврологию.

— Извини, Ливингстон, но убедительных доводов я так и не услышал.

— Знаешь, Ландсманн, ты сейчас будешь в шоке, поскольку тебе такое понятие незнакомо: я — твой друг!

Барни победил.

Барни был рядом и шутил, когда Беннету делали предоперационный укол, и его же лицо он увидел первым, придя в себя после наркоза.

— Ну как все прошло? — сонным голосом спросил Беннет.

— Все позади, Ландсманн, — заверил Барни. — Керк говорит, снимки отличные. Теперь тебя никто не упрекнет в том, что ты бесхребетный.

Беннет немного помолчал, а потом спросил:

— Могу я подождать смеяться?

— До каких пор? — спросил Барни.

— Пока невропатолог не скажет, что я способен резать не только рождественского индюка.

— Ландсманн, — нежно сказал Барни, — сам ты индюк!

Беннет улыбнулся.

В последовавшие за операцией дни Беннет больше не улыбался. Его лицо выражало постоянную тревогу. Он знал, что все его будущее сейчас зависит от нескольких болезненных обследований, которые должен провести главный хирург Йеля Ласло Фаркаш.

Барни снова потребовал, чтобы ему разрешили присутствовать.

— Я о Фаркаше слышал, — успокаивал он приятеля. — Он считается превосходным диагностом.

На что Беннет возразил:

— Ага, а человеком — никудышным.

— Как это? — удивился Барни.

— А он никудышный и есть. Тебе небось доводилось слышать о врачах со стальными нервами? Так вот, у этого типа сердце из чугуна.

— Забудь о его личных качествах, Бен. По крайней мере, он не станет приукрашивать правду.

— Не уверен, что хочу знать эту правду, — сказал Беннет зловещим тоном.

Поначалу создавалось впечатление, что равнодушный профессор Фаркаш знает одно-единственное слово, и то на тарабарском языке. Он готовил Беннета к электромиограмме с помощью нескольких жестов, перемежающихся возгласами «ага!» на разные лады. Это исследование должно было однозначно определить степень нарушения (если оно есть) в прохождении сигналов из мозга в драгоценные ручки больного.

Беннет попросил Фаркаша разрешить ему во время процедуры посмотреть на осциллограф. Профессор ответил отрицательным жестом. Он словно говорил: «Как бы сведущ ты ни был в своей сфере, в моей области ты не специалист».

Но на самом деле на экран вполне можно было и не смотреть, поскольку и врач, и пациент, и притаившийся в углу Барни могли отчетливо слышать шипение и скрип динамика, дававшие слуховое представление о том, как передаются импульсы по периферической нервной системе Беннета.

Для Беннета эта процедура была равносильна электрическому стулу.

Хотя он не морщился от болезненных ударов, получаемых его руками, звуки, которые он слышал, подтверждали страшную правду. Барни уже высказывал опасения, что у Беннета ущемлен нерв в шейном отделе позвоночника. Он даже взял на себя смелость объявить, что инстинкт диагноста говорит ему о непоправимости ситуации.

Но пока это была лишь более или менее обоснованная врачебная гипотеза.

Теперь же все трое видели, что дела плохи.

Итак, когда Фаркаш с довольной улыбкой, поскольку его диагноз подтвердился, в очередной раз воскликнул: «Ага!» — он фактически подписал смертный приговор карьере Беннета в хирургии.

Барни настоял на том, что домой Беннета отвезет он. Впервые в жизни возражений не последовало, Беннет сел в пассажирское кресло и откинулся на подголовник.

— Голова кружится? — встревожился Барни.

— Да, — ответил Беннет. — Но это не самое страшное. Скажи мне, доктор Ливингстон, что делать хирургу, если он больше не может оперировать?

Вот в чем вопрос. Как объяснить человеку, почти двадцать лет шедшему к очередному витку своей карьеры, что все эти годы бессонных ночей, пота и крови пошли прахом под ударом полицейского сапога? И все потому, что Беннет, как представитель своей профессии, повел себя в высшей степени благородно.

Дома его ждал Хершель. Он знал, что это будет решающий день, и хотел быть рядом, когда сыну вынесут приговор.

Беннет замогильным голосом поведал ему свою новость.

— Послушай, — сказал Хершель, — это еще не конец света. Ты же остаешься врачом, сынок. Есть и другие специальности...

— Как, например, моя, — подхватил Барни. — Можно быть парализованным от шеи до пят и все равно приносить людям пользу как психиатр.

— Ну уж нет, спасибо, — горько пошутил Беннет, — твоей работой я стану заниматься только тогда, когда меня парализует выше шеи.

Барни вышел в греческую пиццерию на Хоу-стрит и принес ужин на троих. Судя по всему, пока он ходил, Хершель успел перебрать Беннету все мыслимые медицинские специальности, для которых поврежденная рука препятствием не является. Но его сын был непреклонен:

— Папа, я уже говорил тебе, что ни психотерапевтом, ни просто терапевтом я работать не хочу. А давать наркоз, пока оперирует другой, мне и вовсе будет невыносимо. Черт возьми, это же совершенно

разные вещи! И с точки зрения темперамента, кажется, мне ни одна другая специальность не подойдет.

Он взглянул на Барни:

— Ливингстон, ты был бы счастлив, занимаясь пересадкой почек?

— Ни за что! — признался Барни. И повернулся к мистеру Ландсманну: — Сэр, боюсь, что Беннет в самом деле прав. И в былые времена хирурги стояли особняком от всех других врачей. А Беннет — прирожденный хирург. У него и реакция, и настрой, и решительность в действиях! И — одержимость.

— Прекрати свою надгробную речь! — криво усмехнулся Беннет. — Побереги красноречие до того момента, как я улягусь в гроб.

Он сжал руками виски и сказал:

— Боже мой, как же болит голова! Должно быть, от наркоза. Или вы мне что-то подмешали, а? Мне нужно подышать.

Он подошел к двери на террасу и подергал ручку. Она не подавалась. Он потянул опять.

И тут понял, что ее запер Барни. Он повернулся к ДРУГУ:

— Очень предусмотрительно, Ливингстон! А тебе не кажется, что если мне вздумается покончить с собой, то я найду более удачный способ? Скальпелем я еще владею. Могу нарезать себя на тонкие ломтики.

Потом едва слышно добавил:

— Я и так уже труп.

Барни поднялся и встряхнул друга за плечи.

— Нет, Беннет, ничего подобного! Тыжив! Ты, главное, прекрати себя жалеть и сядь, поговорим. Давай лучше подумаем, что тебе теперь предпринять.

— Первым делом я подам иск на весь штат Коннектикут, — зло объявил Беннет.

— А потом?

Беннет сел и с отчаянием помотал головой.

— Не знаю, Барн, — ответил он тоном, полным безысходности. — Я в самом деле не знаю, что мне теперь делать. Помогите мне! — Он поднял голову. — Пожалуйста!

Барни уселся напротив.

Знаешь, приятель, не следует врачам лечить своих близких. А ты для меня как брат. Так что будем считать, что сеанс неофициальный.

— Ладно, Барни, — сухо ответил Бен. — Говори свое братское слово.

— Во-первых, ты действительно прекрасно знаешь медицину. И можешь превосходно работать практически в любой специальности. Это если отбросить эмоции и рассуждать рационально. Ты сейчас слишком озлоблен, Бен. А психиатрия в таких случаях предлагает только один выход.

— И какой же?

— Судебную медицину.

По лицу Беннета было видно, что Барни попал в точку.

— Барни, — смущенно вставил Хершель, — а почему ты ему именно эту сферу предлагаешь?

— Мистер Ландсманн, — ответил тот, — судебная медицина — одна из самых сложных медицинских специальностей. — Он перевел взгляд на своего друга и продолжил: — Но я знаю, что мой приятель Бен легких путей не любит. И у него все для этого есть: знания, быстрота реакции, а главное — мужество, какое требуется для решения любой загадки. Ну, что скажешь? Может, подумаешь? Это тебе посложней любой хирургии будет!

Пока Барни разъяснял особенности работы судебного медэксперта Хершелю, Беннет рассуждал про себя:

«Эй, ребята, это же означает еще три года учебы! А может, и все четыре. Зато в результате ты станешь врачом из врачей и юристом из юристов. И у тебя будет то, чего так жаждет твоя натура, — борьба».

Беннет сидел, опустив голову, а Барни с Хершелем ждали его реакции.

— Пап, ты-то как думаешь? — спросил он.

— Я не могу брать на себя смелость что-то советовать, Бен. Могу только высказать свое мнение, а ты уж сам решай. Но мне кажется, это хорошая идея. Все зависит от того, готов ли ты снова сесть за парту и начать все сначала.

— Ну, не совсем сначала, пап. Можно рассматривать это как очередную ординатуру.

— Так ты не против? — волновался Хершель.

— Пожалуй, нет. Если пойму, что у меня хватит на это духу.

— Отложи до утра, Бен, — посоветовал Барни. — За ночь ничего не изменится — только твое настроение, будем надеяться. Верно?

— Верно.

Хершель оделся и распрощался.

— Я снял номер в «Парк-Плаза». Пойду попробую поспать. На завтрак принесу вам горячих булочек. Я по дороге пекарню заметил.

Он ушел, и Беннет сказал:

— Ладно, парень, можешь идти.

— Еще чего! — возразил тот и отшутился: — Я тебе ужин купил, между прочим. Так что ты мне должен ночлег.

— Сумасшедший аналитик! Все еще подозреваешь, что я могу что-нибудь выкинуть?

— Нет, — замахал руками Барни. — Я просто не хочу, чтобы... — Он осекся. Другу надо говорить правду — Да, Ландсманн! Самый тяжелый момент для тебя еще не миновал.

— То есть?

— Тебе надо выспаться. А там только начнется...

— Что именно?

— Завтра утром ты проснешься, и надо будет взглянуть в лицо жизни. И это будет самый тяжелый момент.

— Хорошо, дружище, ты, наверное, прав.

Беннет положил другу руку на плечо, и они вместе вернулись в квартиру.

Барни спал хорошо и проснулся только в седьмом часу. Он не пытался снова уснуть, а поднялся и прошел на кухню, чтобы выпить кофе и навести порядок в собственных мыслях.

Он взглянул на террасу и увидел Бена. Тот стоял неподвижно, глядя на город.

— Привет, Ландсманн. Кофе хочешь?

Беннет не ответил. Он был в каком-то трансе.

— Занятно, — сказал он. — Отсюда виден весь госпиталь. Я на него смотрю с самого рассвета. Отсюда он почему-то похож на гигантскую гробницу. Да он такой и есть — там я похоронил лучшие десять лет моей жизни.

— Бен, у кошки девять жизней, — ответил Барни. — А ты у нас самый настоящий кот, так что восемь у тебя еще в запасе.

Бен не шевельнулся. Теперь он смотрел на трущобы, начинающиеся за больничной территорией.

Ты был прав, — тихо сказал он.

— Насчет чего? — Барни протянул ему чашку кофе.

— Я бы вчера сиганул, Барн. Значит, ты настоящий психиатр. Ты умеешь читать мысли.

— Бен, это не является профессиональным навыком. Это срабатывает только с друзьями.

— А знаешь что? — продолжал Беннет, по-прежнему глядя на спящий город. — Только три причины удержали меня от прыжка — папа, мама и ты.

Они сели пить кофе и стали обсуждать проблемы спорта.

В половине восьмого пришел Хершель. Пакет в его руках, напоминающий рог изобилия, источал запах свежей сдобы.

— Пап, ты что? — засмеялся Беннет. — На весь университет накупил? Нас же только трое.

— Не надо меня учить, — предостерег Хершель. — Я отец, а ты пока еще нет. Это мое единственное преимущество. Так что, ребятки, налетай!

И Хершель оказался прав. Через полчаса пакет был пуст.

Все это время они старательно избегали вопроса о том, принял ли Бен решение.

Наконец недавний старший ординатор хирургического отделения Йельской клиники в Нью-Хейвене объявил:

— Будет чертовски трудно. Даже не знаю, хватит ли у сорокалетнего мужика терпения одолеть все эти нудные курсы.

Хершель и Барни с облегчением переглянулись.

— Ну да ладно, — сказал Беннет. — Считайте, что я попробую.

— Молодец! — воскликнул Барни — И какое учебное заведение ты намерен почтить своим присутствием?

— Ага, — подхватил Беннет, — в том-то и фокус!

— Не понял. Я удивился Хершель.

Впервые с момента своего приговора Беннет улыбнулся:

— Ты думаешь, все ждут не дождутся, когда появится чернокожий еврей с *тремя* дипломами Гарварда?

Барни поддержал энтузиазм друга:

— Ландсманн, как я тебе завидую! Ты не только в альма матер вернешься, но и будешь в двух шагах от нашей любимой пивной!

— Нет, Ливингстон, тут ты не угадал, — подмигнул Беннет. — Я стану первым человеком в истории, который выступит в «Кубке незаконной практики» с обеих сторон!

Пока Беннет планировал возвращение на студенческую скамью, под бдительное око профессоров Гарварда, на другом краю света его бывший сокурсник строил собственные планы. Хэнку Дуайеру и двум его товарищам по развлечениям предстояло принять трудное решение.

Никсон выводил войска из Вьетнама с той же стремительностью, с какой они туда были введены. Всем троим предстояло скорое возвращение в Штаты, и они собрались вместе, чтобы обсудить, как поступить со своими вьетнамскими семьями. Один из них не был женат, у него сложностей не возникло. Он просто отвел очаровательную азиатку, успевшую родить ему сына и дочь, в американское посольство, где консульский отдел не покладая рук занимался оформлением документов новым американским гражданам, регистрацией браков и рождений и отправкой на новую родину.

Второй офицер решил вернуться в Штаты один, чтобы сначала развестись с назойливой и агрессивной женой-американкой и лишь затем вывезти свою покорную и полную обожания подругу и ребенка из этой осажденной страны. Пусть Штаты и проиграли войну, зато он открыл для себя подлинное семейное счастье.

У Хэнка ситуация была сложнее. Хотя он очень ценил Мейлин и получал удовольствие от общения с их двухгодовалым сыном Грегори (особенно потому, что он общался с ним лишь тогда, когда у него возникало такое желание), нельзя было сбрасывать со счетов и его существенный вклад в народонаселение Бостона.

Общаться с Черил на расстоянии было удобно. Но сейчас наступил момент, когда надо было или возвращаться без промедления, или не возвращаться уже никогда.

Хэнк за прошедшее время существенно изменился. Он, если можно так выразиться, познал жизнь за городской чертой. Его кругозор заметно расширился; разнообразнее стали и интересы. Теперь Черил просто не отвечала его представлению об идеальной

женщине. Однако получить развод с набожной католичкой будет довольно сложно. А учитывая наличие Мейлин и маленького Грегори, может, и вовсе нереально.

— Ребята, у меня выбора нет, — заявил он своим товарищам, — Если вы одобряете это, я бы оставил Мейлин жить здесь, а сам пока похлопотал бы с той стороны.

— Но в посольстве-то ты их зарегистрируешь? — уточнил один.

— Ну конечно, — подтвердил Хэнк. — Это же не обязывает меня их увозить?

— Нет, но ребенок будет гражданином США. А американский паспорт может оказаться весьма кстати, если мы сдадим Сайгон. Точнее — они.

Это было подобие ада. Очередь из военных и их семей растянулась далеко за пределы высокой белой ограды посольства. Дети были всех возрастов и оттенков кожи. Некоторые были совершенно белые, но с азиатскими высокими скулами и раскосыми глазами. Дети чернокожих американцев были бронзовые, как полинезийцы.

Само их число потрясало, особенно если учесть, что, по оценкам консульских работников, за документами пришло около четверти всех детишек, прижитых американскими солдатами.

Хэнку с приятелями пришлось несколько часов простоять под палящим солнцем, чтобы вверить свои неофициальные семьи попечению дядюшки Сэма.

Хэнк, разумеется, солгал. Этим искусством он уже овладел основательно. Он не стал объяснять Мейлин, что ее ожидает иная участь, нежели подруг по вилле. Ей просто придется набраться терпения, но его азиатским женщинам не занимать, в чем как раз и таится один из секретов их притягательности. Настанет день, когда Хэнк пошлет за ней гонца, и они опять будут вместе, сказал он.

Вскоре Хэнк получил официальное уведомление, что его отправляют домой. Поскольку он отслужил не один, а целых два срока, то имел полное право с почетом демобилизоваться.

Но он был слишком большим патриотом, а на самом деле слишком запутался, чтобы принять такое кардинальное решение. И, к изумлению командования, попросил перевести его куда угодно, все равно, на какую базу, лишь бы это было Западное побережье США.

Это освобождало от каких-либо обязательств во Вьетнаме и в то же время удаляло от Бостона.

Национальный институт здравоохранения — жемчужина в короне американской медицины — расположен в двадцати минутах езды от Белого дома, в Бетесе, штат Мэриленд. Комплекс включает шестьдесят три здания, из которых большинство выстроены из красного кирпича. Своей безмятежной обстановкой он напоминает студгородок.

Сама же базовая больница НИЗа представляет собой самое большое в мире кирпичное здание. В ней насчитывается ни много ни мало девять миль коридоров.

И гений здесь — обычное явление.

В этом комплексе, в лабораториях, раскинувшихся за больничным корпусом, в разное время работали не менее восьмидесяти восьми Нобелевских лауреатов. Здесь триста шестьдесят пять дней в году идут исследования, цель которых — найти оружие против рака, сердечно-сосудистых заболеваний, расстройств центральной нервной системы и других, не столь загадочных, но не менее опасных недугов.

Действительные члены институтского совета следят за теми счастливыми, кому удастся выдержать конкурс и получить исследовательский грант на два или три года. Отбор в значительной степени определяется важностью заявленной темы и мнением комиссии относительно способности заявителя решить поставленную перед собой задачу.

Мало кто из членов совета работает в больнице. В основном они сидят за кирпичными стенами своих лабораторий, прикинув к визиру электронного микроскопа в ожидании крохотного чуда. Коллеги иногда насмешливо называют их «крысиными докторами».

Тем не менее сельский врач, по сугробам спешащий за пять миль к больному в далекой сторожке, делает свое дело намного успешнее, если будет вооружен новейшим препаратом, изобретенным в какой-то из лабораторий НИЗа.

Лора Кастельяно понимала, что шансы попасть на работу в такую лабораторию у нее минимальные, потому что работа в НИЗе приравнивалась к военной службе. И любой врач предпочел бы лабораторную горелку пожару мирных вьетнамских деревень.

Однако представленный Лорой проект по нескольким причинам заинтересовал отборочную комиссию.

Те члены комиссии, кто еще думал об увеличении своей семьи, понимали, что методика раннего выявления угрозы геморрагического диатеза у недоношенных детей может оказаться весьма полезной и им самим.

Кроме того, создавалось впечатление, что проект можно осуществить в довольно сжатые сроки, а значит, он мог стать дополнительным, когда придется просить в конгрессе очередных ассигнований.

Но Лора так никогда и не узнала, насколько все-таки она была близка к отказу. Помогло ей то, что по новому закону «О равных возможностях» к заявке больше не требовалось прикладывать фотографию.

А поскольку с незапамятных времен бытует убеждение, что красота и ум несовместимы, то, имея члены комиссии представление о внешности Лоры, ей бы немедленно отказали, как безмозглой блондиночке.

* * *

В последний день июня Лора попрощалась с немногочисленными приятельницами — сестрами из реанимации и кассиршей из буфета. Потом загрузила в багажник специально купленного подержанного «шевроле» чемодан и несколько коробок книг и покинула Куинс.

Целый год Лора прожила в глубоком унынии, теперь же она чувствовала воодушевление. Может быть, Вашингтон оправдает внешнее впечатление? Может, она наконец найдет здесь свое счастье?

Вашингтон не обманул ее ожиданий. Изо дня в день она трудилась бок о бок с величайшими представителями мировой медицинской науки. Что же касается имеющихся здесь возможностей, то не было такой книги, журнала или прибора, даже самого экзотического, который нельзя было бы раздобыть в течение шестидесяти минут.

Атмосфера научных институтов также отличается от царящей в университетах и колледжах. Работающие по грантам понимают, что

время у них ограничено, а потому делают все, чтобы за этот период достичь наибольших результатов и опубликовать как можно больше работ, которые позволят им затем вернуться в свои университеты на постоянную должность.

Два педиатра, с которыми она делила лабораторию, оказались вполне приятными людьми. Оба были женаты, и весьма удачно, доказательством чего служила быстрота, с которой она получила от каждого приглашение к себе домой на ужин. Они хотели, чтобы жены лично пообщались с «бостонской красоткой», как ее называли за глаза, и убедились, что никакая опасность их семейному счастью не угрожает. И Лора прекрасно понимала, что если им придется вместе задерживаться в лаборатории, то жены должны быть уверены, что заняты они исключительно работой.

Лора самозабвенно любила педиатрию. А свидетельством того, насколько она плохо понимала самое себя, оказалась ее неспособность распознать в этой любви материнский инстинкт. А ведь ей уже было тридцать шесть. И биологические часы неумолимо шли вперед.

Ее стали мучить ужасные ночные кошмары. Лора понятия не имела, где сейчас живут Палмер с Джессикой, но знала, что вскоре после свадьбы у них родился ребенок. Он появился до срока, но весил целых восемь фунтов. В своих кошмарах она видела, как встречается с новыми мистером и миссис Тэлбот, смотрит на их малыша и кричит: «Нет, нет! Он мой! Этот ребенок мой!»

Несмотря на настойчивые уговоры Барни, она отказывалась идти к психотерапевту. Она не желала, чтобы в институте узнали о ее душевной слабости, и страшилась оказаться один на один со своими внутренними конфликтами. Ее даже посещали диковинные сны, в которых она исполняла сразу две роли: она была собственной матерью и ругала самое себя, «маленькую Лору», за то, что пережила такого ангелочка, как Исабель.

В часы бодрствования она знала только одну Лору Кастельяно, заслуживавшую ее уважения. Ту, которая в соавторстве со своим шефом Дейном Оливером накануне Рождества уже на первом году своей работы в НИЗе опубликовала статью в «Американском педиатрическом журнале». Это считалось блестящим результатом. Более того, ей предстояло выступить с этим материалом на Международном конгрессе в Мехико во второй половине января. В

телефонном разговоре с Барни она призналась: «Летаю как на крыльях!»

Так что своими научными достижениями она была довольна.

Первая международная конференция неонатологов проходила в Мехико с семнадцатого по двадцать пятое января 1974 года и обещала стать заметным событием. Когда дело касается спасения младенцев, о политических различиях как-то забывается.

В вестибюле отеля стоял разноголосый гул. Звучали все языки и наречия. Над изысканной мраморной стойкой регистрации красовался плакат по-испански: «Приветствуем спасителей малышей!» Ниже шел тот же текст на английском, французском и русском языках.

Как и ее коллеги по НИЗу, Лора была зарегистрирована заранее — одна из немногих привилегий государственных служащих. Ее ждали два послания — телеграмма, о содержании которой она догадалась не читая (пожелания успеха от Барни на исковерканном испанском), и надписанный от руки фирменный конверт отеля. Она решила, что здесь есть кто-то из старых друзей по Бостону и записка предвещает радостную встречу. Но такого она никак не ожидала:

Привет, моя дорогая маленькая докторша!

Почему ты не выступаешь на своем родном языке? Не забывай, что «Кастельяно» означает «подлинный кастилец». Обнимаю тебя и целую.

Твой любящий отец.

— Лора, что с тобой? — забеспокоился Дейн Оливер, стоявший в очереди за ключом от номера следом за ней. — Ты побледнела. Плохие новости?

Она помотала головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Должно быть, от высокогорья, — заключил Оливер. — К нему надо привыкнуть. Может, пойдешь присядешь, а я тут за тебя закончу все формальности.

Она с благодарностью кивнула и поискала глазами свободное кресло. Приземлившись, Лора попыталась навести порядок в своих мыслях. Какого черта здесь делает отец?

Как убить время до одиннадцати часов завтрашнего утра, когда назначен ее доклад?

Добравшись до номера, она кинулась звонить Барни. Безуспешно. Почему именно сегодня этот трудоголик не снимает трубку? Она позвонила по служебному номеру — может, он задержался?

Но ответил только внимательный дежурный:

— У вас что-то срочное?

«Нет, — сказала она себе, — на пейджер я передавать ничего не стану. Успокойся. Прими пару таблеток, которые ты сама себе выписываешь, и ложись спать».

Наутро она встала с небольшим головокружением. Это могло быть следствием снотворного, реакцией на высоту или результатом того, что на ужин она поела острого мяса, Лора подкрепилась чашкой кофе и заставила себя положить сахар, хотя обычно обходилась без «белого яда».

«Интересно, — подумала она, — где будет сидеть отец». Это ведь не ООН, здесь врачи, представляющие одну страну, тоже могут сидеть вместе, но алфавитный порядок для стран никто не устанавливает. Луис может оказаться где-то в конце зала. А может встать у ближней к сцене двери, чтобы наброситься на нее с жаркими медвежьими объятиями.

В любом случае, сейчас ей было не до него. С того места, где она стояла, ожидая своей очереди, было превосходно слышно все, что происходит в зале. Выступающий перед ней докладчик только что ответил на последний вопрос.

На утренней сессии председательствовал краснощекий румын, настоявший на том, чтобы представлять выступающих по-французски.

Лора собрала в кулак всю свою волю и шагнула на трибуну. Она отбарабанила доклад, ни разу не оторвав глаз от текста.

Председательствующий цветисто поблагодарил ее за выступление и предложил аудитории задавать свои вопросы. Руку вскинул молодой латиноамериканский доктор. В соответствии с протоколом он представился и назвал учреждение, от имени которого прибыл на форум:

— Хорхе Наварро, факультет педиатрии, Народный университет Гаваны.

Этого следовало ожидать. Госдепартамент предупредил их, что со стороны «левого политического лагеря» возможны разного рода провокации. Но ей и в голову не приходило, что подобное может произойти с ней лично.

Почему так получается, спрашивал добрый доктор Наварро на беглом испанском, что в Соединенных Штатах младенческая смертность среди негров и латиноамериканцев выше, чем у белых?

По аудитории пронесся шепоток, отдельные возгласы одобрения, но в основном — гул разочарования и недовольства. Даже политические сторонники Наварро не одобряли его за то, что своей пропагандистской мишенью он сделал беззащитную молодую женщину.

Лора повернулась к председательствующему:

— Мне отвечать? По-моему, вопрос не имеет никакого отношения к теме моего сообщения.

Румын либо не знал английского, либо сделал вид, что не знает. Он легонько кивнул и сказал:

— *Madame peut répondre*^[35].

«Ладно, — подумала Лора. Гнев мгновенно пересилил страх публичного выступления. — Сейчас я отвечу этому твердокаменному придурку, и не менее красноречиво!»

Она стала отвечать на том же языке, на каком был задан вопрос, причем на чистом кастильском наречии. Откуда у него эта статистика? А известно ли ему, что рождаемость среди чернокожих вдвое выше, чем у белых, а у латиноамериканцев самые большие семьи из всех этнических групп в Соединенных Штатах? (Она старательно избегала слова «Америка», поскольку представители Латинской Америки воспринимают это как проявление высокомерия.)

Она разносила его с убийственной любезностью, прибегая к формулировкам наподобие: «Не будет ли наш прославленный коллега из Республики Куба столь любезен, чтобы объяснить причину своего вопроса, не говоря уже о его актуальности?»

Наварро был не простым провокатором. Он оказался на высоте своей задачи:

— В любой так называемой развитой стране уровень младенческой смертности служит безошибочным показателем

отношения властей к будущему поколению, и особенно к этническим меньшинствам.

Аудитория оживилась в предвкушении драки, а председательствующий счел излишним лишать ее такого неожиданного удовольствия и ограничивать дискуссию рамками регламента.

— Я нахожу вашу философию весьма интересной, — сказала Лора, одновременно обдумывая свои аргументы. — И я сочувствую кубинским матерям, у которых младенцы гибнут ровно в два раза чаще, чем у наших матерей, в Соединенных Штатах. Но вы, разумеется, относитесь к развивающимся странам, — ей хотелось сказать «к недоразвитым», но она сдержалась, — и мы надеемся, что научный обмен на форумах, подобных нынешнему, позволит вам улучшить ситуацию в кратчайшие сроки.

Она замолчала, чтобы перевести дух, а неутомимый Наварро воспользовался паузой и заявил:

— Вы ушли от ответа на мой вопрос, доктор.

— Отнюдь нет, — невозмутимо возразила Лора. — Вы, кажется, пытались донести до нас ту точку зрения, что уровень смертности отражает отношение большинства нации к меньшинствам. Я вас правильно поняла?

Наварро улыбнулся и с довольным видом скрестил руки на груди.

— Совершенно правильно, доктор.

— В таком случае, доктор Наварро, как вы объясните нам, что у ваших патронов в Советском Союзе — надеюсь, вы согласны, что Россия является развитой страной с огромным этническим разнообразием, — показатели смертности в три раза выше, чем в США? На самом деле детская смертность в СССР в полтора раза выше, чем даже на Кубе.

Под одобрительные возгласы Наварро опустил в кресло.

Хотя в этот момент уже мало кто помнил содержание Лориного доклада, она сошла с трибуны под восторженные аплодисменты.

К ней подскочил Дейн Оливер, с жаром потряс руку и похлопал по спине. Всем своим видом он говорил: «Ну, мы им показали!»

Окинув взглядом зал поверх голов обступивших ее коллег, Лора наконец увидела *его*.

Это был долговязый, тощий мужчина, лишь отдаленно напомилавший Луиса, каким она его помнила. Но как только они встретились взглядами, сомнений у Лоры не осталось. Однако он не стал пробираться к дочери, а терпеливо дожидался, пока она освободится и подойдет сама. Лора проталкивалась сквозь толпу, на ходу соображая, как ей следует себя повести по отношению к отцу. К бывшему отцу? Или заблудшему?

Что делать, если он бросится ее обнимать? А если пожмет руку? Пожать в ответ, как чужому человеку? Она остановилась в паре метров от него, и Луис ласково улыбнулся. По глазам было видно, как он ею гордится. Поняв, что ближе она не подойдет, Луис заговорил по-испански.

— Доктор Кастьяно? — спросил он.

— Да, доктор Кастьяно, — ответила она.

— Как дела?

— Неплохо. Луис, ты похудел.

— Да, — согласился тот. — Это единственное, что мне не нравится в кубинской демократии. Пить, кроме рома, там нечего, а он мне до смерти надоел. Кроме того, всех госслужащих заставляют заниматься физкультурой. А работнику Минздрава пьянствовать и толстеть не полагается...

— Минздрава?

— Не удивляйся, Лора, я простой функционер. В основном занимаюсь тем, что перевожу медицинские статьи. Могу напечатать твою, если хочешь.

Их перебил голос председательствующего, усиленный громкоговорителем. Румын высокопарно представлял следующего докладчика, профессора из Милана.

— Лаурита, может, выпьем по чашечке кофе? — предложил Луис.

«Он употребляет все те же уменьшительные», — про себя отметила она.

— Почему бы нет?

Они повернулись и вышли из зала, а Лора никак не могла поверить, что это происходит на самом деле.

— Кафе внизу, — сказала она, показав рукой.

— Ты с ума сошла? — возмутился Луис. — Они здесь дерут по три доллара за чашку. *Лучше* пойдем на улицу, к народу.

Они прошли по Пасео-де-ла-Реформа и через несколько минут свернули на единственную обшарпанную улочку в этом районе, которая, мелькнуло у Лоры, соответствовала пролетарским воззрениям ее отца. Лора угадала — они сели за столик на улице, на какие-то шаткие стулья.

Луис сделал таинственный знак хозяину, стоящему за кассой. Ответный жест Лора поняла как «сейчас сделаю, Луис».

— Это мой старинный друг Хайме. Он глухой. Он мне симпатизирует, потому что я не ленюсь с ним «разговаривать». И он очень симпатизирует делу революции.

Луис внимательно разглядывал дочь, словно перед полным медицинским обследованием.

— Ты тоже похудела. На диете сидишь?

— Нет. — Она улыбнулась. — Я открыла самый надежный способ не набирать лишний вес. Он называется «бессонница».

Луис вдруг перегнулся через стол и понизил голос:

— Лора, я должен знать. Пожалуйста, скажи мне: я — дедушка? — В голосе слышалось волнение.

— Папасито, я уже даже не жена.

— О-о. Извини.

— Он оказался дерьмом, — без всякой злости пояснила Лора.

— Ну, в таком случае ты правильно сделала, что его бросила, — заявил Луис.

— Это он меня бросил, папа.

— Детка, как я тебе сочувствую! Правда! — И поспешил добавить: — А знаешь, в наше время ведь не нужно венчаться в церкви, чтобы завести детей.

Лора не знала, как реагировать. Но тут поняла, что это не совет, а преамбула к следующему сообщению.

— Лора, у тебя есть братик и сестренка. Очень славные детишки, оба.

Он произнес это обыденным тоном, как будто подобные вещи случаются каждый день. Лора почувствовала себя оскорбленной и преданной.

— А разве ты больше не женат на маме?

— Священник, наверное, тоже так бы сказал. Но на Кубе церковь теперь вроде украшения.

Лора задала вопрос, которого, она знала, он от нее ждал:

— У тебя есть фотографии твоих детей?

— А тебе правда интересно на них посмотреть? — мягко спросил Луис.

Не дожидаясь ответа, он полез в бумажник и движением картежника выложил на стол маленькие карточки. Там был и снимок Лоры вдвоем с Исабель. И еще один, где Лора была одна. Она была тронута, но взгляд уже выхватил фотографию мальчугана.

— Его зовут Эрнесто, — пояснил Луис.

— И конечно, ты называешь его Че, — догадалась она.

— Конечно, — с улыбкой кивнул Луис. — А девочку зовут... Исабель.

— Ты назвал ее в честь...

Луис кивнул:

— В знак любви, Лаурита. Надеюсь, когда-нибудь вы с ней познакомитесь.

«Интересно, где? — подумала Лора. — В парке Горького?»

— Расскажи мне о себе, Лаурита. Как ты живешь? Как жила все это время?

Она посмотрела на отца. В его взгляде читались любовь и сострадание. Впервые в жизни она поверила, что он ее любит и на самом деле хочет знать, что у нее на душе.

И она стала рассказывать все. Но сперва ей надо было поплакать.

Когда они вернулись в «Шератон», уже спускались сумерки. Вечернее заседание только что закончилось. Ее заметил Дейн Оливер, и на его лице отразилось облегчение. Она помахала, словно говоря: «Со мной все в порядке, волноваться не стоит». И повернулась к Луису:

— Это мой начальник. Я лучше пойду, а то еще подумают, что я перебежчица.

— Конечно, конечно, — кивнул отец. — Только не забывай, я тоже твоя команда. — И мимоходом заметил: — Кубинцы не в этом отеле живут.

— Надо думать! — поддакнула Лора. — Небось в какой-нибудь ночлежке? С клопами?

— Клопы, между прочим, тоже люди, — усмехнулся Луис. — Когда-нибудь они восстанут и сбросят цепи! — Тут он посмотрел на часы. — Лора, мне пора. Я и так прогуливаю. Обещай, что напишешь мне по тому адресу, что я тебе дал. Обещаешь?

Лора кивнула.

— А я обещаю, что отвечу. Я ведь могу переслать письмо через Мексику. Мне будет интересно, что у тебя нового. Только не вздумай слать мне одни статьи! Мне нужна фотография внуков! Ты меня слышишь, девочка?

Она опять кивнула. Луис крепко обнял свою старшую дочь и что-то шепнул ей на ухо. Нечто такое, о чем Лора боялась думать в своих самых сокровенных мыслях.

Она возвращалась в Вашингтон, который — чего Лора еще не понимала — при всем своем влиянии и могуществе оставался всего лишь большой деревней, правда с мраморными домами. Единственная отрасль экономики этой деревни — было государственное управление, единственная тема разговоров — политика, а единственная газета — «Вашингтон пост».

Поэтому эпизод, которому Лора не придала значения, ибо пикировка с каким-то Наварро была сущим пустяком в сравнении с новым обретением отца, — так вот этот пустяк для Вашингтона оказался лакомым куском. И к тому моменту, как она вошла в свою квартиру, телефон уже раскалился от звонков.

— Привет, Лора, это Флоренс из Института педиатрии. Ты сегодняшнюю «Пост» читала?

— Нет пока.

— Ну так загляни на четырнадцатую полосу: там Максин Чешир поет тебе дифирамбы. У тебя есть газета?

— Есть. Спасибо, Флоренс. Чуть позже прочитаю.

Лора поставила чайник, чтобы заварить себе кофе, и подняла с пола газету. Максин Чешир, властительница вашингтонских умов, сообщала из Мексики:

«На прошедшей в городе Мехико Международной медицинской конференции кубинский представитель попытался запугать молодую сотрудницу НИЗа антиамериканской пропагандистской выходкой.

Светловолосая красавица доктор Лора Кастельяно не только не дала себя в обиду, но и произнесла этому приспешнику Кастро отповедь на его родном языке. Браво, доктор Кастельяно!»

Она перечитала заметку несколько раз и попыталась понять, какие чувства она у нее вызывает. «Почему обязательно писать о моей внешности? Выходит, будь я Квазимодо, я бы этого сделать не смогла?»

Ее размышления прервал нетерпеливый свисток. К счастью, это был всего лишь чайник.

В институт она попала около часа дня. Дейна Оливера на месте не было, он успел уйти в буфет.

— Сегодня среда, проводится плановое совещание начальников подразделений, — объяснила Флоренс. — Но я уверена, он не станет возражать, если ты поприсутствуешь.

— Даже не знаю... — ответила Лора. — Я лучше подожду. Мне надо с ним увидеться как можно скорее и объяснить, что это не моя инициатива: я вовсе не охотница до дешевой популярности.

— Ты это о чем, дорогая? — не поняла Флоренс.

— Я не хочу, чтобы он думал, что газетчикам наболтала я. Я понятия не имею, откуда они пронюхали.

Флоренс поразила ее наивности.

— Да ты что, Лора! Доктор Оливер сам позвонил Максин.

— Что? Зачем?

— Конечно, чтобышний раз напомнить о нашем существовании.

— А зачем нам о себе напоминать?

— Затем, что всякий раз, как сенат голосует за наше финансирование, бывает нелишним, если кто-то из членов профильного комитета вдруг припомнит, как совсем недавно читал о нас что-то положительное. И можешь мне поверить, Лора, «Пост» в конгрессе читают все.

— А, понимаю, — сказала Лора. — Это мне напоминает, как я баллотировалась в школьный совет в старших классах. Мы тогда шли на любые трюки, чтобы мое имя звучало как можно чаще.

Выйдя из приемной директора, Лора подумала: «Это в самом деле похоже на Мидвуд, и во многих отношениях. Неужели мы уже тогда

были такие взрослые? Или мы до сих пор играем в подростковые игры?»

Сначала Лора утешала себя мыслью, что ее неожиданная известность пройдет так же быстро, как возникла Ничего «жареного» в своей перепалке с этим кубинцем она на самом деле не видела. Нет сомнения, у журналистов есть темы и поинтереснее — например, конгрессмены, застигнутые с голыми девочками в городском фонтане возле Мемориала Джефферсона.

Но приглашения все шли и шли.

В Вашингтоне, как только твое имя становится известным публике, особенно если ты связан с какой-то интеллектуальной деятельностью, тебя тут же начинают звать на приемы, чтобы определить, интересный ли ты собеседник.

И конечно, в случае с Лорой Кастельяно свою роль сыграла и внешность. Очень быстро она стала желанным гостем в любом обществе. Приятно было иметь возможность пригласить симпатичную докторшу — героиню прессы, если хозяйка дома обнаруживала, что холостяку сенатору не хватает пары на вечер.

Поначалу Лоре это нравилось. Во всяком случае, она убеждала себя, что нравится. Она могла улыбаться и блистать, демонстрировать чувство юмора и очаровывать присутствующих, и мужчин, и женщин. Иными словами, она стала «идеальной гостьей».

Но страсть Лора оставляла для работы. Производители медицинского оборудования так и вились вокруг нее, рассчитывая оказаться рядом, когда она совершит свое открытие. Хотя светская жизнь по-прежнему шла весьма бурно, возвращаясь с очередной вечеринки, она порой просила своего ухажера высадить ее ночью у института, где с удовольствием работала в тишине и покое. И в то время, как общество пережевывало подробности Уотергейта и ход следующих выборов, она упорно шла вперед. У младенческого геморрагического диатеза политической ориентации нет.

Вторая статья тоже была принята хорошо. А за ней и третья. Можно было не сомневаться, что ей продлят грант еще на один срок. Кроме того, она испытала колоссальную радость, сумев с помощью своей методики спасти нескольких новорожденных в больнице НИЗа. Она во многих отношениях могла чувствовать себя удовлетворенной.

Она добилась успеха и всеобщего восхищения. Она добилась гораздо большего, чем осмеливалась мечтать.

Все было прекрасно. Вот только счастья не было.

В кабинет Барни вошел мужчина ненамного старше его, с глубокими черными кругами под глазами.

— Мистер Энтони? — спросил Барни.

— Да, — ответил тот. — Я доктор Энтони.

Они уселись друг против друга у письменного стола, и Барни начал как обычно:

— Итак, доктор, что вас ко мне привело?

— Я терапевт, — начал Энтони. — У меня есть жена и дети, они меня любят, хотя вижу я с ними меньше, чем следовало бы. В целом я неплохой отец. И любящий муж. Иными словами, доктор, у меня нет никакой внешней причины быть недовольным своей жизнью. Я состою в редсовете «Американского журнала», и ко мне направляют больше больных, чем я могу принять.

Барни не перебивал. Не делал никаких попутных замечаний и не задавал вопросов. Пока ему было неясно, чего, собственно, не хватает этому доктору в жизни.

— Я люблю своих больных, — продолжал тот. — Я им предан, честное слово. Когда они в больнице, я каждое утро их навещаю. А если получается, то и перед сном захожу поведать.

— Это, должно быть, морально тяжело, — вставил Барни. — Особенно когда речь идет о неизлечимо больных.

Доктор кивнул:

— У меня такое опасение, что все их проблемы я взваливаю на себя. И, по правде говоря, мне все время требовался некий костыль, чтобы я мог прожить день до конца. — Он помолчал, потом смущенно пояснил: — Я принимал транквилизаторы в большом количестве.

Барни понимающе кивнул.

— Выписывали себе сами?

— Доктор, я без них не могу, — ответил Энтони. — Посмотрите на вещи шире. У каждого моего больного есть семья, которая разделяет с ним тяготы его болезни. Умножьте это на десять... нет, на двадцать, и вы получите представление о том, почему мне время от времени требуется какое-то облегчение.

Он заговорил извиняющимся тоном:

— Я не пьяница, я себя контролирую. Но мне нужно немного валиума, иначе я не проживу. Понимаете? Ради моих же больных!

— Сколько это — «немного»? — спокойно спросил Барни.

— Ну... — Он замялся. — Десять миллиграммов.

— Как часто?

— Несколько раз в день, — уклончиво ответил доктор и посмотрел на Барни.

По лицу консультанта было видно, что ответ его не удовлетворил.

— Ну, в день я в среднем принимаю от пятидесяти до шестидесяти миллиграммов.

— Обычно максимально допустимой дозировкой считается сорок, — негромко прокомментировал Барни.

— Да, я знаю.

— А поскольку он ослабляет работу центральной нервной системы, то со временем стал оказывать на вас необычный эффект.

— Нет-нет! — возразил Энтони. — Я себя хорошо чувствую. То есть... я понимаю, что превышаю дозу, но я вполне дееспособен.

Он вдруг стукнул кулаком по столу и закричал:

— Я хороший врач, черт побери! Хороший!

Барни немного выждал, после чего мягко спросил:

— Доктор Энтони, вы так и не ответили на мой вопрос. Что вас привело ко мне?

— Меня привели сюда причины, — он говорил с трудом, — в которых я сам пока не разобрался. В прошлое воскресенье — нет, две недели назад, — когда моя жена была с детьми у своей матери... — Он замолчал, потом наконец сформулировал свою проблему в пяти словах: — Я пытался покончить с собой.

Вечером Барни рассказал о докторе Энтони Лоре, правда, фамилии не назвал.

— А что его так мучает? — сочувственно произнесла Лора.

— Лора, ты не поверишь: его проблема в том, что он принимает все слишком близко к сердцу. Я прихожу к выводу, что у хороших терапевтов это вроде особой формы рака. Есть врачи, которые заковывают свои чувства в броню и обращаются с больными, как мясник — с тушами животных. И когда я вижу несчастного врача, сопереживающего своим пациентам, как этот бедолага, покушавшийся

на самоубийство, я не могу обвинять остальных, бесчувственных. Это разновидность защитной реакции.

— Ты, наверное, прав, — признала Лора — Если я дам себе волю и начну плакать по каждому недоношенному, которого не удалось спасти, я, наверное, свихнусь. Хотя это и так произойдет рано или поздно.

— Лора, — встревожился Барни, — я тебе говорил и сейчас повторяю: ты должна с кем-то проконсультроваться!

— Перестань, Барн. Ты знаешь, что я в порядке. Правда!

— Неужели? Скажи мне честно: сколько тебе нужно валиума, чтобы дожить до вечера?

Она замялась и уклончиво ответила:

— Не так много. У меня все под контролем.

«Господи, — подумал Барни, — лучше бы я эту тему не поднимал!»

К 1972 году Департамент здравоохранения добился запрета телевизионной рекламы сигарет и заставил производителей размещать на каждой пачке предупреждение о потенциальной опасности их продукта для здоровья курильщика.

Теперь, спустя два года, функционеры от здравоохранения выражали обеспокоенность в связи с опасностью, которую курение будущей матери представляет для плода. Чиновники хотели, чтобы общество осознавало, что по незнанию мать может причинить непоправимый ущерб своему ребенку. Выступление Лоры в теледебатах, посвященных этой проблеме, произвело огромное впечатление.

На сей раз в «Вашингтон пост» была напечатана ее фотография. Как Лора и подозревала, снимок вышел не очень удачный — при виде толпы папарацци она рассердилась. А со всех сторон летело: «Посмотрите сюда, Лора!» и «Пожалуйста, улыбнитесь, доктор Кастельяно!»

Они с Барни допоздна обсуждали ее выступление.

— Ты молодец, подруга, — похвалил Барни. — Смотри только нос не задирай! Не хочу, чтобы ты начала позировать для «Плейбоя».

Она рассмеялась:

— Знаешь, Барни, вообще-то, если честно, я здорово струхнула.

— Жаль, что мне не удалось тебя сфотографировать. Я тобой ужасно горжусь.

— Барни, — тихо сказала она, — ведь все мои прямые попадания были с твоей подачи!

— Ага, Кастельяно, мой хронометр показывает, что ты на целых двенадцать часов избавилась от своей заниженной самооценки. Рекорд, пожалуй, а?

Она не ответила.

— Лора, ради бога, я не подавал за тебя заявления на грант в НИЗ. Я не писал твоих статей. Может, все-таки вспомнишь, что это ты получила пятерку за курс Пфайфера. Когда ты наконец возьмешь в толк, что ты — потрясающая?

— Прекрати, Барн, не будь смешным. Пока что мое самое большое достижение в жизни — это высокий рост и светлые волосы.

— А знаешь, Кастельяно, в Калифорнии придумали, как хирургическим путем уменьшать рост. Думаю, что к Рождеству сантиметров на пятнадцать тебя смогут укоротить.

Она засмеялась:

— Спокойной ночи, Барни.

— Это еще не все.

— А что еще?

— Советую тебе покрасить волосы в какой-нибудь гадкий цвет.

Уже давно не вызывало сомнений, что грант для работы в НИЗе Лоре продлят. К чести руководства надо сказать, здесь умели разглядеть ценных сотрудников. Лора теперь вращалась в более высоких кругах, чем члены институтского совета, и запросто общалась с людьми, с которыми те виделись только раз в год, когда приходили плакаться на свою бедность и выпрашивать дополнительные ассигнования.

В то же время Лора демонстрировала подлинный командный дух и энергично лоббировала интересы НИЗа.

Она пребывала в такой эйфории, что совершила беспрецедентный поступок — собрала гостей в своей так до конца и не обставленной квартире.

При всех Лориных дарованиях кулинария в их число не входила. Здесь она целиком положила на рекомендации Милтона — владельца магазина деликатесов в торговом центре «Силвер-Спринг». В день приема Милтон загрузил машину сэндвичами, соусами и выпечкой. Он оказался настолько предусмотрительным, что даже спросил, достаточно ли у нее в доме столовых приборов, и привез несколько упаковок пластмассовых ножей и вилок.

— Ну вот, — объявил Милтон, — теперь у вас все есть. Вам остается только приготовить пунш, я в этом ничего не понимаю, и встречать гостей. Всего хорошего. Удачи вам! А я утром заеду все собрать.

— Спасибо вам, Милт, — сказала Лора. — Я ничего не забыла?

— Забыли, мэм. Не сердитесь, но, по-моему, вы забыли выйти замуж. До свидания.

Пока Лора смешивала безумное количество пунша (опыт работы в лаборатории научил ее точности пропорций), ей вдруг пришло в голову, что за все время их совместной жизни с Палмером они ни разу не принимали гостей. Да и была ли она замужем вообще?

Барни, который, конечно, получил приглашение первым, расточал похвалы:

— Кастельяно, это настоящий шаг вперед.

На самом деле даже чуткий Барни на сей раз не уловил одного нюанса: прием давался не в честь настоящей Лоры, а скорее в честь некоего имиджа доктора Лоры Кастельяно, установившегося в обществе.

Барни прилетел из Нью-Йорка утром в день приёма и помогал ей в ее приготовлениях. Заметив, как она все больше волнуется, он настоял на том, чтобы она вышла вместе с ним на пробежку.

— Итак, — спросил он на бегу, — с кем из гостей я должен быть особенно любезен?

— Ты должен быть любезен со всеми, Барн. У меня такое чувство, как будто я позвала весь город. Если все явятся, это будет примерно тысяча человек.

— Ого! Представляю себе зрелище — тысяча врачей в одной квартире!

— Эй! — предостерегла она. — Цель этого мероприятия не в том, чтобы дать тебе побольше материала для твоей книги. Просто мне

захотелось посмотреть на своих коллег, когда они напьются.

— Ладно, ладно, это тоже весьма познавательно.

* * *

Никто никогда не узнает, сколько именно человек сновало в тот вечер между Лориной квартирой на втором этаже и газоном во дворе дома.

Милтон рассчитал еду на пятьдесят гостей. В первый час все было сметено подчистую. К счастью, Лора предусмотрела, что все, кого она пригласила, большие охотники выпить. И пунш лился рекой, хотя доля водки в нем неуклонно возрастала, по мере того как иссякали запасы сока и имбирного эля.

В начале десятого к Лоре подошла Флоренс (могущественная теневая фигура педиатрической науки) и прокричала, перекрывая гам:

— Лора, ты только посмотри, здесь *все!* Ты должна быть польщена. Даже доктор Родес ради тебя оставил лабораторию.

— Он тоже здесь? Наш самый главный начальник?

Лора и забыла, что нахально забросила одно приглашение в канцелярию генерального директора исследовательского комплекса. И он пришел!

Она поискала глазами, но не нашла его. Тогда она вышла на лужайку и там увидела Родеса, который, конечно, был в центре внимания. Увидев ее, он окликнул:

— Лора, иди к нам! Какой чудесный вечер!

«Бог мой, — в ужасе подумала она, — он же пьян! Один из величайших умов мировой медицины вот-вот рухнет у меня на газоне!»

Вокруг Родеса толпились его «рыцари круглого стола». Блистательные рыцари науки, подотчетные только Господу Богу и доктору Родесу (а быть может, Родесу в первую очередь), все они были средних лет, за исключением одного, помоложе. И все поголовно были в пиджаках с галстуками, невзирая на теплую погоду. Опять же за единственным исключением: их молодой коллега был в спортивных шортах.

Лора невольно взгляделась в него. «Кто он такой, — гадала она, — что осмелился предстать перед могущественным Полом Родесом в пропотевшем теннисном костюме?» Было видно, что он явился в гости прямо с корта.

Глаза их встретились, и Лора тут же невзлюбила незнакомца. Он был интересный мужчина, загорелый, спортивный, с вьющимися каштановыми волосами и державшийся с полным сознанием собственной привлекательности.

— Здравствуйте, — сказал он. Было заметно, что он считает свой баритон необычайно сексуальным. — Я видел вашу фотографию в газетах, но боюсь, вы мою не заметили. По крайней мере — пока. Я Маршалл Джафф.

— Здравствуйте, меня зовут Лора, — вяло поздоровалась она.

— Ну что вы, вас все знают, вы же сегодня хозяйка бала и вообще — первая красавица Центра.

— А-а... — отреагировала на комплимент Лора — А чем вы занимаетесь?

— Любовью охотно.

В другой обстановке она бы отмахнулась от него, как от назойливого комара.

— Так все же чем конкретно вы занимаетесь в Центре, мистер Джафф?

— Ну, — с расстановкой начал тот, — если точнее, то доктор Джафф. А если еще точнее, то дважды доктор Джафф. У меня докторская степень по медицине и по биологии. Ну как, произвел я на вас впечатление?

— С чего бы? Здесь почти у каждого две докторские степени. Так в какой области вы работаете?

Маршалл положил руку на плечо генеральному директору и объявил:

— Пол меня только что сманил.

— Что-что?

— Видите ли, до прошлого лета я работал микробиологом в Стэнфорде. А сейчас я постоянный член совета, а следовательно, могу заниматься чем мне заблагорассудится. Хоть изобретать мышеловку новой конструкции. Но я с удовольствием займусь тем, что вы мне скажете.

Сомнений не осталось — он был до крайности самовлюблен. Но в то же время в нем было нечто чарующее. Как в гремучей змее. А раз Родес сделал его постоянным членом, значит, он действительно чего-то стоит. То есть он должен действительно быть таким блистательным ученым, каким хочет казаться.

— Прошу меня извинить, дважды доктор, мне надо налить выпить другим дважды докторам.

— Меня зовут Маршалл. Запомните, Лора!

«Делать мне нечего!» подумала она

— Харви, меня нет. Скажи ему, что я пошла обедать.

— Лора, еще только половина десятого, — возмутился ее коллега по лаборатории.

— Плевать! Скажи, что я рано обедаю. Только избавь меня от этого индюка.

Харви передал ее слова звонившему и положил трубку. Он вернулся к лабораторной установке и между делом спросил:

— Лора, а что тебе в нем так не понравилось? Я видел его у тебя, он произвел вполне приятное впечатление. А что про него говорят, ты и сама знаешь.

— А что про него говорят?

— Джафф — любимчик Пола Родеса. Он пестует его как своего приемника.

— Он же еще сопляк! — изумилась Лора.

— Во-во, — поддакнул Харви. — Это-то и самое удивительное! Ему от силы года тридцать три.

— Поразительно! — сказала Лора, а про себя отметила: «Моложе меня!» — Особенно если учесть, что менталитет у него подростковый. А кстати, что он тебе сейчас ответил?

— Сказал, что пойдет и поищет тебя в буфете.

Через тридцать минут Маршалл Джафф возник рядом с ней с бумажным кульком в руке.

— Доброе утро, Лора! — весело сказал он.

Она насупилась:

— Доктор Вундеркинд? Что вас сюда привело?

— Поскольку буфет еще закрыт, я понял, что позавтракать тебе так и не удалось, и уговорил повара Джорджа выдать мне два стакана кофе и несколько булочек.

— Благодарю. Один кофе возьму, — ответила она.

— А я тебе только один и принес. Второй — для меня. На улице чудесно. Может, выйдем на крыльцо?

— Послушай, Маршалл, не знаю, как ты, а я предпочитаю утром работать. Так что, если не возражаешь...

— Не возражаю, Лора. Но, если ты подбросишь своему организму углеводов, ты будешь работать намного эффективнее, а значит, с легкостью потом наверстаешь. Кроме того, я хотел бы услышать, как продвигается твой проект.

Они устроились на солнышке и уминали булочки с кофе.

— А откуда тебе уже так много известно о моем проекте? — спросила Лора.

— Видишь ли, я работаю с Полом, и мы каждый день по часу обсуждаем, как идут дела. Я случайно углядел у него на столе твою заявку...

— И конечно, сунул нос?

Маршалл оскорбился.

— Нет, — ответил он куда менее дерзко. — Я хоть и наглый тип, но не уотергейтского склада. Я не сую нос в чужие дела. Представь себе, Пол сам мне ее дал, чтобы узнать мое мнение.

«Ага, — подумала она, — теперь он меня очаровывает своими возможностями».

— И каково же было твое мнение, доктор Джафф?

— Самое высокое. Не сказать, чтобы это было что-то фантастическое, но проект продуманный и многообещающий в прикладном плане. А доказательством можно считать твои великолепные результаты.

Лора не услышала второй, похвальной, части его оценки, поскольку ее покорило мнение, что проект не блещет оригинальностью.

— Что ж, — сказала она себе в оправдание, — с помощью этой методики мы уже можем ставить на ноги детишек, которых каких-то полгода назад считали почти безнадежными.

— Знаю, знаю, — сказал Маршалл. — Я сам отец и могу это оценить.

— О-о... — протянула Лора, боясь признаться себе, что последняя новость ее разочаровала.

— Я женат, Лора, если это тебе интересно.

— Уверена, что твоя жена понимает, как ей повезло. А если, не дай бог, позабудет, ты ей, конечно, всегда напомнишь о своем блистательном послужном списке.

— Мы эти вещи не обсуждаем, — ответил он. Голос его внезапно зазвучал как-то глухо. Потом он просто и печально пояснил: — У нее рассеянный склероз.

— О, — извиняющимся тоном произнесла Лора. — Как ужасно, Маршалл.

— Да, — вздохнул он, — ужасно. Для детей это особенно тяжело. У Клэр бывают продолжительные периоды ремиссии, когда она чувствует себя почти хорошо. Но потом болезнь опять наступает, а для детей это равносильно тому, что мамы нет. К счастью, нам удалось найти старомодную няньку, иначе мы бы все свихнулись.

— А так ты можешь не отказываться от тенниса, — сказала Лора, сама удивляясь этой вспышке сарказма.

Он поджал губы.

— Послушай, — сказал он, — судя по всему, ты живешь уютной, обособленной жизнью. Но позволь тебя заверить, что для меня единственный способ отвлечься — это постучать ракеткой по мячу. Потому что мне приходится волочить такой груз, что если я не выгоню его с потом, то непременно сяду на таблетки. Дети и те понимают, что мне необходимо выпускать пар, чтобы не потерять рассудок.

Он понизил голос и смущенно добавил:

— И Клэр знает, что я встречаюсь с другими женщинами.

Лора была в замешательстве. Считая себя вполне современной женщиной, она тем не менее увидела в откровенных изменах Джаффа жене что-то отвратительное. Но своей честностью он ее подкупил.

Он встал:

— Ладно, доктор, перерыв окончен. Пойдем обратно, будем дальше спасать мир от чумы и эпидермофитии стопы.

— Да, — ответила Лора, все еще раздираемая противоречивыми чувствами. — Еще увидимся, Маршалл.

Он помолчал, после чего с нежностью произнес:

— Очень бы хотелось.

* * *

Весь день она не могла сосредоточиться. Как всегда, она корила себя за черствость и за то, что неверно истолковала его нагловатость. К

тому же она повела себя отнюдь не профессионально и даже не поинтересовалась, какими исследованиями занимается он. Так держать, Кастельяно, еще несколько таких бесед, и ты законченная стерва.

В очередном телефонном разговоре с Барни Лора поведала ему о Маршалле Джаффе. По мнению Барни, эти отношения изначально были лишены перспективы.

— Не важно, как ты себе это все объясняешь, но это безнадежный вариант, Лора. У тебя что, ума не хватает не трогать женатиков?

— Барн, а ты знаешь, что в Вашингтоне на одного мужчину приходится пять женщин?

— А ты знаешь, что ты в десять раз лучше среднестатистической женщины? Да если б ты только захотела, мужики бы все валялись у твоих ног!

— Но, Барни, он мне нравится! Ничего не могу с собой поделать. Я и сама не хотела, но он вызывает у меня...

— ...сочувствие? — закончил Барни.

Она не ответила. Ей не хотелось признаваться, что он почти угадал.

— Послушай, Кастельяно, мне тоже жаль этого парня. Но я обязан подумать о твоих интересах, а пока я тут не вижу для тебя никаких перспектив.

— Барни, я уже давно совершеннолетняя. Тебе нет необходимости обо мне заботиться.

— Кастельяно, если не я, то кто?

— Он очень красивый, — заявила она, словно это вытекало из предыдущей реплики.

— Знаю, знаю. Я видел его у тебя в гостях.

— И ты разглядел его в этой толпе?

— Лора, нет ничего сложного разглядеть единственного человека в шортах. Тебе это не показалось несколько вызывающим?

— Вообще-то ноги у него красивые, — отшутилась она.

— У меня тоже, — ответил Барни. — Но я не хожу в дом Фрица Баумана в баскетбольных трусах.

— А еще он один из самых умных людей из всех, кого я знаю...

— И сам без конца тебе об этом напоминает.

— Да, я согласна, самолюбование в нем точно есть. Зато мы как раз уравновешиваем друг друга.

— Ага. Он — чересчур самоуверен, а ты — чересчур не уверена в себе.

— Что-то в этом роде.

— Прости меня, Лора, но все это мне очень не нравится.

— Барн, но мне с ним хорошо! Он симпатичный — на свой лад, конечно. В любом случае, это лучше, чем ничего.

— Ладно, валяй. Снова разбивай себе сердце. Но ты хочешь подняться по эскалатору, который движется вниз. Выражаясь спортивной терминологией, счет будет не в твою пользу. Так что между сетами переведи дух и подумай, что станет с тобой лет, скажем, через пять.

Наступила пауза. Неужто послушает?

— Знаешь, что я тебе скажу, — с удивлением произнесла Лора. — Я вообще не рассчитывала, что этот роман продлится так долго.

Но она прекрасно поняла, что хотел сказать Барни. Биологические часы женского организма неумолимо отсчитывали время. И скоро ей не придется бояться случайной беременности.

«Прекрати себя жалеть, Кастельяно! Через пять недель-то не знаешь, что с тобой будет, что же загадывать на пять лет вперед?»

Наконец Лора обрела подобие душевного равновесия.

С Маршаллом у нее установились стабильные, пускай и не совсем полноценные отношения. Пару раз в неделю они вместе ужинали у нее дома (причем он учил ее готовить), иногда этому предшествовал поход на корт, играть в теннис тоже учил ее он. Как только у обоих выдавался свободный от работы вечер, он вел ее в театр или на стадион. И ей этого вполне хватало. Во всяком случае, ее не посещали мысли о том, что она могла бы стремиться к большему.

Маршалл имел страсть во всем быть первым. И когда он выбирал очередную цель, никакая земная сила не могла его остановить.

В науке он трудился не только ради наград. Он жаждал видеть, как воплощаются в жизнь его талантливые идеи. Он хотел совершить прорыв в биоинженерии и добиться такого результата, за который его станут благодарить будущие поколения.

Проработав полтора года с Родесом, он вплотную приблизился к осуществлению своей мечты.

— Лора, час близок. Уже в нынешнем году мы заставим отступить большую часть раковых заболеваний.

Доктор Родес и доктор Джафф со своим младшим персоналом из Национального института здравоохранения США готовились заключить на пять лет соглашение о сотрудничестве с профессором Тойво Карвоненом из Хельсинки и его младшим персоналом в Центральном университетском госпитале в Мейлахти. Они вплотную подошли к финальному испытанию разработанного совместно метода дифференцирования онкогенных клеток и их подавления.

— Лора, ты можешь себе это представить? Мы в пяти метрах от ворот, и мяч на нашей стороне.

От вспышек его энтузиазма ее гостиная словно озарялась новым светом.

— Мы достанем эти злокачественные опухоли с помощью генов. Разве не фантастика?

— Марш, у меня просто нет слов. Я все думаю о тех больных, которых мы потеряли, а могли бы спасти... Когда ваше открытие может быть применено на практике?

— Года через три. Может, через два, если повезет. Господи, как мне не терпится обрадовать весь мир!

Маршалл жил и дышал только своим проектом.

— Представляешь, Лора, это будет нецитотоксический механизм! Разве не поразительно?

То, что Маршалл на равных обсуждал с ней сугубо научные проблемы, придавало их отношениям еще большую привлекательность в глазах Лоры. Правда, похваляясь своими достижениями, он несколько злоупотреблял специальной терминологией, но пока что она все понимала.

Лора внутренне смирилась со своей довольно неопределенной ролью «жены на полставки». Маршалл без всякого стеснения появлялся с ней на всех институтских мероприятиях. Но она не могла отделаться от вопроса, как и с кем ее возлюбленный и доктор Родес проводят долгие вечера, когда бывают в Хельсинки.

С другой стороны, он с самого начала ей объявил, что она не должна рассчитывать на большее. И признался, что готов в один

прекрасный день услышать от нее, что она нашла себе настоящего мужа. В таком случае он обещал смиренно откланяться.

Такая постановка вопроса только сделала ее привязанность еще сильнее. У нее появилась еще одна причина им восхищаться — его великодушие.

В один прекрасный день Маршалл пригласил ее с собой в Финляндию. («Там такая чистота! Сто восемьдесят озер, и все — кристально чистые».) Он выразил надежду, что им удастся выкроить пару дней и покататься на лыжах.

— Я не умею, — сказала она.

— Лора, я тебя научу. Лучшего инструктора ты в жизни не видела!

— Да. Именно так говаривал и мой первый муж.

Они заговорили о другом. Лора всячески старалась скрыть смущение от того, что употребила это выражение — «первый муж», но понимала, что неосторожно выдала себя, а Маршалл это заметил.

Но он ничего не сказал.

Однажды поздно вечером Маршалл разбудил ее телефонным звонком. Он был в полной панике.

— Лора, мне нужна твоя помощь.

— Что случилось?

— У моего Скотта, — он говорил о своем восьмилетнем сыне, — по непонятной причине поднялась температура. Термометр зашкаливает. Ты можешь быстро приехать?

Она уже проснулась настолько, что пришла в негодование от этой его просьбы.

— Маршалл, ты отдаешь себе отчет, о чем ты меня просишь?

— Лора, сейчас не время исполнять устав. Это вопрос жизни и смерти. Ему срочно требуется опытный доктор.

— Так отвези его в больницу! — разозлилась она.

— Лора, тебе ехать ближе! А в больнице начнут всякие бумаги заполнять... Он у них успеет умереть!

Маршалл внезапно замолчал, но в трубке чувствовалась его молчаливая мольба.

— Хорошо, — вздохнула она, — сейчас приеду.

— Спасибо! Спасибо! Только поторопись, хорошо? Как ехать, знаешь?

— Марш, я хорошо знаю твой адрес, — тихо сказала она.

Она гнала машину на скорости девяносто пять миль. И одновременно пыталась успокоить разыгравшиеся нервы.

«Послушай, Лора, — говорила она себе, — ты педиатр, а этот ребенок очень болен. Твое отношение к его... родителям сейчас несущественно. Ребенку срочно требуется твоя помощь!»

Она повторяла и повторяла эти слова, как своеобразное заклинание, пока не пришла в себя. И не задышала ровнее.

Дом Джаффов стоял на Силвер-спринг сразу после съезда с трассы. Но последние восемьдесят метров надо было преодолеть по ухабистой и неосвещенной дороге. Но и тогда Лора не сбросила скорость.

Она резко остановила машину перед двухэтажным белым домом с небольшим газоном впереди. На почтовом ящике красовалась табличка «Джафф». Это был единственный дом, в котором горели все огни.

Она вышла из машины и достала с заднего сиденья сумку. На крыльце безмолвным силуэтом возник Маршалл.

— Спасибо, что так быстро примчалась. Я этого никогда не забуду, Лора. Правда!

Она молча кивнула и прошла в дом.

На лестничной площадке стоял мальчик лет пяти-шести в пижаме, он круглыми глазами уставился на незнакомую тетю.

— Пап, — встревоженно вскрикнул он, — ты сказал, что вызвал доктора. А *она* кто?

— Это и есть доктор, Донни, — успокоил его отец. — Ты лучше потихоньку пройди к Скотту и посмотри, как он там.

Лора быстро поднялась по лестнице, мечтая о шапке-невидимке, и стремительно вошла в детскую.

Маршалл успел обернуть мальчика в мокрые простыни.

Лора подошла к кровати и ласково заговорила с малышом:

— Скотт, меня зовут доктор Кастельяно. Я знаю, тебе сейчас очень жарко. А больше ничего не болит?

Мальчик не фокусировал взгляд и головой ворочал очень медленно. Лора оглянулась на Маршалла:

— Когда ты ему в последний раз ставил градусник?

— Минут пять назад. Было сорок два.

Лора пощупала пылающий лоб мальчика.

— Невероятно! — проговорила она — Быстро иди на кухню и принеси побольше льда. Спирта для дезинфекции не держишь?

Маршалл кивнул:

— В ванной у Клэр есть. Я принесу.

Она повернулась к больному и внимательно его рассмотрела. Скотт был вылитый отец.

Лора пощупала ему лимфатические узлы, они оказались сильно увеличены. Потом приложила к груди ребенка стетоскоп. Различалось только учащенное сердцебиение, так что респираторную инфекцию можно было с уверенностью исключить.

Такой жар мог быть следствием эндокардита — воспаления внутренней оболочки сердца, но пока это было всего лишь предположение. Сейчас самое главное — сбить температуру.

— Простите, доктор, — раздался в дверях женский голос.

Лора обернулась и увидела дородную женщину неопределенных лет в клетчатом халате. В руке она держала стеклянный флакон с прозрачной жидкостью.

— Доктор Джафф сказал, вам нужен спирт. — Она протянула флакон. Лора кивнула и быстро взяла. Она хотела поблагодарить, но женщина ее опередила: — Я миссис Хендерсон. Вам не нужна помощь? Пожалуйста, не стесняйтесь, доктор, а то мы совсем растерялись.

— Мне понадобится много полотенец. Салфеток, если у вас нет...

— Да-да, конечно. Я мигом.

Женщина быстро вышла. Почти тут же вошел Маршалл с ведерком льда. За ним семенил маленький Донни с крошечным ведерком, в котором тоже лежала пара кубиков.

— Хватит? — взволнованно спросил Маршалл.

— Придется выкручиваться, что же делать. А теперь быстро наполните ванну холодной водой.

— Что? А от этого не будет шока? Какой-нибудь остановки сердца или еще чего...

— Маршалл! — вспылила Лора. — Ты или доверяй мне, или нет! Если хочешь сам лечить своих родных, вперед! Но мне советов не давай!

Пристыженный, Маршалл бросился в детскую ванную и открыл кран. Потом так же быстро вернулся в комнату, чтобы помочь Лоре отнести ребенка.

— Ой-ой... — запищал Дон. — Что вы с ним делаете? Он там замерзнет!

— Дон, замолчи! — прикрикнул отец, — Надо делать то, что велит эта тетя.

Лора повернулась к перепуганному малышу и ласково сказала:

— Донни, ты нам очень поможешь, если принесешь сюда немного льда.

Но миссис Хендерсон уже стояла в дверях с ведерком.

— Спасибо, — шепнула Лора. — Мы с доктором Джаффом опустим мальчика в воду, а вы с Донни можете добавить туда лед.

Она опять повернулась к самому младшему Джаффу и улыбнулась:

— Только не на голову Скотту!

Донни вдруг перестал бояться и захихикал. Перспектива насыпать льда в ванну брату его позабавила. Они погрузили Скотта в ледяную воду, но тот только жалобно всхлипнул. Пока он лежал в воде, Лора внимательно осматривала его тельце.

— Лора, сколько еще? — забеспокоился Маршалл.

Та повернулась к миссис Хендерсон и сказала:

— Извините, пожалуйста, я, кажется, забыла свой градусник у Скотта в спальне. Вы не могли бы...

Женщина исчезла и мигом принесла термометр. Лора измерила больному температуру. Потом велела Маршаллу вынуть ребенка из воды, обтереть и отнести в постель.

— Лора, но ты же сама видела — жар у него остался!

— Тридцать девять — это уже намного легче. И не стой у меня над душой!

В детской миссис Хендерсон вдвоем с Донни принялись усердно выполнять следующее указание доктора Кастельяно — осторожно обтирать Скотта спиртом, чтобы еще больше снизить температуру. Лора с Маршаллом стояли в дверях.

— Так что ты думаешь? Что это может быть?

— Надо взять кровь и сделать полный анализ — тогда можно будет о чем-то судить.

Она взглянула на него и заметила:

— Ты как будто недоволен...

— Я беспокоюсь за него, Лора. А не может это быть ревматическое обострение?

— Не думаю.

— Ты уверена?

— А врачи когда-нибудь бывают в чем-то уверены? — с досадой ответила она. — Маршалл, неужели ты успел забыть, что мы не всеведущи?

Он опустил голову и почесал затылок.

— Извини меня, Лора, но если бы речь шла о твоём ребенке... — Он осекся.

— Я знаю, — тихо сказала она. — На самом деле самые истеричные родители, с кем мне приходится контактировать, это врачи. И ты не исключение.

— Прости, прости. Я просто потерял голову. Я не хочу на тебя давить, но все же... твоё мнение?

— Учитывая возраст, можно предположить ювенильный ревматоидный артрит.

— Ревматоидный артрит, то есть воспаление суставов?

— Ага, что-то еще помнишь из учебников? Но если это подтвердится, то в его возрасте это не очень страшно.

— А еще какие варианты? — нервно спросил он.

— Послушай, — разозлилась Лора, — я не намерена посреди ночи заниматься дифференциальной диагностикой. Не думаю, что у него что-то серьезное, скажем, бактериемия. Поверь мне: все будет хорошо. А пока давай ему детский тайленол каждые четыре часа. По две таблетки.

— А аспирин не подойдет? — нахмурился Маршалл.

— Нет, Маршалл, у детей аспирин может вызвать синдром Рейя. А если хочешь, чтобы твоему ребенку выписали убойное средство, к примеру кортикостероидного ряда, то обратись к другому врачу. А кстати, у вас педиатр-то есть?

— Вроде как есть, но я бы не доверил ему ничего серьезнее крапивницы.

— Позвони мне завтра на работу, я порекомендую тебе хороших врачей. — Она повернулась к экономке и Донни: — Не беспокойтесь,

Скотт поправится. Спасибо вам за помощь. А теперь всем спать!

Она уже совсем собралась идти, как в коридоре открылась дверь, и на пороге возникла очень бледная и худенькая женщина в розовом шелковом халате. Опираясь о дверной косяк, она спросила:

— Он поправится, доктор? Мой мальчик выздоровеет?

— Все будет в порядке, — заверила Лора. — Пожалуйста, миссис Джафф, не переживайте.

Она стала спускаться, но тут ее снова окликнули:

— Доктор?

— Да-да?

— Вы очень любезны, что согласились приехать в такой час. Мы с Маршаллом вам очень признательны.

Лора кивнула и молча проследовала к выходу.

Она села в машину, обхватила руками руль и положила на них голову.

— Боже мой! — пробормотала она. — Ну зачем я так подставляюсь?

В ушах все еще звучали обидные слова: «Если бы речь шла о твоём ребенке...»

Она завела машину и поехала домой, а мысли вихрем бушевали у нее в голове.

Но она не поддавалась искушению и не направила машину с моста на скорости сто миль в час.

Барни старался ее урезонить.

— Кастельяно, сколько раз тебе говорить, что ты попала в очень щекотливую ситуацию? Где твое самолюбие? Тебе не кажется, что ты заслуживаешь полноценной любви?

— Барн, он говорит, что любит, — слабо отбивалась Лора.

— Не сомневаюсь! Только на свой лад. Проблема в том, что ты сама себя не любишь. Почему ты не сходишь к психологу?

— Например, к Эндрю Химмерману? — хмыкнула она. — Можно было бы совместить консультации с любовными свиданиями.

— Не зубоскаль! — возмутился Барни. — Грета создала у тебя искаженное представление об этом человеке.

— Ага, ты, стало быть, теперь и сам такой? — парировала она. — Вы с ним, случаем, не из одного клуба?

Барни очень хотелось рассказать ей о том, что он узнал от Химмермана. Открыть ей глаза на «соблазнение» Греты. Но он не мог. Это была врачебная тайна. Поэтому он завершил дискуссию:

— Лора, я тебе подыщу кого-нибудь подходящего.

— Отлично. Только чтобы волосы были светлые! Блондинку может понять только блондин.

Она повесила трубку с чувством победителя в споре. Но разве это был спор? Скорее разговор с лучшим другом, жаждущим ей помочь.

Лора подавила в себе желание перезвонить. Вместо этого она набрала номер Маршалла, который засиделся у себя в лаборатории.

Он с радостью откликнулся на ее голос.

— У меня жуткое настроение! — пожаловался он. — Давай через полчаса встретимся?

«Вот-вот, — подумала Лора, — я ему нужна! Он хочет меня. Следовательно — он меня любит. Разве не это самое главное?»

У Маршалла выдался тяжелый день. Сначала секретарша отдела пожаловалась на обострение очередной тяжелой болезни («По-моему, она в свободное время читает справочник Мерка», — как-то пошутила Лора). Потом его вызвали в школу, потому что Донни «опять безобразничал».

А в довершение, вернувшись в лабораторию, он не обнаружил в корреспонденции давно ожидавшегося сверенного текста статьи Родеса и Карвонена, которая должна была сделать достоянием мировой научной общественности их потрясающее открытие.

Будучи не в состоянии сосредоточиться, он поехал в теннисный клуб, оплатил час игры с инструктором и разбил беднягу в пух и прах. Однако и вернувшись домой, чтобы поужинать с детьми, он все еще был в дурном расположении духа.

Донни попал прямо в точку, заявив:

— Папа, ты все время сердишься, а от этого аппетит портится. Может, мы лучше поедим с миссис Хендерсон?

Прекрасно, прекрасно. Сегодня у него было желание всех убить. Он поднялся к Клэр, но она уже спала и, судя по всему, просыпаться до утра не собиралась. Чувствуя себя ненужным дома, он вернулся в институт и засел в лаборатории. Но во всем отделе больше не было ни души, а от этого ему стало еще тоскливее.

В начале одиннадцатого зазвонил телефон. Лора!

— Послушай-ка, — предложил он, — давай встретимся на стоянке и поедим покатаемся.

Она с готовностью согласилась.

Маршалл сходил в туалет, умылся, причесался и направился к лестнице. Дойдя до площадки, он оглянулся. В кабинете директора горел свет. Он решил попрощаться с Родесом. Пусть отметит, что он работает допоздна...

Он постучал. Ответа не было. Он постучал опять, потом тронул ручку и увидел, что дверь не заперта. Маршалл нерешительно вошел и негромко окликнул:

— Пол? Вы где? Это я, Маршалл. Есть кто живой?

Он обвел взором кабинет. Все лампы включены, а стол завален бумагами. Должно быть, Родес вышел подышать. Надо немного подождать.

Он не смог удержаться от искушения посидеть в директорском кресле, которое рассчитывал занять уже через год. Даже если Пол застукает его с задранными на его стол кроссовками, это не страшно — у директора отменное чувство юмора, да к тому же он относился к Маршаллу прямо-таки по-отечески.

Он откинулся в кресле, про себя произнося «тронную» речь: «Добрый день, коллеги. Ваш новый директор, его величество Джафф, вступает на престол, дабы пробить на нем ближайшие тридцать лет. Кто желает, может подойти и поцеловать мой стэнфордский перстень».

Он дал волю фантазии. «Интересно, что будет потом? Может, позвонят из Белого дома? Или ООН? И может, пригласят в конгресс? Родеса постоянно куда-то зовут. А интересно, над чем это он работает посреди ночи?»

Искушение одолело его, и Джафф склонился над столом.

И хорошо сделал! На самом верху лежали гранки статьи в «Медицинском журнале Новой Англии» — те самые, которых Маршалл сегодня так ждал.

Он взял листок и попытался отыскать два абзаца, которые написал сам. «Господи, — мелькнуло у него, — где-то тут есть и мое имя».

Он испытал новый прилив возбуждения и стал искать титульный лист статьи. Нашел не сразу: листок лежал текстом вниз. Где-то после Родеса и Карвонена (или Карвонена и Родеса — он знал, что их спор на этот счет еще не закончен) должно стоять его имя, как свидетельство и его скромного вклада.

Маршалл откинулся на спинку кресла и перевел дух. Статья была поставлена в самое начало номера. Обманчиво простое название скрывало революционное значение работы. «Новый подход к применению биоинженерных методов для разрушения онкогенных клеток».

Ага, вот оно! Между Ашером Айзексом и Джеймсом Лоуэллом: «Маршалл Джафф, доктор медицины, доктор биологии».

Он завороченно уставился на буквы, упиваясь пьянящим предвкушением славы.

Тут он заметил что-то еще. В названии статьи не значилось имени Сири Такало. А где же, позвольте, Яако Фредриксен, с которым они так душевно коротали долгие финские ночи за клюквенной наливкой? Черт, ведь Яако пришел в этот проект намного раньше Джаффа! По слухам, Карвонен видел в нем своего преемника, и он вполне заслужил эту честь, ибо никогда его босс не открыл бы свою формулу, если бы его не натолкнул на это Яако.

По сути дела, если судить по гранкам статьи, никаких финнов не было в природе. А в фундаментальной медицине и подавно. Ибо в

журнале не фигурировало даже имя Тойво Карвонена, стоявшего у истоков всего проекта.

В первый момент сознание Маршалла отказалось воспринять тот факт, что Родес совершил такую подлость по отношению к коллегам. Но иного объяснения не было.

Этот сукин сын хочет перехватить мяч и лично занести его в ворота.

Раздались шаги. Пол возвращался в кабинет. «Шевелись! — приказал себе Маршалл. — Сложи гранки и переверни титульный лист, как было. И как можно дальше уйди от стола».

Сработала реакция теннисиста. Когда Родес открыл дверь, Маршалл уже стоял у стены, любуясь фотографиями босса со всевозможными знаменитостями.

— Ну что, Марш, — добродушно начал директор, что-то ты припозднился!

— У меня был скверный день, Пол, — сиплым голосом произнес он.

— Хочешь присесть и поделиться?

— Да нет, спасибо. Вы очень любезны.

— Не стоит благодарности, у меня сейчас срочных дел нет. Дело в Клэр? Хуже стало? — посочувствовал он.

— Нет-нет. Она сейчас в стабильном состоянии. Хм... Не знаю, заметили ли вы, но я отсутствовал всю вторую половину дня.

— Перестань, Маршалл, мы же тут время не отмечаем. Что-то с мальчиками?

Джафф кивнул:

— Да. Директор жалуется, что Донни хулиганит. Считает, что это может быть его реакция на... на ситуацию. Ну, вы знаете. — Голос его дрогнул — Прошу прощения, Пол, меня Лора ждет на стоянке. До завтра.

— Вот и хорошо, — улыбнулся директор. — Иди и расслабься.

— И вы тоже, — ответил Маршалл. — Не засиживайтесь!

Лора на полную мощность включила печку, чтобы не замерзнуть в машине.

— Джафф, я собралась через две минуты уезжать. Куда ты пропал?

— Послушай, Лора, — странным голосом произнес он, — мне нужно с кем-то поговорить.

— Ты имеешь в виду кого-то конкретного?

— Слушай, мне не до смеха. Мне позарез нужен твой совет;

— Тогда давай поедем ко мне и откроем бутылку сухого.

Он передернул плечами и помотал головой.

— Можно я брошу здесь машину и поеду на твоей?

— Конечно, Марш. Садись и рассказывай.

Лора была так потрясена, что с трудом следила за дорогой.

— Да... — ахнула она. — Может, все врачи в душе индивидуалисты?

— Про себя я это точно могу сказать, — признал Маршалл, — но я все же не клептоман. Понимаешь, работа Тойво для проекта имела фундаментальное значение. Пол не просто перечеркивает всю его карьеру, он перечеркивает его жизнь!

— Согласна, — ответил Лора. — Вопрос только в том, можешь ли ты это изменить.

Некоторое время они ехали молча, пока Маршалл не сформулировал вслух одну мучившую его мысль:

— Ты ведь понимаешь, что, если я выведу Родеса на чистую воду, мне НИЗа больше не видать.

— Понимаю, — тихо сказала она.

— И более того, для меня будет закрыт не только Вашингтон. С его связями он сделает меня персоной нон грата в любом университете на территории Штатов. И Австралии, куда он каждое лето ездит читать лекции.

Лора заговорила, когда они подъехали к ее дому:

— Марш, я не хочу тебе врать и говорить, что никакой это не бессмысленный героизм. Конечно, это будет поступок камикадзе. Но то, что делает Родес, пагубно отразится не только на НИЗе, но и на каждом ученом в нашей стране. Его надо как-то остановить.

— Ценой профессионального самоубийства? Полного краха надежд на Нобелевскую? Лора, у меня двое детей и тяжелобольная жена. Пособия по безработице не хватит даже, чтобы платить миссис Хендерсон.

Она строго посмотрела на него:

— Что ты хочешь сказать?

— Лора, — с серьезным видом заявил он, — твое мнение я ценю выше любого другого. Что бы ты сделала на моем месте?

Ответ прозвучал очень тихо:

— Я думаю, Марш, я бы вывела его на чистую воду.

На лестнице он спросил:

— Лора, а ты никогда не шла на компромиссы с совестью ради спасения своей шкуры?

— Нет. Во всяком случае, не припомню.

— А тот погибший младенец в Торонто?

— Я подняла шум. Начальники свое получили.

В ее голосе слышалась гордость.

— Но матери ты ведь не сказала, так?

Лора замерла. Он был прав. Она доложила капитану, но лодку не раскочакала. Никто не подал иск против клиники за непростительную ошибку и попытку ее скрыть.

— Ты прав, — признала она. — К тому же тебе надо думать о семье. Почему бы тебе просто не позвонить Тойво, а там пускай уж он сам решает? В конце концов, это его проблема.

Маршалл бросил взгляд на часы.

— Почти двенадцать. В Хельсинки около семи утра. Через час он будет в лаборатории.

Они сидели на кухне и молчали, с растущим нетерпением ожидая, когда удобно будет позвонить в Европу.

Пора. Лора взглянула на Маршалла. Тот встал и сделал глубокий вдох, желая успокоиться. Потом аккуратно набрал четырнадцатизначный номер.

— Доброе утро, это Маршалл Джафф из Вашингтона. Я...

— Можешь не продолжать, — перебил финн — Я знаю, зачем ты звонишь. Я сам зол как черт.

— Почему? — сконфузился Маршалл.

— Ты ведь звонишь насчет гранок, так?

— Ну... да.

— То есть вы их тоже до сих пор не получили? Я собирался звонить в Гарвард, этому напыщенному редактору, и устроить ему хороший разнос.

— На вашем месте я бы не стал, — нервно предостерег Маршалл. — То есть... я уже с ним связывался. Гранки придут сегодня днем.

— А чем вызвана такая задержка? Или они сочли материал недостаточно важным? Один звонок в Лондон, и «Ланцет»^[36] его с руками оторвет.

— Я знаю, Тойво, знаю. Но есть небольшая проблема...

— Это ты о чем?

— Вообще-то я гранки видел. По крайней мере первую страницу.

— И?..

Маршалл беспомощно оглянулся на Лору, словно говоря: «Может, не ввязываться?» Потом взял себя в руки и выпалил в трубку:

— Тойво, никого из финнов в соавторах нет.

— Это что — шутка?

— Хотелось бы... Пару часов назад я держал в руках единственный существующий в природе экземпляр гранок. Никто из вашего института даже не упомянут, и вы тоже.

Возникла пауза. На сей раз растерялся знаменитый ученый из клиники Мейлахти.

Профессор Тойво Карвонен всю жизнь занимался наукой и, как истинный ученый, делал выводы только из данных, полученных эмпирическим путем. А то заявление, которое он только что услышал, казалось ему необоснованным. И немислимим.

— Маршалл, мы с Полом знакомы уже больше двадцати лет. Он блистательный ученый. Зачем ему надо затевать такую глупость?

— Я вас умоляю, Тойво, я же рискую головой. Думаете, я стал бы звонить, если бы своими глазами не видел гранок?

Реакция Карвонена поразила Маршалла.

— Ай-ай-ай! — прошептал он укоризненно, как недовольный отец говорит нашалившему ребенку. Маршалл ожидал услышать град резких эпитетов на разных языках. Но их не последовало. Только негромкое и искреннее выражение признательности: — Маршалл, это очень смелый поступок с твоей стороны. Я понимаю, как ты рискуешь. Могу я для тебя сделать что-то взамен?

— Вообще-то, — ответил он полушутя, хотя в его словах была большая доля истины, — мне бы следовало попросить вас о

трудоустройстве. Как бы то ни было, мне очень жаль, что приходится вам сообщать такие вести. Что будете делать?

Финн оставался невозмутим.

— Мне нужно некоторое время, чтобы все обдумать. У вас уже, наверное, ночь? Ложись спать, а утром я тебе позвоню.

— Только не в институт, Тойво! Это может быть опасно.

— Согласен. А домой тебе можно позвонить?

Маршалл посмотрел на Лору.

— Честно говоря, я сейчас не дома, а у подруги. Лучше позвонить сюда. — Он поспешил добавить: — Она тоже врач, моя коллега по НИЗу.

— Не нужно ничего объяснять, — понимающе ответил Карвонен. — Я знаю, что у тебя дома творится. Иди и отдохни. Хювясти. — Он всегда прощался по-фински.

Маршалл повесил трубку, обнял Лору за плечи и повел ее в гостиную. Он сел на диван, откинул голову назад и пробормотал:

— Черт побери! Перед тобой ученый, который вот-вот получит волчий билет. Как думаешь, твой приятель Милтон найдет мне местечко в своем магазине?

— Давай не все сразу, — ответила она и нагнулась, чтобы стянуть с него ботинки.

— Что это ты затеяла? Лора, я в таком состоянии, что, кажется, сейчас умру. Не будешь же ты...

— Расслабься, Маршалл. Я просто хочу, чтобы ты немного поспал. Завтра у тебя будет трудный день.

Она подняла ему ноги на диван.

— Лора, — пробурчал он, устраиваясь поудобнее, — для меня ближайшие тридцать лет теперь будут сплошным «трудным днем». — Он потянулся к ней, чтобы поцеловать, и добавил: — Что бы я без тебя делал?

«Скорее всего, вполне бы процветал», — подумала она, уже жалея о том, что спровоцировала его на героизм.

Она взглянула на него сверху вниз. Он крепко спал.

Проснувшись, Маршалл принялся мерить комнату шагами.

— С тобой все в порядке? — встревожилась Лора.

— Да. Если не считать того, что я возбужден, зол и нахожусь в ступоре.

Она подошла к нему и обняла.

— Джафф, ничего не бойся. Справедливость восторжествует.

— И ты в это веришь?

— Я верю в тебя, — сказала она, стараясь не показывать своего беспокойства.

Почувствовав поддержку, он приготовился действовать.

— Послушай, мне надо показаться дома, а затем засветиться в институте, чтобы все увидели мою невинную физиономию.

Потом он робко взглянул на Лору и спросил:

— Ты могла бы дождаться звонка Тойво?

— А мне, считаешь, нет необходимости показать общественности *свою* невинную физиономию?

— Лора, не волнуйся. Никому и в голову не придет, что ты в курсе. Скажись больной. Придумай что-нибудь. Если придут какие-нибудь важные новости от Тойво, приезжай в институт, мы с тобой прогуляемся.

— Маршалл, я боюсь, — призналась она.

— А я? Я уже жалею, что повел себя как Джордж Вашингтон. Понимаешь, это ведь у Карвонена голова должна болеть! Если найду телефон, с которого можно говорить, я тебе позвоню.

Он с жаром прижал ее к себе и вышел. Потом резко остановился, обернулся и сказал:

— Если вчера я забыл тебе сказать, что люблю, считай, что говорю это сейчас.

Он ушел, а Лора осталась выхаживать из угла в угол, как взволнованный папаша у дверей родильной палаты.

Вдруг зазвонил телефон.

— Плохие новости, Лора, — сообщил Маршалл. Он звонил из уличного телефона-автомата. — Он еще не объявлялся?

— Нет.

— В таком случае все пропало. Родес только что созвал пресс-конференцию на вторую половину дня. А вечером — банкет. Так или иначе, если Тойво позвонит, скажи, что мы сделали все, что могли.

Лора пришла в смятение.

Она направилась на балкон, чтобы глотнуть свежего воздуха, и тут опять зазвонил телефон. Она бросилась к трубке.

— Да? — запыхавшись, ответила она.

— Здравствуйте, — сказали откуда-то с другого конца света. — Это Карвонен. Я правильно набрал номер?

— Да, профессор, я — коллега Маршалла.

— Отлично. Пожалуйста, передайте ему, что все устроилось.

— Я вас не понимаю, сэр, — удивилась Лора. — Мне только что звонил Маршалл и сказал, что Родес сегодня проводит пресс-конференцию.

— Знаю, знаю, — добродушно усмехнулся финн — Мы с Полом уже обсудили эту тему по телефону. — После секундной паузы он пояснил: — Моя пресс-конференция прошла час назад.

— Что?!

— Да-да. И пожалуйста, передайте своему бесстрашному другу Маршаллу, что мне удалось собрать весьма влиятельную прессу и в полдень по нашему времени обнародовать наше открытие. В Вашингтоне, как вы сами понимаете, было еще пять утра. Мой секретарь сообщил мне, что присутствовали не только телеграфные агентства, но и «Нью-Йорк таймс» И даже ТАСС и Синьхуа.

— Потрясающе! Я никак в себя не приду от того, что вы рассказываете! — в волнении воскликнула Лора. — Но как вам удалось так быстро собрать столько людей?

— Мисс... простите, не знаю вашего имени...

— Лора Кастельяно, сэр. Доктор Кастельяно, если точнее.

— Так вот, доктор, насколько я понимаю, взаимоотношения прессы и медицины — область для вас незнакомая. Знаете, что способно привлечь любого журналиста?

— Бесплатная выпивка? — слабо пошутила она.

— Нет, моя дорогая леди. Рак. Во всем свете не сыщете более мощной приманки.

От его неожиданного цинизма Лора опешила. Со слов Маршалла она представляла себе финского профессора эдаким добродушным

Санта-Клаусом в белом халате.

— Сэр, а доктор Родес об этом знает?

— Разумеется, — ответил тот. — Я проявил максимум коллективизма и честности. Я звонил ему домой. Жаль было его будить, но думаю, он оценил мою открытость. В любом случае, в Вашингтоне еще была ночь, и что ему оставалось делать, как не смириться? А вы передайте от меня горячий привет вашему бесстрашному юноше. Хювясти!

В четыре часа сто с лишним самых выдающихся ученых, а также внушительная армия репортеров и фотографов собрались в актовом зале НИЗа, чтобы выслушать сообщение генерального директора о сенсационном открытии Родеса — Карвонена. Точнее сказать, не сообщение, а повтор выступления финского коллеги, уже растиражированного ведущими информационными агентствами мира. Затем все собравшиеся выпили за здоровье обоих ученых и благодетельствованного ими человечества.

Вновь обретя уверенность в себе, чему немало способствовало выпитое шампанское, Маршалл взобрался на сцену, расцеловал доктора Родеса и с жаром потряс ему руку.

— Пол, это великий день! — воскликнул он и добавил без всякой иронии: — Для всех нас.

— Спасибо, Маршалл, — бодро ответил Родес и тихонько шепнул:

— Не заглянешь ко мне часиков в шесть?

— Конечно, что за вопрос! — беззаботно ответил Маршалл и отправился на поиски Лоры.

Родес его ждал, опершись о край стола. Маршалл вошел и занял свое обычное место.

Директор стоял молча, изучая его, словно прищипленного булавкой мотылька.

После продолжительного молчания он спросил:

— Зачем?

— Не понял...

— Перестань притворяться, Джафф. Только ты мог ему настучать. Гранки существовали в единственном экземпляре, и этот экземпляр

лежал у меня на столе. Кстати, Тойво тебе зарплату не платит?

Маршалл не удостоил ответом столь гнусный намек.

Родес недоуменно покачал головой:

— Убей меня, не пойму, как такой амбициозный сукин сын, как ты, смог сделать подобное.

— По правде сказать, я и сам не понимаю, — признался Маршалл. — Считайте это минутным помрачением. Приступом порядочности. Я, как вам известно, участвовал в проекте и отлично знаю, какой вклад в него внес Тойво.

В глазах Родеса появилось сострадание.

— Не могу поверить, чтобы такой умный парень не знал правил игры. Когда я был в аспирантуре в Технологическом, мои руководители издали обе мои работы, даже не упоминая моего имени. Это как расплата за ученичество.

— Да будет вам, Пол! Карвонен-то не ученик. А с моралью у него все в порядке. Извините, если я вас подвел, поступив по совести. Я могу идти?

— Когда я тебя отпущу, Джафф! — отрезал директор. — Я не хотел бы, чтобы ты ушел с мыслью, что чего-то добился. Статья, конечно, выйдет за подписью всех твоих закадычных дружков-финнов. — Он выдержал паузу для большего эффекта. — Я только хотел тебе сообщить, что патенты все зарегистрированы на меня.

— Что?!

— Слава — это только половина дела, мой мальчик. Нельзя уйти на пенсию и почивать на лаврах. Намного приятнее почивать на отчислениях. И должен тебе доложить, последние три часа мой телефон не умолкает ни на миг. Нет такого фармацевтического концерна — от Швейцарии до Японии, — который уже не предложил бы мне контракт на фантастических условиях.

Маршалл пожал плечами. «Черт! — подумал он. — Карвонен все равно с носом. Вот и весь мой альтруизм».

Он посмотрел на Родеса.

— А теперь, господин директор, если вы меня извините...

— Извинить? — взвился тот. — Мой милый Маршалл, с завтрашнего дня ты уже здесь не работаешь. Иди и освобождай кабинет. То есть забирай свои вещи. Я попросил капитана Стивенса из

охраны помочь тебе отделить твои пожитки от собственности дядюшки Сэма. После полуночи тебя даже как туриста сюда не пустят.

Маршалл повернулся к выходу, и только тут до него дошла вся тяжесть нанесенного ему удара.

Но это было еще не все.

— Джафф, я хочу сказать, что мне очень жаль твою жену. Тебе бы следовало подумать...

— Не нужно, Пол. Клэр не нуждается в вашем сочувствии. Она, может, и лишилась здоровья, но порядочность осталась при ней. Так что от лица всей своей семьи я желаю вам идти ко всем чертям.

— И от лица доктора Кастельяно, я полагаю?

Маршалл взбесился:

— Лора тут ни при чем, Пол. Вы же не станете наказывать и ее?

— Думаешь, не стоит? По чистой случайности я узнал, что она сегодня утром не вышла на работу, сославшись на болезнь. А поскольку к вечеру она расцвела пуще обычного, я полагаю, есть основания считать ее сообщницей твоего предательства. К несчастью, на данный момент ее мордашка слишком тесно ассоциируется с нашим Центром. Но можешь не волноваться, я найду выход.

* * *

Лора дожидалась его в опустевшем банкетном зале. Сидя рядом, они обсуждали случившееся, а официанты убирали со столов.

Она нежно коснулась его плеча:

— Марш, я знаю, что у тебя сейчас на душе творится. Я чувствую себя виноватой в том, что подбила тебя на это. Я и подумать не могла, что Родес зайдет так далеко. Но клянусь тебе, ты снова встанешь на ноги.

— Спасибо, малыш, — сказал он с горестной улыбкой. — Не хочешь мне помочь со сборами?

Она кивнула, и они направились к нему в кабинет.

Капитан Клайд Стивенс с сигаретой в зубах невозмутимо наблюдал, как они собирают вещи Маршалла.

Время от времени Маршалл подносил к его носу бумажку и спрашивал:

— Капитан, это таблица результатов моих матчей по теннису с постоянными членами совета и кандидатами, а также выигранные мною суммы. Это не составляет государственной тайны, сэр?

Капитан, искренне огорченный внезапным увольнением молодого ученого, ничего не понимал и злился на начальство за это неприятное поручение.

— Бросьте, доктор Джафф, — отбивался он, — мне все равно, даже если вы заберете с собой бумагу из всех туалетов.

— Неплохая мысль! — пошутила Лора, желая снять напряжение.

— Ну, нет! — запротестовал Маршалл. — Это означало бы лишить доктора Родеса бумаги для написания его статей.

Капитан Стивенс изо всех сил прятал улыбку.

Взяв в руки настольную визитницу, Маршалл подумал, не попросить ли охранника просмотреть телефонные номера на предмет не подлежащих разглашению. Но тут его осенила другая идея.

— Лора, — окликнул он, — у меня сегодня последний шанс позвонить за казенный счет. Надо бы предупредить Карвонена о той свинье, которую ему подложили.

Она кивнула:

— Отличная идея.

Он повернулся к Стивенсу и объявил:

— Капитан, даю честное слово: звоню по служебным делам.

Офицер жестом разрешил.

В Хельсинки было раннее утро, и Маршаллу пришлось звонить Карвонену домой.

— Маршалл, уверяю тебя, — бодрым голосом заявил тот, — я уже давно на ногах. Я сижу в кабинете и делаю кое-какие расчеты. Не сомневаюсь, ты звонишь сказать, что уволен. И надеюсь, ты понимаешь, что в моем институте тебя примут с распростертыми объятиями.

Маршалл поежился.

— Тойво, боюсь, у меня для вас снова плохие новости. Три месяца назад Родес все запатентовал на себя. Кажется, мы его недооценили.

Карвонен рассмеялся.

— Тойво, что с вами?

— Все отлично, мой мальчик, я в полном порядке, — весело сказал он. — Лично я оформил патент еще полгода назад. Родесу об этом не сообщили, потому что требуется время на прохождение процедуры.

Маршалл опешил. А потом вскипел.

— Тойво, — сказал он, с трудом сдерживая возмущение, — вы хотите сказать, что к тому моменту, как я, рискуя шкурой, предупредил вас, что Родес вас надувает, вы его сами успели надуть?

— Именно так, мой дорогой Маршалл! Но это никак не меняет того факта, что я тебе крайне признателен за принесенную жертву. Закон джунглей. И в науке он более суров, чем где бы то ни было. Пожалуйста, не пропадай. Хювясти.

Ничего подобного Лора еще не испытывала.

Чрезвычайно огорченная, она в то же время ощущала странное удовлетворение оттого, что могла быть рядом с Маршаллом в столь тягостную для него минуту. Всю ночь она не выпускала его из объятий.

Встали они рано, выпили кофе и разошлись: она — в лабораторию, он — домой.

Личная секретарша Родеса поинтересовалась по телефону, удобно ли доктору Кастельяно заглянуть эдак часика в четыре?

Как ни странно, она не огорчилась. Она убедила себя, что ее могут вызывать по какому-то административному вопросу, например в связи с предоставлением ей нового гранта.

Она пришла за три минуты до назначенного времени, и секретарша тут же проводила ее в кабинет генерального.

— Добрый день, доктор Кастельяно, — отеческим тоном поздоровался Родес. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Она невольно обратила внимание, что он назвал ее по фамилии.

— Полагаю, доктор Кастельяно, вы догадываетесь, зачем я вас пригласил?

— Наверное, в связи с моей новой заявкой?

— В каком-то смысле, — поддакнул он.

Родес потер лоб, изображая озабоченность.

— Даже не знаю, доктор Кастельяно, как вам об этом сказать. Понимаете, я, а точнее — мы все уже привыкли к тому, что вы

занимаете особое место в нашей научной плеяде.

— Перестаньте ходить вокруг да около, — спокойно отрезала она. — Скажите прямо, чем я провинилась.

— Провинились? Я бы не стал употреблять это слово. Просто... просто мы не имеем возможности предоставить вам грант еще на три года.

— А-а.

— Тут нет ничего личного, обычный конкурс, как вы понимаете.

— Ну разумеется.

— И насколько вам известно, мы обычно сообщаем сотрудникам свое решение весной, чтобы до окончания срока работы они могли подыскать себе другое место. Я уверен, доктор Дейн Оливер вам что-нибудь посоветует. Вы можете на меня рассчитывать, я вам помогу, чем смогу. А кроме того, у вас еще есть время до конца июля...

Лора лишилась дара речи. В висках стучало. Ей нужно было время, хотя бы полминуты, чтобы совладать с нервами. Потому что она не собиралась сдаваться без боя.

Родес, в свою очередь, решил добить ее:

— Мне очень жаль вам об этом сообщать. Мы вас все так любим! Нам будет вас очень не хватать на приемах.

Она уже сумела взять себя в руки и теперь была готова парировать удар.

— Пол, у вас нет права принимать такое решение единолично. А я не сомневаюсь, что вы даже не удосужились переговорить с Дейном или кем-либо еще из моего отдела. Я намерена подать апелляцию в совет и готова биться об заклад, что ваше решение будет отменено.

Внезапно наступило молчание. Лора истолковала его как очко в свою пользу. Пол медленно встал.

— Доктор Кастельяно, давайте выложим карты на стол. — Он не говорил, а хлестал. — Мы с вами оба знаем, о чем идет речь. Почему бы нам не обсудить вопрос по существу?

— Отлично! Немного правды пойдет вам на пользу.

Директор с усмешкой взглянул на нее.

— Вам нравится Маршалл Джафф, не так ли? Я бы даже сказал, очень нравится. Я прав?

— Не считаю нужным отвечать на этот вопрос.

— Естественно. Вам он небезразличен, и вы, конечно, не хотите загубить его карьеру. А?

— Он один из самых талантливых микробиологов в Америке. О его карьере можно не беспокоиться.

— Нет, доктор Кастельяно, о ней очень даже нужно побеспокоиться, — снисходительно ответил Родес. — Меня не волнует, насколько талантлив этот змееныш. Мой авторитет в научном сообществе пока еще выше, чем у него, и я могу закрыть для него все двери — все двери! — в нашей стране. Если бы я захотел, я мог сделать так, чтобы его не взяли даже преподавать биологию в средней школе в Гарлеме.

— Он был профессором в Стэнфорде, — напомнила Лора. — А когда его пригласили сюда, университет предлагал удвоить ему оклад. Они примут его с распростертыми объятиями.

— Пожалуй, в иных обстоятельствах я бы признал вашу правоту. Но Макс Уингейт, его бывший начальник в университете, передо мной в долгу. В очень большом долгу. И при всей своей любви к Маршаллу он не станет мне перечить.

— По-моему, вы блефуете, — возразила Лора.

— Хотите, прямо сейчас позвоню? Я включу громкую связь, и вы своими ушами услышите, как я отлучу вашего хахалю от его любимого университета. Обещаю вам, Лора, — продолжал он, повысив голос, — одно мое слово — и он в науке труп.

Опять наступило молчание.

Наконец Лора тихо спросила:

— Какое это имеет отношение ко мне?

— Самое прямое, доктор Кастельяно, — с хищной улыбкой ответил он. — Судьба этого гаденыша Джаффа сейчас в ваших нежных ручках. Потому что, если вы сейчас не уволитесь, Маршалл Джафф умрет.

— Звучит немного мелодраматично, вам не кажется? — заметила Лора.

— Я так не думаю. Мы с вами оба знаем, что для Джаффа карьера — это жизнь. А карьеру я могу у него отнять одним телефонным звонком. Вам все ясно?

— Мне надо подумать. Я дам ответ утром, — с презрением ответила Лора.

— Нет уж, дорогуша! Извините, но ответ мне нужен сейчас. А потом — ступайте себе с богом, оба! Или катитесь к черту, мне все равно.

Такой грубости Лора не ожидала. Она гневно взглянула Родесу в глаза и с омерзением прошипела:

— Ах ты подонок!

— Ваше мнение меня не волнует, — ухмыльнулся он и добавил: — При условии, что заявление об отзыве своей заявки вы через полчаса положите мне на стол. И ни минутой позже!

Лора сидела в лаборатории, тупо глядя на старательно отпечатанный документ и соображая, стоит ли подписывать его. Быть может, это пустые угрозы со стороны Родеса?

Зазвонил телефон.

— Привет, малыш, — Это был Маршалл.

— Как дела? — спросила она, стараясь казаться веселой.

— Ты же меня знаешь, — отшутился он. — Я как кошка — у меня еще восемь жизней в запасе. Думаю, меня возьмут обратно в Стэнфорд. Макс Уингейт созвал экстренное совещание кафедры. Может быть, в этот самый момент они утверждают мою ставку. Вот тебе и колосс Родесский.

Лора похолодела. Она взглянула на часы — без десяти пять.

— Марш, давай поужинаем вместе. Мне нужно срочно закончить одно дело.

— Хорошо, радость моя. Встретимся около шести у Мемориала Джефферсона.

— Марш, я приеду. Ты, главное, не переживай.

— Все в порядке? — спросила Лора, добравшись до условленного места.

— Да, формальности соблюдены, — радостно объявил он. — Я опять работаю в Стэнфорде. Они быстро разобрались, молодцы!

— А-а, — ответила она и подумала: «Слава богу, Родес хотя бы сдержал обещание». — Когда едешь?

— Макс говорит, я могу въехать в свою старую квартиру в любой удобный для меня момент. Но я думаю, надо дать детям закончить

полугодие. Не хочу дополнительно осложнять им жизнь, им и так несладко приходится.

— Ну что ж, — заметила она, — в таком случае у нас будет больше времени свыкнуться с переменами.

Он схватил ее за плечи.

— Нет, Лора! Я хочу, чтобы ты тоже поехала в Калифорнию.

В первый момент она опешила. Потом сконфузилась. Неужели он и впрямь готов ради нее бросить семью?

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Лора устыдилась охватившей ее радости и решила все же внести полную ясность.

— А в каком качестве?

— Что ты имеешь в виду? Это не вопрос. Конечно же, ты будешь штатным профессором.

— Не поняла...

— Я тебе гарантирую: Стэнфорд, Беркли, Сан-Франциско — все калифорнийские университеты примут тебя с распростертыми объятиями. Уж можешь мне поверить, в Калифорнии ко мне прислушиваются.

До нее стал медленно доходить смысл его предложения.

— Иными словами, если отбросить мой профессиональный статус, ты хочешь оставить между нами все как есть?

— Именно. Мы с тобой будем как муж и жена.

— Только Клэр будет по-прежнему называться «миссис Джафф», а я останусь на скамейке запасных.

— Нет... — попробовал возразить он.

— Но ты ведь об этом просишь? Ты хочешь, чтобы я бросила все, чего добилась в Вашингтоне, и поехала с тобой и дальше исполнять роль гейши?

— А я думал, ты меня любишь.

— Я тоже так думала, Марш. Но поскольку ты не мормон и не мусульманин, то больше одной жены тебе иметь не полагается, а на половину мужа я не соглашусь.

— Лора, прошу тебя, неужели ты не понимаешь, какими я связан обязательствами? У моих детей уже и так жизнь наперекосяк. Ты можешь себе представить, какой это будет для них удар, если я

разведусь с их больной матерью? Я, конечно, мерзавец, но не до такой же степени.

Она растерялась. Ей ужасно хотелось узаконить их отношения, но она вполне понимала и его. А его желание уберечь от лишних переживаний своих близких было достойно уважения.

— Не знаю, Маршалл, — произнесла она, оттягивая время.

Он начал допытываться:

— Может, ты все еще ослеплена столичными огнями и не хочешь ехать в ссылку в провинциальные виноградники Калифорнии?

— Ты не забыл — у меня есть своя карьера?! — возмутилась она.

— А на карьере-то это как отразится? Беркли — это не дыра какая-нибудь. И вообще, если ты следишь за новостями науки, то должна знать, что по многим направлениям он уже превосходит Гарвард.

— Не в этом дело, — отбивалась она, не желая признать его правоту. — Понимаешь, я не хочу в один прекрасный день проснуться и обнаружить, что время мое ушло. Я хочу иметь своего ребенка! Прочти внимательно эти слова.

И она указала на высокую стелу со знаменитой джефферсоновской формулой неотъемлемых прав человека: «Жизнь, свобода и стремление к счастью».

Он немного помолчал, потом почти шепотом сказал:

— Лора, ты просишь у меня слишком много. Ты несправедлива...

— Несправедлива? Ты говоришь мне о справедливости? — Она была так возмущена, что чуть не рассказала ему о своей сделке с Родесом. Но почему-то сейчас это уже не казалось важным.

— Лора, неужели ты думаешь, что мне нравится, как мною распорядилась судьба? Неужели я не изменил бы свою жизнь, если бы это было в моих силах? Почему же ты не можешь шагнуть мне навстречу хотя бы до половины?

— Ты предлагаешь встречаться в Чикаго? — горько усмехнулась она.

Какое-то время они стояли, глядя друг другу в глаза. Мемориал был пуст, и в звенящей тишине было слышно даже их дыхание.

— Вот что, — произнесла она устало, — наши отношения можно описать с помощью второго закона термодинамики: у нас кончился

запас энергии. Иными словами, я теперь вижу, что ты должен остаться с Клэр. Но еще я знаю, что мне надо держаться от тебя подальше. Прощай, Маршалл.

Она повернулась и зашагала прочь. Он окликнул:

— Лора, пожалуйста! Ты уверена, что мы не можем?..

Через несколько секунд она уже его не слышала и продолжала удаляться по каменной лестнице, растворяясь в темноте.

Она спускалась все дальше вниз. В пучину такого горя, которого прежде еще не испытывала.

Она была горда собой.

Она была в отчаянии, в депрессии, она была близка к самоубийству. Но она гордилась тем, что владела собой, объясняясь с Маршаллом, ради которого пожертвовала собственной карьерой. С огромным трудом Лора дождалась окончания рабочего дня, чтобы позвонить Барни. Она помнила, что дома он появляется около восьми. Значит, в девятом часу уже можно смело звонить.

«А что, если у него сегодня свидание? И он явится домой только к полуночи? Или вообще не захочет, чтобы я нагружала его своими проблемами? Черт, — подумала она, — я, кажется, схожу с ума!»

В этот момент раздался звонок.

— Кастельяно, что там у тебя творится?

Если когда-то она и сомневалась в существовании телепатии, то теперь все сомнения отпали.

— Привет, Барн, — сказала она, тщетно пытаясь не выдать своего состояния.

— Послушай, я тебя ни от чего не оторвал? Я не хотел бы мешать этому твоему теннисисту. Он что, заставил тебя объявить мне бойкот? Ты мне не звонила уже несколько месяцев! У тебя все в порядке?

— Да-да, все хорошо, — машинально ответила она.

— Послушай, подруга, что-то я энтузиазма в твоём голосе не слышу. А ну выкладывай, что случилось?

— Да ничего не случилось, — ответила Лора. После чего, все еще не находя в себе сил рассказать о своей боли, уклончиво добавила: — Можно сказать, все пошло прахом.

Помолчав, она спросила:

— А кстати, ты сейчас один?

— Да. В данный момент один. Урсула скоро придет.

— Кто это Урсула?

— Кастельяно, тебе надо с ней познакомиться. Это голландский вклад в дело кардиологии, а главное — фактор моего сердечного здоровья. Если честно, этот вечер может войти в историю любовных побед Барни Ливингстона.

— Тогда лучше в другой раз поговорим, — извиняющимся тоном сказала Лора.

Голос ее звучал безжизненно.

— Перестань, Кастельяно, что там у тебя за проблема?

— Ты сейчас сидишь? — спросила она.

— А что? От твоих слов можно упасть?

— Нет, просто потребуется некоторое время.

Барни перенес телефон поближе к креслу и нежно проговорил:

— Лора, можешь не спешить. Рассказывай столько, сколько будет нужно. Не забывай, слушать я умею — это у меня профессиональное. Давай выкладывай.

И в этот момент ее прорвало.

Через сорок минут он ее перебил:

— Кастельяно, извини, но мне пора в аэропорт.

— Ах, ну да, — понимающе ответила она, — тебе надо встретить Урсулу.

— Не угадала. Она живет в двух кварталах. Я хочу успеть на последний рейс в Вашингтон.

— Нет, Барн, не надо. Правда! Я в порядке. Я в полном порядке.

— Это уж мне судить. Ты лучше поезжай меня встретить. Ничего не пей. Не глотай таблеток. И даже не садись за руль. Возьми такси и жди меня в аэропорту. Приколи на платье красную розу, чтобы я мог тебя узнать.

— А как же твои клиенты? — с легким укором напомнила она.

— Эй, дружок, ты что же, даже не помнишь, какой нынче день? Завтра суббота, а по выходным мой кабинет закрыт. Так что нравится тебе или нет, а я вылетаю.

Хотя в глубине души Лоре именно этого и хотелось, она все же слабо возразила:

— А как же Урсула?

— Не беспокойся, я ей все объясню. Она к моим фортелям привыкла. Она поймет. Главное, ты меня встречай!

* * *

Барни запихивал вещи в дорожную сумку, и в этот момент в дверях появилась доктор Урсула де Грот.

— Куда это ты собрался? — спросила она.

— Послушай, Урсула, присядь-ка на минутку. Мне нужно очень быстро рассказать тебе одну долгую историю.

Он приложил все усилия, чтобы доказать ей неотложность своей спасательной миссии. Но почему-то убедить кардиолога с льняными волосами ему не удалось.

— Ненавижу твою Лору! — с горечью заявила она.

— Почему? — удивился Барни, застегивая сумку.

— Разве непонятно? — Она протянула ему ключ от его квартиры. — Вот, заberi. Думаю, мисс Кастельяно он больше пригодится.

Следующие два часа прошли для Лоры словно в небытии. Способность как-то функционировать поддерживалась в ней лишь надеждой на скорую встречу с Барни.

Когда он, подняв от ветра воротник куртки, вбежал в зал прилета, Лора уже была там.

При первом же взгляде у Барни заняло сердце. Она была блее смерти и казалась абсолютно беззащитной.

— Привет! Спасибо, что встретила. — Он обнял ее.

— А что, можно было не встречать? — вяло пошутила она.

— Хозяин — барин, — согласился Барни. — Так где мы ужинаем?

— В одиннадцать часов? — удивилась Лора.

— Готов спорить, ты ничего не ела!

Она кивнула:

— Я не хотела.

— Ну, голодать ты можешь без меня. А я умираю с голоду и должен немедленно набить брюхо какой-нибудь итальянской едой. И посытнее!

Они стояли у обочины. Подъехало такси, Лора села в машину, а Барни спросил у водителя:

— Какой самый лучший итальянский ресторан по дороге на Мейсон-Диксон-лайн?

— Многие ездят к Паскуале. Это в Джорджтауне.

— Годится.

И они поехали.

— Прошу прощения, синьор, но не могу найти заказ на имя Иегуди и Хепсибы Менухиных.

— О, какая жалость! — пропел Барни, изо всех сил подражая актерской манере. — А импресарио нас заверил, что обо всем позаботился. Может, все-таки поищите нам столик? Где-нибудь в уголке?

— Прошу извинить, синьор. Даже если бы это было в моих силах, вы оба одеты не совсем подходящим образом.

Он ни на секунду не поверил, что говорит с великим скрипачом и его сестрой. Да и вообще, Паскуале привык поддерживать славу своего заведения не только как самого вкусного, но и как самого элегантного в округе.

— Послушайте, мэтр, — сказал Барни, — я должен вам признаться. Я врач, а эта дама близка к голодному обмороку. Если мы сейчас же не накормим ее чем-то вроде феттучини, она может умереть у нас на глазах. А для вашего бизнеса это будет не очень хорошо.

Хозяин, уставший от пререканий, уже был готов кликнуть Рокко, бармена и по совместительству вышибалу, но тут появился прекрасно одетый, высокий, седовласый мужчина, чье внимание привлек оживленный спор в дверях.

— Паскуале, что происходит? — спросил он и быстро повернулся к Лоре — Добрый вечер, доктор Кастельяно.

— Добрый вечер, сенатор Отис. — Лора узнала человека, вместе с которым участвовала в теледебатах по проблеме курения. — Познакомьтесь с моим другом, доктором Барни Ливингстоном.

— Здравствуйте, доктор. Не хотите ли подсесть к нашему столику и пропустить по рюмочке? — любезно предложил он.

— Вообще-то мы собирались уходить, — ответила Лора, — Свободных столиков нет.

Сенатор, нахмурился, повернулся к Паскуале.

— Точно нет, падроне? Доктор Кастельяно — очень уважаемый сотрудник Национального института здравоохранения. Скорее всего, она была на срочном вызове и поэтому не успела сменить платье. Я уверен, ради такого случая вы можете сделать исключение.

Не рискуя навлечь на себя неудовольствие конгресса, Паскуале пошел на попятную и буркнул:

— Вообще-то мы держим один заказанный столик на двоих, но клиенты, кажется, запаздывают. Не пройдете вот сюда, пожалуйста?

Лора с благодарностью улыбнулась Отису, а тот повторил свое приглашение:

— Мы с Аmandой все равно вас ждем за нашим столиком. Хотя бы на чашку кофе!

— Как-нибудь в другой раз, сенатор, — ответила Лора. — Нам с доктором Ливингстоном надо обсудить одно очень важное дело. Большое вам спасибо за помощь.

— Не за что, Лора. Если я вам зачем-либо понадобится, пожалуйста, звоните без стеснения. Прямо на работу.

Пробираясь к предложенной им отдельной кабинке, Барни обернулся на столик, где сидел сенатор.

— Бог мой, какая у него красивая дочь!

— Это не дочь, — как ни в чем не бывало поправила Лора.

— Жена?

— Опять не угадал, Ливингстон!

— Ого! Это что, входит в сенаторские льготы и привилегии?

Лора кивнула:

— Я же тебе говорила: в этом городе соотношение мужчин и женщин — один к пяти. Можешь себе представить, какой у них выбор.

— Да уж... — вздохнул Барни. — Выходит, здесь каждый мужик может завести себе целый женский гарнизон.

Заказав феттучини и большую бутылку кьянти в соломенной оплетке, Барни перешел к серьезному разговору.

Он заставил Лору пересказать в подробностях всю историю взаимного надувательства Родеса и Карвонена и иногда даже делал пометки в блокноте. Лоре он объяснил, что это может пригодиться ему для книги о врачебном менталитете. Затем они добрались до ее отношений с Маршаллом Джаффом.

— Я знаю, Кастельяно, это звучит назидательно, — вразумлял ее он, — но я тебе уже тысячу раз говорил, что полноценный человек заслуживает такого же полноценного человека. Любовь — это тебе не работа на полставки.

Золотые слова! — откликнулась она. — Обязательно вставь их в свою книжку.

— Уже вставил, — улыбнулся Барни. — Но от повторения хуже не будет. Когда ты наконец поймешь, что ты замечательная женщина и заслуживаешь замечательного брака? И не менее замечательных детей!

— Никаких детей у меня не будет. Я не верю в брак. И даже в любовь я больше не верю.

— Ерунда, Кастельяно! Ни за что не поверю, что ты во все это не веришь. Помнишь, как сказал Гиппократ?

— При чем тут Гиппократ? Ему не приходилось жить в Вашингтоне!

— И тебе необязательно, между прочим. Ты подумала о том, чем займешься после июля?..

Она покачала головой:

— Не знаю. Меня постоянно зовут на работу разные университеты. Колумбийский колледж недавно предлагал возглавить их новую программу по неонатологии. Насколько я слышала, место до сих пор свободно.

— Ну и прекрасно! — воскликнул Барни. — Значит, ты переедешь в Нью-Йорк.

— Да, и это большой недостаток, — угрюмо прокомментировала она. — Это самый страшный город для одинокого человека.

— Как ты можешь так говорить? Ведь там буду я!

— Да, конечно. Но тебе надо думать об Урсуле. Я там тебе буду не нужна. Меня страшит перспектива осваиваться на совсем незнакомом месте. И вообще, в данный момент у меня голова настолько идет кругом, что я не в силах загадывать не то что на год — на неделю вперед.

— Могу себе представить, — посочувствовал Барни. — Ты, наверное, чувствуешь себя так, словно шагаешь прямо в море. Как Вирджиния Вулф. Я прав?

— Почти. Я чувствую себя раненым животным, которого следует отвезти к ветеринару и усыпить.

— Вот жалко-то будет! Мир лишится прекрасного врача. — Помолчав, он нежно произнес: — А я лишусь лучшего друга.

При этих словах Лора подняла голову и посмотрела Барни в глаза.

— Ведь ты со мной так не поступишь, правда, Капельяно?

Она не ответила. Но в душе признала, что Барни — один из немногих людей, удерживающих ее в этом мире.

— Послушай меня, Лора, тебе надо научиться быть счастливой! Даже если для этого придется заняться психологическим тренингом. Не знаю, как ты, но я очень даже ощущаю приближение сорокалетия. Нормальные люди в этом возрасте уже имеют детей подросткового возраста и озабочены скобками на их зубах и тому подобными проблемами. Время бежит, словно в баскетбольном матче: увлечешься игрой, а потом вдруг взглянешь на циферблат — до свистка всего тридцать секунд...

Она молча кивнула.

Они проговорили до тех пор, пока ресторан совсем не опустел. Вокруг их столика выстроились вежливо покашливающие официанты.

— Тебе не кажется, доктор Кастельяно, что здешний персонал страдает бронхитом?

— Барни, ты напился, — рассмеялась она.

— Ты тоже.

— Тогда почему мы отсюда не уйдем?

— Потому что я не могу встать.

Как ни странно, им все-таки удалось упаковаться в такси, и скоро они уже были в Бетесде. По дороге Лора спросила:

— Не против, если придется спать на диване?

Настроение у нее явно улучшилось, хотя язык заплетался.

Открывая дверь квартиры, Лора спросила:

— Барн, хочешь кофе?

— Вообще-то, — извиняющимся тоном произнес он, — хмель с меня в машине сошел, а поскольку голова все равно будет болеть...

Лора поняла с полуслова. Она прошла на кухню и достала из холодильника бутылку, предназначавшуюся для ужина с Маршаллом.

Они уселись за столик и продолжили изливать друг Другу душу.

— Барни, кое-что из сказанного тобой меня сильно тревожит. Например, что мы с тобой оба несчастны.

— Да. А что тебя так удивило?

— Для меня не новость, что я не умею радоваться жизни. Но я считала, что хотя бы у тебя с этим все в порядке. Ты же ходил к психоаналитику и все такое...

— Психоанализ только раскрывает тебе глаза на положение вещей. Он не может автоматически заставить тебя прекратить саморазрушение. Нет, Кастельяно, весь вечер я думал о том, насколько это странно, что мы с тобой оба многого добились в работе, но не можем навести порядок в личной жизни. Может, из-за повышенного содержания фтора в бруклинской воде?

Они замолчали.

Все обговорили? «Нет, — подумал Барни, — самое замечательное — это то, что у нас с Лорой никогда не иссякают темы для разговоров».

Тут Лора объявила:

— Знаешь, Барн, я думаю, что и психолог мне не поможет.

— Это еще почему?

— Потому что моя проблема похожа на неоперабельную опухоль.

Метастазы пошли по всей психике.

После этого она призналась в том, о чем уже давно думала:

— Может быть, в глубине души я вообще недолюбливаю мужчин.

— Ты сама знаешь, что это не так!

— В смысле — не доверяю, Барн. Я никогда по-настоящему не доверяла ни одному мужчине.

— Но мне же ты веришь!

— Это другое, — сразу ответила она.

Они опять замолчали.

Потом Барни прошептал:

— Но почему?

— Что — почему?

— Чем я отличаюсь от других мужчин?

На этот вопрос у нее не было ответа. Она никогда над этим не задумывалась.

Впрочем, конечно, задумывалась.

Наконец она сказала:

— Я не знаю, Барн. Понимаешь, сколько я себя помню, ты всегда был самым главным человеком в моей жизни.

— Лора, ты не ответила на мой вопрос. Чем я отличаюсь от других мужчин?

Она пожала плечами:

— Должно быть, тем, что мы с тобой всегда были... близкие друзья.

Он посмотрел ей в глаза и тихо спросил:

— И это исключает все другое?

Она молчала, а он продолжал допытываться:

— Ты можешь честно сказать, что никогда не воспринимала нас с тобой как... пару? Я, например, думал об этом, признаюсь. Но всегда отгонял эти мысли, потому что боялся разрушить то, что нас связывает...

Лора смущенно улыбнулась. Потом набралась смелости и сказала:

— Конечно, я об этом тоже думала. И всю жизнь объясняю всему остальному миру, почему мы с тобой только друзья, а не... а не

любовники.

— Ага, значит, и ты тоже. Лора, — решительно объявил он, — больше я этого делать не могу.

— Чего?

Он ответил вопросом на вопрос:

— Как думаешь, Лора, кто из нас двоих боится больше?

Вопрос не застал ее врасплох. Она много раз и сама об этом размышляла.

— Я. Я всегда боялась, что ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы я могла тебе нравиться. Тебе все мои тайные пороки известны.

— Но ты мне нравишься! Я люблю тебя такой, какая ты есть, Лора.

Она опустила голову. Барни понял, что она плачет.

— Эй, Кастельяно! Скажи честно: я только что лишился лучшего друга?

Она подняла глаза. По щекам катились слезы, но губы ее улыбались.

— Надеюсь, что так. Я всегда мечтала о том, чтобы ты любил меня... ну, понимаешь? Как женщину. — Она помолчала и тихо добавила: — Как я люблю тебя.

Барни поднялся.

— Кастельяно, я совершенно трезв. А ты?

— И я. И отдаю себе отчет в своих словах.

На этом разговор закончился. Барни подошел к Лоре и взял ее за руку. Они медленно пошли в соседнюю комнату.

В эту ночь их платонической дружбе пришел конец.

На другое утро Барни с Лорой обнаружили, что пребывают в неведомом для себя состоянии — непередаваемом ощущении цельности.

Ибо для освящения их союза им не требовалось ни священника, ни чиновника.

— Как настроение? — спросил Барни.

— Это счастье. Полное счастье!

Чудо свершилось.

Поначалу они держали свою радость в тайне, как будто сокровище, бережно охраняемое от посторонних глаз, должно было стать еще драгоценнее. Но к середине лета Лорин грант закончился, и в ознаменование ее переезда в Нью-Йорк они потратили пятнадцать минут, чтобы «формально закрепить» свои отношения.

Поднимаясь по ступеням суда, доктор медицины Лора Кастельяно, недавно получившая место профессора неонатологии в Колумбийском медицинском колледже, призналась доктору медицины Барни Ливингстону, профессору психиатрии медицинского факультета Нью-Йоркского университета, которого держала за руку:

— Все произошло так быстро, что я даже не успела тебе сказать.

— Что?

— Когда в прошлом году в Мексике я виделась с Луисом, он сказал мне одну вещь, которая меня тогда поразила. То есть показалась бредом сумасшедшего.

— Что именно? Что?

— Всего три слова, — сказала она. — Он наклонился ко мне и шепнул: «Выходи за Барни».

Сет Лазарус боялся, что сходит с ума. Из-за преследующих его кошмаров он ночи напролет проводил без сна. Его деяния, как у Макбета, «убили сон».

Прошло больше десяти лет с того дня, как он помог умереть Мэлу Гатковичу. С тех пор таких несчастных было еще трое. Нет, четверо. Временами он не мог точно сказать, сколько призраков его преследует.

Была миссис Карсон, затем — девочка-подросток, так страшно пострадавшая в автомобильной аварии, что могла только моргать. Ее мозг функционировал лишь настолько, чтобы она чувствовала боль.

Был еще... Кто? Память, подводит память. А быть может, это срабатывает инстинкт самосохранения, сохранения рассудка? Ах, если бы можно было забыть их всех! Достичь амнезии ради успокоения совести.

Только с Говардом он действовал по собственной инициативе.

Во всех остальных случаях он поддавался на мольбу — будь то словесная или безмолвная.

Всегда были обезумевшие от горя просители, измученные родственники, страдающие немногим меньше, чем их умирающие близкие.

Но и тогда он непременно должен был убедиться в том, что больной осознанно желает уйти из жизни.

Искренне веруя в Бога, Сет понимал, что вторгается в мир, власть в котором принадлежит одновременно Всевышнему и Сатане.

Господь провозгласил: «Не убий». И нигде в Писании не говорится, что Человек достоин того уважения, какое студент Лазарус проявил к искалеченным животным тогда, в лаборатории. Привилегии быстрой и безболезненной смерти.

Джуди видела, как он мучается, но чем она могла помочь? Да и есть ли на земле врач, способный излечить его израненную душу?

Она уже чуяла надвигающуюся катастрофу. Либо Сета поймут, ведь она знала, что, несмотря на данные ей обещания, он и в следующий раз, когда к нему обратятся несчастные родственники, не сможет устоять. Либо он сломается под непереносимым гнетом.

До поздней ночи он засиживался в кабинете.

Однажды она спустилась к нему поговорить.

— Сет, ты что делаешь? — спросила она.

— Ничего. Читаю журналы. Сегодня такое пишут, что я с трудом понимаю. Генные инженеры отбивают хлеб у врачей. Скоро мы все будем не у дел, как старый «корвер».

— «Корверы» были паршивыми автомобилями. Ты хочешь сказать, что с тобой что-то не так?

Он посмотрел на жену.

— Джуди, мы с тобой оба знаем, что со мной не так. Я попадаю под категорию, которую психиатры называют «травмированный врач».

Он пододвинул к ней статью, которую читал.

— Вот, почитай сама.

Статья называлась «Целитель с раненой душой: кризисы в жизни практикующих врачей». Автором был доктор медицины Барни Ливингстон.

— Вы ведь вместе учились?

Сет кивнул:

— Да. Он был хорошим парнем. Насколько я понял из статьи, в последнее время он занялся психическими отклонениями у врачей. Из его статистики вытекает аксиома: сердобольный врач всегда кончает душевным надломом.

— А у тебя еще и другие проблемы...

— Да. Я...

Он оборвал себя на полуслове, словно заново взвешивая то, что собирался сказать. Или утаить.

Джуди подошла и положила ему ладонь на плечо.

Откуда-то из сокровенных глубин его души вдруг вырвался стон:

— Где этому конец?

Она присела на край стола и посмотрела ему в глаза.

— Здесь. Здесь и сейчас. Ты возьмешь отпуск, и мы поедем туда, где тебе станет легче.

— А ребята?

— Можем уехать на месяц, а за ними пока твоя мама посмотрит.

— Моя мама?! Джуди, ты в своем уме? Мне кажется, не совсем. Позволь тебе напомнить, что ты говоришь о женщине, которая каждый год двенадцатого января печет торт и приглашает невидимых друзей спеть хором: «С днем рождения, милый Говард!»

Оба подавленно вздохнули. Они прекрасно понимали, с чего все началось: он «спас» своего брата, чтобы избавить родителей — и себя — от неотступного страдания.

Ему бы следовало сразу усвоить урок. Его акция не сработала. Для матери, по-прежнему убитой горем, он стал живым призраком. А ее отчуждение, несомненно, ускорило кончину отца.

— Ладно, Сет, — решительно объявила Джуди, — давай так договоримся: дети заканчивают учебу одиннадцатого июня. Двенадцатого ты снимешь белый халат, уберешь подальше стетоскоп, и мы поедем путешествовать до самого сентября.

— И шприц, — добавил он. — Шприц мы тоже брать не будем.

Она обхватила ладонями его лицо и сказала:

— Сет, все уже позади. С этого момента все кончилось. Пусть их жалеет кто-то другой. С тебя достаточно.

Однако Сет уже зашел слишком далеко. В предыдущую субботу сестра Миллисент Каванаг в ветеранском госпитале Лейкшор (где он сейчас работал один день в неделю) видела, как он выходил от сержанта Кларенса Инглунда. Это был парализованный ветеран Второй мировой войны, который тридцать лет провел в стационаре из-за своих ран, а теперь медленно умирал от рака костей.

Именно Милли нашла старика мертвым во время очередного измерения давления и температуры. На следующее утро в официальном документе было зафиксировано, что смерть наступила в результате сердечной недостаточности, как следствия многочисленных заболеваний мистера Инглунда.

А с ее точки зрения, написать следовало: «преднамеренное убийство».

За восемнадцать с лишним лет, что она проработала в ветеранском госпитале, Милли успела привязаться к старику Кларенсу, как все его здесь называли. Ей необыкновенно импонировала стойкость, с какой он переносил свои страдания, умудряясь даже улыбаться ей сквозь терзавшую его боль.

Только накануне, находясь в полузабытьи под воздействием анальгетиков, которые, однако, помогали лишь частично, он сказал ей такие хорошие слова, что она запомнила их в точности:

— Милли, когда я прибуду в рай, а вся эта боль уйдет, я сяду и стану ждать тебя, и мы с тобой будем жить вечно.

И еще она помнила, как он сказал:

— Я скоро увижу святого Петра и попрошу его подыскать нам с тобой отдельное облачко.

Спустя два дня Кларенса не стало, и Милли порадовалась, что его земные страдания окончились.

С другой стороны, она часто слышала, как он просил докторов (по сути дела, каждого нового врача, который к нему приходил) помочь ему уйти из жизни.

Оплакивая его, Милли сейчас невольно думала о том, что Кларенс нашел-таки врача, внявшего его нехристианской мольбе о своего рода самоубийстве.

Возможно, шума от кончины Кларенса Инглунда было бы намного меньше, не случись она в год выборов.

В День благодарения, который Милли всегда проводила в кругу своих родных, она была печальна. Заметив это, ее младший брат Джек отвел сестру в сторонку и спросил, не случилось ли чего.

Она обрадовалась возможности поделиться с кем-то грузом, лежащим на ее плечах. Тем более с Джеком — ведь он адвокат!

Он был потрясен ее рассказом и по непонятной ей причине пришел в странное возбуждение.

— Милли, а ты не могла бы приехать и рассказать об этом старшему партнеру фирмы, где я работаю?

Она вдруг засомневалась. До пенсии ей оставалось всего несколько лет, и она не хотела неприятностей на свою голову.

— Пожалуйста, не проси меня, я не хочу лезть в это дело, — заволновалась Милли.

— Послушай, сестренка, обещаю тебе, что твое имя нигде не всплывет. Никогда! Просто расскажешь мистеру Уолтерсу то, что рассказала мне, и все. Дальше уж мы сами решим, что делать.

— Что ты имеешь в виду? Что вы станете делать? — встревожилась она еще больше.

— Сестра, тебе не о чем волноваться. А мне ты окажешь большую услугу.

Старший партнер фирмы, Эдмунд Уолтерс, был генеральным прокурором штата Иллинойс и не скрывал, что его политические

амбиции простираются намного дальше его нынешнего положения.

В этом году освободилось место сенатора, и Уолтерс всерьез подумывал выставить свою кандидатуру, хотя знал, что в сенат метит сам губернатор. У Эдмунда было больше денег, а преимущество губернатора состояло в публичности занимаемого им поста.

Уолтерсу требовался шумный процесс, способный привлечь общественное внимание. Такой, который делал бы его узнаваемой фигурой, вывел на телеэкраны.

И вот, когда в понедельник молодой Каванаг пришел к нему в кабинет, Эдмунд Уолтерс понял, что нашел ту колесницу, которая понесет его на Капитолийский холм.

— Спасибо, Джек, никогда этого не забуду. Я бы хотел, чтобы ты помог мне выиграть это дело.

— Но, мистер Уолтерс, пока никакого дела нет!

Тот ткнул пальцем Джеку в грудь и сказал:

— Тогда помоги мне его возбудить.

В четыре часа они встретились снова. У Джека уже были кое-какие новости, способные поднять шансы прокурора.

Официально ветеранский госпиталь является государственным учреждением, а следовательно, в соответствии с законодательством США в нем сможет проводить расследование ФБР. И вывести на чистую воду этого врача-убийцу.

— Джек, ты меня обрадовал! — просиял Уолтерс. — Давай свяжемся с ФБР.

— Уже связался, — довольным тоном сообщил Каванаг. — Шеф местного отделения готов встретиться с вами завтра утром. Если восемь часов вас устроит.

— Устроит, и еще как! Кто рано встает... Ну, ты сам знаешь.

Они встретились в захудалом кафе неподалеку от здания законодательного собрания штата. Уолтерс выбрал это место, исходя из предположения, что здесь их губернатор точно не увидит. А вообще-то он пока еще был генеральным прокурором штата, и никто не мог упрекнуть его в том, что он берется за дело, выходящее за пределы его компетенции.

Даже среди невыразительных посетителей этой забегаловки агента ФБР можно было распознать за версту. Иначе говоря, было

видно, как он старается казаться неприметным. Его фамилия была Салливан, а официальный статус — «младший агент по особым поручениям». Сам он себя называл «ирландским боевиком».

Услышанное повергло Салливана в негодование. Поступок «милосердного» доктора не просто был серьезным правонарушением, он начисто перечеркивал все личные убеждения агента. Никто не имеет права на подобные решения; они находятся в юрисдикции Господа Бога.

— Мистер Уолтерс, вы можете рассчитывать на ФБР, — заверил он. — Как говаривал наш покойный шеф, «мы всегда достаем нужного нам человека».

Оба понимали, что весомых улик против доктора Лазаруса нет и его причастность к смерти Кларенса доказать вряд ли удастся. Но они также не сомневались, что это не первый «акт милосердия» с его стороны. А значит, и не последний.

Было решено, что с этого дня Салливан установит за Лазарусом круглосуточное наблюдение. И поручит сотрудникам компьютерного отдела поднять архивы всех клиник в графстве Кук.

— Но на это же уйдут годы! — рассердился Уолтерс. Неопровержимые улики нужны были ему сейчас, иначе устроить показательный процесс до выборов не удастся.

— В том-то весь и фокус, сэр! — возразил агент. — То, на что раньше требовались месяцы и годы, теперь можно сделать за несколько минут. Техника! Уверен, что эти ребята нам что-нибудь добудут.

— Вы должны понять: здесь самое главное — время! — твердил Уолтерс. — Я не смогу спокойно спать, пока мы не остановим этого «Доктора Смерть».

— Ого! — обрадовался Салливан. — Удачное прозвище! Так и всю операцию назовем — «Доктор Смерть». — Он поднялся. — Хорошо, сэр. Я начинаю действовать.

Генеральный прокурор пожал агенту руку.

— Думаю, в интересах дела нам следует и впредь встречаться здесь. Когда понадобится, оставьте моему секретарю сообщение, что хотели бы выпить чашку кофе.

— Так точно, сэр, — ответил Салливан и растворился.

Уолтерс постоял еще с минуту. Огонь амбиций разгорался в нем все жарче.

«Доктор Смерть» должен предстать перед судом!

Информация, выуженная специалистами ФБР из электронной базы данных, не дала ощутимых результатов. Однако она подтвердила, что в трех случаях, когда в университетском госпитале неизлечимо больных настигала внезапная «спасительная» смерть, Сет находился где-то в здании.

Более того, когда Сет был в отпуске, ни разу ничего подобного не случалось.

— Он наш, — объявил Салливан, похлопывая по столу большим конвертом с бумагами.

— И его можно вызвать на допрос? — оживился Уолтерс.

— Я бы пока не стал, сэр. Эти улики кое о чем говорят нам с вами, но боюсь, их будет маловато, чтобы посадить его за решетку. Мы же с вами не схватили его со шприцом в руке, или как он их там еще убивает. Если нам нужен гарантированный процесс, надо поймать его на месте преступления.

— А ваши люди установили за ним слежку?

— Круглосуточную, сэр, — подтвердил Салливан. — Нам известны все его передвижения. Мы также изучаем его прошлое. Вызвали даже специалиста из Вашингтона, чтобы поднять материалы вскрытий — вдруг что-то еще всплывет? Пока во всех случаях вскрытие показывало, что смерть наступила вследствие естественных причин. Так что на сей момент у нас на него ничего нет, если только мы не поймаем его на следующем «геройстве».

— Чего он ждет, хотел бы я знать! Ваши ребята разве ничего не могут предпринять?

— И да и нет. Это может быть очень рискованно....

— Что? Говорите же!

— В принципе мы могли бы его подставить. Найти человека, у которого кто-то из близких умирает в мучениях и хочет поскорее от них избавиться. Обычно так это и происходит.

— Хотите сказать, это не единичный случай? В стране есть другие больницы, где такие факты имеют место?

Агент кивнул:

— Сэр, есть много врачей-подлецов, которые мнят себя Господом Богом. Была б моя воля, я бы их всех призвал к ответу. Вот почему мне не терпится припереть этого типа к стенке.

— Тогда почему бы не осуществить ваш план?

— Риск большой. У нас было одно похожее дело, так адвокаты умудрились доказать присяжным, что полиция подстроила мужику ловушку, и он вышел сухим из воды. — Шепотом агент добавил: — Между нами говоря, шуму было...

— Салливан, вы мне поймите этого негодяя, а уж о двенадцати присяжных я сам позабочусь.

Агент развел руками:

— Понимаете, сэр, внутренний голос велит мне немного выждать. Эти сдвинутые доктора не могут жить без того, чтобы не проявлять своего ложно понятого милосердия. Он непременно себя снова проявит. Но если вы хотите ускорить дело, я готов.

Они встали и пожали друг другу руки.

— Один момент, мистер Уолтерс, — сказал агент.

— Да?

— Я думаю, нам с вами не следует видеться или каким-то образом выходить на связь, пока мы не получим улики.

Итак, ловушка для доктора Сета Лазаруса была расставлена.

Специальный агент Маделин Хэнсон, одной из первых пришедшая на работу в ФБР в 1972 году, когда это учреждение открыло свои двери для слабого пола, много раз применяла для выполнения заданий свои таланты несостоявшейся актрисы. Конечно, по большей части ей поручалась роль заурядной соблазнительницы, которая уже успела ей порядком наскучить, хотя и была сопряжена с определенной опасностью. И вот наконец ей выпало настоящее дело, а в случае удачи было обещано продвижение еще на одну ступеньку в иерархии ФБР.

Три дня она провела в отеле в центре Чикаго, где ее усиленно натаскивали эксперты-медики и психологи. Агенты уже основательно покопались в историях болезни пациентов ветеранской больницы Лейкшор с самыми страшными диагнозами и подобрали на роль ее мужа вполне подходящего больного. Главное, он вообще не приходил в сознание.

От одного чтения больничной карты капитана Фрэнка Кампоса у нее мороз побежал по коже. Во Вьетнаме бедолага наступил на противопехотную мину, ему оторвало ногу и руку, он фактически лишился зрения и частично — слуха. В одном ухе слух у него сохранился на восемьдесят процентов, зато другое не слышало вовсе.

Но самым ужасным было ранение в позвоночник, где шрапнель находилась и по сей день. Оперировать его было нельзя, и он страдал от невыносимой боли. Эту боль уже не мог унять никакой демерол или морфин, равно как и все прочие лицензированные анальгетики.

Несчастный умолял врачей дать ему кокаин или героин: он имел опыт приема наркотиков во Вьетнаме и верил, что они смогут облегчить его страдания. Но врачи отказывались нарушать закон, и раненый герой самой «негероической» военной кампании в истории Америки был обречен на непрестанные мучения.

Как-то раз, когда его вывезли на крышу корпуса, чтобы он немного побыл на солнце, Фрэнк собрал остатки сил и попытался перекинуть свое изувеченное тело через ограждение. Только бдительность медсестер спасла его от смерти.

Кроме того, в прошлое Рождество младший брат Кампоса, Гектор, пришел его навестить с револьвером тридцать второго калибра, полный решимости исполнить волю брата и прекратить его нескончаемые страдания. Однако руки у него так тряслись, что обе пули прошли в нескольких дюймах от головы Фрэнка, после чего Гектора скрутили санитары. Судить его не стали, поскольку полицейский медэксперт установил, что он не отдавал себе отчета в своих действиях. И Гектора на полгода поместили в психушку под наблюдение врачей.

— Господи, — пробормотала Маделин, чувствуя дурноту, — неужели мы наконец позволим этому «Доктору Смерть» избавить несчастного от страданий?

— Конечно нет, Мад. Мы же не выдаем санкцию на убийство.

Агент Хэнсон усмехнулась и с сарказмом произнесла:

— Ага, рассказывай...

Агент Салливан вернул коллегам деловой настрой.

Прошел час.

— Ну как, Маделин? — спросил он, — Все факты жизни капитана Кампоса запомнила?

Она нахмурилась.

— Ребята, ничего не выйдет. Если у этого врача хоть что-то есть в голове, он ни за что не купится на «скорбящую жену». Этот бедолага лежит в госпитале уже восемь лет. Вопрос: где я все эти годы пряталась? Все, что вы тут состряпали, расколет и ребенок.

Салливан надулся:

— А у тебя есть более дельное предложение?

— Нет, — честно призналась она — Я просто пытаюсь рассуждать здраво. Вам нужен человек, который действительно сможет сойти за страдающего родственника. Смотри: его брат уже пытался его убить. Он как раз мог бы убедительно повлиять на этого доктора.

Аргументы Маделин поддержал психолог:

— Думаю, она права. Если бы нам удалось убедить этого парня попросить Лазаруса избавить его брата от боли, это был бы верняк.

— И главное, — добавила Маделин, — ни один суд нам не припишет провокацию.

Этот довод окончательно убедил агента Салливана.

— Ого, Маделин, а у тебя голова варит! Знаешь что? Ты прикинешься медсестрой и скажешь, что знакома с этим доктором...

— Вот это дело! — согласилась она. — Теперь мы уж точно этого доброго самаритянина прищучим!

Сет закончил обход в ветеранском госпитале и мысленно перелистнул календарь еще на один день. Еще три месяца еженедельных бдений, и он свободен. Они поедут с Джуди и детьми по стране, увидят Йеллоустон, Йосемитский национальный парк, Диснейленд. Он забудет об этом госпитале, о боли и нечеловеческом грузе, который камнем висит у него на душе.

Сет направился к машине, и тут к нему обратился невысокий смуглолицый мужчина:

— Доктор Лазарус?

Он говорил с легким латиноамериканским акцентом.

— Да, это я.

Я — Гектор Кампос. Мой брат Франсиско, — они его тут Фрэнком зовут, — лежит в этом госпитале.

— Думаю, он не мой пациент, — неуверенно ответил Сет.

— Он лежит на другом этаже. Но я вас специально тут жду, хочу попросить, чтобы вы взяли его вести.

— Мне очень жаль, — ответил Сет, — но я здесь только по совместительству. Уверен, что за вашим братом хорошо ухаживают.

— Доктор, пожалуйста! — взмолился Гектор. — Ради всего святого, прочтите хотя бы его карту!

Он расстегнул рубашку, вынул из-за пазухи конверт и пихнул его Сету.

— Мистер Кампос, а почему вы считаете, что это должен прочесть именно я?

Подняв глаза, Сет обнаружил, что парня уже и след простыл. Его охватил ужас.

Сет старался читать карту без эмоций. На сей раз он не даст себя разжалобить!

Но здесь, в истории болезни Фрэнка, оказалась и запись о том, как брат пытался избавить его от страданий. Было очевидно, что парнишка просто обезумел от горя.

В этот момент в кабинет вошла Джуди и села на диван. Она уже собиралась спать и была в халате.

— Сет, я пришла, — объявила она. — И не уйду, пока ты мне все не расскажешь. Я знаю, что ты держишь в руках, и не собираюсь тебя спрашивать, что ты намерен делать. Но если мы решили, что с этим покончено, а ты опять за свое, тогда как же мы остановимся?

— Никакие не «мы», — стоически возразил Сет. — Вся ответственность лежит на мне.

— Сет, прости меня, но я твоя жена и делю с тобой не только кров, но и всю вину.

— Чувство вины, — поправил он.

— Давай, по крайней мере, все обсудим.

Он вкратце обрисовал ей страшные увечья капитана Кампоса.

— О господи! — застонала Джуди — Зачем ему не дали умереть на поле боя? — Потом с горькой иронией добавила: — Должно быть, это ухудшило бы статистику потерь. А теперь бедный парень лежит и тикает, как часы, которые не показывают времени.

— Я хочу это сделать, — тихо объявил Сет. — Ради них обоих. Руки у меня уже и так в крови, так что хуже не станет.

— Но, Сет, в ветеранском госпитале это намного опаснее. Ты там бываешь всего один день в неделю. Если у кого-то возникнут подозрения, они легко смогут установить, что его смерть наступила в твое дежурство.

— Я все обдумал, — сказал он. — Я придумаю какой-нибудь предлог, чтобы мне вернуться после ужина. По вечерам там никого не бывает. Это не то, что в нашей клинике, где посетители непрерывно шастают туда-сюда. Это дом, населенный привидениями, которых никто не хочет видеть.

— Сет, нет! Ты... ты не в своем уме! Ты не можешь...

— Хочешь сказать, я свихнулся? — перебил он, повышая голос, что было для него совершенно нехарактерно. — Конечно. Я и не спорю. Я убиваю людей, начиная с собственного брата Говарда... Начиная с...

— Ты это делал из милосердия! — возразила Джуди.

— «Милосердие»... — угрюмо пробурчал он. — Интересно, будет ли Господь милосерден ко мне после всего, что я натворил.

Они замолчали. И молчали так минут пятнадцать. Потом Джуди заметила, что Сет откинулся на спинку кресла и задремал. Она погасила свет и, не желая оставлять его одного, свернулась калачиком на диване.

Решение лежало на поверхности. Джуди он просто ничего не скажет. Он найдет какой-нибудь предлог, чтобы приехать в госпиталь в неурочный день, и она ничего не узнает. Но сначала надо будет самому навестить несчастного капитана Кампоса.

По окончании традиционного обхода больных в ветеранском госпитале он попрощался с коллегами, а затем; вместо того чтобы спуститься на лифте вниз, пешком поднялся на пятый этаж. Отыскать раненого морского пехотинца оказалось нелегко. В этом отделении все были страшно изувечены и полностью выключены из жизни общества, поскольку это общество не желало, чтобы ему напоминали об ужасах Вьетнама.

Даже в патологоанатомическом отделении ему не приходилось видеть таких ужасных повреждений, таких изуродованных конечностей и лиц — таких омерзительных пародий на человеческое тело.

Наконец он его отыскал. На карточке, прикрепленной к спинке кровати, Сет прочел: «Кампос, Франсиско Р., капитан, Корпус морской пехоты США».

Если верить официальному бюллетеню, Фрэнк еще мог что-то слышать и немного говорить. И Сет окликнул:

— Капитан Кампос?

— У-у... — простонал забинтованный страдалец.

— Фрэнк, вы понимаете, что я вам говорю?

В ответ прозвучал стон, который следовало расценить как утверждение.

— Сэр, у вас сильные боли?

На сей раз ответом стали три стога подряд.

— Капитан, вам когда-нибудь хочется, чтобы все это прекратилось? Чтобы каким-то образом ваши страдания кончились и вы заснули вечным сном?

Снова стон. Его можно было истолковать только как мольбу.

— Я понял, сэр, — ласково сказал Сет. — Я скоро вернусь.

Выходя, он услышал со стороны койки звук, выражающий великое облегчение. Как если бы изувеченный герой говорил: «Слава богу!»

Разговаривая с Фрэнком, Сет заметил у него на тумбочке нехитрые свидетельства родственной привязанности — распятие и букетик цветов. От Гектора.

Единственное, чего он не заметил, был микрофон, установленный агентом Салливаном.

Из всех препаратов он выбрал морфий, названный так в честь бога сновидений. И действующий так, что никаких подозрений не возникало.

Тактика Сета была хитроумна и проста. Он вернется сразу после ужина, пока в коридорах еще будет слышаться звон тарелок и подносов, часа за два до вечернего сестринского обхода.

Сет поставил машину на стоянку, надел белый халат и с полным шприцем в кармане поднялся на пятый этаж. Никем не замеченный, он прошел в палату капитана Кампоса. Тот, как ему показалось, мирно спал. И, к радости Сета, безмятежно.

Может, ему удастся сделать это прямо сейчас и Фрэнку уже никогда не придется просыпаться от боли. В конце концов, он уже с ним поговорил, заручился, так сказать, его согласием.

«Иди и сделай это, Сет! — сказал он себе. — Задерни занавеску у его кровати, сделай укол и ступай домой».

Но у него был свой порядок. Свой моральный кодекс.

— Капитан Кампос, вы меня слышите? — начал он. — Это доктор Лазарус. Я пришел избавить вас от страданий. Помочь вам уснуть навеки. Если вы согласны, я сделаю вам небольшой укольчик, и все прекратится.

Сет подождал ответа. Его не последовало. Сет придвинулся ближе. Больной не дышал. Господи, он уже умер! Сет окаменел.

Неожиданно шторы, закрывавшие койку капитана Кампоса, раздвинулись, и Сета обступили несколько крепких мужчин, все в одинаковых темно-серых костюмах.

Один показал свое удостоверение и представился:

— Салливан, ФБР. Вы арестованы по обвинению в убийстве этого офицера.

«ФБР изобличает Доктора Смерть».

Броские заголовки спровоцировали массовую истерию, которая вихрем закружила Сета Лазаруса. Циники журналисты играли на мысли, подспудно посещающей любого: «Моя жизнь в руках моего врача. Стоит ему по какой-либо причине меня невзлюбить, и он безнаказанно меня умертвит».

Известие о том, что злобный доктор Лазарус воплотил самые ужасные людские фантазии, сделало Сета объектом всеобщего негодования. А еще — боязни, ненависти и презрения.

Но более всего — любопытства.

Для Джуди каждое новое утро превращалось в кошмар. Невозможно было отправить детей в школу, чтобы не натолкнуться на прячущихся по кустам фоторепортеров. У нее было такое чувство, будто весь мир только и говорил о ее муже — отце ее детей — и о том, что он сделал.

В глазах возмущенного большинства Сет был чудовищем. Отныне любая госпитализация стала восприниматься как угроза попасть в лапы к такому вот доктору Лазарусу. Джуди одолевали звонками с угрозами.

Для других Сет был бесстрашным, мужественным человеком. Но они не находили в себе смелости заявить о своей позиции вслух.

Это дело обсуждалось по всей Америке. Мужья спрашивали жен: «Если бы я мучился от невыносимой боли, ты бы нашла мне такого врача, чтобы он меня усыпил?»

Другие задавались вопросом, сколько еще таких врачей, несущих смерть, залегло на дно. И скольких несчастных помимо капитана Кампоса умертвил этот доктор из Чикаго?

На редакции газет обрушилась лавина писем. Вопрос стоял так: «Право на жизнь против права на смерть».

А некоторые ходили в церковь и молились за спасение Сета.

Это были те, чьих близких Сет избавил от нечеловеческих страданий. Но единственное, что сейчас они могли для него сделать, была молитва. Ибо встать на публичную защиту Сета означало лишь усугубить улики против него как убийцы.

А кое-кто боялся и за свою шкуру. Что, если доктор Лазарус станет в отместку называть фамилии? И они превратятся в соучастников?

Генеральный прокурор штата Уолтерс день ото дня набирал вес. И всегда находил возможность уделить журналистам несколько минут своего драгоценного времени.

Не отличался излишней скромностью и агент Салливан. Будучи помощником агента по особым поручениям, иными словами, достаточно высокопоставленным должностным лицом в ФБР, но уже не задействованными секретных операциях лично, он тоже мог позировать перед фотокамерами и раздавать интервью. И Салливан явил недюжинную фантазию. Однако у него всякий раз хватало осторожности сопровождать свои заявления оборотами типа «предположительно» и «как утверждается». Или еще того хуже — коварно улыбнуться и заявить: «На данный момент я не могу это комментировать», что, по сути, означало утвердительный ответ на вопрос корреспондента без какой-либо ответственности за свои слова.

Все это происходило за стенами тюрьмы, где теперь находился обвиняемый. Ибо, предъявляя обвинение, прокурор был настолько убедителен, что судья отклонил прошение об освобождении Сета под залог.

С момента своего ареста Сет пребывал в состоянии паники, и развитие ситуации лишь усугубляло ее.

Во-первых, агенты ФБР, казалось, находили нездоровое удовольствие в том, чтобы терзать «Доктора Смерть» безобидными на первый взгляд приемчиками — больно потянуть за наручники, чуть сильнее, чем нужно, толкнуть в спину, сажая в машину, и прочее в том же духе.

Но самой страшной была не физическая боль, а унижение. Полицейские и фэбээровцы упражнялись в насмешках типа: «Кто будет вашим адвокатом на суде — Джек Потрошитель?»

На самом деле никакого адвоката у него не было. Был симпатичный парень Марри, с которым он учился в старших классах. Когда-то он помогал ему в заполнении налоговой декларации, а еще подал от его имени иск на парня, помявшего ему машину. Но Марри ясно понимал, что это дело ему не по плечу.

— Сет, не переживай, — успокаивал он. — Я найду тебе прекрасного адвоката. Позвоню даже друзьям в Нью-Йорк, пусть подыщут тебе лучшего судебного защитника...

Сет часами сидел в камере, не двигаясь с места и не зная, что теперь делать. Он с утра начинал ждать, когда придет Джуди. Джуди была его спасательным кругом. Гарантией от помешательства.

— Я отвезла детей в Индианаполис, к Наоми, — докладывала Джуди. — Она говорит, чтобы мы не волновались, — она продержит их столько, сколько будет нужно. Говорила я тебе, у меня золотая сестра!

Сет помотал головой.

— Господи, — невнятно сказал он, — что я здесь делаю? За что меня собираются судить? Неужели у всех этих людей нет ни капли сострадания?

«Нет, — подумала Джуди, — способность к состраданию Господь роздал людям очень неравномерно. У тебя его слишком много, у других — слишком мало».

— Так что там с адвокатом? — поинтересовался он.

— Марри изо всех сил хлопочет. Все твердит, что нам нужен такой юрист, кто мог бы на суде противостоять самому генеральному прокурору — этот Уолтерс очень ловкий, а к тому же полон политических амбиций. Марри говорит, нам нужен кто-то вроде Перри Мейсона или Марка Зильберта.

— Зильберта? Того, что вытаскивает самые безнадежные дела? А разве мое дело безнадежное? Да и вообще, он нам не по карману.

— Мне все равно, Сет. Продам дом. Лишь бы тебе помочь.

— Джуди, пожалуйста, — застонал он, обхватив голову руками, — пожалуйста, вытащи меня отсюда!

Она обняла его. Он всегда был худой, а сейчас показался ей каким-то особенно беззащитным. Она решила отправиться в контору к Зильберту и не выходить оттуда, пока знаменитый адвокат не согласится ее принять.

Но осаждать Зильберта не пришлось.

Едва секретарша в приемной сообщила мистеру Зильберту, кто без предварительного согласования добивается с ним встречи, как тот приказал, чтобы Джуди немедленно проводили к нему в кабинет.

Впервые за неделю, прошедшую с момента ареста Сета, Джуди почувствовала, что у нее есть хотя бы один друг в этом жестоком, озлобленном мире.

Провожая ее по коридору, секретарша на ушко предупредила:

— Пожалуйста, не пугайтесь голоса мистера Зильберта: он только что перенес операцию.

— Какую операцию? — поинтересовалась Джуди.

— По науке называется ларингэктомия. Это...

— Я знаю, — ответила бывшая медсестра. — Ему удалили голосовые связки.

Секретарша кивнула.

— Он очень мужественно это переносит. К нему каждый день приходит логопед и учит пользоваться специальным электронным устройством, вживленным в гортань, чтоб он опять мог говорить. Пока голос у него еще... как бы это сказать? — какой-то механический, что ли... Но вы привыкнете.

«Я-то привыкну, — подумала Джуди. — А присяжные?»

Несмотря на предупреждение, при первом звуке скрипучего голоса седовласого адвоката Джуди невольно испытала шок.

— Здравствуйте, миссис Лазарус, — проскрежетал тот с помощью своего аппарата. — Пожалуйста, присаживайтесь.

Поражал не только металлический звук из небольшого громкоговорителя — было такое впечатление, что сам голос доносится из глубины бездонного колодца.

— Надеюсь, моя секретарша успела вам объяснить, почему я больше не выступаю в Метрополитен-опере, — пошутил он. Было видно, что каждое слово дается ему с трудом. — Но я не собираюсь произносить длинных речей в суде, пока не освоюсь с этой штукой. Однако у меня в конторе достаточно дельных ребят, которые справятся с этим делом. Я рад, что вы пришли ко мне. Насколько я могу судить по газетам, есть определенные группы, заинтересованные в том, чтобы устроить из суда над вашим мужем показательный процесс. А это ставит его в крайне опасное положение.

Джуди подумала: «Он берет дело! И что с того, что он не может говорить? Мозги-то у него остались!» Тут она поняла, что не задала еще одного, не менее важного, вопроса.

— Мистер Зильберт, Сет хорошо зарабатывает, но богатыми людьми нас не назовешь...

Адвокат остановил ее взмахом руки и проскрежетал:

— Миссис Лазарус, пускай сумма гонорара вас не беспокоит. Наша фирма больше радеет о соблюдении законности, нежели о деньгах. К тому же у нас есть платежеспособные клиенты, что отчасти компенсирует нам расходы, понесенные в сражениях за торжество морали. К примеру, мы только что выиграли крупное дело против компании «Игл фармасютикалз», которая не сочла нужным предостеречь потребителя, что прием препарата саранак от тошноты во время беременности может привести к уродству плода.

— Да-да, я об этом читала, — заметила Джуди. — Вы блестяще провели дело!

— Кстати, наш юрист, который вел это дело, по-моему, идеально подходит и для вашего случая. Блистательный адвокат! Закончил юридический за два года! И кроме того, выступал в роли свидетеля-эксперта на ряде процессов о врачебных ошибках. Естественно, всю подготовительную работу мы проведем вместе. Но давайте я его сюда приглашу, чтобы вам не рассказывать одно и то же дважды.

Он нажал кнопку селектора и сказал:

— Не попросите доктора к нам присоединиться?

Джуди смутилась.

— Вы сказали — доктора?

Зильберт кивнул:

— Да, он доктор и одновременно юрист. Не могу передать, как он был великолепен на перекрестном допросе свидетелей «Игл» — он их смутил, как школьников, которым впервые дали в руки химреактивы. По сути дела, стоило ему начать крушить оппонентов, как «Игл» задрала лапки кверху и предложила отступного. И какие суммы!

Тут в кабинет вошел Беннет Ландсманн.

— Добрый день, — поздоровался он с Джуди и протянул руку. — Я рад, что вы обратились к нам. Во-первых, потому, что считаю это дело грязной политической игрой, а во-вторых, потому, что учился с вашим мужем на медицинском.

— Бен, а ты отдаешь себе отчет, — полушутя вставил Зильберт, — что этот факт может быть обращен против тебя?

Беннет улыбнулся:

— Марк, всякий раз, как я вылезаю со своей черной физиономией перед присяжными, я понимаю, что перевес не на моей стороне. Но обычно мне это не мешает вытащить дело.

Повернувшись к Джуди, он спросил:

— Миссис Лазарус, вы не могли бы нам рассказать, как дело было? С самого начала?

Рассказ Джуди привел Беннета в негодование. Тем не менее он несколько успокоил ее, объяснив, что во многих случаях такие «убийцы из милосердия» освобождались от ответственности, если удавалось довести до сознания присяжных, что они действовали в особых обстоятельствах. Как правило, таким обстоятельством признавалась единодушная просьба близких больного положить конец его страданиям. Однако то, что Уолтерс явно вознамерился обратить этот процесс на пользу своей политической карьере, осложняло дело.

Первой задачей Беннет поставил себе добиться освобождения Сета до суда под залог.

К великому облегчению супругов Лазарус, ему это удалось. Сет был отпущен под залог в сто тысяч долларов, который внесла адвокатская контора.

Бен посоветовал Сету с Джуди ради собственной безопасности и спокойствия пожить пока в какой-нибудь неприметной гостинице на отшибе.

Они охотно согласились.

— И откормите его как следует, — посоветовал он жене Сета. — Судя по всему, тюремная пища ему пришлась не по нутру.

Еще не вполне оправившийся от душевной травмы, вызванной заточением, Сет с чувством пожал Бену руку.

— Никогда этого не забуду, Бен. Мы ведь с тобой в университете были едва знакомы, а ты вот теперь подставляешь ради меня свою шею.

— Ничего подобного! — возразил тот. — Я это делаю не только ради тебя, а ради всех пациентов, которым ты помог. Честное слово, я бы тоже мог порассказать о случаях, когда хирург на моих глазах обнаруживает у больного неоперабельный рак и просит анестезиолога дать ему чуть больше наркоза, чтобы он «заснул крепче». Только никто при этом не спрашивал согласия этих несчастных.

— Из этих врачей никто не выступит на суде свидетелем? — с надеждой спросил Сет.

— Даже не думай, — сказал Беннет. — Они же добровольно не полезут в петлю! До таких пределов их способность к состраданию не простирается.

На самом деле в этом-то и состояла главная проблема: найти врача, а лучшее трех-четырёх, придерживающихся той точки зрения, что Сет не нарушал врачебной этики, поскольку первейшая обязанность медика состоит в избавлении больного от страданий.

Суд был назначен на первый понедельник ноября. Беннет чувствовал, что до последнего дня будет бегать по знакомым докторам в поисках смельчаков, готовых выступить в защиту Сета.

Но и к середине лета ни одного такого свидетеля найти не удалось. Хирурги, знакомые по Бостону и Нью-Хейвену, либо отрицали, что когда-либо совершали что-то похожее, либо просто отказывались выступать в суде, ссылаясь на неписаное правило, запрещающее врачам высказываться о действиях своих коллег.

«Черт побери! — с досадой думал Беннет. — Так дело пойдет, придется самому речь говорить».

Времени оставалось все меньше, и Марк Зильберт подал ходатайство об отсрочке слушаний.

Генеральный прокурор штата Уолтерс тоже считал ноябрь неудачным временем для процесса. Потому что это означало, что суд пройдет после выборов, а следовательно, никакого политического эффекта, на который он так рассчитывал, уже не даст. И он, в свою очередь, тоже попросил судью о переносе разбирательства. Но на более ранний срок.

Это, конечно, было делом неслыханным. И в высшей степени несправедливым по отношению к обвиняемому. Но Эдмунд Уолтерс не зря двадцать лет служил своей партии. У него имелись нужные связи. И сейчас он все их пустил в ход.

Суд передвинули на начало сентября.

Беннет был вне себя. Зильберт метал громы и молнии. Оба подали протест. И все напрасно. Суд стремительно приближался, и хотя боеприпасы у них были, оружия явно не хватало. Точнее — не было вовсе.

В середине августа Беннет как-то позвонил Барни и излил ему все свое негодование. В тот вечер он вознамерился оставаться на работе до тех пор, пока не обзвонит всех врачей на Западном и Восточном побережье.

— Послушай, какой позор! — поддержал его Барни, — Поверить не могу, что столько врачей озабочены лишь собственным благополучием в тот момент, когда на карту поставлена судьба человека. Больше того — их коллеги!

— Знаешь, Барн, — устало поведал Беннет, — если бы я мог назвать тебе имена всех выдающихся медиков нашей страны, которые уже отказались свидетельствовать на стороне защиты, то ты бы мог написать книгу под названием «Кто есть кто в американской медицине». Убедительно бы получилось!

— А у обвинения есть тяжелая артиллерия?

— Смеешься? — воскликнул Беннет. — У них там целый батальон рвется в бой, чтобы заклеить эвтаназию. Медицина внезапно заболела ханжеством. Ты ни за что не угадаешь, кто их самый высокопоставленный свидетель. Ты сейчас упадешь. Декан Кортни Холмс!

— Холмс? Ты шутишь? С чего бы ему вылезать свидетелем против собственного студента?

— Ну, надо отдать ему должное: насколько я знаю, его вызвали повесткой. Так что есть маленький шанс, что он не станет топить Сета.

— А я могу чем-то помочь? — спросил Барни.

Беннет поразмыслил и сказал:

— Вообще-то, Барн, одну услугу ты бы мог оказать. У брата покойного, Гектора, кое-какие проблемы с психикой. Ты бы не мог его посмотреть и дать официальное заключение о том, в состоянии он выступать свидетелем или нет?

— Конечно, Бен, что за вопрос. Но зачем тебе в качестве свидетеля психически неуравновешенный человек?

— Послушай, Барн, ты что, не улавливаешь? Ни один человек в здравом рассудке не станет свидетельствовать на этом суде.

— Ландсманн, это не смешно.

— Уверяю тебя, Барни, я не смеюсь. Как скоро ты мог бы вылететь?

— Следующие выходные тебя устроят?

— Отлично. Я приглашу его к тебе на беседу, а тебя встречу в аэропорту. Возьми с собой Лору, устроим небольшую встречу однокашников. И вот еще: спасибо тебе, что не прячешь голову в песок.

— Да ты что, Бен? Это у Сета голова на плахе.

Он повесил трубку и повернулся к Лоре.

— Как насчет выходных в Городе ветров?

— Здорово! Но я не смогу поехать.

— Да ладно тебе, детка! Разве у нас с тобой не эксклюзивный уговор проводить выходные вместе?

— Барн, я не могу лететь.

— Это еще что за новости? Фобия развилась?

— Да, новости. Только не фобия, а беременность.

— Тишина! Начинаем слушания в окружном суде Северного Иллинойса. Всем встать! Его честь судья Джулиус Новак.

Человек-гора с высеченным из камня лицом торжественно прошествовал на возвышение, расправив полы мантии, сел в кресло и бесцеремонно обвел взором юристов, представляющих обе стороны.

— Итак, мы начинаем слушание дела «Соединенные Штаты против Лазаруса». Адвокаты готовы?

Несмотря на работающие кондиционеры, из-за наплыва народа и традиционной чикагской жары зал суда очень быстро стал напоминать баню.

Марк Зильберт с некоторым усилием поднялся и с достоинством, смягчающим неприятное впечатление от металлического звучания его голоса, произнес:

— Мы готовы, ваша честь.

Хотя на федеральном процессе официальным обвинителем полагается выступить заместителю генерального прокурора страны, Эд Уолтерс ловкими ухищрениями повернул дело так, чтобы главная роль выпала ему, и позволил молодому представителю федерального правительства Родни Бруку произнести лишь одну эту фразу:

— Да, ваша честь.

Уолтерс мгновенно вскочил на ноги, вышел из-за стола и оказался на авансцене.

Он повернулся к присяжным с видом оперного тенора собравшегося потрясти публику великолепной арией.

— Ваша честь, дамы и господа присяжные заседатели! Сегодня мы представим вам неопровержимые доказательства того, что двенадцатого марта сего года доктор медицины Сет Лазарус умышленно и преднамеренно убил капитана морской пехоты США Франсиско Кампоса, пациента Государственного госпиталя для ветеранов Лейкшор.

Тут он снял очки и пытливый взор обвел присяжных.

— Дело, которое мы сегодня слушаем, имеет значение, выходящее далеко за стены этого зала. Оно затрагивает самые фундаментальные принципы, позволяющие нам относить себя к правовому государству.

Мои коллеги, сторона защиты — господина Зильберта и Ландсмана, скажут, что их подзащитный совершил свое деяние из милосердия. Но это будет равносильно признанию его вины. Ибо, за исключением столь очевидных обстоятельств, как невменяемость или самооборона, ни в одном кодексе ни одной страны мы не найдем оправдания такому акту, как лишение человека жизни, будь то из злого умысла или из сострадания. Обвинению хорошо известно, что до сих пор обвиняемый пользовался репутацией знающего и заботливого врача. И тем не менее с помощью разнообразных свидетельских показаний мы докажем, что, устранив капитана Кампоса, он нарушил закон.

После этого судья Новак предложил защите произнести свое вступительное слово.

Зильберт встал и шелестящим металлическим голосом прокричал:

— Ваша честь, у нас нет вступительного заявления. Мы не сомневаемся, что обвинению не удастся убедительно доказать вину нашего подзащитного.

На кафедру вновь вошел Уолтерс. Он вызвал в качестве свидетеля агента по особым делам Патрика Салливана. Тот непринужденно занял место для дачи показаний, приготовившись к хорошо знакомой ему процедуре.

Уолтерс начал задавать вопросы.

— Агент Салливан, не расскажете ли нам, каким образом к этому делу оказалось подключено ФБР?

— Сэр, согласно восемнадцатой статье Уголовного кодекса США любое правонарушение, совершенное в государственном учреждении федерального подчинения, подпадает под нашу юрисдикцию. О действиях доктора Лазаруса мне стало известно через одну медсестру, работающую в ветеранском госпитале, которой показалась подозрительной внезапная кончина одного из пациентов. Женщина встревожилась, что подобное может повториться и в дальнейшем. Мы установили за подозреваемым круглосуточное наблюдение и получили санкцию на установку микрофона у постели капитана Кампоса.

— Чем была вызвана такая необходимость? — спросил Уолтерс.

— У нас были веские основания полагать, что капитан Кампос станет следующей жертвой.

— Какие основания?

— Нам было известно, что младший брат капитана в прошлое Рождество уже пытался его убить. Несчастный юноша был одержим желанием прекратить мучения своего брата. — Салливан поспешил поправить себя: — Вернее, то, что он считал мучениями.

— И что вы узнали из своих записей?

— На пленке было слышно, как доктор Лазарус сообщает капитану Кампосу о своем намерении его умертвить.

— Как отреагировал на это капитан Кампос?

— Совершенно очевидно, он был испуган, однако тяжкие увечья не позволяли ему сообщить о своих опасениях другому персоналу. Он не мог общаться с другими людьми.

Беннет резко запротестовал:

— Защита возражает! Из пленки явственно следует, что при всех его увечьях капитан Кампос вполне сохранил способность к общению и здравый рассудок.

Уолтерс повернулся к адвокату и спросил:

— Вы хотите, чтобы эта пленка была заслушана в суде в качестве улики?

— Совершенно верно, — подтвердил Беннет.

Зал заволновался. Был внесен магнитофон, и Уолтерс с видом церемониймейстера объявил:

— Ваша честь, дамы и господа присяжные! Сейчас вы прослушаете запись так называемой «беседы» между капитаном Кампосом и обвиняемым, доктором Лазарусом.

И эффективным жестом нажал кнопку воспроизведения.

Весь зал услышал, как Сет спрашивает раненого морского пехотинца, слышит ли он его, и жалкие стоны последнего в знак согласия. Затем последовал вопрос, испытывает ли офицер боль и желает ли он умереть. И вновь — ответные стенания. Наконец все услышали, как Сет сказал: «Я очень скоро вернусь».

Уолтерс выключил запись и с нескрываемым удовлетворением посмотрел на присяжных.

— Дамы и господа! Оставляю на ваше усмотрение определить, были ли эти нечленораздельные, страдальческие и, я бы сказал, жалобные, нечеловеческие звуки выражением ужаса больного оттого, что он не мог поделиться своими опасениями ни с кем из окружающих.

Сет обхватил голову руками. Через несколько рядов от него сидела Джуди, и Барни сейчас ободряющим жестом похлопал ее по стиснутой в кулак руке.

Беннет снова перебил:

— Ваша честь, защита заявляет протест. Это уже выводы, которые можно будет делать лишь по окончании слушаний.

Новак кивнул:

— Принимается. — И, повернувшись к Уолтерсу, распорядился: — Прошу обвинение перейти к следующему вопросу.

Уолтерс снова обратился к агенту ФБР:

— Не могли бы вы сказать, что вы предприняли, после того как услышали предложение, точнее обещание, подсудимого капитану Кампосу?

— Конечно. Двое наших агентов сидели в подвале госпиталя и непрерывно вели прослушивание, с тем чтобы при малейшей угрозе оказаться на месте преступления.

Он с извиняющимся видом повернулся к присяжным.

— Прошу извинить мне мой высокий слог, но мы пытались спасти человеческую жизнь. — И, вновь обращаясь к Уолтерсу, добавил: — Больно говорить, но момент убийства также зафиксирован на пленке.

Генеральный прокурор еще раз театральным жестом включил запись, и все услышали, как Сет говорит: «Капитан Кампос, вы меня слышите? Это доктор Лазарус. Я пришел избавить вас от боли. Помочь вам уснуть навеки. Если вы согласны, я сделаю вам небольшой укольчик, и вы больше не будете страдать».

Уолтерс остановил пленку и обратился к свидетелю:

— Как вы и ваши люди повели себя в этой ситуации?

— Мы действовали быстро, как могли. Но, увы, доктор Лазарус оказался проворнее и опередил нас. Когда мы прибыли на место преступления, он уже успел убить капитана Кампоса.

— Возражение! — выкрикнул Беннет. — Обвинение объявляет моего подзащитного преступником до решения суда.

На что судья Новак ответил:

— Согласен, доктор Ландсмэнн. Прошу присяжных не принимать во внимание последнюю реплику агента Салливана.

Нимало не смутясь, Уолтерс учтиво изрек:

— Агент Салливан, ваши действия в этом деле достойны всяческих похвал.

— Благодарю вас, сэр.

Салливан начал было спускаться с кафедры, но тут вспомнил, что ему полагается еще ответить на вопросы защиты.

— Агент Салливан, — начал Беннет, — я просил бы вас прокомментировать последний фрагмент записи и объяснить, что, как вы предполагаете, произошло.

— Мистер Ландсманн, — раздраженно начал Салливан, — я не предполагаю, я *знаю*. Я сотрудник правоохранительных органов.

— Прошу прощения, сэр, но вы не присутствовали на месте происшествия. Прямые улики ограничиваются только вашей пленкой. А кстати, вы ее никак не монтировали?

— Могу категорически заявить: нет! — возмутился агент.

— Тогда позвольте вас спросить, сэр, каков был ответ капитана Кампоса на предложение доктора Лазаруса сделать ему смертельный укол?

Салливан замялся.

— Вообще-то никакого ответа, по сути, не было. Может быть, больной находился под действием лекарств.

— Или же капитан Кампос уже был мертв. Такое возможно? — предположил Беннет.

— О господи! — все больше раздражался агент. — В этом мире все возможно! Вы же своими ушами слышали, как Лазарус говорит, что пришел избавить его от страданий. Так какая же разница?

— Я бы сказал, разница очень большая. На следствии подсудимый показал, что ни за что не стал бы выполнять свое обещание, не получив от больного внятного согласия. Это вы не станете отрицать?

— Доктор Ландсманн, я давно работаю в правоохранительных органах, и когда полицейский обнаруживает тело, а над ним человека с дымящимся пистолетом, сомнений у него не возникает. Вам так не кажется?

— Судя по всему, у вас действительно нет таких сомнений, агент Салливан. — Беннет прошел к своему месту и взял со стола какой-то документ — Агент Салливан, вы знакомились с протоколом вскрытия? Он приобщен к делу.

— Так точно, сэр.

— И вы помните, что в нем причиной смерти называется большая доза гидрохлорида кокаина?

— Так точно, сэр.

— Не обнаружило ли ФБР отпечатков пальцев подсудимого на шприце или какой-либо другой емкости из-под кокаина?

Салливан помялся.

— Это ничего не значит. Мы нашли при нем полный шприц морфина. Этой дозой можно было убить лошадь.

— Сэр, вы не ответили на мой вопрос. Мы не подвергаем сомнению, что у доктора Лазаруса был при себе шприц с морфином. Я уверен, что присяжные отметили ваше сообщение о том, что он был полон. Но каким образом, вы думаете, доктор Лазарус ввел в организм больного кокаин? И как вы объясняете тот факт, что никакого приспособления найдено не было?

— Он мог его выбросить.

— Но это только ваше предположение, не так ли?

Салливан нехотя кивнул:

— Да, можно так сказать.

Беннет посмотрел на присяжных и невозмутимо отпустил свидетеля:

— Больше у защиты нет вопросов.

Салливан метнул в него злобный взгляд и сошел с кафедры.

Прежде чем вызвать следующего свидетеля, генеральный прокурор Уолтерс взял в руки увесистый том, открыл на заложённой странице и с самодовольной ухмылкой обратился к присяжным:

— Покорно прошу судью Новака пояснить присяжным положение кодекса, в котором содержится определение так называемого «покушения на негодный объект».

Он протянул книгу Новаку, тот нацепил очки и исполнил просьбу обвинения:

— Дамы и господа присяжные заседатели, позвольте зачитать вам следующее положение: «Лицо может быть признано виновным в покушении на убийство, даже если на момент покушения потерпевший уже был мертв, при условии, что имеются доказательства того, что обвиняемый этого не знал».

Уолтерс повернулся к присяжным с лучезарной улыбкой:

— Я бы сказал, что эта формулировка исключает двойное толкование и может быть напрямую отнесена к...

— Возражение! — поднялся Зильберт. — Обвинение не вправе толковать закон.

— Принято, — согласился Новак.

Уолтерс картинно подчинился, всем своим видом давая понять: мол, мы-то с вами знаем, что он виновен, но обязаны соблюдать процедуру.

Он продолжил:

— Поскольку мои коллеги, представляющие защиту, заговорили о приобщенных к делу уликах и показаниях, я бы хотел обратить общее внимание на показания, которые будет давать большому жюри Гектор Кампос, некоторое время назад пытавшийся убить своего брата, — позднее было признано, что он в тот момент находился в невменяемом состоянии. Брат покойного признает, что просил доктора Лазаруса совершить «убийство из сострадания» — я опять употребляю этот термин с большим скептицизмом. Таким образом, у нас имеется еще одно доказательство, что подсудимый действовал с умыслом.

Он выдержал небольшую паузу.

— А теперь обвинение хотело бы пригласить в качестве свидетеля доктора Кортни Холмса.

Несколько находящихся в зале врачей, в том числе один из защитников подсудимого, с волнением наблюдали, как к кафедре для дачи показаний проходит их бывший декан, приносит присягу и готовится отвечать на вопросы.

Холмс перечислил свои многочисленные заслуги. Он тридцать пять лет числился профессором Гарвардской школы медицины и двенадцать лет был ее деканом. А в настоящее время, будучи заслуженным профессором в отставке, он работал в составе нескольких общенациональных комитетов и консультативных советов конгресса.

Уолтерс мотивировал вызов его в качестве свидетеля тем, что у Холмса имелось несколько публикаций по проблемам врачебной этики. Однако защита понятия не имела, в каком свете бывший декан представит нынешнее дело.

— Декан Холмс, вы знакомы с подзащитным?

— Я помню его как блистательного студента. Если мне не изменяет память, он был лучшим выпускником тысяча девятьсот шестьдесят второго года.

— Верно ли, — поинтересовался Уолтерс, — что в феврале тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, а затем в начале тысяча девятьсот шестидесятого на возглавляемом вами факультете произошла серия необъяснимых убийств?

Беннет вскочил на ноги.

— Возражение, ваша честь! Из формулировки вопроса следует, что речь идет об убийстве людей, тогда как на самом деле...

Уолтерс не дал ему договорить. Он с сарказмом повернулся к самому Беннету:

— Ах, так вы тоже знаете об этих убийствах, адвокат?

Судья Новак постучал молотком.

— Джентльмены, мы с вами не на научных дебатах! Прошу вас обоих подойти.

Юристы повиновались. Новак шепотом сказал:

— Уолтерс, что вы пытаетесь доказать?

— Ваша честь, я пытался выявить неблагоприятные поступки подсудимого в прошлом, с тем чтобы показать последовательно порочную линию поведения.

— Это все недоказуемо! — возмутился Беннет. — Защита возражает.

Судья вздохнул:

— Я позволю ему продолжить, а после решу, допустимы ли такие улики. Вы можете действовать дальше, мистер Уолтерс.

Беннет покорился и вернулся на свое место, мрачно взглянув на Марка Зильберта.

Прокурор продолжил допрос свидетеля:

— Декан Холмс, вы не могли бы нам рассказать об этих случаях?

Прославленный ученый медленно произнес:

— Речь идет о загадочной смерти подопытных животных, а если конкретнее, то собак. Это произошло в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, в тысяча девятьсот шестидесятом повторилось.

— Был ли обвиняемый в числе студентов, которые проводили опыты над этими животными?

Беннет взорвался:

— Защита возражает! Какое отношение смерть собак имеет к делу доктора Лазаруса?

— Доктор Ландсманн, — успокоил судья, — я пока еще не принял никакого решения и вынесу его, когда дослушаю до конца.

— Декан Холмс, вы не могли бы пояснить, что произошло с собаками в этих двух случаях «убийства из сострадания»?

— Я бы счел такую формулировку некоторым преувеличением.

— Позвольте мне поставить вопрос иначе, сэр, — сказал Уолтерс, стараясь скрыть растущее раздражение собственным свидетелем. — Можно ли сказать, что с точки зрения жертв эти убийства были избавлением от боли?

— Пожалуй.

Уолтерс повернулся к присяжным.

— Дамы и господа, обращаю ваше внимание, что в обоих случаях, когда в стенах Гарварда загадочным образом погибли подопытные собаки, в числе студентов значился мистер Лазарус. Сколько всего животных было таким образом «избавлено от страданий», декан Холмс?

— Не припомню.

Уолтерс сверился с записями.

— Я вам помогу. В первом случае было убито девять животных, во втором — шесть. Удалось ли раскрыть эту загадку?

— Нет, сэр.

— А в последующие годы что-либо подобное случалось?

— Нет, сэр, больше не случалось.

Уолтерс Повернулся К Беннету.

— Свидетель ваш.

Беннета вдруг одолела непонятная робость. Ему уже приходилось допрашивать в суде достаточно грозных личностей, но сейчас предстояло задавать вопросы одному из самых почитаемых им педагогов. Неимоверным усилием воли он напомнил себе, что уже давно не школяр.

— Декан Холмс, вы когда-либо издавали труды по проблемам эвтаназии или читали лекции на эту тему?

— Да. Мои работы изданы в сборнике материалов Первой международной конференции по врачебной этике, а также

периодически выходят в тех или иных изданиях, как правило, в сжатом виде.

— Сэр, не могли бы вы определить поточнее: высказывались ли вы в печати или публично относительно так называемого «убийства из сострадания»? Есть ли у вас четкое отношение к этой проблеме, вы за или против эвтаназии?

Зал замер. Холмс с достоинством произнес:

— Я знавал случаи, когда надежды на сохранение жизни не было, а наши возможности облегчить страдания больного оказывались исчерпывающими, и врачи — в том числе мои собственные наставники — «ускоряли» кончину пациента.

В зале поднялся шум. Судья сердито застучал молотком, призывая к порядку.

— Декан Холмс, вы осведомлены о проходящей в обществе дискуссии на тему эвтаназии?

— Вполне.

Как специалист, считаете ли вы правильным принять во внимание мнение церкви?

— Да.

— И вам, вероятно, знакома позиция на сей счет Папы Пия XII?

— Знакома.

— Не могли бы вы пересказать суду, что по этому поводу заявил понтифик?

— Насколько мне известно, в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году Его Святейшеству задали вопрос, считает ли он возможным облегчить нестерпимые страдания безнадежного больного морфином или другим болеутоляющим средством, даже если это может представлять угрозу его жизни.

И что он ответил?

— Он сказал «да». Я могу вас точно адресовать к первоисточнику. Эта же точка зрения высказана в Декларации Ватикана по проблеме эвтаназии.

— Иными словами, Папа выступил в поддержку убийства из сострадания?

— Возражение! Возражение! — закричал Уолтерс. — Свидетель не должен строить догадки относительно того, что Папа имел в виду.

— Принимается, — согласился Новак. — Если только доктор Ландсманн не представит нам этой формулировки в печатном виде, присяжным следует не принимать во внимание понятие «убийство из сострадания» применительно к высказыванию Папы Римского. Пожалуйста, продолжайте, доктор Ландсманн.

Теперь Беннет заволновался. Неожиданное заявление понтифика, прежде не замеченного в особо либеральных воззрениях, было одним из его главных козырей. Но его арсенал еще не был исчерпан.

— Последний вопрос, декан Холмс. Если оставить в стороне теорию, вы сами могли бы помочь своему больному умереть?

Воцарилась тишина. Все напряглись, ожидая ответа прославленного медика.

Ответ прозвучал очень тихо:

— Да.

Заключительная реплика Беннета: «Больше вопросов нет» потонула в шуме публики, которую судье пришлось призывать к порядку стуком молотка.

Поднялся Уолтерс.

— Если ваша честь намерены приобщить к делу последние показания свидетеля, я бы хотел спросить у декана Холмса, известны ли ему заявления на эту тему доктора Эдвина Лондона, главного хирурга Соединенных Штатов?

— Известны. Точных слов не припомню, но...

Уолтерс достал листок и объявил:

— Я с радостью освежу вашу память. Доктор Лондон сказал буквально следующее: «Только Всевышний может определить, когда жизнь человека уже потеряла свою цену. Стоит нам принять за этическую норму, что человек вправе решать, кому из его собратьев жить дальше, а кому — умирать, и мы окажемся на пути к концентрационным лагерям». — Тут он поднял взгляд на судью и сказал: — Больше вопросов нет.

Судья обратился к Беннету:

— У вас, доктор Ландсманн?

— Нет, ваша честь.

— У обвинения еще есть свидетели?

— Никак нет, сэр. Я бы только почтительно напомнил присяжным, что мы приобщили к делу протокол вскрытия и что им

были зачитаны показания, данные на следствии теми свидетелями, которых сегодня вызвать не представилось возможным. Обвинение предъявило свои доказательства.

— Хорошо. В таком случае объявляется обеденный перерыв. Слушание дела возобновится в два часа.

Без четверти два зал уже был полон.

Беннет поднялся. Настало время защиты. Он собирался потрясти присяжных примерами из других дел, когда так называемые «милосердные убийцы» признавались невиновными.

— Таких прецедентов тысячи. Например, в тысяча девятьсот шестьдесят первом году отец, умертвивший своего искалеченного...

Эдмунд Уолтерс не успел выступить с возражением. Его опередил судья Новак:

— Не принимается судом, доктор Ландсманн! Доказательство недопустимое! Я запрещаю вам прибегать к подобной аргументации.

Беннета лишили его самого сильного аргумента. Он беспомощно взглянул на Марка Зильберта, тот подал ему знак левой рукой.

Тогда Беннет посмотрел на Барни. Тот взглядом попытался напомнить ему то, что уже говорил после беседы с Гектором Кампосом. («Бен, этот парень психически неуравновешен. Это ходячая бомба с часовым механизмом».)

Беннет нехотя пригласил для дачи показаний брата покойного.

— Гектор, — мягко начал он, — вы знали о масштабах телесных повреждений вашего брата? Вам было известно, что он ослеп, частично оглох и не может двигаться?

— Да.

— И вы знали, что он страдает от боли?

— Да, сэр.

— А откуда вам это было известно?

— Он мне сам говорил, сэр.

— Словами?

— Ну... нет, сэр. Он мог только издавать какие-то звуки — ну, вы на пленке сами слышали. Я всегда различал, когда он говорит «да», а когда — «нет». Поэтому я знал, что Фрэнк хочет умереть. Я его сам об этом спрашивал.

— И что вы предприняли в этой связи?

— Купил пушку. Я попытался его застрелить — и промахнулся. — Он сглатывал слезы. — Я промахнулся! Какой ужас! Я промазал!

Парень закрыл лицо руками и зарыдал.

Судья Новак перегнулся к Беннету.

— Может, объявим перерыв?

— Нет, сэр, спасибо. Он сейчас возьмет себя в руки.

С минуту зал ждал, пока молодой человек успокоится.

— Гектор, — так же мягко продолжил Беннет, — ты не можешь нам объяснить, зачем ты это сделал?

— Фрэнк так мучился! Он так хотел, чтобы Бог поскорее забрал его к себе.

Беннет посмотрел на Уолтерса.

— Свидетель ваш, господин генеральный прокурор.

Возвращаясь на свое место, Беннет снова взглянул на Барни — тот утирал пот.

Уолтерс бодро вскочил и повернулся к присяжным.

— Я задам этому джентльмену всего один вопрос. Меня удовлетворит любой ответ. Мистер Кампос, вы просили доктора Лазаруса употребить свои навыки врача и убить вашего брата?

Гектор кивнул.

— Пожалуйста, ответьте словами. Только одно слово — да или нет?

— Да, — ответил парень. — Просил.

Уолтерс картинно взмахнул рукой и объявил:

— Больше вопросов нет.

Беннет уже был на ногах.

— Ваша честь, у меня есть еще вопросы. А точнее, как и у моего уважаемого коллеги, только один вопрос.

Он помолчал, стараясь своим видом успокоить юношу, потом негромко спросил:

— Гектор, это вы ввели Фрэнку кокаин?

Свидетель замер. Беннет попытался мягко его подтолкнуть:

— Гектор, это были вы?

— Меня посадят, — пробормотал тот, крутя головой.

Это было жалкое зрелище. Беннета одолевало сочувствие к бедняге и одновременно страх, что он сейчас сорвется и его показания будут аннулированы. Он очень мягко произнес:

— Пожалуйста, ответьте: да или нет? От этого зависит жизнь невинного человека. Вы ввели своему брату кокаин, чтобы он умер?

Парень опять замялся, но на этот раз решился быстро:

— Да. Франсиско меня об этом умолял.

Зал зашумел. Беннет обратился к судье:

— Ваша честь, на основании показаний данного свидетеля я вношу ходатайство об отклонении обвинения.

— Возражение! — Прокурор Уолтерс даже не дал судье ответить. — Боюсь, мой молодой коллега упустил из виду одну маленькую деталь. Он, кажется, забыл, что по законам нашего штата человек признается виновным, даже если он только намеревался совершить то, что за него уже сделали другие. Следовательно, свидетельство Гектора Кампоса никак не влияет на дело доктора Лазаруса.

Судья Новак повернулся к Беннету:

— Мистер Уолтерс прав. В этом деле налицо момент умысла. Пожалуйста, приглашайте следующего свидетеля.

Беннет помолчал, дожидаясь, пока в зале восстановится тишина, и вполголоса объявил:

— Защита вызывает доктора Сета Лазаруса.

Все замерли. Сет, ссутулившись, бледный и взволнованный, медленно прошел к свидетельскому месту.

— Доктор Лазарус, я буду предельно краток, — сказал Беннет. — Первое. Относительно вопросов обвинения о наличии у вас умысла. Пожалуйста, поясните, намеревались вы или нет оборвать жизнь капитана Кампоса.

— Намеревался, сэр.

— Не поясните присяжным, почему?

— Потому что он уже давно не жил. Это нельзя было назвать жизнью. Есть существенная разница между биологическим существованием и человеческой жизнью. Обезьяны, насекомые и даже деревья и кусты тоже «живут». Но человеческая жизнь — это нечто большее. Это не только биология, но и биография. Я хотел прекратить страдания человека, который уже не мог жить в человеческом смысле. Я полагал, капитан Кампос заслуживает по крайней мере того милосердия, какое наше общество проявляет к раненому живому существу.

Даже в своих самых оптимистичных мечтах Эдмунд Уолтерс и помыслить не мог, что защита вызовет подсудимого давать показания. Ибо ФБР собрало на Сета такое досье, какого хватило бы, чтобы засадить его за решетку до конца дней.

Прокурор бросился задавать свои вопросы:

— Доктор Лазарус, в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году вы были студентом Гарварда и проходили курс под названием «Техника хирургической операций». Вы помните случаи, о которых мы говорили с деканом Холмсом, когда кто-то умертвил подопытных животных? Или, выражаясь научной терминологией, «принес в жертву»? Пожалуйста, ответьте — да или нет?

Сет, не моргнув глазом, произнес:

— Это сделал я.

По залу пронесся возбужденный ропот. Публика пришла в волнение.

— У меня еще только один вопрос, — объявил Уолтерс и впился в Сета взглядом. — Доктор Лазарус, между теми эпизодами, когда погибли лабораторные собаки, и смертью капитана морской пехоты Кампоса вы помогали еще каким-нибудь своим пациентам уйти из жизни?

— Возражение! — рявкнул Беннет. — Обвинение ведет допрос крайне предвзято.

Судья Новак поразмыслил и сказал:

— Отклоняется.

Зал застыл. Барни успокаивающе положил руку на плечо Джуди.

Поскольку подсудимый молчал, Уолтерс повторил приторно-ласковым голосом:

— Доктор Лазарус, мы все ждем ответа. Вы когда-нибудь помогали другим пациентам?

Сет еще немного помолчал, а потом со злостью ответил:

— Да, мистер Уолтерс. Из сострадания.

Прокурор снял очки и объявил:

— Больше вопросов нет.

В зале воцарилась мертвая тишина. Сет вернулся на свое место.

Настало время защите произнести заключительное слово. Беннет вышел вперед.

Он всегда считал несправедливым, что сначала говорит защита, а последнее слово остается за обвинением. Ведь присяжные, при всех их благих намерениях, как тростинки на ветру, особенно к концу процесса. Последнее выступление оказывает, как правило, решающее влияние на их мнение.

Поэтому ему надо очень-очень постараться.

— Ваша честь, дамы и господа присяжные заседатели! Мы с вами в этом зале выслушали немало слов, сказанных с большим чувством каждой из сторон. И по сути дела, факты несколько затерялись за дымовой завесой морально-этических вопросов, которые не имеют никакого отношения к делу доктора Лазаруса. Я бы считал вполне достаточным для принятия решения сделанное под присягой признание Гектора Кампоса в том, что он убил своего брата еще до прихода доктора Лазаруса. Я был бы готов признать ссылку обвинения на понятие «негодного объекта», но хочу обратить ваше внимание, что лишение жизни из милосердия, или, как выражаются мои коллеги-врачи, «смерть с достоинством», уходит корнями в незапамятное прошлое. Еще Иов, сломленный испытаниями, молит Господа ниспослать ему смерть. И хотя Всевышний облегчил страдания несчастного, мы с вами не знаем подобных случаев в онкологических отделениях больниц. Мой подзащитный, доктор Лазарус, признался, что допускал вмешательство в ход событий, только когда у больного не было никакой надежды на выздоровление и когда он страдал от страшных болей.

Беннет перевел дух и негромко продолжил:

— В любом случае, доктор Лазарус не убивал капитана Кампоса. Ибо после всех увечий, полученных во Вьетнаме, капитан Кампос находился в таком состоянии непрерывной агонии, что это уже нельзя было назвать жизнью. Защита сказала свое слово.

У генерального прокурора Уолтерса в запасе было три козыря, и сейчас он собирался выложить их все.

Он начал с Американской медицинской ассоциации.

— Дамы и господа присяжные заседатели, я хотел бы последовать призыву суда и ограничиться рассмотрением обвинения, предъявленного подсудимому. Поэтому я лишь мимоходом упомяну о решении, принятом Американской медицинской ассоциацией в тысяча девятьсот семьдесят третьем году и озаглавленном «Врач и

умирающий больной». Хочу процитировать этот документ: «Преднамеренное лишение жизни одного человека другим — а Ассоциация включает сюда и понятие „убийство из сострадания“ — противоречит основополагающим принципам медицины». Конец цитаты. Но забудем об АМ А. Вы помните, как защита пыталась сослаться на мнение католической церкви и спрашивала декана Холмса о единственном высказывании на эту тему Папы Пия, сделанном много лет назад. Но давайте не будем забывать и слова, произнесенные отцом О'Коннором, капелланом ветеранского госпиталя, в котором скончался капитан Кампос...

Он повысил голос и зачитал:

— «Церковь ныне и всегда выступала против лишения человека жизни независимо от обстоятельств». Спешу добавить, что, как мы уже слышали, не менее ясно по данному вопросу высказываются и еврейские богословы. Например, Маймонид, сам будучи врачом, писал, что «к умирающему человеку следует во всех отношениях относиться так же, как к живому».

Выдержав паузу, прокурор продолжил:

— Мы также знаем, что Коран однозначно трактует эвтаназию, даже совершенную по просьбе жертвы, как великий грех, и тот, кто ее совершает, должен — цитирую — «навсегда быть отлучен от Неба». Подсудимый признал под присягой, что помогал людям уйти из жизни. Иными словами, он брался самолично решать, кому жить, а кому умереть. А это, несомненно, прерогатива Всевышнего. Когда-то нацисты приняли такое решение в отношении шести миллионов человек, и весь цивилизованный мир потребовал призвать их к ответу. Дамы и господа присяжные, мы знаем, что мы с вами не боги. Я прошу вас не дать нам уподобиться нацистам. Обвинение закончилось.

Было уже поздно. Судья строгим голосом призвал присяжных не придавать значения эмоциональным всплескам с обеих сторон. Не принимать во внимание «философствования» защиты на тему жизни и смерти и сомнительную аргументацию обвинения, опирающуюся одновременно на Американскую медицинскую ассоциацию, католическую церковь и Гитлера, которые в процессе отнюдь не участвовали. Присяжным надлежало просто решить, виновен ли доктор Лазарус в убийстве или покушении на убийство, а соответственно, должен ли он понести наказание.

* * *

В ту ночь никто не спал.

Шансов, что приговор вынесут раньше второй половины дня, было немного, но все главные участники драмы собрались в зале суда ровно в девять утра. Присяжные вошли в двадцать минут первого.

Было такое впечатление, будто в зале вдруг кончился кислород, словно все присутствующие разом втянули воздух.

Судья Новак занял свое место.

И обратился к присяжным:

— Присяжные вынесли свой вердикт?

Старшина присяжных Артур Зинн, по профессии зубной врач, встал и объявил:

— Да, ваша честь. Мы признаем подсудимого виновным.

Что тут началось! Новак отчаянно колотил молоточком по столу и призывал к порядку.

Старшина, судя по всему, еще не договорил. Когда тишина была худо-бедно восстановлена, судья переспросил:

— Итак, доктор Зинн, вы сказали...

— Как вы нам и велели, мы основывали свое решение на букве закона. Но мы также единогласно проголосовали за то, чтобы просить высокий суд вынести обвиняемому как можно более мягкое наказание.

Таким образом, жюри присяжных полностью переложило бремя ответственности на судью. Теперь Новак мог с равным успехом засадить Сета за решетку до конца его дней или отправить ужинать в кругу семьи.

— Хорошо, — угрюмо произнес судья и обвел взором адвокатов. — Меня просят о снисхождении. Я готов выслушать ходатайства сторон. Только коротко!

Поднялся Уолтерс.

— Ваша честь, мне кажется, совершенно ясно, что капитан Кампос был далеко не первым больным, кому «помог» этот так называемый доктор. Я думаю, что на совести подсудимого много смертей.

— Хорошо, — нетерпеливо перебил судья. — А вы что скажете, доктор Ландсманн?

— Ваша честь, у подсудимого незапятнанная репутация. Мы просим не только ради него, его жены и детей, но и ради сотен больных, которых он самоотверженно лечил все эти годы, определить ему как можно более мягкое наказание.

— Хорошо, — снова сказал Новак. — Заседание откладывается до трех часов.

Он стукнул молотком и вышел из зала.

Вернулся он только в двадцать минут пятого.

— Подсудимый, встаньте!

Сет встал, опираясь на стол, потому что ноги у него подкашивались. Глаза судьи Новака горели. У Сета закружилась голова.

— Доктор Лазарус, — начал судья, — жюри присяжных признало вас виновным. Но я хотел бы добавить, что и адвокаты обеих сторон также виновны в том, что повернули вопрос в плоскость философии, религии и пустого красноречия. Они сослужили вам плохую службу. Но, несмотря на все это, я понял одну вещь. Вы искренне стремитесь облегчать людские страдания. Ведь ни один человек не заслуживает мучений — ни от руки нациста, ни в силу положений устава. Поэтому я приговариваю вас к трем годам лишения свободы. Условно. Дамы и господа, на этом судебное заседание объявляется закрытым.

Вечер после суда Сет, Джуди, Барни и Беннет провели в ресторане «Ле Перроке». Они праздновали победу.

— Поверить не могу, — твердил себе под нос Сет. Джуди не выпускала его из объятий. — Поверить не могу, что сегодня вечером вернусь домой. Это был кошмарный сон.

— Я тебя разбужу, — пообещала Джуди.

Лазарусам так не терпелось поехать домой и остаться одним, что сразу после десерта они сослались на усталость и ушли, по-прежнему обнявшись.

Беннет с Барни остались одни. Если не считать недопитой двухлитровой бутылки марочного шампанского.

— Ландсманн, ты был великолепен! — поздравил Барни.

— Нет, ошибаешься, — вполне трезво возразил тот (хотя выпито было уже немало). — Каждый процесс подобен колесу рулетки. Угадать выигрышное число заранее невозможно. Исход может зависеть от погоды, настроения присяжных, отношения судьи — а больше всего от Госпожи Удачи. Иными словами, если медицину нельзя назвать точной наукой, то юриспруденцию и подавно.

— Хочешь сказать, тебе это не нравится? Ты же фантастическую карьеру сделал!

— Да, — усмехнулся Беннет, — только поэтому и терплю. Иногда ненавижу себя за то, что мне приходится делать. К примеру, когда вынужден третировать медэкспертов. Ломать их через колено, ошеломлять фактами, не всегда имеющими отношение к делу, даже употреблять собственный врачебный опыт, чтобы запугать какого-нибудь движимого лучшими побуждениями бедолагу, которого приперли к стенке и заставили свидетельствовать так, как было нужно юристам, — на что не пойдешь ради того, чтобы выудить из такого несчастного правду!

— Скучаешь по операционной, да?

— Не то чтобы... — неубедительно возразил Бен и тут же признался: — Да, скучаю. И не только по хирургии, а по тому удовлетворению, которое приносит лечение больных. Понимаешь,

юриспруденция для меня — только специальность, а медицина была призванием.

Он отхлебнул шампанского и переменял тему:

— А кстати, как продвигается твоя книга?

— Первый вариант почти готов. А что это ты вдруг вспомнил?

— Да так... Подумал, как мало нашлось врачей, готовых выступить в защиту своего собрата по профессии! Вот тебе и клятва Гиппократата!

— Не волнуйся, Бен, я обо всем этом напишу — о хорошем, о плохом и даже о смешном. Но ты должен понять, как все время пытаюсь понять я, что врачи всего лишь слабые человеческие существа. Ни у одного человека нет иммунитета от страха.

— Поосторожнее, Барни! Про медиков много есть что сказать, но только не называй их человеческими существами, а то еще за клевету притянут.

Барни рассмеялся.

— А знаешь что, Ландсманн? Ты говоришь устами подавленного юриста и разуверившегося врача. В одном лице. Так и просишься в историю болезни.

Беннет смотрел, как в его бокале медленно исчезают пузырьки газа.

В затянувшейся тишине Барни вдруг осознал, насколько несчастен его друг.

«Ведь кто его друзья, не считая меня и Лоры? А временами мне даже кажется, что он и нас не хочет близко к себе подпускать. И почему так случилось, что он ухаживал за тысячью женщин и ни с одной так и не связал свою судьбу?»

— Бен, могу я тебе задать серьезный вопрос?

— В такой час? — Бен улыбнулся.

Барни помялся и, преодолевая смущение, спросил:

— Почему ты всегда один?

Беннет не обиделся.

— Это ведь ты у нас мозги лечишь, — ответил он, — вот ты мне и скажи.

— Не знаю, потому и спрашиваю. Но мне больно видеть своего лучшего друга таким несчастным. Ради бога, поделись со мной, я не стану тебя судить. Почему в твоей жизни нет женщины?

Беннет опять уставился в бокал.

— А какую ты мне женщину посоветуешь, Барн? Для евреев я черный, для черных я еврей, для белых я черный, для братьев по крови я чужак. Я всюду чужой. Где мое место?

Барни задумался. Неужели в конце концов ему удалось заставить своего друга пуститься на откровения?

— Знаешь что, Ландсмани, не все же они такие!

— Кто? О ком ты говоришь?

— Доктор, мы говорили о женщинах. И вот тебе мое профессиональное и личное мнение: не все женщины такие, как твоя мать.

— Ханна?

— Нет, старина, я говорю о женщине, которая дала тебе жизнь... и быстренько смылась.

Беннет вдруг вышел из себя и огрызнулся:

— Не грузи психиатрией, Ливингстон. Меня не...

Барни перебил:

— Эй, ты, кажется, сказал, что она тебя не волнует? Признайся, Бен, ты лукавишь, и прежде всего перед самим собой.

— Да ну тебя! Все вы, психиатры, одинаковы. Что бы вы делали, если бы не было таких мамаш?

— То же самое, что ты бы делал без своей.

Барни подождал, пока оба успокоятся.

— Послушай, — тихо сказал он, — не все женщины похожи на Лоррен. Не все исчезают, оставляя за собой пустоту...

Они смотрели друг на друга. Ни один не знал, что сказать. Наконец заговорил Беннет:

— А знаешь, что самое обидное? Что ты это понял, а я — нет.

При взгляде на Беннета Барни пожалел, что затеял этот разговор.

— Послушай, извини, я увлекся.

Беннет помотал головой.

— Нет, Барн, для этого и существуют настоящие друзья. — И добавил: — Этому меня тоже ты научил.

Молчание нарушил каркающий голос Марка Зильберта:

— Прошу прощения, Бен...

Оба разом подняли глаза, и Зильберт сделал неправильный вывод из выражения лица своего темнокожего коллеги.

— Насколько я вижу, Барни тебе уже сказал? Бен, мне жаль, мне ужасно жаль.

Беннет удивился:

— Марк, о чем ты?

— Как, ты разве еще не знаешь про отца?

Беннет инстинктивно вскочил на ноги, готовый бежать, куда потребуется, и воскликнул:

— Нет, а что случилось?

— Он скончался, — сказал Зильберт шепотом, если можно так было назвать звук, издаваемый его аппаратом. — Прошлой ночью. Встречная машина перелетела через разделительную полосу и вцепилась в его автомобиль. Водительское место всмятку. Мать пострадала меньше, только она в сильном шоке. Но она успела поговорить с Хершелем, пока его везли в больницу, и он взял с нее слово...

— Какое слово?

— Что она тебе ничего не скажет, пока не закончится суд.

Зильберт замолчал, не зная, что еще добавить.

Барни встал и обнял своего убитого горем друга.

— Идем, Бен, — тихо сказал он, — я отвезу тебя домой.

«О Господь Всемогущий, исполненный сострадания! Прими в великой доброте своей душу раба Твоего Хершеля Ландсманна, которого призвал народ его».

Стояла изнурительная жара. На лицах участников похорон Хершеля Ландсманна пот смешивался со слезами.

Пришло почти сто человек, но знакомые и сослуживцы покойного почтительно держались в сторонке, давая содрогающейся от рыданий Ханне и поддерживающему ее Беннету возможность проститься с Хершелем без посторонних.

Брат покойного Стив тоже приехал, но, что характерно, стоял с женой по другую сторону от могилы.

Ничего не подозревающий свидетель этой сцены, чисто выбритый раввин в кипе, стоял в ногах могилы, задыхаясь от духоты.

— Хершель просил не устраивать поминальной службы... — Он неуверенно глянул на Стива, по лицу которого было видно, что у него есть на этот счет свое мнение. — Однако, — продолжал раввин, — я уверен, что он не стал бы возражать против этого небольшого отрывка: «Умирая, человек забирает с собой не золото и не серебро — он берет с собой свое благочестие и добрые дела. Ибо сказано: когда идешь, они ведут тебя; когда ляжешь, они станут смотреть за тобой; когда проснешься, они будут говорить с тобой». Хершель Ландсманн окончил свой земной путь. Да сохранится память о нем в сердцах близких его.

Раввин обвел взором присутствующих и негромко объявил:

— А теперь следует прочесть кадиш по усопшему.

Стив сделал шаг вперед, а Беннет шепнул:

— Мама, ты как?

Ханна кивнула:

— Ничего. Прочти по нему кадиш, Бен.

Бен подошел к краю могилы и взглянул на раввина в ожидании знака.

И тут Стив сказал:

— Перестань, Беннет, это уже чересчур. Дай я за него помолюсь.

Стив повернулся к раввину за поддержкой.

— Не понимаю... — замешкался тот.

Стив опять посмотрел на Беннета.

— Видишь, даже ребе не понимает, что ты тут делаешь. Нет никаких оснований для...

— Прошу меня извинить, — не дал ему договорить раввин и, указав на Бена, спросил: — Разве этот господин не сын Хершеля Ландсмманна?

И не успел Стив высказать вслух сомнения в уместности исполнения Беном иудейского обряда, как Ханна вскричала:

— Стефан, оставь его! Он сын Хершеля. И Хершель всегда любил его как родного. Это ты должен уйти!

Ошеломленный Стив умолк. И ничего не сказал, когда Беннет спросил у раввина:

— Я могу начинать?

Ребе протянул ему молитвенник.

— Нет, спасибо, сэр. Я знаю слова.

Призвав на помощь все свое самообладание, он стал читать в полный голос:

— Йисгадад ве йискадаш шмей рабох...

Нынешняя молитва имела для Беннета и скрытый смысл. Почти тридцать лет назад Хершель Ландсмманн стоял у могилы его родного отца и читал над ним поминальную молитву — отчасти от имени Беннета.

И вот теперь, в час невероятной скорби, акт любви был исполнен заново.

Профессор Лора Кастельяно была смущена.

Достигнув без малого сорока лет, она вынуждена была сидеть в коридоре женской консультации бок о бок с молоденькими девчушками, годящимися ей в дочери. Барни рвался сопровождать ее к врачу, но Лора запретила. Из-за его нервозности она уже и так вся издергалась.

А кроме того, она боялась, что доктору Сидни Гастингсу («самому лучшему», как установил Барни, дотошно исследовавший этот вопрос) не понравится столь активное участие безумного папаши-психиатра в борьбе за здоровье своего будущего ребенка.

И по правде говоря, Гастингс вовсе не был в восторге, что на него пал выбор Лоры и Барни. Из врачей получают самые нервные и беспокойные родители. А если врачи они оба, то с ними вообще сладу не будет.

И он не ошибся. Тем более что Лора в силу своей специальности была ходячей энциклопедией гинекологических патологий.

— Доктор, а не может это быть трисомия? На каком сроке вы сможете определить расщелину позвоночника или болезнь Дауна? Как часто вам придется делать мне УЗИ?

— Лора, успокойтесь, пожалуйста. Вы нервничаете на пустом месте.

— Я не нервничаю, доктор Гастингс. Научно установленный факт: после тридцати пяти каждый следующий год резко увеличивает риск рождения больного ребенка. В сорок лет это один на тысячу, в сорок два — один на триста...

— Лора, не нужно рассказывать мне о всех рисках. И не нужно так тревожиться, ни к чему хорошему это не приведет. Через две недели мы проведем амниоцентез и все узнаем.

— А этот ваш Левин — хороший специалист? Вы с ним раньше работали? Вы уверены, что он сумеет ввести иглу так, чтобы ничего не повредить? Где он учился? Какое у него оборудование? Можно, я с ним заранее встречусь ну, чтобы...

Гастингс уронил голову на стол.

— Лора, я вас умоляю! — простонал он. — Может, вы с Барни сами всем займетесь? Ведь у каждого из вас есть свое мнение!

— Хорошо, — вздохнула Лора. — Я постараюсь больше вам не мешать. Но Барни взял с меня слово, что в следующий раз я возьму его с собой.

— Отлично. Позвоните мне за час до прихода, чтобы я успел смыться из города.

Лора медленно встала. Ей было не до смеха. Гастингс даже представить себе не мог, как много этот ребенок значил для них с Барни. Он окликнул ее уже в дверях:

— Лора, не надо так волноваться! Обещаю вам, все у вас будет в порядке.

Она вяло улыбнулась и сказала:

— И вы и я знаем, что ни один врач не может такого гарантировать. Так что давайте лучше договоримся: вы избавляете меня от банальностей, а я вас — от своего мужа.

— По рукам! — обрадовался Гастингс.

— Лора, дыши. Дыши!

В подготовке жены к родам Барни вел себя как настоящий тиран.

— И не забывай считать: раз-два! — приговаривал он, следя, как она занимается гимнастикой. — Ты ведь хочешь, чтобы фигура у тебя восстановилась как можно скорее? Три-четыре.

— Точнее, этого хочешь ты?

— И я тоже. Мы с тобой во всем заодно, — улыбался он — Ну, давай же. Три-четыре.

Лора не очень страдала от утренней тошноты. Это вызывало у них обоих новое беспокойство, ибо токсикоз хотя и неприятная штука, но показывает, что гормоны циркулируют по женскому организму в достаточном количестве.

— Но послушайте, Лора, — увещевал совершенно осатаневший Гастингс, — нет такого понятия, как «нормальный токсикоз». Вот беременность ваша протекает нормально, это я могу засвидетельствовать. Радоваться надо, что вас не тошнит.

— Нет! — возражала она. — Меня бы больше радовало, если бы я вообще не могла есть.

Гастингс все чаще мысленно благодарил Всевышнего за то, что беременность у женщин продолжается только сорок недель. (Ведь у слоних, напоминал он себе, этот срок составляет два года!)

И вот наступила шестнадцатая неделя. Барни с ужасом ждал в приемной доктора Левина, пока тот введет в плодный пузырь страшную длинную иглу и возьмет пробу околоплодных вод.

Он знал, что лабораторный анализ этой субстанции способен показать практически все возможные патологии и аномалии плода, но сама эта процедура сопряжена с определенным риском. Она на целый процент повышает опасность выкидыша. И прибавляет еще одну морщинку на лбу сорокалетней мамы и ее мужа.

— Как скоро будет ответ? — спросил Барни, настоявший на том, чтобы присутствовать при пункции.

— Я же вам еще вчера сказал! — удивился Гастингс. — Мне очень жаль, но за ночь наука не придумала ничего нового. Результаты амниоцентеза бывают готовы через две недели. Но поскольку вы оба медики, я договарюсь, чтобы для вас было сделано исключение.

— Правда?!

— Правда, — усмехнулся Гастингс — У вас это займет всего четырнадцать дней.

— Плохи дела, Барни. Синдром Дауна. Трисомия.

— Лора, откуда ты знаешь?

— Я не знаю, Барн. Я просто чувствую. Точнее, я ничего не чувствую. А на этом сроке ребенок уже должен толкаться.

— А может, он бодрствует по ночам и ты просто спишь, когда он брыкается?

— Это невозможно. Я вообще не сплю.

Кое-как две недели миновали. И Лора с Барни умудрились не утонуть под бременем собственного пессимизма. Наконец в девять часов вечера позвонил Сидни Гастингс.

— Лора, простите, что беспокою так поздно, но я был занят на операции.

В трубке вдруг раздалась какая-то возня. Барни выхватил у Лоры трубку и выпалил:

— Сидни, одно слово! Все в порядке или нет? Ну?

На том конце провода раздался смех:

— Барни, все хорошо. И это мальчик.

Через два дня Лора позвонила Барни на работу:

— Барни, Гарри меня брыкнул. Я чувствую: он толкается!

— Правой или левой ножкой?

— А какая разница?

— Если он окажется левшой, мне придется пересмотреть программу его спортивной подготовки.

Тем временем воображение Лоры разыгралось вовсю.

Двадцать недель. Ребенок, появившийся на этом сроке, не будет иметь никаких шансов выжить. Двадцать пять. Десять шансов против одного, что он погибнет или останется ненормальным.

И только когда на двадцать восьмой неделе провели ультразвуковое исследование, Лора вздохнула с некоторым облегчением. Теперь, даже если малыш родится раньше срока, у него будут шансы на жизнь, особенно если попадет в руки хорошего неонатолога.

И вот наконец сороковая неделя. И ничего не происходит.

Гастингс пригласил обоих на прием. Барни был в замешательстве: Лорин врач впервые по собственной инициативе пожелал видеть его у себя в кабинете.

— Не волнуйтесь, — сказал гинеколог. — Десять с лишним процентов беременностей длится более сорока недель, особенно у старых первородящих, как вы, Лора. Согласитесь, довольно необычно для женщины в первый раз рожать в таком возрасте.

Он посерьезнел.

— Так. У меня к вам серьезный вопрос.

У Барни упало сердце. Лора перестала дышать.

— Это, конечно, сугубо конфиденциально. — После небольшой паузы он едва слышно произнес: — У меня в семье сложности. А говоря откровенно, она попросту рушится.

«Какое отношение это имеет к нам?» — про себя удивилась Лора.

Гастингс объяснил:

— Мы с Луизой решили предпринять еще одну попытку. Один наш друг предложил нам пожить в его загородном доме на озере Шамплейн. Думаю, пять-шесть дней в уединении помогут предотвратить катастрофу.

Он замолчал и посмотрел на Ливингстонов.

Барни уже понял, что он сейчас скажет, и заранее возмутился.

— Я много раз видел такое течение беременности, как у вас, Лора, — продолжал врач. — И я совершенно уверен, что роды не наступят в ближайшие несколько дней. А кроме того, даже если вы вдруг начнете рожать, там неподалеку есть небольшой аэропорт, и я всегда смогу вылететь частным самолетом, — Он заговорил отеческим тоном: — Послушайте, я понимаю, как много для вас значит этот ребенок. И я вас не бросаю. Вы можете на меня рассчитывать и в профессиональном, и в личном плане. Если мое отсутствие хоть в малейшей степени вас пугает, так и скажите. Я просто не поеду.

Наступила тишина. И Барни, и Лора понимали, что это не простая просьба — это подножка. Моральный шантаж, когда они должны пожертвовать своим спокойствием ради чужого семейного благополучия.

— Послушайте, Сидни, — сказала Лора, — естественно, я хочу, чтобы роды у меня приняли вы. Но если вы уверены в своих сотрудниках...

— Лора, я же вам обещал самых высококлассных специалистов, и я уже обо всем договорился. Ваша звездная команда готова. Во-первых, это Арманд Берковичи, акушер-гинеколог. У него самые золотые руки во всей стране. Сказать по правде, это единственный, кого я подпустил бы к собственной жене, если бы ей понадобилась операция. Я оставил ему вашу карту во всех подробностях, включая семейный анамнез. А вместо акушерки у вас будет сам доцент Реза Муради, крупнейший специалист по ультразвуковой эхографии. Он будет следить за состоянием ребенка, а Берковичи займется вами.

— Прекрасно! — ответил Барни, мысленно уже в который раз представляя себе, как их ребенка держат вверх ногами в свете операционных ламп.

— И опять-таки, — повторил Гастингс, — если вам будет спокойнее со мной, я готов отложить поездку. Малыш важнее.

Барни с Лорой переглянулись. Обоих одолевали сомнения. И в то же время они были готовы уступить нажиму Гастингса.

Наконец Лора сказала:

— Да что вы, Сид! Супружество — тоже очень важная вещь. Поезжайте. Я уговорю ребенка потерпеть до вашего возвращения.

— Черт! Черт! — бурчал Барни по дороге домой. — Как могут два врача поддаться на уговоры, когда мы оба знаем, что это большой риск?

— Удивительная вещь: докторов боятся даже их коллеги. Но вообще-то у нашего малодушия может быть и положительная сторона. Я слышала про этого Берковичи. Он вдвое лучше самого Гастингса, и, по правде сказать, я бы предпочла, если что-то пойдет не так, чтобы в палате был он. Так что, может, нам еще повезет и малыш родится в отсутствие Сидни.

Барни кивнул.

— Эй, Гарри, — обратился он к ее животу, — даю тебе пять дней, так что поторапливайся!

Малыш оказался гениальным — он слушался еще в утробе. Не прошло и суток, как у Лоры начались схватки.

— Черт! — внезапно испугался Барни. — Позвоню-ка я лучше Сидни. Как раз успеет прилететь.

— Нет, — возразила Лора, — он небось еще и до места не добрался. Давай лучше заметим по часам, когда будет следующая схватка, а потом начнем искать Берковичи.

Барни бросился за спортивным секундомером, засек интервал между схватками, после чего кинулся звонить. Он так разволновался, что дважды у него соскакивал палец с диска.

— Кастельяно, все в порядке, — успокоил он жену. — Берковичи уже в госпитале, оперирует какую-то женщину. Освободится в двенадцать. Сказали подождать, а когда интервал сократится до четырех минут, ехать в больницу. Думаю, лучше поехать прямо сейчас.

— Нет, Барн, если они говорят, что еще рано, то...

Она замолчала, чувствуя очередную схватку.

В двенадцать часов терпение Барни кончилось, он довел Лору до машины, неся в руках чемодан, упакованный три недели назад, и привез жену в родильное отделение. Лора едва успела опуститься на кушетку, как скорчилась от новой схватки.

Барни попросил позвать доктора Берковичи, но ему ответили, что тот еще в операционной. Он расценил это как хороший знак. По всему видно, очень внимательный доктор.

Привезли каталку и, невзирая на протесты Лоры, доставили ее в родильный зал.

Два часа. Берковичи все не шел.

— Чем он там занимается? — возмутился Барни. — Вырезает у нее все внутренние органы по одному?

— Тшш! — шикнула Лора. — Давай сосредоточимся на родах. А то, чего доброго, сам их будешь принимать.

Эта реплика не вызвала у мужа никакого восторга.

Три часа. Вошел невысокий, щуплый молодой человек с иссиня-черными волосами и представился доктором Муради, доцентом неонатологии, специалистом по мониторингу новорожденных.

— А где же ваш доктор Берковичи? — накинулся на него Барни.

— Все еще на операции. Мне сказали, операция очень сложная. Но это не важно, я его заменю. Сейчас посмотрим вашу жену...

Он подошел к Лоре и стал проверять открытие шейки матки. У Барни появилось неловкое чувство, оттого что такой мальчишка взял на себя контроль за ситуацией.

К этому моменту схватки у Лоры стали настолько частыми и болезненными, что она ни на чем больше не могла сосредоточиться.

— Я попрошу, чтобы пришла сестра и побыла с доктором Кастельяно, а я пока отведу вас выпить чашку кофе, — обратился Муради к Барни. — Это вас успокоит.

— Ступай, Ливингстон, — сказала Лора, выдавив из себя улыбку, — тебе надо передохнуть.

Барни обрадовался передышке. Смотреть, как мучается Лора, было тяжело. И в то же время он чувствовал себя виноватым. Вдвоем с молодым иранцем они отправились в сестринскую и сделали себе по чашке кофе. В этот момент к Муради подскочил совсем молодой врач, по-видимому стажер.

— Реза! — запыхавшись, сказал он. — У меня в пятой палате проблема с преждевременными родами. Боюсь, один не справлюсь...

Иранец улыбнулся и сказал:

— Сейчас взгляну.

Он положил руку на плечо молодому коллеге, и они вышли.

«Так, — подумал Барни, — должно быть, он хороший специалист, раз к нему бегут за советом». И отправился назад к Лоре.

Интервал между схватками несколько сократился, а сами они стали продолжительнее и интенсивнее.

— Барн, позови Берковичи! — прорычала Лора. — Я больше не могу терпеть!

— Доктор Кастельяно, волноваться не стоит, — раздался от двери голос Муради. — Я уже говорил с доктором и сообщил, что до полного раскрытия еще далеко и у него есть время перевести дух. Он семь часов стоял за операционным столом.

Барни тревожился все сильнее.

— А вам не кажется, что пора ей дать обезболивающее?

— Как вы и просили, мы ей дадим эпидурал, чтобы она оставалась в сознании в момент родов. Но это немного попозже. А я пока посоветуюсь с анестезиологом, что ей дать сейчас, чтобы облегчить ее состояние.

— Отлично, — обрадованно ответил Барни. — Просто замечательно.

— Эй! — окликнула Лора слабым голосом. — Ты сегодня что-нибудь ел?

Барни подошел и взял ее за руку.

— Не помню. Зато я знаю, что ты со вчерашнего дня крошки в рот не взяла.

— Мне нельзя. И ты это знаешь. Но это не означает, что ты должен за компанию морить себя голодом. Спустись вниз и поешь.

— Нет, Лора. Я намерен находиться здесь в роли твоего секунданта.

Тут в палату вошел Муради. За ним высилась могучая фигура анестезиолога. Тот немедленно приступил к делу:

— Здравствуйте, меня зовут доктор Болл. Вам нехорошо, юная леди?

Несмотря на свое мучительное состояние, Лора невольно подумала: «Неужели обязательно в такой момент сохранять все свое высокомерие? Индюк!»

Вслух она вежливо произнесла:

— Да. Хорошо бы вы мне что-нибудь сделали, чтобы немножко унять боль. Но только чтобы я не заснула!

— Никаких проблем, юная леди. Можете не волноваться. Я сделаю вам укольчик, и вы воспарите, как знамя на флагштоке в День

независимости.

— Доктор, парить ей вовсе не обязательно, — подал голос Барни. — Просто снимите боль.

Болл не знал, что Барни тоже врач, и снисходительно ответил:

— Мой мальчик, предоставьте это мне. На моем счету больше принятых родов, чем у самого доктора Спока.

При этих словах он с поразительным для своей комплекции проворством сделал Лоре укол скополамина. Почти мгновенно у нее помутилось в голове. Великан кивнул коротышке и, выходя, сказал:

— Позовешь, когда до эпидурала дойдет.

Барни присел к кровати и взял Лору за руку, помогая ей ритмично дышать. Подушка у нее насквозь промокла от пота.

— Барни! — вдруг ахнула Лора. — Тут что-то не так. Схватки не должны продолжаться так долго. Это ненормально, понимаешь?

Барни бросился в коридор за Муради. Тот курил в холле.

— Доктор! — крикнул Барни. — Роды выходят из-под контроля!

— Это хорошо, — с улыбкой ответил молодой врач.

— Что именно?

— Мы ввели ей внутривенно небольшую дозу окситоцина. Он стимулирует сокращение матки. Это ей поможет.

— Может, это и помогает, только уж чересчур! Пойдите к ней!

Иранец затушил сигарету и направился в родильную палату.

Еще из коридора они слышали истеричный крик:

— Приведите мне этого придурочного врача!

Вокруг койки сгрудились стажеры, медсестры и доктор Болл.

— У женщины истерика, — сердито объявил анестезиолог. — Пожалуй, лучше я ее отключу.

— Только попробуй, приятель, и я отключу тебя! — набросился Барни. Он ринулся к Лоре.

Она ловила ртом воздух.

— Монитор... монитор...

— Лора, что случилось? Скажи мне, что не так?

— Я велела сестре повернуть монитор ко мне, чтобы видеть показания. Этот Муради козел, а не специалист! Он же должен с дисплея глаз не спускать!

Она все больше впадала в панику.

— Прибор показывает патологическое состояние плода. Наш малыш в опасности!

— Так-так, минуточку, — встрял Муради. — Давайте не будем все хором строить из себя врачей. Миссис Ливингстон доверена мне.

— Вам? А где ваш чертов Берковичи? — взорвался Барни.

— Да пропади он, твой Берковичи! Сейчас не до него! — прохрипела Лора. — Монитор показывает, что у ребенка замедляется сердцебиение. Это очень плохо! Кто-нибудь, сделайте же кесарево! Немедленно!

В этот момент Муради взглянул на дисплей и понял, что пациентка более чем права.

— Так. Всем выйти! — скомандовал он. — Я сказал: всем!

Он повернулся к сестре.

— Кислородную маску ей, и немедленно в операционную! Я иду обрабатывать руки.

Не успел никто сдвинуться с места, как раздался новый беспомощный крик Лоры:

— Барни, помоги мне! Барни!

Он бросился к жене.

— Что? Что я должен сделать?

— Помоги повернуться. Меня так накачали, что я сама не могу. Помоги встать на колени. Это ослабит давление на ребенка. Улучшит кровообращение.

— Вы слышали, что она сказала? — рывкнул Барни медсестрам. — Черт побери, помогите же мне ее перевернуть! Я тоже врач!

За время беременности Лора очень отяжелела. Барни пришлось поднатужиться изо всех сил, чтобы вдвоем с той единственной сестрой, которая понимала, что происходит, перевернуть Лору и помочь ей встать на четвереньки. Дверь распахнулась, и две другие сестры бегом покатали кровать в родилку.

— Барни, останься со мной! — взмолилась Лора.

— Не беспокойся, Кастьяно, я сейчас догоню.

Он побежал в хирургическую раздевалку. Испуганный Муради натягивал зеленый костюм.

— Где одежда? — выпалил Барни.

— Простите, — возразил иранец, — но сейчас не время для мужей. Ей надо делать кесарево.

— А кто здесь умеет это делать, черт бы вас всех побрал! Буфетчик? Сколько таких операций сделали лично вы? Уверен, что меньше меня.

Молодой доктор вышел из себя:

— Слушайте меня, доктор Ливингстон. Она — *моя* пациентка, а вы останетесь ждать за дверью. Иначе я позову охрану и прикажу вас привязать к креслу. Мы тут с вами препираемся и теряем драгоценное время. А ребенок в опасности. Так что сядьте, закройте рот и дайте мне пройти.

Барни стукнул кулаком по одному из шкафчиков.

«Ах ты гаденыш! — подумал он. — Разговариваешь со мной так, будто это я виноват, что ты прошляпил монитор! Если бы не Лора, ты бы еще неизвестно сколько ждал!»

Но ничего этого вслух он не сказал. Остатки здравого смысла подсказывали, что врач уже и так до смерти напуган и лучше его сейчас не трогать.

— Доктор, простите, я сорвался. Делайте свое дело. Я знаю, все будет в порядке.

Муради ничего не ответил, повернулся и исчез в моечной.

Барни сидел под дверью операционной, пытаясь по доносящимся оттуда звукам разобрать, что там происходит. Он расслышал две вещи. Сначала Лора кричала: «Где мой муж? Барни! Где мой...» Потом анестезиолог сказал: «Это тебя успокоит».

После этого наступила полная тишина. Барни нервно поглядывал на часы.

— Сэр, — попросила подошедшая сестра, — боюсь, вы загораживаете вход в операционную. Это может плохо кончиться. Я прошу вас сесть в сторонке.

— Я врач! — возмутился Барни. — Мое место — там!

— Мне кажется, доктор Муради ясно дал понять, что ваше присутствие нежелательно.

Барни вышел в пустой полутемный вестибюль и прокричал:

— Черт бы тебя побрал, доктор Гастингс! *Это* ты называешь «звездной командой»?

Пока персонал операционной пробежал мимо него, он всех внимательно рассмотрел. Болл, Муради да еще двое стажеров, которые выглядели так, будто только что вылезли из коротких штанишек.

Барни опять посмотрел на часы. Тридцать пять минут. Нормальное кесарево сечение не может — или, во всяком случае, не должно — продолжаться так долго. Что-то случилось, причем что-то плохое.

— Хорошие новости! — окликнули его из темноты.

Это был Муради.

Барни резко развернулся.

— Ну же! Говорите!

— Все отлично. У вас хороший, красивый малыш. Мальчик.

От невероятного облегчения Барни чуть не упал в обморок. Иранец с дружелюбным видом подошел и положил ему руку на плечо.

— Как решили назвать?

— Не помню, — пролепетал Барни, но тут же взял себя в руки и спросил: — А как Лора?

— Какое-то время она еще будет спать в послеоперационной палате. Доктору Боллу пришлось дать ей сильный общий наркоз.

«Да знаю я, — мысленно проворчал Барни, — я же все слышал».

— Я иду посмотреть на нее и ребенка, — заявил он. — Они где?

— В послеоперационной, — повторил Муради. И нехотя добавил: — То есть ваша жена там. А ребенок наверху.

— Что значит «наверху»? Он должен быть с матерью! Она очнется и испугается, что его нет.

— Послушайте, — сказал Муради, стараясь говорить отеческим тоном, — у ребенка были кое-какие проблемы с дыханием, и мы решили для верности поместить его в интенсивную терапию, хотя бы до утра. Уверен, ваша жена нас правильно поймет.

Барни в один миг был подле Лоры. В палате лежало несколько женщин, их отделяли друг от друга лишь тонкие занавески, и голоса молодых мам, их мужей и младенцев были хорошо слышны.

Лора еще находилась под действием наркоза, но отчаянно силилась проснуться, чтобы выяснить, как дела. Она знала, что, раз ребенка рядом нет, с ним не все в порядке.

— Барни, Барни... — бормотала она.

— Я здесь, — прошептал он. — И у нас теперь есть маленький Гарри.

— Барни, где малыш? Погиб?

— Нет, Лора. Поверь мне, с Гарри все хорошо. У него была небольшая проблема с дыханием, и он сейчас наверху.

— Барн, это очень плохо. Какие у него баллы по Апгар?

— Наверяд ли мне их покажут.

— Черт возьми, ты же врач! — простонала она.

— Кажется, сегодня этого никто в расчет не принимает, — с горечью ухмыльнулся он.

— Барни... Тут каждая мама, кроме меня, с ребенком. Поклянись, что он жив!

— Клянусь.

— Иди наверх и проверь. Убедись, что он живой. И пожалуйста, узнай, что у него было по Апгар! Мне надо знать, сколько времени он не дышал.

Он кивнул. Оба понимали, что, когда врачи утаивают информацию, это плохой признак. Хорошее никто скрывать не станет. И оба боялись себе признаться, что опасаются церебральных нарушений.

Не в силах ждать лифта, Барни вприпрыжку поднялся по лестнице и бегом промчался по длинному коридору, ведущему в отделение интенсивной терапии новорожденных.

— Сэр, прошу меня извинить, но у нас тут все стерильно, — преградила ему путь строгая сестра. — Чтобы пройти, вы должны обработать руки и надеть стерильный костюм.

— Хорошо, хорошо.

Барни прошел в моечную и тут заметил Муради. Тот о чем-то шептался с дежурным ординатором реанимации новорожденных.

Барни окликнул его:

— Доктор, отведите меня к нему! Немедленно!

Муради как ни в чем не бывало улыбнулся:

— Пожалуйста, сюда.

Молодой педиатр провел их вдоль ряда кувезов, где лежали игрушечные недоношенные детишки, жизнь которых полностью зависела от аппаратуры. Наконец они подошли к мальчику, который был намного крупнее всех остальных.

— Хорошо, правда? — улыбнулся иранец.

Барни поглядел на малыша, и у него навернулись слезы. Единственное, что он мог произнести, было:

— Привет, Гарри. Я твой папа. — И робко спросил ординатора: — А можно его потрогать?

— Конечно.

Барни погладил малыша. Потом взял его ручку, любуясь красивыми крошечными пальчиками. Но он не мог не заметить, что ногти у него слегка синюшные.

— Где его данные по Апгар?

— Не знаю, сэр. Я помогал доктору Боллу с интубацией.

— Так. Раз вы вдвоем оказывали помощь ребенку, следовательно, Апгар должен был снять Муради.

Барни опять повернулся к иранцу.

— Так как, доктор? Какие вы ему выставили баллы за цвет кожи, сердцебиение, дыхание, рефлекс, мышечный тонус?

Муради развел руками.

— Точных цифр я не помню, но, кажется, поначалу дело было не очень хорошо.

— А нельзя ли поконкретнее? — прорычал Барни. И продолжал настаивать: — А в пять минут? Какие баллы по Апгар были у моего сына на пятой минуте после рождения?

Муради замялся.

— Если честно, мы со вторым тестом немного запоздали.

— Что значит «немного»?

— Ну, сняли где-то минут через шесть. Или семь...

— Хватит юлить, парень! Все ясно: на седьмой минуте. А может, даже на восьмой? Прекратите валять дурака, мы с вами прекрасно понимаем, что речь идет о возможном необратимом повреждении мозга.

Тут вмешался ординатор-неонатолог:

— Сэр, с вашим ребенком все в порядке. Через сорок восемь часов мы переведем его из интенсивной терапии к маме.

Барни больше не мучился подозрениями, что с его сыном что-то не так. Теперь он был в этом уверен. Ему пришла в голову еще одна страшная мысль; раз они так крутят, где гарантии, что все в порядке и с Лорой?

— Здесь есть телефон?

— Конечно. В кабинете старшей сестры. Позвоните родным и сообщите радостную весть.

Барни злобно оглянулся:

— Я не намерен никому сообщать «радостную весть», пока не буду уверен, что есть чему радоваться. Я хочу позвонить доктору Гастингсу и немедленно вызвать его сюда.

— А вот в этом нет никакой необходимости, — с довольной усмешкой объявил Муради. — Я уже ему позвонил, и он вылетает чартером.

«Неудачный» больной, как врачи называют жертву собственной неудачи, — самый одинокий человек в больнице.

Барни с Лорой никто не навещал. Даже разносчицы еды появлялись и исчезали с такой скоростью, словно боялись, что Лорино состояние представляет собой не злость, а какую-то чрезвычайно заразную болезнь. А с того момента, как она увидела на мониторе показатели состояния плода, Лора действительно пребывала в ярости.

По всем признакам, проблемы у ребенка продолжались более получаса, а Муради, этот якобы блистательный виртуоз, даже не придал этому должного значения. По той простой причине, что не удосужился вовремя посмотреть на экран.

И самого важного параметра они так и не знали — сколько на самом деле прошло времени от момента первой до второй оценки состояния ребенка по Апгар?

Этот интервал был главным показателем того, как долго ребенок находился в асфиксии. Если не семь минут, как утверждал Муради, а девять или десять, то шансов, что малыш будет жизнеспособным, крайне мало. И скорее всего, мозгу нанесен непоправимый урон.

Конечно, Барни рассказал жене о замеченных им тревожных признаках — цианозе кончиков пальцев малыша. Уже одно это должно было поставить под сомнение оценку, выставленную доктором по параметру «цвет кожных покровов».

— Мне нужно на него посмотреть, — твердила Лора. — Я должна сама все проверить.

— Успокойся, — сказал Барни. — Ты только что перенесла серьезную операцию. Мне обещали, что ты сможешь подняться к нему

сегодня к вечеру.

Раздался стук в дверь. Следом послышался бодрый голос Сидни Гастингса:

— Доброе утро. Ну как, уже одарили врачей сигарами?

Лора ответила сурово:

— Входите и закройте за собой дверь.

— Я только что был наверху и смотрел малыша, — сообщил Гастингс. — Настоящий герой! А когда начнет сосать мамочку...

Барни оборвал:

— Сидни, не тратьте зря слов. Вы прекрасно понимаете, что рано или поздно Лора сама поднимется к нему и выяснит, как обстоят дела на самом деле. Так что будет лучше и честнее, если вы нам скажете правду.

— Не понимаю, о чем вы?

— Перестаньте, Сидни, — перебила Лора.

— Сколько на самом деле потребовалось времени, чтобы он задышал?

— Я еще не видел записей...

— Ложь! — рявкнул Барни. — Небось целый час их изучали!

— Послушайте, Ливингстон, — ответил врач ровным, но сердитым тоном, — я не позволю вам разговаривать со мной в таком тоне. Меня здесь не было, и я не могу отвечать за все недочеты, которые могли иметь место.

— Ага! — ухватилась Лора. — Стало быть, вы признаете, что недочеты были!

— Простите, Лора, я понимаю, у вас была трудная ночь. Но я просил бы не обращаться со мной как с преступником на суде.

Барни сделал титаническое усилие, чтобы не взорваться.

— Сидни, поймите: все, что мы хотим, — это услышать правду. Мы понимаем, что всякое случается. И мы все в тот или иной момент допускали... — Он хотел сказать «халатность», но осекся. — Вот что. У любого врача бывают неудачи. По своему опыту могу сказать, что пациент воспринимает такие неудачи лучше, когда ему говорят правду, даже если он услышит, что медики порядком напортачили.

Чувствуя ужасную неловкость, Гастингс произнес как по писаному:

— Доктор Муради и доктор Болл — безукоризненно добросовестные специалисты. И раз они зафиксировали, что дыхание восстановлено на седьмой минуте, то, значит, так оно и есть. А если вы намерены продолжать общение в таком тоне, то вам придется найти себе другого доктора.

Он повернулся и вышел.

— Сукин сын! — сказал Барни.

Лора протянула руку и тронула его за плечо:

— Барни, немедленно раздобудь мне каталку!

Они опустили кувез, чтобы Лора могла осмотреть малыша, не вставая с кресла. Она проверила цвет пальчиков на руках и ногах, долго слушала грудную клетку, потом взяла шпильку и провела по крохотной подошве.

Барни подумал: «Слава богу, хоть какие-то рефлексy есть!»

Последний тест был самым решающим. Будет ли он сосать? Если мозг поврежден настолько, что малыш не может сосать, это будет означать, что его шансы вырасти в нормального человека равны нулю.

Она взяла его на руки и поднесла к груди. Потом посмотрела на Барни и заплакала от счастья.

— Все в порядке. С ним все будет в порядке.

Они поспешили выписаться домой, как только разрешили врачи. Все трое.

— Ну, Кастельяно, — сказал Барни, стараясь приободрить жену, — хорошо время провели? Никогда не думал, что со мной так будут обращаться. Но самое главное ты держишь на руках. Гарри Ливингстон, вес три шестьсот, будущий чемпион мира!

Однако в глубине души оба таили тревогу.

Они знали, что их чудесный Гарри будет расти, улыбаться, резвиться в песочнице, и все равно им еще долго придется гадать, научится ли он когда-нибудь писать свое имя. Только время сможет развеять эти сомнения. Даже у врачей не на все есть ответ.

Кто бы мог предугадать, что несостоявшийся священник-иезуит, страшась общественного порицания, робкий и невинный, станет самым уважаемым и богатым человеком на Гавайях?

Но такова была счастливая судьба Хэнка Дуайера, доктора медицины.

Больше того: он не только преуспевал сам, но и не ленился делать добро другим. Люди, молившиеся на него, называвшие в его честь своих детей и всегда вспоминающие его добрым словом, исчислялись тысячами.

Он мудро решил больше не жениться. Но конечно, отнюдь не намеревался блюсти целибат.

От его жены Черил не укрылось охлаждение супруга. И после того как он добровольно продлил себе срок службы во Вьетнаме, она стала ходить за советом к священнику. А когда посетила мессу в соборе Святого Креста, сам кардинал Бостонский стал ее духовным наставником.

Его преосвященство понял, что такая чистая душа, как Черил Дуайер, сумеет лучше воспитать детей в истинной вере, если не останется одна, без мужской заботы, а освободится от Хэнка и выйдет замуж за кого-то более достойного. И хотя Ватикан разводов не поощряет, выход из положения есть всегда. Например, можно добиться аннулирования брака от имени церкви.

Поэтому от Хэнка не потребовалось никаких действий, и он мог спокойно плескаться в гавайских волнах. Ему лишь присылали бумаги на подпись, которую он ставил моментально и без малейших эмоций. По сути дела, он был благодарен его преосвященству за участие в судьбе его семейства.

Двадцать шестого июля 1978 года случилось чудо. В Англии появился на свет ребенок, которого назвали Луизой Браун. Роды прошли без осложнений, и девочка была совершенно нормальной во всех отношениях. За исключением одной детали: она была зачата не в чреве матери, а в пробирке.

Размножение было в числе немногих вещей, в которых Хэнк разбирался не понаслышке. И ему казалось вполне логичным попроситься к врачам-первооткрывателям Патрику Стептоу и Роберту Эдвардсу в добровольные помощники, с тем чтобы набраться опыта.

Ученые изучили его послужной список. Весьма средние оценки Хэнка в Гарварде с лихвой окупались его героизмом, проявленным в Индокитае.

Такой врач заслуживал того, чтобы дать ему возможность освоить методику искусственного оплодотворения и первым принести ее на американскую землю.

Спустя год Хэнк вернулся, и моментально разнесся слух о том, что он открывает собственную клинику по образу и подобию той, что существовала в Англии. Он никогда не был охоч до публичности, но журналисты отыскивали его сами. Внезапно имя Хэнка Дуайера зазвучало у всех на устах в пятидесятом штате США.

Дело в том, что, когда губернатор Гавайских островов узнал о планах Хэнка учредить клинику, подобной которой нет даже в Калифорнии, он устроил ему дешевый правительственный кредит, чтобы ускорить осуществление проекта.

Несчастные бесплодные женщины Западного побережья моментально прознали о том, что у них по соседству открывается Центр искусственного оплодотворения, и толпой повалили в Институт Хэнка Дуайера.

Несмотря на привольную гавайскую атмосферу, в жизни Хэнка сохранялись некоторые элементы былого аскетизма его церковного прошлого. У него были свои устои, которым он неукоснительно следовал.

Так, он не ел красного мяса, поскольку, как врач, знал об установленном в последнее время факте его вредного воздействия на толстую кишку, а Хэнк не хотел подвергать риску свое здоровье.

Работал он только три дня в неделю.

Пил только после пяти часов.

И никогда, ни при каких обстоятельствах, не встречался с девушками старше двадцати пяти лет.

Опросник Барни Ливингстона достиг Гавайев, когда Хэнк находился в Англии и осваивал искусство делать детей. А секретарша

решила, что это очередная рекламная рассылка, и письмо ему не переправила.

Получив в конце концов письмо, Хэнк даже порадовался, что оно запоздало, поскольку, на его взгляд, исследование Барни к *его* медицинской практике не имело никакого отношения.

Ну как ответить на такие идиотские вопросы: «Самые напряженные аспекты вашей работы?», «Давит ли на вас долг врача?», «О чем вы как врач больше всего жалеете?» Ему все эти слова ничего не говорили. И поэтому он не стал заполнять анкету, а написал ответное письмо.

Дорогой Барт!

Ужасно рад твоему письму. Жаль, что мы не переписывались, пока я служил во Вьетнаме. Но ты знаешь, как там обстояли дела, а под конец стало совсем жарко.

Сначала о грустном. По каким-то своим причинам Черил не обрадовалась моему решению продлить срок военной службы и изыскала способ аннулировать наш брак и при этом остаться девицей на выданье, чтобы можно было выйти замуж еще раз (и сделать несчастным кого-то еще).

Я утешаюсь мыслью, что девушка моей мечты все еще бродит где-то по земле. Может, в один прекрасный день приплывет на доске для серфинга, в золотистом бикини. Не подумай, что я ее не искал.

Из наших я виделся только с Лансом Мортимером — он приезжал сюда на первый и второй свой медовый месяц. Для третьего случая он почему-то решил избрать Мексику.

Но в любом случае у него все очень хорошо. Нет нужды рассказывать, что анестезия в нашем деле — самое теплое местечко и работает он дня четыре в месяц. А все свободное время посвящает своим проектам на телевидении. Надеюсь, ты с ним общаешься. Намой взгляд, из всего нашего потока он преуспел больше всех.

Еще одно. На днях в здешнем книжном магазине я набрел на твою книжку «Чемпионский характер». Они ее уценили аж до двух баксов. Должен тебе сказать, книга потрясающая! Ты можешь гордиться собой. Меня не было в стране, когда она вышла, поэтому не знаю, какие были отклики, но заслуживает она самых восторженных.

Можешь не сомневаться: когда твоя книга про врачей появится на прилавках, я не стану дожидаться распродажи и вообще закажу ее заранее. Надеюсь, ты меня там не очень распекаешь?

Если занесет на Гавайи, непременно поставь меня в известность. Я тут владею парой отелей, так что тебя примут по высшему разряду. Естественно, за счет заведения!

С наилучшими пожеланиями,

Хэнк.

P. S. Прилагаю фотокопию разворота «Гонолулу адветайзера», посвященного рождению нашего тысячного младенца. Из фотографии все понятно: я — в центре, держу четверых близнецов, а вокруг меня — толпы счастливых мамаш, прижимающих к груди отпрысков, о которых они всю жизнь мечтали.

Я буквально ощущаю себя отцом всех этих детей.

Ни одного ребенка врачи не наблюдали так пристально, как маленького Гарри Ливингстона. Его также обследовали, осматривали, изучали, анализировали, проверяли и перепроверяли.

Поскольку было ясно, что им уже никогда не узнать, сколько времени в действительности младенец испытывал нехватку кислорода, то Лора с Барни были вынуждены исходить из худшего. И радость, которую доставлял им ребенок, постоянно сопровождалась тревогой, что вот-вот дадут о себе знать симптомы недоразвития интеллекта. Сегодня. Завтра. На будущей неделе.

Поочередно, раз в месяц, они возили мальчика по врачам, и те воспринимали их озабоченность вполне серьезно. Ибо основания для тревоги у Ливингстонов были.

— До двух лет мы с вами ничего наверняка сказать не сможем...

Так они и наблюдали за своим сыном, всегда готовые среагировать на малейшее отклонение от нормы, малейшее нарушение в его состоянии или развитии.

А тот, казалось, своим младенческим умом понимал, что тревожит его родителей, и при каждой возможности старался рассеять их опасения.

В полтора месяца он уже улыбался. Оба точно помнили, в какой ситуации это произошло. В очередной свой визит к внуку Эстел привезла разноцветную гирлянду погремушек, которая вешается на кровать.

Лора потрясла игрушкой, чтобы показать ребенку, что каждый элемент имеет не только свой цвет, но и звук. И при звуке красного кубика малыш заулыбался.

Слава богу, вздохнули все, один страх развеян.

Следующая веха будет тогда, когда малыш начнет сидеть (если начнет).

И Гарри научился сидеть, еще не достигнув семимесячного рубежа.

А потом — о чудо! — через какую-то неделю после своего первого дня рождения он сделал пять робких шагов от кресла, где

сидел Барни, к Лоре. Настоящий будущий чемпион!

Барни только и мог, что повторять:

— Слава богу, Лора! Слава богу, малыш здоров.

А про себя подумал: «Пока».

И вот однажды вечером, когда они вдвоем купали мальчика, Барни вдруг охватила новая тревога.

— Надеюсь, мы не навредили ему своими чрезмерными страхами?

— Не могу сказать, Барн, — ответила Лора, вынимая свое сокровище из воды и передавая на руки отцу, стоящему с полотенцем наготове. — Надо дожидаться, пока ему исполнится хотя бы два года. Какие-то небольшие нарушения еще могут проявиться.

— Спасибо, Кастельяно, большое спасибо, — пробурчал Барни.

— За что? — не поняла Лора.

— За то, что подарила мне еще триста шестьдесят пять бессонных ночей.

Прием у Барни начинался в семь тридцать. Но он регулярно вставал в половине шестого, чтобы спокойно пообщаться с сыном. Насладиться сменой подгузников, кормлением из бутылочки и всеми маленькими заботами, доставлявшими ему удовольствие, о котором он никогда не подозревал.

Стараясь компенсировать недостаток своего присутствия в будни, Барни в выходные не отходил от ребенка. Однако мальчик уже проявлял такую общительность, что иногда предпочитал общество двух соседних малышей, у которых к тому же во дворе имелась песочница. Из поведения Гарри и Лора, и Барни сделали вывод, что ему нужен брат или сестра. И решили уступить.

Конечно, процесс размножения был не лишен приятности. Однако когда семь месяцев упорных попыток не дали результата, Лора отправилась к гинекологу, и тот объявил, что ей необходима операция, после которой она уже не сможет иметь детей.

Таким образом, единственной их отрадой до конца дней оставался маленький Гарри.

В тот вечер, когда Лора узнала свой приговор, они с Барни дали друг другу клятву, что ни за что не станут превращать мальчика в

невротика, испытывающего чрезмерную заботу, чрезмерную опеку и несущего чрезмерный груз их завышенных ожиданий.

Хотя они и поклялись не кудяхтать над мальчиком и не подвергать его бесконечным осмотрам, они не могли не заметить, что к трем годам Гарри стал каким-то вялым. Он продолжал расти, но в весе не прибавлял.

Однажды во время купания Лора позвала в ванную мужа.

— Пощупай-ка, — сказала она, дотрагиваясь до животика сына.

Барни положил ладонь на то место, что она указала, и малыш тут же вскрикнул:

— Папа, больно!

Барни мгновенно понял, что заподозрила Лора, — печень и селезенка были увеличены. Такое состояние в медицине называется пугающим словом «гепатоспленомегалия».

Ночной кошмар, не раз являвшийся им, стал явью.

Но это было не то, чего они боялись. Это не имело никакого отношения к умственному развитию. Это было нечто совершенно иное.

В шесть часов утра, проведя ночь в бесконечном самобичевании («Не надо было пускать его гулять в дождь!» — «Это я виноват, я слишком его кутаю на ночь»), Барни позвонил Адаму Перри, самому уважаемому педиатру Нью-Йорка.

— Привезите его на обследование. Посмотрим, что там не так, — предложил тот.

За двадцать четыре часа Гарри Ливингстон переместился из песочницы в больничную палату. Налицо были признаки патологии. Но какой? Сестры делали бесконечные анализы крови («Пожалуйста, не надо иголок, тетя!» — хныкал малыш), а если Лора оказывалась недовольна результатом очередного исследования, его немедленно повторяли.

— Это все для того, чтобы ты поправился, солнышко, — пыталась она успокоить мальчика.

— Мне здесь не нравится. Я хочу домой!

На что Барни, исполнявший роль безмолвного свидетеля, сказал:

— Домой мы все хотим.

Врачи установили, что из-за увеличенной селезенки у Гарри анемия и тромбоцитопения, то есть пониженное содержание тромбоцитов в крови. Возникла опасность разрыва селезенки.

Теперь в палату Гарри и обратно непрерывным потоком шли специалисты. Среди них были высокие, низкие, толстые и тонкие. Одно объединяло их — все выходили из палаты, пожимая плечами.

Лора и доктор Перри сломали голову над диагнозом. В конце концов Перри заявил:

— Послушайте, Лора, поскольку вы тоже врач, я могу быть с вами откровенен. Я не знаю, что с ним такое. И не знаю, как это лечить. Одно могу сказать: если это будет прогрессировать...

Барни, как мог, старался не запускать своих самых тяжелых больных, но каждую свободную минуту проводил либо у Гарри, либо в медицинской библиотеке, штудировав книжки по детским болезням.

Каждый день звонил Уоррен и спрашивал, могут ли они с Банни чем-то помочь.

— Да, — отвечал Барни. — Только не обижайся, Уоррен, — пожалуйста, оставь нас в покое, мы сами справимся. — И добавил: — И маме ничего не говори.

Они с Лорой ночевали в клинике. Но это был не сон — спать они были не в состоянии. Казалось, с каждым часом состояние их сына ухудшается. Если уснуть, горестно объявила Лора, это будет означать упустить какой-то час из жизни Гарри. Вернее, не какой-то, а *целый* час!

И они бодрствовали, изучая кипы бумаг и пытаясь найти что-то общее в отчетах разных специалистов, осматривавших Гарри.

— Должен быть какой-то ключ! — твердил Барни. — Какой-то общий знаменатель.

Лора с отчаянием во взоре повернулась к нему и сказала:

— Барни, надо смотреть правде в глаза. Даже если мы узнаем диагноз, это может оказаться слишком поздно.

— Нет, Кастельяно, нет! — с тихой злостью ответил он. — Иди и постарайся уснуть. А я сяду за больничный компьютер и попробую выудить что-нибудь из Национальной медицинской библиотеки. Думаю, что в такой час никто не рвется за клавиатуру.

Он вышел, а Лора погрузилась в тревожный полусон, который не приносил ни облегчения, ни отдыха.

Следующее, что она помнила, был небритый Барни, склонившийся над ее постелью. В руках он держал компьютерную распечатку.

— Я знаю, что с ним, — мрачно объявил он.

— Точно?

Он кивнул:

— Да здравствует кибернетика. Теперь я точно знаю, от чего умрет наш сын.

Она села, потянулась к очкам и взяла у него листок.

— Не трудись, Лора, я тебе все сам скажу. Это называется «синдром Рива — Страсбургера».

— Никогда не слышала.

— Впервые он был открыт в конце девятнадцатого века какими-то лондонскими врачами. Это нарушение липидного обмена, которое ведет к поражению миелиновой оболочки нервного волокна.

— Господи, Барн, я позвоню Перри домой...

— Лора, спешить некуда, — устало возразил он. — Никуда спешить не нужно.

— Это еще почему? Чем это лечится? Что тебе компьютер выдал?

— Вот, пожалуйста. Пересадка костного мозга, пересадка печени, противолейкемическая химиотерапия. Великолепный набор вариантов.

Он помолчал, чувствуя ком в горле, потом сказал:

— И ничто не поможет. Науке неизвестны случаи выживания таких детей.

При этих словах он выдернул у нее бумаги.

— Это еще что такое? — удивилась она.

— Нечего тут читать. Плохи дела. Затронуты все ключевые органы. Да уж, ничего не скажешь, повезло так повезло.

Лора в рыданиях упала ему на грудь.

* * *

Адам Перри прибыл около семи, изучил добытую Барни информацию и, переварив, насколько можно, отчеты разных специалистов, сделал заключение: у Гарри действительно СРС.

— Хотя, — признался он, — должен сказать, что не знаю, каков будет прогноз.

Лора тихо ответила за него:

— Я вам подскажу: Гарри осталось жить несколько недель.

— Нет, черт возьми! — воскликнул Барни. — Мы должны найти выход. Мы должны перебрать всех врачей, всех народных целителей — мне все равно, кто это будет. Пока Гарри дышит, мы будем бороться. Я еду в офис и сделаю несколько звонков. А ты, Лора, позвони тому парню, у которого работала в детской больнице.

Не дожидаясь ответа, он вышел.

Лора вернулась в отведенную им комнатку и стала звонить. Сначала профессору педиатрии из Гарварда.

— СРС? — изумился он.

— Да, профессор, — тихо ответила Лора.

— Господи, я за всю жизнь не встречал ни одного случая! Слушайте, можно, я приеду в Нью-Йорк и...

— Конечно.

— А можно, я привезу с собой кого-нибудь из своих ординаторов? Для них это будет единственная возможность увидеть это заболевание своими глазами.

Лора бросила трубку. И позвонила Дейну Оливеру из Национального института здравоохранения. Она попросила его проверить все показатели. Здесь ее ждало не только утешение, но и некоторое разъяснение.

— Лора, есть способ найти лечение, во всяком случае — теоретический.

«Мне не теория нужна, Дейн», — мучительно подумала она, но заставила себя дослушать.

— Образование аномального миелина вызвано отсутствием одного-единственного фермента.

— Я знаю, знаю, — нетерпеливо перебила она. — Арил-сульфатазы Б.

— Следовательно, задача ясна. Нужно восстановить в организме этот фермент. Насколько мне представляется, есть три способа это сделать.

— Какие? — выдохнула она.

— Первый — пересадить гистосовместимые фибробласты кожи. Но это потребует времени, ведь придется искать донора.

— А известны случаи, когда это помогало?

— Этого еще никто не применял.

«Так, — подумала Лора, — это можно забыть. У нас нет времени искать донора, да и экспериментировать лучше не стоит».

— А два других варианта?

— Можно попробовать методику, какую применяют для лечения у детей остеосаркомы.

— То есть сначала яд, а потом противоядие? Чтобы убить злокачественные клетки? Это слишком рискованно. А третье что?

— Ну, — вдруг замялся ее бывший босс, — у нас в институте есть ребята, которые работают над лабораторной моделью этого фермента.

— И как далеко они продвинулись, Дейн?

— Процесс идет. Результата ожидаем года через два-три. Лора, что еще я могу тебе сказать?

— Дейн, у тебя зафиксировано все, что происходит в каждой медицинской лаборатории нашей страны. Кто-нибудь подступался к этой болезни?

— Вообще-то в Калифорнии есть несколько исследовательских групп, которые пытаются в лабораторных условиях создать все виды ферментов. Главным образом это частные фирмы. На самом деле есть один человек, который, кажется, преуспел в этом больше всех других. Но он очень своеобразный, и я не уверен, что тебе удастся с ним переговорить.

— Дейн, ты мне только имя назови, а там уж я сама. Пожалуйста! — взмолилась Лора и подумала: «Если у этого парня есть лекарство, я на коленях к нему поползу до самой Калифорнии».

— Он работает на одну очень влиятельную небольшую компанию под названием «Необиотика». Он гениальный ученый, но сумел основательно запятнать себе репутацию. Его зовут Питер Уайман.

— Я его знаю! — поспешила оборвать его Лора. — Дай мне его телефон, а дальше я сама справлюсь. Еще раз — как фирма называется?

— «Необиотика». Это в Пало-Альто.

— Спасибо, Дейн. Ты мне очень помог.

Он продиктовал ей номер. Потом извиняющимся тоном (Лора на расстоянии чувствовала, как он огорчен собственной беспомощностью) сказал:

— Лора, мне жаль, что я так мало могу для тебя сделать. И мне очень жаль, что у тебя такое несчастье.

— Спасибо, — едва слышно ответила она и выронила трубку.

В следующий миг она взяла себя в руки и набрала калифорнийский номер.

Однако секретарша оказалась непреклонна:

— Мне очень жаль, но у доктора Уаймана твердое правило, чтобы его не беспокоили, когда он в лаборатории.

— Скажите, что звонит Лора Кастельяно. Вопрос жизни и смерти.

Прошло какое-то время, прежде чем в трубке раздался игривый голос:

— Так-так... Как поживает наша гарвардская Мэрилин Монро?

Лора была не расположена тратить драгоценные минуты на любезности.

— Питер, мне надо с тобой увидеться. И как можно скорее!

— Звучит весьма лестно, — рассмеялся он. — Но я женатый человек. Тебе бы раньше о своих чувствах сказать!

— Пожалуйста, взмолилась Лора. — Мы вылетаем ближайшим рейсом на Сан-Франциско.

— А кто это — «мы»?

— Мой муж Барни, я и наш сын. Питер, он очень болен. Мы должны немедленно быть у тебя.

— Лора, при чем тут я? Я ведь ученый, а не практик! Я лечением не занимаюсь.

— Это особый случай.

Он устало вздохнул.

— Ну ладно, — проворчал он. — Думаю, самое удобное время — попозже вечером. Персонал успеет разойтись. Как раз в это время меня посещают самые блистательные идеи. Приезжайте завтра после десяти, идет?

— А сегодня?

— А это так срочно?

— Питер, да! Соглашайся, тогда мы успеем на дневной рейс.

— Что ж, — заважничал он, — меня начинает разбирать любопытство. В любом случае, Лора, я буду рад тебя снова видеть.

— Спасибо тебе, Питер. Мы...

— Не могу того же сказать о твоём муже, но если он идет в нагрузку...

— До свидания, Питер, нам надо успеть на самолет.

Пока Лора собирала все необходимое Гарри в дорогу, Барни позволил в аэропорт. Через три часа они уже летели в Сан-Франциско.

Куда летят, они сказали одному Адаму Перри.

— А вы понимаете, — сочувственно предостерег он, — что можете вернуться без ответов на свои вопросы?

— Мы все понимаем, ответил Барни.

От лекарств Гарри был в полусонном состоянии, и Лора с Варни поочередно держали его на руках. Не потому, что у него не было своего места, а потому, что это было ему необходимо. И им.

И если случится самое страшное, у них, по крайней мере, останутся воспоминания на кончиках пальцев. Ощущение маленького теплого тела на груди, прижимаемого с такой силой, что Барни порой начинал бояться, как бы его не раздавить.

Это был первобытный инстинкт. Барни хотел защитить своего сына от всех бед. Он без конца успокаивал его, а заодно и себя с Лорой.

— Мама с напой ни за что не дадут тебе умереть. Ни за что. Ни за что. Гарри, мы с тобой. Мы здесь.

Тем временем у Лоры и голове крутилась одна и та же мысль: «Гарри, вот если бы тебя можно было вернуть ко мне в живот! Я бы тогда тебя защитила».

— Какой чудесный мальчик! — пропела стюардесса. — И так хорошо себя ведет! Он в первый раз летит?

Лора кивнула:

— Да. И подумала: «А может, и в последний».

В аэропорту они взяли напрокат машину и немедленно отправились в университетскую гостиницу близ Стенфордского студгородка в Пало-Альто.

Барни с Лорой измучились от долгой дороги, разницы во времени, а более всего — от неспадающего напряжения и с трудом дотерпели до назначенного Уайманом часа.

Все время они обсуждали, какую избрать тактику. Пойти ли Лоре одной? Или с Гарри? Или пойти всем троим? Что, если Питеру неприятно будет появление своих однокашников, которые некогда так откровенно его третировали? Или, наоборот, он проявит сострадание к убитым горем родителям, единственному чаду которых осталось жить несколько дней, а то и часов?

Наконец Барни принял решение:

— Лора, мы едем все вместе. Я хочу, чтобы этот мерзавец посмотрел мне в глаза. И тебе. И Гарри. Посмотрим, осталось ли в нем что-то человеческое.

Они подъехали к поразительно скромному кирпичному зданию, на котором красовалась освещенная табличка: «Корпорация „Необиотика“».

Однако едва Барни подрулил к воротам, как понял, что контора серьезная. Двое вооруженных охранников немедленно подскочили к ним и попросили выйти из машины для досмотра. Лору даже заставили развернуть одеяло, в которое был закутан Гарри.

Миновав застекленные двери, у которых стояли еще два охранника, они прошли к стойке приемной. Там сидел еще один человек в форме.

Они назвали себя и стали ждать.

— Ну, здравствуйте, старые друзья, — с сарказмом произнес вышедший Питер. — Далек же вы укатили от цивилизации! Так что привело гору к Магомету?

Лора тихо сказала:

— Питер, это наш сын Гарри.

— А-а, — ответил их бывший однокашник.

Момент был неловкий, и Барни смущенно спросил:

— А мы не могли бы пройти к тебе и поговорить?

Питер взглянул на часы:

— Надеюсь, это не займет много времени?

Барни поднял малыша на руки и встал.

— Не волнуйся, Питер. Мы ценим твое драгоценное время.

Им показалось, что Питер хотел похвалиться своим кабинетом: огромным столом, суперсовременной техникой, многочисленными наградами, развешанными по стенам. Он хотел продемонстрировать им, что, хотя в близоруких глазах гарвардцев он и был изгоем, на самом деле он гигант.

— Итак? — начал он, усевшись в массивное кожаное кресло. — В чем проблема?

За время полета Барни миллион раз проговорил в уме свою речь. Сейчас же он быстро выпалил основные факты. Единственное, что может спасти Гарри, — это вливание очищенного фермента.

— Согласен, — впервые оживился Питер. — Это, скорее всего, поможет. Но, как вам обоим хорошо известно, Комитет по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными препаратами ставит строгие рамки для применения новых лекарств в целях лечения людей. А моя синтетическая АСБ только проходит второй этап испытаний. Так что, если я вам ее дам, это будет совершенно противозаконно. — И добавил: — А кроме того, есть риск, что она может его убить.

При этих словах Лора не выдержала:

— Питер, пожалуйста, не дай ему умереть! Давай хотя бы попробуем!

Барни встал и гневно произнес:

— Послушай, Уайман, ты же вместе с нами давал клятву Гиппократу. Забудь о комиссии. Посмотри на моего сына: он умирает! Ты хочешь, чтобы мы вышли отсюда и положили его в гроб?

Питер, немного опешив от прямоты Барни, нервно взглянул на часы.

Ливингстоны не двигались с места. Барни снова заговорил:

— Питер, ты понял, что я тебе сейчас сказал?

— Я уже давно не практикую. И тем более я не педиатр. Но ваш мальчик, кажется, действительно очень болен. Почему вы не отвезете его в детскую больницу? Там ему хотя бы капельницу поставят.

— И что потом? — спросил Барни.

— А завтра в десять вечера я вам позвоню.

— Только в десять вечера? — ахнула Лора.

— Мне нужно время, чтобы все обдумать, — сухо ответил Уайман. — Это очень серьезный вопрос. Оставьте у моих секретарей ваши координаты.

На деревянных ногах они вышли из кабинета, преодолели череду длинных коридоров и стеклянные двери, миновали охранников и дошли до машины. В полном молчании.

Гарри спал у отца на плече. Барни чувствовал рядом с лицом горячую детскую щечку. «У него температура», — подумал он.

— И что ты об этом думаешь, Кастельяно?

От волнения голос у него сел.

— Думаю, что в одном он прав. Гарри надо отвезти в больницу. Так будет надежнее.

В детской больнице Сан-Франциско они наконец встретили людей, готовых пренебречь формальностями, чтобы как можно скорее уложить Гарри в постель и поставить ему капельницу.

Не в силах куда-нибудь еще ехать, Барни с Лорой легли тут же в палате, прямо на полу, на матрасах. Проснулись они ни свет ни заря. Организм еще не приспособился к разнице в поясном времени и продолжал жить по своим часам. Убедившись, что состояние мальчика стабильно, они отправились на поиски буфета в надежде выпить кофе. Не успели они дойти до лифта, как их окликнула медсестра с поста:

— Доктор Ливингстон, вам звонят.

Оба бегом бросились к телефону.

— Это доктор Голдштейн, заведующая педиатрическим отделением. Она говорит, она вас обоих знает, — пояснила сестра.

— Голдштейн? — переспросила Лора. Она была в таком же изумлении, как и Барни — Тебе это что-нибудь говорит?

Барни пожал плечами и взял трубку.

— У аппарата доктор Ливингстон.

— Добро пожаловать в Сан-Франциско.

Он узнал этот певучий голос.

Сюзан Сян!

— Сюзан! Это ты — доктор Голдштейн?

— Я замужем за доктором Майком Голдштейном, — объяснила она. — Я увидела вашу фамилию в списке поступивших этой ночью и

только хотела узнать, не нужна ли моя помощь.

— Ты очень добра, — ответил Барни. — Но боюсь, в нашем случае ты ничего не сможешь сделать, если только прошлой ночью ты не открыла лекарство от СРС. Но если ты не занята, мы с удовольствием выпьем с тобой по чашке кофе у вас в буфете.

— Я сейчас посмотрю вашего мальчика и тотчас же спущусь.

Барни и Лора ковыряли свою яичницу, когда в пустом буфете появилась Сюзан.

— Чудесный малыш, — сказала она с улыбкой. И тут же посерьезнела. — Но он очень болен. Что вас привело в такую даль?

— Это долгая история, — вздохнул Барни.

Однако он уже научился излагать суть дела с использованием минимального количества слов.

— Но Уайман должен вам помочь! — воскликнула Сюзан — Должно же в нем быть хоть что-то человеческое!

— Не поручусь, — заметила Лора. — Он больше похож на истукана.

— Так когда он вам сообщит?

— Сегодня в десять вечера.

— А зачем ему столько времени?

— Не знаю, — ответил Барни. — Функционирование его мозга для меня полная загадка.

— Почему бы вам до этого времени не съездить к моим родителям? Вас угостят настоящим кантонским ужином, а кроме того, я бы хотела, чтобы вы поговорили с моим отцом.

Они не знали, что ответить. С одной стороны, им хотелось побыть с Гарри. С другой — оба понимали, что отвлечься каким-то образом от ледящего, неотступного страха им сейчас не повредит.

— Давайте я вам запишу адрес. Отсюда очень легко ехать. К сожалению, Майк сейчас на конгрессе нефрологов в Техасе. Во всяком случае, если надумаете, к шести часам мы всегда в сборе.

Они попрощались, и Сюзан побежала на обход. День они провели у постели ребенка. Единственной темой для разговора было время.

— Который час?

— Ты спрашивала две минуты назад.

К вечеру они собрали мальчика, который весь день проспал, и попросили его выписать. Они решили, если Уайман ответит отказом, провести с Гарри его последние часы вне больничных стен.

Около шести часов они поднялись в горку от Юнион-сквер и прошли через узорчатые, зеленые с белым ворота, декорированные в стиле китайской пагоды. Обрамляющие их драконы как будто говорили: «Оставьте здесь свои новомодные западные представления и входите в древний, мудрый мир Востока».

По обеим сторонам главной дороги выстроились сувенирные лавки для туристов, где можно было купить «Китай в миниатюре» и привезти домой, в какую-нибудь Северную Дакоту, на память. Вправо и влево уходили небольшие улочки, оформленные так, чтобы живущие здесь китайцы чувствовали себя как дома. Вдоль тротуаров стояли фонари в китайском стиле, на перекрестках на таких фонарях были написаны названия расходящихся во все стороны переулков. На китайском и английском языках.

— Смотри, смотри, Гарри! — с нездоровым оживлением висельника шептал Барни. — Здорово, правда? Представляешь, что чувствовал Марко Поло, когда впервые увидел такое?

Лора промолчала. Она снисходительно слушала Барни, который, конечно, и сам понимал, что все его рассказы до ослабевшего мальчика вряд ли доходят. Несмотря ни на что, Барни старался втиснуть в него как можно больше информации, чтобы Гарри успел побольше узнать в отпущенное ему время. И тем самым компенсировать непрожитое.

Родители Сюзан жили на первом этаже дома на Джексон-стрит. В окне стояла табличка по-китайски, которая, как они рассудили, извещала, что здесь принимает специалист по традиционной китайской медицине, на две тысячи лет уходящей корнями в глубь веков, если считать от Гиппократов. Доктор Сян, его жена, Сюзан и ее незамужняя младшая сестра, все — в цветастых шелковых костюмах, сидели за низким столиком и пили чай.

При появлении гостей старик встал и что-то сказал на кантонском диалекте.

Сюзан перевела:

— Отец приветствует вас в нашем доме и говорит, что разделяет ваше горе в связи с болезнью мальчика. Он спрашивает, не позволите ли вы ему обследовать Гарри?

Барни с Лорой переглянулись.

«Хуже-то не будет, — подумала Лора. — В конце концов, он настоящий врач. Только не такой, как мы».

Барни кивнул старику и сказал:

— Большое спасибо.

Доктор Сян провел их в другую комнату, от пола до потолка уставленную коробками с лекарственными травами, обозначенными иероглифами. Они положили пылающего мальчика на стол для обследования и с двух сторон держали его за ладошки, пока доктор не спеша и тщательно прощупывал разные точки на руке у Гарри.

Только руку?

— Он измеряет пульс в двенадцати точках, — пояснила Сюзан. — Это наш традиционный метод диагностики.

Затем доктор Сян открыл Гарри рот и с помощью увеличительного стекла обследовал его язык. Он что-то быстро сказал Сюзан по-китайски.

— Отец говорит, он может приготовить мальчику лекарство. Еще он просит вашего разрешения на проведение ему сеанса акупунктуры.

— Это больно? — спросил Барни.

— Нет, — покачала головой Сюзан. — Папа это не больно делает.

Барни с Лорой вновь молча обменялись взглядами. И согласились. Глазами они сказали друг другу: «Мы должны испробовать все».

Процедура заняла около получаса. Доктор Сян ставил малышу иголки в основном вокруг ушка. Потом он извинился и пошел готовить лекарство.

— Гарри может пить? — спросила Сюзан.

— Да, — ответила Лора. — Слава богу, да.

Когда наконец дошло до ужина, Гарри уже не спал. Округлившимися глазами он смотрел на яркие одеяния хозяев дома, которые воспринимал как маскарадные костюмы. Показывая пальчиком на парчовый наряд миссис Сян, он сказал:

— Мама, смотри, птички!

Миссис Сян улыбнулась в ответ. Тогда Гарри повернулся к Лоре и спросил:

— А почему все в пижамах?

На что Барни сказал:

— Это потому, что здесь рано ложатся спать. А тебе сегодня, наоборот, придется лечь попозже.

К великой радости Лоры, малыш теперь пил охотнее. Он не только проглотил приготовленное мистером Сяном лекарство, хотя, судя по его выражению, оно было очень горькое, но даже выпил немного бульона.

Когда настала пора прощаться, доктор вручил им небольшой пузырек своего снадобья, чтобы дать мальчику еще два раза вечером и один раз утром.

В половине десятого они прибыли в мотель, где их ждала записка: «Доктор Уайман ждет вас сегодня в десять часов».

Разумеется, они приехали пораньше, поскольку восприняли сообщение как согласие Питера.

И не ошиблись. Хотя, даже проявляя великодушие, Уайман оставался Уайманом.

— Так. Не надо только никаких благодарностей и слез. Тем более что мы не знаем наверняка, каков будет эффект. Если хотите знать, я решил пойти на это лишь потому, что уверен: вы не станете болтать.

Он протянул им плотный конверт. Барни нащупал несколько ампул.

— Попробуйте начать с одного кубика. Если нормально перенесет, через два часа удвойте дозу. Затем еще два дня по три раза в день. Я положил вам комплект одноразовых шприцов. За счет фирмы.

Лора кивнула.

— Я буду вам признателен, если вы станете его колоть где-нибудь в другом месте. И не забудьте сообщить мне результат — это очень важно для моего исследования.

Как такому бесчувственному мерзавцу сказать спасибо? Уайман решил за них эту проблему: он посмотрел на часы и объявил:

— Мне пора.

Но не двинулся с места. Было видно, что он еще что-то хочет сказать.

Наконец Питер кашлянул и выдавил:

— Представляю себе, что бы я чувствовал, если бы речь шла о моем ребенке. То есть...

Не найдя слов, он подошел к Гарри и потрепал его по щечке. И, не давая никому опомниться, вышел.

В мотель они мчались на безумной скорости. Вбежали в номер, бережно уложили Гарри на кровать и задернули шторы.

Потом беспомощно переглянулись.

— Хочешь, чтобы это сделал я? — тихо спросил Барни.

— Могу и я, — с каменным лицом ответила Лора.

Тут Барни признался:

— Пожалуйста, Кастельяно. Я не умею обращаться со шприцем.

И тем более не могу колоть своего сына.

Лора ввела иглу мальчику в ляжку. Тот вскрикнул. Потом вдруг затих.

Они окаменели. Неужели они его убили?

Как изваяния, они стояли по обе стороны от кровати и неотрывно смотрели на своего ребенка.

Прошла, казалось, целая вечность, а на самом деле несколько секунд. Лора нагнулась и пощупала Гарри запястье.

— Барн, пульс есть. Стабильный.

— Думаешь, он вырубился от укола?

Она помотала головой:

— У нас было двое ужасных суток. Представь себе, насколько он измучился.

Она взяла малыша на руки и крепко прижала к себе.

Барни пощупал сыну лоб.

— Все та же пустыня Сахара, — констатировал он. — Сколько прошло времени после укола?

— Минуты четыре-пять. Барн, не дергайся. Даже если это и чудодейственное средство...

На последних словах она осеклась. «Если Бог есть, — подумала она, — Он не жалуется на мою милость».

— Лора, — нежно произнес Барни, — приляг. Или хотя бы сядь.

— Не могу. Я слишком нервничаю.

Она бережно опустила Гарри на кровать.

— Может быть, заказать что-нибудь в номер? — предложил Барни.

— Я не голодна. А ты?

— Тоже нет. Но еда помогает скоротать время. Тоже ведь какое-то занятие...

— В коридоре есть автоматы. Пойди и возьми что-нибудь.

— А что ты хочешь? — оживился он.

— Ничего. Мне все равно. Лишь бы невкусно было.

Он понял: она отказывалась от всех земных удовольствий, даже от сладости шоколада, чтобы полнотой своей жертвы смягчить гнев Небес. Он вышел.

Длинный коридор был застлан серым ковровином и напоминал беговую дорожку. Пробегая по нему, Барни несколько успокоился, но мысли крутились вокруг одного и того же.

«Гарри, Гарри, как я мечтал, как мы с тобой вдвоем будем выходить на пробежку в парк и осенняя листва будет хрустеть у нас под ногами... Как я расскажу тебе о всех глупых ошибках, которые я совершал в своей жизни, чтобы ты мог учиться на них. Чему я могу тебя теперь научить? Сейчас единственное, о чем я мечтаю, — чтобы ты продолжал дышать. А этому я тебя научить не могу. И сделать это за тебя тоже не могу».

Он медленно побрел назад с двумя бумажными стаканчиками в руках.

Лора теперь сидела и неотрывно смотрела в лицо сына, боясь даже моргать, чтобы не пропустить малейшей перемены в его состоянии.

— Он так и не двинулся, — сказала она, как автомат.

— Может, просто уснул глубоко. Глаза под веками ходят? Не заметила?

— Нет.

Иными словами, малыш спал, но снов не видел.

Лора поставила кока-колу на тумбочку и взяла пососать кубик льда. Она по-прежнему не отрывала взора от Гарри. Может, ее любовь поможет ему излечиться?

— Мы можем разговаривать? — неуверенно спросил Барни.

Лора кивнула:

— О чем?

— Да о чем угодно. Например, стоит ли отдавать его в государственную школу или в частную? Или давай поговорим о тебе.

— А есть что-то такое, что тебе обо мне неизвестно? — устало улыбнулась она.

— Ну, давай фантазировать, как сложилась бы твоя жизнь, если бы твои родители не приехали жить в Бруклин.

Она посмотрела на него. Говорить было не нужно. Вместо слов говорили глаза. «Без тебя мне незачем было бы жить».

Он чувствовал то же самое.

Но оба сейчас мучились вопросом, как они смогут жить дальше, если потеряют Гарри.

Нет, черт побери! Рано еще об этом гадать. Нечего даже думать!

— Можно, я его немножко подержу?

Кое-как прошли полчаса. Барни пощупал малышу лоб. Потом посмотрел на жену и с надеждой в голосе сказал:

— Кастельяно, мне кажется, жар у него спал.

Лора потрогала ребенка, посмотрела на мужа и подумала: «Желаемое за действительное». Вслух она сказала:

— Может быть.

«Пускай себе тешится, — подумала она. — Может, ему так легче».

Ребенок спал, а они в нетерпении следили за стрелкой часов. Сто двадцать минут — это очень долго. А сделать второй укол раньше этого времени они не имели права.

От укола Гарри очнулся, и Лора решила воспользоваться моментом и дать ему немного попить. Но под рукой оказалась только кока-кола да китайская настойка. Она открыла флакон.

Полусонный и горячий, Гарри тем не менее имел свой взгляд на вещи. Когда мать поднесла к его губам лекарство, он затряс головой и объявил:

— Хочу яблочного сока.

— Я тебе вот что скажу, малыш, — принялась уговаривать Лора, — ты сейчас выпей немножко лекарства, а завтра я тебе дам твой яблочный сок.

Тут жажда взяла свое, и Гарри, поморщившись, выпил.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Барни.

— Папа, я спать хочу, — ответил мальчик.

— Хорошо! — Барни изобразил восторг. — Вот и ложись. Сон тебе на пользу.

Лора положила его в кровать, и оба опять заняли вахту по обе стороны от сына.

Теперь их одолел такой страх, что они не могли даже говорить. Барни включил радио, нашел местную волну и стал вполуха слушать дебаты на тему ресторанов, где можно появляться «топлесс». Пятнадцать минут прошло в молчании. Потом Барни пробормотал:

— Кастельяно, ты можешь себе это представить? Двое дипломированных врачей сидят в мотеле в какой-то дыре и ждут, когда их умирающего ребенка спасет шарлатанское снадобье, приготовленное самовлюбленным мерзавцем. Думаешь, мы в своем уме?

Лора помотала головой.

— Не знаю, — призналась она. — Не могу тебе сказать. — И после паузы добавила, глядя Барни в глаза: — Но если Гарри умрет, я не стану дальше жить.

— Лора...

— Барни, я серьезно говорю. И ты меня не остановишь!

Он больше не стал возражать, потому что и сам не знал, как будет жить... без сына.

Они прислушивались к дыханию ребенка, а фоном шла дискуссия из так называемого «Храма Эроса». Нет, так не пойдет! Положение слишком серьезное. Барни встал и выключил приемник.

Он посмотрел на мальчика и снова потрогал лоб.

На этот раз сомнений быть не могло.

— Кастельяно, Богом клянусь, жар прошел! Иди сама проверь.

Но Лоре не нужно было ничего проверять: она по лицу мальчика видела, что Барни прав. Она быстро ощупала Гарри животик.

— О господи! — выдохнула она. — Селезенка...

— Что? — вскричал Барни в ужасе.

— Меньше стала. Барн, она уже стала меньше! Кажется, эта штука действует!

Всю ночь они не смыкали глаз. Теперь они следили не за тем, как их сын умирает, а как возвращается к жизни.

В половине восьмого утра Лора неожиданно сказала:

— Я иду в церковь.

Барни был ошеломлен. Но все понял.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь.

Лора сформулировала до конца:

— Барн, мне нужно кого-то отблагодарить. А сегодня мне кажется, что в кои-то веки Господь меня слышит.

— Правильно. Давайте все вместе пойдем.

Они посмотрели на сына. Тот сидел в кровати.

— Мама, я хочу домой! — захныкал он. — Мишка без меня скучает!

Университетская церковь была в каких-то десяти минутах ходьбы. Идти надо было по зеленой аллее. В столь ранний час в огромном, похожем на кафедральный собор здании (назначение которого было гораздо скромней его внешнего вида) царила такая гулкая тишина, что они слышали, как бьются их сердца.

Впервые за свою взрослую жизнь Лора преклонила колени для молитвы. Но не знала, как начать. Она опустила голову в надежде, что Господь услышит ее мысли.

Барни стоял, держа сына на руках, и смотрел на него. На личике ребенка играли проникающие сквозь стрельчатые окна мягкие лучи утреннего солнца, отчего оно светилось каким-то волшебным светом.

Сейчас он мог спокойно думать о том, Через какой ужас они втроем только что прошли. Или это был не ужас, а чудо?

«Так что же подействовало? — спрашивал он себя. — Фермент Уаймана? Китайская настойка? Участие врача? Или родительская любовь?»

Большую часть жизни он провел в постижении врачебного искусства и теперь понял, что ему никогда не проникнуть в тайну исцеления.

Ибо медицина — это неустанный поиск причин. Которые объясняют следствия.

Наука не в состоянии постичь чудо.

Лора встала.

— Дай мне его теперь подержать, — шепотом попросила она.

Барни передал ребенка матери. Потом обнял обоих. И они втроем
вышли на утреннее солнце.

Об авторе

Эрик Сигал (р. 1937 г.) прославился еще во время учебы в Гарварде, написав сценарий культового мультфильма «Желтая подводная лодка» великих *The Beatles*. Чуть позже он написал свой первый роман, «История любви», но издательства много лет презрительно отвергали рукопись. А когда в 1970 году книга все-таки вышла, то сразу же стала бестселлером: было продано более двадцати миллионов экземпляров! В том же году по книге был снят одноименный фильм с Эли Макгроу и Райаном О’Нилом в главных ролях, получивший больше десяти престижнейших кинопремий, в том числе «Оскара» за лучшую музыку и пять (!) «Золотых глобусов».

С тех пор Эрик Сигал написал множество успешных романов и сценариев, а также немало научных статей — ведь ему каким-то образом удается совмещать творчество с преподаванием античной литературы.

© 1988 by Erich Segal

© С. Володина, перевод с английского, 2008

© Оформление. ООО «ИД „Домино“», 2008

© Издание на русском языке. ООО «Издательство „Эксмо“», 2008

Примечания

1

Папочки (исп.)

2

Детка (*исп.*).

3

Успокойтесь (*исп.*).

4

Хорошо, ладно (*исп.*).

5

хорошо, ладно (исп.)

6

Не стоит (исп.)

7

подруга (исп.)

8

Военный невроз (*исп.*).

9

Малышек (*исп.*).

10

детишек (исп.)

11

Прощай, детка (исп.)

12

Франсиско Франко хочет править нами (исп.)

13

Если хочешь быть счастливым, никогда не будь праздным (*исп.*).

Торо Генри Дейвид (1817–1862) — американский писатель и мыслитель. Рассматривал жизнь в мире природы как возможность спасения личности от уродств современной цивилизации.

15

Черт! (исп.)

16

Спокойно, спокойно, сынок (исп.)

Гарвардская школа медицины — медицинский факультет Гарвардского университета, но принимаются туда лишь лица, уже имеющие степень бакалавра.

18

Fascinating.

19

Горячо, ты обожжешься! (исп.)

Знаменитый бейсболист команды «Доджерс», первый чернокожий игрок в истории американского бейсбола.

21

Спасибо, я выпью позже, за ужином (нем.)

Американцы! Это американцы! Мы спасены! *(нем.)*

23

Дорогая (исп.)

Да здравствует кубинский народ! (исп.)

Название LASER является аббревиатурой английского определения этого эффекта: light amplification by simulated emission of radiation.

26

Доброй ночи (исп.)

Настоящий мужчина (исп.)

Да благословит тебя всемогущий Господь Бог, Отец, Сын и Святой
Дух *(лат.)*.

Психологический термин. Перенос качеств одной, наиболее важной для пациента личности на другую личность, с которой он в данный момент общается.

Американская писательница, стоявшая у истоков литературы о спортсменах и спортивной жизни.

31

Miraculous по-английски — чудесный.

«Жизнь» (англ.).

Имеется в виду практика оформления развода за рубежом, чаще всего в Мексике, где эта процедура максимально упрощена и может производиться в отсутствие и даже без согласия одной из сторон.

Джонни Карсон — известный телевизионный юморист.

Мадам может ответить (франц.)

Table of Contents

Эрик Сигал Исцеляющая любовь

Пролог

I Пора невинности

1

2

3

4

5

6

7

II Учеба

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

III Дипломированные врачи

26

27

28

29

[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)

[Об авторе](#)

[Примечания](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)

9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36

